

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА А.Н. ТИХОНОВА**

2-4 ноября 2021 г.

Часть 1.

Елец – 2021

УДК 81
ББК 81
А 43

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
от 28.01.2021 г., протокол №1*

**Издание осуществляется при поддержке Министерства просвещения РФ
в рамках реализации ведомственной целевой программы
«Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому
языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы
«Совершенствование управление системой образования» государственной
программы «Развитие образования**

Редакционная коллегия:

Г.Н. Абреимова (ответственный редактор), Т.Г. Бирюкова, Н.А. Бородина,
В.А. Бурцев, М.С. Гладышева, М.А. Морозова, О.А. Селеменова, В.А. Телкова,
У.И. Турко, О.В. Шаталова

Рецензенты:

Попова Е.А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогиче-
ский университет»;

Попова Г.Н., кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной
работе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

А 43 Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения: ма-
териалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня
рождения профессора А.Н.Тихонова. 2-4 ноября 2021 г. Часть 1. – Елец:
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2021. –
516 с.

ISBN 978-5-00151-263-9 (часть 1)

ISBN 978-5-00151-262-2

Сборник содержит материалы Международной научной конференции, посвя-
щенной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федера-
ции и Республики Узбекистан, лауреата премии Правительства РФ в области обра-
зования. В первой части представлены краткие биографические данные А.Н. Тихоно-
ва, а также материалы секционных заседаний «Теоретические и практические аспекты
развития современной лексикографии», «Диахронический и синхронический аспекты
морфемики и словообразования», «Актуальные проблемы лексикологии», «Концеп-
туальные проблемы лингвистики: грамматика и текстология», «Национально-
культурная специфика языка в свете когнитивистики».

Для научных работников, аспирантов, учителей. Материалы печатаются в ав-
торской редакции.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00151-263-9 (часть 1)
ISBN 978-5-00151-262-2

© ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина», 2021

1931 – 2003

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФ. А.Н. ТИХОНОВА

Тихонов Александр Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Узбекистан, лауреат премии Правительства РФ в области образования. А.Н. Тихонов – широко известный у нас в России, во всех странах ближнего зарубежья, а также во многих странах дальнего зарубежья учёный, автор более 400 научных работ в области русского, тюркского и общего языкознания.

А.Н. Тихонов родился 20 ноября 1931 года в посёлке Поташёвка Аургзинского района Башкирии, в семье колхозника.

С 1950 по 1955 г. учился в Самаркандском университете (Узбекистан), который окончил с отличием. После окончания университета работал преподавателем русского языка в сельской школе. Через год был приглашён на кафедру русского языкознания Самаркандского университета. В 1963 г. в Московском университете защитил кандидатскую диссертацию. В 1968 г. А.Н. Тихонов был назначен проректором Самаркандского пединститута, заведовал кафедрой русского и общего языкознания. В 1974 г. защитил докторскую диссертацию в Институте русского языка АН СССР. С 1976 г. – профессор. С 1976 по 1978 г. А.Н. Тихонов заведовал кафедрой русского языкознания Ташкентского университета. С 1978 г. работал в Институте русского языка РАН. С 1992 г. – главный научный сотрудник этого института, возглавлял группу составителей «Гнездового толкового словаря русского языка». С 1993 по 1997 г. А.Н. Тихонов являлся главным научным сотрудником Института языков народов России. С 1997 г. работал в Елецком государственном университете, где возглавлял лабораторию учебной лексикографии.

Диапазон научных интересов А.Н. Тихонова был очень широк. Он внёс существенный вклад в развитие русской морфологии, лексикологии, лексикографии, словообразования, фразеологии. Особенно велик его вклад в теорию и практику словообразования. А.Н. Тихонов разработал теорию словообразовательного гнезда, на базе которой создал фундаментальный двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка». Это первый в мировой практике гнездовой словообразовательный словарь, сыгравший исключительно важную роль в развитии и дальнейшем углублении знаний о словообразовательной системе русского языка.

А.Н. Тихонов – автор 7 монографий, а также 15 словарей нового типа, выполненных на материале русского, узбекского и чувашского языков, которые значительно обогатили лингвистическую науку.

А.Н. Тихонов активно внедрял современные научные достижения в школьный и вузовский учебный процесс. Им написаны 8 словарей для русских и национальных школ. Он автор 7 вузовских учебников по современному русскому языку (лексикология, морфемика и словообразование, фразеология и лексикография, морфология), изданных в Москве, Петербурге, Ташкенте, Вильнюсе, Велико-Тырново (Болгария), Будапеште (Венгрия). Методике пре-

подавания русского языка посвящены его книги «Изучение видов русского глагола в узбекской школе», «Изучение русских видов венграми».

А.Н. Тихонов постоянно поддерживал тесные творческие контакты со многими вузами. Он регулярно читал лекции по современному русскому языку и спецкурсы по словообразованию, семантике, лексике, лексикографии.

В ряде вузов А.Н. Тихонов возглавлял научные коллективы, работавшие над словарями русского языка и учебниками.

Владея, кроме русского языка, чувашским, татарским, башкирским, узбекским, таджикским языками, он продуктивно работал в области сопоставительного языкознания и языковых контактов, над проблемами двуязычия (написано более 50 работ).

А.Н. Тихонов был выдающимся организатором науки. По его инициативе и под его руководством было проведено 6 Всесоюзных научных конференций «Актуальные проблемы русского словообразования». Он – редактор 12 томов материалов этих конференций.

Огромен вклад А.Н. Тихонова в подготовку научных кадров. Под его руководством выполнено 85 кандидатских и 17 докторских диссертаций. Его ученики работают в 16 странах ближнего и дальнего зарубежья.

Научные школы, сформировавшиеся на концепциях проф. А.Н. Тихонова в области словообразования и лексикографии, внесли огромный вклад в лингвистику, в теорию и практику составления словарей.

А.Н. Тихонов скончался 16 марта 2003 г., но его жизненный и научный подвиг продолжает служить ориентиром и духовной поддержкой для тех, кому посчастливилось быть его учениками и коллегами. Выдающийся языковед А.Н. Тихонов своими трудами оставил глубокий след в отечественной лингвистике XX века.

А.Н. Тихонов мечтал создать Русское лексикографическое общество, которое объединило бы усилия всех составителей словарей России и, возможно, стран ближнего и дальнего зарубежья. А.Н. Тихонов не успел осуществить свою мечту, однако будем надеяться, что данная конференция станет хорошим началом для реализации его идеи.

Оргкомитет конференции

А.Н. ТИХОНОВ – НАШ УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК

А.Н. Тихонову оставалось совсем немного до самого высокого звания – академика, которое он уже давно заслуживал. Далеко не у каждого академика более 400 научных работ, которые опубликованы у Александра Николаевича. На мой взгляд, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова, где Тихонов проработал около 25 лет, а именно с 1978 года, после выхода в свет огромным тиражом «Школьного словообразовательного словаря», колоссальный труд его по созданию больших оригинальных словарей и учебных пособий не был оценён по заслугам.

Что стоит только его двухтомный, на 1742 страницах, «Словообразовательный словарь русского языка», созданный в одиночку, без соавторов (М.: Русский язык, 1985). Составленный на самом высоком научном уровне, отражающий достижения современной дериватологии, его «Словарь» внёс огромный вклад в развитие русистики. Это первый гнездовой словообразовательный словарь, в котором нашла отражение структурная и традиционная деривация. В нём представлена словообразовательная структура 145808 слов.

Трудно представить сейчас, в период информационных технологий, когда всё набирается в компьютерном варианте, что такие огромные тома словарей в 60-х – 80-х годах XX века набирались на обычной печатной машинке. А прежде чем печатать на машинке, чтобы не перепечатывать многократно, авторы всё сначала писали от руки. Сколько же времени надо было потратить на составление одного словообразовательного гнезда?!. Из всех словарей современного русского языка Александром Николаевичем были выписаны на отдельные карточки все слова, которые предстояло распределить по словообразовательным гнездам. В «Словаре» представлено 12621 гнездо.

Словообразовательное гнездо представляет собой сложное структурное образование, которое часто вмещает в себя сотни производных. Например, гнезда с исходными словами *бить, ходить, вести, нести, два, половина*, включают 400-500 и более образований. И все эти сотни слов в гнездах надо было расположить в порядке последовательной или параллельной производности, а для этого надо было обладать обширными знаниями по словообразованию, большим опытом работы со словарями и уникальным языковым чутьём. Родственные слова начинаются на разные буквы: *бить, забить, набить, отбить, пробить, разбить, сбить, убить* и др. Каждое слово надо было отыскать среди сотен или тысяч, начинающихся на одну букву, и поместить в своё гнездо.

Те, кто работал со словарями, понимают, что этот колоссальный труд можно было осуществить за многие годы. Александр Николаевич начал работу по созданию «Словообразовательного словаря» ещё в 60-е годы. Но, когда была создана почти вся картотека, он решил издать сначала «Школьный словообразовательный словарь», потому что как учитель он понимал, что такой словарь нужен учителям русского языка. Из огромной картотеки Александр Николаевич начал выборку наиболее употребительных в речи исходных слов и более употребительных, образованных от них. Словообразовательные гнезда в

«Школьном» вмещают в себя в несколько раз меньше слов, чем в двухтомном. Следует заметить, что отбор наиболее употребительной лексики требует от специалиста большого языкового чутья, которое вырабатывается в результате многолетней работы со словарями, и немалого жизненного опыта. Того и другого у автора было сверхдостаточно.

Мы, его ученики, были свидетелями этой трудоёмкой многолетней работы. Александр Николаевич преподавал нам в Самаркандском государственном университете им. А. Навои» с 1956 по 1961 гг. В то время, будучи ещё молодым преподавателем, работавшим над кандидатской диссертацией, он вёл на нашем курсе раздел «Морфологию» и спецкурс «Слова категории состояния». Кроме того, Тихонов был нашим куратором, с которым мы общались не только на занятиях, но и на кураторских часах, на субботниках, на сельхозработках.

В 50-х – 60-х годах прошлого века в Узбекистане студенты с преподавателями работали на сборе хлопка не менее двух месяцев. Поэтому мы были в курсе и научной работы Александра Николаевича, и личной жизни. Когда мы были на последнем курсе, наш куратор летал в Москву на защиту кандидатской диссертации.

Из всех выпускников тех лет с нашего курса было приглашено для работы в вуз более десятка. Большинство из них стали кандидатами и докторами наук. И в этом, безусловно, сказалось влияние А.Н. Тихонова. Когда в университете проходили научные конференции, он заходил к нам в аудиторию и очень настоятельно призывал принять участие, прийти послушать доклады преподавателей. Наши прекрасные профессора почти никогда не читали свои сообщения, а просто рассказывали, рассуждали, обращаясь к слушателям. Хотя мы, студенты, немного понимали из их рассуждений, научных измышлений, но слушать их было интересно. Они все обладали талантом привлечь внимание аудитории. Мы слушали и восхищались глубиной их мыслей и широтой представленного материала. Они подавали нам пример самоабвенного служения науке, языкознанию и литературоведению.

Мы учились у тех же преподавателей, у которых учился и наш куратор. В сталинские времена, в 20-х и 30-х годах прошлого века в Среднюю Азию было выслано много крупных учёных из Москвы и Ленинграда, и они выбирали Самарканд, прекрасный город, один из древнейших на территории СССР, который отметил своё 2700-летие. Учёные приезжали и создавали свои школы, готовили специалистов высокой квалификации. СамГУ им. А. Навои был преобразован из пединститута в 1927 году и котировался выше ТашГУ.

Так случилось, что даже в Ельце работали пятеро учеников самаркандской филологической школы. Кроме Александра Николаевича, такие профессора, доктора филологических наук, как В.Г. Головин, заведовавший кафедрой русского языка с 1977-го до 2003, А.Г. Ломов, О.И. Литвинникова, защитившие свои кандидатские диссертации в Самарканде под руководством крупного учёного, профессора Л.И. Ройзензона, ещё в конце 60-х – начале 70-х гг., у которого учился и Тихонов. Докторские все защищали в разных местах. После безвременной смерти проф. Л.И. Ройзензона в 1977 году многие его ученики уеха-

ли из Самарканда, работали в разных республиках и городах Советского Союза. Все общались между собой и с Александром Николаевичем несколько десятилетий, встречались на научных конференциях в Москве и других городах, переписывались и перезванивались.

Моим первым научным руководителем был тоже Л.И. Ройзензон, но после его ухода и моего переезда в Елец пришлось изменить тему диссертации, собрать новый материал. Когда в 1983 году меня направили на ФПК в МГПИ им. В.И. Ленина, вопрос о руководителе передо мной не стоял. А.Н. Тихонов как приглашённый из Института русского языка им. В.В. Виноградова читал нам на ФПК лекции по морфологии и словообразованию, а также вёл семинар по проблемам составления гнездового словообразовательного словаря по своей монографии (А.Н. Тихонов, Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря. Самарканд, 1971). Александр Николаевич прочёл мою работу и согласился быть руководителем. Он высказал свои замечания, пожелания, что нужно ещё отразить в работе, с чьими трудами ознакомиться, процитировать и внести в список литературы ещё не менее 50 работ. Я, конечно, приехала в Москву не только на ФПК, но и для работы в Ленинке (так называли тогда Государственную библиотеку им. В.И. Ленина). По окончании ФПК диссертация была закончена, и я обратилась в НИИ национальных школ России. Можно сказать, что работу мою, как кажется, приняли только потому, что руководителем был Тихонов, тогда уже крупный учёный, автор нескольких словарей, учебных пособий по современному русскому языку для вузов.

С 1981 года студенты-филологи изучали словообразование и морфологию по учебному пособию Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова (Современный русский язык: В 3-х ч. Ч.2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981). Председатель диссертационного совета сказал, что они хотели бы сотрудничать с Тихоновым. После обсуждения диссертации мне захотелось, чтобы с моей работой ознакомились в НИИ ПРЯНШ, и отправилась к его директору, академику Н.М. Шанскому. Он меня принял, выслушал моё краткое сообщение о диссертации, после чего поручил ознакомиться с ней Т.Ф. Ефремовой. Через неделю я забрала работу и листок, в котором мне было рекомендовано заняться ещё некоторыми проблемами, что ещё нужно изучить и описать в диссертации. Чтобы все её рекомендации выполнить, надо было потратить ещё лет пять. Когда я показала этот её листок Александру Николаевичу, он меня отругал и сказал, чтобы я без его ведома никуда с диссертацией не ходила. Он тогда сказал: «Понимаешь, ты сделала то, к чему они ещё не подошли, так им же обидно, что их опередили». А я по своей наивности думала, что меня в НИИ ПРЯНШ похвалят.

В ноябре 1984 г., когда я приехала к Александру Николаевичу с рефератом, он просил подождать два дня, так как должен был закончить проверку словаря, уже набранного в типографии, а если не успеет, то нужно будет заплатить большой штраф. Это и был его двухтомный «Словообразовательный словарь», который вышел из печати в 1985 г. А.Н. Тихонов был человеком обязательным и чрезвычайно ответственным. Он всегда выполнял всё вовремя. Обладавший

высочайшей работоспособностью и организованностью, Тихонов больше всего ненавидел в людях неисполнительность и необязательность. Об этом мы знали ещё в студенческие годы. Когда он читал свой спецкурс здесь, т.е. уже в ЕГУ им. И. А. Бунина, а мне нужно было его увидеть и пригласить в гости, я знала, что он появится в аудитории со звонком минута в минуту. Даже в гости он никогда не опаздывал. Все 46 лет общения Александр Николаевич был для нас родным человеком. Когда он устраивал международные конференции «Актуальные проблемы словообразования» (их было более десяти), мы с Виктором Георгиевичем получали приглашение одними из первых.

Большую часть этих конференций Тихонов организовал в Самарканде. На них съезжались крупные учёные-дериватологи СССР и стран Народной Демократии. Мы дважды летали в Самарканд, дважды конференции были в Гродно. А последняя конференция, посвящённая 70-летию А.Н. Тихонова, состоялась в 2001 году уже в ЕГУ им. И. А. Бунина. После конференции гости и хозяева собрались в ресторане гостиницы «Елец». Интересным моментом праздника была викторина по знанию словарей Тихонова. Её проводила Маша, его дочь, тогда ещё девочка-подросток. Она внимательно следила, кто правильно ответил на вопрос. Всем победителям викторины Александр Николаевич дарил свои словари. Мне тогда тоже досталось 3-е издание «Школьного словообразовательного словаря», первое у нас было сразу после его выхода. Материалы словарей Тихонова я использовала и в учебной, и в научной работе. А.Н. Тихонов как незаурядная личность и крупный учёный навсегда останется в памяти учеников и многочисленной армии филологов-русистов.

Л.И. Головина
(г. Елец, Россия)

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В.Н. Базылев

V.N. Bazylev

Международный научный журнал «Научные доклады высшей школы.

Филологические науки» (Москва, Россия)

*International scientific journal «Philological Sciences. Scientific
Essays of Higher Education», Moscow*

ПРОШЛОЕ ЕСТЬ ЧАСТЬ НАСТОЯЩЕГО ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ А.Н. ТИХОНОВЕ И О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена воспоминаниям автора о своих встречах с проф. А.Н. Тихоновым в 90-х гг. прошлого века; обсуждается проблема смены поколений в науке, а также возможности использования опыта по преподаванию русского языка в национальной школе 60-70-х гг. XX в. в современных геополитических и лингвокультурных условиях.

Ключевые слова: русский язык, национальная школа, историография лингвистики, персоналия – А.Н. Тихонов.

THE PAST IS PART OF THE PRESENT OR MEMORIES OF PROFESSOR A.N. TIKHONOV AND THE RUSSIAN LANGUAGE IN NATIONAL SCHOOL

The article is devoted to the author's memories of his meetings with professor A.N. Tikhonov in the 90s of the last century; to the problem of generational change in science is discussed, as well as the possibility of using the experience of teaching Russian in the national school of the 60-70s of the twentieth century under modern geopolitical and linguocultural conditions.

Keywords: Russian language, national school, historiography of linguistics, personality – A.N. Tikhonov.

Заголовок нашей статьи – «прошлое есть часть настоящего» – это, безусловно, аллюзия на ставшие в русской лингвокультуре прецедентным текстом высказывания вне зависимости от того, кому сама мысль приписывается: Ломоносову, Горькому, Вернадскому или Лихачеву.

Несомненно одно: память, по словам Д.С. Лихачева, противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим.

Это обязывает нас сегодня помнить о людях и событиях прошедшей эпохи: о профессоре А.Н. Тихонове и о том, какую роль играл в недалеком прошлом русский язык в нашей стране.

Поводов вспомнить о профессоре А.Н. Тихонове у меня два. Первый – философско-экзистенциальный. Второй – личный.

Первый связан с феноменом смены поколений в науке, что само по себе неизбежно и экзистенциально в том смысле, что любое общество сталкивается с психологическими трудностями преемственности межпоколенческого опыта. Что касается науки, то ключевым вопросом для молодого ученого был и остается вопрос об учителе и наставнике. Это в полной мере относится как к живым, так и ушедшим. Я не знаю молодых исследователей, которые не относились бы с большим уважением к профессору А.Н. Тихонову и к его научным работам. В этом смысле преемственность научных поколений сохраняется.

Личный повод – моя память, которая бережно хранит воспоминания о знакомстве с А.Н. Тихоновым. Это было в середине 90-х годов теперь уже прошлого века, когда автор работал в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ). Та эпоха – эпоха грандиозных планов, которым, увы, не суждено было воплотиться в жизнь. Одним из таких стало создание в ноябре 1991 года Государственного комитета РСФСР по национальной политике. 30 июня 1992 г. вышло Постановление Правительства РФ № 454 о создании при названном комитете Института языков народов России (копия этого документа хранится в архиве автора), директором которого стал проф. В.П. Нерознак. МГЛУ стал базовой организацией при этом Институте, а автор – заместителем директора научного центра «Языки и культуры Северной Евразии им. кн. Н.С. Трубецкого». В тот период автор познакомился с профессором А.Н. Тихоновым, который принимал активное участие в деятельности научного центра. Тогда же А.Н. Тихонов входит в состав одной из ведущих научных школ России – «Языки народов России» [2, с. 563], активно печатается в изданиях МГЛУ и научного центра [4; 5]. В 2000 году он публикует одну из последних своих статей – «Актуальные проблемы подготовки словарей на языках народов России» [8, с. 259-264]. Первая личная встреча с А.Н. Тихоновым как раз и произошла на одной из первых научных конференций евразийского центра. Я попал в секцию, которой руководил А.Н. Тихонов. Помню тесную аудиторию всего на десяток мест. Секция была небольшая, и первым выступал на ней А.Н. Тихонов. Он говорил плавно и медленно, не по бумажке. Говорил о русском языке, и проблемах его преподавания в национальной школе. Кто мог тогда подумать, что вопросы, связанные со статусом русского языка, в XXI веке останутся во многом нерешенными.

Последнее дает мне поводы вспомнить о русском языке в национальной школе. Их тоже два. Первый – личный. Второй – образовательно-политический. Личный – это оставшиеся в памяти беседы с А.Н. Тихоновым о том, как преподавали русский язык и как относились к русскому языку в Узбекистане. Кто как не он имел наиболее полное адекватное представление о ситуации с русским языком в бывшем Советском Союзе, работая в конце сороковых учителем русского языка в Таджикистане, потом в Узбекистане – вплоть до проректора в Самаркандском педагогическом институте.

На фоне этих разговоров сегодня не только можно, но нужно пересматривать наше отношение к русскому языку и его роли в межнациональных отношениях [1]. С точки зрения методики преподавания русского языка необходимо

учитывать, во-первых, тот факт, что сегодня необходимо дифференцировать наше понимание русского языка как иностранного, русского языка как неродного и русского языка как другого родного [3, с. 27-40]. Во-вторых, необходимо принимать во внимание то, как в Узбекистане сегодня на государственном уровне формулируются цели и задачи изучения русского языка в соответствии с Учебной программой общего среднего образования (11 класс) «Русский язык (с узбекским и другими языками обучения), разработанной Министерством народного образования Республики Узбекистан. Наш собственный опыт (в течение 2020-21 гг. автор принимал участие в проекте Московского педагогического государственного университета) преподавания русского языка в узбекоязычной монолингвальной аудитории позволил на фоне новых требований суверенных государств, ожиданий обучающихся и геополитических вызовов создать новый тип учебного пособия по русскому языку [6; 7].

Автор и его коллеги считают, что одним из стимулов к созданию названного пособия в части его методической концепции были идеи, высказанные в свое время профессором А.Н. Тихоновым.

Список литературы

1. Базылев В.Н. ПРОТРЕПТИКОС. О едином русском речевом режиме российского вуза: от философии языка к философии образования. М.: Изд-во СГУ, 2017. 228 с.
2. Ведущие научные школы России. Вып.1. М.: Янус-К, 1998. 624 с.
3. Громова Л.Г., Кудрявцева Е.Л. Размышление о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной // Этнодиалог. 2013. №2. С. 27-40.
4. Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 1999. М.: МГЛУ, 1999. 102 с.
5. Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2000. М.: МГЛУ, 2000. 86 с.
6. Страна Литературия: учебное пособие / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко. М.: Экон-Информ, 2020. 34 с.
7. Театральные чтения: учебное пособие / В.Н. Базылев, Н.П. Дутко. М.: Экон-Информ, 2019. 271 с.
8. Тихонов А.Н. Актуальные проблемы подготовки словарей на языках народов России // Res Linguistica. М.: Academia, 2000. 600 с.

А.К. Голандам

A.K. Golandam

Гилянский государственный университет (Решт, Иран)

Gilan State University, Rasht

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВИДА ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ГЛАГОЛЬНЫМИ ФОРМАМИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей работе рассматриваются пути перевода и употребления вида глагола в русском языке помощью глагольных форм персидского языка. Рассматриваются глагольные

формы персидского языка. Даются возможные варианты перевода вида глагола, основываясь на передаваемое значение этими же глаголами в контексте.

Ключевые слова: совершенный вид, несовершенный вид, глагольные формы, русский и персидский языки

WAYS OF EXPRESSING THE VERB ASPECT IN THE RUSSIAN LANGUAGE BY THE VERB FORMS OF THE PERSIAN LANGUAGE

This work examines the ways of translating and using the form of the verb in Russian using the verb forms of the Persian language. The verb forms of the Persian language are considered. Possible variants of the translation of the aspect of the verb are given, based on the transmitted meaning of the same verbs in the context.

Keywords: perfect form, imperfect form, verb forms, Russian and Persian languages.

Поскольку вид глагола является характерным только для русского языка и в персидском языке отсутствует, это может привести к затруднению в восприятии и употреблении, а также в освоении видов глагола в русском языке. Отсутствие вида в персидском языке ставит иранских студентов при его изучении и переводе в затруднительное положение. В настоящей работе постараемся выявить основные трудности, возникающие при употреблении и переводе видов глагола в русском языке, глагольными формами персидского языка, и рассмотрим их. Глагольная категория вида выражает различные действия; ср.: *писать* и *написать*. Глаголы совершенного вида обозначают действие как целостное, ограниченное в своем протекании пределом, т.е. такой границей, по достижении которой оно прекращается: *Я написал письмо*. Действие, названное глаголом, *написал*, достигло своего результата, и после этого прекратилось. Глаголы несовершенного вида не содержат в своем значении указания на достижение предела действия, они представлены в развитии, процессе. Категория вида, связана с категорией времени: глаголы несовершенного вида имеют 3 формы времени (настоящего, прошедшего и будущего времени), глаголы совершенного вида только 2 формы времени (прошедшего и будущего времени)

Структурно-грамматические свойства глагола

По своей структуре и типам словообразования персидские глаголы делятся на простые *говтан* (говорить), *амадан* (приходить); префиксальные *бардаштан* (поднимать, брать); *даравардан* (вынимать); отменные *намидан* (называть, название); сложные *шру кардан* (начинать), *харф задан* (разговаривать). Персидский глагол характеризуется грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога и имеет богатую систему форм. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на простые (синтетические) и описательные (аналитические). Простые формы образуются из глагольных основ при помощи личных окончаний и приставок *-ми*, *-бэ* или без них. Аналитические формы глагола обычно состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда – вспомогательный глагол.

В современном персидском языке различают три наклонения: а) изъявительное, б) сослагательное и в) повелительное.

А) Изъявительное наклонение. 1) Настояще-будущее время выражает: а) действие, совершающееся в данный момент; б) действие, совершающееся постоянно; в) будущее действие. 2) Настоящее конкретное время обозначает действие, совершающееся сейчас, в данный момент. Иногда оно выражает действие, которое должно совершиться в ближайшем будущем. 3) Будущее категорическое время употребляется для выражения действия, которое обязательно должно совершиться в будущем. 4) Простое прошедшее время выражает однократное действие, совершенное в прошлом. При наличии обстоятельственных слов, обозначающих отрезок времени, или соответствующего контекста может выражать длительное многократное действие. 5) Прощедшее длительное время обозначает длительное и многократное действие, происходившее в прошлом. 6) Прощедшее конкретное время употребляется только в положительной форме и выражает действие – процесс, происходившее в определенный момент в прошлом. 7) Прощедше-настоящее время фиксирует внимание не только на факте совершения действия, но и на его отношении к моменту речи и обозначает действие, связанное своим результатом с настоящим моментом. При выражении длительности обстоятельственным словом или при наличии соответствующего контекста прощедше-настоящее время может выражать многократность и длительность действия. 8) Преждепрошедшее время обозначает действие, происходившее давно, в прошлом, а также закончилось до наступления другого прощедшего действия.

Б) Сослагательное наклонение. 1) Настояще-будущее время выражает косвенное повеление, приказание, побуждение к действию. 2) Прощедшее предположительное время употребляется в тех случаях, когда выражается сомнение или предположение относительно достоверности совершившегося действия или когда подчеркивается необходимость совершения действия к определенному моменту в будущем.

В) Повелительное наклонение.

Перевод НСВ и СВ изъявительным наклонением

Настояще-будущее время в персидском языке выражает:

а) действие, совершающееся в данный момент *хала рузнаме миханам* (сейчас я читаю газету) в значение действия в его течении;

б) действие, совершающееся постоянно *хар руз рузнаме миханам* (я каждый день читаю газету) в значении повторяющегося действия. В данных случаях обычно данная форма глагла в персидском языке употребляется для понятия и перевода глагола НСВ;

в) будущее действие *фарда пиш то миаям* (завтра я приду к тебе) в значении обязательного осуществления действия в будущем. В данных случаях обычно данная форма глагла в персидском языке употребляется для понятия и перевода глагола СВ.

Настоящее конкретное время обозначает действие, совершающееся сейчас, в данный момент: *дарам наме миневисам* (я (в данный момент) пишу письмо), в значение действия в его течении. Данная форма глагола в персидском языке употребляется для понятия и перевода глагола НСВ.

Будущее категорическое время. Будущее категорическое время употребляется для выражения действия, которое обязательно должно совершиться в будущем. Данная форма глагола в персидском языке может использоваться при переводе глагола обоих видов русского языка. Для выражения и передачи действия как процесс, повторяемости, факта, побуждения или обязательного осуществления действия в будущем, глагол в персидском языке употребляется в сочетании со словами указывающими на длительность, повторение, обязательного осуществления действия в будущем. При помощи этих слов легко можно перевести нужный вид глагола в русском языке.

Простое прошедшее время (претерпит) выражает однократное действие, совершенное в прошлом: *аср саате хаит бе хане баргаит* (вечером, в восемь часов, он возвратился домой). Служит обычно для перевода глагола СВ в значении завершённости действия в персидский язык. При наличии обстоятельственных слов, обозначающих отрезок времени, или соответствующего контекста может выражать длительное многократное действие: *моддаити мусиги гуш кардим* (некоторое время мы слушали музыку). В таком случае употребляется для перевода глагола НСВ в значении процесса.

Прошедшее длительное время (имперфект) обозначает длительное и многократное действие, происходившее в прошлом. Употребляется также в сложных предложениях с условными придаточными, содержащими нереальное условие: *агар миданестам бе шома мигофтам* (если бы я знал, то сказал бы вам). Используется для перевода с русского языка в прошедшем времени глагола НСВ в значение действия в его течении и повторяющегося действия.

Прошедшее конкретное время образуется из формы прошедшего длительного времени основного глагола и формы простого прошедшего времени глагола *даштан* (делать). Употребляется только в положительной форме и выражает действие – процесс, происходившее в определенный момент в прошлом. *Вагти ке ман баргаитам даит наме миневешт* (когда я возвратился, он писал письмо). Употребляется при переводе с русского языка в прошедшем времени глагола НСВ в значение действия в его течении и повторяющегося действия.

Прошедше-настоящее время (перфект). Это время фиксирует внимание не только на факте совершения действия, но и на его отношении к моменту речи и обозначает действие, связанное своим результатом с настоящим моментом: *У нахар хорде асет* (он уже обедал). При выражении длительности обстоятельственным словом или при наличии соответствующего контекста прошедше-настоящее время может выражать многократность и длительность действия: *Барха бе ман гофтеанд* – (неоднократно мне говорили). Данная форма глагола в персидском языке используется для перевода глагола обоих видов русского языка. Данное время в персидском языке употребляется в сочетании со словами указывающими на длительность, повторение, единичность и завершённости действия в прошедшем времени.

Преждепрошедшее время (плюсквамперфект) образуется от причастия прошедшего времени и личных форм простого прошедшего времени глагола *будан* (быть). При отрицании приставка *на* (не) присоединяется к причастию.

Обозначает действие, происходившего давно, в прошлом, а также закончилось до наступления другого прошедшего действия, *вагитке у амад ма чай хорде будим* (когда он пришел, мы уже по пили чай). Употребляется также в условных придаточных с не реальным условием, *اگر نامه شما را خوانده، خاندانده* *аге намее шомара ханде будам саре моге миамадам* (если бы я прочитал ваше письмо, то пришел бы во время). Обычно употребляется в персидском языке для перевода глагола СВ в значении завершённости действия.

Сослагательное наклонение

Настояще-будущее время (аорист). Различаются употребление аориста в простых и придаточных предложениях. В простом предложении аорист употребляется:

а) после модальных глаголов, входящих в состав сложного сказуемого *ан шаб ман натванестам шам бохорам* (в тот вечер я не смог поужинать).

б) для выражения косвенного повеления, приказания, побуждения к действию *богзар у инджа биаяд* (пусть он придет сюда).

в) в вопросах с оттенками желательности, сомнения и долженствования *баяд беханам?* (мне читать?).

Аорист широко используется в различных типах придаточных предложений. В одних типах придаточных предложений его употребление зависит от значения глагола-сказуемого главного предложения (например придаточных дополнительных, цели); в других типах придаточных аорист проявляет свое модальное значение более самостоятельно (например в придаточных условных, временных, определительных).

Прошедшее предположительное время образуется от причастия прошедшего времени смыслового глагола и форм аориста глагола *будан* (быть). При отрицании приставка *на* (не) ставится перед причастием. От аориста прошедшее предположительное время отличается не только во временном плане, но и тем, что подчеркивает результат действия. Наиболее часто это время употребляется в тех случаях, когда выражается сомнение или предложение относительно достоверности совершившегося действия например *шайд эштебах карде башад* (возможно он ошибся). Когда подчеркивается необходимость совершения действия к определенному моменту в будущем, например *саате пандж бад аз зохран баяд амаде башад* (он должен прийти в пять часов после полудня). Обычно для эта форма глагола в персидском языке используется перевода глагола СВ и НСВ.

Повелительное наклонение. Глаголы обоих видов русского языка переводятся этим временем на персидский язык. Для точного перевода надо следить за сочетаемыми слов, которые употребляются в месте с глаголом в русском языке и указывают на конкретное значение действия. И так при переводе вида глагола русского языка при помощи глагольных форм персидского языка нужно уделять большое внимание на значение данного вида, который употребляется в контексте. Нельзя переводить глаголы в изолированном виде от контекста, это может привести к неправильному переводу нужного значения передаваемым глаголом. Обязательно надо учитывать значение видов глагола и их соче-

тание с другими словами, которые указывают на различные значения действия. Нельзя переводить вид глагола русского языка, глагольными формами персидского языка, в одинарном сопоставлении. Для точного перевода надо следить за сочетаемыми словами, которые употребляются в месте с глаголом в русском языке и указывают на конкретное значение действия.

Надо учесть, что при переводе глаголов обоих видов нужно всегда обращать внимание на контекст и значение, которая передается данной ситуацией. Нужно отметить, что, если глагол рассматривать отдельно от предложения, то перевод не будет точным и правильным. Перевод каждого глагола на персидский язык, должен даваться, основываясь на ситуацию и значение передаваемым контекстом. Также нужно учесть, что само предложение и текст, играют большую роль в понятии и переводе данного глагола. На этом основании на занятиях по русскому языку следует обращать внимание на следующее: 1) Ознакомить студентов с ситуативными значения глаголов НСВ и СВ. и глагольных форм персидского языка 2) Использовать наиболее эффективные примеры из разных текстов с целью освещения вопроса. 3) Напоминать учащим тот факт, что при анализе значений данных глаголов необходимо избегать их толкования в изолированном виде и на этом основании напоминать им о важности контекста.

Список литературы

1. Караванов А.А. Виды русского глагола: значения и употребление. Русский язык, Курсы. М., 2005. 176 с.
2. Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 1091 с.
3. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
4. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970. 1576 с.
5. Садри М. Употребление видов глагола в русском языке. Джангал. Тегеран, 2003. С. 15-45.
6. Скворцова Г.Л. Употребление видов глагола в русском языке. Русский язык. М., 2001. 133 с.
7. Соколова К.А. 300 глаголов совершенного и несовершенного вида в речевых ситуациях. М.: Русский язык, 2002. 85 с.

И.Е. Горбунова

I.E. Gorbunova

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Irkutsk State University, Irkutsk

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ МИКРОСТРУКТУРЫ «СЛОВАРЯ КОНВЕРСИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье решается один из важнейших вопросов современной лексикографии – разработка базовой единицы проектируемого «Словаря конверсиров русского языка». Предлага-

гаемая автором семикомпонентная структура словарной статьи обусловлена толково-словообразовательным типом словарного издания, а также междисциплинарным подходом (на стыке лексикологии, семантики, словообразования и грамматики) к изучению феномена лексической конверсии в языке, позволяющим проследить механизмы порождения обратных отношений в лексико-семантической системе русского языка.

Ключевые слова: конверсивы, конверсивное гнездо, микроструктура словаря, словарная статья, словарь конверсивов.

THE MICRO-STRUCTURE DEVELOPMENT'S PROBLEM OF «RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARY OF CONVERSE TERMS» IN THE NATIVE LEXICOGRAPHY

The article addresses to one of the hot-button issue of modern lexicography. This is the development of a basic unit of the projected «Dictionary of Russian language converse terms». The seven-component structure of a dictionary entry proposed by the author is due to an interdisciplinary approach (across the lexicology, semantics, word formation and grammar) to the study of lexical conversion's phenomenon in a language which makes it possible to trace generating inverse relations' mechanisms in the Russian language lexical-semantic system.

Keywords: converse terms, family of converse terms, the microstructure of the dictionary, dictionary entry, dictionary of converse terms.

Концепция мультиструктурной организации словаря, принятая в научном сообществе [1], [3], [5], позволяет представить лексикографическое издание в виде взаимосвязанных между собой частей: микро-, макро- и мегаструктуры. Под микроструктурой словаря в отечественной лексикографии принято понимать его базовую единицу – словарную статью. Макроструктура словаря представляет собой систему организации словника, мегаструктура – композиция словаря, его содержание. Очевидно, что наибольшую трудность при проектировании словаря составляет разработка его микроструктуры, поскольку является своеобразным «ключом доступа» к лингвистической информации. Определение же состава зон словарной статьи напрямую зависит от типа, назначения словаря и авторского видения исследуемого вопроса.

При разработке микроструктуры «Словаря конверсивов русского языка» мы, бесспорно, опираемся на лучшие традиции отечественной лексикографии. Однако на сегодняшний день ситуация во многом осложняется «отсутствием ... единого взгляда на природу конверсивных отношений» [2, с.14] в языке, поэтому, опираясь на собственный междисциплинарный подход (на стыке лексикологии, семантики, словообразования и грамматики) к изучению феномена лексической конверсии, мы предлагаем семикомпонентную структуру словарной статьи: 1) зона заглавия (заголовочных слов); 2) зона фонетической информации; 3) зона помет; 4) зона словообразования; 5) зона толкования; 6) зона грамматики; 7) иллюстративная зона (см. рис. 1 «Структура словарной статьи „Словаря конверсивов русского языка“»).

Рис. 1. Структура словарной статьи «Словаря конверсивов русского языка»

Зона заглавия (заголовочных слов) представлена парным соединением лексических конверсивов (конверсивной парой), например:

ПРАВНУЧКА – ПРАДЕД

<...>

В большинстве случаев указанная зона сопровождается знаком словесного ударения (´), исключение составляют односложные языковые единицы. Слова, имеющие произносительные особенности, дополняются транскрипцией отдельных звуков. Акцентологические и орфоэпические указания, в свою очередь, в зоне заглавия и толкования формируют **зону фонетической информации**. Основная функция этой зоны – нормализаторская, обеспечение устойчивости, сохранности языковой нормы.

Зона помет – специальных указаний, дополняющих лексическое, грамматическое или словообразовательное значение лексических конверсивов – сосредоточена по словарной статье. Так, структурно-семантическая помета *отраж.* (*отражённные*) показывает воспроизводимость обратной семантики в структуре конверсивного деривата, *неотраж.* (*неотражённные*) – её отсутствие.

ПРАВНУЧКА – ПРАДЕД

/// Неотраж. <...> \\\

Правнучка, сущ.; -и, ж. <...>

Прадед, сущ.; -а, м. <...>

Грамматические пометы в зоне грамматики (между вокабулой и толкованием) указывают на частеречную характеристику конверсивов и наиболее важные грамматические признаки, способствующие адекватному пониманию феномена конверсии в языке.

Наличие **зоны словообразования** обусловлено толково-словообразовательным типом проектируемого словаря. Словообразовательный блок в структуре словарной статьи призван выявить генезис обратных отношений в языке посредством инструментов словообразовательной производности: демонстрации производящей и производной основ лексических конверсивов, устанавливаемых с помощью словообразовательного квадрата; обозначения

формантной часть деривата, морфонологических явлений, сопровождающих аффиксацию, а также распознавания словообразовательного типа производных лексических конверсивов. Для обозначения границ словообразовательной зоны используется специальный знак: /// (начало зоны словообразования) и \\\ (окончание зоны словообразования). Непроизводные конверсивы зоны словообразования не имеют. Словообразовательный блок словарной статьи «Правнучка – прадед» выглядит следующим образом:

<...>

/// *Неотраж.*: правнук; дед □ правнучка – прадед

пра-внуч-к-а ← правнук + s (-к-); < к // ч >; СТ: Sub + s (-к-)

пра-дед ← pr (пра-) + дед; СТ: pr (пра-) + Sub \\\

<...>

Зона толкования представлена вокабулами (парой лексических конверсивов) и их интерпретацией. При толковании значения принципиально важно показать соотносительность значений лексико-семантических вариантов, которыми конверсивы вступают в обратные отношения, посредством вычленения интегральной семы. Следует отметить, что производные конверсивы трактуются отсылочным или отсылочно-описательным способом (в зависимости от типа словообразовательного значения и вида деривации), т.е. с отсылкой на производящую основу. Непроизводные конверсивы толкуются описательным способом. В качестве примера приведём зону толкования той же словарной статьи «Правнучка – прадед»:

<...>

Правнучка, *сущ.*; -и, *ж.* Ж. к *сущ.* правнук.

Прадед, *сущ.*; -а, *м.* Дед в третьей степени родства по отношению к своим правнукам.

<...>

Грамматическая зона расположена в зоне толкования между вокабулой и толкованием конверсивов. Её роль – дать необходимую грамматическую характеристику анализируемым языковым единицам (см. выше).

Иллюстративная зона демонстрирует способность лексических конверсивов создавать трансформируемые высказывания при сохранении логической, лексико-грамматической, семантической, смысловой и коммуникативной структуры предложений, обладающих категорией конвертируемости. Эта задача решается нами посредством конверсного биннома на базе цитаты, взятой из Национального корпуса русского языка [4].

Для формирования целостного взгляда на структуру словарной статьи представляем модель словарной статьи «Правнучка – прадед» проектируемого «Словаря конверсивов русского языка»:

ПРАВНУЧКА – ПРАДЕД

/// *Неотраж.*: правнук; дед □ правнучка – прадед

пра-внуч-к-а ← правнук + s (-к-); < к // ч >; СТ: Sub + s (-к-)

пра-дед ← pr (пра-) + дед; СТ: pr (пра-) + Sub \\\

Правнучка, *сущ.*; -и, *ж.* Ж. к *сущ.* правнук.

Прадед, *сущ.*; -а, м. Дед в третьей степени родства по отношению к своим правнукам.

«66-летняя Тереза Дурова – **правнучка** знаменитого циркового артиста Анатолия Дурова». (gazeta.ru. Тереза Дурова госпитализирована? 12.05.2019.).
⇔ *Знаменитый цирковой артист Анатолий Дуров – прадед 66-летней Терезы Дуровой.*

Данную статью необходимо читать следующим образом: «Аффиксальные субстантивные лексические конверсивы *правнучка – прадед* являются неотраженными, поскольку не наследуют смысловых отношений производящей базы *правнук*; *дед*, однако вступают в обратные отношения на основании интегральной семы 'степень родства', актуализировавшейся в акте словопроизводства у одного из участников конверсивной пары, и соотносительности значений, выражаемой предложно-падежной словоформой в толковании *по отношению*. На грамматическом уровне анализируемые конверсивы демонстрируют свое основное назначение – трансформировать высказывание субъектно-объектной структуры с сохранением смысла предложения. Конверсный бином (исходное и производное высказывания) в иллюстративной зоне, полученный в результате актантной трансформации, подтверждает обратность смысловых отношений конверсивной пары *правнучка – прадед*».

Необходимо отметить, что вышеприведенная словарная статья является частью большей структурообразующей единицы словаря – конверсивного гнезда, поскольку предполагаемый порядок расположения словника в проектируемом нами словаре – алфавитно-гнездовой. Так, данная словарная статья является частью конверсивного гнезда «Внук – дед», модель которого размещена ниже.

**Модель конверсивного гнезда «ВНУК – ДЕД»
проектируемого «Словаря конверсивов русского языка»**

ВНУК – ДЕД

Внук, *сущ.*; -а, м. Сын дочери или сына по отношению к их родителям: бабушке и деду.

Дед, *сущ.*; -а, м. Отец отца или матери по отношению к внукам.

«< ... > **внук** Льва Яшина – **Василий Фролов**». (lenta.ru. На премьере фильма о Льве Яшине побывали звезды спорта и шоу-биза. 26.11.2019.). ⇔ *Василий Фролов – дед Льва Яшина.*

ВНУЧКА – ДЕД

/// *Неотраж.*: внук; – □ внучка – дед

внуч-к-а ← внук + s (-к-); < к // ч >; СТ: Sub + s (-к-) \\\

Внучка, *сущ.*; -и, ж. Ж. к *сущ.* внук.

Дед, *сущ.*; -а, м. Отец отца или матери по отношению к внукам

«Внучка бывшего премьер-министра России Виктора Черномырдина Мария лишилась дачи в поселке Горки-10 на Рублевке.». (gazeta.ru. У внучки Черномырдина отобрали дачу на Рублевке. 24.12.2019.). → *Мария – внучка бывшего премьер-министра России Виктора Черномырдина.* ⇔ *Бывший премьер-министр России Виктор Черномырдин – дед Марии.*

ДЕД – ВНУК, см. ВНУК – ДЕД
ДЕД – ВНУ́ЧКА, см. ВНУ́ЧКА – ДЕД
ПРА́ВНУК – ПРА́ДЕД

/// *Отраж.*: внук – дед □ правнук – прадед

пра-внук ← pr (пра-) + внук; СТ: pr (пра-) + Sub

пра-дед ← pr (пра-) + дед; СТ: pr (пра-) + Sub ///

Пра́внук, *сущ.*; -и, *ж.* Внук в третьей степени родства по отношению к прадеду и прабабушке.

Пра́дед, *сущ.*; -а, *м.* Дед в третьей степени родства по отношению к своим правнукам.

«Правнук Иосифа Сталина Селим Бенсаад обратился к юристу и в СМИ с сообщением об угрозах жизни, которые поступают в его адрес». (lenta.ru. Правнуку Сталина пригрозили расправой из-за квартиры. 07.010.2019.). → *Селим Бенсаад – правнук Иосифа Сталина. ⇔ Иосиф Сталин – прадед Селима Бенсаада.*

ПРА́ВНУЧКА – ПРА́ДЕД

/// *Неотраж.*: правнук; дед □ правнучка – прадед

пра-внуч-к-а ← правнук + s (-к-); < к // ч >; СТ: Sub + s (-к-)

пра-дед ← pr (пра-) + дед; СТ: pr (пра-) + Sub ///

Пра́внучка, *сущ.*; -и, *ж.* Ж. к *сущ.* правнук.

Пра́дед, *сущ.*; -а, *м.* Дед в третьей степени родства по отношению к своим правнукам.

«66-летняя Тереза Дурова – **правнучка** знаменитого циркового артиста Анатолия Дурова». (gazeta.ru. Тереза Дурова госпитализирована? 12.05.2019.). ⇔ *Знаменитый цирковой артист Анатолий Дуров – прадед 66-летней Терезы Дуровой.*

ПРА́ДЕД – ПРА́ВНУК, см. ПРА́ВНУК – ПРА́ДЕД

ПРА́ДЕД – ПРА́ВНУЧКА, см. ПРА́ВНУЧКА – ПРА́ДЕД

Размещение семикомпонентных словарных статей внутри конверсивного гнезда позволяет выявить закономерности формирования обратных отношений в лексико-семантической системе русского языка и формирует системное отношение к столь сложному и многоаспектному языковому явлению, коим является категория конверсии.

Список литературы

1. Девель Л.А. Компетентностный подход в лексикографии (на материале двуязычного англо-русского словаря) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). Севастополь, 2011. №2. Ч. 2. С. 198-202 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16920781_26626107.pdf (дата обращения: 20.10.2021)

2. Иванова И.Е. Проблема разработки иллюстративной зоны микроструктуры «Словаря конверсивов русского языка» в отечественной лексикографии // Наука сегодня: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. В 4 частях. Ч. 4. Вологда: Маркер, 2015. С. 14-20 [Электронный ресурс]. URL: https://volconf.ru/files/archive/04_23.09.2015.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

3. Ковалева М.С. Особенности состава и организации мегаструктуры английского антропонимического словаря // *Фундаментальные исследования*. М., 2014. №12. Ч. 2. С. 425-428 [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36246> (дата обращения: 20.10.2021).

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.10.2021).

5. Ссори́на М.С. Словарь как мультиструктурная организация // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. №1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 142-146 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovar-kak-multistrukturnaya-organizatsiya/viewer> (дата обращения: 20.10.2021).

О.А. Гордиенко
O.A. Gordienko
*Кубанский государственный
технологический университет (Краснодар, Россия)
Kuban State Technological University, Krasnodar*

ОТРАЖЕНИЕ ДЕРИВАЦИОННОЙ ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА В ГНЕЗДОВОМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ ПО ФИЗИКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Рассматривается функциональный подход к русскому словообразованию и организации текста при обучении иностранных студентов первого курса инженерного вуза. Предлагается сочетание работы по учебному гнездовому словообразовательному словарю научного стиля (805 словообразовательных гнезд на материале физики) и пособию к нему, что способствует становлению умения понимать и порождать текст с опорой на корневой повтор как проявление в тексте элементов словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: словообразовательный словарь, словообразовательное гнездо, корневой повтор, научный текст, русский язык как иностранный.

REFLECTION OF THE DERIVATIONAL TEXTUAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN SCIENTIFIC TEXT IN THE CLUSTER WORD-FORMATION DICTIONARY OF PHYSICS FOR FOREIGN STUDENTS

The functional approach to Russian word formation and text organization in teaching foreign students of the first year of an engineering university is considered. A combination of work on a scientific-style educational cluster word-formation dictionary (805 word-formation clusters based on physics material) and a manual for it is proposed, which contributes to the formation of the ability to understand and generate text based on root repetition as a manifestation of the elements of word-formation clusters in the text.

Keywords: word-forming dictionary, word-forming cluster, root repetition, scientific text, Russian as a foreign language.

Появление «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [11] стало эпохальным событием в российской лингвистике, т.к. явилось

констатацией высокого уровня систематизации деривационного материала русского языка, послужило источником и базой дальнейших исследований теоретического и практического характера.

Различение лексической деривации, текстовой и речевой позволило говорить о ментальном характере словообразовательных гнёзд, «деривационно-ассоциативном поле» [5, с.8], элементы которого функционируют в речи, а следы этой ментальной работы сознания проявляются в тексте.

О глубинных процессах речевой деятельности, основанных на законах деривации, можно судить лишь по результатам – готовым текстам Н.Д. Голев [3], Е.Л. Гинзбург [2], Е.С. Кубрякова [7], Е.А. Земская [6], Н.В. Мельник [8], Ю.В. Трубникова [12], М.Г. Шкуропацкая [14].

Особую значимость эти исследования имели в преподавании русского языка как иностранного, открыв возможность не только изучать, но и реализовывать в практике речевой деятельности проявление закономерностей гнездовой организации лексем на разных уровнях языковой и речевой системы.

Как показали наши исследования, посвящённые анализу понимания научного текста иностранными студентами инженерного вуза, изучающими на первом курсе физику, у студентов существуют следующие трудности работы с научным текстом, письменным и устным:

не сформированы навыки нахождения корня русского слова в целях его понимания и соотношения с ним известных им однокоренных слов;

нет представления об объединении однокоренных слов в словообразовательные цепочки, парадигмы, гнёзда;

отсутствует навык ориентации во время чтения на однокоренные слова текста (корневой повтор как слова-стимулы), организующие цельность и связность текста, помогающие репродуцировать и продуцировать научный текст;

в долговременной памяти учащихся не сформирован минимум словообразовательных гнёзд научного стиля речи русского языка, позволяющий им продуцировать однокоренные слова, наполнять модели корневых повторов;

учащиеся не в состоянии построить цельный и связный текст, используя валентностные связи между словами русского языка, явление корневого повтора.

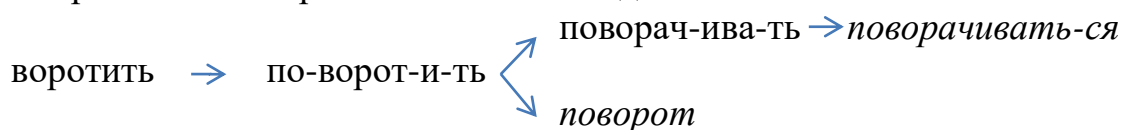
Всё это привело нас к решению проанализировать тексты учебников физики и сделать выборку однокоренных слов, распределить их по законам производности в словообразовательные цепочки, парадигмы, гнёзда, добавить толкование терминов и сравнить полученные построения с гнёздами словообразовательного словаря А.Н. Тихонова [11]. В результате получено 805 гнёзд терминологической и общенаучной лексики физики [13].

Конечно, было бы неверно приравнивать к словообразовательным гнёздам также полученные нами цепочки и парадигмы [1, с.83], но такие минимальные по составу словообразовательные цепочки (например: *причина – причинный, точка – точечный*) демонстрируют активную лексику, хотя составляют не более 15% от общего количества гнёзд полученного словаря. В основном словообразовательные гнёзда подъязыка физики содержат около 8-10 слов, но

есть и гнезда, содержащие более 30 слов (например, с исходными словами *менять, делить, класть*). В результате словарь даёт возможность представить единицы системы словообразования, необходимые для освоения иностранными студентами научного стиля на 1-м курсе инженерного вуза.

Порождение текста носителем языка на интуитивном уровне подчинению законам организации словообразовательных гнезд, что проявляется в использовании моделей корневого повтора, разворачивающихся в тексте [4]. Вычленение моделей, их представление в качестве учебных единиц позволило создать учебное пособие для иностранных студентов [9], для которого разработана система условно-речевых упражнений, позволяющих последовательно ввести словообразовательные модели, затем цепочки, парадигмы и гнезда, организующие текст.

Наиболее активной для русского научного текста является модель корневого повтора N–V, демонстрирующая роль в организации научного текста однокоренных глагола и отглагольного существительного. Приведём пример развёртывания данной модели в микротексте: «В некоторых случаях при *повороте* оси гироскопа вместе с ним *поворачивается* и направление внешнего момента М» [10, с.49]. Данная модель разворачивается в тексте в виде текстового словообразовательного гнезда, требующего достраивания исходя из организации словарного словообразовательного гнезда:

Как можно видеть, корневой повтор N–V размещается в словообразовательном гнезде на конечных отрезках парадигмы, но, чтобы осознать его наличие и роль, надо познакомиться со структурой как словообразовательной цепочки, так и гнезда.

Обучение русскому языку иностранных студентов-нефилологов даёт следующие результаты: в экспериментальной группе по сравнению с контрольной понимание текста при чтении возросло на 19%, умение нахождения однокоренных слов в тексте – на 66%, умение подбора однокоренных слов к заданному – на 85%. Последнее свидетельствует о процессе выстраивания в подсознании иностранцев отношений объектов, действий, состояний по принципам организации лексических единиц не только внутри лексических тематических гнезд, но и внутри словообразовательных гнезд, способных стать опорой порождения текста.

Сопоставление пар сильных учащихся с парами слабых учащихся (выигрыш за счёт обучения в 36% и соответственно в 60%) позволил говорить о том, что слабые студенты достигли уровня сильных, которые обладали достаточно развитым языковым чутьём, что позволило им по традиционной методике обучения овладеть гнездовой словообразовательной грамматикой [4] и средствами текстообразования.

Проблема экспериментальных исследований организации текста с точки зрения роли в них однокоренных слов не нова [5], в основном внимание уделя-

лось ассоциативным связям, воспринимаемым носителями языка, что позволило исследователям создать деривационно-ассоциативный словарь носителей языка [5, с. 4].

Приёмы работы с однокоренными словами, словообразовательными гнёздами, тестовыми словообразовательными гнёздами, моделями корневого повтора особенно эффективны при изучении русского языка как иностранного и научного стиля речи, так как терминологической лексике свойственна системность, упорядоченность, стремление к созданию единообразных по внутренним структурным связям формально-семантических групп слов, объединённых общностью корня и способных участвовать в создании связности и цельности текста.

Результатом исследования явилось создание лексической базы, структурированной по словообразовательным законам русского языка на материале научного стиля, что может быть в какой-то степени приравнено к созданию для иностранцев функциональной грамматики, что позволило нам говорить о гнездовой словообразовательной грамматике русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Беляева М.Ю. Новое в сфере словообразовательной системности // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы II Междун. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2009. С. 82-83.
2. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 262 с.
3. Голев Н.Д. Текстовая деривация и деривационное функционирование лексических единиц в тексте // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. 1. М.: Филология, 1995. С. 128-130.
4. Гордиенко О.А. Обучение корневым повторам на основе словообразовательных гнёзд как средству понимания и порождения специального текста (на материале подязыка физики): автореф. дис. ... кандидата педагогических наук 13.00.02 / Ленинградский гос. ун-т, Л., 1990. 15 с.
5. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка: На материале деривационно-ассоциативного эксперимента: автореф. дис. ... кандидата филологических наук / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1999. 23 с.
6. Земская Е.А. Словообразование и текст (к семидесятилетию М.В. Панова) // Вопросы языкознания. М., 1990. №6. С. 17-30.
7. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972. С. 344-393.
8. Мельник Н.В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Кемерово, 2011. 47 с.
9. Русский язык. Научный стиль: метод. пособие для иностранных учащихся / Сост. О.А. Гордиенко. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2003. 61 с.
10. Савельев И.В. Курс общей физики. Т.1: Механика. Молекулярная физика: учеб. пособие. М.: Наука, 1982. 852 с.
11. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Около 145 000 слов. Т.1. М.: Русский язык, 1985. 856 с.
12. Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка). АДД. Барнаул, 2012. 39 с.
13. Учебный гнездовой словообразовательный словарь (на материале физики) / Сост. О.А. Гордиенко. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2003. 150 с.
14. Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2004. 43 с.

Л.Г. Золотых

L.G. Zolotykh

Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Sichuan University, China, Chengdu

О.Ю. Космачева

O. YU. Kosmacheva

Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)

Astrakhan State University, Astrakhan

Пэн Юйхай

Peng Yuhai

Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Sichuan University, China, Chengdu

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И СТРАНОВЕДЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ В БОЛЬШОМ УНИВЕРСАЛЬНОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье дается обоснование понятий «лингвокультурологический комментарий», «дискурсивное пространство» и «дискурсивное поле» для представления ценностной ориентации страноведческих и культурологических комментариев в Большом универсальном словаре русского языка (проект Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и Программы «Словари XXI века» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН – 2016).

Ключевые слова: комментарий, дискурсивное пространство, дискурсивное поле.

DISCURSIVE SPACES OF LINGUOCULTURAL AND REGIONAL STUDIES COMMENTS IN A GREAT UNIVERSAL DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE

The article defines the notions of “linguocultural commentary”, “discursive space” and “discursive field” to represent the value orientation of regional and cultural studies comments in the Great Universal Dictionary of Russian language (The project of Pushkin State Russian Language Institute and V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences “XXI Century Dictionaries” program, 2016).

Keywords: commentary, discursive space, discursive field.

Большой универсальный словарь русского языка является результатом фундаментального проекта Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и Программы «Словари XXI века» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (2016). Словарь отличается объемом (количество страниц: 1456, объем собственно словарных статей – 1365 страниц) и привлекает внимание широким спектром «сведений обо всех существенных аспектах бытования и употребления важнейших русских слов», в том числе информацию о «внутренней форме и этимологии, о вызываемых ими культурологических и страноведческих реминисценциях [2, с.3]. Именно этот аспект выделен нами

как объект данного исследования. Нашим авторским коллективом в качестве материала исследования были выбраны культуроведческие и/или страноведческие комментарии, обозначенные условным знаком в виде светло-темного кружка [2, с. 19].

Как отмечают авторы Большого универсального словаря русского языка В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая (далее БУСРЯ), словарная статья может иметь составной частью «характеристику страноведческой ценности заголовочной единицы с помощью приведения и объяснения вызываемых ею страноведчески (культурологически) значимых литературных и иных ассоциаций» [2, с. 9]. И здесь возникает вопрос о тождественности понятия «страноведческий» как производного от страноведения – географической дисциплины и понятия «культурологический», семантически связанного с гуманитарной наукой культурологией. Думается, что здесь подразумевается смысловая связь с лингвострановедением как научной и учебной дисциплиной.

Несомненно, страноведческий комментарий присутствует часто через номинации, типа заголовочного слова *ясный*; ‘Ясная Поляна – усадьба Л.Н. Толстого (в 14 км от города Тулы), где он родился, прожил большую часть своей жизни и похоронен; в настоящее время – мемориальный и природный музей-заповедник’ [2, с. 1443]. Однако нам кажется дискуссионным, что в качестве характеристики страноведческой ценности заголовочного слова «приводятся и объясняются крылатые слова, обязанные своим происхождением различным явлениям русской культуры, прежде всего, разумеется, художественной литературе» [2, с. 12]. Какой, например, страноведческий или культурологический комментарий содержится в следующих примерах? Заголовочное слово (далее – ЗС) *маленький*; ‘Надежды маленький оркестрик – образ никогда не покидающий человека надежды (из «Песенки о ночной Москве» Б. Окуджавы, 1963’ [2, с. 511]. ЗС *большой*; ‘Жираф большой, ему видней разг., шутл. – о неожиданном или непонятном для подчиненных решении начальника (из песни В.С. Высоцкого «В желтой жаркой Африке», 1968)’ [2, с. 64]. ЗС *тело*; ‘Чтобы тело и душа были молоды – употр. как характеристика действий, образа жизни, преследующих цель сохранить здоровье, бодрость, оптимизм и т.д., а также при обосновании необходимости занятий спортом, физической культурой (из песни «Спортивный марш» И.О. Дунаевского на стихи В.И. Лебедева-Кумача из кинофильма «Вратарь», 1936)’ [2, с. 1225].

Доказательством целесообразности использования именно понятия «лингвострановедческий» также может послужить представленный на Портале Института русского языка имени А.С. Пушкина «Образование на русском» инновационный проект (2014-2021 гг.) Лингвострановедческий словарь «Россия» [1].

Являясь фундаментальным словарем русского языка нового типа, БУСРЯ представляет лексическое ядро русского языка (около 30 000) и, несомненно, интерпретирует в комментариях лингвокультурологическую ценность. Поэтому предложенные авторами БУСРЯ «культуроведческие и/или страноведческие комментарии» [2, с. 19] в данном исследовании нами дополнены понятием

«лингвокультурологические комментарии», ср.: ЗС *идти*: ‘Иду на вы книжн. или *шутл.* – употр. в споре, поединке, когда один из участников предупреждает оппонента о том, что собирается выступить против него («сообщение «Иду на вы», т.е. на вас, посылал своим врагам русский князь Святослав Игоревич (X в.), предупреждая их о том, что собирается выступить в поход против них; «Повесть временных лет», XII в.)’ [2, с. 372].

Нами не ставилась цель подробного анализа указанных выше комментариев и оценки их лексикографической значимости. Использование материалов служит исключительно в научных целях в виде графических примеров для иллюстрирования выявленных нами дискурсивных пространств лингвокультурологических и страноведческих комментариев, представленных в БУСРЯ.

Выявление дискурсивно-событийных механизмов, формирующих лексическое значение и его смысловую репрезентацию, непосредственно связано с концептом как единицей, фокусирующей в сознании этносемантическую специфику посредством внутренней формы, коннотации, социально значимой оценочности, образного фона и культурно-прагматического потенциала. В связи с этим выделяется категория *дискурсивного пространства* как смысловой показатель ценностно-коммуникативной сущности культурного пространства, представленного и непосредственно формируемого в дискурсе. Внутри дискурсивного пространства выделяются *дискурсивные поля*, интерпретирующие взаимодействие текста в его широком понимании, сознания и культуры.

На примере одного заголовочного слова покажем, как представлена его лингвокультурологическая и страноведческая ценность посредством репрезентации разных дискурсивных пространств и дискурсивных полей. Так, для характеристики лингвокультурологической и страноведческой ценности дискурсивное пространство художественной литературы является наиболее продуктивным, что определено, в первую очередь, функциональными особенностями художественного стиля – функцией эстетического воздействия. Ср.: ЗС *день*: ‘**Майский день** [, именины сердца] *шутл.* или *ирон.* – о чем-л. особенно приятном, радостном; об очень хорошем настроении (фраза Манилова, персонажа поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», 1842)’ [2, с. 242]. ‘**Что день грядущий мне готовит?** *часто шутл.* – что ждет нас впереди, что приготовила нам судьба (из арии Ленского оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин», 1878, по одноименному роману А.С. Пушкина. <...> **Куда, куда вы удалились, | Весны моей златые дни?** – употр. как выражение сожаления о давно прошедшей юности, молодости (из романа «Евгений Онегин», 1823-1832; фраза приобрела популярность после постановки в 1878 г. одноименной оперы П.И. Чайковского, где прозвучала в арии Ленского)’ [2, с. 243]. Интересно, что в комментарии акцентируется приоритет дискурсивного поля оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин», что подтверждает восприятие этих крылатых фраз обыденным сознанием посредством популярности оперных исполнителей партий Ленского.

В структуре соответствующего дискурсивного пространства объективируются коммуникативно-прагматические стереотипы в речемыслительных образованиях, которые являются основными единицами дискурсивного сознания,

подтверждением чего являются устойчивые сочетания **последний день Помпеи** и **Вот тебе, бабушка, и Юрьев день**, у которых в пределах дискурсивного поля конкретного исторического события проявляется генетическая связь семантики и дискурса. Ср.: '**Последний день Помпеи** часто ирон. – о чем-л. имеющем катастрофические последствия для кого-л. (название известной картины К.П. Брюллова об извержении Везувия, 1830-1833)' [2, с. 242]. '**Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!** погов. – употр. в случае какого-л. неожиданного события, к-рое нарушило чьи-л. планы, не оправдало чьих-л. ожиданий, надежд (поговорка связана с эпизодом из русской истории середины XV века, когда неожиданно для крестьян было отменено право их перехода от одного помещика к другому один раз в год в течение недели до Юрьева дня (т.е. дня св. Георгия, 6 декабря нов. ст.) и в течение недели после него, чем было окончательно утверждено крепостное право в России)' [2, с. 242-243]. Дискурсивное поле русской народной городской песни интерпретируется лингвокультурологическим комментарием образного выражения '**Бывали дни веселые шутил.** – употр. с некоторым сожалением при воспоминании о бурно или весело проведенных эпизодах жизни, обычно в молодости' [2, с. 243].

Семантический сплав исторического дискурса и дискурсивного пространства праздников представлен страноведческим комментарием '**День Победы** – всероссийский государственный праздник в память победы Советского Союза над фашисткой Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., отмечаемый 9 мая' [2, с. 243].

Также в структуре словарной статьи даются ссылки на комментарии и к другим заголовочным словам для следующих выражений: **Группа продленного дня** (*группа*); **Девять дней** (к заголовочному слову *девять*¹ с указанием на первую словарную статью омонима); **Сорок дней** (к заголовочному слову *сорок*¹ с указанием на первую словарную статью омонима); **Дела давно минувших дней**, | [**Преданья старины глубокой**] (*дело*); **Бойцы поминают (вспоминают) минувшие дни** | **И битвы, где вместе рубились они** (*боец*); **Во дни торжеств и бед народных** (*народный*) [2, с. 243].

Для культурологического комментария '**Сороковой день** – сороковины, т.е. сороковой день после чьей-л. смерти, в к-рый по русскому обычаю принято третий раз – после дня похорон – устраивать поминки по умершему' [2, с. 242], **Девять дней**, **Сорок дней** стало дискурсивным стимулом обрядовое символическое действие, связанное с дискурсивным пространством обрядов и обычаев.

Следует отметить очень подробные культурологические комментарии, сформированные в дискурсивном пространстве православной религии. Например: '**Неделя [Торжества] Православия. Мясопустная неделя** – а) предпоследнее воскресенье перед Великим постом, после к-рого не полагается есть мясную пищу; мясопуст; б) <...> мясопустная седмица *офиц.* (у старообрядцев мясопустная седмица – предпоследняя календарная неделя перед Великим постом, а последней считается сыропустная седмица). **Масленая (Сырная) неделя** – Масленица. Сыропустная неделя – последнее воскресенье перед Великим постом; сыропуст; прощёное воскресенье. **Цветная (Цветоносная) неделя** –

Вербное воскресенье. <...> **Пасхальная неделя** – первая календарная неделя после Пасхи; Светлая седмица. **Фоминá неделя** – а) первая неделя после Пасхи; Антипасха; Красная горка; б) вторая календарная неделя после Пасхи, время гуляний и свадеб; Красная горка' [2, с. 602].

Интересны культурологические комментарии, интерпретирующие заголовочные слова, которые номинируют названия месяцев года, где дается этимологическая справка, связывающая дискурсивные пространства языческой культуры и православия. Например: '**ЯНВАРЬ** <...> До принятия христианства этот месяц на Руси назывался либо «сэчень» (от слова «сечь» – 'рубить'; месяц назван так потому, что он соответствует времени вырубки леса), либо «прóси-нец» (в это время начинается показываться синева неба). В январе в России нерабочими праздничными днями являются Новый год и новогодние каникулы (01.01–05.01) и двенадесятый непереходящий праздник Рождества Христова (07.01/ст. ст. 25.12). Кроме того, отмечаются двенадесятый непереходящий праздник Крещение Господне (19.01/ст. ст. 06.01) и народный праздник Старый Новый год (14.01)' [2, с. 1442]. '**МАРТ** <...> До принятия христианства этот месяц на Руси назывался «березозól» (в это время начинает пускать почки береза, берут сок из березы, жгут березу на уголь). В марте в России отмечаются: государственный праздник Международный женский день (08.03) (нерабочий день), двенадесятый переходящий праздник Вход Господень в Иерусалим / Вербное воскресенье <...>' [2, с. 513]. '**МАЙ** <...> До принятия христианства этот месяц на Руси назывался «трáвень» (в это время обильно зеленеет трава). В мае в России отмечаются государственные праздники: Праздник весны и труда и День Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (09.05) (нерабочий день), а также главный в православии праздник («праздник праздников» Пасха Христова <...>, двенадесятые переходящие праздники Вознесение Господне (бывает на сороковой день после Пасхи и, следовательно, может приходиться также на июнь) и День Святой Троицы / Пятидесятница (бывает на пятидесятый день после Пасхи и, следовательно, может приходиться также на июнь)' [2, с. 510].

Дискурсивное пространство литературы продуктивно представлено в комментариях и дискурсивные поля отражают творчество многих авторов: И.А. Крылова, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ильфа и Петрова и многих других. В БУСРЯ есть примеры дискурсивного поля литературоведческих терминов, например: '**Век Золотой век русской литературы** – период развития русской литературы (конец XVIII–XIX в.), к-рый отмечен именами великих русских писателей и поэтов <...>, создавших выдающиеся литературные произведения, во многом определившие как направление литературного процесса, так и умонастроение читателей. **Серебряный век русской литературы** – период развития русской литературы (конец XIX – первая четверть XX в.), к-рый отмечен именами великих русских писателей и поэтов <...>, создавших блестящие, новаторские по отношению к предшественникам литературные произведения, отмеченные формальной и содержательной, отвечающей духу времени, новизной' [2, с. 90].

Дискурсивное пространство русского фольклора представлено несколькими дискурсивными полями. Так, в русской лингвокультуре ‘белый цвет символизирует невинность и чистоту’ [2, с. 45], ‘красный цвет является цветом любви’ [2, с. 460], ‘черный цвет является цветом траура, горя, зла’ [2, с. 1387], ‘желтый цвет является цветом измены’ [2, с. 299]. Ассоциативная интерпретация желтого цвета дается в ЗС *дьявол*; ‘Желтый дьявол книжн., неодобр. – деньги, золото как средство обогащения, накопления, а также такое обогащение, накопление, нажива, выгода прежде всего как единственная цель в жизни, единственный ее смысл (выражение возникло на основе названия памфлета М. Горького «Город Желтого Дьявола», 1906)’ [2, с. 286]. Ассоциативное восприятие серого цвета представлено лингвокультурологическим комментарием к ЗС *волк*: ‘Серый волк – традиционное наименование волка в русских народных сказках’ [2, с. 128].

Русские народные сказки представлены в комментариях сказочными образами. Например: ‘КОЩЕЙ <...> Основной интригой сказок, связанных с Кошечем, является разгадка тайны его бессмертия: Кощей бессмертен и всемогущ до тех пор, пока никто не знает, где спрятана его смерть; поэтому положительный герой сказок обычно ищет это тайное место. А оно находится на острове посреди острова-океана, где растет могучий дуб, под к-рым зарыт сундук (иногда он висит на ветвях), в сундуке спрятан заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце игла, на конце к-рой и находится смерть Кощей. Если сломать ту иглу, злой чародей умрет и се его волшебство потеряет силу. Кощей настолько худ и костляв, что напоминает скелет’ [2, с. 457]. ‘МАЛЬЧИК <...> Мальчик с пальчик – очень маленький мальчик (по названию персонажа русских народных сказок – очень маленького мальчика, отличающегося силой, смелостью, смекалкой)’ [2, с. 512]. ‘СЫРОЙ <...> В русском фольклоре слово сырой (знач. 1.0. Пропитанный, покрытый влагой, водой (об объектах средней влажности, заметной глазу и/или на ощупь) является постоянным эпитетом существительного «земля»’ [2, с.1210]. ‘ЧУДО <...> Чудо чудное [, диво дивное] – о ком-чем-л. необыкновенном, совершенно поразительном (выражение из русских сказок). Чудо-юдо [, рыба кит] разг., шутол. – а) в любых вариантах: сказочное морское существо – гигантская рыба; в варианте Чудо-юдо: сказочное необыкновенное существо (из русских сказок); б) перен. о ком-чем-л. совершенно удивительном, необычном, странном’ [2, с. 1405].

Интересны лингвокультурологические комментарии к междометиям, например: ЗС *голубь*: ‘Гули-гули-гули / гуль-гуль-гуль – возглас, к-рым призывают голубей’ [2, с. 201]; ЗС *журавль*: ‘Курлы-курлы – традиционное изображение крика журавля’ [2, с. 309]; ЗС *куча*: ‘Куча мала!’ – возглас в детской игре, по к-рому устраивается общая свалка [2, с. 481] и другие.

Широко представлено дискурсивное поле народных примет, ср.: ‘СИРЕНЬ <...> В России верят, что если найти в соцветьях сирени цветок не с четырьмя, а с пятью лепестками, то твое желание исполнится’ [2, с. 1083]: ‘РОНЯТЬ <...> Есть примета: если в доме кто-то уронит нож, это значит, что в

дом скоро придет мужчина, а если ложку или вилку – то должна прийти женщина’ [2, с. 1026].

Также нами выявлено дискурсивное пространство русского этикета, например: **МАМА** <...> У русских принято обращаться к своей матери на ты. Обращение на вы встречается очень редко. К матери мужа (свекрови) или жены (теще) чаще обращаются на вы (даже если называют их «мама»)’ [2, с. 512].

Дискурсивное пространство истории представлено 1) фразеологизмами, например: **ГОСТЬ** <...> **Незванный (нежданный) гость хуже татарина** *посл.* – прием в качестве гостя человека, к-рый пришел к кому-л. в дом неожиданно, без приглашения, может нарушить все планы хозяев, влечет за собой большие неудобства для хозяев (пословица исторически связана с борьбой русского народа против татаро-монгольского ига)’ [2, с. 208]; 2) артефактами, ср.: **ЦАРЬ** <...> **Царь-колокол** – гигантский (высота 6 м 14 см, вес более 200 т) колокол, отлитый русскими мастерами Иваном и Михаилом Маториными в 1735 г.; является памятником литейного искусства XVIII в.; установлен для всеобщего обозрения в Московском Кремле. **Царь-пушка** – артиллерийское орудие, отлитое русским мастером Андреем Чоховым в 1586 г. для обороны Кремля (вес ствола 40 т, калибр 890 мм); является памятником литейного искусства XVI в.; установлена для всеобщего обозрения в Московском Кремле’ [2, с. 1366]; цитатами – крылатыми выражениями исторических деятелей, например: **ЭПОХА** <...> **Ум, честь и совесть нашей эпохи** что-л. *ирон.* – о ком-чем-л., присвоившем себе исключительное право выносить какие-л. окончательные моральные или иные оценки (от официального во времена Советского Союза определения значимости Коммунистической партии, к-рое восходит к работе В.И. Ленина «Политический шантаж», 1917)’ [2, с. 1431].

Для носителей русского языка строки песен, которые интерпретируют лингвокультурологическую информацию к какому-то заголовочному слову, хорошо знакомы и узнаваемы. Однако дискурсивное пространство песни – это семантический сплав слов и музыки – результат творчества поэта и композитора. Не только для иностранца, но и для современного молодого читателя этого словаря многие песенные интерпретации могут восприниматься как архаические смыслы, но тем и значимы лингвокультурологические комментарии, связанные с дискурсивным пространством песни, сохраняющей межпоколенную трансляцию ценностной картины мира культурно-языкового сообщества ср.: **ОБЕЩАТЬ** <...> **Не обещайте деве юной | Любви вечной на земле** – не следует клясться в вечной любви, потому что протоколов будущего нет и в жизни и в жизни может случиться всякое (из «Песенки кавалергарда» И.И. Шварца на стихи Б.Ш. Окуджавы, из кинофильма «Звезда пленительного счастья», 1975)’ [2, с. 641]: **ГОРЕТЬ** <...> **Гори, гори, моя звезда!** – употр. обычно в заголовках публикаций как призыв, выражающий пожелание, чтобы нечто не прекращалось, продолжало существовать (название и начало популярного романса П.П. Булахова на слова В.П. Чувевского, 1868)’ [2, с. 204].

Выбранный материал из БУСРЯ определен несомненной ценностью данного лексикографического издания не только для воплощения нашего исследо-

вательского интереса, но и для перспективных научных изысканий, что обусловлено обширным семантическим диапазоном иллюстраций, отражающих живой русский язык. Когнитивно-дискурсивный анализ представленных в БУСРЯ лингвокультурологических и страноведческих комментариев способствует выявлению взаимоотношений их семантической репрезентации (а именно соотношения содержания того или иного выражения и его смысла) и элементов культурно-дискурсивного пространства.

Список литературы

1. Лингвострановедческий словарь «Россия» // Портал «Образование на русском» URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Тематический_указатель:Перечень_тематик (дата обращения: 12.09.2021).
2. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. 1456 с.

Е.Е. Иванов

E.E. Ivanov

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

О ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АФОРИСТИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*

В статье рассматриваются принципы дифференциации афоризмов и фразеологизмов как единиц с разными лингвистическими свойствами. Определяются такие языковые характеристики, на основании которых можно объективно разграничить афористические и фразеологические единицы. Описываются явления фразеологизации афоризма и афоризации фразеологизма.

Ключевые слова: афоризм, фразеологизм, понятие, дифференциация, фразеологизация, афоризация.

ABOUT THE PROBLEM OF LINGUISTIC DIFFERENTIATION APHORISTIC AND PHRASEOLOGICAL UNITS*

The article discusses the principles of differentiation of aphorisms and phraseological units as units with different linguistic properties. The linguistic characteristics of the differentiation of aphoristic and phraseological units are determined. The phenomena of phraseologization of aphorism and aphorization of phraseological unit are described.

Keywords: aphorism, phraseological unit, concept, differentiation, phraseologization, aphorization.

* Исследование выполнено в рамках задания Государственной программы научных исследований 2021-2025 гг., № 20211335 (Республика Беларусь).

* The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021-2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

Соотношение афористики и фразеологии остаётся дискуссионной проблемой в современном языкознании. С одной стороны, как указано в предисловии к «Словарю афоризмов русских писателей» (2004), который был создан под руководством профессора А.Н. Тихонова, «вне афористики остаются фразеологические (устойчивые) обороты, пословицы и поговорки, а также парадоксы, каламбуры, эпиграммы и др.» [5, с. 4]. С другой стороны, пословицы во многих лингвистических работах часто квалифицируют как «языковые афоризмы» [1]. С третьей же стороны, в качестве основного признака афоризма может рассматриваться только его воспроизводимость. Так, по мнению Н.Б. Мечковской, «у тех крылатых фраз, которые в XX в. называют афоризмами, нет иного общего свойства, кроме воспроизводимости» [11, с. 81].

Последний подход автоматически позволяет зачислить все афоризмы в разряд фразеологических единиц, чему в немалой степени способствует довольно распространённое до сих пор в языкознании широкое понимание объёма фразеологии как лингвистической дисциплины, что оказало влияние на формирование лингвистической теории афоризма в русистике [6; 8]. Показательно в этой связи, что такие крупнейшие современные исследователи русской афористики, как профессор А.В. Королькова, склоняются к пониманию афористических единиц как части фразеологии в максимально расширенной её интерпретации [4]. Так, А.В. Королькова считает, что «с точки зрения семантики афоризмы и фразеологизмы даже в узком понимании термина имеют много общего» [3, с. 33].

Фразеологическое понимание афоризма имеет немало сторонников, которые ищут и находят немало точек соприкосновения таких многоаспектных и сложных по своему устройству языковых единиц, как афоризмы и фразеологизмы. Не случайным поэтому является стремление многих лингвистов к дуалистическому решению проблемы пересечения афористики и фразеологии, которое нашло яркое отражение в названии диссертационного исследования Е.О. Тумановой – «Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка» (2012) [13].

Между тем стремительное развитие изучения афористических единиц как самостоятельного направления в современной лингвистике предполагает его теоретическое, методологическое и метаязыковое обособление либо как части фразеологии («афористической фразеологии», как в своё время предлагал С.Г. Гаврин [2]), либо как самостоятельной языковедческой дисциплины – лингвистики афоризма [9; 10]. Последнее более предпочтительно, однако должно быть максимально объективно обосновано.

Понимание афористики (или лингвистической афористики) как дисциплины не родственной фразеологии в плане объекта изучения, а изоморфной (так же, как и лексикология) требует соответствующего описания афоризмов как единиц нефразеологической природы. Важным в этой связи является не столько функциональный аспект (описание условий употребления афоризма в речи с учётом его функций, сочетаемости и коммуникативной

роли), сколько выявление семантической и структурной специфики афоризмов в плане их способности воспроизводиться в речи в «готовом» виде. Такой подход позволяет рассматривать, с одной стороны, фразеологизмы, а с другой стороны, устойчивые и воспроизводимые афоризмы как принципиально разные единицы.

Так, в своих классических пониманиях **фразеологизмы и афоризмы не являются тождественными языковыми образованиями** (афоризмы нельзя квалифицировать как фразеологические единицы) **и не вступают между собой в родо-видовые отношения** (афоризмы не являются разновидностью фразеологизмов), поскольку различаются целым рядом весьма существенных языковых характеристик:

1) фразеологизмы – это только сверхсловные единицы, афоризмы могут быть однословными (как в обычном, так и в трансформированном виде);

2) фразеологизмы нередко используется в качестве компонентов афоризмов, однако афоризм ни в каком случае не может быть составной частью фразеологизма;

3) фразеологизмы являются только воспроизводимыми единицами, а афоризмы могут как свободно создаваться в речи, так и воспроизводиться разово или массово;

4) фразеологизмы – это только в разной степени идиоматические единицы, в то время как афоризмы могут иметь прямую мотивировку как общего значения, так и значений лексических компонентов;

5) фразеологизмы – это только устойчивые сочетания слов, тогда как афоризмы могут приобретать или утрачивать устойчивость в процессе своего употребления в речи;

6) фразеологизмы не употребляется структурно и семантически независимо от других единиц в речи, в то время как афоризмы являются самостоятельными, автосемантическими единицами;

7) фразеологизмы строятся по модели словосочетания, законченного или незаконченного предложения, сочинительных сочетаний, предложно-падежных форм, а афоризмы – это только законченные предложения;

8) фразеологизмы отражают действительность только в конкретном, «фактологическом» плане, афоризмы – это изречения с обобщённо-универсальным значением.

Афористические единицы, как показали исследования, имеют иной набор признаков, чем фразеологические единицы, хотя могут иметь и тождественные свойства [7]. Однако весьма показателен тот факт, что **одни и те же признаки в афористических и фразеологических единицах имеют различную природу**. Так, устойчивость афористических фраз является результатом не только ограничения свободы (регулярности) выбора и сочетаемости лексических компонентов. Несвобода лексико-грамматической организации афористических фраз обусловлена, прежде всего, той их **нераздельностью в отражении действительности**, которая определяется уникальной спецификацией данного набора лексических компонентов и их грамматической

организацией в структуре данного афоризма при его создании в речи в виде свободной фразы. Именно эта нераздельность детерминирует устойчивость афоризма как его реальное, и как потенциальное качество, чего лишены фразеологизмы.

Весьма показательно в плане дифференциации афористических и фразеологических единиц то, что они могут переходить друг в друга в результате утраты одних свойств и приобретения иных.

Так, в результате утраты афоризмом обобщённого значения и приобретения нового значения в речи может возникнуть такая уникальная связь между лексическими компонентами, которая детерминирует его семантическую неделимость (идиоматичность) и создаёт основания для перехода афористической единицы в разряд фразеологизмов. Данное явление можно определить как **фразеологизация афоризма**.

Например, фраза *Не бей лежачего* как императивная форма правила кулачного боя *Не бить лежачего* (в прямом значении) и как пословица *Лежачего не бьют* (в переносном значении ‘Пострадавшего, попавшего в беду щадят, не причиняют ему новых неприятностей’) утратила свой обобщённый смысл, а вместе с ним и предикативную семантику и начала функционировать как идиома (как фразеологизм) *не бей лежачего* в значении ‘1. [что] лёгкий, не требующий никаких усилий, забот, хлопот [как правило, о работе]; 2. [кто] не желающий прилагать никаких усилий, никуда не годный [как правило, о работнике]’. Или известная пословица *Язык без костей* в значении ‘Сказать можно всё, что угодно’ с утратой обобщённого смысла семантически и грамматически трансформировалась во фразеологизм *язык без костей* [у кого] в значении ‘кто-либо очень болтливый (в качестве характеристики кого-либо)’.

То же можно наблюдать и в других языках. Так, в белорусском языке фраза *Што ўбіў, тое ўехаў* как «деловое» изречение (‘Як паганяеш каня, так і едзеш’) и как производная от него пословица с переносным смыслом (‘Бесклапотнага нічога не турбуе’) утратили обобщённое значение и фразеологизировались – стали употребляться как фразеологизм *што ўбіў то <i>ўехаў [хто]* в значении ‘бесклапотны, гультаяваты, такі, што толькі пад прымусам робіць што-небудзь’.

Фразеологизироваться может и одна из парадигматических форм устойчивой афористической единицы. Например, *Клин клинам выбивать* как одна из форм пословицы *Клин клинам выбивают* (‘Негативные результаты какого-либо действия ликвидируются теми же средствами, которыми были вызваны’) утратила обобщённое значение и перешла в состав фразеологических единиц в форме *выбивать (выбить) клин клином* со значением ‘противодействовать чему либо тем же самым’.

В свою очередь, фразеологизм может приобрести самостоятельный обобщённый смысл и начать употребляться в речи как афористическая единица. Такое явление целесообразно квалифицировать как **афоризация фразеологизма**. Например, *знает себе цену [кто]* как фразеологическая единица в значении ‘кто-либо высоко оценивает свои возможности, качества’ и

образованное в результате универсализации семантики её дебитивной формы законченное изречение, которое функционирует как пословица *Нужно знать себе цену* со значением ‘Каждому нужно хорошо знать свои качества, способности, возможности, не позволять никому их принижать’.

Явление афоризации фразеологизма наблюдается также и в других языках – в белорусском, в польском. Например, фразеологизм *ведаць (знаць) цану [сабе]* в значении ‘правільна, з улікам вартасцей ацэньваць сябе’ в результате семантической генерализации его дебитивной формы преобразовался в пословицу *Трэба ведаць (знаць) сабе цану* со значением ‘Кожнаму трэба ведаць свае асабістыя якасці, здольнасці, магчымасці, не дазваляць нікому іх зневажаць’). Также фразеологизм *цераз хлеб (ад хлеба) шукаць хлеба* в значении ‘мяняць становішча, прывычны парадак жыцця’ в результате универсализации его инфинитивной формы трансформировался в пословицу *Ад хлеба не шукаюць хлеба* со значением ‘Дасягнутае становішча задавальняе, і няма сэнсу мяняць яго’ (образование новой пословицы произошло по образцу синонимичной пословицы *Ад дабра дабра не шукаюць*). Или в польском языке, например, фразеологизм *szukać wiatru w polu* в значении ‘[o kimś, o czymś] zaginionym, niemożliwym do odnalezienia’ в результате обобщения значения своей императивной формы преобразовался в пословицу *Szukaj wiatru w polu* со значением ‘Daremnie starać się o to, co nieosiągalne; używane w sytuacji, gdy mówiący uważa, że nie ma szans, aby ktoś lub coś odnaleźć’ (следует заметить, что аналогичные фразеологизмы и образованные от них пословицы есть и в русском, и в белорусском языках).

В силу различных структурных, семантических и функциональных свойств фразеологические и афористические единицы имеют разную внутреннюю дифференциацию (так, **устойчивые и воспроизводимые афористические фразы не дифференцируются на те грамматические, семантические и функциональные классы, на которые традиционно разграничиваются фразеологические единицы**). Несовпадение групп афористических и фразеологических единиц указывает на их локализацию на разных уровнях языковой системы – фразеологизмы преимущественно относятся к лексико-фразеологическому уровню, а афоризмы (как и пословицы) – к синтаксическому, где они образуют отдельную группу высказываний обобщённо-универсальной семантики, построенных по модели «абстрактного предложения» (по терминологии О.С. Ахмановой) – такого «предложения, которое содержит всеобщие или вневременные утверждения» [13, с. 30].

Таким образом, **устойчивые и воспроизводимые афористические фразы** (как и все остальные афоризмы) следует рассматривать не как тождественные или близкие, а как **изоморфные фразеологическим единицам**, что, в свою очередь, требует соответствующего описания афоризмов (и свободных, и устойчивых) как единиц нефразеологической природы.

Список литературы

1. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. С. 71-80.
2. Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Учёные записки Пермского государственного педагогического института. 1971. Т. 87. С. 3-23.
3. Королькова А.В. Русская афористика. М.: Флинта: Наука, 2005. 344 с
4. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. Смоленск, 2005. 422 с.
5. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей / под рук. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык – Медиа, 2004. 627 с.
6. Иванов Е.Е. Афоризм как единица языка (к истории и теории понятия) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. / МГУ имени М.В. Ломоносова; редкол.: И.М. Кобозева (отв. ред.) [и др.]. М.: Филология, 1995. Т. 1. С. 192-193.
7. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659-706.
8. Иванов Е.Е. Изучение языковой природы афоризма в русистике 1960-80 гг. (проблемы формирования лингвистической теории афоризма). Минск: Веды, 1999. 52 с.
9. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма. Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 156 с.
10. Лингвистика афоризма. Хрестоматия / сост. Е.Е. Иванов. Минск: Вышэйшая школа, 2018. 304 с.
11. Мечковская Н.Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи. 2009. Вып. 6. С. 79-111.
12. Словарь лингвистических терминов / сост. О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
13. Туманова Е.О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2012. 293 с.

Л.А. Климкова

L.A. Klimkova

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

(Арзамас, Россия)

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas

ОНИМИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО КАК МИКРОСИСТЕМА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ)

В статье дан обзор ряда отечественных словарей, созданных во 2-ой половине XX вв. – в первые десятилетия XXI вв., зафиксировавших онимические комплексы, с приведением некоторых из них в качестве примеров для иллюстрации характера, специфики того или иного словаря. Особое внимание обращено на структурно-словообразовательный принцип организации и подачи единиц онимических комплексов. В связи с этим выстраивается типология гнезд и соответствующих словарей.

Ключевые слова: *имя собственное, онимический комплекс, гнездо, компонент гнезда, гнездовой словообразовательный словарь.*

ONYMIC CLUSTER AS A MICROSYSTEM (BASED ON DICTIONARY MATERIALS)

The article gives an overview of a list of national dictionaries, compiled in the 2nd half of the XX – the 1st decade of the XXI century, which include onymic sets; some of the examples are given, specific features of the dictionaries are shown. The author gives special attention to structural and derivational principles of onymic sets. As a result a typology of clusters and dictionaries is completed.

Keywords: *proper noun, onymic set, onymic cluster, cluster component, derivational cluster dictionary.*

Отечественная лексикография располагает значительным количеством онимических словарей – топонимических, охватывающих топонимию различных территорий (мира, стран, регионов, подрегионов); антропонимических, фиксирующих антропонимы разных типов и разных территорий; а также других [5, с. 249-259]. Кроме, так сказать, собственно онимических словарей, в которых даются сами имена собственные (ИС), ядро их энциклопедического значения, этимологические справки, есть те, в которых представлены комплексы однокоренных единиц от (с) ИС, но без актуализации словообразовательной структуры и деривационной последовательности [8]. Лексикографическим объектом становятся онимы и производные от них определенного типа (типов):

– названия жителей населенных пунктов тех или иных регионов (с их вариантами, в формах мн. ч., ед. ч. – м. и ж. рода), при этом к каждой производной единице приводится иллюстративный материал с указанием источника [9, 10];

– прилагательные от онимов, топонимов, названий географических объектов Земли, мира, словарную статью при этом возглавляет топоним (с указанием характера объекта, места расположения, а к прилагательному от него приводится иллюстративный материал [6];

– апеллонимы (по В.П. Нерознаку), производные от ИС (с дефинициями и пометами), при этом словарная статья выстраивается от производного апеллятива к историко-этимологической справке с включением производящего онима и его минимального энциклопедического значения [2, с. 179-532].

В этих словарях и им подобных комплексы единиц, связанных с ИС, даются без специальной экспликации словообразовательных отношений. На этом фоне следующую, более высокую степень осмысления ИС и представления их деривационного потенциала, деривационной последовательности (ступенчатости), с перспективным способом подачи словообразовательных пар, являют собой гнездовые словообразовательные словари А.Н. Тихонова, не имеющие прецедентов в отечественной, да и в мировой лексикографии, – малый (школьный) [12] и большой [13]. По сравнению с ними названные выше словари предстают, по сути дела, частичногнездовыми или полугнездовыми [13, I, с. 3].

В большом гнездовом словообразовательном словаре помещена часть ИС: словообразовательные гнёзда (СГ) с ИС – вершинами, имеющими широкое распространение как подвергшиеся апеллятивации (*Обломов, Манилов, Ноздрев*

и под.), но без фиксации самой ступени апеллятивации (*Обломов* – *обломов*, *Ноздрев* – *ноздрев*), за некоторым исключением (*Геркулес* – *геркулес* I Силач; *геркулес* II Крупа); или даётся гнездо с вершиной-отонимным апеллятивом без приведения самого ИС: *донжуан*, *донкихот*, *русский* и др.; гнезда с вершинами-антропонимами вне их апеллятивации как производящая база для деривации морфологическим способом (*Кирилл*, *Конфуций*, *Ленин*, *Маркс*, *Христос* и др.); причина наличия гнезда и его объем определяется здесь вкладом личности в отечественную и мировую культуру; гнезда с вершинами-топонимами, в частности названиями материков, стран, городов и др., если от них есть производные (*Азия*, *Австрия*, *Америка*, *Германия* и т.д.); в них типичными производными единицами являются названия жителей, относительные прилагательные, сравнительно-уподобительные наречия.

В целом в словаре около 150 гнезд с вершинами-онимами (из общего числа гнезд в нем – 12621), комбинированных по своему характеру: онимо-апеллятивных с экспликацией словообразовательной структуры, проявляющих деривационный потенциал онимов (внеонимный потенциал) [3], соотносенный с экстралингвистическими факторами. При этом гнезда разного объема и разной степени сложности (по количеству производных, словообразовательных пар, цепочек, парадигм), разной глубины (по количеству словообразовательных ступеней: от одной до пяти), то есть слаборазвернутые и сильноразвернутые [15, с.7], например: *Варшава*, *Герострат*, *Робинзон* – по одному производному и, естественно, по одной паре и одной ступени; *Гемшир* – два производных, две пары, одна цепочка, две ступени; *Вольтер* – пять производных, пять пар, одна цепочка, одна парадигма, две ступени; *Европа* – 31 производное, 16 цепочек, 5 парадигм, 4 ступени; и т.д.

СГ с вершинами-онимами входят и в более сложные объединения (микросистемы) СГ – в аллигатуры, то есть в совокупности СГ, связанных, в частности, через производные-композиции от разных ИС. Например: СГ *Америка* + СГ *Китай* (американо-китайский, китайско-американский), СГ *Америка* + СГ *Испания* (испано-американский) и др.

Словообразовательным гнездовым является и словарь, созданный несколькими авторами (коллективом лексикографов во главе с А.Н. Тихоновым [14]). Это целиком онимический, антропонимический словарь с организующим принципом последовательной производности. В нем вскрыт богатый деривационный потенциал личных имен, персонимов, в русском языке – «мощные гнезда производных имен уменьшительно-ласкательного характера и сокращенных имен» [4, с. 292].

В отечественной лексикографии есть несколько антропонимических словарей-предшественников тихоновского [7, 11], которые отличаются не только по принципу расположения материала, но и по объему микросистем. По сравнению с тихоновским эти словари и по данному признаку можно, думается нам, отнести к частичногнездовым.

Гнездовой способ расположения слов воплощен (правда, иначе, чем у А.Н. Тихонова) и в более позднем по времени созданию Словаре И.А. Ширшова

[15]. Здесь гнездо предстает как толково-словообразовательное – как «группировка однокоренных слов с фиксацией лексических значений и словообразовательной структуры производных. Гнездо этого типа аккумулирует в себе два аспекта – семантический и структурный – и предстает как структурно-семантическое целое» [15, с. 6]. Словарь сочетает в себе принципы толкового словаря (в нем грамматическая, стилевая, дефинитивная (семантическая), иллюстративная зоны) и словообразовательного (даны словообразовательные пары проспективного характера с выделением словообразующих величин – без представления деривационных ступеней и соответственно – цепочек и парадигм). В нем 40 гнезд с вершинами-онимами. Например: *Геркулес*, -а, м. 1. Латинское название героя древнегреческих сказаний Геракла, отличавшегося необыкновенной физической силой. 2. Человек громадной физической силы и атлетического сложения. *Добродушный г.* 3. Сорт овсяной крупы. *Купить г. / Геркулесовский*, -ая, -ое [геркулес → геркулес → геркулес-**овск**-ий]. Свойственный геркулесу (во 2 знач.). *Геркулесовское телосложение. / Геркулесовый*, -ая, -ое [геркулес → геркулес-**ов**-ый]. Приготовленный из геркулеса (в 3 знач.). *Геркулесовая каша* [15, с. 203].

Примечателен словарь М.В. Ахметовой [1], в нем зафиксированы неофициальные ойконимы с их дериватами – адъективами и катойконимами (в форме мн.ч. и/или ед.ч.), к которым дан иллюстративный материал из газет и Интернет – ресурсов, то есть здесь тоже реализован гнездовой принцип организации материала, но без экспликации структурно-словообразовательного аспекта (сведения о способах образования единиц даны в теоретической части книги), так что объект словаря – своеобразные лексические гнезда с вершинами-официальными ойконимами (с их родовыми обозначениями и адресной частью). Например: *Александров Гай* / село, Саратовская обл., центр Александрово-Гайского р-на / *Алгай*, тж *Ал-Гай*, *АлГай* <...>*алгайский* <...>*алгайцы* <...>*алгаец* <...>*алгайка* <...> [1, с. 67].

Таким образом, отечественная лексикография располагает рядом словарей, зафиксировавших онимические комплексы (или какую-то их часть), каждый из которых представляет собой систему однокоренных единиц, организованных как гнездо или как компонент гнезда. При этом гнезда являются разными по характеру, составу, объёму единиц, способу их организации – лексическими, словообразовательными или комбинированными; чисто (собственно) онимическими или онимно-апеллятивными (с вершиной-онимом и апеллятивными дериватами или с такой же вершиной и дериватами как онимами, так и апеллятивами); слабозавернутыми и сильнозавернутыми, а также фиксирующими всё гнездо единиц или какую-то его часть. В соответствии с этим словаря, объект которых составляют онимические комплексы, являются онимическими или апеллятивными, включающими определенную часть онимов языка; а также целиком гнездовыми словообразовательными или частичногнездовыми, полугнездовыми. Цель полного гнездового словообразовательного словаря (в том числе полного онимического) – дать все дериваты от непроемных слов с экспликацией словообразовательных отношений и словообразующих величин.

Список литературы

1. Ахметова М.В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015. 496 с.
2. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 544 с.
3. Климкова Л.А. Деривационный потенциал имен собственных в русском языке // Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 70-80.
4. Ковалёв Г.Ф. Современные словари русских личных имен // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 289-294.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
6. Левашов Е.А. Словарь прилагательных от географических названий. М.: Рус. яз., 1986. 550 с.
7. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 384 с.
8. Словарь географических названий СССР / под ред. М.Б. Волостновой. М.: Недра, 1968. 271 с.
9. Словарь названий жителей РСФСР / под ред. А.М. Бабкина. М.: Советская энциклопедия, 1964. 398 с.
10. Словарь названий жителей СССР / под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. М.: Русский язык, 1975. 616 с.
11. Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 656 с.
12. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1978. 727 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. 2-ое изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 896 с.
14. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. 733 с.
15. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.

А.В. Королькова

A.V. Korolkova

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

Smolensk State University, Smolensk

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ А.Н. ТИХОНОВА

В статье говорится о лексикографических работах, концепции которых были разработаны А.Н. Тихоновым. Под руководством А.Н. Тихонова были созданы и изданы: «Учебный фразеологический словарь русского языка» (соавтор: Н.А. Ковалева) (АСТ, Астрель, 2001, 2007, 2014) «Фразеологический словарь русского языка» (М.: Русский язык. Медиа, 2003) (авторский коллектив: Ломов А.Г., Ломова Л.А.); «Словарь афоризмов русских писателей» (М.: Русский язык Медиа, 2004 г.) (авторский коллектив: А.В. Королькова, А.Г. Ломов); «Фразеологический словарь русского литературного языка» в 2-х томах (М.: Флинта. Наука, 2004) (авторский коллектив: А.В. Королькова, А.Г. Ломов); «Женщины, счастье, лю-

бовь глазами русских писателей и поэтов. Словарь афористических концептов» (соавтор: А.В. Королькова) (М.: Флинта. Наука. 2007).

Ключевые слова: лексикография, фразеография, афористика, А.Н. Тихонов.

PHRASEOLOGICAL LEXICOGRAPHY OF A.N. TIKHONOV

The article talks about lexicographic works, the concepts of which were developed by A.N. Tikhonov. Under the leadership of A.N. Tikhonov were created and published: "Educational phraseological dictionary of the Russian language" (co-author: N.A. Kovaleva) (AST, Astrel, 2001, 2007, 2014) "Phraseological dictionary of the Russian language" (Moscow: Russian language. Media, 2003) (team of authors: Lomov A.G., Lomova L.A.); "Dictionary of Aphorisms of Russian Writers" (Moscow: Russkiy Yazyk Media, 2004) (team of authors: A.V. Korolkova, A.G. Lomov); "Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language" in 2 volumes (Moscow: Flinta. Nauka, 2004) (team of authors: AV Korolkova, AG Lomov); "Women, happiness, love through the eyes of Russian writers and poets. Dictionary of Aphoristic Concepts" (co-author: A.V. Korolkova) (Moscow: Flinta. Science. 2007).

Keywords: lexicography, phraseography, aphoristics, A.N. Tikhonov.

А.Н. Тихонов сыграл особую роль в активном развитии современной лексикографии в целом и фразеографии в частности. Именно при его участии и под его руководством были созданы и изданы: «Учебный фразеологический словарь русского языка» (Н.А. Ковалева) (АСТ, Астрель, 2001, 2007, 2014) [3]; «Фразеологический словарь русского языка» (М.: Русский язык. Медиа, 2003) (авторский коллектив: Ломов А.Г., Ломова Л.А.) [4]; «Словарь афоризмов русских писателей» (М.: Русский язык Медиа, 2004 г.) (авторский коллектив: А.В. Королькова, А.Г. Ломов) [2]; «Фразеологический словарь русского литературного языка» в 2-х томах (М.: Флинта. Наука, 2004) (авторский коллектив: А.В. Королькова, А.Г. Ломов) [5]; «Женщины, счастье, любовь глазами русских писателей и поэтов. Словарь афористических концептов» (А.В. Королькова) (М.: Флинта. Наука. 2007) [1].

«Учебный фразеологический словарь русского языка» [3], созданный авторской группой А.Н. Тихонова и Н.А. Ковалевой. В словарь включены наиболее частотные фразеологические единицы современного русского языка (около 2000). Так как словарь позиционировался как учебный, прежде всего рассчитанный на школьников и студентов, в нем дано комплексное толкование семантики ФЕ, стилистическая характеристика, в необходимых случаях грамматическая характеристика компонентного состава; в трудных случаях толкования фразеологической единицы дается этимологический комментарий. Помимо собственно словарных статей в книге предлагается справочный материал по теории фразеологии (классификация по значению, лексико-грамматические разряды, характеристика экспрессивно-стилистических особенностей ФЕ). Особо следует указать на раздел, в котором речь идет об источниках фразеологии, а также о соотношении пословиц, поговорок, ФЕ во фразеологической системе языка.

«Фразеологический словарь русского языка (2003 г.) (авторский: коллектив: Ломов А.Г., Ломова Л.А.) [4] был составлен на основе концепции широкого понимания фразеологии, которой придерживались и авторы «Словаря со-

временного русского литературного языка» (ССРЛЯ) (в том числе и С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, В.В. Виноградов, С.П. Обнорский). Основой словаря стала частотная часть фразеологии, зафиксированной в «Словаре современного русского литературного языка», свыше 10 тысяч ФЕ. Автором концепции словаря стал А.Н. Тихонов, который считал, что фразеологические единицы, представленные в словаре, должны не только быть истолкованы, к ним должны быть даны разнообразные примеры. Особо необходимым А.Н. Тихонов считал пересмотреть систему глагольных фразеологических единиц, обращая внимание на уточнение видовых пар глагольных компонентов ФЕ. Данный словарь выдержал несколько переизданий: в 2007 и в 2014 году.

В 2004 году под редакцией А.Н. Тихонова в издательстве «Флинта. Наука» из печати вышел «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2-х томах [5]. Концепцию данного словаря также разрабатывал А.Н. Тихонов, основываясь на широком толковании понятия фразеологической единицы, поэтому в словарь включены ФЕ с нумеративными компонентами (в один голос; один как перст), составные термины (черный ящик; атомная энергия), идиоматичные междометные конструкции типа «Боже мой!» При таком расширительном толковании ФЕ в состав фразеологического фонда языка вошло множество единиц, которые не могли быть зафиксированы во «Фразеологическом словаре» под редакцией А.И. Молоткова, который включил в словарь почти исключительно одни идиомы. В нашем «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» в 2-х томах представлено свыше 35 тысяч единиц.

В каждой словарной статье дано развернутое толкование фразеологических единиц, каждый фразеологизм снабжен иллюстративным материалом, чаще всего это цитаты из художественных текстов.

В рамках отдельных статей фразеологизмам даны стилистические пометы, в необходимых случаях приводятся грамматические пометы. Важным аспектом словаря является фиксация вариантов ФЕ, отграничение их от многозначных фразеологизмов. Словарь зафиксировал, что ряд фразеологических единиц имеет синонимы и антонимы.

«Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2-х томах стал первым словарем, последовательно зафиксировавшим фразеологическую систему русского языка максимально полно с позиции широкого толкования фразеологии.

В 2007 году «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2-х томах был переиздан на электронном носителе и был рекомендован как учебный словарь для студентов и школьников, изучающих русский язык как иностранный.

«Словарь афоризмов русских писателей» [2], также вышедший из печати в 2004 году создавался авторским коллективом под руководством А.Н. Тихонова и имел оригинальную концепцию, отличающую данный лексикографический труд. Самым сложным этапом создания словаря был теоретико-методологический, поскольку предстояло решить вопрос о сущности афоризма

как лингвистического явления, а также определить методику извлечения афористических единиц из текстов разного рода.

Основой вычленения афоризмов из текстов является концепция выделения ключевых слов. Ключевые слова – это лексические единицы, концентрированно выражающие основную идею изречения. Ключевые слова в афоризмах есть вербализация основных концептов русской культуры.

Следующим этапом работы над словарем стало определение круга авторов афоризмов. Авторский коллектив предполагал дать своеобразную антологию афоризмов писателей и поэтов русской литературы, начиная с XVIII и заканчивая XX веком. В результате в словарь был включены изречения, извлеченные из художественных, публицистических и научно-популярных произведений русских писателей. Необходимо уточнить, что в словарь включены изречения и русскоязычных писателей, представлены афоризмы и Фазиля Искандера, и Василя Быкова, и Чингиза Айтматова, и Янки Купалы. Мы полагаем, что не имеем права исключать творчество этих писателей из истории русской литературы и культуры.

В целом в нашем распоряжении оказался релевантный афористический материал для исследования русской концептосферы XVIII-XX вв. (изречения 300 писателей, поэтов, литературных критиков). Был охвачен чрезвычайно обширный круг текстов от А. Кантемира, В. Капниста, оканчивая самыми современными произведениями, год-два назад вышедшими из печати. В ряду современных писателей, чьи афоризмы вошли в словарь, назовем Ю. Полякова, В. Пелевина, Г. Щербакову и пр.

В наш словарь включены афоризмы писателей и поэтов как «первого ряда», так и «второго ряда». Полагаем, что неправильно учитывать произведения только известных авторов, даже если они и составляют славу русской литературы. Писатели и поэты «второго и третьего ряда» также определяли историю русской литературы и оказывали влияние на развитие литературного языка и формирование нравственных ценностей.

Конечно, полнота извлечения афоризмов из текстов не всегда будет абсолютной. В словаре не представлены все афоризмы А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого или А.М. Горького. Эта задача практически невыполнима.

В «Словаре афоризмов русских писателей» был отклонен принцип тематического расположения афористического материала, афористические единицы включены в словарные статьи, посвященные каждому автору отдельно.

В результате для нашего словаря наиболее продуктивной оказалась следующая структура словарной статьи:

- полное имя автора, причем указывается псевдоним и настоящая фамилия, годы жизни. В отдельных случаях имя автора нуждается в акцентологическом пояснении, в таком случае ставится ударение;
- затем ряд афоризмов в алфавитном порядке.

В афоризмах курсивом выделены «ключевые слова», которые отсылают изречения к определенным тематическим группам, семантическим полям, в

свою очередь семантические поля афоризмов можно свести к еще более обширным группам, выражающим концепты русской лингвокультуры.

Словарь афоризмов снабжен аннотированным указателем имен авторов, в котором, помимо биографической, дается краткая библиографическая справка.

К книге прилагается список использованной литературы. Авторский коллектив отдавал предпочтение научным и академическим изданиям с тем, чтобы избежать ошибок и недочетов в текстах первоисточников.

«Словарь афоризмов русских писателей переиздавался в 2005 и 2008 году. В 2021 году переиздание словаря в электронном виде осуществлено на популярном научном лексикографическом сайте «Карта слов». Нужно отметить, что это не просто выпуск словаря в электронном виде, в словник добавлен ряд афоризмов, которые не были представлены в печатных вариантах словаря, полностью переработаны библиографические комментарии. Словарь интерактивный, в нем возможно по ключевому слову найти изречения одной тематики.

А.Н. Тихонову принадлежала идея создания словаря, в котором фиксировались бы афоризмы с ключевыми словами любовь, женщины, счастье. В 2007 году идея нашла свое воплощение в небольшом словаре «Женщины счастье, любовь глазами русских писателей и поэтов. Словарь афористических концептов».

Для выделения афоризмов в художественных текстах мы также использовали метод выделения в изречениях ключевых слов, но в данном случае определенных заранее.

Ключевые слова любовь, женщины, счастье являются универсалиями, концептами не только для русской, но и мировой афористики, фразеологии и лингвокультуры.

В словарь включено несколько сотен изречений, которые зачастую парадоксальны и противоречивы.

Например:

Оказывается, чтобы угодить *Женщине* не требуется ни изобретательности особой, ни фантазии. Главное, не церемониться со словами. Слушает – как голодный ест. (Алесь Адамович) [1].

Прекрасная *женщина* частицами разбросана во многих женщинах, плохая и хитрая живет постоянно во всех. (Виктор Астафьев) [1].

Афоризмы из данного словаря рисуют картину счастья человека русской лингвокультуры. Счастье заключается, прежде всего во всеобщем благе, в процветании государства и всех сограждан, в мире и благополучии. А личное счастье, любовь, оказывается на втором по частотности месте. Концептуальная картина русского мира основана на гражданственности.

В заключение следует указать, что А.Н. Тихонов многое сделал для создания в дальнейшем национального корпуса фразеологических единиц русского языка, который будет непротиворечиво описывать систему русской фразеологии.

Список литературы

1. Королькова А.В. Женщины, счастье, любовь глазами русских писателей и поэтов: словарь афористических концептов / А.В. Королькова, А.Н. Тихонов; под ред. А.Н. Тихонова. М.: Наука: Флинта, 2007. 151 с.
2. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; под рук. А.Н. Тихонова. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. 627 с.
3. Тихонов А.Н. Учебный фразеологический словарь русского языка: Около 1500 единиц. Толкование фразеологизмов. Граммат. и стилист. характеристика. Синонимы и антонимы. Ил. из произведений рус. лит. XIX и XX веков / А.Н. Тихонов, Н.А. Ковалева. М.: АСТ: Астрель, 2001. 520 с.
4. Фразеологический словарь русского языка: свыше 10 тыс. фразеологизмов / А.Г. Ломов, Л.А. Ломова, А.Н. Тихонов. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. 336 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; под ред. А.Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004 Т.2: (П-Я). 2004. 830 с.

Е.Б. Кузьмина

Е.В. Kuzmina

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОМЕТА «ШУТЛ.» (ШУТЛИВОЕ) В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена одному из аспектов метаязыка общих словарей русского языка: содержанию и использованию стилистической пометы шутл. (шутливое) в толковой лексикографии, в работе проанализированы и классифицированы условия ее постановки. Проведенное исследование позволило обозначить круг лексических средств, за которыми на языковом уровне закреплено выражение категории комического, и сделать наблюдения о лингвистических механизмах появления шутливого эмоционального компонента как устойчивой экспрессии у лексических единиц.

Ключевые слова: *лексикография, стилистическая помета, толковый словарь.*

STYLISTIC MARK «HUM.» (HUMOROUS) IN EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to one of the aspects of the metalanguage of general dictionaries of the Russian language: the content and use of the stylistic label humorous in explanatory dictionaries, the work analyzes and classifies the conditions for its setting. The study made it possible to identify the range of lexical means for which the expression of the comic category is assigned at the linguistic level, and to make observations about the linguistic mechanisms of the appearance of a playful emotional component as a stable expression in lexical units.

Keywords: *lexicography, stylistic labels, explanatory dictionary.*

Наша работа посвящена исследованию одной из традиционных стилистических помет, используемых в лексикографии для характеристики эмоционально-экспрессивных свойств слов.

Изучению стилистических помет в лексикографии посвящены работы Л.С. Ковтун, Г.Н. Скляревской, О.Н. Емельяновой, Э.Г. Ладунецкой, А.А. Зелкиной, А.М. Шахнарович и Т.А. Графовой, К.С. Кочергиной [4; 8; 2; 6; 3; 13; 5] и др. В этих исследованиях раскрываются вопросы стилистической квалификации лексики в толковых словарях современного русского литературного языка: описываются представленные в них разряды стилистически окрашенной лексики и лексикографические способы стилистической характеристики словарного состава современного русского языка. В целом таких работ не так много и можно сказать, что лексикографическая стилистика еще требует своей разработки.

Читая словари, прежде всего толковые, мы привыкли видеть в них традиционные стилистические пометы и воспринимаем их как нечто обычное, необходимое, что обязательно должно быть, и из-за такого «автоматизма» наше восприятие их как-то стирается, притупляется. Это относится и к стилистической помете *шутл.* (шутливое).

Что же такое «шутливое»? В толковых словарях даны следующие толкования данного прилагательного: **шутливый** ‘имеющий характер шутки, веселый’ (ТСУ); ‘представляющий собой шутку, имеющий характер шутки, совершаемый не всерьез, ради шутки’ (МАС). Все определения даются через ключевое понятие «шутка». Что же представляет собой шутка? Это ‘то, что говорится или делается не всерьез, ради развлечения, веселья; слова, не заслуживающие доверия’ (СОШ); ‘забавная, остроумная веселая проделка, выходка или острота’ (МАС); ‘то, что говорят или делают ради развлечения, ради возбуждения смеха, веселья, забава, шалость’ (ТСУ).

Помета *шутл.* включена во все толковые словари русского языка как указывающая на эмоциональную окраску слова: в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (во вступительной части) помета «*шутл.*» дана без объяснения ее содержания; в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано: «шутл.» (=шутливое); в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой отмечено: *шутл., т.е.* шутливое слово или значение. В «Словаре современного русского литературного языка» разграничиваются шутливое значение и шутливое употребление слова. Так, во Введении к словарю написано: «Отмечается шутливое, ироническое или бранное значение или употребление слова; соответствующая помета дается перед определением значения слова или же перед соответствующим иллюстративным примером» [10, с. 12-13]. То есть в БАС-1 есть стремление разграничить, с одной стороны, устойчивую экспрессию, являющуюся характеристикой самой лексемы, и речевое употребление слова в шутливом контексте (при построении шутки), когда «шутливость» контекстуально обусловлена. В «Большом академическом словаре русского языка» (БАС-3) «употребление слова с устойчивой для литературного языка экспрессией отмечается пометами: *ирон. (иронически), шутл. (шутливо), бранно*, которые ставятся перед соответствующим примером после знака ◇» [1, с. 26].

В научных работах и справочной литературе суть пометы «шутл.», как правило, уточняется через сопоставление ее с пометой «ирон.» (ироническое). Обычно отмечается, что *шутл.* выражает положительную оценку, а *ирон.* – отрицательную [11, с. 465]. Однако в исследовании К.С. Кочергиной представлена иная точка зрения: автор относит помету «шутл.» к разряду амбивалентных, поскольку примеры употребления слова «шутка» демонстрируют «противоположные по знаку сочетания «невинная, безобидная» и «злая, колкая», из которых следует контекстуальная зависимость этого понятия» [5, с. 31].

Еще одно отличие этих двух явлений состоит в том, что ирония является разновидностью тропов: ирония – это стилистический прием контраста видимого и скрытого высказывания, создающий эффект насмешки [11, с. 559].

Что же такое шутка, какова лингвистическая природа этого явления и как оно представлено на лексическом уровне, остается не совсем ясным.

Анализ слов с пометой *шутл.*, за которыми закреплена эта эмоциональная характеристика и оценка в основных толковых словарях русского языка «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т., «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, показал, что таким способом маркируются следующие группы лексики:

Лексика, в которой отмечается столкновение высокого и низкого (алогизм формы и содержания)

1). Лексика книжная (часто высокая), которой стали именовать явления и действия обиходные, бытовой сферы: **баталия** ‘драка, ссора’: (ТСУ), **бастовать** ‘перен. Отказываться делать что-н. (разг. шутл.)’ (СОШ); **возлежить** ‘устар. и шутл. Находиться всем телом на чем-н. горизонтальном положении’ (СОШ), **бомбардировать** ‘перен. Посылать, направлять (письма, жалобы) (разг. шутл.)’ (СОШ), **атаман** ‘перен. Коновод, предводитель (шутл.)’: *Толпа деревенских мальчишек во главе со своим атаманом гналась за ним* (ТСУ), **аутодафе** ‘сожжение чего-н. (книжн. шутл.)’: *Всю переписку он подверг аутодафе* (ТСУ), **апартамент** ‘◊ В шутливом употреблении’ (о флигеле) (БАС-1) и др.

Подобные трансформации сопровождаются переходом слова в иной стилистический пласт: при большинстве лексем с пометой *шутл.* в толковых словарях стоит помета *разг.*

Довольно значительную группу слов составляют лексемы, которые в результате идеологических причин изменили свою стилистическую квалификацию в советский период: они обозначали высокие понятия, свойственные предшествующей исторической эпохе (до Октябрьской революции), и в советское время были «понижены» в своем стилистическом статусе до разговорно-шутливого уровня. Ср. **благоверная** ‘разг. шутл. Жена’, **благоверный** ‘разг. шутл. Муж’ (МАС) (ср. комментарий в ТСУ: «первонач. церк. эпитет царей в знач. ‘православный, правоверный’); **с благословения** (чьего-н. что-н. делать) разг. шутл. ‘С разрешения, с полного согласия’ (взято из монашеского обихода) (ТСУ); **братия** ‘шутл. Люди, объединенные общим делом’: *Ученая братия* (МАС); **вера** ‘перен. Мировоззрение, направление в общественной жизни,

науке, искусстве': *Он изменил кантовской вере и стал гегельянцем* (ТСУ), **воспарить духом (или мыслью)** 'устар., теперь ирон., шутл. Предаться вдохновению, воодушевиться' (МАС); **богоспасаемый** 'мирно существующий, благоденствующий (шутл., ирон.)' (БАС-1) и др.

2). Сниженные номинации, используемые для обозначения более «высоких» понятий и предметов: ср. **берлога** 'разг. шутл. Жилище' (МАС); **брысь!** 'в отношении к детям' (БАС-1), **айболит** (разг. шутл.) и др.

Таким образом, столкновение высокого/низкого, их мена, построенная на алогизме высокого содержания и низкой номинации и, наоборот, будничности, обиходности предмета или понятия и высокой номинации создает шутливую экспрессию.

II. Устаревшая лексика, которой именуют современные понятия и предметы (алогизм, основанный на анахронизме): **амбре** 'благоухание, приятный запах (разг. устар., теперь шутл.)' (ТСУ), **бражничать** 'устар. шутл. Пьянствовать, кутить' (ТСУ), **виночерпий** 'наливающий вино (разг. шутл.)' (ТСУ), **брадобрей** 'устар. и шутл. То же, что парикмахер' (СОШ) и др. В таких случаях мы часто наблюдаем совмещение двух помет *устар.* и *шутл.*

III. Лексика определенных тематических групп (связанная с любовными отношениями, обманом, взяточничеством и др.), которая обычно эвфемизируется: **амурный** 'разг. и шутл.', **амуры разводить** (прост. шутл.) (СОШ), **вдыхать** 'разг. шутл. Быть влюбленным в кого-н.' (МАС), **вдыхатель** 'разг. шутл. Влюбленный' (МАС), **ворковать** 'перен. О влюбленных: нежно разговаривать (разг. шутл.)' (СОШ), **барашка в бумажке дать** (прост. шутл.) 'Дать взятку' (СОШ) и др.

IV. Оценочные слова, которые указывают на отклонение от нормы в большую или меньшую сторону (чрезмерность или недостаточность выраженности признака): **вагон** 'перен. шутл. Очень большое количество' (ТСУ), **бездонная бочка** (разг. шутл.) 'говорится о пьющем очень много, а также о незнающем меры в тратах' (ТСУ), **коломенская верста** 'разг. шутл. Об очень высоком человеке' (СОШ), **подбитый ветром** (разг. шутл.) 'ветренный, легкомысленный (о человеке)' (ТСУ) и др.

Часто употребляется при отрицательной характеристике человека или его действий (если это негативная оценка не связана с серьезными человеческими пороками): **богомаз** (разг. шутл.) 'плохой иконописец' (СОШ), **водохлеб** 'Тот, кто любит часто пить чай, воду' (МАС), **ни бэ ни мэ (не знать)** (шутл. фам.) (ТСУ) и др. Шутливое употребление в таких случаях имеет целью смягчить оценку, возможно, потому, что тот, о ком идет речь, входит в личную сферу говорящего (на это указывает помета *фам.* (фамильярно)).

IV. Лексика, в которой выражена характеристика чего-н., нежелательная для говорящего или собеседника. Шутка в таком случае может сглаживать некомфортность коммуникативной ситуации: **со всячиной** 'разг. шутл. И хорошо, и плохо' (СОШ), **вприглядку** 'разг. шутл. О питье чая: без сахара' (СОШ), **подбитый ветром** (разг. шутл.) 'без подкладки, холодный, плохой (о верхнем платье)' (ТСУ), **дырка от бублика** (разг. шутл.) 'о чем-н. пустом, лишенном всякого содержания' (СОШ) и др.

V. Лексика, созданная на основе языковой игры: **болтология** ‘разг. шутл. То же, что болтовня’ (СОШ). Алогизм формы и содержания, выраженный в таких словах, и наличие шутливого стилистический компонента у слова основаны на использовании в номинации приема пародии (наименование построено по модели названий наук: зоология, антропология и т.п.).

Лингвистическими приёмами (механизмами) создания шутливой экспрессии у слов чаще всего являются метафора, сравнение, перифраза, алогизм и др.: **вкатиться** ‘разг. обычно шутл. Быстро войти, вбежать’ (МАС), **винегрет** ‘перен. Смесь разнородных предметов, мешанина, всякая всячина (разг. шутл.)’ (ТСУ), **буцефал** ‘шутл. и ирон. О плохой лошади’ и др.

Статистика употребительности пометы *шутл.* в толковых словарях русского языка на одном алфавитном отрезке (например, буквы А-Б) свидетельствует о том, что наиболее часто эта помета употребляется в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (53 случая употребления), чуть меньше она отмечена в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (44 раз), в МАС зафиксирована при 24 словах и выражениях, меньше всего помета встречается в БАС-1 (15 раз).

Если попытаться проанализировать последовательность постановки пометы *шутл.* в толковых словарях русского языка, то уже представленный статистический разброс указывает на то, что совпадений будет не так много: каждый словарь под шутливым употреблением понимает что-то свое, хотя содержание пометы *шутл.* в целом совпадает. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить списки слов с этой пометой на одном алфавитном отрезке (например, на букву А).

ТСУ	СОШ	БАС-1	МАС
сверх абонемента адмиральский час питаться (диким медом и) акридами Аллах его ведает одному аллаху известно альянс амбре амуры амуриться амурничать амурный антик с гвоздикой апартамент как в аптеке атаман аутодафе	айболит аллах его ведает амурный амуры разводить разводить антимонии как в аптеке сорок бочек арестантов (наговорить, наврать) тяжелая артиллерия не ах!	атмосфера апартамент адмиральский час	сверх абонемента адмиральский час от Адама (с Адама) тяжелая артиллерия как в аптеке

Неоднократно отмечаемая непоследовательность постановки стилистических помет в толковых словарях прослеживается и в случае употребления пометы *шутл.* Ср., например, разработку слова **войка**.

ТСУ	СОШ	БАС-1	МАС	БАС-3
войка (разг. шутл., ирон.). Воин, задира, драчун. <i>Эх ты, войка, и тут не мог устоять!</i>	Войка Испытанный и храбрый воин (устар.) или тот, кто воюет задиристо и незадачливо (разг. ирон.). <i>Старый в. Горе-войки.</i>	Войка В просторечии. Испытанный боец, храбрый воин. \diamond Шутл. и ирон. <i>Вот так войка выискался! от земли не видать, а уме на бой собрался! — пошутил батюшка. Салт. Рожд. ск.</i>	войка 'разг. обычно шутл. и ирон. Многоопытный и любящий свое дело боец; воин'	Войка разг. 1. Испытанный, храбрый воин. 2. Ирон. или шутл. Тот, кто воюет неумело, незадачливо. // <i>Задирра, драчун</i>

При всех обнаруженных несовпадениях в постановке пометы *шутл.* в разных толковых словарях русского языка и спорных случаях ее употребления можно выделить несколько групп слов, характеризующихся закреплённой в них устойчивой экспрессией шутливого, комического. Привлечение сведений из современных теорий комического, теорий вербального юмора, как представляется, может способствовать уточнению того, какие лексические средства участвуют в его создании и выражении шутливой эмоции и оценки в языке.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1-25. М.-СПб., 2004-2019 (БАС-3). 17305 с.
2. Емельянова О.Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики). Красноярск, 2013. 315 с.
3. Зелкина А.А. Стилистическая помета как проблема лексикографии // Вопросы романо-германской филологии. Ташкент, 1979. С. 148-152.
4. Ковтун Л.С. О построении словарной статьи (отбор материала, определение значения и употребления слова в практике составления большого словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957. С. 68-97.
5. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. №11. С. 20-38.
6. Ладуницкая Э.Г. Сравнительная характеристика 1-го тома «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н.Ушакова и 1-го тома «Словаря русского языка» Ин-та языка АН СССР (стилистические пометы) // Итоговая студенческая научная конференция, посвященная 90-й годовщине со дня рождения Ленина: тезисы докладов. Ташкент, 1961. С. 95-104.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995 (СОШ). 928 с.
8. Скляревская Г.Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988. Вып. 3. С. 84-97.

9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984 (МАС). 2984 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л., 1948-1965 (БАС-1). 13509 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М.Н. Кожинной. М.: Наука, 2003. 694 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940 (ТСУ). 2835 с.
13. Шахнарович А.М., Графова Т.А. Словарные пометы как способ лингвистической классификации лексики // Теория лингвистических квалификаций. М., 1987. С. 121-128.

И.М. Курносова

I.M. Kurnosova

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунин (Елец, Россия)

Bunin Yelets State University, Yelets

О «СТРОЙНОЙ СОВОКУПНОСТИ» РУССКОГО ЯЗЫКА: ИЗ ИСТОРИИ ЛАБОРАТОРИИ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ЕЛЕЦКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

В публикации рассмотрены история создания и основные направления деятельности Лаборатории учебной лексикографии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, открытой в 2001 году по инициативе А.Н. Тихонова. Названы основные лексикографические труды, опубликованные по результатам научной деятельности членов лаборатории. Более подробное внимание уделено словарям языка И.А. Бунина – писателя, чье имя носит Елецкий госуниверситет.

Ключевые слова: лаборатория учебной лексикографии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, А.Н. Тихонов, словари.

ABOUT THE "HARMONIOUS SET" OF THE RUSSIAN LANGUAGE: FROM THE HISTORY OF THE LABORATORY OF EDUCATIONAL LEXICOGRAPHY IN YELETS STATE UNIVERSITY

The publication discusses the history of creation and the main activities of the Laboratory of Educational Lexicography, opened in 2001 on the initiative of A.N. Tikhonov in the I.A. Bunin Yelets State University. The main lexicographic works published on the basis of the results of the scientific activities of the laboratory members are named. More detailed attention is paid to the dictionaries of the language of I.A. Bunin, a writer who Yelets State University is named after.

Keywords: Laboratory of Educational Lexicography, I.A. Bunin Yelets State University, A.N. Tikhonov, dictionaries.

О «стройной совокупности» русского языка говорил 180 лет назад, 20 октября 1841 г., Министр народного просвещения, определяя «круг действий» созданного Отделения русского языка и словесности Российской академии наук: «...Хранить язык – не значит ли приводить в стройную совокупность все его сокровища, разрозненные временем и местом, для приличного и отчетливого по мере употребления? Утверждать язык – не есть ли выяснять сокровенные зако-

ны языка и подчинять единообразию правил многостороннюю его знаменательность?» [21, с. 1].

«Хранить и утверждать язык» – эти слова в полной мере характеризуют деятельность А.Н. Тихонова по систематизации и кодификации русского языка, по представлению его во всем многообразии в словарном виде. «Стройная совокупность» русского языка – это тоже о деятельности А.Н. Тихонова и лаборатории учебной лексикографии, созданной им в Елецком госуниверситете в 2001 году. Эта лаборатория стала важной вехой в истории лингвистических исследований елецких ученых, поскольку дала толчок развитию ряда новых направлений в их исследовательской деятельности, в том числе лексикографической.

Годы работы лаборатории совпали с периодом, когда коллективом авторов под руководством А.Н. Тихонова и под его редакцией был подготовлен ряд учебных словарей русского языка: «Комплексный словарь русского языка» (2001) [7], «Учебный фразеологический словарь русского языка» (2001) [22], «Новый учебный словарь русского языка» (2003) [23], вышла серия фразеологических словарей русского языка [26, с. 27] и «Словарь афоризмов русских писателей» [8], одним из авторов которых стал елецкий профессор А.Г. Ломов.

А.Н.Тихонов был одним из авторов «Энциклопедического словаря-справочника лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т.» [30] (под общей редакцией А.Н. Тихонова и профессора Елецкого госуниверситета Р.И. Хашимова), подготовленного в рамках федеральной программы «Культура России» и изданного уже после ухода из жизни А.Н. Тихонова. Авторами различных разделов словаря-справочника стали также Е.Н. Тихонова, Л.В. Рацибурская и ряд ученых – сотрудников елецкой лаборатории учебной лексикографии.

Важным в научной составляющей Елецкого госуниверситета, носящего имя И.А. Бунина, стало новое для него направление, связанное с лексикографической представленностью языка Бунина.

По инициативе А.Н. Тихонова была начата подготовка серии аспектных словарей языка писателя. До этого в отечественной лексикографии не было ни одного основательного труда, посвященного языку Бунина – признанного мастера слова, тончайшего, по общему убеждению исследователей его творчества, стилиста, продолжателя пушкинских традиций в русской литературе, первого русского нобелевского лауреата по литературе, писателя, мастерки владевшего не только литературным языком, но и живой, народно-разговорной речью, абсолютно достоверно отраженной в его произведениях. Поэтому идея создания ряда аспектных словарей языка Бунина была актуальной для научной деятельности елецкого вуза и в то же время послужила развитию теории и практики всей отечественной авторской лексикографии. И в данном обзоре и анализе деятельности лаборатории учебной лексикографии мы позволим себе более подробно остановиться на характеристике различных по своему типу словарей языка Бунина, созданных на базе лаборатории.

Первым аспектным словарем, представившим часть языка писателя, стал изданный в 2006 г. в Елецком госуниверситете «Словарь эпитетов Ивана Буни-

на» В.В. Краснянского [10, 11]. Очевидность и необходимость его создания были обоснованы автором в предисловии к Словарю, где В.В. Краснянский писал о Бунине: «Традиционалист и модернист одновременно, он является связующим звеном между XIX и XX-XXI вв. в русской литературе»; «редкая способность остро и точно воспринимать окружающий мир сочетается у него с таким же редким даром словесного воплощения этой восприимчивости»; эпитет Бунина – «самое приметное явление в его художественной речи» [10, с. 10].

Словарь В.В. Краснянского был абсолютно новаторским для того времени – до него не было ни одного полного описания эпитетов русского писателя, как и не было опыта создания подобного словарного труда. В «Словаре эпитетов» дано около восьми тысяч лексем и более ста тысяч словоупотреблений – всех случаев использования в произведениях Бунина эпитетов и наречий, созданных на базе «качественно-характеризующих» адъективов, причем, что очень важно для понимания особенностей идиостиля писателя, с указанием частотности их употребления. Здесь нашла отражение осознанная позиция автора – «больше сохранять, чем исключать то, что оказывалось в зыбкой зоне промежуточных лексем» [10, с. 10]. Прилагаемый к словарю частотный словник демонстрирует наиболее употребительные у Бунина эпитеты (в порядке убывания от 1100) и фиксирует редкие, единичные – как правило, сложные образования: *бархатно-изумрудный, бархатно-пунцовый, бархатно-фиолетовый, бархатно-черный, белесо-свинцовый, бело-жестяной, бело-золотистый, влажно-синий, глянцеви́то-ледяной, добродушно-угрюмый, зеленовато-мыльный, золотисто-зелено-серый, мутно-радужный, откормленно-солидный, темно-рдяный* и др.

Приведенные в словарных статьях контексты употребления эпитетов демонстрируют и необычную сочетаемость бунинских эпитетов (*истерические поросята*), и особые формы эпитетов – компаративы (*оснеженнее, преображеннее*), и примеры живой разговорной речи (*огромный кочет, огромный виноградник, бездельный мужик* и др.), а также характерную для Бунина этимологизацию имен собственных, на основе которых образуются эпитеты, «т.е. обыгрывание первичного нарицательного значения в имени собственном» [10, с. 7] (например, *суходольская кожа, суходольская душа*) и т.д. В результате созданный словарь стал для многих исследователей творчества Бунина не просто лексикографическим справочником, но и еще одним источником суждений об индивидуальном стиле писателя.

В последующие годы работы лаборатории бунинское поэтическое восприятие языковой картины мира получило лексикографическую представленность и в другом словаре, следовавшем за собранием эпитетов, – многотомном «Словаре языка поэзии И.А. Бунина», авторами которого стали елецкие ученые Г.С. Журавлева и Р.И. Хашимов [5, 6]. Это издание было нацелено на полное представление всех слов поэтических текстов Бунина из собрания сочинений в девяти томах: словарь содержит более 12 000 слов и фразеологизмов и фиксирует свыше 105 000 словоупотреблений. Словарь по своему строению был ориентирован на толковые словари русского языка, и потому структура словарной статьи в нем в целом традиционна: заголовочное слово, указания на

частотность слов, грамматические и стилистические пометы, словарные дефиниции, иллюстративный материал – все это позволяло авторам давать максимальное представление об особенностях употребления Буниным-поэтом каждого слова. И конечно, словарь давал толкования многих редких слов – устаревших, обозначающих реалии старинного крестьянского быта (*оплечье, плахта, орало*), иноязычных, в том числе редких, малознакомых или вовсе не известных современному читателю (например, *аджидомо* – индейск. белка, *овейса* – сивоворонка, птица семейства дятловых, напоминающая ворону), специальных слов (например, *бугшприт* – горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа парусного судна), диалектных (например, *плынь* – большая вода, половодье) и т.д. Такое наполнение словарной статьи позволяет увидеть лексико-семантические основы создания автором сравнений (*Бриллиантом лучистым и ярким... Тихо блещет звезда, как живая. Крещенская ночь*) и метафор (*И в колосьях брильянты росы...*), отметить как традиционные, так и особенные сочетаемостные возможности слов: *последний вздох, счастливый вздох, старческий вздох, глубокий вздох, печали вздох* и т.п., а система стилистических и эмоционально-оценочных помет, необходимая в словаре данного типа (*обл., простореч., устар., разг., trad.-поэт., уменьш-ласк.* и т.п.), способствует пониманию общей стилистики каждого конкретного бунинского поэтического текста.

В рамках разработки одного из направлений ареальной лингвистики – репрезентации языковой картины мира региона на основе совмещенного анализа языка «генетически родственных» писателей – свою лексикографическую представленность получил язык произведений отдельных писателей Центрально-Черноземного региона [12; 13; 14]: «Диалектно-просторечный словарь языка Е.И. Замятина», «Народное слово в произведениях А.И. Эртеля», «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина». Опыт создания этих словарей начался также с анализа языка Бунина: «Бунин литературен в языке... и в то же время чрезвычайно изобретателен в отражении “непричесанной народной речи”» [10, с. 7-8], при этом правдив, абсолютно достоверен по отношению к языковой ситуации конца XIX – начала XX вв.

«Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» – попытка представить языковую картину региона в бунинском видении современных ему русской деревни и русского провинциального города. Это авторский словарь дифференциального типа, фиксирующий лексику народно-разговорного языка – ее диалектную и просторечную составляющие, а также часть устаревшей, характеризующей быт прежней русской деревни. Он стал одним из авторских словарей, не получивших еще в то время в отечественной лексикографии достаточно активной разработки, но, будучи авторским словарем по своему типу, в то же время нацелен был на восстановление народно-разговорной языковой картины региона рубежа XIX-XX вв. веков сквозь призму авторского художественного восприятия.

Исследователи творчества Бунина не раз обращали внимание на чрезмерную насыщенность его произведений о русской деревне диалектным матери-

лом, однако признавали, что народное слово «он воспроизвел мастерски», и это «до последних пределов реальное воспроизведение» [1, с. 62].

Учитывая сложный, противоречивый характер лексики, относящейся к народно-разговорной сфере языка в ее диалектной и просторечной формах, автором словаря были выработаны принципы отбора слов для словника словаря, определены способы и лексикографическая база словарных дефиниций, приняты решения по толкованию узколокальных лексем и фразеологических единиц, не известных литературному языку.

В целом, как полагаем, словарь стал, с одной стороны, справочным пособием, помогающим читать произведения Бунина (а многие бунинские контексты без толкования узколокальных лексем не могут быть адекватно восприняты современными читателями), а с другой стороны, способствовал пониманию индивидуальных особенностей стиля писателя. Кроме того, можно говорить и об известном культурологическом значении словаря, поскольку он в силу специфики своего лексического наполнения отразил особенности быта и трудовой деятельности в русской деревне, духовные и нравственные воззрения русского крестьянина, образ его верований и т.п.

Изучение русской народной речи в лаборатории было продолжено рядом аспектных словарей О.И. Литвинниковой, изданных, в том числе, в соавторстве с другими учеными университетов России, Украины и Польши: «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» [20], «Глагольные омонимы русской диалектной речи» [3], «Человек в русской диалектной фразеологии» [29], «Человек в производных именах русской народной речи» [28], «Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи» [17], «Словарь глаголов-омонимов русского языка (литературно-диалектная соотносительность)» [19], «Толково-словообразовательный словарь субстантивов лица русского языка» [18], «Словарь субъективно-оценочной лексики русской народной речи» [16].

По материалам накопленной картотеки в 2010 г. был издан словарь «Русская культура в художественном слове» [15]; подготовлено и опубликовано в 2010 г. второе, исправленное и дополненное, издание «Грамматического словаря» Н.Н. Дурново (сост. и науч. ред. О.В. Никитин) [4]; подготовлен и издан в 2012 г. «Словарь сложных эпитетов русской литературной речи» В.В. Краснянского [9]; составлен словник «Словаря русской кружевницы» О.Ю. Пищулиной; была начата серия кратких учебных словарей русского языка (в 2011 г. опубликован «Краткий словарь по культуре речи» У.И. Турко [25]) и подготовка ряда словарей, разработчиками которых стали студенты университета в рамках своих курсовых и выпускных квалификационных работ (серия диалектных словарей и словников по материалам говоров Липецкой области, «Словарь русских геймеров» – как новое для того времени явление в молодежной культуре и др.).

Особенностью работы лаборатории учебной лексикографии было то, что в создании словарей принимали участие четырнадцать работников вузов и научных учреждений России, преподаватели Елецкого, Белгородского, Смо-

ленского, Нижегородского, Воронежского и других госуниверситетов, получившие в свое время профессиональные консультации у А.Н. Тихонова. Это была очень активная, плодотворная деятельность, неоднократно поддержанная грантами различного уровня.

Работа лаборатории не ограничивалась только подготовкой и изданием словарей – с момента ее создания было проведено несколько международных конференций («Актуальные проблемы русского словообразования», Елец, 2001; «Актуальные проблемы современной русской лексикографии», Елец, 2003; «Актуальные проблемы современной лингвистики», посвященная 75-летию профессора А.Н. Тихонова, совместно с Институтом русского языка имени В.В. Виноградова, 2006 г.; «Язык как система и деятельность», памяти А.Н. Тихонова, 2011 г.), были изданы сборники научных трудов, опубликованы материалы ряда аспектных словарей, находившихся тогда в работе.

В Ельце вышел «Библиографический указатель трудов А.Н. Тихонова по языкознанию» [2], была переиздана монография ученого «Лексическое гнездо современного русского языка» [24].

Все это – свидетельство активной научной деятельности сотрудников созданной по инициативе А.Н. Тихонова лаборатории учебной лексикографии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина и их плодотворных контактов с другими российскими и зарубежными учеными и вузами.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей // Иван Бунин и Общество любителей российской словесности. М.: Academia, 2007. С. 30-63.
2. Библиографический указатель трудов А.Н.Тихонова по языкознанию. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 292 с.
3. Глагольные омонимы русской диалектной речи. Словарь / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова. М.: Элпис, 2005. 416 с.
4. Дурново Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины) / Сост. и науч. ред. О.В. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2010. 151 с.
5. Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии И.А. Бунина: в 6 т. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011-2014. 790 с.
6. Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии И.А. Бунина: в 2-х ч. М.: Азбуковник, 2015. 792 с.
7. Комплексный словарь русского языка / Тихонов А.Н. и др. / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
8. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. М.: Русский язык – Медиа, 2004. 627 с.
9. Краснянский В.В. Словарь сложных эпитетов русской литературной речи. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. 644 с.
10. Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: в 2-х т. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 602 с.
11. Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. М.: Азбуковник, 2008. 776 с.
12. Курносова И.М. Диалектно-просторечный словарь языка Е.И. Замятина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 274 с.
13. Курносова И.М. Народное слово в произведениях А.И. Эртеля. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. 245 с.
14. Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. Изд. 3-е, испр. и доп. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. 383 с.

15. Курносова И.М., Макаров В.И. Русская культура в художественном слове: Словарь: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2010. 380 с.
16. Литвинникова О.И. Словарь субъективно-оценочной лексики русской народной речи: в 2-х т. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 784 с.
17. Литвинникова О.И., Алексеенко М.А., Головина Л.И. Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 306 с.
18. Литвинникова О.И., Главацкая Е.И. Толково-словообразовательный словарь субстантивов лица русского языка. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. 647 с.
19. Литвинникова О.И., Головина Л.И., Алексеенко М.А. Словарь глаголов-омонимов русского языка (литературно-диалектная соотносительность). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 206 с.
20. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова, Т.П. Белоусова. М.: Азбуковник, 2003. 400 с.
21. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4-х т. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1847. 1962 с.
22. Тихонов А.Н. Учебный фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Н.А. Ковалева. М.: Аст: Астрель, 2001. 525 с.
23. Тихонов А.Н. Новый учебный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, М.Ю. Казак; под ред. А.Н. Тихонова. М.: Астрель: АСТ, 2003. 790 с.
24. Тихонов А.Н. Лексическое гнездо современного русского языка: монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 270 с.
25. Турко У.И. Краткий словарь по культуре речи. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. 70 с.
26. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
27. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. проф. А.Н. Тихонова. Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. 1661 с.
28. Человек в производных именах русской народной речи: словарь / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова. М.: ЭЛПИС, 2007. 516 с.
29. Человек в русской диалектной фразеологии / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова, Т.П. Белоусова. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. 238 с.
30. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. М.: Флинта: Наука, 2008. 1656 с.

Е.В. Макеева

E.V. Makeeva

*Московский педагогический государственный
университет (Москва, Россия)*

Moscow Pedagogical State University, Moscow

КОМПЛЕКСНЫЙ УЧЕБНЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ «КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются предпосылки, проблемы и возможности разработки комплексного учебного интерактивного словаря крылатых слов и выражений, восходящих к произведениям русской литературы, предназначенного для использования в обучении иностранных студентов-филологов русскому языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебная лексикография; учебный словарь; крылатые слова и выражения.

COMPLEX EDUCATIONAL INTERACTIVE DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS OF PHILOLOGY "WINGED WORDS AND EXPRESSIONS FROM THE RUSSIAN LITERATURE": THE CONCEPT OF IMPLEMENTATION

The article discusses the prerequisites, problems and possibilities of developing a comprehensive interactive educational dictionary of winged words and expressions from Russian literature, intended for use in teaching foreign students of philology to the Russian language.

Keywords: Russian as a foreign language; educational lexicography; educational dictionary; winged words and expressions.

Современный этап развития учебной лексикографии характеризуется активным пополнением словарных изданий разного типа, предназначенных для обучения русскому языку как его носителей, так и тех, для кого русский язык является неродным или иностранным.

Научные изыскания в области учебной лексикографии, ориентированной на инофонов, касаются разработки и теоретического обоснования новых типов словарей [2; 4; 5], проблем отбора единиц [10], способов их толкования [7], проблем организации макро- и микроструктуры словаря [10].

В силу развития культуроориентированной парадигмы обучения большую популярность в практике преподавания РКИ получили словари лингвострановедческой и лингвокультурологической направленности, необходимые для более продуктивного освоения иностранными студентами фоновых знаний. Однако, несмотря на активное составление таких словарей, остаются вопросы – теоретические, касающиеся концептуальных подходов к их составлению, и практические, связанные с реализацией и дальнейшим использованием в практике преподавания РКИ. В частности, неоднозначно решается вопрос о представленности в учебных словарях прецедентных высказываний* – так называемых крылатых слов и выражений, которые Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров относят к языковым афоризмам и трактуют как «фразы, которые известны практически всем носителям языка и поэтому в речи не творятся заново, а извлекаются из памяти» [3, с. 186]. Потенциал использования афоризмов в целях создания выразительности речи, разного рода намеков и иносказаний, скрытых смыслов очень высок, что и определяет необходимость включения данных единиц в работу. Весьма убедительно это было показано в исследовании Н.В. Смыкуновой «Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному» [12], в которой, в частности, подчеркивается большой риск возникновения «коммуникативных сбоев» в случае недостаточного понимания инофоном прецедентных

* В рамках данной статьи понятия *прецедентные высказывания, крылатые слова и выражения, афоризмы* используются как синонимы, хотя автор отдает себе отчет в том, что в строго научном смысле они должны быть дифференцированы.

феноменов, бытующих в речи носителей языка, умение же их адекватно интерпретировать и использовать в процессе коммуникации считается признаком «сформированности языковой личности» [12, с. 11].

Если в формулировке принципов отбора указанных единиц, которые необходимо включить в обучение иностранцев, исследователи опираются на общие принципы отбора языкового материала (минимизация, ситуативность, коммуникативная обусловленность и пр., см., например, [12]), то подходы к составлению их лексикографического описания в учебных целях пока разработаны не в полной мере. Должен это быть отдельный словарь или афористика должна быть представлена в словаре, имеющем более общее назначение? Каким образом должна быть организована словарная статья для более эффективной работы в иностранной аудитории по освоению пласта крылатых слов и выражений?

В настоящий момент преподаватель РКИ, включающий в содержание обучения прецедентные высказывания, может обратиться к нескольким лексикографическим изданиям, специально не предназначенным для обучения иностранцев. Как источник информации о потенциале встречающихся в художественных и публицистических текстах, а также в разговорной речи выражениях, имеющих литературное происхождение, может быть использован многократно переиздававшийся известный словарь Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» [1]. Однако далеко не все словарные статьи из него могут быть представлены в иностранной аудитории без весьма значительной предварительной подготовки в силу, во-первых, неизвестности ряда персоналий, что требует отдельных комментариев, во-вторых, нередко идеологизированности примеров употребления выражений в текстах других авторов, в-третьих, в некоторых случаях отсутствием в словарной статье достаточного для понимания инофона толкования или комментария, а также не всегда очевидностью условий употребления для носителя другой культуры.

«Упрощенный» вариант представления крылатых слов и выражений можно увидеть в современных изданиях, охватывающих афористику (см., например, [13]): словарные статьи представлены в табличном варианте и содержат указание на ситуацию употребления, а также на источник и время его создания, например: «Баранкин, будь человеком! Призыв исправиться. Адресован ребёнку. Медведев В.В. (1923-1997). Повесть «36 событий из жизни Юры Баранкина» 1962 г.» [13, с. 10]. Отсутствие контекстов употребления прецедентного высказывания и табличное представление информации упрощает для иностранного студента ее поиск, следовательно, такое издание может привлекаться для работы в качестве справочника. Аналогичным образом организован «Словарь крылатых выражений» М.В. Петровой [11]. Лаконичность словарной статьи, содержащей информацию о значении выражения, его источнике и сфере или ситуации употребления (нерегулярно), позволяет использовать указанное издание также в качестве справочника в ходе работы с иностранцами при усло-

вии методически оправданного отбора словарных статей, значительно различающихся по уровню сложности для восприятия инофоном.

Знаковым для учебной лексикографии, не ориентированной на инфонов, можно назвать «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [8], который содержит более 3000 словарных статей и включает нередко контрастные примеры употребления крылатых выражений в текстах других авторов, в том числе в трансформированном виде, что особенно ценно с точки зрения возможности привлечения данного словаря для работы с иностранцами, владеющих русским языком на высоком уровне.

Сведения о крылатых словах и выражениях могут быть включены в издания, имеющие намного более широкий функционал. Так, словарные статьи мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия», имеющего установку «помочь изучающим русский язык в усвоении слов и выражений, обладающих национально-культурным компонентом семантики, и сформировать их культуроведческую компетенцию» [9], содержат раздел «Интерактивные задания», который в свою очередь в качестве одного из подразделов включает «Афористику». Игровые задания помогают иностранным учащимся запомнить афоризмы и понять их смысл в контексте их минимального «естественного обитания», т.е. непосредственно в исходном тексте, данном в минимально достаточном объеме. Важно, что тот или иной афоризм при таком представлении соотнесен с исходным произведением, если же крылатыми в одном произведении стали одновременно несколько выражений, то благодаря принятой в словаре организации материала у студентов постепенно могут быть сформированы устойчивые ассоциативные связи. В качестве методической перспективы использования мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» его разработчики мыслят возможность автоматического моделирования сценария урока с приложением к нему также автоматически формируемого комплекта материалов учебных материалов (в данный момент указанный функционал только разрабатывается). Иными словами, лексикографические источники, включающие крылатые слова и выражения, которые можно было бы привлечь для работы в иностранной аудитории, представлены в настоящее время в самых разных вариантах, что позволяет творческому преподавателю организовать работу согласно образовательными потребностями конкретных обучающихся.

Однако с точки зрения обучения иностранцев русскому языку и приобщения их к русской культуре, на наш взгляд, было бы целесообразно отдельное внимание уделить крылатым словам и выражениям, восходящим именно к русской литературе. В перечисленных выше словарях они даются в общем списке – с афоризмами переводными. Между тем в названном ранее исследовании Н.В. Смыкуновой указывается, что они входят в ядро источников прецедентных феноменов, составляя около 30% всех отобранных единиц [12, с. 4]. С учетом известной литературоцентричности русской культуры важность освоения указанных прецедентных выражений для изучающих русский язык и русскую культуру представляется несомненной. Именно поэтому считаем необходимым разработку комплексного интерактивного учебного словаря крылатых слов и

выражений, восходящих к произведениям русской литературы, с установкой на такую его организацию, которая обеспечит высокий методический потенциал.

В основу организации комплексного учебного интерактивного словаря крылатых слов и выражений, восходящих к произведениям русской литературы, может быть положена идея классификации прецедентных высказываний, предложенная В.В. Красных и И.В. Захаренко, согласно которой выделяются прецедентные высказывания, «имеющие (только) поверхностное значение» [6, с. 103], прецедентные высказывания без поверхностного значения и прецедентные высказывания, обладающие как поверхностным, так и глубинным значением [6, с. 104]. Возможность подразделения последней группы на подгруппы обусловлена, по мысли исследователей, характером связи высказывания с текстом-источником: утрачена тесная связь или нет. Отнесенность прецедентного высказывания к той или иной группе будет определять необходимый объем структурной составляющей словарной статьи – достаточный, чтобы довести иностранного студента до уровня понимания глубинного смысла. Этому же будут способствовать иллюстративная часть, подразделяющаяся на собственно иллюстративную, включающую современные контексты употребления, и «условно иллюстративную», под которой мы понимаем интерактивные задания, позволяющие студенту самостоятельно, а в случае необходимости с подсказками понаблюдать за функционированием единиц, вынесенных в заглавие словарной статьи, и попрактиковаться в их использовании. Гиперссылочный принцип организации словарной статьи позволит использовать словарь в соответствии с конкретными образовательными потребностями и упростит поиск и навигацию по нему. Апробация отдельных словарных статей подтверждает эффективность и востребованность разрабатываемого словаря.

Таким образом, предназначенный для иностранных студентов комплексный учебный интерактивный словарь крылатых слов и выражений, восходящих к произведениям русской литературы, должен строиться с учетом результатов современных исследований в области изучения прецедентных высказываний, базироваться на результатах анализа различных по типу и организации лексикографических изданий, которые включают крылатые слова и выражения, а также практики их использования в обучении русскому языку и РКИ.

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. / Отв. ред. В.П. Вомперский. М.: Правда, 1986. 768 с.
2. Балалаева Е.Ю. К вопросу об определении понятия «электронный учебный словарь» // STUDIA HUMANITATIS. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 10.09.2021).
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
4. Дрожжих Н.В., Башмакова А.Ю. Учебный мультимодальный словарь историко-культурологического типа в преподавании иностранного языка // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. HUMANITATES. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 43-61.

5. Загоровская О.В. Учебный нормативно-стилистический словарь русского языка как иностранный: концепция и структура // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Вып.15. № 2. С. 215-230.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК Гнозис, 2002. 284 с.
7. Левенталь И.В. Лингвистическая типология толкований слов в одноязычном учебном словаре русского языка для иностранцев: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 256 с.
8. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 800 с.
9. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Лингвострановедческий_словарь_«Россия» (дата обращения: 10.09.2021).
10. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Русские пословицы и фразеологизмы в новых форматах учебных словарей для инофонов // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами: сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции 15-16 октября 2020 / Отв. ред.: Ж.В. Никонова, Н.В. Макшанцева. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 168-172.
11. Петрова М.В. Словарь крылатых выражений / М.В. Петрова. М.: РИПОЛ классик, 2011. 640 с.
12. Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному: автореферат дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.02 / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. Москва, 2003. 19 с.
13. Тарасова Л.Е. Словарь крылатых слов и выражений. М.: 5 за знания, 2020. 272 с.

А.В. Павлова
A.V. Pavlova

Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга (Майнц, Германия)
Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz

ДВУЯЗЫЧНАЯ БАЗА ДАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-КОНСТРУКЦИЙ (НОВЫЙ ОНЛАЙН-РЕСУРС)

В статье рассматриваются фразеологизмы-конструкции, состоящие из устойчивых грамматических структур, частично заполненных словами, частично открывающих вакантные позиции для заполнения лексемами в тексте. Например: тоже мне N или N он и есть N. Несмотря на широкое употребление и распространенность в разных языках, такие конструкции менее изучены, чем лексические фразеологические единицы, и прежде не были объектом двуязычной лексикографии. Сложность изучения фразеологизмов-конструкций определяется необходимостью их многогранного анализа. На примере русско-немецкого словаря синтаксических фразеологических единиц в статье анализируются свойства фразеологизмов-конструкций, которые необходимо учитывать при фиксации подобных единиц в онлайн-словарях.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, фразеологизм-конструкция, текстовый корпус, двуязычная лексикография.

BILINGUAL DATABASE OF PHRASEOLOGICAL CONSTRUCTIONS (NEW ONLINE RESOURCE)

The paper deals with phraseological constructions that consist of stable grammatical forms, which are partly filled with function words and partly varied by different lexemes, for instance тоже

mne N or N on i est 'N. Despite their wide use and prevalence in different languages, such phraseological constructions are less studied than lexical phraseological units. Until now, they have never been the object of bilingual lexicography. The complexity of studying phraseological constructions is determined by the need to apply different methods of analysis from different perspectives. Using the example of the Russian-German dictionary of syntactic phraseological units, the paper analyses the factors which should be considered when fixing such phraseological constructions in online dictionaries.

Keywords: *syntactic phraseology, phraseology construction, text corpus, bilingual phraseology.*

Статья посвящена теоретическому осмыслению и описанию возможностей лексикографической фиксации синтаксических фразеологизмов-конструкций (ФК) (термин заимствован из работы [1]), представляющих собой устойчивые многословные грамматические формы, обычно отчасти заполненные (чаще) служебными, так называемыми дискурсивными словами («якоря») и открывающие вакантные позиции («слоты»), которые непосредственно в речи заполняются различными лексемами или сочетаниями лексем («филлерами»). Такие конструкции идиоматичны, так как их смысл не выводим из суммы грамматических и лексических значений составляющих их элементов. Так, чтобы адекватно понять выражение *Нечего тут разговаривать*, недостаточно знать грамматические значения местоимения с отрицательной приставкой *нечего*, местоименного наречия *тут* или инфинитива, как и лексические значения представленных в конструкции слов: требуется уметь опознать цепочку этих слов как конструкцию, обладающую собственным особым значением, не выводимым из отдельных элементов и их суммы, – несмотря на то, что конкретные инфинитивы могут меняться в зависимости от контекста (*нечего тут прохладиться*, *нечего тут расслаживаться* и т.д.). Данная ФК в общем виде выражает недовольство, досаду и одновременно запрет заниматься какой-либо деятельностью, выраженной в инфинитиве. Местоимение *нечего*, местоименное наречие *тут* – величины постоянные (якоря), а инфинитив глагола несовершенного вида – величина переменная (слот), так что сразу вырисовывается модель: *нечего тут Inf нсв*.

Такого рода постоянно воспроизводимые и заполняемые в речи конкретной лексикой устойчивые синтаксические модели извлекаются из памяти не поэлементно, а целиком. Они обнаруживают все признаки фразеологических единиц (устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, фиксированный просодический контур) и синтаксических построений (многокомпонентность, наличие постоянного и переменного компонентов, выполнение определенной синтаксической роли в предложении).

На наличие подобных конструкций в диалогической речи указывал ещё Л. П. Якубинский в 1923 г [13]. Начало системного изучения ФК заложено в работах [8; 9]: были выявлены и описаны основные отличия устойчивых фразеологизированных конструкций от свободных синтаксических структур. Н.Ю. Шведова выдвинула идею компактной фиксации ФК, например: *NNI как NNI (мальчик как мальчик)* или *NNI не в NNI (праздник не в праздник)* [10]. Эта

идея стала активно разрабатываться в дальнейших исследованиях и не потеряла своей актуальности и сегодня.

В это же время были произведены первые попытки уточнить название этих синтаксических построений. Д. Н. Шмелев предложил называть их «фразеосхемами», поскольку фразеологизированной является сама схема синтаксической конструкции [11; 12]. Термин «фразеосхема» или «фразеосинтаксическая схема» в настоящее время используется в современных исследованиях [2; 5; 6]. Параллельно используются и другие наименования этого явления: «синтаксические шаблоны» [13], «Phraseoschablonen» [18], «синтаксические фраземы» [17; 4], «фразеологизмы-конструкции» [1], «полуфраземы» [7]. Однако чаще в современных исследованиях используют термин, обозначающий более широкое родовое понятие для большого количества разных типов пока еще слабо изученных синтаксических фразеологизированных построений – «синтаксические фразеологизмы» [3].

В 2000-е годы исследование и описание ФК приобрело массовый характер благодаря возросшему интересу к так называемой грамматике конструкций (Construction Grammar), вызванному внимательным изучением работ Ч. Филлмора, А. Гольдберг, И. Мельчука (см. список литературы). Однако лексикографическое освоение этого материала только начинается [15].

Изучение ФК, работа по их выявлению при поиске примеров конструкторов в текстовых корпусах и по их описанию позволяет составить список наиболее существенных признаков данного лингвистического феномена:

идиоматичность: невозможно понять смысл конструктора, построенного на ФК, в речи, есть не знать значения ФК ещё до ее заполнения;

неграмматикализованность: ФК не следует смешивать с конструкциями, которые служат для регулярного выражения определённых грамматических категорий и могут быть причислены к полю средств выражения этих категорий, как, например, конструкция с инфинитивом и дательным агенса для выражения модальности долженствования (*Мне читать?*) или конструкция с глаголом в императиве для выражения условия (*Приди она вовремя, ...*). Грамматикализованные конструкции изучаются в курсе грамматики как регулярные грамматические формы, в то время как ФК – например, *тоже мне X (Тоже мне достопримечательность!)* или *вот бы и V (Вот бы и сделал!)* не входят в грамматический арсенал языка;

обязательное наличие слотов и факультативное (хотя и частотное) наличие якорей: имеются ФК, состоящие только из слотов с фиксированными морфологическими характеристиками (например: *деревня деревней, олух олухом*);

(относительная) свобода в заполнении слотов: так, если в языке имеется только две или три одинаково построенных конструкции, а сама конструкция непродуктивна, то вряд можно вести речь о ФК – скорее, мы имеем дело с двумя-тремя традиционными фразеологизмами, построенными по аналогичной модели, утратившей продуктивность. Имеются промежуточные случаи: например, выражения *Спасибо не булькает / Спасибо в карман не положишь / Спасибо домой не принесёшь* можно рассматривать как отдельные фразеологизмы с

аналогичной семантикой, но допустимо изучать их и как возможности заполнения ФК *Спасибо [...] не V* – поскольку сама модель, похоже, обладает определенной мерой продуктивности, что подтверждается различными вариациями ее заполнения в различных текстах при устойчивости значения ‚Мне нужно не вербальное, а материальное выражение благодарности‘;

наличие значения на уровне языковой системы, т.е. до заполнения слотов конкретным содержанием. Большинство ФК выражают иллокуции (похвала, порицание, благодарность, критика и др.), причём часто иллокутивные значения накладываются друг на друга и выступают в комплексе. Однако имеются ФК – логические коннекторы: они выражают уступительность и противительность (*Ладно бы X, но ...*), причинно-следственные отношения (*Вот и Vimr теперь*), усиление тезиса (*Уж где-где, а ...*) или аргументации (*Как тут не Inf*). Впрочем, обычно семантика логического коннектора переплетается с семантикой иллокутивной: уступительность сопровождается выражением досады, следствие – выражением удивления и т. п. Некоторые ФК служат для подчеркивания темы высказывания (*не то чтобы X, но ...*), выступают как триггеры пресуппозиций (*понять не поняла, но ...*). Наконец, имеются конструкции для выражения чисто временных (*Он два года как на пенсии; Она вот-вот заплачет*) или количественных категорий (*километра полтора*);

стилистический регистр: обычно разговорный, но бывают и исключения; высокая степень вовлечённости в текст, где конструкты обычно обретают дополнительные иллокутивные смыслы, которые накладываются на основное, первичное значение ФК;

различные синтаксические роли в предложении: ФК могут составить целую пропозицию, служить сказуемым, подлежащим, придаточным, представлять собой модель для построения только вопросительных реплик и т. д.;

определенная роль в конструировании дискурса: некоторые конструкты, основанные на ФК, способны открывать текст, другие могут употребляться только как продолжение текста, но не могут быть начальной фразой; третьи используются только в роли ответной репликой диалога и т. д.;

ФК обладают собственным просодическим контуром, которые может отличить конструкт от аналогично выстроенного композиционального высказывания или от конструкта, построенного на омонимичной ФК или на той же ФК, но с другим значением. Например, ФК *а то X* может иметь значение, потому что X, а может выражать скепсис или презрение. Ср: *Спасибо, что сообщили. А то мы не знали*. В зависимости от интонации вторая фраза может обладать одним или другим описанным здесь смыслом.

Данные параметры определили содержание и последовательность подачи материала в двуязычной (немецко-русской и русско-немецкой) базе данных ФК, которая составляется в настоящее время. Материалом служат русские и немецкие текстовые корпуса, а также параллельные тексты в печатных изданиях.

Поскольку ФК встречаются в первую очередь в разговорной диалогической речи, для поиска активно привлекаются тексты пьес и их опубликованные переводы.

Ниже приводится пример словарной статьи:

<u>Семантическое поле:</u> Раздражение, Недовольство
<u>Лемма:</u> [Если] [уж] V'2 лицо нсв наст. – [вот и/так /так и] V'imp [себе]
<u>Значение:</u> Говорящий сообщает, что адресат или третье лицо должны выполнять то действие, которое намеревались выполнить. Обычно ФК употребляется в ситуациях, когда говорящий выражает недовольство или раздражение тем, что взятое на себя обязательство совершить действие выполняется недостаточно добросовестно, недостаточно правильно, непоследовательно и т. п.
<u>Примеры:</u> <i>Играешь и играй, покажи, что ты артист.</i> (Евгений Додолев. "Машина времени". История группы); <i>Если встаёшь, так вставай. Какой толк спать сидя?</i> (Сергей Малицкий. Достояние павших); <i>Покупаешь, так покупай, а нет, так не копыть мне уши!</i> (Василий Лебедев. Обречённая воля); <i>Голубчик, вы работаете? Вот и работайте себе.</i> (Елена Четвертушкина. Лучик)
<u>Морфологические характеристики:</u> Первый филлер – глагол во втором лице единственного или множественного числа несовершенного вида настоящего времени; второй глагол (повторяющий первый) употребляется в императиве. При использовании союза <i>если</i> невозможен якорь <i>вот и</i> , допустимы только <i>так / так и</i> .
<u>Семантические ограничения:</u> Филлеры – глаголы контролируемых действий, так как тот, кто выполняет действие, производит его осознанно.
<u>Синтаксическая функция:</u> Самостоятельное высказывание.
<u>Употребление в тексте:</u> В диалогической речи. Может быть продолжением или началом диалога.
<u>Стилистический регистр:</u> Разговорно.
<u>Просодия:</u> После первого глагола следует пауза. На первом глаголе побочное фразовое ударение и мелодика восходящая, на втором наиболее сильное фразовое ударение и мелодика нисходящая. (Далее следует график частоты основного тона на примере простого примера, построенного на ФК, а также аудио-файл, дающий возможность послушать звучание этого же примера)
<u>Примеры переводов:</u>

Пример	Перевод	Комментарий
<p>Ты там стоишь на очереди – и стой. (Людмила Разумовская. Житие Юры Курочкина и его ближних.)</p>	<p>Du stehst auf der Warteliste, also warte. (Üb. Günter Jäniche. Wohnhaft. 1998)</p>	<p>Переводчик удачно использует повтор корня <i>wart</i> в словах <i>Warteliste</i> и <i>warte</i>. Коннектор <i>also</i> подчёркивает причинно-следственную связь между планируемым действием и необходимостью его выполнить.</p>
<p>Ты мне тут не начинай. Помогаешь – так помогай! (Александр Афанасьев. Сожжённые мосты)</p>	<p>Ach komm! Wenn du helfen willst, dann hilf. (Üb. Olga Gleiser, 2021)</p>	<p>Перевод на немецкий осуществляется с помощью придаточного условного. В остальном структура предложения аналогична русскому конструкту.</p>
<p><u>Неполные синонимы:</u> ФК без повтора глагола; триггером для ФК может послужить какой-либо другой глагол в левом контексте: [вот и / ну и] Vimр [теперь]: Решился? Сделал предложение? Вот и женись.</p>		
<p><u>Полные синонимы:</u></p>		
<p><u>Дополнительная информация:</u></p>		
<p><u>Идиомы, построенные на ФК:</u></p>		
<p><u>Фразы-формулы на основе ФК:</u></p>		
<p><u>Омонимы:</u></p>		
<p><u>Паронимы:</u> ФК, выражающая значение 'говорящий (милостиво) разрешает кому-л. заниматься выбранной деятельностью': Vimр себе [на здоровье / сколько угодно / сколько влезет / сколько душе угодно]: Ругайся себе на здоровье. (НКРЯ)</p>		

Некоторые параметры для данной конкретной словарной статьи, как видим, отсутствуют (варианты ФК, полные синонимы, омонимы и некоторые другие); для других ФК те же поля бывают заполнены. Аналогичным образом строятся словарные статьи-описания для немецких ФК. Благодаря интернет-среде возможны расширения для данного словаря как в отношении увеличения набора языков, так и в отношении увеличения числа словарных статей и добавления информации и новых параметров в словарные статьи. Так, в следующей версии базы данных мы планируем увеличить число параметров для описания ФК за счет таких тэгов, как частотность употребления, степень продуктивности схемы, историческая (этимологическая) справка. Словарь предназначен как помощь при изучении языка (русского или немецкого) для активного порождения корректных текстов на неродном языке, а также для лингвистов, изучающих

синтаксическую фразеологию, и для переводчиков. Первое издание планируется по достижении объёма триста словарных статей по каждому из двух языков.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М: Флинта, 2013. 312 с.
2. Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 191 с.
3. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. Учебное пособие. М.: Изд. МГУ, 1996. 96 с.
4. Иомдин Л.Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (Диалог'2006). Труды международной конференции. Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 202-206.
5. Меликян В.Ю. Словарь фразеосинтаксических схем русского языка. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2000. 251 с.
6. Меликян В.Ю. Словарь эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 239 с.
7. Стексова Т.И. Между лексикой и грамматикой: к вопросу о статусе полуфразем // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 187-194.
8. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. №2. С. 93-100.
9. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.
10. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
11. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. №6. С. 63-75.
12. Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 257 с.
13. Якубинский Л.П. О диалогической речи. В кн.: Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17-58.
14. Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of 'let alone' // Language. 1988. №64(3). P. 501-538.
15. Funt N. Es gibt Glossare und Glossare: Phrasenschemen im Russischen, Deutschen und Polnischen im Vergleich. Masterarbeit, 2020 [Electronic Resource]. URL: https://russisch.fb06.uni-mainz.de/files/2020/12/Masterarbeit_Natallia-Funt.pdf (date of access 25.10.2021).
16. Goldberg A.E. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago, 1998. S. 359-362.
17. Mel'čuk, I.A. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates. S. 232-284.
18. Fleischer W.P. der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1997. S. 299-345.

Е.А. Попова

E.A. Popova

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРСОНОСФЕРА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматривается проект составления лингвокультурологического словаря региональной персоносферы Провинциального (Липецкого) текста.

Ключевые слова: *региональная персоносфера, Провинциальный (Липецкий) текст, лингвокультурологический словарь, словарь региональной персоносферы, прецедентные тексты региональной направленности.*

REGIONAL PERSONOSPHERE AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

The article discusses the project of compiling a linguoculturological dictionary of the regional personosphere of the Provincial (Lipetsk) text.

Keywords: *regional personosphere, Provincial (Lipetsk) text, linguoculturological dictionary, regional personosphere dictionary, regional precedent texts.*

А.Н. Тихонов является основателем научной школы по словообразованию и учебной лексикографии, автором более 20-ти словарей, прежде всего связанных с русским словообразованием. Желая остаться в русле научных интересов Александра Николаевича, мы остановимся в нашей статье на проекте словаря региональной персоносферы, который относится к числу лингвокультурологических словарей.

Появление лингвокультурологических словарей [1; 5; 6], как и «развитие лингвокультурологии, ее теоретическое укрепление, расширение и методологическое «разветвление» в современной лингвистике, видится как поступательное движение науки к новой предметной области своего изучения – человеку, существующему и действующему «на пересечении» таких фундаментальных систем, как язык, сознание, культура и коммуникация» [2, с. 48].

Персоносфера, впервые как понятие выделенная и исследованная Г.Г. Хазагеровым [7], – это совокупность имен собственных (антропонимов), обозначающих исторические, религиозные, литературные персоналии. Персоносфера бывает национальной, региональной, индивидуальной, социальной. Региональная персоносфера представляет собой совокупность региональных антропонимов, в нашем случае имеющих отношение к Провинциальному тексту русской литературы или его локальным ответвлениям (Воронежскому, Елецкому, Пермскому и т.д. текстам). В нашей работе мы затронем проблему персоносферы Провинциального (Липецкого) текста. Эпитет «Липецкий» мы употребляем в

широком смысле: как связанный в целом с Липецкой областью, а не только с конкретным городом.

Персоносфера Липецкого текста может быть реконструирована на основе прецедентных текстов региональной направленности (художественных, публицистических, мемуарных, эпистолярных, дневниковых). К числу таких текстов, например, относятся «Начало автобиографии» А.С. Пушкина, «Дневники» В.А. Жуковского, «Воспоминания» П.И. Бартенева, «Мемуары» П.П. Семенова-Тян-Шанского, «Записки современника» С.П. Жихарева, «Фараончики», «За полвека. Мои воспоминания» П.Д. Боборыкина, «Женская обитель», «Елец (Из записной книжки скучающего туриста)» В.И. Немировича-Данченко, письма Г.И. Успенского, «Жизнь Арсеньева», «Семеновы и Бунины», «Освобождение Толстого» И.А. Бунина, «Люди и положения» Б.Л. Пастернака, «Золотая роза» К.Г. Паустовского и т.д. Эти и другие тексты составили два выпуска корпуса прецедентных текстов региональной направленности [3; 4]. Нами отбирались персоналии, отраженные в подобных текстах.

Лексикографическая статья «Словаря персоносферы Провинциального (Липецкого) текста» включает в себя наименование персоналии, краткую информацию о ней, при этом особое внимание уделяется описанию связи данной личности с Липецким краем; в конце статьи приводится список произведений (принадлежащих перу как данной персоналии, так и тех, кто писал о ней), в которых раскрывается эта связь с нашим краем. В состав словаря входят персоналии 1) исторических, религиозных деятелей и деятелей науки (например: *Петр Первый, наследник Александр Николаевич (будущий император Александр Второй), Тихон Задонский, Семенов-Тян-Шанский, Н.Н. Муравьев-Карский* и др.); 2) литературных деятелей (например: *А.П. Бунина, И.А. Бунин, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, М.М. Пришвин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев* и др.).

Приведем несколько примеров словарных статей.

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827-1914) – русский естествоиспытатель, ученый, государственный деятель. Жизнь П.П. Семенова-Тян-Шанского была тесно связана с Липецким краем. Его родовое имение – усадьба Рязанка – расположена на севере Липецкой области в Чаплыгинском районе (ранее Раненбургском уезде Рязанской губернии). В этом имении Петр Петрович родился, провел детские и отроческие годы, а потом приезжал в гости к своему старшему брату Николаю Петровичу (1823-1904), которому усадьба в Рязанке стала принадлежать после смерти их матери. Именно здесь будущий великий ученый-естествоиспытатель ощутил интерес к изучению окружающей природы. Сейчас в Рязанке находится музей-усадьба П.П. Семенова-Тян-Шанского. В первом томе «Мемуаров» П.П. Семенова-Тян-Шанского, охватывающем детские и юношеские годы их автора с 1827 по 1855 гг., много говорится о малой родине ученого. Так, замечательные воспоминания оставило у Петра Семенова путешествие в деревню Петровка Липецкого уезда Тамбовской губернии, которую в семье называли «тамбовским имением» в противоположность Рязанке – «рязанскому имению» (Петровка, относящаяся прежде к Там-

бовской губернии, расположена на территории современного Грязинского района Липецкой области). Остановки в городе Раненбурге (ныне Чаплыгин) и селе Добром, переправа на пароме через реку Воронеж, посещение первых в жизни «настоящих», по выражению автора, городов – Липецка и Воронежа, невиданные прежде болотистая равнина, бор, ковыльная степь произвели неизгладимое впечатление на будущего знаменитого путешественника.

И.А. Бунин, приходившийся Семенову-Тян-Шанскому родственником (бабушка Петра Петровича была урожденной Буниной), в своем очерке «Семеновы и Бунины» писал о нем как о невероятно одаренном, разносторонне развитом человеке, сыгравшем важную роль в жизни русского государства (Бунин 1988, с. 264). Имя П.П. Семенова-Тян-Шанского встречается и на страницах мемуаров его сестры Н.П. Грот (Семеновы) «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков», где подробно описывается род Семеновых, одним из известнейших представителей которого являлся и П.П. Семенов-Тян-Шанский [4, с.61]. А.А. Достоевский – племянник Ф.М. Достоевского – в биографическом очерке о П.П. Семенове-Тян-Шанском («П.П. Семенов-Тян-Шанский. Биографический очерк») и К.Я. Грот в очерке, посвященном отцу ученого, – «Петр Николаевич Семенов (1791-1832) – поэт-пародист и драматург, друг народа. К истории литературного и общественного движения первой четверти XIX в.» [Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы 2020, с. 399] – так же, как и Н.П. Грот, обращают внимание на родословную Петра Петровича, на его родственников, на связь родов Семеновых и Буниных, на места, где прошли детские и отроческие годы ученого.

Литература: Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. Т. 1. Детство и юность. 1827–1855; вступ. ст. и комментарии А.А. Богданова и М.А. Семенова-Тян-Шанского. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. 560 с.

Бунин И.А. Семеновы и Бунины // Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. М.: Худож. лит., 1988. С. 264-270.

Грот К.Я. Петр Николаевич Семенов (1891–1832) – поэт-пародист и драматург, друг народа. К истории литературного и общественного движения первой четверти XIX в. // Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. Т. 1. Детство и юность. 1827-1855; вступ. ст. и комментарии А.А. Богданова и М.А. Семенова-Тян-Шанского. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. С. 284-316.

Гротъ Н. Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ. Изданіе семьи. URL: <http://www.ostrov.ca/memoires/npgrot/index.htm> (дата обращения: 20.03.2020).

Достоевский А.А. П.П. Семенов-Тян-Шанский. Биографический очерк // Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. Т. 5 (дополнительный). Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский: его жизнь и деятельность. 1827-1914 / авт. Ю.М. Шокальский и др. М.: Издательство «Кучково поле», 2018. С. 12-135.

Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное посо-

бие. Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. С. 301-404.

Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794-1866) – русский полководец, путешественник, наместник Кавказа. Особое внимание этой исторической личности уделял уроженец Липецкого края Н.А. Задонский (настоящая фамилия Коптев) (1900-1974), написавший историко-документальную хронику «Жизнь Муравьева», в которой открыл для широких читателей личность героя Крымской войны, друга и близкого родственника декабристов – братьев Муравьевых-Апостолов, Н.М. Муравьева, И.Г. Бурцова и др. Н.Н. Муравьев-Карский представлен в этом произведении как деятельный, честный человек, радеющий за благополучие своего Отечества. Он жил в своем имении Скорняково недалеко от Задонска, там же он и скончался, был похоронен в городе Задонске, у восточной стороны Владимирского собора Рождество-Богородицкого монастыря, где до сих пор сохранилась его могила.

Литература: Задонский Н.А. Жизнь Муравьева. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. 463 с.

Задонский Н. Муравьев в Задонске // Подъем. 2019. №8. С. 252-257.

Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие. Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. С. 100-123.

Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883) – русский писатель, автор рассказа «Лебедянь», посвященного знаменитой на всю дореволюционную Россию Лебедянской конной ярмарке. Его имя встречается в автобиографической заметке Е.И. Замятина, родившегося в Лебедяни, и упоминается в связи с этим городом, о котором «писали Толстой и Тургенев» [3, с. 200]. Кроме того, имя Тургенева находим в произведениях уроженца Липецкого края П.Д. Боборыкина: рассказе «Фараончики» и мемуарах «За полвека. Мои воспоминания». В мемуарах писатель говорит о том, что в творчестве Тургенева можно найти подробное и реалистичное изображение крестьянской бытовой жизни, ярмарок, и в целом – описание уездного города Лебедянь [3, с. 34], а в рассказе, изображая посещение героем Лебедяни, упоминает связанные с конной ярмаркой в этом городе «тургеневский рассказ» и «тургеневский сюжет» [3, с. 31]. Племянник М.М. Пришвина – А.С. Пришвин – в воспоминаниях «Бабушкино яблоко» пишет о том, что И.С. Тургенев «навсегда прославил» небольшой городок Лебедянь и что с именем великого писателя в «елецких краях» связана река Красивая Меча, с которой «происходит знаменитый тургеневский Касьян с Красивой Мечи» [4, с. 218]. Тургенев упоминается А.С. Пришвиным в связи с посещением не только Лебедяни, но и села Пальна-Михайловка, где находилась усадьба известного деятеля и богатого помещика Стаховича. Рассказы «Лебедянь» и «Касьян с Красивой Мечи» входят в цикл «Записки охотника».

Литература: Тургенев И.С. Касьян с Красивой Мечи; Лебедянь // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 3. За-

писки охотника. 1847-1874. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1979. С. 106-123; 172-183.

Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х томах. Т. 1. За полвека (главы I-VIII). М.: Художественная литература, 1965 (глава вторая).

Боборыкин П.Д. Фараончики // Сочинения П.Д. Боборыкина: т. 1-12. Т. 12. По-американски! Поддѣли! Фараончики. Посестріе. СПб.-М.: Издание товарищества М.О. Вольфъ, 1886. С. 381-483. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=109007 (дата обращения: 18.11.2018).

Пришвин А.С. Бабушкино яблоко // Воспоминания о Михаиле Пришвине: Сборник. М.: Советский писатель, 1991. С. 54-62.

Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. С. 464-468.

Словарь региональной персониферы может с успехом применяться в учебном процессе как в школе, так в вузе, тем самым пополнив число учебных словарей. Изучение прецедентных текстов региональной направленности носителями русского языка, относящихся к представителями молодого поколения региона, будет способствовать лучшему освоению персониферы этих текстов, что сделает личностей, оставивших заметный след в русской культуре, истории, науке и обозначенных региональными антропонимами, неотъемлемой частью индивидуальной персониферы носителей языка, установит в их сознании прочную связь между понятиями «малая» и «большая Родина».

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 784 с.

2. Ковшова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 48-57.

3. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.

4. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие. Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 662 с.

5. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004. 320 с.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

7. Хазагеров Г. Персонифера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. С. 133-145.

Э.А. Салихова

E.A. Salikhova

*Уфимский государственный авиационный
технический университет (Уфа, Россия)*

Ufa State Aviation Technical University, Ufa

О СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В СЛОВАРЯХ РЕГИОЛЕКТНО-ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА

На примере изданного словаря тезаурусного типа рассматривается структура словарной статьи регионализма «курай». Лексикографическое издание вобрало материалы картотеки «Язык города» кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ, содержащей записи устной речи жителей г. Уфы (1985-2000 гг.), и речевого материала, собранного в дальнейшем (2000-2020 гг.) авторами-составителями в результате наблюдений над городской речью, над речевым поведением разновозрастных горожан – жителей столицы республики.

Ключевые слова: *региолект, регионализм, словарная статья, словарь, тезаурус.*

ABOUT THE STRUCTURE OF A DICTIONARY ENTRY IN DICTIONARIES OF THE REGIONAL-THESAURUS TYPE

The structure of a dictionary entry of regionalism "kurai" is considered on the example of the published thesaurus-type dictionary. The lexicographic publication has incorporated the materials of the card index «Language of the City» of the Department of General and Comparative Historical Linguistics of the Bashkir State University, which contains the records of the oral speech of the inhabitants of Ufa (1985-2000), and the speech material collected later by the authors-compilers (2000-2020) as a result of observations of the city speech, over the speech behavior of uneven-aged townspeople – residents of the capital of the republic.

Keywords: *regiolect, regionalism, dictionary entry, dictionary, thesaurus.*

Современная речь жителей Уфы – одного из крупнейших экономических, культурных и научных центров РФ, с одной стороны, не может не отразить особенности полиэтнического региона, а с другой – в полной мере демонстрирует тенденции в жизни общества, связанные с либерализацией языка, переходящей в бесконтрольность говорящими над своей речью, со спонтанностью общения, с ослаблением официальности, со стремлением к языковой игре, к вариативности.

Исходя из классического определения «словаря» как «книги ..., содержащей описание слов, или иных лексических единиц, или же обозначаемых ими понятий, явлений [5, с.459], второй том «Языковой мозаики г. Уфы» [6] получил название «Словаря тезаурусного типа». Он включает 2562 единицы – это некодифицированные, относящиеся к разным частям речи номинации и их контекстуальные употребления, синонимы, а также некоторые устойчивые словосочетания. В рамках предложенной модели авторами-составителями выделены такие разделы, как «Человек» (1071 единица); «Одежда» (194), «Домашний быт» (514), «Деньги» (82), «Транспорт» (191), «Туризм» (17), «Окружающая природа, ландшафт» (27), «Городские объекты» (88), примеры из армейского

сленга (130), из лексикона геймеров и программистов (248). Такое разграничение важно с лингвокультурологической, социо- и психолингвистической точек зрения представления и описания отдельных регионально окрашенных и экспрессивно помеченных единиц. Первый раздел самый объемный, поскольку, утверждая, что его содержание может быть раскрыто через анализ различных лексико-синтаксических, деривационных средств его языкового выражения, мы признаем невозможность как полной презентации понятия «человек» в вербальной форме, так и выявления и фиксации всех его языковых и речевых экспликаций, ибо он, как отмечал В. фон Гумбольдт, «не укладывается в границы своего языка» [1, с. 349].

Словарная статья включает заголовочное слово, далее дается семантизация единицы, то есть указывается его значение, иллюстрируемое высказыванием. Тезаурусный характер словаря не позволяет выносить окончательный «семантический приговор», решение о значении слова. В словаре такого типа важна роль контекстов. Через слэш (косые черты) в конце текстовой части указывается возраст, иногда пол информантов и место их обучения или профессия, в речи которых было зафиксировано то или иное слово или сочетание слов, а отдельные статьи сопровождаются фотоиллюстрациями для наглядного представления регионализмов или некоторых топонимических единиц (см. топоним УФА (ТРИ ШУ-РУПА) или регионализмы БАУРСАК, ЧАК-ЧАК и подобные). Это представляется оправданным, поскольку фотография вскрывает взаимосвязь между образным основанием и значением, например, микротопонима, чем только его описание в виде дефиниции.

При описании отдельных единиц принципиально отграничены полисемия / омонимия от т.н. полиреферентных лексем, у которых «частные значения... варьируют и уточняют общее семантическое содержание слова, отличаясь конкретными употреблениями, количество которых может быть довольно большим, а множество – открытым, постоянно пополняемым в живой речи» [4, с. 12].

Дано также указание на то, что слово является разговорным (разг.), просторечным (прост.), жаргонным (жарг.), диалектным (областн. / диал.), региональным (регион.). У некоторых слов с пометой «жаргонное» имеется указание на принадлежность к определенному поджаргону. Те лексические единицы, которые одинаково произносятся и пишутся, но не имеют семантической и этимологической связи, размещаются в разных словарных статьях и считаются омонимами. Словарь выполняет также функции прескриптивных словарей, отображая местные языковые формы, неизвестные или малоизвестные за пределами региона и города.

Словарь тезаурусного типа «Языковая мозаика г. Уфы» не является застывшим образованием, а постоянно будет дополняться. Перспективы развития словаря будут реализованы через дополнение новыми регионализмами и локализмами, встречающимися в каждодневной речевой жизни горожан, а также в республиканских СМИ, современной художественной литературе и публицистике. Предполагается расширить словарную статью последующих изданий:

помимо принятого в толковых словарях описания языковых единиц (семантика, грамматические пометы, словообразовательный потенциал и пр.), включить энциклопедическую – прежде всего, историко-этимологическую и культурологическую – информацию. Так, в региолектно-тезаурисном словаре статью о региолектном КУРАЙ [6, с.91] можно дополнить информацией о том, что это «традиционный духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты» [3], а также описать этимологию названия («произошло от кура кошэ – полый стебель зонтичных растений»), разновидности курая («агач курай – деревянный курай, камыл курай – курай из соломки, жиз курай – медный курай и т.д.» [3]), его виды («отличаются особенностями конструкции и изготавливаются из стеблей зонтичных растений, кости, рога, металла»), размеры («в зависимости от его разновидности колеблются от 120-180 мм (камыл курай) до 580-800 мм (казан курай). Длина некоторых инструментов (кошэ курай, нугай курай) определяется, как правило, 8-9-кратным обхватом стебля кистью руки») [там же], деривацию (кура- + -ист = «играющий на курае») и пр.

КУРАЙ (регион.). Национальный музыкальный инструмент, сделанный из тростникового растения курай.

– *Когда Шевчук в ДДТ стал использовать в своих оранжировках курай, его песни совсем другое звучание приобрели /молодые люди, 38-40 лет/.*

– *Курай произрастает в башкирской местности /мужчина, 50 лет/.*

Отражая региональную норму, представляя систему местной лингвокультуры и фиксируя в источнике такого типа территориальные языковые варианты, словарные произведения позволяют утверждать о существовании у жителей г. Уфы особой локальной идентичности.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. Пер. с нем. // Сост., общ. ред. и вступ. статья А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
2. Попов Р.В. Региолектный словарь как словарь нового типа // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №1(435). Филологические науки. Вып. 119. С. 133-141.
3. ТАТАРИСА: Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://tatari-sa.org/ru/razdely/narody/tatary/tatarskaya-narodnaya-muzyka/kuraj> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Химик В.В. Предисловие // Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т.1. СПб., 2017. 528 с.
5. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пос. М., 1977. 335 с.
6. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. М.: Флинта, 2014. Т.1. 840 с.
7. Языковая мозаика г. Уфы. В 2-х частях: Ч.2. Словарь тезаурисного типа / Сост. Э.А. Салихова, Н.Г. Искужина, Н.В. Исмаилова. Уфа: Аэтерна, 2021. 160 с.

В.К. Харченко
V.K. Kharchenko

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)
Belgorod State National Research University, Belgorod*

О А.Н. ТИХОНОВЕ И ЕГО СПОДВИЖНИЦЕ М.Ю. КАЗАК

В статье раскрывается роль А.Н. Тихонова в развитии словообразования. Подчеркивается вклад его продолжателей, а именно М.Ю. Казак, в теорию глагольного словообразовательного гнезда. Демонстрируется конкуренция глагола и существительного, но, в конечном итоге, здесь отражаются две плодотворные деривационные линии: глагольная и субстантивная.

Ключевые слова: *А.Н. Тихонов, М.Ю. Казак, глагольное словообразование, гнездо, ступени, особенности.*

ABOUT A.N. TIKHONOV AND HIS ASSOCIATE M.YU. KAZAK

The role of A.N. Tikhonov in the development of word formation is revealed. The contribution of his successors, namely M.Yu. Kazak, in the theory of the verbal word-formative cluster is emphasized. The competition between the verb and the noun is demonstrated, but, in the end, two fruitful derivational lines are reflected here: the verbal and the substantive.

Keywords: *A.N. Tikhonov, M.Yu. Kazak, verbal word formation, cluster, stages, features.*

Среди ученых есть группа людей, не имевших учеников. Это, к примеру, А.А. Любищев и Д.И. Менделеев. Среди других деятелей науки (их необозримое множество!) ученики есть, их будто бы немного, но они разрабатывают концепцию своего научного руководителя и решают свои задачи как в рамках этой концепции, так и, что значительно чаще, по отношению к другим идеям. И есть ученые, которые, как говорится, «обросли» учениками, и А.Н. Тихонов (1931-2003) принадлежит к их числу. Существовала даже шутливая поговорка: Тихонов – большое гнездо. Спросим себя, почему возникло такое обозначение, а ответ таится в самой научной работе А.Н. Тихонова, той самой, которая и сделала его имя нарицательным, узнаваемым, говорящим. Сейчас лингвистика увлечена новыми терминами (*концепт, дискурс, когнитивно-коннотативный, мыслекод* и под.). А.Н. Тихонов, напротив, шел от лингвистики факта, но поскольку он занимался словообразованием, то здесь просматривались такие глубины, каких надо сначала представить, поискать, исследовать. На словообразовании давно лежит весомая величина различных аспектов, но для этого само словообразование должно быть «говорящим», то есть максимально реальным, а значит, продолжим мысль, нужны подсчеты. И для подсчетов нужны последователи, ученики, продолжатели дела великого ученого. Одной из таких сподвижниц и была Мария Юрьевна Казак (1953-2018), докторская диссертация которой стала прекрасным продолжением идей А.Н. Тихонова. Называлась она «Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование». Моногра-

фия по диссертации соответственно называлась более сдержанно «Глагольное словообразовательное гнездо в современном русском языке», но за этой внешней простотой открываются такие глубины, о которых можно говорить теперь обоснованно, с опорой на многочисленные подсчеты и факты. В самом начале работы подчеркивается высказанная А.Н. Тихоновым идея о важности количественных методов в словообразовании, но, согласимся, эти подсчеты есть нечто столь мощное, сколь и труднореализуемое, особенно применительно к глагольному словообразованию. Исследование у М.Ю. Казак строится на материале девяности словообразовательных гнезд, выделенных из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова. Девяносто – число на первый взгляд небольшое, но за ним стоят сверхнасыщенные словообразовательные гнезда: *нести* – 540 дериватов, *вести* – 507, *ходить* – 470, *бить* – 446... А завершают этот список тоже весьма объемные производные: *слать* – 132, *стрелять* – 132, *тесать* – 132, *плескать* – 131, *пахать* – 130. По данным Словообразовательного словаря глаголы образуют 2413 гнезд.

Деятельность А.Н. Тихонова была всеобъемлющей. Нам довелось присутствовать на лекциях этого ученого в 1983 году на факультете повышения квалификации в Москве. Лекции обличались изумительной, благостно падающей на души слушателей конкретикой, но конкретикой, основанной на подсчетах и предположениях, уверенных тезисах и живых сомнениях. Русский язык в аспекте словообразования был представлен во всей своей силе и красоте. Затрагивались, конечно же, и спорные вопросы. Можно, казалось бы, ограничиться одним интересным словом, тем более словом окказиональным, но А.Н. Тихонов охватывал весь узус, брал язык в целом, все словообразование, а оно в русском языке было запредельно объемным.

Вернемся к подсчетам. В монографии М.Ю. Казак, во-первых, выявлены почти равные приоритеты глагола и существительного в вербальных гнездах, в сумме приближающиеся к 80 %. Мысль, казалось бы, спорная, но совпадающая с распределением слов в лексиконе: сущ. – 42 %, гл. – 36,7 % и сущ.– 46,4 %, гл. – 30,7 %. Во-вторых, рассмотрено размещение производных слов по ступеням. Здесь в отличие от именных гнезд, наиболее активными оказываются вторая (36,5 %) и третья (32,5 %) ступени. Представлена диаграмма такой динамики с выразительным горбом на второй и третьей ступенях. Далее анализируются части речи: первые ступени отражают количественные приоритеты глагола, а с третьей ступени преобладают имена существительные. Что же касается первой ступени, то она отвечает тенденции воспроизводить, прежде всего, ту часть речи, к которой принадлежит исходное слово, и здесь правит бал глагол (54,4%), существительные занимают вторую позицию (32,05%). Далее анализируется место сложных слов в вербальных гнездах и распределение по частям речи аффиксальных дериватов. Это самое начало книги, а дальше следуют диаграммы, подсчеты, выводы применительно как к общекатегориальным характеристикам глагольных гнезд, так и по отношению к частнокатегориальным. Цифры, проценты, графики, диаграммы, таблицы – все представлено и проиллюстрировано досконально. Заглянем в Заключение, озаглавленное «Прогностика и специфич-

ка отглагольного словообразования». М.Ю. Казак соотнесла наиболее объемные словообразовательные гнезда с эталонными представителями глагольного класса, и оказалось, что прямой и жесткой детерминации здесь нет. Словообразовательная активность вовлекает в радиус своего действия, прежде всего, глаголы перемещения и физического действия, тогда как распределение частей речи в гнездовой части характеризует способность исходного слова организовывать производные классы в определенных соотношениях. При этом демонстрируется конкуренция глагола и существительного, но, в конечном итоге, здесь отражаются две плодотворные деривационные линии: глагольная и субстантивная.

Известна словообразовательная мощь глагола в русском языке, но известна также и уникальная роль существительных. Есть известный афоризм Михаила Бахтина: «Имя по сущности своей глубоко положительно, это – самая положительность, самоутверждение (назвать – утвердить на веки вечные, закрепить в бытии навсегда, ему присуща тенденция к нестираемости, несмываемости, оно хочет быть врезанным как можно глубже, в возможно более твердый и прочный материал и т.п.), в нем нет ни грана отрицания, уничтожения, оговорки...» [1, с. 143]. М.Ю. Казак продемонстрировала эту взаимосвязь в русском языке глагола и имени.

Графическое моделирование гнезд довольно наглядно демонстрирует те словообразовательные линии, которые прошивают словообразовательные гнезда в глубину, отражая «импульсирующие» участки порождающих процессов. «Таким стержнем нам представляются гомогенные (внутричастеречные) пошаговые расширения, организующие вокруг себя деривационное поле дальнейших транспонирующих и идентифицирующих шагов» [2, с. 90]. «Как уже отмечалось в приложении к другим пластам лексики, возникшие через звено слова одной части речи редко бывают полными синонимами, расходясь и в объеме семантических структур, и в сочетаемости, и в стилистической маркировке» [2, с. 94]. Показателен и такой вывод: «Как оказалось, практически любое объемное вербальное гнездо демонстрирует «шкальность» не только в организации словообразовательных средств, но и в механизме формирования словообразовательных типов». А вот самый конец книги: «Вместе с тем энергетика гнезда связана с зарождением новых форм и значений, которые несут в себе ростки будущих этимологий» [2, с. 96].

Как видим, теория словообразования, предложенная А.Н. Тихоновым и другими учеными, у М.Ю. Казак получила свое подтверждение и развитие.

Конечно, и А.Н. Тихонов, и М.Ю. Казак в своей научной деятельности не ограничивались проблемами словообразования. Александр Николаевич Тихонов – автор многочисленных работ по русскому языку, это был талантливый лексикограф. «Многие знают: листать словари – огромное удовольствие. Откроешь на полминуты и не можешь глаз оторвать от лесенки слов, на которой покоится жизнь с ее прошлым, с ее нынешним пульсом, со взглядом в завтра, с названием шумных мест и закоулков Земли, с проблемами, именами, с тайнами и загадками» (В.М. Песков). Александр Николаевич Тихонов выступал как создатель морфемных и словообразовательных словарей, в том числе «школьно-

го» словообразовательного словаря [3; 4; 5]. Мария Юрьевна Казак вписала себя в историю Белгородского государственного национального исследовательского университета как человек, занимающийся еще правописанием, медиатекстами, жанрами журналистики. Ею разработан новый курс для начинающих журналистов. Но мы сейчас воздадим должное той огромной и плодоносной работе по выявлению специфики глагольных словообразовательных гнезд в русском языке, которая проливает свет на полнокровную аффиксальную природу русского слова и которая противостоит всевозможным заимствованиям современной жизни.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. М., 1992. №1. С.134-164.
2. Казак М.Ю. Глагольное словообразовательное гнездо в современном русском языке: Монография. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2004. 124 с.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: Около 145 000 слов. В 2 т. М.: Рус. яз., 2-е изд. 1990. 1760 с.
4. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка: Около 100 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2002. 704 с.
5. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.

О.В. Шаталова
O.V. Shatalova

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия)
Bunin Yelets State University, Yelets*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ СЛОВАРЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

На основе анализа словарных статей обосновывается мысль о влиянии словаря на социально-политическое состояние общества; делается попытка описания приемов формирования лингвокультурной среды, соответствующей определенным историко-политическим условиям.

Ключевые слова: язык, словарь, семантика, прагматика, социолингвистика.

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC INTENTIONS OF THE DICTIONARY AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

Based on the analysis of dictionary entries, the idea of the dictionary's influence on the socio-political state of society is substantiated; an attempt is made to describe the methods of forming a linguistic and cultural environment corresponding to certain historical and political conditions.

Keywords: language, vocabulary, semantics, pragmatics, sociolinguistics.

История нового времени неоднократно убедительно доказывала значимость словаря в формировании определенных общественных идей, взглядов, оценочных позиций. Классическим примером в этом случае выступает фран-

цузская Энциклопедия эпохи Просвещения, подзаголовок которой – «Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Данный словарь определял сущность понятий, корректируя отношение общества к тем или иным явлениям, будучи при этом, естественно, изданием научно-философским (о чем свидетельствует не только содержание, но и объем статей). Аналогичные функции: распространение материалистических и социалистических идей, корректировка общественного отношения к определенным политическим явлениям – должен был выполнять и «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», задуманный кружком петрашевцев и изданный Н.С. Кириловым в 1845 году. Первый том, высоко оценил В.Г. Белинский и охарактеризовал его как качественное справочное издание, несмотря на то, что в рецензиях, данных журналами «Библиотека для чтения» и «Современник» отмечались ошибки или неточности в толковании понятий. Второй том был конфискован и впоследствии упоминался в судебных документах дела петрашевцев как один из пунктов обвинения. В этом, естественно, проявляется, прежде всего, политико-идеологическое положение данного словаря в обществе середины XIX века.

В начале XX века в России происходили значимые исторические события: менялся социальный строй, повседневный уклад жизни народа, точнее, многих народов и народностей. Неудивительно, что одной из важнейших задач общественного переустройства руководители государства считали создание соответствующих словарей. «Тов. Луначарский! <...> Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка?» – эта записка [4, с.95], датируемая 18 января 1920 года, стала первым шагом к появлению четырехтомного толкового словаря под редакцией академика Д.Н. Ушакова. Причем создание одного из самых профессионально созданных и до сих пор остающихся современным словаря проходило «под бдительным надзором» руководящих государственных структур [7], контролировавших и отбор, и толкование лексем.

Таким образом, сам факт создания словаря – акт высокой социальной и политической значимости, поскольку определяет магистральные направления в формировании официального понимания тех или иных явлений действительности, включение определенных понятий в круг повседневного мышления человека и в спектр общественных идеологических приоритетов. Причем существенным фактором становится как расширение лексикона, так и ограничение использования каких-либо слов. Например, в уже упомянутом «Карманном словаре иностранных слов», адресованном, прежде всего, учащимся военно-морских учебных заведений, содержится статья «анализ и синтез», объем которой – 3 печатные страницы, что явно не соответствует задачам толкования отдельного слова, а предполагает создание представления о двух сложных научных явлениях в их соотношении, дается исторический обзор их формирования, характеризуется концепция Бэкона, делаются оценочные выводы. Этот подход согласуется с естественнонаучными тенденциями развития общественной мысли II половины XIX века: статья «анализ и синтез» оформлена энциклопедиче-

ски, тогда как построение других статей соответствуют нормам. Подобные примеры многочисленны в словаре, изданном Н.С. Кириловым, что позволяет достаточно четко проследить идеологические намерения составителей.

В «Школьном толковом словаре русского языка», изданном во II половине XX века, содержатся 2 самостоятельные статьи: «анализ» [6, с. 27] и «синтез» [6, с. 336], в которых дается краткое толкование понятий с примерами, что соотносится не только с принципами составления лингвистического словаря, но и с методикой преподавания различных дисциплин в советской школе. В данном словаре отсутствуют, например, статьи «национальный», «национализм», при наличии статьи «интернациональный» [6, с. 136], что наглядно демонстрирует принцип исключения определенных понятий из спектра внимания учащихся в соответствии с воспитательными задачами социалистического государства.

Несомненно, факторы исторической, социально-политической обусловленности в составлении словника: ЧТО включать в словарь? насколько широкое толкование давать? – играют существенную роль. Однако наиболее показательным аспектом социальной ориентированности словаря, на наш взгляд, является то, КАК изъясняется то или иное слово, поскольку именно особенности толкования понятия влияют на восприятие и на оценку обозначаемого данным словом явления. Значительную роль в этом играло научно-общественное мнение. В XX в. подготовка и публикация фактически каждого словаря предварялась и сопровождалась (в случае неоднотомного издания) публичной дискуссией.

В толковании тех или иных понятий в зависимости от коммуникативно-прагматической установки можно выявить несколько специфических приемов. Во-первых, это использование (или неиспользование) оценочных эпитетов. Например, в толковании афоризма «*железный занавес*» в словаре Н.С. и М.Г. Ашукиных, классического издания 1955 года делается акцент на несоответствии действительности оценок, высказываемых идеологическими противниками: «<...> Геббельс в статье «2000 год» <...> употребил это выражение с клеветнической целью, утверждая, что Советский Союз отделил себя от всего мира железным занавесом. В части буржуазной печати и теперь употребляется это клеветническое утверждение по отношению к СССР [1, с. 186]. Рефреном проходящая мысль о несправедливости сделанных идеологом фашизма предположений о политике Советского Союза дополнительно усиливается подчеркиванием того, что высказанная идея поддерживается «буржуазными» СМИ, т.е. ориентированными на чужеродный образ жизни и политики.

Наиболее зримо прагматическое влияние эпитета на восприятие какого-либо социально-политического явления выявляется при сопоставлении версий одного и того же словаря, изданного в разные годы при изменении социально-политических условий. Например, в словаре С.И. Ожегова 1987 года «национализм» характеризуется как «**Реакционная буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды под лозунгом защиты национальных интересов и национального превосходства и**

практически служащая интересам эксплуататорских классов; проявление ложного чувства национального превосходства, национальной замкнутости» [9, с. 320]. (Сложно квалифицировать данный подход как личностное представление автора словаря или требование социально-политической идеологии. Например, известен случай, когда нейтральное определение слова «*аристократия*», предложенное С.И. Ожеговым, получило крайне негативную рецензию Ф.П. Филина: «Определено объективистски, да еще с положительной оценкой. Надо подчеркнуть **эксплуататорский, паразитический** характер аристократии» [7, с. 135]).

Из толкования, представленного в издании 1989 года, исключено определение «*реакционная*» [10, с. 396]. Действительно, в конце 80-х гг. XX в. происходят значительные изменения в отношениях СССР и Запада, официально декларируется открытость в дипломатии, организуются совместные военные и экономические мероприятия, поэтому определение «*реакционная*» выглядит неуместно, хотя в остальных аспектах социально-политического устройства СССР остается социалистическим государством, где буржуазно-капиталистические отношения неприемлемы. В версии же словаря 1999 года полностью нивелирован контекст противопоставления социализма капитализму (за счет исключения эпитетов «*буржуазная*» и «*мелкобуржуазная*»), нивелировано классовое противостояние (за счет исключения семы о разжигании национальной вражды и эпитета «*эксплуататорский*») и специфически нейтрализован контекст негативного отношения к самому факту проявления национализма (за счет исключения эпитета «*ложное*»): «*Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим*» [11, с. 398].

Во-вторых, для фиксации определенных политических и идейно-нравственных позиций в толковании могут использоваться эмоционально окрашенные, экспрессивные номинативы, возможно, даже разговорно-публицистического типа. Так, толкование афоризма «*господа ташкентцы*» в словаре Н.С. и М.Г. Ашукиных содержит следующие метафорические характеристики: «*рвачи, крупные и мелкие хищники, примазавшиеся к “казенному пирогу”*» [1, с. 134], в современных словарях, в том числе размещенных на наиболее популярных, общедоступных интернет-ресурсах, подобные номинативы отсутствуют, а со ссылкой на М.Е. Салтыкова-Щедрина дается более нейтральное определение: «*о сторонниках “азиатских” форм правления, о тех, кто настроен враждебно по отношению к европейской политической традиции, духу гражданского общества*» [13]. При сопоставлении двух определений выявляются не только стилистические различия, но и перенос идеологических акцентов: великий сатирик, а вслед за ним и советские филологи клеймят бюрократов и взяточников, желающих приобрести материальное благополучие за счет государства. А в российских реалиях XXI века этот аспект, вероятно, уже не так важен, поэтому автор словаря переносит внимание читателей (носителей языка) на вопросы формирования гражданского общества в условиях европейской ин-

теграции, пренебрегая при этом в общем-то и принципом достоверности – по отношению к М.Е. Салтыкову-Щедрину.

Авторы словарей XIX-XX вв. позволяли себе не только оценочные характеристики отдельных явлений, но и достаточно экспрессивные высказывания в адрес представителей других национальностей или идеолого-философских течений. Так, в «Карманном словаре» Н.С. Кирилова в статье «аристократия» говорится о карьерных возможностях человека «из низов»: «*В этом отношении, мы, русские, можем гордиться перед англичанами – народом, который почитает себя достигшим совершенства в своей государственной организации*». И если в период создания словаря аспекты соотношения национальных особенностей народов и государств рассматривались как форма научного исследования, то сегодня подобное высказывание граничит с нарушением законодательства.

Или другой пример: в упомянутом выше определении *железного занавеса* Геббельс обозначен как «*один из главарей немецких фашистов*». (Естественно, что подобные обозначения обладают значительной силой убеждения не только в силу своей семантической сущности, в целом соответствующей действительности, но и благодаря грамматической форме: имя существительное, по мнению А.М. Пешковского, А.Н. Гвоздева и др., позволяет определить своеобразный «контур» предмета, а обретение «предметных очертаний» отвлеченными свойствами или действиями усиливает их эмоциональность, экспрессивность [3; 12], что отмечал в «Былом и думах» А.Н. Герцен). В современном словаре Геббельс обозначен как «*министр пропаганды фашистской Германии*» [13]: корректное выражение, с одной стороны, вполне соответствует особенностям научного стиля, который является основным для такого рода гипертекста, как словарь. В то же время нельзя не заметить, что отсутствие оценочных характеристик создает впечатление толерантности по отношению к фашистской идеологии, поскольку языковая форма подачи материала не предполагает выделение данной идеологии из ряда других.

Таким образом, на наш взгляд, функционально-прагматические интенции словаря, соотносимые с социальными, политическими, культурно-нравственными аспектами развития общества, проявляются в следующих аспектах: 1) коммуникативно-прагматическая установка для создания словаря, определение основных целей и задач его включения в сферу мышления лиц определенных социальных категорий / групп или всего народа; 2) специфика формирования словника, отбор лексем для постатейного толкования; 3) определение семантического объема статьи, определение количественно-качественных параметров статьи; 4) особенности толкования отдельных понятий: семантические, этические.

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Худ. лит-ра, 1955. 667 с.
2. Белинский В.Г. Карманный словарь иностранных слов... издаваемый Н. Кириловым // Собрание сочинений. В 9-ти тт. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – ав-

- густ 1845. М.: Худлит-ра, 1981 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3590.shtml (дата обращения: 11.06.2021).
3. Гвоздев А.Н. Формирование у ребенка грамматического строя языка. М.: АПН РСФСР, 1949. 268 с.
4. Илагаева Г.О. Из истории создания «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова // Textus. 2014. №14. С.95-103.
5. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. С. Петербург: Типография Губернского правления, 1845 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/335952> (дата обращения: 17.06.2021).
6. Лапатухин М.С., Скорлуповская Е.В., Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка: пособие для учащихся / под ред. Ф.П. Филина. М.: Просвещение, 1981. 463 с.
7. Никитин О.В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (Из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. №3. С.27-40.
8. Никитин О.В. «Словарь Ваш нужен всем»: письма к С.И. Ожегову 1940-1960-х гг. (К 120-летию со дня рождения ученого) // Вопросы лексикографии. 2020. №18. С.133-149.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.57 000 слов / под ред. чл.-кор АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд. испр. М.: Рус.яз., 1987. 750 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд. перераб. и доп. М.: Рус.яз., 1989. 924 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 545 с.
13. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2004. 880 с [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 04.07.2021).

РАЗДЕЛ 2. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

А.А. Алешина

A.A. Aleshina

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
(Орел, Россия)*

Orel state university named after I.S. Turgenev, Orel

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ *СОЛЬ* В НАЦИОНАЛЬНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется словообразовательное гнездо с вершиной соль в национальном русском языке с точки зрения структуры и семантики, рассматриваются факторы, влияющие на словообразовательную продуктивность частных словообразовательных гнезд. Фактическим материалом послужили дериваты, отобранные методом сплошной выборки из словарей русского языка и Интернет-ресурса.

Ключевые слова: лексема соль, дериват, словообразовательное гнездо, факторы словообразовательной активности.

SEMANTIC AND STRUCTURAL PECULIARITIES OF DERIVATIONAL CLUSTER WITH INITIAL WORD *SALT* IN THE NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the derivational cluster with initial word salt in the national Russian language from the grammatical and semantic point of view, the factors that have influence on derivational productivity of private derivational clusters are taken into consideration. The material of analysis is derived words extracted by continuous sampling method from dictionaries of the Russian language and from the Internet resources.

Keywords: lexeme salt, derived word, derivational cluster, factors of derivational productivity.

В лексической системе русского языка существуют единицы, роль которых оказывает заметное влияние на её состав и функционирование. На базе подобных лексем формируются разветвленные словообразовательные гнезда, а сами единицы представляют собой семантический и материальный источник создания многих вторичных номинантов [7, с. 128]. Одной из таких лексических единиц, обладающих высоким словообразовательным потенциалом, является полисемант *соль*. Данная лексема становится вершиной огромного словообразовательного гнезда (в целом более 500 дериватов), что обусловлено экстралингвистическими, внутрисловными и системно-языковыми факторами, оказывающим влияние на словообразовательный потенциал.

1. Первичный лексико-семантический вариант слова *соль* «белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [1] характеризуется наибольшей словообразовательной продуктивно-

стью: данное частное гнездо включает 435 минимальных единиц лексического уровня, содержит словообразовательные цепочки максимальной длины для всего словообразовательного гнезда – 5 ступеней деривации (включая вершинный лексико-семантический вариант).

Дериваты, образованные на базе данного значения, обладают семантическим разнообразием и номинируют различные предметы и реалии.

Наибольшую близость с первичным лексико-семантическим вариантом полисеманта *соль* обнаруживают единицы словообразовательного гнезда с аналогичным денотатом, т.е. наименования соли как приправы. При этом в большинстве случаев прослеживается детализация значения, указывающая на количество соли, например, *соли́на* «крупинка, кристалл соли» Новг. [9, т. 39, с. 264]; на конкретную разновидность соли: *сольва́* «каменная соль» Омск. [9, т. 39, с. 309] и др., *рассо́л* «соль, оседающая поверх льда» Якут., Сиб. [9, т. 34, с. 215-216].

Полисемант *соль* становится базой для номинаций более тридцати блюд (выпечных изделий, салатов, супов, кушаний из овощей), в которых соль является одним из важнейших компонентов и используется в качестве приправы или начинки: *солони́на* «кушанье из посоленных овощей: винегрет, салат» Новосиб [9, т. 39, с. 299], *солни́к* «пресная лепешка, обсыпанная солью» Свердл. [9, т. 39, с. 266], *солённик* «пирог с солью вместо начинки» Волог., Арх., Новг. [9, т. 39, с. 259-260] и др.

Соль известна не только как ценная приправа, способная улучшать, усиливать вкус продуктов, но и как доступный консервант. Данное свойство соли является актуальным для носителей языка, что детерминирует возникновение объемной лексико-семантической группы, единицы которой номинируют различные консервированные продукты и блюда с их использованием: *соля́нинка* собир. ласк. «что-л., засоленное впрок, соленья» Р. Урал [9, т. 39, с. 311]; *соленíна* «засоленные овощи (капуста, помидоры, огурцы)» Р. Урал, Свердл. [9, т. 39, с. 260], *солёна* «соленая рыба» Камч [9, т. 39, с. 259], *соли́ха* «похлебка, суп с солеными грибами» Калинин. [9, т. 39, с. 265] и др.

Обширную группу составляют единицы, обозначающие способ или процесс консервации продуктов. Максимально обобщенными являются существительные, именующие процесс консервирования любых продуктов: *засо́лье* «засол, засолка» Том [9, т. 11, с. 48], *просо́л* «слабый посол чего-л.» Терек. [9, т. 32, с. 237]. Кроме того, были выявлены единицы, в значении которых указывается, какой продукт подвергается консервации: *осо́л* «засолка, посол (рыбы)» [9, т. 24, с. 43]; *соля́ника* «засолка грибов» Калуж. [9, т. 39, с. 311] и др.

В исследуемом словообразовательном гнезде также были выявлены дериваты, обозначающие соленую воду: в природном источнике: *рассо́л* «вода (чаще из подземного источника), содержащая большой процент соли» Перм. [9, т. 34, с. 215-216] и др.; для консервирования продуктов: *соли́ло* «рассол, в котором солят мясо, рыбу». Орл. [9, т. 39, с. 264]; *насо́л* «рассол» Твер. [9, т. 20, с. 181] и др.; предназначенную для поения животных: *солени́к* «соленая вода, которую дают пить скотине» Алт., Свердл. [9, т. 39, с. 259-260].

В семантике единиц, обозначающих грибы, важен функциональный аспект, т.е. их назначение: *солони́на* собир. «грибы, идущие в основном на засолку» Ярослав., Костром., Иван. [9, т. 39, с. 299]; *соляняки́* «грибы, пригодные только для засолки» Моск. [9, т. 39, с. 310]; *соля́хи* мн. «грибы, пригодные только для засолки» Солецк. Новг. [9, т. 39, с. 312-313] и др.

Лексико-семантическая группа дериватов, именующих травы, невелика. Во всех входящих в нее единицах актуализируется сема 'острый характерный вкус', т.е. происходит семантический сдвиг «кислый → соленый». Ср. *солёный* «содержащий в себе соль и обладающий свойственным ей специфическим острым вкусом» [4], *кислый* «имеющий специфический острый вкус, подобный вкусу лимона, уксуса, клюквы и т.п.» [4]: *солони́к* «щавель» Олон. [9, т. 39, с. 299], *солонуха* мн. «листья растения кислицы» Ленингр. [9, т. 39, с. 302].

Как показывает анализируемый материал, существует целый ряд дериватов, именующих посуду как вместилище соли: *солени́чка* «солонка», Печор. [9, т. 39, с. 260], *солони́шница* «солонка» Р. Урал [9, т. 39, с. 301]. Некоторые единицы характеризуются большей детализацией: указывается материал и/или размер посуды: *солони́ца* «небольшая деревянная кадка для хранения соли» Ворон. [9, т. 39, с. 300]; *солони́к* «деревянная, глиняная солонка» Волог., Арх. [9, т. 39, с. 298-299].

Приправа соль является настолько важной для носителей языка, что её номинант становится неким объединяющим началом для создания большого количества дериватов, обозначающих и характеризующих самого человека. Были выявлены единицы, именующие человека по его профессиональной деятельности, которая так или иначе связана с солью: с добычей соли, например, *солязаво́довец* «человек, работающий на соляных разработках» Соликам., Перм. [9, т. 39, с. 309] *солело́мец* «работник, занимающийся добычей соли» Оренб. [9, т. 39, с. 259]; с транспортировкой соли, например, *солевóзец* «человек, занимающийся перевозкой соли» Оренб. [9, т. 39, с. 258], *солени́сец* «рабочий по переноске соли (на заводе, погрузке, разгрузке судов)» Перм. [9, т. 39, с. 261]; с консервированием продуктов, например, *засо́льщик* «в дореволюционное время – тот, кто обычно солит кушанье в рабочей артели» Влад., Волга. [9, т. 11, с. 49] и др. Кроме того, были выявлены лексемы, именующие человека по вкусовым пристрастиям, например, *солу́щой* «любящий соленое (о человеке)» Пенз. [9, т. 39, с. 307] и по чертам характера, например, *хлебосо́л* «хлебосольный человек» [5].

Всего в данное частное словообразовательное гнездо входит более двадцати лексико-семантических групп. Такое количество и разнообразие дериватов обусловлено, прежде всего, актуальностью обозначаемой реалии, так как «уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [2, с. 9]. Актуальность и значимость данной приправы невозможно переоценить. Соль использовали в качестве денежного эквивалента, она входила в состав жалования в царской России, имела большое политическое значение: облагалась налогами, являлась причиной бунтов и восстаний, кроме

того, использовалась в различных ритуалах, обрядах, являлась талисманом-оберегом от «дурного глаза» и т.д.

Более того, первичный лексико-семантический вариант принадлежит к основному словарному фонду, слово в данном значении является высокоупотребительным, что также влияет на его словообразовательную активность [6, с. 66]. Также катализатором словообразовательной продуктивности является отсутствие у данного лексико-семантического варианта стилистической окраски, продолжительность функционирования в языке и т.д [10, с. 150; 3, с. 254].

2. Частное словообразовательное гнездо с вершиной *соль* «химическое соединение, вещество, представляющее собой продукт полного или частичного замещения водорода кислоты металлом» [1] является вторым по величине и включает в себя значительное количество лексем (60 минимальных единиц лексического уровня).

Большая часть дериватов, мотивированных вышеуказанным значением, обозначает определенный тип почвы, насыщенный солями: *солонёшник* «почва, богатая солями; солончак» Новосиб. [9, т. 39, с. 298], *солонёчник* «почва, богатая солями, солончак» Новосиб. [9, т. 39, с. 297] *солонёц* «топкое болото с выступающей на поверхность соленой грязью» Амур., Ворон., Иркут. [9, т. 39, с. 296-297] и др.

Лексические единицы, именующие растения и травы, могут указывать как на целый класс растений, например, *подсолоник* «трава, растущая на солончаках» [9, т. 28, с. 190], так и на конкретное растение: *солёц* «растение *Salicornia herbacea* L. сем. солянковых; солерос травянистый» [9, т. 39, с. 263].

Всего в данное частное словообразовательное гнездо входит семь лексико-семантических групп. Прагматическая значимость соли как химического элемента объясняется наличием / отсутствием солей в почве, следовательно, возможностью / невозможностью определенных трав, растений произрастать на таких почвах, а также способностью данного химического вещества вступать в различные реакции для бытовых и технических нужд.

3. Частное словообразовательное гнездо с вершиной *соль* «то, что составляет остроту речи» представлено небольшим количеством единиц. (4 лексемы), что обуславливается следующими факторами: во-первых, данный лексико-семантический вариант обладает переносным, метафорическим значением, во-вторых, в плане стилистической принадлежности относится к разговорной лексике.

Наибольшее родство с вершинным лексико-семантическим вариантом сохраняют прилагательное и наречие *солёный* – разг. «остроумный, выразительный, но грубый, не совсем пристойный (о словах, выражениях и т.п.)» [1], *sóлоно* «нареч. к *солёный*» [1]. При этом появляется новый оттенок значения «грубый, немного непристойный».

Данный оттенок значения актуализируется в говорах и реализуется в прилагательных со значением «наименования признака, связанного с представлениями о нравственности»: *посолонный* «неприличный, непристойный» Арх. [9, т. 30, с. 194], *посóленный* «неприличный, непристойный» Арх. [9, т. 30, с.195].

4. Частное словообразовательное гнездо с вершиной *соль* «то, что составляет особый смысл или основную сущность чего-л.» крайне невелико. Вследствие невысокой прагматической значимости, узости семантики, конструктивной обусловленности, ограничений грамматической организации, данный лексико-семантический вариант слова *соль* обладает низким креативным потенциалом и образует только одну лексическую единицу *бессо́лый* «недогадливый, бестолковый, глупый» Волог., Арх., Свердл. [9, т. 2, с. 277].

5. Частное словообразовательное гнездо с вершиной *соль* «метамфетамин» [8] содержит четырнадцать лексических единиц. Появление такого значения, вероятно, связано с внешним сходством наркотического вещества и приправы. Источником сбора нового, современного материала послужили интернет-ресурсы, поскольку данные лексические единицы не закреплены в языке и не отражены в словарях, они являются относительно новыми для языка.

Наибольшее семантическое родство с исходным значением сохраняют дериваты, именующие само наркотическое вещество: *соля́га, соля́мба, соля́ка, соля́тина*. Относительно обширную группу составляют единицы, обозначающие человека, употребляющего наркотик: *соле-спайсо-копа́тель, соля́нка, солеви́к, солéг, солена́тор*; человека в состоянии наркотического опьянения: *соляно́й, солевóй*. Глаголы, указывающие на действие по признаку «употребить / употреблять наркотик», могут называть само действие: *соли́ть*; характеризовать его по степени интенсивности: *пересоли́ть*. Лексема *пересо́ленный* является единственным прилагательным, входящим в данное частное словообразовательное гнездо, и обозначает состояние человека, употребившего наркотик.

Несмотря на то, что данное частное словообразовательное гнездо невелико, оно активно развивается, что, вероятно, связано с прагматической значимостью реалии: к сожалению, наименования и характеристики людей, зависимых от синтетического наркотика, являются актуальными в наши дни.

По причине предельной конкретности значения, ограничениях в сфере функционирования и в морфологической парадигме остальные лексико-семантические варианты слова *соль* не обладают словообразовательными возможностями.

Таким образом, полисемант *соль* представляет собой источник формирования огромного количества дериватов, является формальным и семантическим центром объемного словообразовательного гнезда, имеющего сложную структуру, которая выражается в его делении на несовпадающие по объему частные словообразовательные гнезда. Такая диспропорция обуславливается различиями факторов, влияющих на словообразовательную активность, для каждого лексико-семантического варианта. Более того, общее словообразовательное гнездо является открытым, активно пополняется, что связано, прежде всего, с появлением нового лексико-семантического варианта в составе полисеманта *соль*. Ценным данное словообразовательное гнездо представляется не только в количественном, но и в семантическом плане. Его единицы отражают разнообразные предметы, явления, признаки и т.д. путем соотнесения с объектом, обозначаемым полисемантом *соль* в каком-либо значении. В большинстве случаев основой номинации становится аспект, связанный с солью как с приправой, что объясняется детальной освоенностью и культурной значимостью самой реалии.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (Макрокосмос). М.: Индирик, 1998. 236 с.
3. Дьяков А.И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // Вестник науки Сибири. 2012. №4. С. 252-256.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://xn----8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk.html> (дата обращения: 15.01.2020).
6. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Орел. 2013. 537 с.
7. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2008. №3. С. 128-133.
8. Словарь наркомана [Электронный ресурс]. URL: <http://sozavisimost.ru/poleznaja-informacija/slovar-narkomana.html> (дата обращения: 15.01.2020).
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-44. М., Л., СПб.: Наука, 1965-2011.
10. Хемсакун Чанунпорн, Плотникова Т.П. Проблема определения словообразовательного потенциала глагола // Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики. 2013. №1. С. 144-151.

Е.А. Болтовская
Е.А. Boltovskaya

*Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(Могилёв, Беларусь)*

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

ЗАДАНИЯ ПО МОРФЕМИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ НА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ТЕСТИРОВАНИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена описанию содержания тестовых заданий по морфемике и словообразованию, предлагаемых абитуриентам на централизованном тестировании в 2015-2021 гг. Результаты исследования могут быть полезны преподавателям учреждений общего среднего образования, а также репетиторам по русскому языку.

***Ключевые слова:** морфемика, словообразование, централизованное тестирование, Беларусь.*

MORPHEMICS AND WORD FORMATION ASSIGNMENTS IN CENTRALIZED TESTING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article deals with the description of morphemics and word formation test assignments offered to applicants in centralized testing during 2015-2021. The research outcomes can be useful for teachers of general secondary education institutions, as well as for Russian language tutors.

***Keywords:** morphemics, word formation, centralized testing, Belarus.*

Задания по морфемике и словообразованию составляют всего около 5 % от общего количества заданий на белорусском централизованном тестировании [1, с. 31], однако их значимость в полноценном освоении школьного курса русского языка чрезвычайно велика. Так, многие орфографические темы (например, «Правописание чередующихся гласных в корне слова», «Правописание гласных после шипящих и *ц*», «Правописание приставок», «Правописание *ь* и *ь*», «Правописание суффиксов имен существительных», «Правописание суффиксов имен прилагательных», «Правописание *н* и *nn* в суффиксах отглагольных имен прилагательных и причастий») не будут понятны учащимся, если последние не овладеют умением разбирать слово по составу. Обучение словообразованию способствует «...сознательному усвоению орфографических правил, действие которых сопряжено с характером значимых частей, содержащих орфограмму...» [2, с. 180]. Особо тесной является связь словообразования и морфологии: в пределах определенного лексико-грамматического класса слов закреплены специфические словообразовательные форманты: при помощи суффиксов *-тель*, *-чик*, *-ец*, *-ость* и др. образуются имена существительные, *-лив-*, *-чив-*, *-ск-*, *-ов-/-ев-* и др. – имена прилагательные, *-ова-/-ева*, *-ыва-/-ива-*, *-ва-* и др. – глаголы. Если школьники не научатся разграничивать словообразующие и формообразующие морфемы, то впоследствии будут иметь трудности с постановкой слова в начальную форму, с вычленением неизменяемых частей речи и отдельных форм.

Цель статьи – на материале сборников тестов с 2015 по 2021 гг. [3; 4; 5; 6] проанализировать вариативность формулировок заданий по морфемике и словообразованию.

В 2015 году задание по словообразованию во всех десяти вариантах теста было сформулировано следующим образом: «А22. Укажите, какие словообразовательные цепочки составлены правильно». В качестве языкового материала для рассмотрения приводились цепочки из трех слов, например, в варианте 2: «1) молчать – молчаливый – молчаливость; 2) молодой – молодость – молодёжь; 3) сестра – сестрица – сестрицын; 4) маска – маскировка – маскировочный; 5) одобрить – одобрительный – неодобрительность» [3, с. 11]. Данное задание помогало проверяющим определить, знают ли абитуриенты основные закономерности словообразовательных процессов. Задание по морфемике находилось во второй части теста, и его формулировка была такова: «В7. Определите морфемный состав слов и установите соответствие между столбцами таблицы». В варианте 10 [3, с. 53] находим следующие примеры:

А. вдавливавший	1. корень + суффикс + окончание
Б. наклейка	2. корень + суффикс + суффикс + окончание
В. по-болгарски	3. приставка + корень + суффикс + суффикс
Г. радостный	4. приставка + корень + суффикс + окончание
	5. приставка + корень + суффикс + суффикс + окончание

Это задание отражает взаимосвязь словообразования и морфологии, так как в качестве примеров для разбора даются изменяемые и неизменяемые сло-

воформы самостоятельных частей речи: имен существительных (*отголосок, оформление, мыслитель, бережливость, покупочка, заработок, отпечаток, оттенок, сверхскорость, приготовление, проситель, учитель, наклейка*), имен прилагательных (*сладостный, заварочный, заботливый, трусливый, закупочный, болтливый, радостный*), наречий (*по-честному, по-деревенски, полетному, по-уральски, по-польски, по-сербски, по-болгарски*), глаголов в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени (*обтачивал, чернел, углублял, разливала, солила, перетаскивали*), а также в формах причастий (*перегораживавший, сломленный, подававший, вдавливавший*) и деепричастий (*затвердев, догорев, накрахмалив*).

На принципе установления межуровневых связей между морфемикой и морфологией базируется задание А22 в 2016 году, сформулированное так: «Укажите, какие из данных глагольных форм имеют одинаковое строение: 1) удививший; 2) удивив; 3) удивлю; 4) удивлён; 5) удивил» [3, с. 56]. В задании В8 2016 года предлагается определить способы образования слов: отглагольных существительных (*затверждение, сострадание, взрыхление, приобщение, сплетение, появление, урегулирование, повеление, отселение, поучение*), качественных прилагательных (*пресладкий, преголодный, превкусный, предпоследний, преужасный, презабавный, сверхплотный, преглупый, превкусный, прескучный*), возвратных глаголов (*навоеваться, отдалиться, закупориться, разъехаться, засмеяться, удалиться, прижиться, истоскаться, раскричаться, набегаться*), наречий, образованных от качественных прилагательных (*добела, начисто, заживо, задолго, досуха, сгоряча, влево, изредка, налево, заново*).

Задание А23 в 2017 году направлено на выявление сформированности у учащихся умения устанавливать словообразовательные связи между словами, т.е. находить производящее слово, от которого образовано данное производное слово, умения опираться на мотивированность производного слова: «Укажите, какие из данных слов образованы непосредственно от **существительных**: 1) грустноватый; 2) расфасовочный; 3) нагоститься; 4) пересечение; 5) молчуня» [3, с. 106].

Формулировка задания В8 в 2017 году идентична той, что была в В7 в 2015 году, а в качестве примеров, помимо уменьшительно-ласкательных существительных с историческими чередованиями гласных (*о//нуль* звука) и согласных (*к//ч*) в суффиксе (*завязочка, присыпочка, повязочка, записочка, расчесочка, зацепочка, покупочка, подстилочка, расписочка, приписочка*), отглагольных прилагательных (*ослабелый, очерствелый, застарелый, обгорелый, огрубелый, устарелый, перегорелый, затверделый, пожелтелый, почернелый*), отыменных наречий (*наутро, наяву, наряду, отроду, сроду, поутру, вправду, вверху, сбоку, насилу*), появляются краткие формы причастий страдательного залога прошедшего времени (*подбит, помыт, расшит, разлит, вымыт, разбит, надут, сбит, перешит, вышит*).

Задание А22 в 2018 году сформулировано как «укажите, в каких словах правильно выделены суффиксы» и направлено на то, чтобы абитуриенты делили слово на значимые части с опорой на словообразовательный анализ, при

этом помня о таком морфонологическом явлении, как чередование фонем на морфемных швах. В качестве языкового материала привлекаются преимущественно имена существительные (*булка, канавка, посылочка, серединка, трещинка, походочка, сковородка, пробка, морковка, горошинка, марка, улыбочка, борода, перегородочка, соломинка, юбка, ложка, селедочка, царапинка, табуретка, ягодка, заколочка, маска, виноградинка* и др.) и немногочисленные прилагательные с омонимичными суффиксами -к- (*топкий, хваткий, ковкий, пыльный, цепкий, колкий* и др.).

Задание В8 2018 года аналогично такому же в 2016 году: «Определите способы образования слов и установите соответствие между столбцами таблицы». Однако примерами выступают сложные слова: существительные (*газоснабжение, водоустойчивость, вольнослушательница, малограмотность, книгохранилище, радиослушательница, звуконепроницаемость, кровоснабжение, правонарушительница, водоснабжение, жизнестойкость, телезрительница, теплопроводность, нефтехранилище, доброжелательница* и др.) и прилагательные (*одноламповый, шестичасовой, одноместный, девятидневный, сорокаминутный* и др.).

Задание А22 в 2019 году связано с морфемным разбором слова, например: «Укажите, в каких словах правильно выделен корень: 1) в-*дво*-ём; 2) *булоч*-ная; 3) про-*бужд*-ение; 4) у-*мыт*-ы; 5) за-*дым*-ление» [4, с.76]. Обнаружение корня должно сопровождаться не только поиском родственных слов, ближайшего слова, от которого непосредственно образовано данное, но и учетом возможных исторических чередований.

Задание В8 в 2019 году («определите, непосредственно от каких частей речи образованы слова, и установите соответствие между столбцами таблицы») направлено на выявление сформированности у абитуриентов понимания механизма образования существительных, прилагательных, глаголов, наречий. Приведем пример [4, с. 83]:

А. по-особенному	1. от существительного
Б. сдваивать	2. от прилагательного
В. прибавочный	3. от числительного
Г. голодание	4. от глагола
	5. от наречия

Задание А22 в 2020 году направлено на выявление того, верно ли абитуриенты делают словообразовательный анализ существительных, прилагательных, глаголов, например: «Укажите слова, для которых правильно определён способ образования: 1) приобретение (приставочный); 2) надбровье (приставочно-суффиксальный); 3) чистокровный (сложение); 4) водопадный (сложение в сочетании с суффиксацией); 5) завивать (суффиксальный)» [6, с. 4].

Задание В8 в 2020 году призвано определить умение абитуриентов делать морфемный разбор различных словоформ и аналогично заданию В7 в 2015 году.

В 2021 году задание А23 сформулировано следующим образом: «Укажите, какие слова имеют такое же строение, как и слово ...». И, если абитуриент допустит ошибку в морфемном разборе одного слова (*переносица* – вариант 1, *посильный* – вариант 2, *бескормица* – вариант 3, *бессюжетный* – вариант 4, *подкожный* – вариант 5, *зимовка* – вариант 6, *блесточка* – вариант 7, *шифровка* – вариант 8, *шуточка* – вариант 9, *фильтровка* – вариант 10), это повлечет за собой неправильное выполнение всего задания.

Задание В4 в 2021 году касается словообразовательного анализа всего лишь одного слова, но ранее не встречавшаяся формулировка могла дезадаптировать абитуриентов: «Подберите слово, от которого образовано (*называется часть речи*), выделенное в (*порядковый номер*) предложении текста». В варианте 1 нужно найти производящее слово для наречия *жизнерадостно* [5, с. 5-6], в варианте 2 – для глагола *угадывать* [5, с. 11-12], в варианте 3 – для наречия *изначально* [5, с. 14-15], в варианте 4 – для наречия *спокойно* [5, с. 19-20], в варианте 5 – для прилагательного в форме среднего рода *безграничное* [5, с. 22-23], в варианте 6 – для прилагательного в форме творительного падежа, множественного числа *бесчисленными* [5, с. 26-27], в варианте 7 – для наречия *беспорядочно* [5, с. 30-31], в варианте 8 – для существительного в форме именительного падежа *окраска* [5, с. 34-35], в варианте 9 – для существительного в форме родительного падежа *бесконечности* [5, с. 38-39], в варианте 10 – для существительного в форме творительного падежа *содержанием* [5, с. 5-6]. Кроме того, это задание, как и многие другие до него, о которых сказано выше, отражает тесную связь словообразования с морфологией, потому что его вторая часть выглядит так: «Запишите это слово в область ответов в начальной форме».

Таким образом, тестовые задания по морфемике и словообразованию, предлагаемые на белорусском централизованном тестировании, направлены на проверку знаний абитуриентами понятий, связанных со структурой и образованием слов, на определение уровня сформированности навыков морфемного и словообразовательного разбора слова.

Список литературы

1. Болтовская Е.А., Мосейчук Т.В. Типология заданий централизованного тестирования по русскому языку // Веснік адукацыі. 2020. №1. С.27-36.
2. Литвинко Ф.М. Методика преподавания русского языка в школе: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2015. 448 с.
3. Централизованное тестирование. Русский язык: полный сборник тестов / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Респ. Беларусь. Минск: Аверсэв, 2020. 160 с.
4. Централизованное тестирование. Русский язык: сборник тестов / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Респ. Беларусь. Минск: Аверсэв, 2020. 108 с.
5. Централизованное тестирование. Русский язык: сборник тестов / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Респ. Беларусь. Минск: Аверсэв, 2021. 45 с.
6. Централизованное тестирование. Русский язык: сборник тестов / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Респ. Беларусь. Минск: Новое знание, 2020. 56 с.

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ С ПРЕФИКСОМ НЕ- В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СФЕР НОМИНАЦИИ

Статья посвящена существительным с префиксом не-, мотивированным существительными в польском и русском языках (типа niemiłość, nieekspert, неправда, неактёр). Согласно основной цели – выявлению фонда этих дериватов и обнаружению главных особенностей сфер их номинации – особое внимание уделено важнейшим тенденциям креативности этих формаций. Выделяются и описываются характерные особенности негативов. Начерчена специфика оформления значения по принципу отрицания и предложена тематическая квалификация дериватов.

Ключевые слова: негативы, префиксальные существительные, префикс не-, отсубстантивные дериваты, сферы номинации.

NOUN DERIVATIVES WITH THE PREFIX NOT- IN POLISH AND RUSSIAN. ON CERTAIN PROPERTIES OF THE SPHERES OF NOMINATION

The article is devoted to nouns with the prefix not-, motivated by nouns in Polish and Russian (such as niemiłość, nieekspert, неправда, неактёр). In line with the primary goal – to reveal the stock of these derivatives and to discover the main properties of the spheres of their nomination, special attention is paid to more important creative tendencies of these formations. Characteristic properties of negatives are extracted and described. The specificity of shaping the meaning on the basis of negation has been sketched and a thematic classification of derivatives has been proposed.

Keywords: negative, prefixal nouns, prefix not-, noun derivatives, the sphere of nominations.

В развитии словарного состава языка роль словообразовательной креативности, без сомнения, знаменательна. Одним из важнейших средств в умножении лексики является словообразование имён существительных. Из способов словообразования, которыми располагают существительные, среди прочих, суффиксального, ярко представлена префиксация. Обращаясь к системе префиксальных существительных, а точнее – согласно указанной в заглавии статьи проблематике – непосредственно к существительным, мотивированным существительными в польском и русском языках, следует обратить внимание на довольно изрядную группу слов с префиксом не- (*nie-*, *ne-*), ср. напр. *niewiara*, *nedosug*. Представляемое в настоящей статье рассмотрение этого рода дериватов предполагает, в главной мере, рассмотреть тенденции их креативности через познание и определение сфер номинации. Следовательно, оно охватывает структурные проблемы словообразовательных процессов, а также их семантическое изложение.

Приближение этого вопроса необходимо предпослать освещением нескольких существенных положений. В первую очередь это касается значения

упомянутых дериватов. Единогласно отмечается, что они обозначают «отрицание, противоположность мотивирующему слову» [4, с. 57], ср. в академических грамматиках: «образования с префиксом *nie-* типа *nieład, niebyt, nieprzyjaciel* [нелад, небытие, неприятель] в отрицательном значении либо в антонимическом по отношению к мотивирующему слову: ‘*przeciwnieństwo bytu*’, ‘*brak ładu*’, ‘*wróg, ktoś będący przeciwnieństwem przyjaciela*’ [‘противоположность бытия’, ‘отсутствие лада’, ‘враг, противоположность приятелю’]» [5, с. 392], «Существительные с преф. *ne-* [...] называют отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом: *непорядок, неудача, нелюбовь, неправда, несчастье, неурожай, неуспех, неплатёж, невыезд, непроводник* (физ.), *незвезда* (астрон.)» [1, с. 228]. Поскольку противоположность признака ведёт к «названию нового десигната, а тем самым, к образованию мутационного деривата, напр. *nieprzyjaciel, nieład* [неприятель, нелад]) [5, с. 373], существительные с префиксом *ne-* составляют модификационные (мутационные) дериваты. Говоря о рассматриваемых здесь одиночных мотивациях имён существительных, необходимо обратить внимание на существительные с двойной мотивацией, то есть те, которые «мотивированны как основой существительного, так и основной, принадлежащей к другому классу лексем» [6, с. 179], ср. *ненавязчивость*: *не-* + *навязчивость*; *ненавязчивый* + *-ость*.

Наличие этой категории имён существительных наблюдается на протяжении всей истории развития языка, ср. напр. *nieprawda, niechęć, niemiłość, niebyły, неприятель* (враг), *нелады*. Большое участие этой деривации всячески обнаруживается в процессе обогащения лексики в современном польском и русский языках во второй половине XX и начале XXI века, ср. напр., *niebohater, nieliteratura, nieekspert, неактёр, непоставка, невозврат*. Уточняя замечания, относящиеся к первой части префиксальных образований, выражающих отрицание, противоречие, противоположность, и одновременно учитывая наблюдения, вытекающие из анализа субстантивных образований с морфемой *ne-* (собранный нами – методом сплошной выборки из толковых и словообразовательных словарей, а также из сборников новой лексики – корпуса имён существительных польского и русского языков), стоит отметить несколько закономерностей в этой области. Действительно, богатый комплекс заполняют дериваты со значением ‘отсутствие того, что названо мотивирующим словом’, ср. напр.: отсутствие знаний и умений в сфере какой-то отрасли – *niewiedza*; отсутствие красоты, отсутствие свойств признаваемых красивыми – *nieuroda*; отсутствие (здорового) рассудка, рассудительности – *nierozsądek*; отсутствие достаточной полноты в чем-л. – *неполнота*; отсутствие возврата – *невозврат*; отсутствие профессионализма, профессионального мастерства, техники дела – *непрофессионализм*. Отметить надо также – как уже упоминалось – дериваты со значением ‘противоположность тому, что названо мотивирующим словом’, ср. напр.: противоположность поэзии – *niepoezja*; о ком-то, кто не является специалистом в данной отрасли – *nieekspert*; тот, кто не является профессионалом в какой-л. области – *непрофессионал*; об имуществе человека как объекте страхования – *нежизнь*. Итак, поскольку образования с отрицательным значением до-

статочно отчётливо формируют в обоих языках фонд имён существительных с акцентом на отсутствие, постольку образования со значением противоположности относительно основы характеризуются меньшей выразительностью их наличия в словарных ресурсах.

Обращаясь к понятию и термину *негативы* (*negatywa*), обозначающему отрицательные существительные [3, с. 73, 135-137], обосновано введение различения анализированных дериватов на прямые негативы и негативы с дополнительным значением. Субстантивные прямые негативы это такие, «когда происходит простая связь между отрицательным существительным и исходным существительным, то есть, когда отрицательному слову соответствует положительное существительное» [2, с. 73], поэтому в семантическом соображении следует интерпретировать их как отсутствие чего-то, ср. напр. беспорядочная структура, состояние полного отсутствия порядка – *nieład* (*nieład* – *ład*); отсутствие свободы, независимости – *неволя* (*неволя* – *воля*), в свою очередь существительные типа *niefachowiec* – *fachowiec* можно толковать «со структурно-семантической точки зрения: *niefachowiec* – отрицательное существительное, образованное от *fachowiec*» [2, с. 74]. Субстантивные негативы с дополнительным значением, то есть «являющиеся не только отрицанием мотивационного слова, но имеющие еще дополнительное значение» [2, с. 74], которое в семантическом соображении нужно интерпретировать как отсутствие чего-то с одновременным добавлением некоего значения, ср. напр. поступок, который вытекает из отсутствия такта, из незнаний принятых в данной среде правил, а также как оплошность – *nietakt*; не очень тяжелая, обычно кратковременная болезнь, но также плохое самочувствие – *niedyspozycja*; отсутствие навязчивости, а ещё и деликатность, тактичность – *ненавязчивость*; отсутствие свободного времени и занятость – *недосуг*. В связи с перечисленными выше субстантивными негативами обратим внимание на тенденцию смысловой независимости морфем, входящих в их состав [3, с. 136]. Следовательно, «такими отрицательными существительными, оторванными от производной основы в семантическом смысле и, одновременно, не воспринимаемыми как отрицательные, являются следующие примеры: *nieprzyjaciel*, *nieszczęście*, *niepokój*», поэтому – впоследствии – «с формальной точки зрения они являются элементом противопоставления, характеризующая при этом позитивной утверждающей семантикой» [2, с. 74].

Углубляясь в семантическое изложение системы дериватов с префиксом *не-*, мотивированных существительными, необходимо в первую очередь заметить, что, в принципе, от каждого имени существительного (в польском и русском языках) «возможно образование отрицательной формы, например: *zegar* – *niezegar*, *maszyna* – *niemaszyna*, *woda* – *niewoda*», причём «большинство из них – это потенциальные образования» [2, с. 73]. В связи с этим, кажется обоснованной постановка основного вопроса о том, которые из всевозможных слов понятийного словаря языка фактически составляют базу дериватов, в выражении смысла которых лежит отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом. Выход из такой позиции детерминирует очередные вопросы: специфика оформления значения дериватов по принципу от-

рицания с опорой на принцип отсутствия и соположения, а также области тематического представления сфер номинации.

Собственно, рассматриваемые префиксальные структуры с элементом *не*-истолковываются с большим или меньшим заострением внимания на значении отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим именем существительным. Основной комплекс создают экспликации дериватов с антропоцентрическим соотношением их смысла. В этом плане можно выделить несколько основных групп с разной степенью их внутреннего расширения. Одна из них охватывает значение ‘неделание чего-то’, а конкретно: ‘невыполнение чего-то’, ср. отсутствие поставки – *непоставка*; ‘невыполнение чего-то вовремя’, ср. задержка поставки – *непоставка*; ‘неурегулирование чего-то’, ср. неуплата, невнос каких-л. платежей – *невыплата*; ‘непоявление’, ср. невозвращение с пропуска разрешённого заключённому, воспитаннику исправительного учреждения и т.п. – *niepowrót*; ‘неявка на работу по какой-л. причине’ – *невыход*; ‘неприсоединение к чему-то’, ср. неприступление к чему-то, непринятие участия в чём-то – *nieakces*; ‘нераспространение чего-то’, ср. неразмещение, нераспространение (особенно по отношению к ядерному оружию) – *nieprolifercja*; ‘неприменение чего-то’, ср. неприменение насилия, отказ от применения силы – *ненасилие*. Заметны структуры со значением обращения к положению, волитивности и решительности: ‘неодобрение чего-то’, ср. непризнание истинности религиозных вероучений, неисповедование какой-либо религии – *niewiara*; ‘неправильное отношение к кому-то’, ср. недоброжелательное отношение к кому-то – *niechęć*; тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-, чем-л.; враг – *недруг*; ‘отклонение от чего-то’, ср. отклонение от платежа алиментов – *niealimentacja*; ‘отказ от чего-либо’, ср. отказ от насилия – *ненасилие*. Есть указания на ‘нестабильность либо эмоциональную стабильность’: невозможность сосредоточенности на чём-то, неулавливание чего-то, недостаток внимания, рассеянность – *nieuwaga*; отсутствие покоя, спокойствия; беспокойство – *непокой*; человек, ненаходящийся в эйфории – *nieeuforysta*. Значение ‘небытия кем-то’ коннотируется в контексте с национальным, ср. лицо, не являющееся поляком – *nie-Polak*; человек, не являющийся гражданином США – *неамериканец*; с экспертным, ср. лицо, которое не является знатоком чьего-нибудь творчества, мало о нём знает – *nieznawca*; тот, кто не имеет глубоких познаний в какой-л. области – *незнаток*; с профессиональным, квалифицированным, ср. лицо, которое не занимается, особенно профессионально, никакой спортивной дисциплиной – *niesportowiec*; исполнитель роли, не являющийся профессиональным актёром – *неактёр*. Помимо этого отмечается следующая номинация ‘невладение чем-то, непринадлежение чего-то’, ср. тот, кто не имеет льгот – *нелготник*; ‘быть лишённым чего-то’, ср. лишиться чьего-то милосердия – доброжелательности, благосклонности и особого снисхождения – *niełaska*. Особую позицию занимает область остальных (неантропоцентрических) смысловых домен. Здесь надо отметить следующие смыслы: ‘недостаток чего-то’, ср. отсутствие облегчений, вспомогательных устройств, облегчающих жизнь, тягость, раздражение – *niewygoda*; ‘отсутствие чего-то в требуемом ко-

личестве', ср. отсутствие кого-либо, чего-л. в должном, необходимом количестве – *nieдостаток*; 'несоответствие чего-то с чем-то', ср. мнение, несоответствующее действительности; то, что не соответствует, сопротивляется правде – *nieprawda*; то, что противоречит реальным фактам, истине – *nieprawda*; 'несоответствие чего-то', ср. о чём-л. не соответствующем кондиции, не удовлетворяющем норме, стандарту – *nieкондиция*; 'ненадлежание чего-то', ср. плохая погода – *nieпогода*; 'недостижение уровня', ср. низкий урожай с полей и садов, урожай ниже, чем ожидалось – *nieurodzaj*; 'невладение свойством', ср. неионная субстанция, которая не проводит ток – *nieelektrolit*; вещество, не проводящее электрический ток, тепло – *nieпроводник*; 'нереальность чего-то', ср. то, чего не бывает в действительности; вымысел – *nieбыль*.

Оставаясь в кругу семантических рассуждений и, тем самым, переходя к тематическому отображению отсубстантивных дериватов, нужно выделить присутствие разных сфер номинации. Обзор анализированных существительных позволяет выявить два основных класса: класс названий свойств и состояний, предметов и явлений в широком смысле, а также значительно меньший класс – названий лиц.

В тематической квалификации дериватов (идейной опорой тематического распределения послужил *Wielki słownik języka polskiego*, см. 7) первой группы обнаруживается, главным образом, ссылка на человека в нескольких аспектах.

ЧЕЛОВЕК КАК ПСИХИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: оценка и предпочтения, жизненные ценности, ср. *nieprawda, nieczęść, niegodność, niehonor, niemiara, niefart, nieprawda, несвобода, невыгода, недостаток*; оценка и ценности, воля, отношение к окружающему миру, ср. *niechęć, nieobiektywizm, niewiara, niełaska* (по отношению к чему-то), *nieakceptacja, niedyskryminacja, nieingerencja, неохота, нелюбопытство*; оценка и ценностные суждения, эмоциональное состояние, ср. *nieszczęście, несчастье, неудача, неуспех*; интеллектуальная деятельность, научная деятельность, ср. *nierozum, nieramięć, niewiedza, нелюбопытство, неученье*; психическое состояние, эмоции и чувства, межличностные отношения, ср. *niemilość, nieafekt, niehumor, niedyspozycja, нелюбовь*; межличностные отношения, поведение, ср. *niezgoda, niełaska* (по отношению к кому-то), *nieprzyjaźń, niemilość, несогласие, нелады, ненасилие, нелюбовь*; характер, свойства характера, темперамента, ср. *niehumor, niemęstwo, nierozsądek, niekonsekwencja, nieuwaga, niepokora, nieprecyzja, ненавязчивость*; интеллектуальные качества, способности и умения, овладение каким-л. видом деятельности, ср. *niewiedza, niekompetencja, незнание*.

ЧЕЛОВЕК КАК ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: внешний вид, ср. *nieuroda*; болезни и их лечение, ср. *nieramięć* (амнезия), *niedyspozycja*.

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ: финансы, собственность, экономические показатели, оценка, ср. *niefortuna, недостаток, недефицит, nieкондиция*; финансы, налоги, оплаты, денежные средства, ср. *невыплата, неплатёж*; финансы, страхование, ср. *нежизнь*; экономика, бизнес, функционирование фирм и предприятий, ср. *нерезидент*; денежные средства, ср. *niealimentacja*; средства массовой информации, ср. *невыход*; армия, боеприпасы, оружие, ср. *niewybuch*; армия и гос-

ударство, международные отношения, военно-политические процессы и мероприятия, ср. *nieagresja, niemilitaryzacja, неприменение, неразмещение, нерасширение, неприсоединение*; функционирование государства, государственная власть, ср. *nieinterwencjonizm*; функционирование государства, учреждения и их функционирование, ср. *niedozór*; право, соблюдение права и правонарушение, ср. *некриминал*; религия, церковь (костёл), вероисповедание, человек по отношению к религии, вероисповеданию, к направлению в религии, ср. *niewiara*; связи и отношения: групповые, национальные и общественные, ср. *ненашесть*; взгляды, общественные положения, ср. *niedemokratyzm*; правила общественного сосуществования, общественное поведение, ср. *niecześć, niemiara, nieprzyjaźń*; принадлежность и территориальное деление, географическое пространство, ср. *nieamerykanizm*.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: сельское хозяйство, урожай, ср. *nieurodzaj, неурожай*.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: трудовая организация и иерархия на работе, ср. *неявка, невыход*; профессиональные качества, работа, отношение человека к работе, ср. *niepraca, непрофессионализм*; работа, оплата труда, ср. *невыплата, неплатёж*; действия, связанные с повседневной жизнью, ср. *nieporządek, nieład, непорядок*; семья, семейные связи, ср. *niealimentacja*; еда и её приготовление, ср. *nieżywność*.

ПРИРОДА: неживая природа, небесные тела, ср. *незвезда*; погода, атмосферные условия, ср. *niepogoda*.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, БЫТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ: свойства, бытие, ср. *niebyt, niebytność*; то, что действительно не существует, ср. *небыль*.

ВЕЩЕСТВА, СУБСТАНЦИИ: вещества по физическим и химическим свойствам, ср. *niemetal, nieelektrolit, nieprzewodnik, неметалл, непроводник*.

ФИЗИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: количество, число, определение количества, ср. *nieparka, недостаток*; признаки и свойства времени, истечение времени, ср. *niepunktualność*; приметы и свойства материи, качество, ср. *niewygoda* (состояние), *нестандарт*; воздействие, факторы, ср. *niewygoda* (причина).

Также во втором блоке, охватывающем названия лиц, в пределах номинативных сфер значительно открывается обращение к человеку.

ЧЕЛОВЕК: атематический аспект, ср. *nieanonim, неанонимщик*.

ЧЕЛОВЕК КАК ПСИХИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: оценка и ценностные суждения, отношение к окружающему миру, взгляды, проявляющиеся в поведении, образе жизни, ср. *niehumanista*; интеллектуальная деятельность, научная деятельность, ср. *nie naukowiec*; артистическая деятельность, автор художественных произведений, ср. *niewieszcz, непоэт*; артистическая деятельность, артисты, ср. *неактёр*; психические состояния, эмоции и чувства, человек как носитель эмоций, ср. *nieeuforysta*; межличностные отношения, поведение, ср. *nieprzyjaciel, недруг*.

ЧЕЛОВЕК КАК ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО: телесность человека, рост, ср. *nieulomek*; болезни, зависимость и их лечение, больной человек, ср. *niealkoholik, niealkoholiczka, ненаркоман*.

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ: религия, церковь (костёл), вероисповедание, человек по отношению к религии, вероисповеданию, к направлению в религии, ср. *niekatolik, niechrześcijanin, nieunita, niemuzułmanin*; взгляды, политические и общественные положения, человек с точки зрения политических и общественных взглядов, ср. *niekomunista, niesocjalista, niebolszewik, niemarksista, недемократ*; принадлежность и территориальное деление, представители наций, жителей данного континента, ср. *nie-Arab, nie-Cygan, nie-Rom, nie-Europejczyk, nie-Hiszpan, nie-Polak, nie-Rosjanin, nie-Słowianin, nie-Węgier, nie-Żyd, неамериканец, нероссиянин, нероссияне, нерусский*; функционирование государства, службы, армия, ср. *nieagent, nieszpieg*; обучение, образование, ср. *niemagister*; оплаты, денежные средства, человек как бенефициент привилегий, ср. *нельготник*.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: сельское хозяйство, земля, ср. *nierolnik*; охота, ср. *niemyśliwy*.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: работа, профессии, представители определённых профессий: *nielekarz, niefarmaceuta, nieekonomista, nieprawnik, niefilozof, niefilolog, nielingwista, niematematyk, nierolnik, неактёр*; работа, дела, специалисты в какой-л. сфере, в каком-л. виде деятельности, ср. *nieekspert, nieznawca, непрофессионал, незнаток, неспециалист, niefachowiec*; занятия, хобби, спорт, спортсмены, игроки, лица, имеющие отношение к спорту, ср. *niezawodowiec, niesportowiec*; свободное время, хобби и увлечения, рыболовство, ср. *niewędkarz*.

Проведённое исследование отсубстантивных дериватов с префиксом *не-* типа *nieprawda, nieekspert, неволя, неактёр* в польском и русском языках в структурном и семантическом планах позволяет выдвинуть несколько замечаний. Выражающие отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом образования составляют в обоих языках заметный в количественном отношении фонд имён существительных, преобладают формации со значением первого ряда. Анализированные дериваты с отрицательным значением трактуются как особого рода негативы и, наряду с этим, подразделяются на негативы прямые и негативы с дополнительным значением.

Имея в виду, что потенциально от каждого имени существительного возможно образование отрицательной формы и, впоследствии, в связи с поставленным вопросом о том, которые слова действительно составляют базу отсубстантивных существительных с приставкой *не-*, прослеживание этих префиксальных формаций позволило обнаружить тенденции и закономерности в креативности рассматриваемых дериватов. Материал подтверждает, что основной комплекс создают экспликации дериватов с антропоцентрическим соотношением их смысла, так как область остальных смысловых доменов значительно меньше. Истолкование префиксальных существительных, мотивированных существительными, даёт также соображение о некоторых особо существенных особенностях в области сфер номинации. В тематическом представлении дериватов, принадлежащих к двум классам названий (свойств и состояний, предметов и явлений в широком смысле, а также лиц), обнаружены, главным образом, су-

ществительные, относящиеся к сфере человека в нескольких аспектах (человек как психическое и физическое существо, человек в обществе, человек и природа, повседневная жизнь человека), в то же время, немногочисленные слова входят в остальные области (природа; онтологические, бытийные категории; вещества; физические категории).

Список литературы

1. Лопатин В.В., Словообразование имен существительных // Русская грамматика. Т. I. «Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М: Наука, 1982. С.142-269.
2. Bugajski M. Morfem *nie* we współczesnym języku polskim i w zasadach pisowni. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1983. 109 с.
3. Furdal A. Językoznawstwo otwarte. Opole: Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk; Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 200 с.
4. Grzegorzczkowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Warszawa: PWN, 1984. 96 с.
5. Grzegorzczkowa R., Puzynina J. Słowotwórstwo rzeczowników // Grzegorzczkowa R., Laskowski R., Wróbel H. (ред.) Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa: PWN, 1984. С. 332-407.
6. Wlekliński A. Słowotwórcze właściwości morfemu *nie*- // Szewczyk Ł.M., Czachorowska M. (ред.) Język polski w rozwoju. Bydgoszcz: Akademia Bydgoska, 2001. С.177-190.
7. Żmigrodzki P. Wielki słownik języka polskiego [Zasób elektroniczny]. URL: <http://wsjp.pl> (data złożenia wniosku: 24.09.2021).

Дж. А. Гадимова

J.A. Gadimova

Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан)

Baku Slavic University, Baku

О СЛАВЯНСКИХ СЛОВАХ-ГИБРИДАХ

В статье делается попытка рассмотреть слова-гибриды в русском языке, образованные морфологическим способом от основ заимствованных из родственных славянских языков слов. Рассматриваются также заимствованные слова, вошедшие через славянские языки-посредники.

Ключевые слова: слова-гибриды, славянский язык, заимствованные слова.

ABOUT SLAVIC HYBRID WORDS

The article attempts to consider hybrid words in the Russian language, which were formed morphologically from the bases of words borrowed from related Slavic languages. Borrowed words entered through Slavic intermediary languages are also considered.

Keywords: hybrid words, Slavic language, borrowed words.

Русский язык, используя свои словообразовательные возможности, широко включает в свой состав многие дериваты, образованные гибридным путем [1].

В научной литературе слова-гибриды получили разную интерпретацию. По мнению Н.М. Шанского, «пласт такого рода лексики (исконно русской по происхождению, но содержащей в себе в том или ином виде иноязычные факты) образует в собственно русской лексике особый слой, занимающий своеобразное место среди чисто русских слов и заимствований, слой, соотносящийся как с теми, так и с другими» [10, с. 178]. Характеризуя лексический состав с точки зрения происхождения, А.И. Смирницкий выделял три группы: заимствованные слова, исконные слова и промежуточную группу слов: «слова не заимствованные и не старые, но образованные в сравнительно более позднее время из заимствованного или старого материала. Если иметь в виду только самые корни, то слова этой категории можно было отнести к различным перечисленным выше группам» [6, с. 244]. Слова-гибриды – «лексемы, компоненты которых происходят из разных языков» [5, с. 14]. К словам-гибридам относят также различные окказиональные контаминации [3], единицы, сочетающие различные графические средства: цифро-буквенные [2] или контаминации букв двух алфавитов [9].

Известные трудности представляет этимологическая квалификация лексических единиц, являющихся членимыми на морфемы производными образованиями. В русском языке, где немало префиксальных и суффиксальных морфем, пришедших из других языков, – эти морфемы встречаются в составе лексических единиц как с исконными, так и с заимствованными основами. В результате включения подобных морфем в процесс словообразования в русском языке обнаруживается достаточное количество слов, структурно не отличающихся от заимствований. Поэтому трудно, а иногда практически невозможно определить, заимствовано ли слово или оно образовано на русской почве.

Термин *слова-гибриды* мы используем для обозначения членимых слов, состоящих из исконных и заимствованных морфем. Структуру подобных слов-гибридов можно представить в виде иноязычного корня + исконных аффиксов или аффиксов, пришедших из других языков. Учитывая лексико-грамматическую отнесенность слов-гибридов и значение образующих их аффиксов, мы представляем их классификацию, опираясь на материалы словарей: иноязычных [4], этимологических [8] и словообразовательных [7].

1. К группе существительных, образованных от основы заимствованных существительных при помощи словообразовательных суффиксов *-ист-*, *-щик-*, *-ник-*, *-ор-*, *-арь-*, *-ик-*, *-ак-*, *-ант*, относятся слова, обозначающие лиц мужского пола: *бандурист* (бандура < польск. *bandura* < ит. *pandura* < лат. *pandūra* < греч. *pandoyra*), *богемист* (богемистика < чеш. *Bohemismus* < лат. *Bohemia*), *менделлист* (менделизм < чеш. *Mendel*), *гитарист* (гитара < польск. *gitara* < исп. *guitarra* < греч. *kithara*), *канцелярист* (канцелярия < польск. *kancelaria* < лат. *cancelli*), *цимбалист* (цимбалы < польск. *cymbały*); *гуртовщик* (гурт < польск. *hurt* < ср.-в.нем. *hurt*), *трактирщик* (трактир < польск. *traktiernia* < ит. *trattoria* < лат. *tractōria*), *натурщик* (натура < польск. *natura* < лат. *nātūra*); *шорник* (шоры < польск. *szory* < ср.-в.-н. *geschirre*), *кляузник* (кляуза < польск. *klauza* < лат. *clausula*); *арендатор* (аренда < польск. *arenda* < ср.-лат. *arrendare*), *бунтарь*

(бунт < польск. bunt < нем. Bund); *химик* (химия < польск. chymia < нем. Chymie < chymia ср.-лат. < греч. chymeia); *бурсак* (бурса < польск. bursa < нем. Burse < ср.-лат. bursa); *конкурсант* (конкурс < польск. konkurs < лат. concursus) и др.

Немало слов-гибридов, обозначающих лиц женского пола, образованные при помощи суффиксов *-к-(а)*, *-ш-(а)*, *-их-(а)*: *фанатичка* (фанатик < польск. fanatyk < нем. Fanatiker < лат. fanaticus), *католичка* (католик < польск. katolik < лат. catholicus < греч. katholikos), *меланхоличка* (меланхолик < польск. melancholik < лат. melancholicus < греч. melancholikos), *шинкарка* (шинкарь < польск. szynkarz, szynk), *шляхтянка* (шляхтич < польск. szlachcic); *малярша* (маляр < укр. маляр < польск. malarz, malerz < ср.-в.-нем. malære), *авторша* (автор < польск. autor < лат. auctor), *музыкантша* (музыкант < польск. muzykant < нем. Musikant < лат. musicus), *франтиха* (франт < польск. frant < чеш. frant). Многие из них употребляются в разговорной речи.

К группе существительных, образованных гибридным путем при помощи суффикса *-ств-*, относятся слова со значением предметности и собирательности: *панство* (пан < польск. pan), *рекруторство* (рекрут < польск. rekrut < нем. Rekrut < фр. recrue), *шляхетство* (шляхта < польск. szlachta < ср.-в.-нем. szlachte).

К этой же группе относятся слова: *шорня* (< шоры), *цирюльня* (цирюльник < польск. cyrulik < лат. chirurgus < греч. chierorgos), *крольчатник* (кролик < польск. krolik) с пространственным значением, образованные при помощи словообразовательных аффиксов.

2. Следующую группу составляют слова-гибриды, образованные от основы существительных при помощи формообразующих суффиксов *-к-*, *-ок-*, *-ек-*, *-ик-*, *-оньк-*, *-очк-*, *-ушк-*: *бляшка* (бляха < польск. blacha < др.-в.-нем. blēh), *папироска* (папироса < польск. papieros < нем. Papier), *колготки* (ср. чеш. kalhoty); *шматок* (шмат < польск. szmat), *киек* (кий < польск. kij), *шарфик* (шарф < польск. szarfa, szarpa < нем. Schärpe < фр. echarpe), *кухонька* (кухня < польск. kuchnia < чеш. kuchyně); *курточка* (куртка < польск. kurta < лат. curtus), *панночка* (панна < польск. panna < pan); *лаврушка* (лавр < польск. laur < лат. laurus) и др.

3. Ряд существительных образованы от основы заимствованных существительных бессуффиксальным способом: *геолог* (геология < польск. geologia < лат. geologia), *географ* (география < польск. geografia < лат. geographia) и др.

4. Отметим слова со значением лиц мужского и женского пола, образованные от основы глаголов с суффиксами *-ант-*, *-ант-к-(а)*, *-щик-*: *арестант*, *арестантка* (арестовать < польск. aresztować), *вербовщик* (вербовать < польск. werbować), *шлифовщик*, *шлифовальщик* (шлифовать < польск. szlifować < нем. schliessen), *фасовщик* (фасовать < польск. fasować), *фехтовальщик* (фехтовать < польск. fechtować < нем. fechten). Слово *штурмовик* (штурмовать < польск. szturmować), как известно, обозначает как лицо и предмет; производное – *штурмовщина*.

С помощью суффиксов *-к-(а)*, *-ни-(е)* образованы гибридные отглагольные существительные со значением действия: *штурмовка* (штурмовать

< польск. szturmować), *шуровка* (шуровать < szurować < schüren), *фасовка* (фасовать < польск. fasować), *мариновка*, *маринование* (мариновать < польск. marynować < фр. mariner), *фехтование* (фехтовать < польск. fechtować < нем. fechten) и др.

5. Бессуффиксальным способом образованы отглагольные существительные со значением абстрактного действия: *арест* (арестовать < польск. aresztować), *муштра* (муштровать < польск. musztrować < нем. muster) и др.

6. В кругу существительных русского языка с основами иноязычного происхождения имеются слова-гибриды, образованные на русской почве от заимствованных прилагательных при помощи разных словообразовательных суффиксов; например, *-к-*, имеющих абстрактное значение предметности: *персоналка* (персональный < польск. personalny), *фальшивка*, *фальшивость* (фальшивый < польск. fałszywy); *-ость-*, имеющих значение отвлеченного признака: *пунцовость* (пунцовый < польск. punsowy < фр. ponceau), *доскональность* (доскональный < польск. doskonały), *публичность* (публичный < польск. publiczny).

7. В русском языке ряд прилагательных образованы от основ заимствованных существительных с помощью суффиксов *-н-*, *-к-*, *-ск-*, *-енн-*, *-онн-*, *-ов-*, *-ев-*: *ратушный* (ратуша < польск. ratusz < нем. Rathaus), *кимвальный* (кимвал < польск. cymbały < лат. cymbalum), *вахмистрский* (вахмистр < польск. wachmistrz < нидерл. wachtmeester), *гетманский* (гетман < польск. hetman < нем. Hauhtmann); *гайдамацкий* (гайдамак < укр. гайдамак < тур. hajdamak), *поручицкий* (поручик < польск. porucznik < чеш. poručník) – со значением собственности, принадлежности тому, что названо мотивирующим словом; *дивизионный* (дивизия < польск. dywizja < лат. divisio); *вахтенный* (вахта < польск. wachta < нем. Wacht); *борщовый* (борщ < укр. борщ), *почтовый* (почта < польск. poczta < ит. posta); *вензелевый* (вензель < польск. wężweł), *гарнецевый* (гарнец < польск. garniec) и др.

8. К последней группе мы относим глаголы, образованные от основ заимствованных существительных и прилагательных. Основы иноязычных глаголов с общим значением действия присоединяют суффиксы *-ова-*, *-ева-*, *-ить-*, *-ничать-*: *шнуровать* (шнур < польск. sznur < ср.-в.нем. snour), *танцевать* (танец < польск. taniec < ср.-в.-нем. tanzch); *таранить* (таран < польск. taran < ср.-в.нем. tarant), *фиглярить*, *фиглярничать* (фигляр < польск. figlarz) и др. Глаголы, образованные от прилагательных: *фальшивить* (фальшивый < польск. fałszywy), *пеклевать* (пеклеванный (< польск. rytlowany).

Анализ материала показал, что слова-гибриды с основами славянского происхождения, образованные от основ существительных, прилагательных и глаголов суффиксальным (словообразовательными и формообразовательными аффиксами) и бессуффиксальным способами, пополняют разряд производных слов и занимают своеобразное место среди исконных слов и заимствований.

Список литературы

1. Гадимова Дж. А. Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX-XX вв: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 2014. 38 с.

2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
3. Костюков В.М. Гибридные слова – средства комического // Русская речь. 1987. №6. С. 55-57.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
5. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 288 с.
6. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 260 с.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1990. 1742 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь: в 4 т. М.: Прогресс, 1986-1987. 2949 с.
9. Феоклистова В.М. Окказиональные иноязычные вкрапления в художественных текстах и языке средств массовой информации // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы научной конференции. Тверь, 1999. С.126-128.
10. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327 с.

С.М. Евграфова
S.M. Evgrafova

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва, Россия)
Russian State University for the Humanities, Moscow*

О КЛЮЧЕВОЙ РОЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье показаны глубинные связи словообразования с когнитивными механизмами и со всеми аспектами языковой системы. Особое внимание уделяется связи словообразования и синтаксиса; автор считает, что русское словообразование открывает возможность альтернативного построения полипредикативных конструкций.

Ключевые слова: когнитивная функция словообразования, понимание и порождение речи, синтаксические функции словообразования, словообразование.

ABOUT THE KEY ROLE OF DERIVATION IN RUSSIAN

In this article, the author demonstrates deep connection of derivation in Russian with cognitive mechanisms and with all the aspects of the language system. Particular emphasis is made on the relation between derivation and syntax. It is argued that the derivation in Russian allows to construct polypredicative sentences in an alternate way.

Keywords: cognitive function of the derivation, derivation, speech comprehension and generation, syntax function of the derivation.

Сложность организации языковой системы заставляет лингвистов при ее детальном исследовании и описании выделять различные аспекты, изолируя их друг от друга. Традиционно различали фонетику, грамматику и лексику; позже Э. Бенвенист предложил ввести понятие уровня языковой системы – идея была поддержана, хотя количество и суть выделяемых уровней могли варьироваться. При этом часто забывали о том, что границы между различными аспектами языковой системы условны [1, с. 11-13, 18]. Но условность границ между уров-

нями языка становится совершенно очевидной, когда предметом анализа является реальная речевая деятельность: если употребление тех или иных языковых форм привязывается к определенным условиям общения, то цели коммуникантов и функции, которые предстоит исполнить языковым единицам, начинают играть более важную роль, чем их «уровневые» свойства (с этим связана, в частности, идея В.В. Виноградова рассматривать в художественном произведении словесные ряды, не привязанные к уровням языка, – см. развитие такого подхода в [2]).

Примечательно, что в уровневых моделях для словообразования нет определенного места: уровень слова вводят не всегда, а если он есть, то слова там фигурируют как статичные объекты (разновидность языкового знака, как и морфема). Это и неудивительно, ведь объектом изучения дериватологов являются «словообразовательно мотивированные слова, т.е. слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами» [8, с. 133]. Обсуждая типологические проблемы морфологии, В.А. Плунгян говорит о том, что удобнее включать в морфологию любые «внутрисловесные» значения, будь то словообразовательные или словоизменительные, хотя в рамках морфологии нет смысла рассматривать «более специальные задачи, связанные со словообразовательным анализом слов» [7, с. 16]. Таким образом, **словообразование тесно связано с морфологией**, но специфика словообразовательного анализа заключается в том, что эта область лингвистики изучает динамические процессы, порождающие слова, которые сохраняют свойство аддитивности и еще не подверглись воздействию процесса идиоматизации.

Парадоксально, но этот вроде бы обособленный языковой механизм, действующий в рамках морфологии в широком смысле слова, в русском языке занимает едва ли не центральное место. Помимо очевидной тесной связи с морфологией (собственно, ведь и список морфем является итогом применения словообразовательного анализа, а типовые словообразовательные модели являются важной характеристикой любой части речи), **словообразование находится в постоянном взаимодействии с лексической системой**.

Во-первых, перечисляя функции словообразования, обычно начинают, естественно, с функции номинации, обеспечивающей пополнение лексикона. Во-вторых, словообразование занимает двойственное положение между словарем и грамматикой в понимании Л.В. Щербы, различавшего грамматику как свод правил и словарь, который задается списком. Так, правила словообразования, касающиеся мотивированных слов, продуктивные словообразовательные модели – это специфическая часть грамматики в щербовском понимании термина. При этом синхронически не мотивированные лексемы очевидным образом перемещаются из «грамматики» в «словарь», теряя основное преимущество «грамматического правила» – его способность избавить носителя языка от необходимости запоминать списки. И действительно, дериватологи ради сохранения стройности синхронического описания словообразовательного компонента задают непродуктивные модели списками (альтернативный способ используют в диахроническом словообразовании, где мотивированность объясняется исторически). Переходя из динамических правил в статичные списки, не-

мотивированные единицы развиваются уже только семантически, приобретая новые значения, вступая в отношения не только с однокоренными (которые могут стать паронимами), а и с произвольно образованными словами, формируя вместе с ними синонимические и антонимические ряды и проч.

Итак, внутри обособленной части языковой системы постоянно происходит переход различных единиц из грамматики в лексику. При этом стремление искать семантические «корни» любой лексемы заставляет устанавливать ложные связи, характерные для народной этимологии (типа *спинжак*, *гульвар*). Когда автор настоящей статьи рассказывала студентам о своей ученице, которая думала, что с *бедовой* девчонкой постоянно случаются какие-то *беды*, они дружно признались, что тоже так думали. Процесс вычленения морфем при наивном словообразовательном анализе показывает, что это – неотъемлемое свойство самого языкового механизма, обеспечивающего процесс словообразования, причем **механизм словообразования выполняет существенные когнитивные функции**. В отдельных случаях в такой наивный словообразовательный анализ включаются даже не родственные, но фонетически сходные элементы (см. примеры и ссылки в [4]).

Когнитивная функция становится очевидной при онтолингвистическом изучении словообразования, которое играет важнейшую роль при освоении ребенком системы родного языка: ища семантические связи между словами, ребенок учится *понимать* непонятное *через знакомые элементы*. Например, в детстве во время поездки в метро автор пыталась выяснить у родителей, кто такие Павел Ецкий и Добр Ынин; Александра Бруштейн в книге «Дорога уходит в даль...» описывает свой разговор с отцом, когда она поинтересовалась у него, делают ли вафли в Африке и почему их не называют «вафри».

Позже дети пытаются приспособить полученные знания к решению коммуникативных задач, для которых им не хватает слов; обычно эту способность описывают для возраста «от двух до пяти» (очень интересные материалы опубликованы в работах С.Н. Цейтлин – например, [10]). Однако у некоторых такое креативное словообразовательное поведение сохраняется дольше: так, Татьяна Ушакова в постах в сети «Фейсбук»^{*} часто рассказывала о словообразовательных инновациях своей дочки, которая продолжала активно использовать их в речи, уже став первоклассницей (08.07.2020. «У нас новый всплеск. Мама, ты принесла остывательной воды? (Воду, чтобы разбавить чай.) – Никак не могу уучить^{*} эту шторину не вылезать! Вылезашка!»). В принципе, подобное ситуативное словообразование не редкость в разговорной речи [5, с.71-72] и, конечно, в писательском творчестве: вспомним *подпотолочные светильники* и *посолдатистей* из «В круге первом» А.И. Солженицына. Здесь речь не идет о стремлении к оригинальности, к особой выразительности – просто, по видимому, у человека есть два альтернативных способа построения высказывания.

Первый путь – оперировать синтаксическими конструкциями: можно строить высказывание с опорой на общепринятые лексические единицы, кото-

^{*} См. <https://www.facebook.com/tatyana.ushakova.545>.

^{*}Видимо, девочка исходила из семантики слова *угovorить*.

рые надо сочетать, внимательно следя за тем, чтобы не запутаться в отношениях между участниками ситуаций. Такой тип речевого поведения более свойствен начитанным, хорошо освоившим литературный язык людям («Неграмотность сказывается в первую очередь в нестандартных синтаксических построениях», – подметил однажды в своей в публичной лекции В.М. Живов).

Пассивное знакомство с литературным языком, недостаточная практика в написании собственных сочинений, свойственная современным выпускникам школы, приводит к тому, что пишущий лишь имитирует сложные синтаксические конструкции, используя их некорректно. Ниже приведен пример из сочинения первокурсницы (орфография и пунктуация подлинника сохранены; обратите внимание на подчеркнутые элементы):

Главной особенностью романа является тонкое переплетение параллелей прошлого и настоящего, именно повествование, построенное таким образом позволяет полностью погрузиться в мир Булгаковских персонажей, не только наблюдая за действиями со стороны, но и находиться в центре событий, совершая удивительное приключение, погружаясь в античный мир Понтия Пилата и эпохи советской Москвы, вместе с героями переживать события, описанные в романе, наблюдать за поведением персонажей в различных ситуациях и участвовать в вечном споре между добром и злом.

Студентка не справляется с полипредикативными конструкциями, но ей не приходит в голову выразить свою мысль более простыми средствами, она нагромождает словосочетания друг за другом, но не умеет их упорядочивать.

Второй путь – оперировать словообразовательными инновациями: можно использовать знакомые и удобные синтаксические конструкции, избегая разветвленных построений, а если в конструкции нет позиций для выражения нужного смысла, то говорящий / пишущий может пополнить ее ситуативно подходящими дериватами собственного изобретения.

В процитированном выше *Мама, ты принесла остывательной воды?* нестандартная словообразовательная единица подставлена в позицию определения в монопредикативном высказывании, к которому следовало бы добавить прилагательное *холодный* и две клаузы **чтобы добавить в чай, а то он будет долго остывать*. Такое оформление полипредикативности не свойственно простым формам разговорной речи; в бытовом общении мы нередко экономим время и умственные усилия, используя конситуативное словообразование [5, с. 71], и в духе подобной стратегии девочка на ходу придумывает слово. Мы видим, как средствами словообразования передается смысл: к мотивирующей основе (*остыва-*) добавляется суффикс со значением инструмента (*-тель* – как в словах *выключатель, нагреватель*), а поскольку «инструментом» является вода, то из несуществующего слова **остыватель* изобретательница делает прилагательное, чтобы оно хорошо вписалось в выбранную синтаксическую конструкцию. Добавим, что ни в художественной речи, ни тем более в бытовом общении такие образования не входят в постоянный словарь «изобретателя», – они рождаются по мере необходимости и забываются.

Как мы видим, второй путь обеспечивается тем, что средствами словообразования можно и передать необходимую семантическую информацию (цель намечена в глагольной основе, роль инструмента, отведенная воде, маркируется суффиксом *-тель*), и реализовать нужные синтаксические функции (суффикс *-н-* превращает получившийся свернутый предикат в прилагательное, которое легко подставить в выбранную синтаксическую конструкцию). Иначе говоря, второй путь показывает, что словообразование **активно взаимодействует с семантикой и глубинным и поверхностным синтаксисом**.

Не стоит думать, что речевое поведение, ориентированное на словообразование, маргинально и наблюдается лишь в нестандартной речевой практике начинающих (дети) и изощренных (писатели) носителей языка. На самом деле подобные техники давно закреплены в языке: вспомним, одной из стандартных функций словообразования является альтернативное частеречное оформление языковых единиц, с тем чтобы они могли передавать изначальный смысл в какой-то иной синтаксической конструкции (*Какая у вас чистая квартира! – У вас в квартире поразительная чистота; Я замороженно глядел, как яхта скользила по лазурному морю – Скольжение яхты по морской лазури замораживало меня, и я не мог отвести взгляд*); в терминологии Г.А. Золотовой и ее соавторов такая лексика называется неизосемической [6, с. 44].

Грамматикализованными неизосемическими формами глаголов являются причастия и деепричастия. Некоторые менее регулярные, но часто наблюдаемые словообразовательные связи (прилагательные – наречия на *-о*, отглагольные и отадективные существительные) иногда фиксируются в словарях с элементами алфавитно-гнездового расположения лексем (например, в словаре Ожегова) как часть живого словообразовательного гнезда. Однако гораздо важнее роль различного рода словообразовательных связей в обучении письменной речи, когда осваиваются приемы построения свернутых, но информационно емких полипредикативных высказываний – см. разбор примеров в [3, с. 130-133]. К сожалению, в школьном обучении этот аспект обучения в расчет не принимается.

В русском языке словообразование в широком смысле слова опирается на когнитивные механизмы, обеспечивающие речевую деятельность носителя языка, а потому оно оказывается тесно связанным со всеми аспектами языковой системы – лексикой, семантикой, морфологией, глубинным и поверхностным синтаксисом и даже фонетикой (об этом свидетельствует наличие фонетических ассоциаций, которые отмечаются в [10] и в [4] и фантастические ошибки в работах студентов – *эстрадные извояния* в значении «завывания»). Словообразование с ранних этапов освоения родного языка обеспечивает связь между процессами понимания и порождения речи – и это важно учитывать в процессе школьного обучения родному языку, не ограничиваясь проблемами проверки правописания безударных гласных в корне. Кроме того, изучение динамических словообразовательных процессов, осмысление их грамматикализации (вопреки нынешней школьной тенденции объявить все грамматикализованные формы отдельными частями речи и новыми словами), исследование их точеч-

ной и регулярной лексикализации с переходом к принципиально иным (семиологическим) процессам является ключом к оптимизации грамматических и словарных описаний.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
2. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2008. 543 с.
3. Евграфова С.М. К проблеме конструкций с неизосемической лексикой // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов международного симпозиума. Ярославль: Изд. ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 129-138.
4. Евграфова С.М. Лексическая семантика в эпоху виртуальной коммуникации: к проблеме освоения терминологии // Известия РПГУ им. А.И. Герцена. 2018. №189. С. 199-210.
5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 544 с.
7. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 5-е, стереотип. М.: Ленанд, 2016. 384 с.
8. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. Русский ассоциативный словарь в двух томах. Т. 1. От стимула к реакции М.: АСТ, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.08.2021).
10. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

А.В. Завадская
A.V. Zavadskaya

*Оренбургский государственный медицинский университет
(Оренбург, Россия)*

Orenburg State Medical University, Orenburg

НЕОЛОГИЗМЫ ЭПОХИ ПАНДЕМИИ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье описаны активные процессы в русском словообразовании в эпоху пандемии коронавируса. Автор выделяет новые производящие основы, а также рассматривает способы словопроизводства «пандемийных» неологизмов, среди которых отмечает как узуальные (префиксальный, суффиксальный, осново- и словосложение, универбация), так и незузуальные способы (контаминация, междусловное наложение, графогибридизация).

Ключевые слова: *неологизм, пандемия, контаминация, универбация, графогибридизация.*

NEOLOGISMS OF THE PANDEMIC ERA: THE WORD-FORMATION ASPECT

The article describes the active processes in Russian word formation in the era of the coronavirus pandemic. The author identifies new generating bases, and also examines the ways of word production of «pandemic» neologisms, among which the author notes both conventional (prefix,

suffix, basic and word composition, universalization) and non-conventional methods (contamination, word-by-word overlap, graphohybridization).

Keywords: *neologism, pandemic, contamination, universalization, graphohybridization.*

Появление и распространение новой коронавирусной инфекции изменило жизнь всего мирового пространства. Язык, будучи явлением социальным, молниеносно начал впитывать все эти изменения. Так, последний год обогатил лексический состав русского языка неологизмами медицинской сферы, а также единицами, называющими повседневную жизнь человека в новых реалиях. Появившись в языке, данные лексические единицы привели к рождению новых словообразовательных гнезд и цепочек.

Цель данной работы – систематизировать словообразовательные неологизмы, появившиеся в русском языке в эпоху пандемии коронавируса. Материалом исследования выступили русскоязычные медийные тексты.

Главными словами пандемии стали медицинские термины, называющие новое заболевание: *коронавирус* и *COVID*. Однако они очень быстро адаптировались к законам русского языка. Так, на смену термину «*коронавирус*» пришел более короткий вариант «*корона*»; заимствованная аббревиатура *COVID* была транслитерирована в русскоязычный вариант «*ковид*». Оба неологизма сразу же выступили производящей основой для ряда новообразований. Рассмотрим их подробнее.

Основная часть новообразований построена в соответствии с узуальными способами словопроизводства: префиксальным способом – *антиковидный, противокковидный, доковидный, постковидный*; суффиксальным – *ковидный, ковидник, ковидница*; *корониал* (дети, рожденные в период пандемии коронавируса [1, с. 52], *коронавт* (медицинский работник в специальном защитном облучении), *короник* (больной коронавирусной инфекцией), словосложением – *ковид-центр, ковид-госпиталь, ковид-бригада, ковид-диссидент, ковид-скептик* и основосложением – *ковидофобия, ковидошок; коронафобия, коронаскептик, коронапаника*.

Еще одной производящей основой, заимствованной из английского языка, стала корневая морфема *-зум-* (от названия приложения Zoom, ставшего одним из популярных во время пандемии, т.к. именно здесь реализовывался учебный процесс, решались рабочие вопросы, проводились собрания, научные конференции, политические дебаты, да и просто проходили встречи родственников, друзей). Среди неологизмов этого ряда стоит отметить такие, как *зумиться, зумбиться, отзумиться, зуммер, беззумие* (отсутствие зума или прерывание связи во время конференции). Характеризуя глаголы с заимствованным корнем *-зум-*, М.А. Кронгауз отмечает, что «связь с конкретной программой ослаблена, т.к. *зумить, зумиться* можно не только с помощью программы Zoom. Такой же путь прошли, в частности, и такие глаголы, как *ксерокопировать (ксерить)* и *гуглить*, оторвавшись от названия конкретной компании» [5, с. 737]. Также к словообразовательному гнезду с данным корнем ученый относит такие новообразования, как *зум-вечеринка, зум-встреча, зумбомбинг*. А среди лингвистов в последнее время стал популярным новый термин – *зум-коммуникация*.

Высокую продуктивность в эпоху пандемии коронавируса получило компрессивное словообразование. И это неслучайно. Еще Н.А. Янко-Триницкая

писала, что «в нескончаемом потоке неологизмов сложные слова, пожалуй, занимают ведущее место, столь интенсивный поток сложных слов можно объяснить тем, что они в большей мере отвечают номинативным и коммуникативным задачам за счёт компрессивности форм, ясности семантики и лёгкости её восприятия, а также экспрессивно-эмоциональных характеристик» [7, с. 259]. Самыми частотными способами компрессивного словопроизводства стали универбация и такие неузуальные способы, как междусловное наложение, контаминация (по терминологии Е.А. Земской [2]) и графогибридизация.

Наряду с термином «междусловное наложение» в лингвистике функционирует и другой термин – «гаплогия», под которым понимается выпадение одного из двух идущих друг за другом одинаковых или сходных по звучанию слогов. Последний год подарил нам следующие неологизмы, построенные в соответствии с данным способом: *ковидиот* (ковид + идиот), *ковидор* (коридор в медучреждении, заполненный больными коронавирусом из-за нехватки палат [1, с. 51]). Однако не все вышеприведенные примеры соответствуют общему правилу гаплогии, о котором упоминает М.Г. Тагабилева: «выпадение происходит на границе третьего и четвертого (четвертого и пятого и т. д.) слогов» [6, с. 861]. Поэтому, на наш взгляд, точнее говорить о том, что перед нами неологизмы, образованные способом междусловного наложения.

Что касается контаминации, при которой происходит соединение двух узуальных слов (при этом начальная часть второго слова усекается), то в качестве ярких примеров данной группы можно привести новообразования *короннойя* (корона(вирус) + паранойя), *инфодемия* (информация + пандемия), *карантикулы* (карантин + каникулы), *карантини* (карантин + мартини).

Еще одним способом словообразования, основанным на компрессии языковых единиц, является универбация. Данный способ является одним из продуктивных способов словопроизводства в XXI в., т.к. он отражает закон экономии речевых усилий. Напомним, что универбация – способ словообразования, когда дериватом выступает словосочетание, первый компонент которого (чаще всего усеченная основа) в сочетании с суффиксом образует новое слово (второй компонент словосочетания в словопроизводстве не участвует). Как отмечает Л.В. Копоть, «универбы образованы непосредственно в устной речи в силу целого ряда языковых факторов, способствующих стягиванию слов и словосочетаний в более экономичные формы» [4, с. 49]. Яркими примерами универбатов эпохи пандемии стали слова *дистанционка* (дистанционное обучение), *удаленка* (удаленная работа); *дистант* (дистанционная работа / учеба).

В заключение нашей работы остановимся на неологизмах, которые периодически встречаются в письменном тексте (чаще всего это посты в социальных сетях, а также тексты газетных и журнальных статей). Речь идет о словах, образованных способом графогибридизации, под которым Ж.В. Иванова понимает «одновременное использование кириллицы и латиницы» [3, с. 193]. Среди них слова *сovidный*, *covidарность*, *разоотный*, *безоотие* и др. Производящими основами указанных неологизмов являются основы *-covid-* и *-zoom-*, сохраняющие свое первоначальное написание на латинице.

Таким образом, пандемия коронавируса очень сильно повлияла на русский язык. Она принесла с собой большое количество новых слов, основная

часть которых стала производными от неологизмов *covid*, *коронавирус*, *зоом*. В процессе словопроизводства были использованы узуальные способы (префиксация, суффиксация, сложение, универбация), так и неузуальные (контаминация, междусловное наложение, графогибридизация).

Список литературы

1. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 121. 2020. С. 48-55.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 224 с.
3. Иванова Ж.В. Графогибридизация как разновидность графической игры (на материале языка СМИ начала XXI века) // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. Вып.1. С. 190-194.
4. Копоть Л.В. Универбация как явление словообразования с точки зрения социолингвистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. №2. С. 47-51.
5. Кронгауз М.А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т.7. №4. С. 735-744.
6. Тагабилева М.Г. О некоторых моделях образования сложных слов со значением *nomina agentis* в русском языке // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т.10. №1. С. 854-864.
7. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индикс, 2001. 504 с.

И. Козера-Славомирска

I. Kozera-Sławomirska

Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Jagiellonian University, Cracow

К ВОПРОСУ О МОРФЕМНОЙ КОМБИНАТОРИКЕ ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ **-ГОТОВ-** (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Настоящая статья посвящена исследованию морфемной комбинаторики русского глагола. Явление представлено на примере глагольного корня -готов-, который характеризуется большой продуктивностью. Изучение валентностных закономерностей указанного глагола позволило проверить концепцию множественной префиксации С.Г. Татевосова и определить синтагматический потенциал морфем в глагольной конфигурации.

Ключевые слова: глагол, корень, морфема, комбинаторика, корпус.

ON THE QUESTION OF MORPHEMIC COMBINATORICS OF THE VERB ROOT **-ГОТОВ-** (CORPUS STUDY)

This article is devoted to the study of the morphemic combinatorics of the Russian verb. The phenomenon is presented on the example of the verbal root -готов-, which is characterized by high productivity. The study of the valence patterns of the specified verb made it possible to test the concept of multiple prefixing (S.G. Tatevosov) and determine the syntagmatic potential of morphemes in the verbal configuration.

Keywords: verb, root morpheme, combination, corpus.

Настоящая статья является результатом предыдущих исследований, проведенных по вопросу морфемной комбинаторики приставочно-суффиксальных глаголов в современном русском языке. На основании данных Национального корпуса русского языка до сих пор было выявлено наличие ряда глаголов, подлежащих вторичной имперфективации с помощью трех наиболее продуктивных приставок *за-*, *вы-* и *от-* (ср. Таб.1.), а также суффикса *-ыва-/-ива-*, который стремится быть монопольным словообразовательным средством [8, с.400], ср. Таб.2.

Таб.1. Продуктивность приставок
(образование вторичных имперфективов) – данные НКРЯ

№	ПРЕФИКС	КОЛИЧЕСТВО ЛЕММ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВОФОРМ	РАНГОВОЕ МЕСТО (словоформы)
1	<i>за-</i>	236	15994	4
2	<i>вы-</i>	219	23078	3
3	<i>от-</i>	154	6426	13
4	<i>про-</i>	151	9068	10
5	<i>пере-</i>	147	7273	11
6	<i>на-</i>	142	28991	1
7	<i>под-</i>	142	6906	12
8	<i>с-</i>	136	10905	9
9	<i>при-</i>	130	11233	8
10	<i>о-</i>	123	12853	7
11	<i>рас-</i>	112	23240	2

Источник: [5, с.130].

Таб. 2. Продуктивность суффиксов имперфективации – данные НКРЯ

№	СУФФИКС	КОЛИЧЕСТВО ЛЕММ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВОФОРМ	РАНГОВОЕ МЕСТО
1	<i>-ива-</i>	1247	72 558	1
2	<i>-ыва-</i>	699	57 088	2
3	<i>-ва-</i>	287	41 401	3
4	<i>-а-</i>	65	39 086	4
5	<i>-я-</i>	23	1511	5
6	<i>-ева-</i>	2	76	6
		2323	211 720	

Источник: [6, с. 85].

В работе (Kozera-Sławomirska 2020) в частности доказана неслучайная комбинаторика глагольного корня и вариативных суффиксов имперективации. С помощью корпусного анализа был выделен ряд корневых морфем, обладающих высокой степенью комбинаторики с вариативными суффиксами *-ыва-/-ива-/-а-/-я-* [б, с. 88] при образовании глагола несовершенного вида, типа: *замеривать – замерять*. Среди них наиболее частотными оказались корни: *-рез-, -мет-, -се-, -готов-/готов-, -мер-, -печал-, -цен-*. В настоящей статье следует продолжать тему морфемной комбинаторики с точки зрения префиксации, которая согласно трудам С.Г. Татевосова (2009) решает о возможности образования вторичного имперфектива или его деривационной блокировке. Семантика приставки оказывает значительное влияние на морфемную комбинаторику глагольного корня, особенно в случае так наз. множественной префиксации (ср. Татевосов 2009).

Предметом настоящего исследования является морфемная комбинаторика, указанная на примере глагольного корня *-готов-*, который проявляет большую продуктивность среди других корневых морфем (ср. Kozera 2018). Предполагается, что указанная морфема сочетается со многими приставками, а также вариативными суффиксами имперфективации (ср. Kozera-Sławomirska 2020). Существенную роль имеет определение влияния префикса на присоединение определенного суффикса имперфективации, что в свою очередь затрагивает синтагматический аспект словообразования. Изучение валентности указанного корня поможет выявить его сочетаемостные закономерности и семантическое содержание.

В ходе поиска в НКРЯ были выделены все леммы глаголов, обладающих корнем *-готов-*, количество которых составляет 12 лексем. Наибольшей частотностью пользуется исходный глагол *готовить* (3407). Интересной оказалась сочетаемость с приставками и возможность образования глагола несовершенного вида с помощью суффиксов имперфективации, см. Таб. 3.

Таб. 3. Автоматический поиск глаголов с корнем *-готов-*
(данные НКРЯ от 20.10.2021)

№	ГЛАГОЛ	Частотность	Глагол НСВ (1)	Глагол НСВ (2)
1	подготовить	3106	подготавливать	подготовлять
2	приготовить	1530	приготавливать	приготовлять
3	изготовить	1453	изготавливать	изготовлять
4	заготовить	297	заготавливать	заготовлять
5	уготовить	46	уготавливать	уготовлять
6	наготовить	22	наготавливать	наготовлять
7	сготовить	19	готовить	отсут.
8	приуготовить	8	отсут.	приуготовлять
9	предуготовить	8	отсут.	предуготовлять
10	поготовить	2	отсут.	отсут.
11	переподготовить	2	переподготавливать	переподготовлять
12	поприготовить	1	отсут.	отсут.

Источник: собственный материал.

Таб. 3. иллюстрирует сочетаемостные возможности корня *-готов-*, который соединяется с 10 приставками: *за-*, *из-*, *на-*, *пере-*, *под-*, *пред-*, *у-*, *при-*, *с-*, *по-*, которые в большинстве модифицируют значение глагольного корня, придавая особенные семантические оттенки. Итак, приставка *за-* в отличие от общеизвестного начинательного значения (напр. *занять*) в сочетании с корнем *-готов-* придает семантику «заранее, заблаговременно» [7]. Приставка *из-* вводит смысл «сделать при помощи инструментов, каких-л. приспособлений, машин; выработать» [2], что находит подтверждение в предложно-падежных конструкциях с предлогом, повторяющим на самом деле значение приставки, ср. *изготовить из дерева*. Приставка *на-* обладает стандартным кумулятивным значением, что связано с повышенным количеством объекта, подлежащего действию – т.е. «запастись в каком-л. количестве» [2]. Префикс *с-* является чистовидовым, т.е. не вводит модификации значения глагольного корня, лишь изменяя вид глагола на совершенный. Словарь С.А. Кузнецова (1998) подтверждает видовую пару *готовить-сготовить* [7] (ср. также понятие «внутренние – лексические префиксы» [11, с. 96]). Приставки *пере-* и *под-* / *пред-* и *у-* / *при-* и *у-* / *по-* и *при-* особенно связаны друг с другом, так как в ходе работы были обнаружены также глаголы, обладающие их конфигурациями, что позволяет верифицировать концепцию множественной префиксации С.Г. Татевосова (2009). Последний из перечисленных глагол *поприготовить* не упоминается в лексикографических источниках, но подтверждается корпусом НКРЯ. Возможно, что как дистрибутивный (а также «левопериферийный», ср [11, с. 96]) префикс употребляется в свободной русской речи.

Множественная префиксация замечается в случае глаголов: *переподготовить* (*переподготовиться*), *предуготовить*, *приуготовить*. Следует проанализировать возможные конфигурации приставок. Глагол *переподготовить* имеет значение «подготовить заново (с целью усовершенствования)» [2; 7] и образует видовую пару с глаголом *переподготавливать* [3]. Словарь Д.Н. Ушакова указывает на видového партнера в качестве глагола *переподготавливать* [12], который обладает вариативным суффиксом имперфективации *-а(-я-)*. Особенный оттенок значения выражен первой приставкой (*пере-*), вторая из них (*под-*) исполняет в конфигурации чистовидовую функцию и может выступать самостоятельно (ср. *готовить – подготовить*). Приставка *пере-* обычно обладает репетитивно-редупликационным значением [4, с. 287], иногда с дополнительным признаком итеративности [10, с. 254]. В концепции С.Г. Татевосова (2009) иерархия префиксов *пере-*, *под-* не является случайной. *Пере-* присоединяется на втором этапе к приставочному глаголу. Вторичная имперфективация является последним шагом, когда глагол обладает уже двумя префиксами [11, с. 94]. Указанное можно записать следующим образом:

ГОТОВИ(-ТЬ)

(1) **под-**готови(-ть)

(2) **пере** –[под-готов](-ить) **чередования:** о:а, в:вл

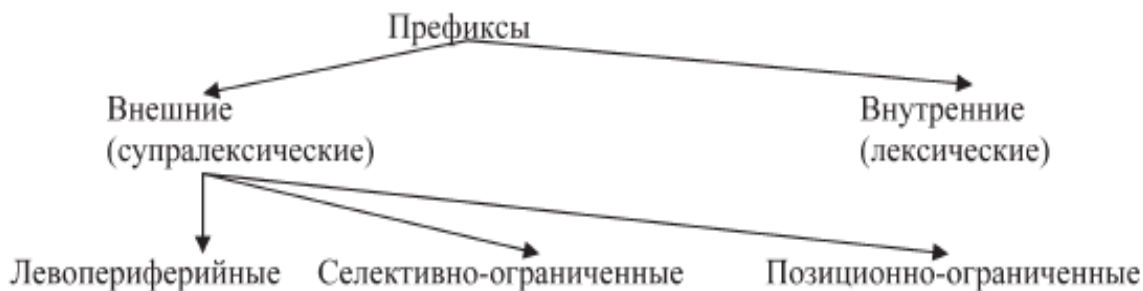
(3) [пере –[под-готавл]]-ива(-ить)*

* Используется способ записи на основании работы С.Г. Татевосова (2009).

Префикс *пере-* согласно концепции С.Г. Татевосова является позиционно-ограниченным (см. Таб.4), ср.:

«(...) внешние позиционно-ограниченные префиксы (...) могут присоединяться к основе любого вида, но непременно до того, как в ней появиться показатель *-ыва* (...)» [11, с. 97].

Таб. 4. Классы приставок (концепция С.Г. Татевосова)

Источник: [11, с. 96].

«а. Левопериферийные: дистрибутивный *по-* (как в *побросать, понабросать* и т.д.),

б. Селективно-ограниченные: делимитативный *по-* (как в *посидеть, побегать, пописать письмо*), кумулятивный *на-* (как в *набрать грибов и наварить варенья*), дистрибутивный *пере-* (как в *переловить всех преступников, пересажать всех врагов*), инхоативный *за-* (как в *забегать, запеть*),...

с. Позиционно-ограниченные: комплетивный *до-* (*доделать домашнее задание*), репетитивный *пере-* (*переписать роман заново*), аттенуативный *под-* (*подустать, подмочить*), ...

д. Лексические префиксы: все «чистовидовые префиксы», все «пространственные префиксы»,..., *в(о)-, вз(о)-, воз(о)-, вы-, над(о)-, низ(о)-, о-, об(о)-, пред(о)-, с(со)1-, со2-, у-* » [11, с. 96].

Глагол *предуготовить* выступает с пометой «устар.» и обозначает «заранее приготовить, подготовить» [2; 7], что выражено приставкой *пред-*. С помощью суффикса *-а(-я-)* образуется видовой партнер – глагол *предуготовлять* (НСВ 1) [3; 7]. Вторым глаголом несовершенного вида, образованный в связи с вариативностью суффикса – *предуготавливать* (НСВ 2) – встречается лишь в Словаре В.И. Даля (1955). Указанный пример особенно интересен. Его легко сравнить с одноприставочным глаголом *уготовить*, который обладает очень близким значением: «подготовить, приготовить что-л. заранее; обеспечить осуществление чего-л.» (7 – подчер. моё – И.К.-С.). Следующий полипрефиксальный глагол – *приуготовить* – имеет общую семантическую тождественность с *подготовить* [2; 7] и опять встречается с пометой «устар.». Приставка *у-*, занимающая второе место в префиксальных конфигурациях *пред-у* и *при-у*, может таким образом выступать в качестве единственного показателя перфективности. Этот факт подтверждается также С.Г. Татевосовым, который определяет приставку *у-* как внутреннюю (лексическую) чистовидовую [11, с. 96].

Большинство глаголов с корнем *-готов-* (чередующим с *-готавл-*) соединяется с вариативными суффиксами *-ыва-/-ива-*, *-а(-я-)*, которые считаются синонимическими. Исключением являются глаголы с множественной префиксацией *предуготовить*, *приуготовить*, которые, возможно из-за своего устаревшего характера, не имеют видового партнера, образованного по продуктивной модели с суффиксом *-ыва-/-ива-* (ср. возможные глаголы НСВ: *предуготовлять*, *приуготовлять*). Суффикс *-ыва-/-ива-* в последнее время пользуется большой популярностью и считается стилистически нейтральным [9, с. 280], в отличие от глаголов с *-а(-я-)*. Не образуется также глагол *сготоввливать*, так как приставка *с-* является чистовидовой (видовая пара: *готовить* – *сготовить*).

В настоящей статье корпусный материал позволил исследовать морфемную валентность глагольного корня *-готов-*. С помощью автоматического поиска данных в Национальном корпусе русского языка выявлен набор приставок, присоединяющихся к корневой морфеме. Обнаруженные конфигурации приставок подтверждают концепцию С.Г. Татевосова. Характер приставки оказывает значительное влияние на глагольную синтагматику, решает вопрос о присоединении следующей приставки (в случае множественной префиксации), а также суффикса. Тема остается актуальной и открывает дальнейшие научные перспективы.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИС, 1955. 2716 с.
2. Евгеньева. А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1981-1984. 2984 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. 2294 с.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч.2. Братислава: Словацкая академия наук, 1960. 570 с.
5. Kozera I. Семантика и прагматика вторичной имперфективации в современном русском языке на основании корпусного анализа. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2018. 340 с.
6. Kozera-Sławomirska I. Суффиксальная вариативность русского глагола (по данным НКРЯ). *Linguistica Copernicana*. Т.17. 2020. С. 81-97.
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
8. Ровнова О.Г. Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии) // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 396-404.
9. Смирнов И.Н., Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований, 2010. С. 272- 298.
10. Stawnicka J. Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowntwórczą Aktionsarten w języku rosyjskim i polskim. T.I. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2009. 287 с.
11. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / под ред. К.Л. Киселева, В.А. Плуныян, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92-156.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл., 1940. 2835 с.

О.Ю. Крючкова
O.Ju. Kryuchkova
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)
Saratov State University N.G. Chernyshevskij, Saratov

ИСТОРИЯ СУФФИКСА *-НИЦ-* В ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Предметные имена существительные с суффиксом -ниц(а) рассматриваются на широком фоне их словообразовательных и лексических отношений на протяжении письменной истории русского языка. Прослеживается структурная и семантическая динамика предметных имен существительных с данным формантом. На примере отдельной лексико-словообразовательной группы показана целесообразность синхронно-диахронного изучения словообразовательного инвентаря, с учетом комплекса системных факторов.

Ключевые слова: история русского языка, словообразование, суффикс *-ниц-*.

HISTORY OF THE SUFFIX *-NIC-* IN NOUNS WITH OBJECT MEANING

Object nouns with the suffix -nic(a) are analysed against the background of their word-building and lexical relations throughout the written history of the Russian language. The article also deals with structural and semantic dynamics of object nouns with this formant. At the example of a particular lexical and word-building group the author shows the advisability of synchronic and diachronic study of word-building inventory taking into account a complex of system factors.

Keywords: Russian language history, word-building, suffix *-nic-*.

Сложный суффиксальный формант *-ниц(а)* с предметным значением сформировался рано. Основной лексической средой его формирования, по всей видимости, выступает группа *nomina loci*. Существительные на *-ница* находились в мотивационных отношениях с *nomina loci* на *-ня* и являлись производными модели *-ьн(я) + -иц(а)*. Осложнение суффикса *-ьн(я)* вторичным суффиксом *-иц(а)* было связано, по-видимому, со старославянским влиянием. Ср. выводы Р. Бошковича о дифференциации славянских языков в области суффиксального словопроизводства *nomina loci*: в ю.-сл. языках *nomina loci* образуются путем использования суффикса *-ica*, в в.-сл. и зап.-сл. языках – с помощью суффикса *-ia*, на основе которого возник суффикс *-n'a* [1, с. 246].

В древнерусский (XI-XIV вв.) и старорусский (XV-XVII вв.) периоды формант *-ниц(а)* проявляет значительную активность в лексической группе *nomina loci*, где регулярны параллельные образования на *-ня* и *-ница*: *голубня – голубница, гридня – гридница, витальня – витальница, поварня – поварница, пекарня – пекарница, городня – городница, гвоздильня – гвоздильница, кумирня – кумирница, лудильня – лудильница, парня – парница, судебня – судебница, мовня – мовница, подворотня – подворотница, книгохранильня – книгохранильница.*

Корреляты на *-ня* и *-ница* в группе *nomina loci* (реже они встречаются и в других лексико-семантических группах: *городня – городница* ‘часть моста’;

гвоздильня – *гвоздильница* ‘кузнечный инструмент’, *приглавня* – *приглавница* ‘мозжечок’) отражают историю формирования сложного форманта *-ниц(а)*, мотивационные отношения между именами на *-ница* и *-ня*.

Контаминация исконно русского и старославянского суффиксов в структуре одного и того же слова – нередкое явление в русском языке XI–XVII вв. Ср. образования с удвоением гетерогенных суффиксов: *младен-ич-ищъ*, *писатель-никъ*, *хытр-ост-ъство*, *мил-ост-ыня* и др. Подобные образования были актуальны в условиях древнерусского двуязычия (или, по другой концепции, в условиях функционирования разных типов жанрово распределенных норм, см.: [5]), прежде всего как средства переключения жанрово-стилистического регистра [2]. Неслучайно поэтому большинство подобных образований было утрачено в эпоху формирования единых норм русского литературного языка.

В обсуждаемых в данном случае производных *nomina loci* суффиксальное удвоение приобрело дополнительно иной, более глубокий смысл. Оно стало фактором продвижения словообразовательной семантики в сторону усиления ее общепредметного характера. Если суффикс *-н(я)* специализировался в дальнейшем в основном в области образования *nomina loci* (ср. в совр. рус. яз.: *маслобойня*, *кофейня*, *каменоломня*, *пекарня*, *мукомольня*), то суффикс *-ниц(а)* участвует в деривации разнообразных по семантике предметных существительных (*бойница*, *мельница*, *скребница*, *звонница*, *доильница*, *кропильница*, *курильница*, *сахарница*, *капельница*, *поленница*, *яичница*). Возможность подобного «переосмысления» роли суффиксального усложнения обусловлена как внутренними особенностями словообразовательной модели *nomina loci*, так и внешним воздействием смежных элементов лексико-словообразовательной системы.

Своеобразной чертой словообразовательной модели *nomina loci* искони была неоднозначность мотивационных отношений: наименования помещений могли образовываться как от глаголов, так и от имен существительных. В первом случае (при отглагольной деривации) возникали так называемые одноаргументные дериваты, т.е. производные существительные с простым ономаσιологическим признаком, выявляющимся в поверхностной структуре их пропозиции, ср. др.-русск. *вительня* (‘обитель’) – ‘место, где обитают’, *поварня* – ‘место, где варят’. Во втором случае (при отсубстантивном словопроизводстве) образовывались двуаргументные дериваты, производные существительные со сложным ономаσιологическим признаком, полностью выявляющимся в глубинной структуре пропозиции, лишь при лексической интерпретации деривата, ср. др.-русск. *гридня* – ‘место, где гридь (устраивала приемы)’, *голубня* – ‘место, где (содержат) голубей’ (об образовании в границах модели *nomina loci* одно- и двуаргументных дериватов см [4]).

В старорусский период увеличивается количество производных на *-ня* и *-ница* со сложным ономаσιологическим признаком, регулярно выявляющимся в отсубстантивных моделях. Ср.: *блинтя* ‘помещение, где (пекут и продают) блины’; *кумирня*, *кумирница* ‘место, где (находятся) кумиры’; *лыжня*, *лыжница* ‘место, где (след) от лыж’; *судебня*, *судебница* ‘место, где (производится) суд’ и под. Преобладание (хотя и незначительное) отсубстантивных моделей – свиде-

тельство усиления неспециализированного общепредметного словообразовательного значения.

Неоднозначность мотивационных отношений *nomina loci* способствовала обобщению словообразовательного значения дериватов, нейтрализации унаследованных от исходного глагола акциональных компонентов и укреплению собственно номинативных предметных значений. Ср. усиление семантики предметности, утрату связи с глагольной семантикой ('создавать ограждение, ограду') в словообразовательной цепи *городити – городъ – городня – городница: городъ –* 'ограда, крепостная стена, линия укреплений и т.д.'; *городня –* 1) 'часть (пролет, звено) моста, городской или крепостной стены'; 2) 'ограда, стена'; *городница –* 'часть моста' [7].

К внешним факторам, поддерживавшим устойчивость форманта *-ниц(а)* и обобщенную предметность его словообразовательного значения, можно, вероятно, отнести влияние суффикса *-ник(ь)*, постепенно проникающего из области словопроизводства имен лиц в область конкретно-предметной деривации. Суффикс *-ник(ь)*, обладающий широкой неспециализированной предметной семантикой, мог образовывать конкретно-предметные существительные с разными значениями, в том числе и со значением 'помещение'. Ср. др.-русск. и ст.-русск. образования: *ароматникъ* (вместилище для пряностей), *артосникъ* (блюдо для артоса – освящаемого хлеба), *банникъ* (щетка), *бумажникъ* (тюфяк, подстилка; сумка для бумаг), *почерпальникъ* (ковш), *жаровникъ* (предмет для жарения), *голубникъ*, *конюшникъ*, *коровникъ*, *овчарникъ* – наименования помещений. *Nomina loci* на *-никъ*, так же как и имена на *-ница*, соотносились с производными существительными на *-ня*: *голубникъ – голубня*, *конюшникъ – конюшня*, *коровникъ – коровня*, *овчарникъ – овчарня*.

Увеличение словопроизводственной активности суффикса *-ниц(а)* с предметным значением идет параллельно с увеличением продуктивности в сфере конкретно-предметных номинаций суффикса *-ник(ь)*.

Фактором устойчивости общепредметного форманта *-ниц(а)* становится также аналогическое влияние звуковых последовательностей, не имеющих морфемного статуса (о влияниях такого рода см., напр., [3, с. 99]) – со стороны функционирующих в древнерусский и старорусский периоды предметных существительных с суффиксом *-ниц(а)*, образованных от основ с финалью *-н-* (*багряница*, *больница*, *ветреница* 'флюгер', *вербница*, *верхница* 'верхняя одежда', *волница* 'шерстяная ткань', *власеница*, *горница*, *гостиница*), омофинальных существительных с непредметным значением (*вольница*, *грудница*, *гнетница* 'болезнь', *бесконница* 'не имеющая конца'), омофинальных существительных неясной этимологии (*гусельница* 'растение', *волженица* 'гриб волнушка', *бляшница* 'клоп', *бретьяница* 'амбар', *гаковница* 'ручное огнестрельное оружие'), омофинальных заимствований (*гафуница* 'род пушки').

В древнерусский и старорусский периоды суффикс *-ниц(а)* (и его морфы) участвуют в образовании производных с широкой предметной семантикой, ср.: *ароматница*, *артосница*, *бумажница*, *възглавница* 'подушка', *ризница* 'сокровищница', *колесница* 'повозка', *блистальница*, *блистаница* 'лампада, светиль-

ник', *водоточница* 'водоем', *возливальница* 'чаша', *аргишница* 'проезжая, обозная дорога' (от *аргии* 'обоз'), *белильница* 'сосуд для белил', *багорница* 'канат, прикрепляемый к багру', *банница* 'баня', *божница* 'церковь; полка', *вапница* 'ящик с красками' (от *вапъ* 'краска'), *висельница* 'виселица', *головница* 'выступ, шишечка на нашивке', *гроховница* 'род пушки', *оконница* 'предмет, который (вставляется) в окно' и др.

В старорусском языке конкретно-предметные имена на *-ница* становятся более употребительными в сравнении с именами на *-ня*. Характерно, что многие имена на *-ня* проиллюстрированы в СлРЯ XI-XVII вв. [7] только одним примером, в то время как однокорневые параллели на *-ница* сопровождаются несколькими текстовыми иллюстрациями.

Показателем большей употребительности имен с расширенным формантом является их семантическая структура. Старорусские существительные на *-ница* в отличие от первичнопроизводных имен на *-ня* чаще развивают вторичные значения; существительные на *-ня*, как правило, однозначны. Ср.: *книгохранильница* 1) 'книгохранилище, библиотека', 2) 'шкаф, ларь, ящик для книг', *книгохранильня* 'то же, что книгохранильница (в знач. 1)'; *мовница* 1) 'баня, мытье в бане', 2) 'прачка', *мовня* 'баня; мытье в бане'.

Другим показателем большей актуальности и самостоятельности имен со сложным формантом можно считать более высокую фонетическую вариативность таких существительных, как, например, *пекарница*: *пекальница*, *пекленица*, *пекляница*, *пекольница* (ср. *пекарня*: *пекольня*); *судьбница*: *судница* (ср. *судьбня*).

О словообразовательной самостоятельности суффикса *-ниц(а)* в древнерусский и старорусский периоды свидетельствуют также:

– регулярность словообразовательного эллипсиса при образовании *поті-па юсі* (ср.: *судъ* – *судница* при отсутствии существительного *судня*, *жито* – *житьница*, *алтарь* – *алтарница*, *било* – *бильница*, *бити* – *бойница*, *варити* – *варница*, *витатель* – *витательница*, *волиба* – *волибница* (в знач. 2 'место, где совершается волиба'), *ворошити* – *ворошница*, *гробъ* – *гробница*);

– использование суффикса *-ниц(а)* в роли средства, осложняющего другие, менее продуктивные в области конкретно-предметных номинаций форманты (ср.: *жалоба* – 2. 'жалоба'; документ с изложением жалобы' – *жал-об-ница* 'документ с изложением жалобы', *судохранило* – *судохрани-ль-ница*, *обитель* – *обит-ель-ница*). Продуктивность суффикса *-ниц(а)* в кругу словообразовательных средств, образующих конкретно-предметные наименования, и вытеснение этим суффиксом других, утрачивающих продуктивность формантов, явно прослеживается в моделях с тоекратным нанизыванием предметных суффиксов, расположенных в порядке возрастания их продуктивности в старорусском языке. Ср.: *гвоздь* – *гвоздило* ('кузнечный инструмент') – *гвоздильня* ('то же') – *гвоздильница* ('то же'); *лудити* – *лудило* ('сосуд, в котором готовят полуду') – *лудильня* ('то же') – *лудильница* ('то же').

В современном русском языке продолжают существовать единичные параллели предметных имен с простым и сложным суффиксальными формантами

-н(я) и -ниц(а), соответствующие древней модели -н(я) + -ниц(а), но изменившие отношения словообразовательной мотивированности на отношения кодеривации. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [9] относительные производные на -ня и -ница (*GRIDНЯ* и *GRIDНИЦА*, *СОЛЕВАРНЯ* и *СОЛЕВАРНИЦА*, *СУХАРНЯ* и *СУХАРНИЦА*) рассматриваются как компоненты парадигматических рядов, находящиеся на одной ступени производности. Образования на -ница в большинстве случаев более употребительны, чем образования с суффиксом -н(я), которые (независимо от времени их появления) в современном русском языке могут быть истолкованы как редериваты. На это указывают и словарные определения, ср.: *GRIDНЯ* – ‘то же, что *GRIDНИЦА*’, *СУХАРНЯ* – ‘то же, что *СУХАРНИЦА*’. Ср. также в СлРЯ XVIII в [8] существительное *ЖИТНЯ* охарактеризовано как «областное» в сравнении с общеупотребительным *ЖИТНИЦА*. На бóльшую распространенность предметных существительных на -ница (в сравнении с параллелями на -ня) указывает, кроме того, их стабильная фиксация во всех важнейших словарях русского языка, тогда как существительные с суффиксом -ня, как правило, включаются лишь в отдельные толковые словари. Исключение представляет существительное *СОЛЕВАРНЯ*, более употребительное в сравнении со сложносуффиксальным образованием *СОЛЕВАРНИЦА*, что, возможно, связано с терминологическим характером его значения и закреплением суффикса -н(я) в сфере *nomina loci* терминологизированного характера – в наименованиях производственных помещений и общественных учреждений (ср.: *МАСЛОБОЙНЯ*, *КОФЕЙНЯ*, *КАМЕНОЛОМНЯ*, *ПЕКАРНЯ*, *МУКОМОЛЬНЯ*, *ТОКАРНЯ* и т.п.). В современном русском языке в группе предметных существительных суффикс -ниц(а) продуктивен в деривации имен со значением вместилища (реже он используется в наименованиях помещений), а суффикс -н(я) характеризуется как непродуктивный [6].

Таким образом, формирование и историческая судьба сложного суффикса -ниц(а) в кругу предметных имен существительных обусловлены целым комплексом системных факторов – структурно-семантическим потенциалом словообразовательных моделей, внешними аналогическими влияниями. Синхронно-диахронное рассмотрение словообразовательных средств русского языка, проведенное в данном случае на примере суффикса -ниц(а), является эффективным способом изучения словообразовательного инвентаря русского языка, раскрывает не только динамику его отдельных единиц, но и динамику системных отношений в лексических группах и моделях словообразовательной деривации.

Список литературы

1. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М.: Высшая шк., 1984. 304 с.
2. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. 264 с.
3. Кузнецова А.И. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 97-106.

4. Нецименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. С. 93-126.
5. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 1995. 400 с.
6. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 783 с.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975.
8. Словарь русского языка XVIII века. Л.: СПб.: Наука, 1984. 224 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1985. 1742 с.

К. Миягава
K. Miyagawa
Университет Саппоро (Саппоро, Япония)
Sapporo University, Sapporo

ПРИСТАВКА «ПОЛ-» В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЛИДИИ ЧЕРВИНСКОЙ*

В статье рассматриваются слова с приставкой «пол-» в творчестве Лидии Червинской, поэта «Парижской ноты». В словах с приставкой «пол-» можно обнаружить стремление лирического героя к «мы», что отличает ее творчество от творчества Г. Иванова.

Ключевые слова: приставка «пол-», Лидия Червинская, «Парижская нота», «мы», Георгий Иванов.

THE PREFIX “POL-” IN THE POETRY OF LIDIYA CHERVINSKAYA

In this article we examine the words with the prefix “pol-” in the poetry of Lidiya Chervinskaya, a poet of “Parisian Note.” We can find the lyrical hero’s inclination for “we” in these words, which distinguishes her poetry from G. Ivanov’s.

Keywords: prefix “pol-”, Lidiya Chervinskaya, “Parisian Note”, “we”, Georgy Ivanov.

Одна из задач исследования русской литературы XX века, которую теперь, без сомнения, считают единой (она объединяет литературу России и зарубежья), заключается в том, чтобы «наряду с подробным изучением каждого из потоков литературы (...) перейти к рассмотрению русской литературы как сложной, противоречивой целостности во взаимодействии двух путей ее исторического развития», как пишет А. Чагин [6, с. 19].

Особую атмосферу в эмиграции первой волны передает поэзия «Парижской ноты» 1920-1930-х гг., которая воплощает безнадежность эмигрантской жизни крайне сдержанно в соответствии с требованием к литературе Г. Адамовича. «Парижская нота» отражает атмосферу именно в эмиграции, но в ней обнаруживается также нечто перекликающееся с литературой в России. В этой статье не будем обсуждать соотношение между двумя линиями в русской

*Работа поддержана грантами JSPS KAKENHI Grant Numbers 20H01246, 20K0050.

литературе, а лишь представим возможность дальнейшего исследования, выяснив присутствие общей темы.

«Парижская нота» не считается школой в полном смысле, но в ней отражены собственное мировоззрение и философия поэзии, и она стала фоном поэтической практики таких поэтов младшего поколения первой волны русского зарубежья, как А. Штейгера, Л. Червинской, И. Чиннова и других. Б. Поплавский, которого считают автором термина «Парижская нота», определяет ее как «метафизическая нота, все время растущая – торжественная, светлая и безнадежная» [5, с. 49], а Ю. Терапиано отмечает такие особенности поэзии «Ноты», как «углубленность содержания, намеренная сдержанность, приглушенность тона, отказ от погони за формальным блеском и стремление к искренности, к правдивости» [7]. Подобные особенности возникают на фоне осознания поэтами того, что стихотворение представляет собой, «если угодно, нечто объективно существующее, и, если угодно, еще ДО его написания», как утверждает И. Болычев [1, с. 4].

Нужно обратить внимание на то, что искренние стихотворения «Ноты» воспринимались как дневник или запись личной интимной жизни, то есть «человеческий документ». И по поводу стихотворений одной из представительниц «Ноты», Лилии Червинской (1907-1988) в ее одном из сборников, М. Цетлин отмечает «форму почти дневника, тетради отрывочных лирических записей» и пишет, что «стихи ее хотят быть не музыкой, а шепотом, вздохом, едва ли ни молчанием» [7]. Адамович считал, что «искренний «человеческий документ» ценнее отточенного, но духовно мертвого стиха» [3, с. 11], а его главный оппонент В. Ходасевич критиковал стихи Червинской за «интимизм», слишком ограниченное личное содержание.

Однако наше внимание привлекает высказывание поэта. Она пишет в эссе «Мы» (1934), что после молодости, когда искала утверждение собственного «я», она начала воспринимать ощущение «мы» с радостью, «слово «братство» утеряло какую-то стыдность. (...) Отсюда мысль – не в этом ли (спасение в слитности) корни коммунизма» [7]. Воплощается ли это ощущение «мы» в ее интимных стихотворениях?

Ее творчеству присуща неясность и в его неясном поэтическом мире ничего достоверного, надежного нет, поэтому в ее стихотворениях очень часто встречается отрицательная частица «не», как отмечает В. Булич [7]. Или можно сказать, что в ее стихотворениях все «около» чего-то или «между» чем-то, что можно видеть в одном стихотворении: «То, что около слез. То, что около слов. / То, что между любовью и страхом конца». В подобном смутном художественном мире нет радостного ощущения объединения, для него характерно состояние, которое выражается словами с приставкой «пол(у)-». Но именно в них можно найти стремления лирического героя к «мы».

Приставка «пол-», которая обозначает половину, встречается в нескольких стихотворениях Червинской 1930-х годов. Несмотря на то, что для ее творческих характерны полутон и промежуточное время как рассвет, отсутствуют такие привычные слова с этой приставкой, как «полусвет», «полутьма», «полусу-

мрак», «полумрак». Зато у нее появляются редкие слова с приставкой «пол-», и в этих словах можно видеть особенность поэтического мира поэта.

Проанализируем несколько стихотворений. В одном стихотворении в первом ее сборнике «Приближение» (1934) появляется слово «полупризнание»:

От возможных друзей, от возможных обид,
От возможного, все-таки, полупризнанья,
От возможного счастья так сердце болит...
– До свиданья.

Как Адамович справедливо отмечает, что «сквозь показное скучанье, сквозь меланхолию, робкую мечтательность, полунамеки, полупризнания, прорывается в этих стихах лучистая энергия, обращенная, как свет и тепло, по всему миру» [7], именно это «пол-» становится ее творческим началом, по ее выражению, «приближающее» [7]. Не зря Н. Оцуп пишет, что стихи Червинской – «типичный продукт русского Монпарнаса. Полужизнь, полусуществование, полуюбовь, полуотчаяние» [7]. Но важно, что это «пол-» у Червинской обозначает не просто половину чего-то, а начало, которое содержит в себе возможность дальнего развития. Именно поэтому в выше цитированном стихотворении повторяется слово «возможный», хотя это развитие направлено не к счастью, а к разлуке. Кроме того, слово «полупризнанья» рифмуется со словом «свидания», что также свидетельствует о развитии «полупризнанья» к разлуке.

Обратимся к другому стихотворению в сборнике «Рассветы» (1937), где слова с приставкой «пол-» перекликаются с темой «мы» («Все по-весеннему случайно...»). В первой строфе появляется образ «мы», которые связаны друг с другом, но они «разлучены» («Мы связаны скучнейшей тайной, / И в ней навек разлучены.»). Эти «мы» приближаются, но никогда не объединяются, отсюда в следующей строфе читаем: «Сказать ли Вам, что Вы красивы? / Но *что* нам делать с красотой...». И стихотворение заканчивается следующей строфой:

Сказать ли Вам, что наши тени
Опять скрестились на мгновенье,
На полувздохе, полуслоге
На чуть белеющей дороге
В небытие – из пустоты.

«На полувздохе, полуслоге» таится начало приближения лирического героя к «Вы», возможного развития их отношения, а также начало поэзии, представленное словом «полуслог», даже если это развитие «в небытие из пустоты». Таким образом, у Червинской в словах с приставкой «пол-» можно отметить начало поэзии и стремление к ощущению «мы», хотя здесь возможное «мы» предполагается интимно, как лирический герой «я» и его возлюбленным человеком «Вы».

Интересно сравнить ее стихи со стихотворениями Георгия Иванова 1930-х годов, где также встречаются слова с приставкой «пол-». Иванов не понимается как поэт «Парижской ноты». Но вспомним высказывание В. Маркова, что ««Нота» может не существовать, если имеется Иванов, потому что в его стихах есть все, чего требует Адамович, и еще очень много сверх того (...) «Парижская

нота» – примечание к Георгию Иванову» [4, с. 411]. В его творчестве ярко отражена атмосфера в эмиграции 1920 – 1930-х годов.

В его стихотворениях также «пол-» относится к поэтическому образу и слову: «Образ полусотворенный, / Шопот недоговоренный, / Полу жизнь, полуусталость – / Это все, что мне осталось» [2, с. 330]. Но в отличие от стихов Червинской, здесь «полужизнь» и «полуусталость» представляются как нечто оставленное лирическому герою, то есть, это не начало, а, скорее, результат. В этом стихотворении дальше читаем: «Принимаю, как награду, / Тень, скользящую по саду, / Переход апреля к маю, / Как подарок, принимаю». Лирический герой принимает то, что осталось, хотя это только половина целого.

Обратим внимание на другое стихотворение Иванова «На грани таянья и льда...», интересное в связи с вопросом «мы». Во время между зимой и весной («Полу-зима, полу-весна») на фоне слияния льда и воды из него, музыки и сна («На грани музыки и сна»), невеста и жених приближаются («К невесте тянется жених»), и они становятся единым в последней строфе:

Ты – это я. Я – это ты.

Слова нежны. Сердца пусты.

Я – это ты. Ты – это я

На хрупком льду небытия [2, с. 339]

Здесь не наполнение половины, которая называется «я», другой половиной «ты». В слиянии «я» и «ты» нет никакого развития, не появляется новое начало, которое называется «мы». У Иванова это именно объединение, слияние, которое Червинская различает от «Мы-тства», «слитности», по ее выражению, к чему ее стремление.

Когда в стихотворениях Червинской возникает половину чего-то, чувствуется возможность развития отношений между людьми или поэтического мира, хотя остальная половина не наполняется. Ее художественному миру свойственно именно подобное приближение, стремление к «Мы-тству» или желание его, которое никогда не осуществляется.

В творчествах Иванова и Червинской слова с приставкой «пол-» отражают безнадежную атмосферу в эмиграции. Червинская в выше цитированном очерке пишет, что «почти все стихи написаны как бы одним поэтом – парижским», потому что в их стихах «бесприютные чувства, мысли, полуистины, полусны» [7]. Однако если у Иванова подобные чувства, мысли, и состояние, которое выражается с помощью приставки «пол-», понимаются как результат и появление «мы» не предполагается, то у Червинской при всем интимизме содержания стихотворений слова с приставкой «пол-» появляются в процессе искания возможности «мы». Разницу между двумя поэтами возможно обсуждать с точки зрения разных поколений в первой волне русской эмиграции и еще в связи с литературой в России.

Список литературы

1. Большев И. Творческий путь Игоря Чиннова: автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1999. 16 с.

2. Иванов Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1994. 656 с.
3. Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. №22. С. 3-50.
4. Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Библиотека русской критики. Критика русского зарубежья II. М.: Олимп, 2002. С. 409-420.
5. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т.3. Статьи, дневники, письма. М.: Русский путь, Согласие, 2009. С. 45-50.
6. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с.
7. Червинская Л. Невидимая птица Рудня-Смоленск: «Мнемозина», 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/chervinskaya_lidiya/nevidimaya_ptitsa.html#0 (дата обращения: 23.09.2021).

А.В. Никитевич
 A.V. Nikitevich
*Гродненский государственный университет
 им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)*
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

ВЫЧУР, ВЫЧУРА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена проблеме отражения лексического состава различных подсистем русского языка (литературный язык/говоры) при построении фрагментов словообразовательных гнезд. С учетом того, что диалектные слова могут представлять семантические позиции, которые не эксплицированы в виде слов в системе литературного языка, в теории и практике словообразовательной лексикографии представляется возможным моделирование таких фрагментов гнезд синтезированного типа, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка.

Ключевые слова: лексикография, словообразовательное гнездо, диалектное слово.

VYCHUR, VYCHURA AND SOME ASPECTS OF DERIVATIONAL LEXICOGRAPHY

The article is devoted to the problem of reflecting the lexical composition of various subsystems of the Russian language (literary language/dialects) when constructing fragments of derivational clusters. Taking into account the fact that dialectal words can represent semantic positions that are not explicated in the form of words in the system of the literary language, it seems possible in the theory and practice of derivational lexicography to model such fragments of the clusters of synthesized type when a probable association connects a dialectal word and a word of the literary language.

Keywords: lexicography, derivational cluster, dialectal word.

Деривационное гнездо есть не только объект исследования, но и модель, закономерно выстраиваемая по определенным правилам лингвистом и впоследствии находящая отражение в словообразовательных словарях, которые явля-

ются исходной базой для сопоставления различных объединений родственных слов в славянских языках. Если же речь идет о всесторонней характеристике деривационного потенциала различных подсистем русского языка (литературный язык/говоры), то следует признать, что весьма эффективным является сопоставление не изолированных слов и не только словообразовательных типов и словообразовательных категорий, но и упорядоченных отношениями производности групп родственных слов – различных фрагментов деривационных гнезд. При этом «весьма продуктивной может оказаться идея конструирования таких фрагментов словообразовательных гнезд, в которые, наряду со словами литературного языка, могут включаться и диалектные слова» [3, с. 129].

Приведем один показательный пример. В русских народных говорах есть следующие слова: *вычур* ‘Резные украшения, фигуры’. Перм., 1848. *Трои сани с вычурами*. Перм. Оренб. *Вычура*, мн. ‘Выемки, пазы в дорожке (плотничьем инструменте)’. Великоуст. Волог., 1883-1889. Волог. *Вычурный* ‘О вещи, украшенной фигурной, причудливой резьбой’. Оренб., 1849 [7, т.6, с.58]. Первые два слова отсутствуют в системе русского литературного языка, у прилагательного *вычурный* отмечено неизвестное для современного языка значение, что подтверждает и большой академический словарь: *вычурный* ‘Чрезмерно украшенный, излишне затейливый; прихотливый, необычный’. Устар. ‘Узорный, изысканный’ [8, т. 2, с. 1328]. В этом же источнике указано также как просторечное слово *вычуры* ‘Затейливые, замысловатые фигурные украшения на деревянных и металлических изделиях, на тканях и т.п. 2. Перен. Причуды, прихоти, затей’ [8, т. 2, с. 1329]. Ср. например: *Заглавные буквы писал он с такими вычурами и завитками, что нельзя было достаточно насмотреться на его рукописи*. И.И. Панаев, «Прекрасный человек», 1840 г.

В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова приводится следующая словообразовательная цепочка: *вычура – вычурный – вычурно* [9, т. 1, с. 204]. Обратим внимание на тот (и далеко не единственный) факт, что в качестве исходного звена словообразовательной цепочки использовано слово устаревшее (либо в любом случае находящееся на периферии литературного языка). При этом возникает вопрос, с каким значением в этом словаре фигурирует слово *вычурный*? Ведь современное прилагательное по смыслу никак не связано со словом *вычура*, тем более, что последнего нет в современном русском языке. Однако такова реальность современной словообразовательной лексикографии. При описании подобных результатов моделирования словообразовательных единиц (пара, цепочка) необходимо понимать, что в ряде случаев «выход» за пределы системы литературного языка – просто необходимость!

Совершенно очевидно, что «диалектное словообразование восполняет не реализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка» [4, с. 147]. Обнаруживаемые в говорах небольшие объединения родственных по корню слов (словообразовательные пары, фрагменты словообразовательных парадигм) зачастую очень хорошо вписываются как своеобразные «дополнения» к словообразовательным гнездам литературного языка. Причем в ряде случаев речь может идти о расши-

рении «грамматического» потенциала гнезда за счет включаемых в его состав родственных слов других частей речи. К примеру, рассмотрим достаточно любопытные диалектные глаголы на фоне отсутствия каких бы то ни было производных глаголов в соответствующих словообразовательных гнездах подсистемы литературного языка. Ср.: *помечиться* ‘Сразиться мечом’, *праздничать* ‘Проводить время праздно’, *правдить* ‘Действовать правильно’, *правеить* ‘Брать правую сторону’. Судя по данным словаря А.Н. Тихонова, слово *свадьба* в современном русском литературном языке не может являться производящей единицей для глагола. В словаре приводятся лишь производные именных частей речи: *свадебка, свадьбище, свадебник, свадебщик, свадебный, посвадебному, предсвадебный* [9, т. 2, с. 74]. Однако в говорах зафиксированы такие любопытные глаголы, как: *свадьбиться* ‘Клониться к свадьбе’. *Ты свадьбится у вас? Да похожа троху* [1, с. 815] и *засвадьбиться* ‘Загуляться на свадьбе’ [1, с. 251], которые, безусловно, «расширяют» словообразовательную парадигму слова *свадьба*.

Не только языки, «обладающие сходной словообразовательной техникой, могут продемонстрировать различные результаты в «деле» словообразовательного синтеза, что приводит к наличию словообразовательных лакун» [5, с. 921], но и различные подсистемы одного и того же языка, литературный язык и говоры могут оказаться в подобных отношениях. К примеру, собственно внутривглагольная семантика в литературном языке может быть ограничена, в частности, реализацией вполне конкретной семьи вида. Например: *приютить* ‘Дать кому приют’. Однако ср.: *приючать* ‘Давать кому приют’. Причем в составе уже фрагмента диалектного словообразовательного гнезда грамматическая лакунарность (вид) может быть дополнена и семантической. Ср.: *приютный* ‘Готовый оказать покровительство’. *Ты же, бывало, к нам прибежен и приютен ко всякому* [1, с. 727-728].

Диалектные объединения родственных слов как фрагмент гнезда могут содержать мотивирующую единицу, «все объясняющую» «вершину» словообразовательного гнезда, неизвестную системе литературного языка. Ср.:

Сигать ‘Делать большие шаги, прыжки; прыгать, подпрыгивать’.

Сигнуть ‘Сделать большой шаг, прыжок’. *Сигнул прямо в яму.*

Слезоливец ‘Заставляющий проливать слезы’.

Слезить ‘Обливать слезами’. *Не плачь, матушка Марья, не слези своего красного личика* [1, с. 843]. Вспомним рассмотренное ранее:

Разслезить ‘Огорчить до слез’. *Не взвеселила, не взвеселила – больше разслезила* [1, с. 776].

Слэзка ‘Горячо любящая, сочувствующая душа’.

Слэзочка ‘Капля’. *Нет ни слезочки постного масла.*

Слезовой ‘Горький, неприятный’ [1, с. 843].

Любопытно, что в [9, т. 1, с. 121] приводится устаревший глагол *прослезить* ‘Вызвать у кого-либо появление слез (от волнения, прилива чувств’ [8, т. 11, с. 1369], тождественный по семантике диалектному *разслезить* (в интерпретации В.Н. Добровольского *разслезить*).

Для словообразовательной лексикографии существенно отразить весь комплекс производных единиц, семантика которых зачастую может представлять в свернутом виде достаточно сложные характеристики или целые ситуации. Ср.: *упросливый* 'Человек, с трудом поддающийся просьбам; несговорчивый' [1, с. 941]. В ряду синонимичных лексем каждая из них (*несговорчивый, упросливый*) может заинтересовать своей внутренней формой, особенностями мотивации, связи с конкретной корневой морфемой. Ср.: *проситель* – тот, кто просит; *Ø* – тот, у кого просят; человек, с трудом поддающийся просьбам – *Ø* (литературный язык), *упросливый* (смоленские говоры).

Таким образом, диалектные слова могут представлять такие семантические позиции, которые по целому ряду причин не эксплицированы в виде слов в системе литературного языка. Но самое удивительное заключается в том, что обе подсистемы одного и того же языка в значительной части своего «деривационного и семантического творчества» не дублируют, не повторяют друг друга! Вероятно, с позиций общей, заложенной где-то внутри, в ядре деривационной системности «литературный язык и народные говоры – это сообщающиеся сосуды (!), а не изолированные области, разделенные между собой какими-то, в том числе «лингвогеографическими» границами!» [6, с. 70]. Поэтому в практике словообразовательной лексикографии представляется необходимым учитывать из перечисленных ниже не только традиционные случаи 1, 2, но и третий: 1) деривационно родственные объединения слов в системе литературного языка; 2) словообразовательные пары, цепочки, парадигмы диалектные, комплексные единицы, которых не знает литературный язык; 3) фрагменты гнезд синтезированного типа, когда возможное объединение связывает слово диалектное и слово литературного языка. В последнем случае производные слова в говорах нередко претендуют на роль «заполнителей» словообразовательных и семантических лакун.

Список литературы

1. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. 1021 с.
2. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1132 с.
3. Никитевич А.В. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина). Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 125-130.
4. Никитевич А.В. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного языка к диалектам) // Ф.М. Достоевский в современном поликультурном пространстве. Брест: УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2012. С. 141-147.
5. Никитевич А.В. О понятии «безэквивалентность» при сопоставлении близкородственных языков / 2 Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8-10 сентября 2010. Т. 1. С. 921-926.
6. Никитевич А.В. Очерки по диалектному словообразованию. Гродно: ЮрСаПринт, 2020. 126 с.

7. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-49. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН. 1965-2016.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965. 13509 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. М.: Русский язык, 1985. 1742 с.

О.В. Никифорова
O.V. Nikiforova
Арзамасский филиал ННГУ (Арзамас, Россия)
Arzamas branch of UNN, Arzamas

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА С ПРЕФИКСОМ ЗА-: СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В статье на материале нижегородских говоров представлен анализ дериватов с префиксом за-. Охарактеризованы деривационные и лексические значения производных с данным формантом. Отмечено, что описание префиксальных дериватов в нижегородских говорах, выявление инвентаря префиксов, наиболее частотных при деривации в русских народных говорах, может дополнить дериватологию конкретными языковыми фактами и способствовать выявлению закономерностей организации словообразовательной системы русского языка.

Ключевые слова: нижегородские говоры, обрядовая лексика, префиксальное словообразование, словообразовательный тип, префикс за-.

NIZHNEGORODSKAYA RITUAL VOCABULARY WITH PREFIX FOR-: SEMANTIC-DERIVATION ASPECT

In the article, based on the material of Nizhny Novgorod dialects, an analysis of derivatives with the prefix for is presented. The derivational and lexical meanings of derivatives with this formant are characterized. It is noted that the description of prefix derivatives in Nizhny Novgorod dialects, the identification of the inventory of prefixes that are most frequent in derivation in Russian vernacular dialects, can supplement derivatology with specific linguistic facts and contribute to the identification of regularities in the organization of the word-formation system of the Russian language.

Keywords: Nizhny Novgorod dialects, ritual vocabulary, prefix word formation, word-formation type, prefix for.

На современном этапе развития лингвистики русские народные говоры продолжают оставаться одним из важнейших феноменов национального сознания, что определяет необходимость их изучения на семантико-деривационном уровне. «Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного видения мира. Словообразование же даёт возможность понять, какие ценности удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное их значимость для носителей языка» [2, с. 12]. Характерной особенностью диалектного словообразования является то, что в одних говорах употребляются производные слова, отсут-

ствующие в других говорах и в литературном языке, хотя и образованные по одному и тому же словообразовательному типу с использованием одних и тех же формантов. Выразителем формально-семантического отношения к производящему слову в структуре производного слова является формант, представляющий собой наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих, и сообщаящий лексеме дополнительную сему. Например, нижегородские обрядовые лексемы с приставкой *вы-* интересны не только с точки зрения дериватологии, но и через призму диалектной картины мира нижегородского крестьянина [1, с. 201].

В нижегородских говорах отмечена обрядовые диалектные слова, объединённые наличием префикса *за-*: *запóй, запóйка, запивáнье, запáивание, зару́шная, запíвка, запивáть неvéсту, засвáтать овéчку, запрóс, заручёнка, заговорёнка, засвáтанная, запíтая дéвка, запíта дéвка, забелённая дéвка, засыла́ла, завы́ть, заговорка, заклáд, задáток, задáтки, загу́ляное, зачурáкать, за́говенье, завивáть берёзу, заплетáть берёзку, завивáть венóчки. В приведённом словнике основную часть составляют имена существительные и глаголы, причём образованные от общеизвестных основ и поэтому не представляющие для носителя литературного языка номинации с затемнённой внутренней формой. Например, слова *запóй, запóйка, запивáнье, запáивание, запíвка* – ‘празднество во время обряда предложения брака’ связаны с глаголом *пить, зару́шная* – ‘празднество во время обряда предложения брака’, *заручёнка* – ‘просватанная невеста’ – с существительным *рука*. Действительно, обряд сватовства при положительном ответе родителей невесты завершался пирушкой, празднеством, где родители жениха и невесты совершали удар по рукам и окончательно договаривались о свадьбе. Однако отмечены такие глаголы, для которых нет соответствующей производящей основы в говорах Нижегородской области, например, *зачурáкать* – ‘засватать’ («*В соседнем селе невесту зачуракали*» с. Яз Большеболдинского р-на) при отсутствии *чуракать*.*

Префиксация в диалектах, являясь одним из продуктивных способов словообразования, схожа с префиксацией литературного языка. Однако префикс в русских народных говорах употребляется не только в значениях, аналогичных имеющимся в литературном языке, но и в иных, заменяя другие приставки или присоединяясь к основам слов, с которыми данные префиксы не могут употребляться в литературном языке. Если в современном русском литературном языке префикс *за-* придаёт значение начала действия, присоединяясь, например, к глаголам *заговорить* – начать говорить, *запеть* – начать петь, то в нижегородских говорах эта приставка выражает новое, противоположное значение – ‘совершить, довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом’: *запивáть неvéсту, засвáтать овéчку*. Так в нижегородских говорах называется один из важных моментов в предсвадебном этапе – помолвка, которая в отличие от сватовства и смотрин обуславливала не возможность свадьбы, а служила окончательным действием в закреплении сватовства.

В структуре полисемантов с префиксом *за-* выделяются лексико-семантические варианты различного типа: лексемы имеют только обрядовую семантику (*запо́й, запо́йка, запива́нье, запáивание, зару́шная, запíвка; за́про́с* – ‘договор о денежных и других трактах на свадьбу’; *засыла́ла* – ‘второстепенный свадебный чин’; *заруче́нка, заговорё́нка, засва́танная* – ‘просватанная невеста’); имеют обрядовую семантику только в одном из значений (*завы́ть* – ‘обряд, при котором невеста, прощаясь с девичеством, причитает и поет грустные песни’: «*Завыть да невеста как завоет, как завоет, вот уш мастерица выть-то была*» (д. Иваново Ветлужского р-на)); имеют общерусское значение, но путём создания устойчивых сочетаний приобретают обрядовую семантику (*завива́ть берёзу, заплетáть берёзку, завивáть венóчки* – сочетания обозначают действия, совершаемые с ритуальным деревом: «*Пайдём завивать веночки в рошу*» (д. Булдаково Сеченовского р-на); *запíтая дёвка, запíта дёвка, забелённая дёвка* – ‘просватанная невеста’); имеют общерусское значение, но в условиях обряда приобретают обрядовую семантику (*зада́ток, закла́д* – ‘наименование подарков, которые жених делает невесте’; *зада́тки, загу́ляное* – ‘приданое невесты’; *загове́нье* – ‘начало поста’; *заговóрка* – ‘песня, которую пели невесте’).

Приведённая лексика свидетельствует о том, что в нижегородских говорах активно используется инвентарь словообразовательных средств. Аффиксальные лексемы, мотивированные глаголами, образуются непосредственно с помощью префикса *за-* (*завы́ть загове́нье зачура́кать*), а также и другими способами: суффиксальным (*запо́й, запо́йка, запива́нье, запáивание, запíвка, заговорё́нка, засыла́ла, заруче́нка, заговóрка, зада́ток*), бессуффиксным (*за́про́с, зада́тки, закла́д*) и др.

Сопоставление с данными СРНГ показывает, что анализируемая группа лексики тесно связана как с северными говорами, так и с южными. Ярким примером служит слово *запо́й* (Сарат., Самар., Тамб., Пенз., Ряз., Тул., Орл., Калуж., Курск., Ворон., Дон., Кубан., Моск., Влад., Костром., Яросл., Твер., Арх., Вят.) [3, с. 336].

Таким образом, обрядовые лексемы с префиксом *за-*, записанные в нижегородских говорах, соотносятся с разными сторонами крестьянской жизни, объединяются в тематические группы «Лексика свадебного обряда», «Лексика погребально-поминального обряда», «Лексика календарных обрядов», способствуют более точной и образной передаче многообразных нюансов внеязыковой действительности и представляют собой широкое поле для исследования.

Список литературы

1. Никифорова О.В. Нижегородская обрядовая лексика с префиксом *вы-*: семантико-мотивационное своеобразие // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы международной конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 198-201.
2. Плахова А.А. Слова с корнем *благ-* в церковнославянском и современном русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М. 2009. 198 с.
3. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1974. Вып. 10. 388 с.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ВСТРЕЧИ

В статье суффиксальная деривация, мотивированная заимствованиями, образующая существительные, глагольные и прилагательные неологизмы, рассматривается как процесс, основанный на сосуществовании и на взаимопроникновении культур. Данные культуры взаимодействуют друг с другом и влияют друг на друга. Развитие деривационного гнезда выступает знаком развития межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: словообразование, деривация, межкультурная коммуникация, словообразовательное гнездо.

WORD FORMATION AS LANGUAGE REFLECTION OF INTERCULTURAL ENCOUNTER

The article investigates the suffixal derivation, that forms nominal, verbal and adjectival neologisms motivated by borrowings, as a process based on the coexistence and the conjunction of different cultures. Such cultures interact with each other and influence each other. The development of the derivational family of words underlines the implementation of intercultural communication.

Keywords: word formation, derivation, intercultural communication, derivational family of words.

Изучение языка народа как зеркала его культуры и подход, который исследует влияние встречи двух миров на изменения их языков, не представляют собой новизну.

Несмотря на то, что в основе вариации способов общения лежит действительно множество факторов (желание передавать информацию наиболее точным способом,^{*} экономия средств выражения, стремление к краткости и к динамичности,^{**} желание передать собеседником специфичное представление о себе или о ситуации и т.д.), один из элементов, который существенным образом действует на коммуникацию как систему и её меняет, делает её более комплексной – это взаимосвязь между культурами.

В настоящем мире эта взаимосвязь сильно развивается и, как правильно подчёркивает О.Б. Сиротинина [8], она является прямо пропорциональной сокращению дистанции между представителями разных культур, которое, в свою очередь, связано с развитием современных цифровых технологий.

Иными словами, получается своего рода алгоритм, который показывает, как встреча между культурами, взаимодействие разных языковых систем,

^{*}Это одна из причин, на основе которых часто в языках распространяются так называемые профессионализмы. Несмотря на то, что не все носители языка всегда в состоянии их понять, для экспертов данные слова являются ясными. Подр. об этом см. Сердобинцева [5; 6; 7].

^{**}См. об этом работу О.Б. Сиротининой [8].

уменьшение дистанции между людьми являются связанными между собой и влияют на быстроту развития языка как комплексной системы.* Таким образом, становится всё более очевидным, как не только система-культура, но и система-язык, с теоретической точки зрения способна функционировать самостоятельно, постоянно находить вне себя элементы, которые ей позволяют эффективно выразить новые коммуникативные потребности. Язык присваивает данные элементы и сам меняется.

Но, если, с одной стороны, этот процесс обогащает язык, отвечая на специфику современной коммуникации (например, краткость или быстрота общения), с другой стороны, он подчёркивает, как сам язык становится зеркалом комплексности, которая неизбежно вытекает из встречи между культурами.

Данная встреча влияет на коммуникацию на двух уровнях. Во-первых, на более общем уровне, который включает всё, что традиционно связывается с понятием картины мира определённого народа. Во-вторых, на более тесном уровне, который сосредотачивается на главном инструменте коммуникации, т.е. на самом языке. На обоих уровнях эта встреча создаёт новизну, изменения.

В рамках настоящей работы мы не останавливаемся на том, что происходит внутри картины мира. Здесь мы обращаем внимание на языковую сферу, в которой данная встреча трогает напрямую лексический аспект, а косвенно также грамматику. Кроме этого, взаимодействие культур проявляется на прагмалингвистическом и на социологическом уровнях.

Если с лексической точки зрения влияние иностранной культуры становится заметным благодаря появлению в целевом языке таких элементов, как заимствования и кальки, которые слушатель сразу же воспринимает, как «иностранные тела», то, что происходит на других языковых уровнях является, на первый взгляд, менее очевидным.

С грамматической точки зрения, например, при входе в русский язык некоторые иностранные лексемы приобретают категорию склонения. Некоторые другие, наоборот, не подвергаются этой особенности синтетического языка и не склоняются по отношению к морфологической категории падежа. На уровне примера ссылаемся на такие слова, как «селфи», «кафе», «кофе», «кино» и т.д. Данная специфика, ясная для филологов и лингвистов, может не привлекать внимание неспециалистов.

С социалингвистической точки зрения использование со стороны говорящего лексем иностранного происхождения (часто английского, но не только)** воспринимается как элемент, который подчёркивает определённый уро-

*Здесь мы не останавливаемся на работах о языке как «complex adaptive system» (по этому поводу ссылаемся на работы Merlini Barbaresi [16]; Larsen-Freeman, Cameron [14]; Massip-Bonet [15]). Мы только подчёркиваем общепризнанную важность влияния на каждую комплексную систему любого типа контакта не только между всеми элементами системы, но, особенно, между самой системой и тем, что является внешним по отношению к ней. В случае языка мы имеем в виду, в частности, встречу между различными культурами, чьи коммуникативные коды связываются друг с другом и влияют один на другой. Примерами этой встречи и этого влияния могут служить заимствования и процессы деривационной неологизации, рассмотренные именно как результат межкультурной коммуникации.

**В рамках моды, например, нередко встречаются слова французского происхождения, а в музыкальной и кулинарной сферах часто замечаются галлицизмы и итальянизмы.

вень профессионализма или принадлежность к специфической группе. Кроме этого, заимствования часто становятся средствами привлечения особого внимания, исходя из предположения, что всё, что является иностранным вызывает большой интерес и, иногда, очарование. «Слово также имеет психологическую функцию и, следовательно, языковое общение – это психологический опыт, в рамках которого некоторые слова оказывают более существенное влияние, чем другие».* Объясняется таким образом предпочтение для так называемых «заимствований люкса» [20] вместо лексем собственного языка.

Входя в целевой язык, заимствования приобретают то, что Итальяно называет «социо-психо-лингвистическая власть» [13, с. 33] и, соответственно, также выполняют яркую функцию с прагматической точки зрения. Их использование можно рассматривать как знак прямо пропорциональный желанию выделиться, проявить идею современности и космополитизма. Это происходит не столько через содержание, выражаемое в процессе коммуникации, сколько через формы сообщения [12, с. 49]. Использование, например, в русской речи таких лексем, как «коктейль», «а-ля-карт», «топ-менеджер», «бизнес-план», «трансформация», «финиш», «спонсор», «митинг» (со значением «собрание», а не «демонстрация») и др., привлекает внимание слушателя не столько из-за значения данных слов, сколько из-за международного нюанса, который они передают говорящему.

Эта языковая смесь, которая является результатом неизбежного на сегодняшний день взаимодействия культур, составляет фундаментальный аспект межкультурной коммуникации. Именно межкультурная коммуникация** представляет собой основную цель, к которой стремится человек в процессе его адаптации к окружающему миру [21].

В рамках языковой сферы эта адаптация происходит как через уже упомянутые заимствования и кальки, так и благодаря процессу деривационной неологизации.

В этом процессе иностранная лексема, которая вошла в целевой язык (русский) как заимствование, сливается с морфологическими маркерами, которые сам язык использует, чтобы образовать разные части речи на основе определённой мотивирующей базы. Таким образом, словообразование становится инструментом слияния и культурно-языковой ассимиляции.

Целевая культура принимает определённое понятие или определённую лексему, родившиеся вне её, чтобы заполнить концептуальную или семантическую пустоту, или, как подчёркивали в отношении люксовых заимствований, чтобы ответить на коммуникативные требования, связанные с областью социолингвистики, психолингвистики и прагматики. За этой фазой заимствования иностранной лексемы, в которой замечается настоящая амплификация использования данного слова в целевом языке, следует другая фаза. В ней новая лексема становится, в свою очередь, мотивирующей основой неологизмов, кото-

*“La parola ha anche una funzione psicologica, e di conseguenza la comunicazione linguistica è un’esperienza psicologica, dove alcune parole hanno un impatto maggiore di altre” [12, с. 48]. Перевод с итальянского языка на русский принадлежит автору настоящей статьи.

** Говоря о межкультурной коммуникации ссылаемся на: Trager & Hall [21]; Тер-Минасова [9]; Куликова [3]; Дэзидэма, Будаева [2]; Гузикова, Фофанова [1].

рые рождаются благодаря развитию словообразовательной цепочки.* Этот процесс показывает не только встречу между культурами, но и вход одной культуры в другую. Также нельзя говорить просто о преобладании одной культуры над другой. Здесь речь идёт о сосуществовании и о совместном развитии культур.

Таким образом осуществляется полная адаптация иностранной лексики к характеристикам целевого языка, происходит настоящее слияние лингвокультурного характера: целевой язык приветствует иностранную лексику, признаёт её как базу для собственного развития и полностью включает её в собственное функционирование. Поэтому, данное приобретение иностранной лексики, широкий спектр действия, который за ней признаётся в рамках целевого языка, и влияние, которое она оказывает на данный язык с одной стороны, и, с другой стороны, процесс полной ассимиляции заимствования показывают, как фактически межкультурная коммуникация отражается в словообразовании.

Один инструмент, который, по нашему мнению, подчёркивает роль словообразования в процессе слияния языков и, косвенно, культур – это словообразовательное гнездо.

В одном нашем исследовании о развитии деривационной неологизации, исходя из англицизмов, которые являются типичными для Интернета и для ИТ технологий («гугл», «фаерфокс», «фотошоп», «ютуб», «пейнт», «автокад», «ватсап», «зум» и т.д.), выяснилось, что лексемы, обозначающие программы или инструменты, более широко используемые в русскоязычной среде, имеют структурированное гнездо в отношении как к существительной, так и к глагольной и к прилагательной сферам. Неологизмы, мотивированные этими основами и созданные, например, благодаря суффиксальной деривации, также способствуют развитию более высокого количества семантических возможностей, которые позволяют использовать их в большом числе различных контекстов. Поясним сказанное.

Такое существительное как «фотошоп», например, может мотивировать другие существительные, которые выражают действующее лицо («фотошопер», «фотошопист», «фотошопник», «фотошопщик» и др.). Оно может передавать и понятие с ним связанного действия через использование существительных, мотивированных существительными («фотошопирование», «фотошопление», «фотошопство», «фотошопинг» и др.) и глаголами («фотошопить»). Нередко такой же деривационный неологизм может появиться и в контекстах, в которых он выражает разную семантику. Это происходит в нижеследующих примерах №1 и 2.**

Требуется на постоянную работу фотошопник дизайнер, мастер своего дела в техническом плане и дизайнерском, мой телефон...

Вечером выкладываю свои фоточки на фотошопник и даю вам всем ссылочку на обозрение). Там, конечно, ничего такого уж особенного ...

*Этот процесс, который в другой работе мы рассматривали как второй этап приобретения иностранной лексики целевым языком [17; 18], описывается также как укоренение. Об этом см. Фазылова [11].

**Уточняем, что все примеры, использованные в рамках настоящей статьи, взяты из русскоязычного Интернета.

В первом примере лексема «фотошопник» обозначает действующее лицо; во втором – место, т.е. своего рода вместилище.

Существительный неологизм, мотивированный в свою очередь существительным, может выражать и понятие результата действия. Применительно к лексеме «фотошоп», которую мы взяли в качестве примера, в этой семантической сфере (результат действия) можно также найти неологизмы, уже использованные со значением действующего лица и действия.

В связи с этим, исследование, проведённое на группе из ста носителей русского языка,^{*} показало, как в контексте «Красиво. Объёмно... Разводы волнообразные – это _____, да?...» можно встретить лексемы, как «фотошопаж», так и «фотошопенье» и «фотошопинг».

Деривационная неологизация позволяет выразить и идею понятия, благодаря приобретению суффикса «-изм» со стороны мотивирующей основы (см. «фотошопизм»).

Если анализ деривационных возможностей мотивирующей лексемы сосредоточивается на других основах такой же семантической сферы (сети и ИТ технологий), которые также вошли в русский язык из английского, замечается, как неологизмы, происходящие из более распространенных слов, выражают больше значений. Обратим внимание на слово «гугл». Неологизмы, которые происходят из него, кроме семантических возможностей, которые мы уже указывали, говоря о «фотошопе» (действующее лицо, действие, результат, понятие),^{*} могут выражать также инструмент действия и пространство, связанное с действием. С этой точки зрения, являются показательными следующие примеры.

Вполне нормальное явление... это значит, что гугляка ценит твой сайт.

Я тоже раньше любил больше Яшку, но по моим замечаниям... Гуглянка лучше ищет.

Гугляж помог найти только за деньги и только в одном месте...

Забей мой ник в гугляк! Что непонятного?

В контекстах №3, 4 и 5 деривационные неологизмы передают семантику инструмента, с которым совершается действие, связанное с мотивирующей базой. В последнем контексте (№ 6), наоборот, неологизм означает место, пространство, ограниченную территорию. В обоих случаях возможности суффиксации, которые создают новые лексемы, разные.

Первые три контекста, о которых говорили, используют с той же семантикой «гугляка», «гуглянка» и «гугляж»,^{**} а в отношении к последнему примеру носители языка, которых мы попросили вставить деривационный неологизм вместо «гугляк», предложили использовать «гуглер», «гуглон» и другие неологизмы.

Несмотря на то, что на первый взгляд этот феномен деривационной синонимии может показаться основанным на случайности и на хаосе, на самом деле,

^{*}О данном исследовании см. Параккини [4].

^{**}В настоящей статье мы предлагаем только эти контексты в качестве примера. Несмотря на это, наше исследование о суффиксальной деривации показало, что вопрос о деривационной синонимии в рамках неологизации является очень распространенным. В данной синонимии, являющейся одним из элементов, на которых неизбежно основана комплексность языковой системы, можно найти некоторые характерные закономерности [18, с. 4].

даже не отрицая креативной свободы говорящего, он показывает некоторые регулярности. На уровне примера, в отношении существительной неологизации, основанной на суффиксации, подчёркиваем предпочтение суффиксов «-ист» и «-ник» вместо «-ер», чтобы указать пользователя программы в профессиональной сфере (в данном случае вместо «экселер» используются «экселист» и «эксельник»).* Подобный феномен замечается также по отношению к глагольной сфере: одни и те же основы мотивируют неологизмы на «-ировать», а не на «-ить» в том случае, когда новое слово используется в контексте, из которого возникают нюансы, связанные с профессионально-техническими навыками [19]. Подчёркнутое подтверждает и в рамках деривационной неологизации способность языка к самоорганизации, типичной характеристике комплексных систем. Языковая система демонстрирует, как она готова принимать иностранную лексему и включить её в качестве мотивирующей основы в широкий диапазон контекстов. Потенциально она позволяет данной лексеме соединиться со всеми морфологическими вариантами, активными в суффиксальном словообразовании, но в то же время даёт ей возможность создать своё собственное пространство, которое конкретизируется на основе появления регулярностей. Это представляет собой дополнительный пример слияния открытости языка и активности включения в свою систему иностранных элементов.

Широкое распространение мотивирующей базы «гугл», о которой мы упоминали выше, также позволяет ей внести в русский язык целый набор неологизмов, основанных на их слиянии с другими лексемами как русского, так и иностранного происхождения (в основном речь идёт об английском происхождении). Примером являются «гугломир», «гугландия», «гугломания», «гугломэн», «гуглтайм», «гугл-серч» и др.

С одной стороны, это дополнительный знак интеграции мотивирующей лексемы в целевой язык и, с другой стороны, это показывает, как широкое распространение иностранного заимствования может действовать в качестве «тройского коня» в отношении проникновения в язык других неологических форм. Проясним.

Слова как, например, «гугломир» являются дополнительным словообразовательным способом, который не действует, ссылаясь на суффиксацию, а соединяет иностранное слово с местным. Неологизация происходит на основе не столько морфологической,** сколько семантической логики.

*Подроб. об этом см. Paracchini [18].

**По этому поводу считаем необходимым одно уточнение. Это верно, что в нормативном русском языке суффиксальная деривация основана на взаимопроникновении морфологии и семантики, так как каждый суффикс несёт в себе точные смысловые оттенки. Однако применительно к материалам нашей работы данный аспект исчезает, поскольку теряется смысловая однозначность самого суффикса. В рамках настоящего исследования мы встретили много контекстов, которые показывают развитие феномена. Ссылаемся на некоторые из них в качестве примера: «Муж у меня автокадери тридэшник», «Мне нужно, чтобы потом в автокадер была возможность работать, он потом корректно в автокад импортируется?», «Беглый гуглятор не нашел у девайса опции соединения», «Вы – гуглятор? Приятно познакомиться». Анализ первых двух примеров показывает, как можно использовать лексему «автокадер», чтобы выразить значение и одушевлённого лица, и инструмента. Третий и четвёртый примеры передают такое же значение в отношении к лексеме «гугл», но в данном случае неологизм формируется при помощи суффикса «-тор». О вопросе деривационной омонимии см. Paracchini [18].

Семантический элемент, точнее интенсивность семантического элемента, играет важную роль также в случае неологизации, основанной на соединении двух иностранных лексем. В рассматриваемых нами случаях неологизм, образованный заимствованием английского происхождения, приобретает более высокую выразительность, более яркую семантическую силу, если соединяется с другим англицизмом (а не с русским словом, которое выражает такое же значение). Иными словами, мотивирующий англицизм ведет в целевой язык (в русский в нашем случае) другой англицизм, который, объединяясь с первым, еще больше привлекает внимание к неологизму. С семантической точки зрения, например, «гугл-серч» и «гуглтайм» являются более привлекательными, чем варианты «поиск в гугле» или «время гугла» / «время, когда привычка искать информацию в гугле является очень распространенной».

Процесс соединения мотивирующей базы с другим англицизмом, широко распространенный для «гугла» (и показательный тоже для слова «яндекс» несмотря на то, что оно не является мотивирующей базой английского происхождения*), является, наоборот, гораздо более ограниченным, иногда нулевым, в отношении к другим основам, которые рассматривали в настоящем исследовании.

На наш взгляд, вышесказанное представляет собой материал, подтверждающий, что чем больше элемент одной культуры распространяется за её пределы, тем больше язык целевой культуры, которая его принимает, включает его в контексты, выражающие разные значения,** используя различные процессы (например, морфологические или семантические).

По поводу процесса формирования неологизмов на основе соединения двух иностранных лексем считаем необходимым сделать одно уточнение: понимание данных неологизмов может являться более трудным, чем понимание новых слов, рождённых от деривации. Здесь мы не ссылаемся на мотивирующие основы, которые происходят от заимствований, неизвестных неспециалистам. Мы сосредоточимся на иностранных основах, которые являются распространёнными и широко используемыми.

Например, в случае суффиксальной деривации (но не только) несмотря на то, что присутствует иностранный элемент, который мотивирует новое слово, совместные морфологическое и семантическое действия суффикса целевого языка способствуют пониманию вновь образованной лексемы. Напротив, использование иностранной лексемы, которая присоединяется к мотивирующей базе, может представлять собой барьер и препятствовать пониманию, если её значение неизвестно слушателю.

Например, во фразе №7 неологизм «гугляж» означает поиск, который совершается с инструментом, названным мотивирующим словом («гугл»). Замена

*Считаем разумно предполагать, что говорящий применяет такой же процесс и в отношении к лексеме «яндекс» на основе параллелизма с «гуглом».

** На уровне примера подчёркиваем, как мотивирующая основа «автокад» (распространённая, но не так как «гугл») образует существительные неологизмы только в рамках двух семантических сфер (лицо и территория / место). Наоборот, «гугл» мотивирует деривационные неологизмы, передающие большее количество значений (лицо, действие, результат, понятие, территория).

этого неологизма словом «гугл-серч»^{*} усложняла бы процесс понимания для тех, кто не знаком со значением английской лексемы «search».

Как показывает глубокий гугляж, выпускающих одежду 'больших размеров' стало значительно больше.

Таким образом, понятно, как также на языковом уровне бывают случаи, в которых, особенно с лексической точки зрения, встреча между культурами может привести к возникновению конфликтных ситуаций, т.е. к отсутствию ясности и понимания [9]. Процесс словообразования показывает, как именно на лексическом уровне можно ограничить этот конфликт. Это происходит, когда все лингвистические компоненты действуют одновременно в формировании деривационного неологизма. Подчеркивается, таким образом, важность слияния между семантическими, морфологическими, социолингвистическими и психолингвистическими аспектами языка: целевой язык принимает заимствование, морфологическое и семантическое значения суффикса влияют на само заимствование и помогают понимать образованный от него неологизм, говорящий выбирает определённый неологизм для того, чтобы передать в коммуникации специфичные нюансы (например, желание привлечь внимание, продемонстрировать навыки и т.д.).

В связи с этим, можно сказать, что словообразование становится проявлением языковой комплексности, которая, основываясь на слиянии различных уровней и элементов, способствует межкультурной коммуникации.

Поэтому, язык не только выражает встречу между культурами. Через его механизмы он также способствует этой встрече, делает её более понятной и, нередко, более эффективной в отношении экономии средств выражения. С этой точки зрения деривационные процессы являются показательными.

Как уже сказано, словообразовательное гнездо рассмотренных нами неологизмов развивается и в отношении глаголов и прилагательных (в этой работе речь всегда идёт о неологизмах, мотивированных существительными). Какое значение приобретает данный процесс с точки зрения отношения между словообразованием и межкультурной коммуникацией?

Подчеркиваем, что также для глагольных и прилагательных сфер различные суффиксы могут присоединяться к одной и той же мотивирующей основе. Таким образом создаются и в этом случае формы деривационной синонимии («гуглить», «гуглировать», «гуглеть», «гуглать», «гуглничать» и т.д.). И также в этом случае можно наблюдать некоторые закономерности, как мы уже сказали, в отношении к деривационной неологизации существительного типа.

Не будем останавливаться на данных закономерностях, их мы уже рассматривали в рамках другого исследования.** Здесь мы обращаем внимание на то, что, развиваясь не только в сторону существительных, но и в сторону глаголов и прилагательных, сам язык способствует развитию дополнительной ступеньки на уровне межкультурной коммуникации.

* Вариант «гугл-серч» был указан некоторыми носителями русского языка, отвечая на опрос, проведенный с целью изучения склонности в рамках определённых предложенных контекстов к словообразовательной неологизации.

** Об этом см. Paracchini [19].

С нашей точки зрения, этот процесс приобретает различные значения.

Во-первых, это дополнительное подтверждение того, что заимствования очень чётко влияют на коммуникацию, выступая в форме различных частей речи (существительные, глаголы, прилагательные). Выражения, как «пошла ютубить клип» и «действует как мягкий ВВ-крем: выравнивает тон, фотошопит мелкие изъяны (морщинки, неровности, поры), эффективно увлажняет и надолго матирует кожу» являются более выразительными, чем, например, «загрузить клип на ютуб» и «корректировать / исправлять / спрятать мелкие изъяны».

Во-вторых, этот процесс увеличивает семантические возможности заимствования. Сказанное можно заметить в следующих примерах.

Дело в том, что я периодически гуглю Интернет-пространство.

Ворд не вордит, эксель не экселит, ... винда не виндит.

Но фотошопировать торты, конечно, нежелательно. Это уже фикция получается.

Фотошопный идеал – мы смотрим на себя через фильтры и начинаем верить...

Гуглированный перевод иной раз сам перевода требует.

В контексте № 8 глагольный неологизм («гуглить») приобретает значение «проверять». В примере № 9, наоборот, такой же деривационный суффикс действует так, чтобы глагольные неологизмы заменяли лексему «работать» нормированного языка. «Фотошопировать» контекста № 10 означает «исправлять / делать более красиво, используя фотошоп». Идея совершенства как элемент, который связан с использованием фотошопа, также вытекает из прилагательного неологизма «фотошопный» контекста №11. «Гуглированный» в примере № 12, наоборот, выражает значение низкого качества.

Всё данные варианты, действительно, предлагают межкультурной коммуникации больше выразительности.

Об обширной экспрессивности, неизбежно связанной с развитием межкультурной коммуникации, можно также говорить, рассматривая многочисленные каламбуры и ссылки на элементы русской культуры, которые формируются с помощью неологизмов, рассмотренных в настоящей работе. Русскоязычная сеть очень богата контекстами этого типа. На уровне примера указываем на некоторые.

Да Гугл его знает!

Семь раз отгугли, один раз закругли.

Свет мой, гугольщик! Скажи, да всю правду доложи, кто на свете всех милее...

Гугляк гугляка круглит издалека.

Во всех четырёх предложенных контекстах неологизм (существительного или глагольного типа), образованный на основе английского заимствования, напоминает выражения и пословицы русского языка и русской культуры.*

* «Да, Бог его знает!», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Свет мой, зеркальце! Скажи, да всю правду доложи, я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?», «Дурак дурака видит издалека».

Этот процесс дополнительно подтверждает, что язык, мышление, культура и картина мира являются тесно связанными друг с другом и функционируют совместно в одном единстве [2]. Это значит, что «язык является не простым зеркалом, автоматически отражающим все окружающее, а призмой, через которую смотрят на мир...» [2, с. 90].

Если язык был бы просто зеркалом, он ограничился бы использованием заимствований. Тот факт, что эти заимствования включаются в язык, который их модифицирует, трансформирует и использует, как будто были изначально собственные слова, показывает, как данное сосуществование культур превращается в общепринятое взаимопроникновение культур.

Подведём итоги. Именно это взаимопроникновение культур на разных уровнях отражается в рассмотренных процессах словообразования.

Целевой язык использует характерные для себя инструменты, чтобы полностью включить в собственную культуру элементы и понятия иностранного происхождения. При этом он акцептирует возможность, что данные элементы могут влиять на него с семантической, грамматической, социолингвистической и прагматической точек зрения. Развитие деривационного гнезда неологизмов на разных уровнях показывает, как в определённой культуре элементы иностранного происхождения могут иметь большой резонанс. Это факт, который отражает выигрышное развитие межкультурной коммуникации. Это потому, что в данных случаях слово не только указывает на специфичный объект; оно подчёркивает усиленное отражение, которое иностранный говорящий придаёт ему в рамках другого языка и другой культуры. Кроме этого, приобретение деривационных неологизмов в контекстах, которые прямо относятся к русским реалиям, * не только подчёркивает идею соединения культурных элементов разного происхождения, а также подтверждает ассимиляцию и заимствования, и всего процесса его концептуализации: таким образом новое слово принимается не только на языковом, но и на культурологическом уровнях.

Список литературы

1. Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 124 с.
2. Дэцидэма, Будаева С.В. Письменный язык в межкультурной коммуникации // Гуманизация образования. 2014. №5. С.87-95.
3. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты (на материале русской и немецкой лингвокультур): монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
4. Параккини Л. Лексика сети как отражение языковой комплексности: монография. СПб.: Политех-пресс, 2021. 178 с.
5. Сердобинцева Е.Н. Вербальная сегментация действительности в профессиональной лексике русских говоров // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивно: межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 75-летию профессора П.А. Леканта. М.: МГОУ, 2007. С.361-364.

* Здесь мы используем слово «реалия» в его самом широком семантическом значении, т.е. имеем в виду любой элемент, который может служить ссылкой, в данном случае, на русский язык и на русскую культуру (например, идиомы, пословицы и т.д.).

6. Сердобинцева Е.Н. Профессиональная лексика как отражение системы ценностей русского народа (на примере профессиональной лексики русских говоров) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. №1. С.30-35.
7. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27(7). С. 396-401.
8. Сиротинина О.Б. Динамизм процессов в современной русской речи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. №3-2(22). С. 9-14.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: монография. М.: Слово, 2000. 624 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и культура // Вестник культурологии. 2002. №2. С. 101-104.
11. Фазылова Н.А. Функциональные особенности новой экономической терминологии в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ 2002-2007 годов): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 221с.
12. Grochowska A. La pastasciutta non è più trendy? Anglicismi di lusso nell'italiano contemporaneo [Electronic Resource] // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin. 2010. Vol.XXVIII. Z.2. Sectio FF. P. 43-59. http://dlibra.umcs.lublin.pl/Content/21697/czas17868_28_2_2010_3.pdf (дата обращения: 04.10.2021).
13. Italiano G. Parole a buon rendere: ovvero l'invasione dei termini anglo-americani. Fiesole: Cadmo, 1999. 140 p.
14. Larsen-Freeman D., Cameron L. Complex systems and applied linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. 287 p.
15. Massip-Bonet À. Language as a Complex Adaptive System: Towards an Integrative Linguistics // Massip-Bonet À., Bastardas Boada A. (eds.), Complexity Perspectives on Language, Communication and Society. Understanding Complex Systems. Berlin, Heidelberg: Springer, 2013. P. 35-60.
16. Merlini Barbaresi L. Towards a theory of text complexity // Merlini Barbaresi L. (eds.), Complexity in Language and Text. Pisa: PLUS, 2003. P. 23-66.
17. Paracchini L. I processi attivi nella derivazione su materiale della lingua russa di internet. I sostantivi con significato di oggetto o fenomeno creati da base sostantivale + suffissazione // Lingue e Linguaggi. 2018. №26. P. 281-306.
18. Paracchini L. Sinonimia e omonimia derivazionali nel russo della rete // ACME, Annali della Facoltà di Studi Umanistici dell'Università degli Studi di Milano. №1(LXXI). Milano: Ledizioni, 2019. P. 297-317.
19. Paracchini L. I meccanismi di suffissazione relativi alla formazione dei verbi nella lingua russa di Internet // Krapova I., Nistratova S., Ruvoletto L. (eds.) Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca "Studi e ricerche". №20. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2019. P. 389-409.
20. Tappolet E. Die alemannischen Lehnwörter in den Mundarten der französischen Schweiz: kulturhistorisch-linguistische Untersuchung. Vol.1. Straßburg: Trübner, 1913. 103p.
21. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A model and analysis // Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. №3. P. 137-149.

Е.В. Огольцева

E.V. Ogoltseva

Московский педагогический государственный
университет (Москва, Россия)

Moscow State Pedagogical University, Moscow

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ- НАИМЕНОВАНИЙ ВОДОПЛАВАЮЩИХ ПТИЦ: РЕАЛЬНОЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ

Статья посвящена малоисследованному аспекту анализа словообразовательного гнезда – его потенциальности. Автор показывает, что эта проблема может быть адекватно исследована посредством сопоставления гнезд с исходными словами, входящими в одну лексико-семантическую группу. Выявляются факторы, способствующие высокой степени потенциальности словообразовательного гнезда. Подвергаются анализу причины низкой и, наоборот, высокой коммуникативной востребованности тех или иных производных в составе гнезда.

Ключевые слова: словообразовательный словарь, словообразовательное гнездо, потенциальность, дериват, компаративное значение.

WORD-FORMING FAMILIES OF NOUNS-NAMES OF WATERFOWL: REAL AND POTENTIAL

The article is devoted to a little-studied aspect of the analysis of the word-formation family – its potentiality. The author shows that this problem can be adequately investigated by comparing the families with the original words belonging to the same lexico-semantic group. The factors contributing to the high degree of potentiality of the word-formation family are revealed. The reasons for the low and, conversely, high communicative demand for certain derivatives in the family are analyzed.

Keywords: word-formative dictionary, word-formative family, potentiality, derivative, comparative meaning.

Словообразовательный словарь русского языка А.Н. Тихонова, бесспорно, выдающееся достижение лексикографии XX века, явившееся закономерным результатом научной деятельности как самого Александра Николаевича, так и других дериватологов, его непосредственных предшественников и современников: Е.А. Земской, В.Н. Немченко, Н.А. Янко-Триницкой, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, А.Г. Лыкова, Г.С. Зенкова и мн.др. Ступенчатый характер русского словообразования, роль внутренней формы в сохранении семантического единства гнезда, направление производности, словообразовательная омонимия, синонимия и антонимия, множественность мотивации, валентность аффиксов, свободные и связанные корни, интерфиксация и другие способы «приспособления» форманта к производящей базе, аффиксоиды, сложные взаимоотношения слово- и формообразования – далеко не полный перечень тех актуальных, подчас дискуссионных проблем, которые в этом словаре нашли вполне убедительное решение. Общеизвестно, что словарь А.Н. Тихонова выполнен с позиций

синхронии: система русского словообразования представлена в нём такой, какой она «является» современному носителю русского языка.

Мы в своей статье попытаемся показать ещё один аспект анализа словообразовательного материала, который вытекает непосредственно из концепции Словообразовательного словаря русского языка А.Н. Тихонова. Это прежде всего проблема словообразовательной потенциальности гнёзд [4] и неразрывно с нею связанный вопрос о широте и характере употребления тех или иных дериватов – представителей одного гнезда. В качестве исследуемого материала мы выбрали три словообразовательных гнезда с вершинами «утка», «гусь» и «лебедь» – представителями одной лексико-семантической группы.

Следует отметить стремление А.Н. Тихонова как можно более полно отразить структуру словообразовательного гнезда. Эта особенность связана именно с системным подходом, при котором на первом плане оказывается демонстрация **возможностей** словообразования от одной производящей основы – как «реальных», т.е. реализованных на уровне лексики, так и «потенциальных». Вот что писал о системности как основополагающем компоненте концепции словаря А.Н. Тихонова другой выдающийся дериватолог, А.И. Моисеев: «Представленная в словаре интерпретация их (корневых слов – Е.О.) объясняется, видимо, стремлением автора строго выдержать синхронный подход к материалу. Синхронность оказалась, кажется, не просто строгой, а обострённой и бескомпромиссной» [2, с. 125]. В этом плане анализируемый словарь представляет собой уникальный источник сведений о закономерностях словообразовательных связей слов на уровне синхронии. Так, в гнезде *гусь* в словаре А.Н. Тихонова более 20 слов: существительные *гусёк, гусак, гусачок, гусыня, гуска, гусёнок, гусёныш, гусятина, гусятинка, гусятник, гусятница, гусятня, гусарня, гусевод, гусеводство, гусиные*; прилагательные *гусачий, гусачный, гусиный, гусячий, гусеводческий*; наречия *гуськом, гусем* [9, т. 1, с. 266]. Примечательно, что в другом авторитетном лексикографическом источнике – Толковом словообразовательном словаре русского языка И.А. Ширшова [10, с. 251] – аналогичное гнездо содержит всего 7 слов: *гусак, гусем, гусёнок, гусиный, гуськом, гусятник, гусятница*. Автор этого словаря помещает в рамках одной статьи слова, непосредственно образованные от существительного «гусь», т.е. находящиеся на одной ступени производства (члены одной словообразовательной парадигмы). Такое количественное различие отражает качественно разные подходы двух лексикографов к понятию «гнездо»: А.Н. Тихонов отражает все потенциально возможные словообразовательные связи, а И.А. Ширшов – только актуальные в коммуникативном плане, помещая в статье достаточно широко употребляющиеся в современной речи слова. В первом словаре последовательно отражена идея об иерархическом строении словообразования, во втором акцент сделан на реальных исторических связях слов, подчас далеко разошедшихся в лексическом плане.

Сразу отметим, что в гнезде существительного «гусь» (см. словарь А.Н. Тихонова) нашли отражение слова, которые употребляются чрезвычайно редко, принадлежат к узкоспециальной сфере либо явно устарели. Анализ ча-

стотности употребления дериватов этого гнезда с использованием данных Национального корпуса русского языка показал, что такие слова, как *гусачок, гусачий, гусачный, гусёныш, гусарня, гусевод, гусеводство, гусеводческий* встречаются в единичных контекстах (от одного до пяти примеров). Относительно много фрагментов иллюстрируют дериваты *гусыня* (70 примеров), *гусёнок* (25), *гусятина* (19).

В словообразовательное гнездо существительного «утка» А.Н. Тихонов включает существительные *уточка, утища, утенок, утеночек, утёныш, утища, утятина, утятинка, утятник, утятница, утиные, утководство, утконос, утя* (устар.), прилагательные *утячий и утиный*, наречие *по-утиному* и междометие *ути-ути* (всего около 20 дериватов) [9, т. 2, с. 295]. И вновь в сознании рядового пользователя словаря возникает отчётливое разделение гнезда на две части: слова, которые он не просто знает, но употребляет в своей речи (*уточка, утёнок, утятина, утятница*), и слова, которые он знает, но употребляет редко, либо не знает совсем (устаревшее «*утя*», «*утища*», междометие *ути-ути*, существительное *утконос*, встречающееся преимущественно в узкоспециальных текстах). Низкой степенью употребительности характеризуются производные *утёночек, утятина, утятинка, утятница* (как наименование лица).

Гнездо существительного «лебедь» явно беднее. В нём всего 7 дериватов: *лебедка, лебёдушка, лебеденок, лебедятина, лебязина, лебединый, по-лебединому, лебязий* [9, т. 1, с. 524]. При этом в Национальном корпусе русского языка мы не обнаружили примеров, которые могли бы проиллюстрировать употребление слов *лебедятина* и *лебязина*.

Представляется интересной и практически полезной задачей сопоставление лексического наполнения словообразовательных гнезд слов, принадлежащих к одной ЛСГ. Очевидно, что некоторые словообразовательные акты и реализующиеся в них деривационные значения будут аналогичными во всех трёх случаях (звездочкой отметим дериваты, которые в словаре представлены, но воспринимаются как потенциальные; двумя звездочками – прогнозируемые дериваты, отсутствующие в словаре А.Н. Тихонова, но вполне возможные в ситуации языковой игры или при их коммуникативной (прагматической) востребованности):

1) наименования детенышей: *гусёнок, утёнок, лебедёнок**; *гусёныш**, *утёныш**, *лебедёныш***;

2) наименования мяса соответствующей птицы и образованные от этих наименований деминутивы: *гусятина, утятина, лебедятина**, *лебязина***; *гусятинка, утятинка, лебедятинка***;

3) уменьшительно-ласкательные существительные и их семантические дериваты: *гусёк, уточка, лебёдушка; гуска, лебёдка*;

4) наименования самок и самцов: *гусыня, лебединя***; соответствующее образование от «утка» невозможно по морфонологическим причинам и в силу особенностей лексической семантики слова (*утка* в соотношении с мужским дериватом *селезень* воспринимается как существительное женского рода);

5) прилагательные с деривационным значением «относящийся к птице, названной производящей основой» либо «принадлежащий птице...»: *гусиный, утиный, лебединый; гусячий, утячий**, *лебедачий*** (ср. *лебяжий*, образующееся с использованием чередования на морфемном шве и с изменением производящей основы);

6) наречия с деривационным значением «подобно птице, названной производящей основой»: *по-гусиному, по-утиному, по-лебединому*;

7) наименования отрасли животноводства, занимающейся разведением птиц, и образованные от них прилагательные: *гусеводство, гусеводческий; утководство, утководческий***; *лебедеводство***, *лебедеводческий*;

8) наименования предмета посуда для приготовления птицы: *гусятница; утятница, лебедятница***;

9) наименования лиц (мужского и женского пола), занимающихся уходом за птицами (кормлением и проч.): *гусятник, гусятница; утятник*** (в словаре А.Н. Тихонова приводится омоним: *утятник* (ястреб, охотящийся на уток), *утятница; лебедятник***, *лебедятница***).

Очевидно, что более всего слов, возможных, но лексически не представленных, именно в словообразовательном гнезде «лебедь». Это, несомненно, связано как с экстралингвистическими особенностями и со спецификой референта (мясо лебедя практически редко употребляется в пищу, разведение лебедей не является отраслью животноводства и проч.), так и с лингвокультурологическими факторами, которые нельзя не учитывать при комплексном анализе словообразовательного гнезда: *лебедь* – птица, вызывающая у носителей русского языка устойчивые ассоциации с красотой тела, движений, походки женщины, с длинной изящной шеей, с преданностью, с чистотой, ослепительной белизной и т.д.). Наименования птиц таят в себе богатые возможности в плане отражения культурно обусловленных и национально своеобразных представлений людей, говорящих на одном языке. На этот факт давно обратили внимание лексикологи и фразеологи, рассматривавшие культурно обусловленные компоненты семантики номинативных единиц [1]. Пристальное внимание лингвистов самых разных научных интересов, школ, направлений к образно-символическому аспекту значения существительного-гиперонима *птица* и его многочисленных гипонимов выразилось в создании коллективной монографии [6].

Сопоставительный анализ словообразовательных гнёзд слов одной лексико-семантической группы позволяет сделать целый ряд наблюдений, значимых как в плане лингвистического прогнозирования, так и в аспекте анализа коммуникативной востребованности отдельных участков деривационного пространства, формирующегося вокруг той или иной «вершины». Более того, в совокупности с анализом текстового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка, и с данными эксперимента, этот анализ позволяет выявить факторы, оказывающие влияние на **причины** активности функционирования одних дериватов и пассивности других.

Одним из таких факторов, на наш взгляд, является развитие образно-переносных, компаративных (сравнительных) по своей сути значений как у исходного слова, так и у отдельных производных. На этот фактор указывал и сам А.Н. Тихонов: «Сложность и своеобразие семантической структуры лексического гнезда в значительной степени зависит от однозначности и многозначности исходных слов гнезда, от разветвлённости его лексических значений, <...>, от диапазона действия и степени участия их в семантической организации гнезда» [8, с. 18]. Так, анализируемые нами существительные регулярно употребляются в качестве устойчивых метафор, а также в составе компаративных фразеологизмов – устойчивых сравнений. Ср.: *как (словно, точно) гусь* ‘Шипеть. Говорить злым шепотом или сквозь зубы’; *как (словно, точно) у гуся* ‘Длинная, тонкая. О шее человека’; *как (словно, точно) у гуся (гусыни) <лапы>* ‘Красные, покрасневшие от холода. О ногах, руках человека’ [4, с. 142-143]. Существительное «гусь» употребляется «по отношению к ненадежному или плутоватому человеку (часто в сочетаниях ну и гусь, что за гусь, хорош гусь)»; широко известен и фразеологизм *гусь лапчатый* [7, т. 1, с. 359]. Соответственно, образно-компаративные значения проявляются и у прилагательного *гусиный*, причем для этого деривата диапазон признаков, которые могут выступать в качестве основания сравнения, значительно шире, чем у названных выше компаративных фразеологизмов.

В целом у прилагательного *гусиный* в НКРЯ отмечается более 365 случаев употребления, при этом оно активно реализует общеотносительное значение «относящийся/ принадлежащий (к) гусю, гусям»: *гусиный пух, гусиный хлев, гусиный помёт, гусиный клёкот, гусиный переклик, гусиный караван, гусиный треугольник*; значение «сделанный/полученный из гуся»: *гусиный жир, гусиный паишет*. Однако этот дериват активно употребляется и в образно-переносном (качественном) значении, в том числе в структуре фразеологических сочетаний: *У него длинный вязаный шарф, которым он обматывается с головы до ног и, гусиная от холода, иссиня-черная кожа*. (М.Б. Бару. Навоз божьих коровок // «Волга», 2021); *Из крахмального воротничка тянулась гусиная шея, должны побелевшие губы*. (Артём Веселый. Россия, кровью умытая); *Гусиный шаг, те же военная форма, железная дисциплина, строгое соблюдение иерархии, кастовость и профессионализм*. (О. Поляковский. Неподсуден // «Вокруг света», 2003.09.15).

Показательно, что прилагательное *гусячий* представляет разительный контраст со словом *гусиный*, несмотря на кажущуюся синонимичность этих дериватов. В НКРЯ мы обнаружили только два примера с этим прилагательным, немного их и в нашей картотеке, причём реализуется прежде всего «относительно-притяжательное», безобразное значение; ср. *гусячий деликатес* (В. Аграновский). Так же как и любое другое притяжательное прилагательное этой модели, прилагательное *гусячий* может быть употреблено и в образном значении «подобный гусю, такой, как у гуся»: *Шинелка на нем куцая, неладно так ремнем спелёнутая, а голова маленькая, гусячья, и камилавка на оттопы-*

ренных ушах – большой вроде бы немец, а какой-то не страшный. (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы). Чрезвычайно высокой частотностью употребления характеризуется наречие *гуськом*, также образное, на что указывает его колоритная внутренняя форма (более 400 вхождений).

В составе двух других гнезд прилагательное с суффиксом *-ин-* также занимает особое место. Так, исключительно широкой сочетаемостью и богатством частных словообразовательных значений характеризуется слово *утиный* (В НКРЯ около 200 случаев его употребления). Так же как и одномодельный дериват *гусиный*, оно встречается в многочисленных модификациях относительно-притяжательного значения («относящийся к утке, уткам»; «принадлежащий утке»): *утиный крик (крик, гомон), утиный гал, утиный хвост, утиный выводок (табун), утиный пух, утиный лёт (перелёт), утиный след*; в деривационном значении «сделанный из утки»: *утиное мясо, утиный паишет, утиный бульон, утиные потроха, утиная шейка, утиное крылышко*. В ряде случаев реализуется метонимическое значение: *утиная дробь, утиная охота, утиное место*.

В текстах встречаются и случаи проявления образно-компаративной семантики: *Сутулится, близорук, большой свисающий нос, оттопыренные уши, развалистая утиная походка, носками внутрь*. (Т.В. Солоневич. Записки советской разведчицы); *Что-то утиное в моём облике, но узнают сразу, а вот мама, грузинская царица в короне из обручальных колец, не похожа на себя совершенно*. (Руслан Киреев. Четвёртая осень) Очевидно, что прилагательное *утиный*, выступая в компаративном значении, соотносится с многозначным устойчивым сравнением как (словно, точно) *утка*: '1. Ходить, переваливаясь с боку на бок, с ноги на ногу, вразвалку; плыть. О женщине. <...> **уткой [утицей, уточкой]** – ходить, переваливаясь с боку на бок, плыть; 2. Плавать, нырять – хорошо, легко, ловко. О человеке. 3. Плескаться в воде. Охотно, с удовольствием купаться; 4. Прожорливый. О человеке; 5. Ирон. Умный. Глупый – о человеке' [4, с. 713-714].

Однако абсолютное первенство по частотности употребления принадлежит словосочетанию *утиный нос*, явно претендующему на статус устойчивого: *Англичанка сморщила свой утиный нос, нюхая воздух, пропитанный ароматом русских щей, горевшей в углу лампы и ещё чего-то «русского», как она определила про себя*. (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб); *В своем сером форменном костюме Ришельевской гимназии, немного мешковатый, ключик был похож на слоненка: такой же широкий лоб, такие же глубоко сидящие, почти детские глаза, ну а что касается хобота, то его не было. Был утиный нос. Впрочем, это не бросалось в глаза и не портило впечатления*. (В.П. Катаев. Алмазный мой венец).

Прилагательные *лебединый* также реализует в текстах и в разговорной речи самые разнообразные значения (общее количество контекстов – 348). Высокочастотно отвлечённое значение «относящийся к лебедю» и притяжательное значение (*лебединый прилёт, лебединый отлет, лебединый путь, лебединый*

пух, лебединое перо, лебединое становье, лебединый клик (крик), лебединое семейство (стадо) и т.п.); в ряде контекстов реализуется метонимическое значение (лебединый край, лебединый пруд, лебединое озеро).

Встречаются и вполне конкретные, преимущественно образные значения: **Лебединый** – нежный, бело-плодный, отличного вкуса, плоды цилиндрические до слабогрушевидных (Урожайная грядка // «Сельская новь», 2003.11.11); *Взяв у старосты ножницы, он подстриг и усы: стал длиннее его лебединый конопатый нос.* (И.А. Бунин. Выходы новые). Мы видим, что в качестве оснований сравнения с лебедем могут выступать совершенно разные признаки: в первом примере это белый цвет и общее впечатление нежной красоты плодов, во втором – форма носа человека (приплюснутая). Встречаются и контекстуальные значения данного прилагательного, коррелирующие с семантикой компаративного фразеологизма: *как (словно, точно) лебедь* ‘1. Белый. О судне; о стройной, породистой лошади; 2. Плыть – плавно, бесшумно. О судне. 2.2. ~ (лебедушка – нар.-поэт.). Перен. Плыть. Идти, ходить – плавно, горделиво, грациозно. О женщине. <...> лебедем (лебёдкой, лебедушкой – нар.-поэт.) – плыть’ [4, с. 312-314]. Такую соотносительность прилагательного с раздельнооформленной компаративной единицей (при отсутствии полного совпадения значений) мы наблюдаем в примерах: *И за всем тем в очертании головы и шеи Капитону Аверьянычу чудилась наследственность матери: лебединый изворот, сухой «тулиновский» профиль.* (А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги). Компаративную семантику несёт и другой дериват гнезда – наречие *по-лебединому*: *Одна из них, статная, белая, как-то по-лебединому повернула шею, прошла по мне ярко-синими глазами и отвернулась.* (И. Грекова. Дамский мастер).

Интересно, что в словообразовательном гнезде «лебедь» наряду с прилагательным *лебединый* довольно широким диапазоном значений характеризуется и дериват другой модели – *лебяжий* (95 примеров). Это прилагательное регулярно реализует общеположительное значение, преимущественно в словосочетании *лебяжий пух*. Ср. также: *лебяжье стадо, лебяжье крыло, лебяжья семья, лебяжье озеро*. Это прилагательное часто используется в качестве топонимов и в составе географических наименований. Однако самая высокая регулярность характеризует именно образно-компаративное значение «как у лебедя»: *Зыбин закрыл глаза, и в розовой мгле ему представилось что-то белое, туманное, лебяжье – тонкие руки, распущенные волосы, покрывало, вздутое ветром, – и всё это в вечернем солнце.* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Бурый в масле, большого роста, широкий, ноги плотные, шея лебяжья с зарезом, голова небольшая, уши вострые, глаза навывкате, <...> хвост и грива жестковаты, но в остальном не уступят и самому Тромпетеру.* (А.В. Чаянов. Юлия, или Встречи под Новодевичьим); *Много рассказывать нечего, а только как в сказках говорится: очи ясные, уста алые, грудь лебяжья, косы что трубы, голосок соловьиный.* (Б.А. Садовской. Под Павловым щитом).

Таким образом, на степень употребительности дериватов одного словообразовательного гнезда оказывают влияние такие факторы, как актуальность того или иного референта для языкового коллектива и, как следствие, коммуникативная востребованность номинации; частеречная принадлежность деривата; степень продуктивности словообразовательной модели; культурная значимость исходных слов, «антропоцентрическая» направленность их вторичных значений, широкое их использование в компаративных структурах разных типов.

В рамках трёх проанализированных нами словообразовательных гнезд наряду с существительными – наименованиями самок и детенышей весьма активны имена прилагательные и наречия; последние составляют своего рода структурно-семантическое ядро гнезда в силу богатства их семантической структуры и, как следствие, актуальности для носителей русского языка.

Сопоставление гнезд, вершины которых принадлежат к одной лексико-семантической группе, даёт возможность выявить как реальные, так и потенциально возможные словообразовательные связи, проанализировать потенциальные слова а) устаревшие или постепенно утрачивающие актуальность и б) ещё не получившие широкого употребления, но «готовые» к лексической реализации при первой же коммуникативной потребности.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С. 89-98.
2. Моисеев А.И. Выдающийся труд, сделанный на века // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: М-во Просвещения УзССР, Ташкент. гос. пед ин-т им. Низами, 1989. С. 124-125.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: Русские словари, 2001. 800 с.
5. Огольцева Е.В. Аспекты изучения потенциальности словообразовательной модели // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: межвуз. сб. науч. трудов. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2001. С. 121-128.
6. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: коллективная монография. М.: Книгодел, 2019. 504 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984. 2984 с.
8. Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации лексики: Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1969. 139 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Ок. 145000 слов. М.: Русский язык, 1985. 1742 с.
10. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: Астрель, 2004. 1022 с.

И.В. Попова
I.V. Popova
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
(Орёл, Россия)
I.S. Turgenev Orel State University, Orel

НЕОЛЕКСЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ)

Данная статья посвящена изучению проблем словообразования и функционирования новой лексики – неолексем в текстах пользователей различных сайтов и интернет-платформ.

Ключевые слова: неолексем, язык интернета, способы словообразования.

NEOLEXEMS IN MODERN RUSSIAN: THE WORD-FORMATION ASPECT (BASED ON THE MATERIAL OF THE LANGUAGE INTERNET PLATFORMS)

This article is devoted to the study of the problems of word formation and functioning of a new vocabulary – neolexemes in the texts of users of various websites and Internet platforms.

Keywords: neolexems, the language of the Internet, ways of word formation.

Процесс развития языка, как и процесс познания, А.А. Потебня рассматривал как исторический. Русский язык, как и другие языки мира, находится в постоянном изменении, и ничто в нем не следует рассматривать как нечто неподвижное. Развитие языка предполагает постоянное появление в нем новых языковых единиц и форм. Современный русский язык (особенно разговорный) во многом формируется посредством создания неолексем и неофразем и их функционирования в письменных текстах на различных сайтах и интернет-платформах. В настоящей статье будут представлены наиболее частотные примеры тенденций в образовании новых слов, а также употребления их и уже известных единиц, не употребляемых ранее в подобных текстах.

Прежде всего, следует отметить примеры неолексем, образованных лексико-синтаксическим способом, то есть сращением словосочетания или предложения в единое слово, имеющее свое закрепленное в сознании носителей языка лексическое значение, например названия сайтов «ЯЖЕПОВАР», «Яже-отец», «Многомама» и др. Сюда же относятся лексем *яжемать* (И снова нет я отнюдь не *яжемать*, скорей ехидна), *яжмать* (Примерно минут через 40 раздается продолжительная трель в дверной звонок. На пороге эта *яжмать* со своим Коленькой), *ОНЖЕРЕБЕНОК* (Собрались соседи, мать и в один голос – пожалейте!! *ОНЖЕРЕБЕНОК!!*), *РЖУНЕМАГУ* (Без комментариев: *РЖУНЕ-МАГУ!* Спасибо), *явсятаякаябогатая* (А в большинстве случаев именно потому, что не дотягивает качество вашей обуви и сумок до «*явсятаякаябогатая*»), *непоймичтоснейпроизошло* (Ой, мой мастер в отпуск ушла / заболела / переехала / *непоймичтоснейпроизошло*, так мне пришлось срочно другого мастера ис-

кать...), *хреноймичего* (Просто жесьть, *хреноймичего* вторая серия. Ощущение кафе 90х) и др. (Здесь и далее орфография и пунктуация источников – И.П.).

К разновидности этой группы можно отнести словообразовательную цепочку единиц, последовательно мотивированных просторечным фонетическим вариантом *буков* (от литературного: *букв*): *многобуков* / *многобуков*, *многобуквенный*, *многобуквенно* (ну конечно...как на винегрет, так *буков* ей жалко)); Будет, наверно, *многобуков*, но очень хочется поделиться; Простите меня за очередной *многобуквенный* пост со всякими мышами и аллегориями; Спасибо огромное!!! *Многобуквенно*, но очень понятно, полезно и доходчиво, как всегда!!!).

Следующую группу составляют неолексемы, образованные по аналогии со словами *зачетка*, *маршрутка*, *попутка* и т.д., то есть представляющие собой мотивированные слова, являющиеся эквивалентами словосочетаний [1, с. 140]. К ним относится, в частности, слово *удаленка* (из *удаленная работа* / *удаленное обучение*) (Кот опрокинул сладкий кофе на ноутбук. И всё! А работать-то надо (я на *удаленке*)...; Насчет *удаленки*. Много чего перепробовал и каждый раз обжигался и что то не особо верится в это мероприятие...).

Отдельную группу составляют лексемы, образованные от мотивирующих беспрефиксальных глаголов несовершенного вида при помощи суффикса *-ун* по типу *бегун*, *прыгун*, *ворчун* и т.д [1, с. 146]: *ждун* (25 лет тоже ждала, чтобы удалить жировик на шее, *ждун* – это про нас), *верун* (А мне нравится, как эти «*веруны*» умывают руки, во всем у них провидение Божье и невмешательство). Подгруппой данной модели словообразования являются неолексемы, образованные от глаголов совершенного вида: *опоздун* (для всех «*опоздунов*» (включая меня) отличная теория!)), *понаехуны* (Срочно выезжаем!!! *Понаехуны* вперёд!!!). Однако встречаются и отыменные образования с данным суффиксом: *звездун* (Для ответа на вопрос Евы давайте отбросим заведомых халтурщиков, «*звездунов*» и плохих актёров). Следует отметить, что данные новообразования имеют негативную оценочность.

Интересную семантическую группу составляют неолексемы, образованные от глаголов *понаехать* (разг.) и *переехать* и употребляющиеся только во множественном числе: *понаехи* (Виктор, не знаю о каком особенном отношении к *понаехам* идё речь; У вас *понаехов* нет такого чувства своего дома, своей малой Родины...; Прекрасно жить у моря это не более чем миф, много людей в этом убеждались, а уж «*понаехам*» вообще туго, местные заклюют, им самим всего мало), *переехи* (А люди и их отношение к вам – это всегда зеркально. наивно полагать что отношение к «*переехам*» будет иным и это не только на юге, а везде). К этой же группе примыкает новообразование, представляющее форму причастия, мотивированное окказиональным глаголом *поухехать* (очевидно, по аналогии с *понаехать*): *поухехавшие* (*Поухехавшие*. Из Ташкента в Казань. Таблетки штучно не купишь, на дороге такси не поймаешь, и летом носишь куртку).

Активно используются также как «полноценные» лексемы фонетические просторечия: *чё* (Про цепь и кислород – это ж стёб и сарказм, *чё* вы)); Юг это

вам не Красноярск. А там *чѐ* не кидают, все правильные?), *чѐт* (Пью валерьянку. Но *чѐт* – мертвому припарка), *тока* (А советский мультик, в котором у двоешника получилось в задачке ответ 1,5 землекопа помните? Но тогда это было *тока* у двоешников, А сейчас... ((), *штоли*, *тоисть* (Ты неграмотный *штоли*? Половина восьмого часа это 7 и половина, *тоисть* 7-50!), *ТАДЫ* (ФиалкаМон-мартра, да???? А я и не знала. *ТАДЫ* все ясно(((, *патамушта* («Евгений Онегин» это автор книги, *патамушта* у книги не может быть название из имени и фамилии; От себя, в копилку: «Дождевые черви – вредители, *патамушта* жрут корнеплоды»), *шоб* (...товарищу уже чуть ли не десять человек присылали картинку циферблата, поделенного на четыре части и предлагали поделить еще и самому – *шоб* наверняка), *вААще* / *ватице* (Ксюша бьёт баклуши, а про Германию *вААще* молчу...тоска зелёная...; Мне *ватице* паралельно чо там в сибире), *чесслово* (Вот я захожу в нашу бухгалтерию, так они там все время жуют, ну как коровы, *чесслово*), *такскть* (А наутро снова есть не хочешь и можно опять до вечера прожить, нагулять аппетит *такскть*), *обисьяню* (И ещё раз *обисьяню*: ищущим счастья и благоденствия в Сочах, Питерах и прочих Масквах – во Владивостоке может и не лучше, но точно не хуже), *щас* (хоть ведро съешь, мой желудок говорит-всё, уже назад *щас* полезет) и многие другие.

Безусловно, представленные единицы лишь небольшая часть материала, который активно функционирует на различных сайтах и интернет-платформах, и этот материал требует дальнейшего исследования и отражения в современных лексикографических источниках.

Список литературы

1. Русская грамматика. В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1982. 784 с.

Л.В. Рацибурская

L.V. Ratsiburskaya

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)*

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod*

НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА С ЛЕКСИКОЙ ПАНДЕМИЙНОЙ ЭПОХИ*

В статье рассматриваются новые словообразовательные гнезда с вершинами коронавируса и ковид в структурно-семантическом и прагмалингвистическом аспектах. Особое внимание уделяется тем фрагментам словообразовательных гнезд, в которых наблюдается

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

структурно-семантический параллелизм, отражающий специфику освоения актуальных социальных реалий современным языковым сознанием.

Ключевые слова: новообразования, словообразовательное гнездо, ключевые слова, структурно-семантический аспект, прагмалингвистический аспект.

NEW WORD-FORMATION CLUSTERS WITH THE VOCABULARY OF THE PANDEMIC ERA

The article deals with new word-building clusters with the words coronavirus and Covid as tops in the structural-semantic and pragmalinguistic aspects. A special attention is paid to the fragments of word-building clusters with structural-semantic parallelism reflecting the specifics of the development of actual social realities by modern linguistic consciousness.

Keywords: neoderivatives, word-building cluster, key words, structural-semantic aspect, pragmalinguistic aspect.

Словообразовательный механизм современного русского языка откликается на полную противоречий и социальных катаклизмов российскую действительность новообразованиями, широко представленными в медийных текстах. В 2020-2021 гг. события, связанные с пандемией коронавируса, не только значительно изменили жизнь российского социума, но и способствовали активизации словотворческих процессов. В результате появилось большое количество неодериватов пандемийной тематики, которые входят в состав словообразовательных гнезд (СГ). Как отмечал в своих трудах А.Н. Тихонов, «границы гнезда подвижны. Гнезда могут пополняться новыми словами, причем за сравнительно короткий промежуток времени (десятилетия) в него могут войти десятки и даже сотни новообразований» [2, с. 36].

Новые слова либо входят в состав СГ с исходными ключевыми словами социокультурного пространства (*вирус, вакцина, пандемия, эпидемия, карантин, маска, прививка* и др.), либо становятся вершинами новых СГ. К последним относятся названия нового вируса *коронавирус* и вызванного им заболевания *ковид*. Характерно, что в СГ от исходных *коронавирус* и *ковид* наблюдается параллелизм фрагментов гнезд.

Так, значительная часть обоих гнезд представлена существительными и прилагательными с тождественными префиксами исконного и заимствованного характера: *анти-, без-, не-, против-* с семантикой отрицания, противостояния; *супер-, сверх-* с размерно-оценочной семантикой; *до-, после-, пост-* с временной семантикой. Например: *Антикоронавирус: обработка салона антисептиком проводится после каждого посетителя* (news.myseldon.com. 17.02.2021); *...в шахматном, антикоронавирусном порядке* (Россия-1 24.05.2020); *Духом не падаем и верим в неизбежное светлое и бескоронавирусное будущее* (Заполярная правда. Новости. 24.04.2020); *Как сейчас лечат тех, кто «некоронавирусный»* (avoka.do. 22.04.2020); *Британцы разработали «противокоронавирусный» спрей для носа* (vz.ru/news. 19.11.2020); *Новый антиковид* (Радио Sputnik. 10.06.2020); *Нарушение антиковидных мер* (Россия-24. 13.12.2020); *С 1 декабря 2020 года начала работать в бесковидном режиме больница 19* (Om1.ru. 26.03.2021); *Динамика по «нековидным» заболеваниям* (Российская Газета. Не-

деля. 15.07.2020); *Все пациенты <...> проходят **противоковидную** терапию* (proopen.ru. 17.04.2020); *...будь то ядерное оружие или какой-нибудь **суперкоронавирус**...* (mixednews.ru/archives/162957); *А я думал, как идеи **сверхкоронавируса** сносят башни поклонников коронавируса* (arion.ru 28.03.2020); *Объявится **суперковид 2020**, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* (narprod.com/blog/klimenkov); *Инопланетное происхождение **сверхковида** еще не рассматривали* (eva.ru/forum); *Возвращение туризма на **докоронавирусный** уровень в планах пока не значит* (Россия-24. 13.05.2020); *коррективы в облик «**послекоронавирусного мира**»* (ForPost sevastopol.su. 04.03.2020); *В **посткоронавирусном** мире все будет по-другому* (МК.RU. 17.03.2020); *«**послековидный**» офис* (intermonitor.ru. 19.04.2020); *Поведением управляют накопленные в самоизоляции страх и тревога, снижение доверия к людям и миру, обдуманное ослабление ближних и дальних связей, ставшее жестом **постковидной** культуры* (Российская газета. 17.04.2020). Указанные префиксы отражают наиболее значимые акценты в восприятии носителями языка пандемийных реалий: социальное противостояние, оценочность, крайние временные точки пандемийного пространства.

Параллелизм наблюдается и при образовании размерно-оценочных слов с помощью суффиксов *-ик, -ушк(а)*: *«слабенький, хиленький **коронавируси́к**»* (tsargrad.tv. 20.11.2020); *Вот спасибо тебе тогда будет **коронавирушка** наш – накормилец!* (fakeoff.org. 18.03.2020); *И **ковидик** по степени патогенности очень слабенький* (tsargrad.tv. 02.08.2020); *проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «**ковидушки**»* (Наша Версия. 30.07.2020). Подобные производные свидетельствуют о национальной специфике русской ментальности, для которой характерно эмоционально-оценочное отношение к реалиям окружающей действительности.

Значительная часть производных в гнездах с вершинами *коронавирус* и *ковид* представлена сложными словами. Наряду со словами, созданными с участием соединительных элементов (*коронамания, корононоситель, ковидовирус, ковидодиссидент* и многие другие), большое количество неодериватов создано без соединительных элементов по моделям агглютинативного типа: *ковид-идиотизм, ковид-больной, ковид-госпиталь, ковид-диссидент, ковид-пациент* (*Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных* // Свой Взгляд. 22-28.05.2020), *ковид-скептик (сорвать маски с **ковид-скептиков*** // НТВ 18.10.2020), *ковид-триллер (Никто не хочет повторения и продолжения **ковид-триллера*** // Российская газета. 06.11.2020) и др. Сложные существительные агглютинативного типа в гнезде с вершиной *коронавирус* представлены в основном на второй ступени деривации с исходным словом *корона*: *корона-идиотизм, коронагоспиталь, коронаскептик, коронаполис* (***Коронаполис**. Страховые компании готовы финансировать лечение от 2019-nCov* // izvestia.ru. 07.02.2020), *коронапоколение (Учиться не надо: **коронавирус же!** А потом у нас будет **коронапоколение*** // Радио «Вести FM». 29.09.2020) и др. Наличие большого количества сложных производных агглю-

тинативного типа отражает тенденцию к интернационализации в современных славянских языках.

Сходство в строении СГ с вершинами *коронавирус* и *ковид* свидетельствует о специфике отражения ситуации пандемии в русской языковой картине мира: «Язык, как своего рода выразитель соборного сознания говорящих на нем людей, не просто фиксирует новые реалии и новые смыслы, он подсказывает своим носителям путь в их интерпретации <...>, обнаруживая при этом значительный креативный и экспрессивный потенциал.

Лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации в каком-то смысле помогают носителям языка справиться с когнитивным диссонансом, пережить трудные обстоятельства, отражая, как в зеркале, все наши страхи и чаяния, боли и радости» [1, с. 73]. Это в полной мере относится и к неодериватам в новых словообразовательных гнездах с вершинами *коронавирус* и *ковид*.

Список литературы

1. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. Екатеринбург. 2021. №1. С. 63-79.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. 856 с.

Л.В. Рычкова

L.V. Rychkova

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)*

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

ELEXIFINDER КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ОТКРЫТОГО ДОСТУПА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье, целью которой является рассмотрение возможностей ELEXIFINDER как инструмента продвижения культуры открытого доступа в лексикографических исследованиях, описано современное состояние этого комплексного ресурса, его применимость в лексикографических исследованиях и лексикографической практике, а также аргументируется необходимость использования ELEXIFINDER для представления результатов работы лексикографов и формирования онлайн версий существующих словарей русского языка.

Ключевые слова: *лексикография, лексикографические исследования, открытый доступ, ресурсы для лексикографов, ELEXIFINDER.*

ELEXIFINDER AS A TOOL FOR PROMOTING OPEN ACCESS CULTURE IN LEXICOGRAPHIC RESEARCH

In the article, the purpose of which is to consider the possibilities of ELEXIFINDER as a tool for promoting the culture of open access in lexicographic research, the current state of this

complex resource, its applicability in lexicographic research and lexicographic practice are described. The possibilities to use ELEXIFINDER in order to present the results of the work of lexicographers and the online versions of the existing dictionaries of the Russian language are proved.

Keywords: *lexicography, lexicographic research, open access, resources for lexicographers, ELEXIFINDER.*

Открытый доступ к информации и знаниям является глобальной тенденцией, о чем свидетельствуют многочисленные инициативы ЮНЕСКО (см., например, [7; 8; 9]). Следует также отметить, что ЮНЕСКО были разработаны свободно доступные онлайн учебные курсы для исследователей и библиотек по проблемам открытого доступа [5; 6].

Концепция открытой науки получила статус одной из целей исследовательской и инновационной политики Европейского Союза. Данная концепция предусматривает, в частности, обязательство по обеспечению открытого доступа к результатам исследований, проводимых в рамках программы поддержки научных исследований Horizon. С целью обеспечения свободного доступа к научным результатам создан специализированный портал [4].

Одним из европейских исследовательских проектов, поддержанных в рамках программы Horizon 2020, является ELEXIS – Европейская лексикографическая инфраструктура. Основной целью этого проекта является «открытие словарей, лингвистических данных и языковых инструментов для европейских сообществ» [2] (здесь и далее перевод англоязычных цитат наш – Л.Р.). Среди множества инициатив, реализуемых в рамках данного проекта, особое место принадлежит разработке «инструмента для поиска лексикографических научных результатов» [3, с. 506], получившего название ELEXIFINDER [1].

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей ELEXIFINDER как инструмента продвижения культуры открытого доступа в лексикографических исследованиях.

Концепция данного инструмента и перспективы его разработки были впервые представлены на конференции по электронной лексикографии eLex 2019 [3]. Так, основным назначением ELEXIFINDER, по мнению разработчиков, является «облегчение обмена знаниями в лексикографическом сообществе и продвижение культуры открытого доступа в лексикографических исследованиях» [3, с. 506]. В связи с этим, как отмечают авторы, была разработана «процедура сбора и подготовки данных», включающая два этапа: «разработка метатекстовой информации и подготовка публикуемого контента» [3, с. 510].

В состав метаданных вошли заголовок публикации, ее авторы, ключевые слова (при их наличии), источник публикации: «название конференции или журнала, обычно также указывается год и / или номер выпуска» [3, с. 510]. К метаданным отнесена и такая информация, как язык публикации (для обозначения языков используются соответствующие коды ИСО); URL публикации (при отсутствии онлайн версии дается ссылка на веб-сайт издательства, на котором доступна информация об издании); дата публикации (для конференции, если нет иной даты, указывается день ее начала; для выпусков журнала, в зависимости от периодичности выхода, указывается последний день периода – месяца,

квартала и т.п.); местоположение источника – записывается как URI (унифицированный идентификатор ресурса); город, в котором находилось издательство либо проводилась конференция; местонахождение первого автора (записывается как URI города).

Подготовка контента требует перевода текстов загружаемых документов в формат txt, что влечет за собой необходимость выверки, неизбежных при конвертации ошибок. Тем не менее, перевод документов в формат txt необходим для того, чтобы их можно было использовать для корпусного анализа, требующего обращения к полным текстам.

Особенностью ELEXIFINDER является обеспечение доступа к видеопрезентациям с лексикографически релевантным содержанием. Видео сопровождается аналогичной метатекстовой информацией, а в качестве контента выступает аннотация или сопроводительный текст.

Изначально предполагалось также снабжение ELEXIFINDER дружественным интерфейсом, позволяющим осуществлять поиск контента по любым наборам метаданных, а также посредством использования наборов существующих значений для каждого из классов метаданных.

Рассмотрим современное состояние этого открытого комплексного ресурса поддержки лексикографических исследований. Для этого обратимся непосредственно к веб-странице [1]. На ней указан перечень публикаций, которые собраны и доступны для использования. Это материалы специализированных научных конференций, таких, например, как eLex (труды этой международной конференции по электронной лексикографии доступны за период с 2009 по 2019 годы), Euralex (труды конференции Европейской ассоциации лексикографии доступны за период с 1993 по 2020 годы) и Globalex (за период с 2016 по 2020 годы). Отметим, что Globalex – это инициатива, объединяющая ассоциации по лексикографии Африки, Азии, Австралии, Европы и Северной Америки. Помимо материалов конференций, в доступе находятся специализированные периодические научные журналы, коллективные монографии, учебники и руководства по вопросам лексикографии, а также видеозаписи докладов по вопросам лексикографии (на момент написания данной статьи в доступе было 86 видеозаписей).

Важно отметить желание создателей ресурса представить материалы на максимально возможном количестве языков. В базе ELEXIFINDER можно получить доступ к материалам на 20 языках: английском (3729), немецком (829), датском (436), испанском (390), шведском (362), французском (195), африкаанс (136), словенском (81), итальянском (40), португальском (12), русском (10), нидерландском (7), новогреческом (5), каталанском (4), белорусском (1), финском (1), хорватском (1) и трех разновидностях норвежского – норвежском (171), нюнорске (36), букмол (7).

Для получения доступа к материалам необходимо осуществить переход с заглавной веб-страницы к поисковой системе, обеспеченной средством визуализации в форме интерактивной карты, позволяющей получить наглядное

представление о количестве источников, размещенных в базе, с учетом их происхождения (см. рисунок 1 ниже).

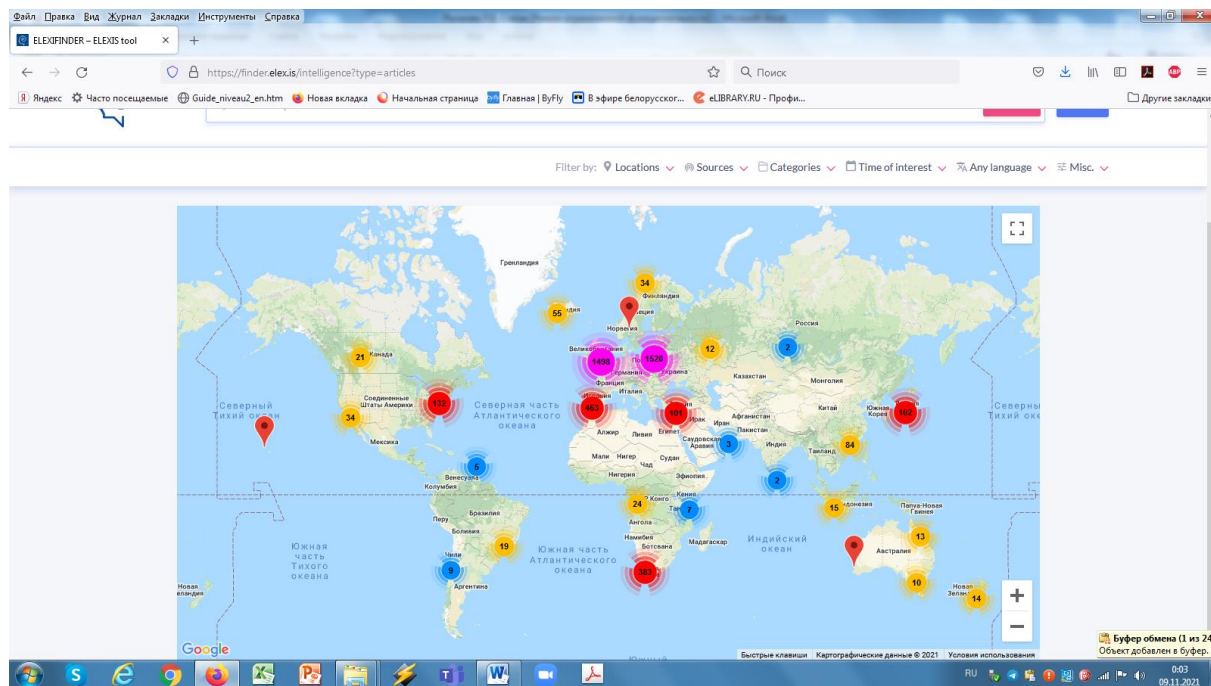

Рисунок 1. Скриншот карты, визуализирующей количество источников по регионам, включенным в базу ELEXIFINDER

Наведение курсора на определенный регион позволяет получить данные о том, в какой стране и в каком городе были изданы публикации или проходили конференции, материалы которых размещены в базе ELEXIFINDER.

При осуществлении поиска предполагается возможность использования различных фильтров (см. строку над картой, представленной на рисунке 1), а именно: «локации», «источники», «категории», «интересующее время», «язык» (существует также опция «любой язык»), а также фильтра «разное» (Misc.), в который включена возможность поиска видео или статей либо и того, и другого. Особый интерес представляет возможность поиска по определенным словам, причем это может быть как ключевое слово, указанное в публикации, так и слово, встречающееся в заголовке. Эта опция снабжена подсказками: если в окно поиска вводится часть слова (на любом языке), то при наличии слов(а) в базе, которые(ое) совпадают(ет) частично со вводимым, выпадает список соответствующих слов, поэтому уже на этапе ввода слова пользователь знает, будет ли выдача по его запросу нулевой. Это существенно экономит время.

Предусмотрены также различные формы выдач. Примеры части возможных опций выдач результатов поиска по слову *словник* представлены на рисунках 2-4 ниже.

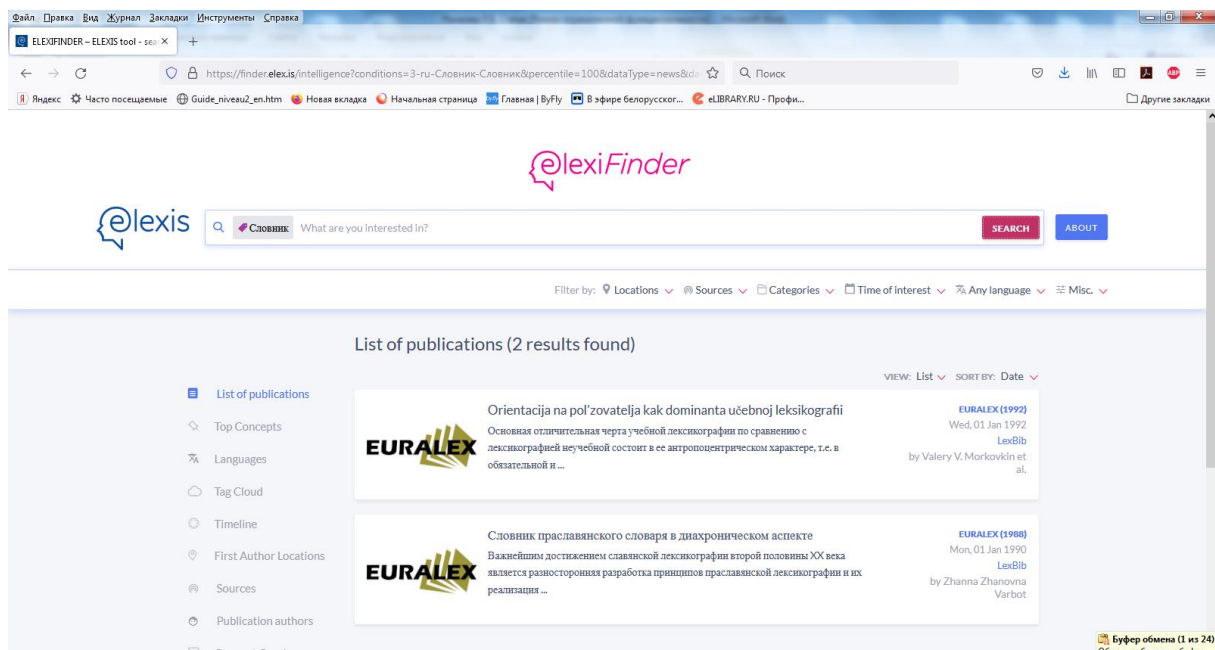

Рисунок 2. Скриншот, отражающий опцию выдачи «перечень публикаций»

В данном случае мы видим, что библиографические описания взяты из базы Lexbib, в которой наблюдается (и соответственно сохраняется в базе ELEXIFINDER) разноречивой в подаче названий русскоязычных статей: из двух статей в перечне название одной дано в оригинале, кириллицей, а другой – в транслитерации на латиницу.

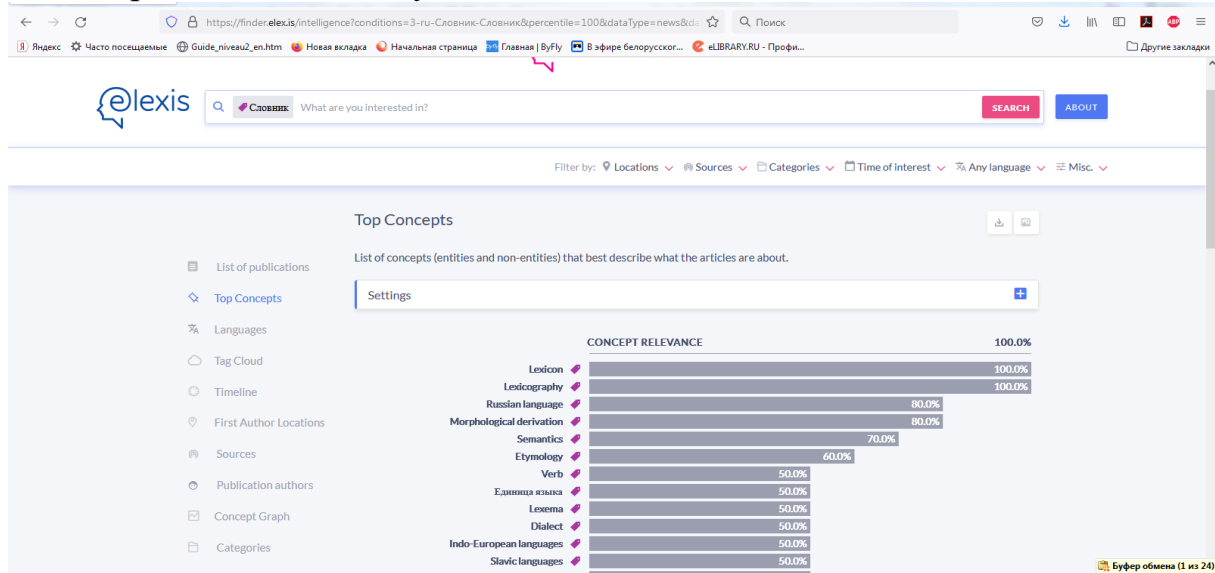

Рисунок 3. Скриншот, отражающий фрагмент выдачи, опция «топовые концепты»

Номинации концептов в выдаче есть как на русском, так и на английском языках, и все они могут выступать как ключевые слова для поиска дополнительных источников.

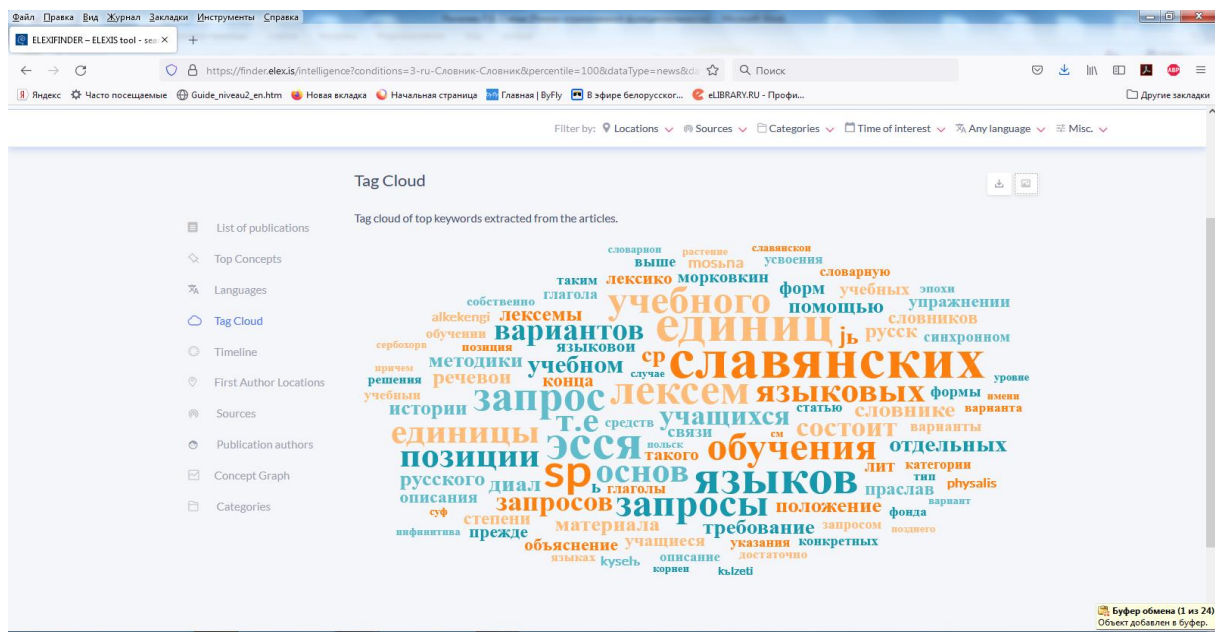

Рисунок 4. Скриншот, отражающий опцию выдачи «облако тегов»

Комбинации различных опций выдач позволяют получить максимально возможную информацию. Тем не менее, следует отметить, что опции поиска в базе ELEXIFINDER еще требуют доработки. Так, наблюдается отсутствие полной корреляции между языками, публикации на которых обозначены на заглавной веб-странице, и выпадающим списком языков при использовании соответствующего фильтра, а весьма интересный поиск по категориям возможен лишь по англоязычным источникам. Не для всех запросов работают все опции оформления выдач. Так, для нашего, русскоязычного, запроса закономерно «не работала» опция «категории», а также явно недоработанной оказалась опция выдачи «граф концептов».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ELEXIFINDER, задуманный как инструмент продвижения культуры открытого доступа в лексикографических исследованиях, может использоваться в лексикографических исследованиях и лексикографической практике российскими и белорусскими учеными, но доступ мирового научного сообщества к трудам этих ученых посредством ELEXIFINDER весьма не достаточен. Очевидно, что база ELEXIFINDER требует существенного пополнения материалами, которые представляют достижения русскоязычной лексикографии, к золотому фонду которых, без сомнения, принадлежат труды Александра Николаевича Тихонова.

Список литературы

1. ELEXIFINDER [Electronic Resource]. URL: <https://elex.is/tools-and-services/elexifinder> (date of access 20.10.2021).
2. ELEXIS: European Lexicographic Infrastructure [Electronic Resource]. URL: <https://elex.is> (date of access 20.10.2021).
3. ELEXIFINDER: A Tool for Searching Lexicographic Scientific Output / I. Kosem, S. Krek//Proceedings of eLex 2019. С. 506-518 [Electronic Resource]. URL:

https://elex.link/elex2019/wp-content/uploads/2019/09/eLex_2019_29.pdf (date of access: 20.10.2021).

4. Open Access – Open Science [Electronic Resource]. URL: <http://ec.europa.eu/research/openscience/index.cfm?pg=openaccess#> (date of access: 20.10.2021).

5. Open Access course for Librarians [Electronic Resource]. URL: http://54.187.125.87/rajendra/UNESCO_08Dec16/Librarians/flash/index.html (date of access: 20.10.2021).

6. Open Access course for Researchers [Electronic Resource]. URL: http://54.187.125.87/rajendra/UNESCO_08Dec16/Researcher/flash/index.html (date of access: 20.10.2021).

7. Open Access to Knowledge and Information [Electronic Resource]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001585/158585e.pdf> (date of access: 20.10.2021).

8. UNESCO Open Access Web Site [Electronic Resource]. URL: www.unesco.org/webworld/en/openaccess (date of access: 20.10.2021).

9. UNESCO Policy guidelines for the development and promotion of open access [Electronic Resource]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002158/215863e.pdf> (date of access: 20.10.2021).

З.Н. Рузметова, Г.Ш. Артыкова

Z.N. Ruzmetova, G.Sh. Artikova

Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан)

Urgench state university, Urgench

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ВУЗОВСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются методы и приёмы изучения словообразования в студенческой аудитории, даются конкретные рекомендации по проведению занятий.

Ключевые слова: словообразование, метод, приём, суффикс.

ABOUT SOME ISSUES OF STUDYING WORD FORMATION IN THE UNIVERSITY AUDIENCE

The article discusses the methods and techniques of studying word formation in the student audience, gives specific recommendations for conducting classes.

Keywords: word formation, method, technique, suffix.

Словообразование – один из важных разделов современного русского языка, изучение которого помогает в подготовке высококвалифицированного учителя-словесника.

Проблема формирования русского слова никогда не была достаточно изучена в методическом аспекте. Так как роль словообразования в учебном процессе недооценена, необходимо развивать навыки определения состава слова и способы его производства.

В первую очередь изучение этого раздела представляет собой наиболее эффективный способ обогащения словарного запаса студентов. Задания, упражнения по указанному выше разделу способствуют совершенствованию профессиональных компетенций. Вместе с тем они помогают развитию логиче-

ского мышления, навыков и умений работы с учебно-методической и научной литературой.

В связи с этим нами предлагаются разнообразные виды работ, которые создают основы для осознанного усвоения элементов орфографии и грамматики.

1. Задание «Найди соответствие».

2. Схема «ПОПС».

Найди четвертое лишнее: *гореть, накалить, укротить, разломить*.

Студенты высказывают свои мнения, причем ответы нужно обосновать, включая в них 2-4 предложения (другое название ПОПС):

П-позиция:	Я считаю, что лишнее <i>гореть</i> ,
О-обоснование:	потому что это слово с чередующимся корнем <i>-ГОР-</i> . Без ударения пишем <i>-гор-</i> , под ударением – <i>-гар-</i> . В остальных словах проверяемые корни: <i>накал, кроткий, ломка...</i>
П-пример:	Например, <i>загар, нагар, горелка, загорел...</i>
С-следствие:	поэтому написание слова <i>гореть</i> подчинено другому правилу.

Найди шестое лишнее: *лицо – личинка – лицевать – облицевать – облицовка – облицовочный.*

П-позиция:	Я считаю, что лишнее личинка,
О-обоснование:	потому что слово <i>личинка</i> семантически не связано с данной словообразовательной цепочкой. Слово <i>лицо</i> имеет свою словообразовательную цепочку: от него можно образовать глагол <i>лицевать</i> , а от этого глагола можно образовать другой глагол – <i>облицевать</i> , далее – существительное <i>облицовка</i> , от этого существительного можно образовать прилагательное <i>облицовочный</i> .
П-пример:	Например, <i>личина, личиночка, личиночный,</i>
С-следствие:	поэтому слово <i>личинка</i> является лишним.

Таким образом, указанные выше виды работ развивают самостоятельное мышление студентов и умение формулировать свою точку зрения.

3. Метод проектов. Цель – стимулировать интерес к изучению определенных проблем.

В данном случае мы со студентами работали над проектом «Путешествие в страну Орфографию». Студентам в начале семестра дается тема. Они находят учебный, занимательный материал, готовят иллюстрации, альбомы, презентацию по теме. Выполнение заданий студентами идет под наблюдением преподавателя, они получают консультации по трудным вопросам. Этот метод предполагает выражение учащимися своего собственного мнения, активного включения в реальную действительность.

В конце семестра проводится защита проекта. Трое студентов выступают с докладами, также выступают оппоненты, студенты со сценками, музыкальными номерами. В конце занятия на экране дается текст с ошибками. Студенты должны исправить ошибки в тексте и обосновать свои ответы.

4. «Исправь ошибку». Студенту за первой партой дается лист, на котором записаны слова с орфографическими ошибками (или предложения с пунктуационными ошибками). Первый студент исправляет ошибки, записывает свой вариант ответа, в скобках указывает свою фамилию. Затем передает лист студенту за второй партой, тот записывает свой вариант ответа с указанием фамилии и т.д. по цепочке. Листы раздаются каждому ряду в отдельности. В конце зачитывают ответы и определяют правильный вариант.

Найдите ошибку в словообразовательной цепочке: *разноголосица – разноголосый; писать – писатель – писательница – писательницын; белый – белить – побелить – побелка – побелочный; готовый – готовить – заготовить – заготовка – заготовщик – заготовительный.*

Найдите неправильно выделенные суффиксы в словах: *сын – сыночЕК, огурец – огурЧИК, палец – пальчИК, стул – стульЧИК.*

Найдите ошибку в способе образования слов: *безразмерный, подоконник, пододояльник, безлиственность.*

Найдите ошибку в способе образования слов (сложение): *серо-синий, грязеводолечебница, водопроводчик.*

Итак, наличие у студентов прочных умений в области словообразовательного синтеза обеспечивает широкий кругозор, создает основы для оттачивания языкового чутья. Они учатся контролировать свою речь, что немаловажно для подготовки будущего специалиста в области русского языка.

Список литературы

1. Милославский И.Г. Как разобрать и собрать слово. М.: Просвещение, 1993. 191 с.

Е.В. Сирота

E.V. Sirota

Бельцкий государственный
университет им. А. Руссо (Бельцы, Молдова)
A. Russo Balti State University, Balti

ПОНЯТИЯ «ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА» И «СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА» В ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Даются понятия «внутренняя форма» и «словообразовательная парадигма»; уточняется ряд традиционных положений дериватологии, в частности, необходимость отказаться от бинарной словообразовательной зависимости; устанавливается разнонаправленный перекрещивающийся характер словообразовательной мотивированности. Обращается внимание на роль рядового носителя языка при создании новых слов. Выявляется роль внутренней формы в качестве важнейшего узла в системных связях языка и ее место в научном аппарате дериватологии.

Ключевые слова: словообразовательная парадигма, дериватология, внутренняя форма, мотивированность, словообразовательная модель.

THE DEFINITIONS OF "INTERNAL FORM" AND "DERIVATIONAL PARADIGM" IN THE DERIVATIONAL SYSTEM OF THE LANGUAGE

The definitions of "internal form" and "word-formation paradigm" are given; a number of traditional provisions of derivatology are specified, in particular, the need to abandon binary derivational dependence; the multidirectional intersecting character of word-formation motivation is established. Attention is drawn to the role of an ordinary native speaker in the creation of new words. The role of the internal form as the most important unit in the systemic connections of the language and its place in the scientific apparatus of derivatology is revealed.

Keywords: word-formation paradigm, derivatology, internal form, motivation, word-formation model.

Традиционная теория словообразования при описании деривационной системы языка опирается на учение о частях речи, на положение о том, что слова распределяются на классы – части речи, каждая из которых обладает совокупностью определенных средств для пополнения своего состава. Классы слов расширяют состав за счет заимствований, на основе словообразования и в результате трансформаций на уровне частей речи. Описывая процесс словообразования и особенности словообразовательного аппарата отдельных частей речи, традиционная дериватология основывается на ставшем фундаментальным по-

ложении о словообразовательных связях между частями речи: слова одной части речи образуются от слов другой части речи.

Понятие «словообразовательная парадигма» входило в научный обиход постепенно. Одним из центральных понятий дериватологии оно становится в работах А.Н. Тихонова, П.А. Соболевой, Е.Л. Гинзбурга и др.

А.Н. Тихонов под СП понимает словообразовательное гнездо; впервые ученый употребил термин «словообразовательная парадигма» в 1971 г.

Важный вклад в исследование производящего аспекта дериватологии вносят труды Е.А. Земской. Так, исследователь под парадигмой понимает «набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на единой ступени деривации» [2, с. 71].

Словообразовательная парадигма представляет собой одну из форм проявления парадигматических отношений в словообразовании. Сам термин возник в результате поисков изоморфизма в структуре разных языковых уровней. Лингвисты выявили объяснительную способность термина «парадигма» по отношению к отдельным явлениям словообразования: при его использовании обнаруживаются новые свойства объекта и уточняются представления о нем [1].

Термином «словообразовательная парадигма» обозначаются в языкознании различные явления:

– совокупность регулярных словообразовательных моделей, реализуемых каким-либо словом (В.Н. Мигирин);

– комплекс словообразовательных значений, реально или потенциально выражаемых на основе мотивирующей основы по моделям мотивационных отношений, типичных для данного языка (Р.С. Маначурян);

– соотношение производных и производящих (А.А. Реформатский);

– совокупность производящих, обладающих идентичным набором производных (К. Бузашниова).

Верность тезису о бинарных мотивационных отношениях между «производным» и «производящим» зачастую заставляет дериватологов игнорировать реальный механизм образования новых лексических единиц и – как следствие этого – вводить в научный обиход массу новых понятий и терминов, с помощью которых можно было бы описывать сложные отношения между так называемыми «мотивирующим» и «мотивируемым». В традиционной теории словообразования описываются различные деривационные форманты, служащие для образования новых лексем: префиксы, суффиксы, конфиксы, интерфиксы и т.д., регистрируются разнообразные способы словообразования; подробно рассматриваются существующие словообразовательные модели, типы, значения словообразовательных аффиксов в зависимости от характера основ; процессы, протекающие на морфемном шве при деривации и т.д.

В традиционной дериватологии накоплено много ценного материала, но вместе с тем отмечается и ряд недостатков, одним из которых является непоследовательное разграничение аксиоматико-онтологического и конвенционально-мнемонического начал, что приводит к появлению противоречий в теории

словообразования. Основное из них – это противоречие между положениями о том, что слова возникают на основе реализации словообразовательных моделей и что слова одной части речи образуются от слов той же или другой части речи.

Рядовые носители языка при образовании слов пользуются определенными словообразовательными моделями и сознают реальные связи между ними. Применение моделей у них базируется на принципе созвучия, ведь носители языка не знают о бинарной мотивационной связи, о существовании производных и производящих основ, о расхождении между формальной и семантической производностью, о наличии аффиксов, радикасидов, суффиксированных элементов и т.д. Но для говорящих не составит труда назвать лицо по известному действию, если он уже знает серию слов типа *мучитель, воспитатель, точильщик, сверлильщик*, характеризующуюся общим типом внутренней формы – представлением лица с помощью процессуального типа признака называния. Примером может послужить следующее: «– Ишь, *угрожател* сыскался, сказать не дает...» (В. Андреев).

Нетрудно также доказать, что процесс порождения слов, осуществляемый за пределами грамматических правил, опирается на ассоциативные связи между словообразовательными моделями.

Принимая во внимание реальный механизм порождения слов, следует пересмотреть традиционное положение о бинарной словообразовательной зависимости одной части речи от другой: в теории словообразования для повышения ее объективности должен быть зафиксирован реальный процесс порождения слов рядовыми носителями языка. Положение же о том, что слова одной части речи образуются от слов другой части речи, относится к числу тех, которые представляют собой конвенционально-мнемоническое начало в теории. В традиционной дериватологии данному положению ошибочно был придан статус онтологичности. Задача дериватологов – с позиций строгой объективности описать реальный механизм порождения слов в языке. Такое исследование даст возможность понять условность ряда утверждений и описаний традиционной теории словообразования.

Ассоциативные связи между словообразовательными моделями, о которых говорилось выше, возникают благодаря тому, что у ряда слов имеется единая внутренняя форма – они представляют референты по одному и тому же признаку. Под внутренней формой вслед за Н.И. Мигириной понимаем «морфему, простую или сложную, репрезентирующую признак представления референта» [3, с. 53]. Внутренняя форма и словообразовательная парадигма, которую трактуем как комплекс словообразовательных моделей, имеющих один и тот же тип внутренней формы, – основные фундаментальные понятия дериватологии. Взаимодействуя друг с другом, внутренняя форма и словообразовательная парадигма играют важную роль в процессе образования слов.

Словообразовательный процесс подчиняется тем законам, которые определяют отношения между членами словообразовательной парадигмы. Важный момент, которым руководствуются носители языка при создании новых слов,

является знание исходного члена парадигмы и состава моделей, входящих в рамки данной парадигмы. Так говорящий может реализовать любую модель, не устанавливая при этом никаких связей между словами, возникающими в результате реализации всех моделей данной парадигмы. Например, носитель языка знает, что имеется словообразовательная парадигма, реализованная в сериях таких слов, как: *немец – немка – немецкий – по-немецки – онемечить(ся)* и т.п. И если говорящий встречает в языке слово *шан*, совершенно новое для него, и узнает, что это название лица по национальной принадлежности, то в связи с содержанием речи он может образовать никогда не употребляемые им ранее слова: *по-шански, шанка, шанский* и т.д.

Введение в научный обиход понятия «словообразовательная парадигма» ставит под сомнение многие традиционные положения дериватологии, заставляет отказаться от утверждения о бинарной словообразовательной зависимости между «производным» и «производящим», а также говорить о разнонаправленном перекрещивающемся характере связи между компонентами словообразовательной парадигмы. Так, носители языка без затруднений могут образовывать наречия от имен существительных, минуя прилагательные: *по-путински* (от имени собственного *Путин*), *по-елизаровски* (от *Елизаров*). В данных примерах бинарной мотивационной связи с прилагательными установить невозможно.

Многочисленные факты семантического функционирования слов, образованных по моделям словообразовательной парадигмы типа «название города – название лица мужского пола – название женского пола – название признака – название признака признака» (*Бельцы – бельчанин – бельчанка – бельцкий – по-бельцки*), убеждают в том, что словообразовательная мотивированность носит не односторонний бинарный характер, а перекрещивающийся, разнонаправленный. Так, компонент парадигмы прилагательное *бельцкий*, функционируя в качестве отдельной лексемы, семантически связано и с компонентом парадигмы *Бельцы*, и со словом *бельчанин*, и с лексемой *бельчанка*. Такие же связи устанавливаются и у лексемы *по-бельцки* с другими членами парадигмы.

Разнонаправленный перекрещивающийся характер словообразовательной мотивированности объясняется тем, что словообразовательная парадигма возникает как единство на основе одного признака наименования разных референтов – одного типа внутренней формы.

Так, словообразовательная парадигма является тем участком словообразовательной системы, в пределах которого осуществляется реальное семантическое взаимодействие разных единиц. В современной традиционной дериватологии описание словообразовательных связей и мотивированности дает искаженное представление о характере словообразовательной мотивации.

Познавая явления континуума, в процессе категоризации и классификации исследователи опираются на принцип системности, что справедливо также и для грамматики. Наиболее ярким его применением является использование парадигмы: каждая грамматическая форма анализируется в пределах парадигмы. Парадигматический анализ представляет собой системный анализ в рамках

избранной грамматической парадигмы. Если в грамматике принцип системности учитывается постоянно, то в словообразовании, наоборот, непоследовательно.

В настоящее время современная дериватология располагает полными списками словообразовательных парадигм, довольно полным описанием отдельных словообразовательных моделей и типов. Дальнейшим шагом в оптимизации учения о словообразовательной парадигме может стать трактовка ее как комплекса значений, в основе которого лежит такое объединяющее начало, как тип внутренней формы (признак представления референта).

Внутренняя форма, отображающая признак представления референта, является важнейшим узлом в системных связях языка. Данное понятие в теории словообразования является центральным по следующим причинам:

внутренняя форма вводит новые объекты в номенклатурную систему языка;

внутренняя форма выступает в качестве инварианта словообразовательных микросистем – парадигм, законам построения которых подчиняется образование новых лексических единиц;

утрата внутренней формой прежнего значения приводит к морфологическим сдвигам в слове, на что указывал, в частности, В.А. Богородицкий;

характер значения внутренней формы определяет использование слова в качестве художественного образа или научного термина (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский);

характер значения внутренней формы определяет словообразовательные отношения между лексемами, их деривационные возможности, дистрибутивные потенции слов;

использование разных типов внутренней формы (признаков представления референтов) при языковой репрезентации одного и того же объекта расширяет синонимические возможности языка.

Таким образом, внутренняя форма, отображающая признак, по которому референт получил наименование, должна занять важнейшее место в научном аппарате дериватологии.

Список литературы

1. Белова Н.В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и её семантико-коммуникативный потенциал (на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
2. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978. С. 71-75.
3. Мигирова Н.И. Использование понятий «внутренняя форма» и «словообразовательная парадигма» при описании деривационной системы // Изучение языкового строя в свете ленинской теории отражения. Кишинев: Штиинца, 1984. 160 с.

Х.И. Тешаев

Kh.I. Teshaeв

Таджикский национальный университет,
(Душанбе, Таджикистан)

Tajik National University, Dushanbe

СПЕЦИФИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье рассматриваются задачи раскрытия лингвистической природы морфемного строя в сравниваемых языках, совокупность вычленяемых в словах морфем, типы, их отношения друг к другу и к слову в целом. Основными объектами являются морфемы, их формальные видоизменения, линейные сочетания. Поскольку морфемы являются объектом грамматики, они рассматриваются как аспект раздела «Словообразование».

Ключевые слова: словообразование, язык, русский, таджикский, способ.

SPECIFICITY AND LINGUISTIC NATURE OF MORPHEMICS AND WORD FORMATION IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

The article studies the linguistic nature of the morphemic structure in the compared language, and the complex of morphemes found in words, their types and relations towards each other and the word in general. The main objects are morphemes, their formal modifications and linear combinations. Since morphemes are the object of grammar, they are considered as part of the «word formation» section.

Keywords: word formation, language, Russian, Tajik, method.

Русский и таджикский языки находятся в постоянном изменении, развитии и стремлении к совершенству. Одним из главных факторов развития языка является обогащение словаря, которое часто производится благодаря образованию новых слов.

Теория словообразования может предсказывать появление новых слов и условия их появления, выявлять правила, по которым говорящий создает новые производные и сложные слова в синхронии на данном этапе развития языков.

Важным понятием теории словообразования является словообразовательное правило, разработанное в свое время учеными-лингвистами Е.С. Кубряковой, Г.О. Винокур, П.А. Соболевой и др.

Морфемика – это учение о значимых частях слова – морфемах. Морфемика в таджикском языке часто именуется как *таркиби калима* (состав слова). В словесной структуре таджикского языка, как и в русском языке, содержатся все морфемы за исключением интерфиксов. Морфемный строй обоих языков довольно разнообразен и богат, как в семантическом, так и в структурном плане.

В русском языке таким словам, как *сокурсник, собеседник, одноклассник* и т.п., которые образуются при помощи префикса и суффикса (*со-курс-ник, со-*

бесед-ник, одно-класс-ник), соответствуют таджикские слова, образованные при помощи только префикса: *ҳам-курс, ҳам-суҳбат, ҳам-синф*.

Основные приставки таджикского языка: *ме-, бе-, бо-(ба-), но-, ҳам-, бар-* и др.: *ме-рав-ад, бе-кор, бо-номус, но-розӣ, ҳам-ватан, бар-вақт*. В русском языке это приставки: *в- (во-), взо-, вне-, возо-, вы-, до-, о-, изо-, к-, меж-, на-, над- (надо-), наи-, не-, об- (обо-), от- (ото-), пере-, по-, под-* и др.

Отдельное место в морфемике таджикского языка занимают *префиксоиды* – корневая морфема, выступающая в функции приставки (префикса). Префиксоид характеризуется способностью выступать в качестве самостоятельного слова и в то же время в качестве префикса. Другими словами, это морфемы, обладающие значительным сходством с собственно префиксами, однако не утратившие генетической связи с корнями. В роли префиксоидов обычно выступают слова-морфы, которые имеют значения меры и степени, собирательности: *пур* («много, полный») – *пур-нур, пур-дард*; *сер* («насыщенный, много») – *сер-гушт, сер-пул* и т.д.

В таджикском языке насчитывается более 100 словоизменяемых и не менее 30 формообразующих суффиксов во всех частях речи. Русский язык располагает большим количеством данного рода морфем, и, как в таджикском языке, суффиксы русского языка имеют свойственную им специфичную окраску и богатую семантическую структуру. Например, в таджикском языке суффиксы *-зор, -истон, -гоҳ, -дон-* (имеющие значения собирательности, «хранилище») достаточно экспрессивно формируют и образуют новые слова: *гул-зор, гул-истон* («цветущая поляна»), *себ-истон* («страна яблок»).

Интерфиксация в таджикском словообразовании не очень развита и использование данного термина в таджикском языке выходит за рамки его традиционного понимания. В таджикском языке в качестве интерфикса используется энклитический сочинительный союз *у*, что соответствует союзу *и* в русском языке, предлог *бо (ба)* – «с, к, на», редко *то* – «до»: *гуфт-у-гу* – «разговор, переговоры», *хам-у-ростӣ, кач-у-килебӣ* – «неровность»; *дам-ба-дам* – «часто», *сар-ба-сар* – «связываться» (негатив), *сар-то-по* – «полностью». Стоит отметить, что в таджикском языке есть интерфикс *-о-*, но он часто является инвариантом *-то-* и *-у-*: *сар-о-сар* (предлог) – «во всём..., по всему...», *зан-о-зан* – «избиение, побои». Таким образом, русские интерфиксы в своей традиционной трактовке не совпадают с таджикскими интерфиксами [3, с. 9]. В традиционном виде они присутствуют только в советско-интернациональных словах, которые по разным причинам постепенно исчезают из таджикского языка – выходят из употребления или их заменяют новотаджикскими словами.

Так как таджикский язык имеет сходные черты агглютинативных языков и не имеет категории рода и падежа, то флексия считается наименее развитой в нем. Её функции выполняют особые формообразующие суффиксы. Всё же в таджикском языке есть окончание, но оно изафетное – изафетное окончание *-и*: *хона-и зебо* – «красивый дом», *қад-и баланд* – «высокий рост». Изафетное окончание является универсальным с точки зрения применения, оно используется во всех именных словосочетаниях, кроме прямого дополнения. Также в та-

джикском языке есть местоимённые энклитики, которые традиционно называют «местоимёнными» («бандакҳои ҷонишинӣ, бандакҷонишин»).

Как словообразовательные, так и словоизменяющие суффиксы в обоих языках (подобно флексиям) могут быть материально не выражены, то есть *нулевыми*. Нулевые суффиксы встречаются в формах единственного числа глаголов прошедшего времени: *увез(0)*, *запер(0)*, *бурд(0)*, *хурд(0)*, *хонд(0)*. В русском языке образование отвлеченных существительных со значением процессуальности также может осуществляться с помощью нулевой суффиксации, что не всегда соответствует таджикскому: «*вывозить – вывоз(0)*» (обе формы в таджикском языке выражаются одним инфинитивом *кашондан*), «*бегать – бег(0)*» – *давидан – дав(0)*, «*выходить – выход(0)*» – *баромадан – баромад(0)*, но «*петь – пение*» – *навохтан – навоз-иш*, «*вышивать – вышивка-ние*» – *духтан – дузан-дагӣ*.

Способы словообразования показывают, какие словообразовательные средства были использованы для образования новых слов. Выделяют: 1) морфологический способ; 2) лексико-синтаксический способ; 3) морфолого-синтаксический способ; 4) лексико-семантический способ словообразования.

1. Морфологический способ: *желтый – желт-ок(0)*, *зард(0) – зард-ак*, *писать – вписать, на-писать, за-писать, над-писать, пере-писать, подписать, с-писать*; *хоб(0) – бе-хоб*, *синф(0) – ҳам-синф*, *рафт – ме-рафт*, *зад – на-ме-зад*, *без денег(0) – без-денеж-н-ый*, *под Москвой – под-москов-н-ый*; *сум(0) – бе-сум-ӣ*, *кор(0) – сер-кор-тар*, *бегать – бег-0-(0)*, *давидан – дав(0)*, *седой – про-сечь-0-(0)*, *дандон – бе-дандон(0)*. В русском языке словообразовательными постфиксами являются *-то*, *-либо*, *-нибудь* (к местоимённым формам), а также постфикс *-ся* (к глагольным формам): *кто – кто-то*, *что – что-либо*, *кто – кто-нибудь*, *где – где-то*; *стучать – стучать-ся* и т.д. В таджикском языке есть только один неопределённый постфикс *-е*, который образует не только неопределённое местоимение, но и все другие неопределённые именные части речи: *кучо – кучо-е*, *мард – мард-е*, *кас – кас-е*, *чиз – чизе*; *мард – мард-е*, *одам – одаме*, *зебо – зебо-е*, *як – як-е*. Образующий глагольную форму постфикс *-ся* в таджикском языке может передаваться обычной глагольной формой (*учиться – хондан*, *улыбаться – хандидан* и др.), также может передаваться компонентным глаголом *шудан* (статья): *печалиться – зиқ шудан*, *возвышаться – боло шудан* и т.д. **Префиксально-постфиксальный способ:** *савод – бо-савод-е*, *кас – но-кас-е*, *буд – но-буд-шуда*.

Суффиксально-постфиксальный способ характерен для образования глаголов (часто в русском языке) и именных частей речи (свойственен таджикскому языку), мотивированных существительными или прилагательными: *толпа – толп-и-ть-ся*, *нужда – нужд-ать-ся*, *скупой – скуп-ить-ся*; *таъсир – таъсир-нок-ӣ*, *фаъол – фаъол-нок-ӣ*, *гам – гам-гин-шав-ӣ*.

Сложение может осуществляться: 1) без помощи интерфикса, что больше всего свойственно таджикскому языку: *диван-кровать*, *плащ-палатка*; *китобхона*, *синфхона*, *хушкзамин*, *шуразамин*, *падаркалон* и 2) с помощью интерфиксов, что больше всего свойственно русскому языку: *юг и запад – юг-о-запад(0)*,

лес и степь – лес-о-степь(О), стойкий к морозу – мороз-о-стойкий; ру-ба-ру, сар-то-по(й), зан-о-зан, хам-у-рост, кач-у-килеб, ранг-о-ранг, рафт-у-омад. **Сложносuffиксальный способ:** проходить землю – земл-е-проход-ец(О), рубить мясо – мяс- о-руб-к-а; зан-о-зан-й, хам-у-рост-й, кач-у-килеб-й, ру-ба-ру-кун-й. Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией: лед ходит – лед-о-ход-0-(0), сам летает – сам-о-лет-0-(0), косить сено – сен-о-кос-0.

Также в русском и таджикском языках есть способ образования слов универбализация – образование новых слов от словосочетаний, построенных по типу согласования (прилагательное + существительное) путем присоединения к производящей основе, выделенной из прилагательного, суффикса -к- в русском языке: манная крупа – ман-к-а, и суффиксов -ча, -ак в таджикском языке: одами майда – одам-ча, хонаи майда – хона-ча, чои каме баланд – баланд-ак, чейвон барои пойпуши – попушимон-ак.

С помощью аббревиации в сопоставляемых языках образованы такие слова, как СССР, ПТУ, ФСБ, ГАИ, ЦУМ, вуз, ТЧ, ГБАО, ММТ, ДМТ, БДА. Усечение – способ образования слов разговорного стиля речи путем усечения производящей основы независимо от границ морфемы: специалист (специальность) – спец, магнитофон – маг, заместитель – зам, преподаватель – препод и преп; муаллим – малим, муаллима – малима.

Лексико-синтаксический способ (сращение) представляет собой образование нового слова из целого словосочетания путем «склеивания» его компонентов: с ума спешший – сумаспешший, долго играющий – долгоиграющий; замин чен кардан – заминченкунй, тез ҳал мешавад – тезҳалшаванда, кам ҳосил медиҳад – камҳосилдиҳанда.

Морфолого-синтаксический способ (конверсия – переход из одной части речи в другую). От существительных образовались наречия рядом, зимой; зимистонй, баҳорй. Например, в предложении *Замистонй ман ба хонаи бибиям рафтам* слово *зимистонй* является наречием времени и образуется при помощи изафетного окончания (изафетного суффикса) существительного.

Лексико-семантический способ (омонимы): титан – «гигант, вступивший в борьбу с врагами», титан – «большой кипятильник для воды», титан – «твердый металл»; боз – «бори дигар, аз нав» (еще раз, снова), боз – «кушода, яла, во» (открытый), боз – «парандаи қавичанголи нўлдароз, ки парандагон ва ҳайвоноти майдаро шикор мекунад, қуш» (хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями). В современном русском и таджикском языках все вышерассмотренные слова являются омонимами.

Таким образом, в сопоставляемых языках словообразовательные способы имеют много сходства, но также наблюдаются и расхождения.

Список литературы

1. Бобомуродов Ш. Краткий словообразовательный словарь таджикского языка. Душанбе, 1983. 116 с.
2. Розенталь Д.Э. Современный русский язык: учебное пособие // Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. М., 2001. 448 с.
3. Тешаев Х.И. Морфемика и способы словообразования в русском и таджикском языках. Душанбе, 2017. 76 с.

4. Рустамов Ш. Исм. Душанбе: Дониш, 1981. 210 с.
5. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии хозираи тоҷик. Душанбе, Дониш, 1972. 78 с.

О.А. Трофимова
О.А. Trofimova
*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd*

МОРФЕМЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматривается проблема выражения количественной семантики в лексических единицах донских говоров с использованием стереотипных и нестереотипных морфем. Общая количественная семантика создаётся путём взаимодействия аффиксальных и корневых морфем

Ключевые слова: количественная семантика, стереотипные и нестереотипные морфемы, аффикс.

MORPHEMES AS MEANS OF QUANTITATIVES SEMANTICS' EXPRESSION IN LEXICAL UNITS OF DON DIALECT

The problem of quantitative semantics' expression in dialect lexical units of Don speech by stereotyped and non-stereotyped morphemes is considered in this article. General quantitative semantics is created in the way of affixes and roots interaction.

Keywords: quantitative semantics, stereotyped and non-stereotyped morphemes, affix, prefix, suffix.

Семантика языковых единиц донских говоров продолжает оставаться объектом исследования в лингвистике (Орлов Л.М., Кудряшова Р.И., Брыси-на Е.В., Дегтярёв В.И и др.). Это объясняется прежде всего тем, что говоры отображают особенности национального мировосприятия, картину мира донских казаков – людей с уникальной судьбой. В связи с природными условиями проживания казаков, повлиявшими на их язык, – широкой рекой и обширными просторами степей, – большой пласт лексики говоров этого народа обладает неповторимыми семантическими характеристиками, содержит также количественную семантику, которая подразумевает оценку описываемого объекта по различным параметрам (длина, ширина, вес, интенсивность и другие). К таким единицам относятся следующие: *молодик* – ‘молодая луна’ [6, с. 140]; *надунутый* – ‘полный, пышный, надутый’ [6, с.158]; *могутёный* – ‘большой, сильный’ [6, с. 139] и др.

Количественное значение в лексических единицах донского говора может быть выражено как имплицитно, так и эксплицитно. К единицам, семантика которых передаётся имплицитно, относятся слова с немотивированным значением: *фигаль* – ‘небольшой жилой дом рядом с основной постройкой, куренем’ [1, с. 550], *клетка* – ‘единица измерения земли’ [1, с. 218], *гарц* – ‘мера зерна и

других сыпучих тел от полутора до пяти килограммов' [6, с. 103]; *зубец* – 'единица измерения при вязании платков' [6, с. 192] и др.

Эксплицитно квантитативное значение выражается при помощи разнообразных актуализаторов, среди которых выделяются морфемы, наделённые количественными семантическими оттенками и вносящие их в общее значение лексических единиц. В системе морфемных носителей количественных смыслов выделяются стереотипные и нестереотипные морфемы. За морфемами-стереотипами закреплено строгое значение, нестереотипные морфемы обладают сравнительно свободной семантикой. При анализе словарей донского казачества [6, с. 1] и сборников фольклорных произведений казаков [2; 3; 4] методом сплошной выборки были выделены единицы, количественная семантика которых создаётся при помощи как стереотипных, так и нестереотипных морфем (суффиксов *-чик-*, *-ар-*, *-ин-*, *-як-*, префиксов *не-*, *пере-*, *при-*, *по-* и др.).

Употребление суффиксов *-чик-* и *-к-* для придания лексическим единицам диминутивного значения является частотным как для русского литературного языка, так и для его диалектов. Говоры донского казачества не исключение: в процессе анализа словарей говоров и сборников фольклорных текстов донских казаков были выявлены единицы, содержащие в своей структуре данные суффиксы в количественном значении. Например, *огенчик* 'небольшой однолемешный плуг' [6, с. 197], *литовка* – 'небольшая коса' [6, с. 117], *лопатка* – 'небольшая деревянная планка, применяемая при вязке сетей' [6, с. 120], *маслёнки* – 'мелкие семечки, из которых бьют масло' [6, с.130]; *Я каждую минутку считая. Истомилась вся* [2, с. 35], *Нагрела б самоварчик. Посидим, порастабарываем* [2, с. 97], *Под застрехой ласточка птенчиков кормит, на базу корова теленочка лижет, во дворе курица цыплят созывает* [2, с. 129].

Характерно, что в лирических песнях донского казачества наблюдается контаминация различных способов, создающих уменьшительные значения, например, лексических и морфемных. Поэтический образ кротости в песне «Ай, вылетала, вот, мелкая пташечка» передаётся словосочетаниями: *мелкая пташечка* и *лёгкое перышко*, в структуру которых входят лексические единицы с имплицитным диминутивным значением, а также лексемы, в которых названный смысл создаётся аффиксами *-ечк-* и *-ышк -*:

*Ай, вылетала, да было, вот, мелкая пташечка,
Да пташечка, она, только, на доли... ай, на долину,
Ой, пташка
Она уронила да с крыла, вот лёгкую пёрушку,
Да перо пташка, она на доли... ай, на долину* [4, с. 162].

В составе обоих сочетаний представлены лексемы с имплицитным значением малого количества (*мелкий* – 'небольшой по величине, объёму, размеру' [5, с. 247], *лёгкий* – 'незначительный по весу' [5, с. 168]) и с уменьшительно-ласкательными суффиксами, являющимися также показателями диминутивности (*пташечка*, *пёрышко*).

Суффикс *-ах-* обладает уменьшительно-ласкательным значением, однако в донских говорах зафиксирована единица *лобах* – 'большелобый человек' [6,

с. 118] с данной морфемой в составе, которая использована в своём нестереотипном значении – большого количества.

Ещё одна из нестереотипных морфем – суффикс *-ар-*, которая в русском литературном языке не обладает количественным значением, а чаще всего используется при образовании лексических единиц со значением лица, производящего действие (*лекарь, пахарь, звонарь* и др.) или лица, характеризующегося объектом или предметом деятельности (*виноградарь, ложкарь, псарь* и др.). Однако нами была зафиксирована лексическая единица *лопарь* – ‘большое весло’ [6, с. 120], выражающая большое количество.

К стереотипным и нестереотипным морфемам, придающим лексическим единицам количественные смыслы, относятся также префиксы. Одной из стереотипных морфем, создающих семантику малого количества является префикс *не-*, например, слову *недюжный* этот актуализатор придаёт значение ‘бессильный, слабый’ [6, с. 180]. Вместе с тем к стереотипным морфемам, используемым носителями донского диалекта, можно отнести префикс *пере-*, который обладает количественным значением ‘распространение действия на множество лиц, предметов или охват действием множества лиц, предметов, а также всего предмета целиком, полностью’ [5, с. 45]. Так, в сказке «Аксинья» зафиксировано использование лексической единицы *пересудомила* с названной морфемой в составе: *Всю станицу пересудомила. Обижает людей своим наговором* [3, с. 92]. Рассматриваемая стереотипная приставка придаёт лексической единице количественное значение всеохватности производимых действий.

Следует отметить, что одна и та же морфема (например, приставка) может придавать слову разные, порой противоположные смыслы. Это показывает отрывок из донской песни «Приуныло, приумолкло войско Донское»:

*Приуныло, приумолкло войско Донское,
Приужаснулась армеюшка Царя Белаго,
Без вернаго служителя государева,
Без Ивана Матвейча Краснощекова* [4, с. 75].

Выделенные примеры демонстрируют употребление приставки *при-* – актуализатора количественного смысла в значениях ‘неполнота действия’, а также ‘высшее проявление признака’ [5, с. 388]. Характер производного количественного значения обусловлен семантическим взаимодействием производящей основы и словообразовательного форманта – актуализатора количественных смыслов.

Таким образом, количественная семантика лексических единиц говоров донского казачества может быть выражена имплицитно и эксплицитно, при этом морфемы являются актуализаторами при эксплицитном способе выражения квантитативности. В составе рассматриваемых единиц использованы стереотипные и нестереотипные аффиксы.

Список литературы

1. Большой толковый словарь Донского казачества: Ок 18000 слов и устойчив. словосочетаний. М.: АСТ, 2003. 608 с.
2. Когитин В. Казачьи сказки. Волгоград: Вздо, 1992. 160 с.

3. Когитин В. Сказки-пересказки (Казачьи). Волгоград: Станица, 1996. 240 с.
 4. Песни донских казаков / Сост. Б.П. Екимов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 256 с.
 5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. 2984 с.
 6. Словарь русских донских говоров: в 3 т. / ред. коллегия: доц. В.С. Овчинникова (отв. ред.) [и др.]. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1975. Т. 3. 207 с.

И.А. Шелкова

I.A. Shelkova

*Московский государственный университет
геодезии и картографии (Москва, Россия)*

Moscow State University of Geodesy and Cartography, Moscow

ИСТОРИЯ ОМОНИМОВ *СТОПА*¹⁻³ И ОТРАЖЕННАЯ ОМОНИМИЯ ИХ ПРОИЗВОДНЫХ

Статья посвящена истории существительных стопа¹ ‘ступня’, стопа² ‘кипа’, стопа³ ‘стакан’, а также омонимии их производных полстопы, стопка, стопочка.

Ключевые слова: омонимы, отраженная омонимия, омогруппа, реальная омонимия, исторические изменения.

THE HISTORY OF THE HOMONYMS OF *СТОПА*¹⁻³ AND THE REFLECTED HOMONYMY OF THEIR DERIVATES

The article is dedicated to the history of the nouns стопа¹ ‘foot’, стопа² ‘pile’ and стопа³ ‘wineglass’ and also to the homonymy of their derivates half a glass, a glass, «stopochka».

Keywords: homonyms, reflected homonymy, homogroup, real homonymy, historical changes.

Уже в памятниках письменности XI-XII вв. встречается существительное *стопа*¹ ‘ступня, нижняя часть ноги’ [11, с. 93]; не позже XVI в. у него появляются два омонима: *стопа*² ‘кипа каких-л. предметов, припасов, сложенных вместе, один на другой’ и *стопа*³ ‘сосуд, обычно металлический, в виде высокого стакана раструбом’ [11, с. 93]. Ниже рассматриваются омонимические отношения этих слов, а также их производных.

Таблица 1. Словообразовательные гнезда

<i>стопа</i> ¹ ‘ступня’	→ <i>стопка</i> ¹ (в значении ‘мера длины’)	
<i>стопа</i> ² ‘кипа’	→ <i>полстопы</i> ¹	
<i>стопа</i> ³ ‘стакан’	→ <i>полстопы</i> ²	
	→ <i>стопка</i> ³	→ <i>стопочка</i> ²
* <i>стъпа</i> ‘палка’	→ <i>стопка</i> ² – 1) ‘палочка’; 2) ‘столб, палка’ [11, с.94]	→ <i>стопочка</i> ¹

Представив те же данные в другом виде, покажем производные от каждого из омонимов, а также от гипотетического **стъпа*.

Таблица 2. Производящие и производные

	<i>полстоны</i>	<i>стонка</i>	<i>стопочка</i>
<i>стона</i> ¹ ‘ступня’		+	
<i>стона</i> ² ‘кипа’	+		
<i>стона</i> ³ ‘стакан’	+	+	+
* <i>стъна</i> ‘палка’		+	+

Слово *стона*¹ ‘ступня’ М. Фасмер связывает со *степень* [14, с. 766], П.Я. Черных – также со *ступать* и *ступня* [15, с. 205]. Для *стона*² ‘весь строительный материал, необходимый для постройки избы’ М. Фасмер допускает этимологическое тождество со *стона*¹ [14, с. 766-767]. А.Г. Преображенский рассматривает в статье *стона* разные значения этого слова: ‘ступня’, ‘мера в стихосложении’, ‘большой стакан’ (?), ‘куча, сложенная в порядке’, ‘мера бумаги’, ‘след’; связывая его со *степень* и *ступать*, особо выделяет *стона* ‘большой стакан’ как возможное заимствование из немецкого языка [7, с. 391-392]. *Стонка*² ‘палка, палочка’, по мнению М. Фасмера, происходит от **стъна* и сопоставимо со *стъница*, греческим *στύλος* ‘рукоятка, палка’ и др [14, с. 767]; слово **стъриса*: **стъриса* П.Я. Черных упоминает в качестве старшей формы к *спница* и возводит к тому же индоевропейскому корню **steip-*: **stīp-*: **steib(h)-*: **stīb(h)-*, что и *стебель* [15, с. 194]; таким образом, это слово не родственно ни *стона*¹ ‘ступня’ и *стона*² ‘кипа’, ни *стона*³ ‘стакан’.

В книге А.А. Зализняка «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь» приводится без указания значения слово *стона*, для которого изначально было характерно неподвижное ударение на окончании; формы с ударением на основе в Иоасафовом сборнике, датированном приблизительно 1520-ми – 1540-ми гг., квалифицируются как новообразование [3, с. 186].

Данные памятников письменности позволяют говорить о реальных омонимических отношениях между всеми тремя исходными омонимами *стона*¹⁻³, например в деловой письменности XVII в.: *приподая к стопамъ твоим, челомъ бью* (Грамотки, 1677 г.); *хозяйские запасы и товары... въ стоны укласть* (Акты юридические, 1653 г.); *Стона оловянная немецкого дѣла с ручки* (Акты Кириллова Белозерского монастыря, 1663 г.) [11, с. 92-93]. По свидетельству П.Я. Черных, *стона* ‘сочетание ударного слога с безударными’ функционирует в русском языке с 30-х гг. XVIII в. и представляет собой кальку с греч. *πους* ‘нога’ [15, с. 205]. В «Словаре Академии Российской» этот термин дан в статье *стона* ‘ступня’, то есть омогруппа представлена как состоящая из трех членов [8, с. 747-748].

Примеры употребления в письменности членов остальных омогрупп не столь многочисленны, однако и в этих случаях реальные омонимические отношения возможны. Слово *полстоны*² от *стона*¹ ‘ступня; мера длины’ встречается в датированном XVI веком списке «Книги глаголемой Козмы Индикоплова», а *полстоны*¹ от *стона*² ‘мера бумаги’ – в деловых памятниках XVII в [10, с. 255]; *стонка*¹ от *стона*¹ ‘мера длины’ – в «Книге глаголемой Козмография» 1670 г., а *стонка*² ‘палочка’ и *стонка*³ от *стона*³ ‘стакан’ – в деловой письменности XVII в [11, с. 94]; *стопочка*¹ от *стонка*² ‘палочка’ – в «Материалах для истории

техники книжного дела...» XVI в., собранных П. Симони, и в Проскинитарии Арсения Суханова 1653 г., а *стопочка*² от *стопа*³ ‘стакан’ – в переписной книге домового казны патриарха Никона 1658 г. [11, с. 94].

Толковые словари и словари омонимов современного русского языка фиксируют 4 существительных с фонетико-графическим обликом *стопа* [6, с. 768; 9; 13; 1, с. 311; 4, с. 569] (только в «Большом толковом словаре русского языка» нет слова *стопа* ‘стакан’ [2, с. 1274]). Это позволяет говорить о расширении омогруппы. Существительное *полстопы* не фиксируется словарями, однако в Национальном корпусе русского языка представлены случаи употребления слова *полстопы* от *стопа* ‘кипа; мера бумаги’ (например: ...*вынул из портфеля полстопы* *исписанной бумаги* [В.Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5-8 (1913-1932)]) и омонимичного образования от *стопа* ‘ступня’: ...*заднюю ногу поставить глубже примерно на ширину стопы и отставить в сторону на полстопы* (Алексей Яшкин. Стойки в каратэ // «Боевое искусство планеты», 2004.09.09) [5]. Данная омогруппа сохранилась в языке. Все использованные нами словари фиксируют омонимы *стопка*¹ ‘небольшая кипа’ и *стопка*² ‘небольшой стаканчик для вина’ [2, с. 1274; 6, с. 768; 9; 13; 1, с.311], и только в «Словаре омонимов русского языка» Н.П. Колесникова к ним добавлены диалектное *стопка* ‘палочка’ и разговорное *стопка* – действие по глаголу *стопить* ‘растопить; растопив, соединить’ [4, с. 570]; если не учитывать этих малоупотребительных слов, следует отметить сокращение омогруппы, сопровождаемое заменой. Омонимы *стопочка*¹⁻² (к *стопа* ‘стакан’ и *стопа* ‘кипа’) даны в «Морфемно-орфографическом словаре» А.Н. Тихонова [12], что позволяет констатировать замену одного из её членов другим. Итак, на современном этапе гнездо омонимов имеет следующий вид.

Таблица 3. Производящие и производные в современном русском языке

	<i>полстопы</i>	<i>стопка</i>	<i>стопочка</i>
<i>стопа</i> ¹ ‘ступня’	+		
<i>стопа</i> ² ‘кипа’	+	+	+
<i>стопа</i> ³ ‘стакан’		+	+
<i>стопа</i> ⁴ ‘единица стиха’			

История этих омогрупп позволяет сделать ряд выводов. 1) Отраженная омонимия была представлена в русском языке не только на современном этапе, но и в более ранние периоды его развития. 2) Производящими для отраженных омонимов могли служить родственные или неродственные по происхождению слова. 3) Омонимы, от которых образуются омонимичные слова, могут иметь омоним, от которого такие производные не образуются. 4) С течением времени группы омонимов могли претерпеть различные изменения, вследствие чего трансформировалась картина отраженной омонимии в целом.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 448 с.

2. Большой толковый словарь русского языка. / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
3. Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.
4. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 672 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://search.ruskorpora.ru> (дата обращения: 17.09.2021).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
7. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. Вып.1. 680 с.
8. Словарь Академии Российской. Ч.V. СПб.: Императорская Академия наук, 1794. 1084 стб.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 17.09.2021).
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 16 / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1990. 295 с.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 28 / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2008. 303 с.
12. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovorod.ru> (дата обращения: 17.09.2021).
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 17.09.2021).
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2007. 830 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

Р.В. Ширшаков

R.V. Shirshakov

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

Penza State University, Penza

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ-СУБСТАНТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНЗЕНСКИХ ГОВОРОВ)

Рассматриваются дифференциальные признаки словообразовательных диалектизм-субстантивов в русском языке. Анализируются аффиксы, за счет которых осуществляется отличие диалектных субстантивов от их литературных эквивалентов.

Ключевые слова: *словообразовательные диалектизмы, пензенские говоры.*

WORD-FORMING DIALECTISMS-SUBSTANTIVES (BASED ON THE PENZA DIALECTS)

The differential features of word-forming dialectisms-substantives in the Russian language are considered. The affixes are analyzed, due to which the difference of dialectal substantives from their literary equivalents is carried out.

Keywords: *word-forming dialectisms, Penza dialects.*

Изучение диалектного словопроизводства остается актуальной задачей современной лингвистики и проводится «путем сопоставления соответствующих фактов литературного языка и говоров, что предполагает выявление собственных диалектных черт с учетом общих принципов организации словообразовательной системы русского языка и основных тенденций ее развития» [2, с. 6].

Интерес к вопросам диалектного словообразования обусловлен недостаточной его изученностью, а многие вопросы исторического словообразования и исторической лексикологии могут быть решены только посредством тщательного изучения морфологической системы и лексического состава говоров.

К словообразовательному типу диалектизмов относятся слова, отличающиеся от соответствующих эквивалентов литературного языка морфемным составом – это «слова с теми же корнями и имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но с другими аффиксами» [4, с. 38]. Эта разновидность диалектных слов имеет свою специфику в зависимости от частеречной принадлежности, что предопределено набором словообразовательных аффиксов и моделей, характерных для определенного лексико-грамматического разряда. Так, в классе имен существительных количественно преобладающим видом дифференциальности слова является суффиксальный тип, поскольку «среди морфологических способов образования существительных по употребительности, производительности и по широте охвата разных смысловых разрядов имен существительных на первом месте... стоит способ суффиксального словообразования» [1, с. 211]. То же наблюдается в сфере имен прилагательных. В разряде же глагольной лексики значительную часть составляют словообразовательные диалектизмы префиксального типа, так как глагольное словопроизводство характеризуется продуктивностью префиксального словообразования.

Словообразовательные диалектизмы-субстантивы наиболее многочисленны по сравнению с другими частями речи.

Для удобства рассмотрим их по тематическим группам: названия людей, животных, неодушевленных предметов.

1. Названия людей.

Характерно, что сюда относятся словообразовательные диалектизмы-субстантивы мужского и женского рода однородной семантической группы: они называют мужчин и женщин по роду занятий, профессии, реже – по какой-либо характерной особенности.

Отличие диалектных субстантивов мужского рода от литературных эквивалентов реализуется общенародными суффиксами и их вариантами: *-чик, -щик, -льщик, -овщик, -ник, -ист, -ант* – составляющими в литературном языке продуктивный тип образований: *гармонщик* – гармонист, *весчик* – весовщик, *изменщик* – изменник, *собиральщик* – сборщик, *гонёвщик* – гонщик, *музыкант-щик* – музыкант.

Отличие диалектных субстантивов женского рода от литературных эквивалентов реализуется так же общенародными суффиксами *-их(а), -ух(а), -к(а), -j(а), -ш(а), -щиц(а), -ниц(а)*, обладающими в литературном языке разной степе-

нюю продуктивности: *пастушиха* – пастушка, *стряпка* – стряпуха, *агрономка* – агрономша, *свашка* – сваха, *прялка* – пряха, *тканица*, *ткачка* – ткачиха, *игуменьша* – игуменья, *учительша* – учительница, *колдовщица* – колдунья. Следует отметить образования с суффиксами *-ej(a)*, *-lj(a)*, *-ln(a)* с иным словообразовательным значением в литературном языке: *жнея* – жница, *пряля*, *пряльня* – пряха, *ткаля* – ткачиха. В слове *бабока* диалектный суффикс *-ок(a)* на месте литературного *-ушк(a)* (бабушка).

2. Названия животных.

К этой тематической группе принадлежат словообразовательные диалектизмы-субстантивы в основном женского рода, обозначающие самок животных. К мотивирующим основам присоединяются продуктивные в общенародном языке суффиксы *-их(a)*, *-иц(a)*, *-к(a)*: *волчиха* – волчица, *медведиха* – медведица, *ящерка* – ящерица.

Возможен диалектный вариант без суффикса при его наличии в литературном эквиваленте: *ляга* – лягушка. Литературный вариант ‘лягушка’ образован от ‘лягуха’, которое, в свою очередь, – от глагола ‘лягать’ (как *скакуха*, *плясуха*). Таким образом, слово ‘ляга’ может функционировать в говорах как своеобразный архаизм, однако не следует исключать наличия в данном случае в современных говорах процесса обратного словообразования, то есть ‘ляга’ от ‘лягушка’, особенно в речи молодежи и представителей среднего поколения.

Из словообразовательных диалектизмов-субстантивов мужского рода отметим следующие образования: *мураш*, *муравейник* – муравей, *светляк* – светлячок, *ряб*, *рябок* – рябчик, *волчок* – волчонок.

3. Названия неодушевленных предметов.

Эту самую многочисленную группу составляют суффиксальные и префиксальные образования с предметным значением.

Здесь наблюдаются следующие закономерности:

1. Наличие суффикса в литературном слове при его отсутствии в диалектном (суф. *-к-*, *-ок-*): *вечеринка* – *вечерина*, *занавеска* – *занавеса*, *кочка* – *коча*, *кромка* – *крома*, *ловушка* – *ловуша*, *подпорка* – *подпора*, *клубок* – *клуб*, *платок* – *плат*.

2. В общенародном слове – суффикс *-ик(a)*, в диалектном – *-иг(a)*, *-иц(a)*, *-ник(a)*. Сюда относятся наименования ягод: *брусника* – *бруснига*, *брусница*, *голубика* – *голубника*, *ежевика* – *ежевига*, *ежевица*, *земляника* – *землянига*, *земляница*, *клубника* – *клубнига*, *костяника* – *костянига*, *черника* – *чернига*, *черница*.

Следует объединить в отдельную группу различные по семантике словообразовательные диалектизмы-субстантивы с именными и глагольными мотивационными основами, отличающиеся от литературных эквивалентов вариантными суффиксами, иногда – суффиксальными дублетами: *годовина* – годовщина, *запретство* – запрещение, *лужанка* – лужайка, *лиственка* – лиственница, *новность* – новость, *посиденки* – посиделки, *свиданка*, *свидалка* – свидание, *прятушки* (нейтральное) – прятки.

Отметим ряд образований, однотипных по соотносительным суффиксам:

1. В общенародном слове – суффикс *-ок*, в диалектном – *-ыш*: *белок – белыш*, *желток – желтыш*, *обломок – обломыш*, *обрубок – обрубыш*, *огарок – огарыш*.

2. В общенародном слове – суффикс *-знь*, в диалектном – *-сть*: *болезнь – болесть*, *жизнь – жисть*.

Словообразовательные диалектизмы-субстантивы, отличающиеся от литературных эквивалентов префиксами, следующие: *загородь – изгородь*, *заплеуха – оплеуха*, *накваска – закваска*, *наплавок – поплавок*, *обряд – наряд*, *придорожник – подорожник*, *ростепель – оттепель*.

Таким образом, отличие словообразовательных диалектизмов-субстантивов от литературных эквивалентов реализуется в основном общенародными аффиксами разной продуктивности, иногда диалектными аффиксами. Наличие общего фонда словообразовательных средств вполне естественно, так как «постоянное воздействие иных по отношению к языку диалекта языковых элементов и есть одна из причин, которая определяет специфику диалектной системы по сравнению с литературным языком» [3, с. 38].

Большая часть словообразовательных диалектизмов-субстантивов имеет ту же специфику мотивационных основ, с которыми сочетаются общенародные аффиксы, что и в литературном языке. Однако в отдельных случаях имеются отличия:

1. Названия лиц женского пола по роду деятельности с суффиксом *-ниц(а)* в литературном языке образуются от соотносительных существительных мужского рода на *-ник*, в говорах же они образованы от глагольной основы (*жатница, тканица*).

2. Не соотносительны с существительными мужского рода слова *стряпка, свашка* (ср.: *агронóмка, пасту́шка, тка́чка, учíteльша*).

3. Названия лиц мужского пола с суффиксом *-овщик (-евщик)* в литературном языке образуются не от вербальных основ (например, *гонёвщик*), а от именных.

Взаимодействие и взаимовлияние говоров и литературного языка на морфемном уровне, как и на других уровнях языка, происходит по устоявшимся в нем закономерностям, но с определенной спецификой экспликации системных фактов. Своеобразие диалектной языковой системы состоит в том, что действуют эти закономерности в разное время и с различной степенью активности: в некоторых случаях диалектные языковые процессы происходят инертнее, чем в литературном языке, порождая так называемые архаизмы, а иногда опережают аналогичные явления, и языковые тенденции оказываются в говорах более прогрессивными.

При рассмотрении как общесистемных фактов, так и словообразовательных особенностей необходимо учитывать сущность литературного языка и диалекта и формы их существования. Нормированность и обработанность как основные характеристики литературного языка обусловлены, в частности, письменной формой его существования. В диалектах, поскольку они суще-

ствуют только в устной форме, основные языковые тенденции реализуются более отчетливо и последовательно, чем в литературном языке.

Список литературы

1. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1970. 764 с.
2. Диалектное словообразование: очерки и материалы / под ред. М.Н. Янценецкой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. 201 с.
3. Коготкова Т.С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора // Слово в русских народных говорах / под ред. Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1968. С. 37-52.
4. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.-Л.: АН СССР, 1961. 197 с.

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Г.Н. Абреимова

G.N. Abreimova,

В.И. Казарина

V.I. Kazarina

Елецкий государственный университет

им. И.А. Бунина (Елец, Россия)

Bunin Yelets State University, Yelets

СОСТАВ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

Статья посвящена анализу словарей, в которых дается фразеологический материал. Детальному исследованию подлежат принципы отбора фактического материала, построение словарной статьи, а также системы помет, представленные в анализируемых словарях. Отмечаются достоинства и отдельные недостатки в описании фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, словарь, крылатое выражение, поговорки, пословицы.

COMPOSITION OF RUSSIAN PHRASEOLOGY AND ITS REFLECTION IN DICTIONARIES

The article is devoted to the analysis of dictionaries in which phraseological material is given. The principles of selecting the factual material, the structure of the dictionary entry, as well as the system of labels presented in the analyzed dictionaries are subjected to a detailed study. The advantages and disadvantages of the description of the phraseological units are noted.

Keywords: phraseology, dictionary, popular expression, proverbs, sayings.

Фразеологический материал русского языка представлен в разной степени в толковых словарях лексического типа. Фразеологические единицы (ФЕ) подаются, как правило, в конце словарной статьи, как показатель того положения, что рассматриваемые, указываемые слова встречаются в составе перечисленных устойчивых выражений. Другими словами, фразеологический материал поставлен в подчиненное положение: он не является основным объектом знакомства или изучения, на передний план выставляется лексема, ее значения, формы, синтагматика и т. д. Подобная подача ФЕ в лексических словарях никак не может быть всеобъемлющей, хотя попытки такого рода имеются: в «Словаре современного русского литературного языка» [6] зафиксировано свыше 30 тысяч ФЕ. Но практически нахождение нужного материала по фразеологии вызывает некоторые неудобства, так как это многотомное издание, включающее различную информацию о слове.

В лингвистической практике необходим словарь компактный, однотомный и только фразеологический. «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова [9] не полностью отвечает современным требованиям: по объему он небольшой (около 4 тысяч ФЕ), перегружен предложно-

именными сочетаниями, устаревшими оборотами, в состав анализируемого материала не входят паремии, крылатые выражения, составные термины и другие устойчивые словесные комплексы. «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова [8] значительно больше по объему, в нем представлено более 12 тысяч ФЕ: идиом и фразеологических сочетаний, а также включены и другие устойчивые словосочетания, семантика которых нуждается в истолковании (части пословиц, крылатые слова и др.). Однако в словаре отсутствуют поговорки и узкоспециальная терминология. Следует констатировать, что перечисленные словари не могут быть образцовыми по причине отсутствия многих типов ФЕ и их небольших объемов. Как известно, двуязычные фразеологические словари европейских языков содержат около 20-30 тыс. ФЕ. «Русский язык накопил за многовековую историю своего развития сотни тысяч фразеологизмов» [3, с. 183], которые следует систематизировать и представить в полном объеме.

При выявлении всего фразеологического богатства необходимо придерживаться широкого взгляда на объект фразеологии, рассматривая все известные типы ФЕ. Объем фразеологии, с нашей точки зрения, должен быть напрямую связан с такими признаками, как «устойчивость, целостность значения, невыводимость значения из суммы значений, составляющих его слов, раздельнооформленность, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки и др.» [4, с. 109]. Из всех признаков, которые обычно учитываются и которые не всегда присутствуют у фразеологизмов в полной мере, прежде всего надо иметь в виду *воспроизводимость* – признак глобальный, всеобъемлющий. Можно ограничиться было бы только одним этим признаком в понимании фразеологического статуса ФЕ, но данное понятие – это сложное, компликативное явление: оно неизбежно связано с устойчивостью, раздельнооформленностью и общеизвестностью. Кроме того, нельзя не учитывать и то, что такие признаки, как устойчивость и общеизвестность, характеризуются, с нашей точки зрения, относительностью своего проявления: фразеологизмы способны изменяться лексически, семантически, стилистически, структурно. Если же, предположим, пользоваться при определении объема фразеологии такими признаками, как лексическое значение, компонентный состав, наличие грамматических категорий [9, с. 5], то, оказывается, невозможно определить ни сам объем фразеологии, ни типы ФЕ, ни дать их «разумное» количественное представление в словаре.

В 2003 году вышел в свет Фразеологический словарь русского языка, руководителем авторского коллектива которого являлся А.Н. Тихонов [7]. Словарь содержит общеупотребительную фразеологию современного русского литературного языка и включает свыше 10 тыс. фразеологизмов. В состав русской фразеологии вошли те сочетания, которые характеризуются устойчивостью, общеизвестностью и раздельнооформленностью, независимо от того, обладают они или не обладают переносным значением. Соответственно к устойчивым оборотам в данном словаре относятся не только собственно фразеологизмы *пролить бальзам, восстать от сна* и др., но и сочетания, выступающие в роли

наречий, предлогов, союзов *без удержу, тем не менее* и др., а также известные составные названия *железная дорога, магнитное поле* и др. В сравнении с его источником, «Словарем русского языка» [5], данный фразеологический словарь отличается рядом изменений в подаче ФЕ: 1) уточнена видовая характеристика глаголов; 2) во всех примерах выверена и полнее отражена сочетаемость фразеологизмов; 3) расширена система стилистических помет; 4) более точно определен компонентный состав оборотов; 5) компоненты ФЕ снабжены ударением и т.д.

При широком взгляде на объект фразеологии фиксируются все ФЕ, в том числе 1) составные термины, 2) крылатые выражения, 3) пословицы и поговорки, 4) паремии типа загадок, 5) фольклорные обороты, 6) партикулярные ФЕ, 7) обороты типа «не + знаменательное слово», 8) совмещенные ФЕ, 9) вокативные обороты, 10) предложно-именные устойчивые словесные комплексы, 11) образования типа «служ. + знаменат. слово», «служ. + служ. слово», 12) модальные ФЕ, 13) вопросно-ответные выражения, 14) междометные УСК, 15) персонифицированные обороты, 16) фразеологические аппозитивы, 17) фразеологизированные выражения, представляющие фразеосхемы.

С нашей точки зрения, в фразеологический словарь русского языка должны войти составные термины (*рыночная экономика, центральное отопление, атомная энергия, минеральная вода, белая горячка* и др.), характеризующиеся в основном отсутствием экспрессивно-стилистической окраски сравнительно с другими типами ФЕ, отражающие специальные понятия общественных, естественных, технических и гуманитарных наук. Не все терминологические ФЕ известны носителям языка. Поэтому во фразеологическом словаре должны получить отражение лишь те, которые характеризуются актуальностью и высокой частотой своего употребления. Такой же подход должен быть и по отношению к другим типам ФЕ. Все составные термины невозможно включить в словарь из-за ограниченности его объема. Читателю необходимо знать лишь общеизвестные терминологические обороты, остальные же ФЕ можно включать лишь в специальные терминологические словари.

Крылатые выражения также должны получить свое место во фразеологическом словаре. Но при этом следует установить соответствующие пределы их кодификации. Все, без исключения, подобные обороты можно установить, определить и зафиксировать лишь в специальном словаре или сборнике. Поскольку их число меняется постоянно (одни обороты устаревают, утрачивают свою актуальность, становятся неизвестными, другие же, напротив, актуальны в силу ряда лингвистических и экстралингвистических факторов), то возникает насущная необходимость создания новых, достаточно полных словарей крылатых выражений. По своим признакам это такие выражения, которые имеют отношение к источнику-тексту и автору-создателю: *любви все возрасты покорны* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин), *счастливые часов не наблюдают* (А.С. Грибоедов. Горе от ума) и т. д. Эти признаки, с нашей точки зрения, и составляют условия отбора крылатых оборотов. Многие из них утрачивают указанные признаки, забвению подвергаются и авторство, и источник, и лишь этимоло-

гическая оправка может явно указать на крылатость подобных ФЕ. При учете таких оборотов в фразеографической практике, естественно, необходимо в первую очередь обращать внимание на те образования, которые характеризуются в настоящее время актуальностью своего употребления.

В фразеологический словарь, с нашей точки зрения, должны войти пословицы и поговорки. Различные мнения относительно того, что какие-то паремии входят в состав фразеологии, а какие-то не должны входить по причине отсутствия якобы фразеологической природы, не должны иметь силу закона в связи с их теоретической несостоятельностью: все паремии – это фразеологизмы, все она имеют один только смысл – фразеологический. См.: *без труда не вынешь и рыбку из пруда; человек предполагает, а бог располагает; что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; дела, как сажка бела; смелость города берет; от ворот оглоблям поворот; помолясь богу, и в дорогу; как родился твой дед, было мне с хвостиком сто лет* и т. д. Конечно, такие пометы, как «послов.», «погов.», должны быть, составители словаря обязаны их различать, но на пути их дифференциации возможны ошибки в связи с нечеткой выраженностью смыслового содержания отдельных паремий. Для нас, бесспорно, одно: пословицы и поговорки составляют большую группу специфических фразеологизмов. Практика их кодификации, как правило, сводится к составлению отдельных словарей пословиц и поговорок, но паремии все-таки должны получить место и во фразеологическом словаре, причем, отбору подлежат те, которые известны сейчас и активно используются в настоящее время в языке и речи. Что же касается устаревших ФЕ, то их место, конечно, в специальных словарях пословиц и поговорок (см.: *разбойник – живой покойник; семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь; вор ворует, а мир горюет* и т. д.).

При кодификации ФЕ не должно быть предпочтения одних типов ФЕ другим. Но известно, что отдельные группы ФЕ во фразеологическом фонде представлены большим количеством, чем другие, и это обстоятельство, бесспорно, необходимо учитывать.

К паремиям, с нашей точки зрения, необходимо относить также загадки: их фразеологичность определена тем, что они характеризуются воспроизводимостью, устойчивостью своей формы и общеизвестностью. См.: *одну меня не едят, а без меня мало едят* (соль); *сидит барыня в ложке, свесив ножки* (лапша); *ни окон, ни дверей – полна горница людей* (огурец) и т. д. Разумеется, все загадки не следует включать во фразеологический словарь: среди них довольно много устаревших паремий, да и в художественных текстах они встречаются редко. Но кодифицировать их необходимо для демонстрации типов ФЕ и многообразия фразеологических единиц в количественном отношении.

Фиксации должна подлежать также партикулярная фразеология. Эта группа ФЕ содержит составные союзы (*так как, потому что, как будто, да и, тогда как, то есть* и т. д.), составные предлоги (*в течение, в связи, в виде, по мере, при условии* и т. д.), составные частицы (*еще бы, что за, навряд ли, добро бы* и т. д.).

В теоретическом плане нельзя суживать объем фразеологии, напротив, все выражения, характеризующиеся воспроизводимостью, должны быть учтены, и если есть возможность определить их как группы по каким-либо признакам (структурным, семантическим, стилистическим и т. д.), то дифференциацию следует провести. В частности, в структурном плане должны быть зафиксированы такие ФЕ, которые представляют собой следующие сочетания: 1) «не + сущ.» (*не пара, не беда, не охотник, не люди, не жилец*), 2) «не + глагол» (*не взыщи, не скажи, не дыши, не надыхаться, не заикайся, не греши, не говори, не напасешься, не продохнуть*), 3) «не + прилагательное» (*не маленький, не святой, не чужой, не молоденький*), 4) «не + наречие» (*не зазорно, не прочь, чуть не, не очень, не мудрено, не пригоже*).

Не следует упускать из виду также такие ФЕ, которые начали рассматривать в научной литературе сравнительно недавно. Сюда можно отнести ФЕ, построенные по модели «ни + сущ.»: *ни слова, ни ногой, ни кола, ни двора, ни беса лысого* и т.д.

Существует довольно большая группа так называемых аппозитивных образований. Среди них выделяется тип ФЕ, состоящий из 2-х существительных, при этом одно из существительных выполняет функцию приложения (качественно-характеризующая функция), ср.: *красавец-мужчина, город-крепость, зима-чародейка, попрыгунья-стрекоза, красавица-зорька*. Другие же разряды ФЕ аппозитивного типа могут иметь иные отношения между существительными (синонимические, антонимические, ассоциативные), ср.: *тоска-печаль, океан-море, путь-дорога, сила-удаль, купля-продажа, хлеб-соль, чай-сахар*. В качестве структурных элементов аппозитивов могут выступать и другие части речи (глаголы, наречия, прилагательные, числительные): *судить-рядить, любодорого, думать-гадать, постой-погоди, такой-сякой, пятое-десятое, взад-вперед, туда-сюда, пить-есть, так-сяк, более-менее* и другие.

По нашим наблюдениям, богатое разнообразие структурных сочетаний представляет наречная, междометная и модальная фразеология: *все равно, как следует, всё одно, стало быть, что ли, что ж, что тут!, что вы!, вот что!, как можно!, как же!, где ж!, чур меня!* и т. д. Её необходимо всегда учитывать и подавать в словаре.

Имеются ФЕ, в которых переносное значение может сосуществовать, присутствовать одновременно с его прямым значением, например, *пожимать плечами, махнуть рукой, чесать затылок, разводиться руками, потирать руки, качать головой*. Совмещенные фразеологизмы необходимо также видеть при прочтении текстов и, разумеется, учитывать в словарной работе.

Спорадически отражены в лексических и фразеологических словарях так называемые персонифицированные обороты, которые олицетворяют силы природы, явления духовной, мыслительной жизни и деятельности человека: *слезы льются, голова болит, время ушло (придет, идет), страх берет, бог даст (даст, дал), слухи ходят, ветер воеет*.

Особый разряд ФЕ составляют вопросно-ответные обороты, первая часть которых содержится в устах первого собеседника, а вторая – это, собственно,

реплика другого лица: *как же? – так же; откуда? – от верблюда!; откуда? – оттуда!; кто? – дед Пухто!* Очень близки им по ситуации (диалогу) и такие ФЕ, которые, в сущности, представляют собой ответ на вопрос. По своей форме они могут существовать самостоятельно, но их появление обусловлено вопросом: *Как живем? – Живем, хлеб жуем; Что есть? – Есть-то есть, да не про вашу честь; Как дела? – Дела, как сажа бела; Как жизнь? – Жизнь бьет ключом (и все по голове).*

В 2013 году был издан словарь «Ответные реплики в русской диалогической речи» В.Т. Бондаренко [1], в который включено более 900 клишированных единиц диалогической речи, выражающих реакцию говорящего лица на «чужое» слово, реплику собеседника. Во фразеологический словарь следует также включать употребительные устойчивые словесные формулы, специализирующиеся в функции ответных реплик-реакций.

Полагаем, отдельно должна оцениваться и учитываться во фразеографической практике так называемая вокативная фразеология, выполняющая функцию обращения с положительной или негативной характеристикой действующего лица: *дурак старый!, милый друг!, гости дорогие!, сердечный друг!, отец родной!, крапивное семя!, канцелярская крыса!, голубь ты мой сизокрылый!, шелудивые поросята!*

Не всегда в должной мере строго и последовательно фиксируются фольклорные ФЕ: *красная девушка, жили-были, каленые стрелы, терем высокий, добрый молодец, Иванушка-дурак, синее море, широкое поле.* Им должно быть отведено достойное место во фразеологическом словаре.

Указанными типами (группами) ФЕ, естественно, не ограничивается фонд русской фразеологии. С нашей точки зрения, это лишь такие образования, которые необходимо учитывать, кодифицировать, так как, во-первых, в теоретической литературе они или совсем не представлены, или слабо освещены, во-вторых, в большинстве своем они не зафиксированы в словарях.

Фразеологический корпус, конечно, состоит из большого числа общеизвестных ФЕ различных моделей (Н.М. Шанский, например, установил ФЕ типа предложений, 12 моделей сочетаний слов, а Л.И. Ройзензон определил структурную организацию компаративных тавтологических оборотов, учел присоединительные конструкции). Мы считаем, что в специальной структурной характеристике нуждаются все обороты междометного, наречного и модального типа.

Представление об объеме фразеологии значительно углубляется, если иметь в виду минимальную семантическую трансформацию, то есть наличие переносного значения лишь у одного из компонентов ФЕ. В этом случае число ФЕ значительно вырастает: *важное дело, даровые деньги, забрать в голову* и подобные. С нашей точки зрения, такие обороты также должны учитываться: они, по словам М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, представляют собой «массовый материал» [2, с. 5].

Имеются обороты, содержащие, по нашему мнению, нулевую идиоматичность: они не имеют даже минимального семантического сдвига, то есть ни

сам оборот, ни один из его компонентов переносного значения не содержат, однако, воспроизводимостью такие образования обладают: *каждый день, друг друга, с тех пор, в то же время* и др. К подобным ФЕ следует причислить так называемые фразеологизированные выражения, представляющие собой фразеосхемы, например, *пить так пить; закон есть закон; пир не в пир; хочешь не хочешь, а ...; с тем расчетом, чтобы ...; не скажу, чтобы ...; добро бы, а то ...* и т. д.).

Таким образом, перечисленные нами позиции могут помочь определить объем фразеологии, выделить довольно большое число ФЕ разнообразного типа. Их кодификация существенно изменит как состав фразеологического словаря, так и наше представление о фразеологии русского языка.

Сиг 'Прыжок'. *Сделал сига два – бежит ко мне собака.*

Сижёк 'Прыжок'. *Сижёк заяц сделал и сел* [1, с. 828-829].

В Словаре морфем приводятся все три глагола (включая известное *сигануть*) с выделением корневой морфемы *сиг-* [2, с. 303]. У А.Н. Тихонова, как и следовало ожидать, слово *сигать* – вершина словообразовательного гнезда [9, т. 2, с. 99]. К слову, в [8, т. 13, с. 765] в толковании глагола *сигать* мотивирующий компонент просто отсутствует. Ср.: *сигать (сигануть)* Простореч. 'Прыгать'.

В составе фрагментов диалектных словообразовательных, лексико-словообразовательных гнезд могут содержаться производные, представляющие значения, не имеющие однословного выражения в литературном языке. При этом эти единицы могут существенно дополнить и семантически обогатить представленные в традиционной словообразовательной лексикографии (например, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова) деривационные конфигурации родственных слов. В приводимом ниже фрагменте обратим внимание на производные *слезоливец* и *расслезить*.

Список литературы

1. Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978. 190 с.
3. Ройзензон Л.И., Абрамец И.В. (рец.) «Фразеологический словарь русского языка» / под ред. А.И. Молоткова // РЯШ. М. 1968. №2. С. 178-185.
4. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1975. 223 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус.яз., 1981-1984. 2984 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1948-1965. 13509 с.
7. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: Рус.яз.: Медиа, 2003. 336 с.
8. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

Е.Н. Антонова, О.А. Бойченко, Е.А. Зацепина
E.N. Antonova, O.A. Boychenko, E.A. Zatsepina

Государственный университет по землеустройству (Москва, Россия)
State University of Land Use Planning, Moscow

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННЫХ АФОРИСТИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ

Статья посвящена схематичной структуризации афористических паттернов, гармонично вписывающихся в современный художественный дискурс. Сквозь призму поэтики как теории поэзии рассматривается функционирование прозаических афоризмов наряду с поэтическими в пространстве лингвокультуры. Приведены некоторые наиболее распространенные паттерны, характеризующие узнаваемые изречения. Конкретные примеры прокомментированы с позиции полевого метода современной филологии.

Ключевые слова: лингвокультура, художественный дискурс, структурно-семантические особенности, паттерн, афоризм.

THE POETICS OF CONTEMPORARY AFORIST PATTERNS

The article is devoted to the schematic structuring of aphoristic patterns that harmoniously fit into modern artistic discourse. Through the prism of poetics as a theory of poetry, the author considers the functioning of prosaic aphorisms along with poetic ones in the space of linguoculture. Some of the most common patterns that characterize recognizable sayings are given. Specific examples are commented on from the standpoint of the field method of modern philology.

Keywords: linguoculture, artistic discourse, structural and semantic features, pattern, aphorism.

Формирование доминантных черт русской культуры происходит одновременно на основе и в зависимости от развития художественного интертекста. Поэтика, отражающая уникальные интертекстуальные свойства, является многофункциональным фактором генезиса лингвокультурного наследия и играет значительную роль в развитии социального мышления [1]. Мышление как когнитивный способ экспликации образов, технических характеристик объектов действительности, логического содержания языковой картины мира имеет две основные формы выражения – вербальную, или языковую, и понятийную. При включении обеих форм выкристаллизовывается уникальный тип языковых единиц – афоризмов. Отличительной чертой данных устойчивых конструкций является наличие авторства, основная сложность в декодировании – структурно-семантическое многообразие.

В компетенцию теории поэтики входит изучение непосредственно поэтической деятельности, происхождения художественных средств, образов, символов и т.д., значения и назначения словотворчества, формально-содержательной характеристики когнитивно-эстетического продукта, а также общих литературных законов и закономерностей. Поэтика уполномочена вносить свои коррективы в таксономические показатели языковых средств. Так, независимо от источника афоризма – поэзия или проза – он в разной степени обладает поэтическим потенциалом. Афористические структуры отличает от метафорических

фраз в первую очередь их воспроизводимость, узнаваемость и, как следствие, семантическая устойчивость. Несмотря на разнообразие синтаксических конструкций, которые могут лежать в основе афоризма, можно выделить ряд наиболее популярных моделей, образцов или паттернов. По данным лексикографии, **паттерн** (от англ. pattern) представляет собой междисциплинарный термин, в гуманитарных науках (в частности в психологии) обозначающий ‘набор систематически повторяющихся поведенческих реакций’ и т.д [6, с. 496-497].

Современный художественный дискурс формируется под влиянием всемирной цифровизации, не исключая, однако, сформированных на протяжении веков творческих традиций. Объединение настоящего и будущего с прошлым создает аутентичный лингвокультурный контент, являющийся неотъемлемой частью интернет-дискурса [2]. В качестве иллюстраций сказанному проанализируем один из современных web-сайтов, содержащих афористические мемы [3]. Выделение паттернов осуществлялось на основе индуктивного подхода к структурно-семантическим свойствам известных афоризмов.

1. Последовательное развитие мысли в высказывании.

«Если вдруг вы стали для кого-то плохим, значит много хорошего было сделано для этого человека» – Лев Толстой (данный пример отражает **жизнь, восприятие действительности**).

2. Антонимия смысловых частей в основе афористической конструкции.

«Я всегда ищу в людях только хорошее. Плохое они сами покажут» – Владимир Высоцкий (**человек и качества человека**).

3. Принцип детерминизма, формирующий изречение.

«Имейте терпение! Пусть грязь осядет, и вода станет чистой. Тогда правильные действия станут напрашиваться сами собой» – Лао Цзы (**учение**).

4. Концептуальная градиация с использованием однородных структур.

«Дружбу не планируют, про любовь не кричат, правду не доказывают» – Фридрих Ницше (**эмоциональное состояние и характеристики человека**).

5. Дефинитивный тип формирования афористического кода.

«Афоризм – это вершина, на которую не каждая фраза в силах подняться» – Чуча Суперстарчу (**мир, истина**).

6. Стихотворческое оформление остроумного высказывания.

«Красоту увидеть в некрасивом, / Разглядеть в ручьях разливы рек! / Кто умеет в буднях быть счастливым, / Тот и впрямь счастливый человек!» – Эдуард Асадов (**любовь и дружба**).

Представлен далеко не исчерпывающий список современных афористических паттернов. Сентенции в большинстве своем отражают вечные темы, что обусловлено жанровой спецификой, структурно они могут выглядеть как простое или сложное предложения, а также представлять собой сферхфразовое единство.

Основу современных афористических паттернов составляет, безусловно, смысловой принцип. Один из ведущих специалистов в области русской афористики А.В. Королькова в своем программном научном произведении «Афористика в контексте русской культуры» рассуждает об истории возникновения афоризмов, определяет понятийный аппарат и место афористических единиц в жанровой структуре художественных текстов, предлагает структуризацию данных языковых единиц на основе семантической характеристики при включении аксиологических коннотаций и основных русских лингвокультурных концептов. Филологом выделяются следующие семантические поля: «разум; человек и качества человека; язык; учение; любовь и дружба; Россия (Отечество); эмоциональные состояния и характеристики человека; смерть / бессмертие, жизнь; война/мир; истина/ложь; трагическое восприятие действительности)» [4]. При формировании таксономических параметров, афористических паттернов и их иллюстративного сопровождения, что представлено выше, был использован данный полевой метод.

Образность и лаконичность афористических конструкций сближает их с элементами поэтики. Об актуальности изучения разнотипных устойчивых структур говорят многие ученые, подчеркивая их «широкое распространение <...> в современной речи, серийность использования, появление новых единиц» [5, с. 266]. Поэтический настрой современной афористики утверждает лучшие традиции мировой художественной литературы, а попытка выделить наиболее частотные афористические паттерны в русской лингвокультуре свидетельствует о неугасающем интересе исследователей к устойчивым языковым единицам.

Список литературы

1. Антонова Е.Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. Тула, 2018. С. 199-203.
2. Антонова Е.Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2020. Т. 17. №1. С. 71-78.
3. Афоризмы. Картинки [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/images/search?text=афоризмы&stype=image&lr=191&source=wiz> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2018. 226 с.
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М., 2019. Т.10. №2. С. 256-272.
6. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

А.А. Ахетова, Ж.М. Майгельдиева
А.А. Akhetova, Zh. Maigeldieva
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
(Кызылорда, Казахстан)
Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda

**О ТИПАХ И СЕМАНТИКЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ
В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСТАНСКОЙ
ПРЕССЫ 2015-2020 ГОДОВ)**

Сегодня глобальные изменения в словарном составе исследуемого нами языка обусловлены, несомненно, пополнением новыми словами, заимствованными из словарного фонда изучаемых языков. Заимствованные процессы наблюдаются благодаря и вследствие взаимодействия, взаимосвязей языковых единиц в социальном контексте, что находит свое отражение в периодической печати, теле-, радиожурналистике, и, конечно же, в социальных сетях. Заимствованные слова входят в нашу речь, претерпевая процессы освоения или не освоения в новом для них языковом пространстве. В статье описываются типы и семантика заимствованных слов газетного текста на материале казахстанской прессы периода 2015-2020 годов.

Ключевые слова: освоение, заимствованные, слова, газетный, текст.

**ABOUT THE TYPES AND SEMANTICS OF BORROWED WORDS IN
NEWSPAPER TEXT
(ON THE MATERIAL OF THE KAZAKHSTAN
PRESS 2015-2020)**

Today global changes in the vocabulary of the studied language are undoubtedly due to the addition of new words borrowed from the vocabulary of the studied languages. Borrowed processes are observed due to and due to the interaction, interconnections of linguistic units in a social context, which is reflected in periodicals, television and radio journalism, and, of course, in social networks. Borrowed words are included in our speech, undergoing the processes of mastering or not mastering in a new language space for them. The article describes the types and semantics of borrowed words of newspaper text based on the material of the Kazakh press for the period 2015-2020.

Keywords: development, borrowed, words, newspaper, text.

В современном мире глобальные изменения в словарном составе исследуемого нами языка обусловлены, несомненно, пополнением новыми словами, заимствованными из словарного фонда изучаемых языков. Заимствованные процессы наблюдаются вследствие взаимодействия, языковых единиц в социальном контексте, что находит свое отражение в периодической печати, теле-, радиожурналистике, и, конечно же, в социальных сетях. Заимствованные слова входят в нашу речь, претерпевая процессы освоения или не освоения в новом для них языковом пространстве [1].

Исследователями определяются различные пути освоения или не освоения заимствованного слова, но все они сходятся в одном мнении, что заимствованное слово в новом языке, во-первых, передается его фонетическими и гра-

фическими средствами, во-вторых, переходит и приобретает новые грамматические признаки, несвойственные ему, в-третьих, заимствованное слово оказывается под влиянием фонетики нового языка, в-четвертых, приобретают новую словопроизводственную активность, в-пятых, семантическую наполняемость [2].

В современном языкознании имеются различные классификации, заимствованных слов, связанных с их происхождением, предметом, степенью и условиями заимствования.

Заимствованные слова – это иноязычные слова, слова, принадлежащие иному языку. В данной статье анализируются заимствованные слова на материале русскоязычной казахстанской прессы. Нами было отмечено, что заимствованные слова, перешедшие в словарный фонд чужого языка, претерпевая процессы освоения, или адаптации [3]. В этой связи в результате анализа заимствованных слов казахстанской прессы нами были выявлены 5 типов заимствованных слов: 1) фонетически освоенные заимствованные слова; 2) графически освоенные заимствованные слова; 3) грамматически освоенные заимствованные слова; 4) лексически освоенные заимствованные слова; 5) интернациональные слова.

Первый тип заимствованных слов представляет собой фонетически освоенные заимствованные слова. Фактический языковой материал позволил сделать вывод, что абсолютное большинство заимствованных слов сохраняют фонетические свойства и характеристики. Причиной появления фонетически освоенных заимствованных слов является принадлежность языков к разным системам, которая оказывает влияние на близкие по артикуляции звуки и ускоряет процесс приспособления заимствованных слов к фонетическим законам русского языка. Так, например, в несингармоническом [4] русском языке нет согласных и гласных звуков [к], [э], [і], свойственных сингармоническому [4] казахскому языку. К данному типу относятся заимствованные слова из тюркских (казахского, арабского и др) языков в русский язык, например: *Кажы, Елбасы, Мажилис, Маслихат*:

... принял председателя ... Наурызбая кажы Таганулы...» (Казахстанская правда, ноябрь 2020 г.).

...отметил, что по поручению Елбасы заканчивается ... (Казахстанская правда, сентябрь 2019 г.).

Депутатский корпус Мажилиса состоит из 107 человек... (Казахстанская правда, март 2016 г.).

... казахстанцы выразили свою поддержку ... не только на выборах в Мажилис, но и в маслихаты всех уровней... (Казахстанская правда, март 2016 г.).

В ходе анализа заимствованной лексики на материале газетной публицистики нами зафиксировано 428 фонетически освоенных заимствованных слов.

Второй тип заимствованных слов, проявляющийся в газетном тексте, по распространению занимают второе место. К данному типу относятся графически освоенные заимствованные слова. Большинство заимствованных слов пре-

терпевают графическое освоение буквами русского алфавита: *брифинг* - англ. *Briefing* – *инструктаж* и др. В процессе анализа языкового материала нами было выявлено 729 единиц, в том числе: *тренд*, *латифундия*, *консенсус*, *фэнтези*, *блокбастер*, *мониторинг* и др.

Разумная сила, основанная на полноценном диалоге и терпеливом общении, становится новым трендом (Казахстанская правда, декабрь 2019г).

Латифундист – нем. – владелец латифундии (крупного земельного владения).

В стране сложился целый слой так называемых «латифундистов» (Казахстанская правда, сентябрь 2019 г.).

Консенсус (лат. consensus согласие, единодушие) – принятие решения по спорным вопросам на основе общего согласия, вырабатываемого путем обсуждения и взаимных уступок.

По его словам, национальный консенсус – это историческое преимущество...(Казахстанская правда, сентябрь 2019 г.).

Фэнтези – англ. – литературный жанр, возникший в результате синтеза фантастики и сказки, мифа, легенды, произведение, созданное в этом жанре; *Блокбастер* – англ. – фильм, рассчитанный на массовую аудиторию и имеющий большие кассовые сборы.

Историческое фэнтези и блокбастеры поручил снимать ... (Казахстанская правда, ноябрь 2018 г.).

Брифинг – англ. – краткая пресс-конференция с информацией по актуальным вопросам текущей политики

.... провел брифинг для представителей казахстанских СМИ ... (Казахстанская правда, апрель 2016 г.).

Трансферт – франц. – Банковская операция – перевод иностранной валюты или золота из одной страны в другую.

.... гарантированный трансферт в республиканский бюджет определен ... (Казахстанская правда, декабрь 2017 г.).

К третьему типу заимствованных слов относятся грамматически освоенные заимствованные слова. Всего грамматически освоенных заимствованных слов – 745. При переходе в систему русского языка заимствованные слова подчиняются его грамматическим правилам, тем самым осуществляется их грамматическое освоение. Они приобретают суффиксы, окончания пополняемого ими языка, приобретают соответствующие грамматические категории. Например, при заимствовании из греческого языка существительное *фантом* присоединяет суффикс -н, что способствует образованию прилагательного *фантомный*:

Существующие фантомные страхи необходимо убрать... (Казахстанская правда, август 2016 г.).

Можно привести и такие примеры грамматически освоенных заимствованных слов, появление которых обусловлено влиянием словообразовательных процессов русского языка, как:

Вайнер – человек, создающий вайны. *Вайн* – англ. – наикратчайший ролик продолжительностью от двух до двадцати секунд.

На сцене ... собрались ...вайнеры, блогеры и другие (Литер, ноябрь 2020 г.).

Медиацция – нем. – посредничество государства или лица в международном споре двух государств.

Развитие медиацции повысит уровень гражданского участия. (Казахстанская правда, октябрь 2015 г.).

Блогер – англ. – пользователь компьютера, ведущий блог. *Блог* – англ. – страница в интернете, оформленная в виде журнала, дневника, основное содержание которого – постепенно добавляемые записи, изображения и мультимедиа. *Блогинг* – англ. – ведение блога, онлайн-дневника.

... пытаются определить правовой статус блогеров. даже проводит опрос среди населения, чтобы понять, считается ли «блогинг» профессией и можно ли приравнять к СМИ тех, кто им занимается. (Литер, октябрь 2020 г.).

Волонтерское – относящееся к волонтеру. *Волонтер* – франц. – доброволец, человек, добровольно поступивший на службу.

Волонтерское движение должно стать частью культуры (Литер, декабрь 2020 г.).

Следует отметить также, что важным показателем освоенности заимствованного слова является образование производных слов с помощью способов словообразования.

Четвертый тип заимствованных слов представляет собой лексически освоенные заимствованные слова. Анализируя газетные тексты, мы убедились, что значения заимствованных слов меняются. Семантические изменения лексически освоенных заимствованных слов обусловлены контекстами, в которых эти слова употребляются, а также особенностями грамматической адаптации и языковыми потребностями. В некоторых случаях семантика сужается: приходит лишь одно значение, тогда как в языке-источнике оно многозначно. Семантика заимствованных слов может расширяться. Общее количество их составило 832 единицы. Например:

Онлайн-формат – режим непосредственного подключения компьютера или др. устройства к сети, при котором связь между взаимодействующими системами не прерывается.

Хэштэг – англ. – это сочетание решетки и знака, ключевое слово или словосочетание для навигации в микроблогах и социальных сетях.

Акция проходит в социальных сетях онлайн-формат и уже за короткий период собрала более 1000 публикации под единым хэштегом #Birinshi. (Литер, декабрь 2020 г.).

Пятый тип заимствованных слов включает в себя интернациональные слова, представляющие собой заимствованные слова, функционирующие во многих языках без изменения написания и произношения и сохранения лексического значения. Общее количество их составило 865 единиц, например:

Флешмоб – англ. – акция, которая проводится в условленном месте в обозначенное время и неожиданно для всех, кроме посвященных.

Подытожит мероприятие флешмоб, который будет проводиться
(Казахстанская правда, июль 2015 г.).

Пандемия – нем. – распространение какой-н. инфекционной болезни на целые страны и материки.

Фрагментация мирового порядка, и пандемии, а также являются глобальными вызовами (Казахстанская правда, май 2015 г.).

Праймериз – англ – первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные должности.

Так, ... введена норма о проведении партией внутрипартийных выборов – праймериз (Литер, декабрь 2020 г.).

Таким образом, в процессе анализа заимствованных слов на материале казахстанской прессы нами были выявлены 5 типов заимствованных слов и свойственная им семантика: 1) фонетически освоенные заимствованные слова; 2) графически освоенные заимствованные слова; 3) грамматически освоенные заимствованные слова; 4) лексически освоенные заимствованные слова; 5) интернациональные слова, обучение которых в инофонной аудитории требует разработки специальной системы упражнений.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. М.: Знак, 2008. 254 с.
3. Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов: Тысяча новых иностранных слов: [происхождение слов, толкование значений, грамматическая характеристика, употребление в речи]. М.: АСТ-Пресс, 2009. 320 с.
4. Майгельдиева Ж.М. Фонологические процессы в словообразовательных моделях стыка морфем сингармонического (казахского) и несингармонического (русского) языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1998. 32 с.

Н.Б. Бугакова

N.B. Bugakova

*Воронежский государственный
технический университет (Воронеж, Россия)*

Voronezh State Technical University, Voronezh

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ЛУГОВЫЕ МАСТЕРА»

Статья ставит целью рассмотреть особенности функционирования ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Луговые мастера». В этом исследовании мы приходим к выводу, что в текстах А. Платонова частотны замещения официальных имен и фа-

милый героев на прозвища. Также в специфике употребления автором ономастических единиц находят отражение особенности его биографии, тесно связанной с мелиорацией.

Ключевые слова: ономастика, А. Платонов, особенности функционирования.

ON SOME FEATURES OF FUNCTIONING OF ONOMASTIC UNITS IN THE STORY OF A. PLATONOV "MEADOW MASTERS"

The article aims to consider the features of the functioning of onomastic units in the story of A. Platonov "Meadow Masters". In this study, we come to the conclusion that in the texts of A. Platonov, there are frequent substitutions of the official names and surnames of the heroes with nicknames. Also, the specificity of the author's use of onomastic units reflects the peculiarities of his biography, which is closely related to land reclamation.

Keywords: *onomastics, A. Platonov, features of functioning.*

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению особенностей функционирования некоторых ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Луговые мастера». Этот рассказ был создан в 1926-1927 гг. и входил в сборник «Епифанские шлюзы», позднее был включен в первый том собрания сочинений А. Платонова. Однако необходимо отметить зачастую встречающиеся ситуации хронологических сбоев, когда речь идет о творчестве А. Платонова. Разные издания фиксируют разные годы создания тех или иных произведений, и в случае с А. Платоновым это не кажется чем-то экстраординарным, ведь даже о дате рождения писателя до сих пор идут споры. В предисловии к первому тому собрания сочинений встречаем подтверждение нашей точки зрения: «Лишь в последние годы стала вырисовываться одна из существенных проблем издания произведений Платонова – датировка текста. В исследовательских работах и посмертных изданиях произведения писателя чаще всего датировались по году их прижизненной публикации, что не всегда точно. Приблизительная датировка сопровождала и произведения, не публиковавшиеся при жизни писателя. В этой ситуации ошибки в датировках доходили от двух-пяти лет – до десятилетия. За небольшим исключением (вторая половина 1920-х гг.), рукописи Платонова не датированы; порой писатель мистифицировал дату написания» [12, с. 10]. Полагаем, что подобные особенности целостного восприятия творчества писателя обусловлены той ситуацией, которая складывалась вокруг его текстов на момент их создания, когда они вызывали многочисленные острые дискуссии вокруг своего появления. Критика тех лет не могла по достоинству оценить творчество писателя.

Аналізу творчества А. Платонова посвящено достаточное количество исследований различного характера. Это работы А. Варламова [3], Н.В. Корниенко [5], И.И. Матвеевой [7], В.Г. Арсланова [1], и, конечно же, воронежских лингвистов и литераторов – земляков писателя: О.Г. Ласунского [6], Г.Ф. Ковалева [4], Т.А. Никоновой [8]. Однако нам кажется важным исследование ономастических единиц, вводимых автором в текст произведений [2]; работы, посвященные этой проблематике, практически отсутствуют.

Исследуемый рассказ – «Луговые мастера» – рассматривает, как и многие тексты А. Платонова, отдельного человека, мужика «в прозвище Жмых, а по

документам Отжошкин» [11, с. 265]. Выбранная для именованя персонажа лексема *жмых*, по данным толковых словарей русского языка, означает «побочный продукт маслоэкстракционного производства, получаемый после извлечения масла из семян масличных растений» [9, с. 258]. Обычно жмых применяют в качестве корма сельскохозяйственных животных, так как по сути это отходы, вторичный продукт производства. В соответствии с этим можно предположить, что автор намекает на «второсортность» своего героя, что и подтверждается текстом:

«В старые годы он сильно запивал.

Бывало – купит четверть казенной, наденет полушубок, тулуп, шапку, валенки и идет в сарай. А время стоит летнее.

– Куда ты, Жмых? – спросит сосед.

– На Москву подаюсь, – скажет Жмых в полном разуме» [11, с. 265]. Так он проводил несколько дней, а «когда в четверти оставалось на доньшке, Жмых допивал молча один и говорил:

– Приехали! Слава тебе, господи, уцелел! ... После того Жмых не пил с полгода, потом снова «ехал в Москву» [11, с. 265].

Жену героя зовут Мавра, этот оним достаточно часто используется в текстах А. Платонова для именованя персонажей женщин. Так, например, одна из героинь романа «Чевенгур», созданного позднее, так же носит имя Мавра. «Словарь русских личных имен» А.В. Суперанской трактует имя Мавра как женский вариант онима Мавр – «из греч. *маурос*, черный» [10, с. 225]. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова лексема *мавр* объясняется следующим образом: «МАВРЫ, -ов, ед. мавр, -а, м. 1. Древнее название коренного населения африканского государства Мавритании, а также средневековое название мусульманского населения Пиренейского полуострова и западной части Северной Африки. 2. Название части населения Мавритании» [9, с. 342]. Учитывая историю африканского континента, а особенно Северной Африки, где долгое время было распространено рабовладение, полагаем, что автор использует именно этот оним для обозначения жены героя, чтобы обратить внимание на ее подневольность мужу, который отдает ей приказ: «Мавра, – кричал он жене, – встречай гостя, – и вылезал из телеги, в которой сидел уже четвертый день» [11, с. 265].

Положительное влияние на героя текста оказывают происходившие в стране события, в том числе революция 1917 г.: «Позже, в революцию, он совсем остепенился: сурьезное, говорит, время настало! ... Воротился Жмых чинным мужиком» [11, с. 266]. К герою пришло понимание того, что необходимо менять что-то в жизни, он не хочет жить в бедности. Поэтому начинает изобретать некую машину, которая должна работать на песке, но у Жмыха ничего не выходит:

«– Што ж, аль песок слаб? – спрашивали соседи.

– Нет – в песке большая сила, – говорил Жмых, – только ума во мне не хватает: учен дешево и рожден не по медицине!» [11, с. 266]. Герой признает свою несостоятельность, несмотря на тягу к изобретательству, и здесь отражена

традиционная платоновская метафора: его герои либо умные, либо хорошо работают руками.

Для именованя героя в тексте автор использует прозвище, а не фамилию человека несмотря на то, что она известна. Эта ситуация достаточно типична для текстов А. Платонова, в которых очень часто имя официальное, зафиксированное в документах, в тексте упоминается однократно, а далее герой именуется «по-уличному» (напр. «Юшка», «Бучило»). Отжошкин – такая фамилия главного героя рассказа, в описании жизни которого, несомненно, можно проследить параллель с жизнью самого писателя, как известно, большую часть своей жизни посвятившего мелиоративным работам. Вот и герой рассматриваемого рассказа, после неудач на техническом поприще, «взялся за мочливые луга» [11, с. 265]. В переживаниях Жмыха отражаются заботы самого Платонова, который был очень обеспокоен состоянием земель в Воронежской губернии: «Смерть земли и умирающий человек – об этой реальности Нэпа губмелиоратор Платонов постоянно сообщал в Москву» [15]. Лексема Отжошкин, выбранная автором для обозначения фамилии главного героя рассказа, имеет формант *-ин*, распространенный в русских фамилиях мужского рода. Такие фамилии представляют собой притяжательные прилагательные, образованные от существительных. Префикс *от-*, имеющий множество значений в русском языке, в данном случае обозначает происхождение от чего-либо. Полагаем, что основой для образования этой фамилии по принципу притяжательного прилагательного послужила лексема *жох*, обозначающая, как известно, человека ловкого, пройдоху. Автор не напрасно вводит в текст фамилию героя. При помощи нее он демонстрирует читателю удачливость Жмыха в мелиоративном деле, поскольку именно после проведенных им мероприятий гожевцы начали жить лучше: «– Мудёр мужик! – говорили гожевцы на Жмыха. – Всю Гожевку на корм теперь поставил!» [11, с. 265]. Можно предположить, что возникновение прозвища Жмых для главного героя объясняется ситуацией, сложившейся на родине автора в момент создания этого рассказа. Как следует из записных книжек А. Платонова, жмых – это то, что ели люди: «Вот лишь некоторые картины жизни русской провинции 1925 года – по запискам и сообщениям, отправленным из Воронежской губернии:

«С ухудшением продовольственного положения, настроение масс угнетенное. <...>

Характеристика питания населения <...> суррогатные хлеба употребляются с февраля месяца; в числе суррогатов жмыхи, груши, желуди и мякина...» [15].

В тексте произведения функционируют также топонимы. В первую очередь необходимо отметить название села, в котором и происходит действие. Так же, как и в случае с именованем главного героя, автор вводит два названия: «Село наше по-казенному называется Красногвардейское, а по-старинному – Гожево» [11, с. 265]. Топоним Красногвардейское, очевидно, образован от словосочетания Красная Гвардия, но «казенное» название села в тексте не функционирует, поскольку автор полагает непригодным для жизни место с та-

ким названием; активно используется «старинное» – Гожево. Учитывая наличие в данной лексеме суффикса *-ев-* и флексии *-о*, можно сделать вывод, что название села является притяжательным прилагательным среднего рода, образованным, возможно, от «гожий», то есть пригодный, которое, в свою очередь, происходит «от праслав., от кот. в числе прочего произошли: ст.-слав. годънь (др.-греч. εὐάρεστος «услужливый»), русск. годный, пригодиться, сербохорв. го́дан «подходящий», словенск. gódan «ранний, зрелый», чешск. hodný «пригодный, достойный, способный», польск. godny, в.-луж. hódny, н.-луж. gódny» [13, с. 259]. Полагаем, что, используя именно эту лексему для именованя села, автор хотел подчеркнуть необходимость в том, чтобы вернуть пригодность для проживания этому населенному пункту, как было раньше: «Народ у нас до сей поры рослый. Лугов – обилие, скота бывало много, и харчи мясные каждое воскресенье» [11, с. 266]. Помимо лексемы Гожево, автор употребляет также форму Гожевка, образуя существительное женского рода:

«– Мудёр мужик! – говорили гожевцы на Жмыха. – Всю Гожевку на корм теперь поставил!» [11, с. 265]. Суффикс *-к-* применяется автором для образования уменьшительной формы с целью продемонстрировать любовь жителей к своему селу.

Топоним Москва, употребляемый для обозначения места воображаемого путешествия Жмыха, символизирует что-то далекое, но известное и важное даже для такого человека, как Жмых.

Используемый автором гидроним Лесная Скважинка, называющий реку в Гожево, состоит из прилагательного лесная, что, очевидно, указывает на наличие леса по берегам реки, и существительного скважинка, образованного при помощи уменьшительного суффикса *-к-* от существительного скважина. Скважина – это в том числе отверстие в земле, как правило, цилиндрической формы. Видим, что А. Платонов, называя реку Скважинкой, имел в виду необычное строение дна, наличие мест с большой глубиной: «Скважинкой она прозвана за то, что омота в ней большие: старики сказывали, что мерили рыбаки глубину деревом – так дерево ушло под воду, а дна не коснулось, а в дереве том высота большая была – саженой пять» [11, с. 265]. Здесь прослеживается типичная для А. Платонова тяга вглубь земли, возникающая и в других текстах («Котлован», «Епифанские шлюзы»), об этом аспекте мы скажем еще раз позже. Автор также обращает внимание на коварность реки: «Небольшая у нас река, а для лугов ядовитая» [11, с. 265]. Подобная характеристика реки заставляет задуматься, поскольку традиционно принято считать, что вода может быть только полезной для лугов, травы. Но не так в Гожево. Здесь река начинает причинять ущерб людям, которые живут по ее берегам: «Болото загоняло наше Гожево в гроб» [11, с. 265]. То есть село становится непригодным для жизни. На борьбу со сложившейся ситуацией выходит Жмых, который, хоть и не очень умен, однако понимает, как можно исправить ситуацию: «Поехал он в город, привез оттуда устав мелиоративного товарищества и сказал обществу, что нужно канавы по лугу копать, а саму Лесную Скважинку чистить сквозь» [11, с. 266]. Предпринимаемые героем рассказа меры по мелиорированию реки – отражение биогра-

фии автора, который, как известно, с 1923 по 1926 гг. работал мелиоратором в Воронежской губернии и был очень озабочен ситуацией, сложившейся в стране вокруг проблем мелиорации. Так же, как автор, герой не встречает понимания у земляков, которых вполне устраивает существующее положение дел: «... говорит Жмых. – Нагота чертова! Беднота ползучая! Што у нас есть? Солома, плетень да навоз! А сказано, что бедность – болезнь и непорядок, а не норма!..

– Ну и што ж? – спрашивали мужики. – А как же иначе?» [11, с. 265]. И только по прошествии нескольких лет, когда гожевцы значительно улучшили свое благосостояние благодаря тому, что на реке были проведены мелиоративные работы, появились люди, поверившие в Жмыха. Сторонника своего героя автор обозначает онимом Ермил. Анализируя этот оним, видим, что он характеризуется следующим образом: «из греч. Херминос < возможно, Хермес (Гермес – имя бога) + хилее – «лес» [10, с. 184]. Также предполагают, что образовано от Иеремиил – вариант имени Иеремия (см. Еремей). Еремей «из лат. Еремис < др.-евр. йирмеяху – «вознесенный (богом) Яхве» [10, с. 183], Церковная форма: Иеремия». Следует предположить, что, вводя в текст оним Ермил, автор хотел обратить внимание читателя на некую особенность положения героя в социуме: он поддерживает начинания Жмыха, одобряя его планы:

«– В недра надобно углубиться! – отвечал Жмых. – Там есть добро погуще! Может, под нами железо есть аль еще какой минерал! Будя землю корябать – века зря проходят!.. Пора промысел попрочней затевать!

– В нутро, это действительно, – ответил Ермил, один такой мужик. – Снаружи завсегда одна шелуха!» [11, с. 266]. Необходимо напомнить еще раз об уже упомянутой нами тяге писателя под землю. Однако есть герой, порицающий планы Жмыха и Ермила, и автор рассказа наделяет его говорящей фамилией Шугаев:

«– Да будя, едрена мать, языки чесать! – с резонном выразился Шугаев, ходивший в председателях. – Нам теперча сепараторы надо завести, а то продукт сбывать нельзя, а тут сухостойным делом занимаются» [11, с. 266]. Очевидно, что эта фамилия образуется от «шугать» – диалектной формы глагола пугать. По еще одной версии «фамилия Шугаев образована от прозвища Шугай. ... оно происходит от нарицательного «шуга» (или «шугало»). Так в Калуге называли огородное пугало, отгонявшее птиц» [14]. В рассказе носитель этой фамилии выполняет свое назначение, акцентируясь на необходимости реализации других идей, «спугнув» тем самым идею Жмыха об углублении в недра.

Завершая анализ особенностей функционирования ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Луговые мастера», можно сделать вывод, что автор рассматриваемого произведения достаточно часто прибегает к замещению официальных имен и фамилий героев на прозвища. Также в специфике употребления автором ономастических единиц находят отражение особенности его биографии, тесно связанной с мелиорацией.

Список литературы

1. Арсланов В.Г. «Третий путь» Андрея Платонова: Поэтика. Философия. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2019. 558 с.

2. Бугакова Н.Б. Аспекты изучения ономастики А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. №1(40). С. 62-67.
3. Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2013. 546 с.
4. Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики в произведениях А. Платонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции (сборник материалов международной научной конференции). Воронеж, 2019. С. 179-185.
5. Корниенко Н.В. Платонов А. Герой нашего времени // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Вып. 7. С. 512-520.
6. Ласунский О.Г. Литературные раскопки. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. 240 с.
7. Матвеева И.И. «Резцом эпох и молотом времен...». Судьба и творчество Андрея Платонова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 182 с.
8. Никонова Т.А. Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2004. С. 3-14.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. М.: Мир и образование, 2014. 1375 с.
10. Суперанская А.В. Словарь личных имен. М.: АСТ-Пресс, 2013. 384 с.
11. Платонов А.П. Собр. соч. в 8 т. 1926-1927. М.: Время, 2011. Т.1. 656 с.
12. Платонов А.П. Собр. соч. в 8 т. 1926-1927. М.: Время, 2011. Т.1. 453 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель, 2004. Т.1. 588 с.
14. Значение и происхождение фамилии Шугаев [Электронный ресурс]. URL: https://names.neolove.ru/last_names/24/shu/shugaev.html (дата обращения: 05.10.21).
15. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к библиографии. М.: Наследие, 2000. 424 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_zapisnye_knizhki_materialy_2000_text.pdf (дата обращения: 05.10.21).

О.В. Васильева
O.V. Vasiljeva

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg*

О ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЗАЦИИ ОДНОЙ ГРУППЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ МОСКОВСКОЙ РУСИ

В статье на материале Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков рассматривается вопрос о функции имен существительных, сопровождающих личные имена в постпозиции.

Ключевые слова: язык Московской Руси, прозвище, профессия.

ON THE PROBLEM OF SEMANTIZATION OF ONE GROUP OF NOUNS IN TEXTS OF MOSCOW RUSSIA

In the article, based on the material of the Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Russia of the 16th-17th centuries, the question of the function of nouns accompanying personal names in postposition is considered.

Keywords: language of Moscow Russia, nickname, profession.

Работа над многотомными словарями, к числу которых относится и Словарь обиходного русского языка Московской Руси [1], заставляет авторов постоянно совершенствовать методику описания материала. В соответствии с концепцией, в задачи Словаря входит показ всех особенностей употреблений слов, представленных в его источниках. В связи с этим в Словаре даются не только самостоятельные значения слов, но и все оттенки и употребления, выделить которые позволяет описываемый корпус текстов. Поэтому за чертой, маркирующей употребления, может помещаться и грамматическая информация (например, употребление глагола с зависимым инфинитивом), и семантическая (например, факультативное использование имени существительного применительно к новому денотату), и стилистическая (например, шутливое употребление слова). Остановимся на одном явлении, позволяющем говорить об особом функционировании определенной группы имен существительных в текстах Московской Руси, которое можно по-разному квалифицировать. Речь идет о второй номинации человека низших сословий. Великие князья и цари в текстах XVI-XVII веков именовались по имени и отчеству (*Иоанн Васильевич, Федор Михайлович*), представители знати именовались уже полностью, по имени, отчеству и фамилии (*Иван Севастьянович Хитрово, Олег Иванович Щербатой*), что в текстах XV столетия еще выглядело как последовательность личного имени, притяжательного прилагательного, образованного от имени отца, лексем *сын* и формы родительного падежа, восходящей ко второй номинации отца: *Александр Федосиев сын Белеутова* [22, с. 26]. Тогда как для точного определения личности человека незнатного использовались разные способы: указание на род деятельности (*дворник Гаврилко* [12, с. 99]), на этническую принадлежность (*черкашенин Ивашко* [19, с. 103]) и т. д. При этом в постпозиции к имени могло стоять **прозвище**. При интерпретации старорусских текстов функция таких слов, как *кабан, каша, капуста, каравай, карась, квашня, кисель* и подобных, стоящих в постпозиции к имени, сомнений не вызывает:

А с нимъ Ъздили: ясауль Васка *Кабань*, да астараканцы [2, с. 421]. Купили... у Андрея у *Коровая*... да у его братоничя у Дмитриа... их землю отчинную [4, с. 152]. Отпущены де были короченские черкасы за рубежь въ литовскую сторону, Сопронка АлексѢвъ, Тимошка *Каша* съ товарищи, для торговаго промыслу [3, с. 330]. М[есто] тяглое старые пустоты Ивашка *Карася* [10, с.32]. Бил челом тебе, г[осударю], твой государев конюх Сенька *Квасница*: выдана была у нево падчерица за твоего же государева конюха за Ивашку *Щуку* [5, с. 57]. Шили в платяную казну наемные чеботные мастры (!) Митка *Кила* с товарищи 30-теры сапоги исцеловые и от шитья имъ дано 15 алтынъ [24, с. 263]. На томъ же приступѢ, въ то жъ число ранены: Иванова приказу Клинкевича стрѢлецъ Максимко *Кисель* [13, с. 245].

Вне всякого сомнения, в подобных контекстах перед нами прозвища – такие же личные номинации человека, как и первое имя. (Существовали и прозвища, переходящие от отца к сыну, тем самым также выполнявшие функцию обозначения конкретного человека, подобно современным фамилиям.) В каче-

стве прозвища выступают номинации живых существ (*волк, кабан, щука*), предметов (*квасница*), кушаний (*каша, кисель*) и т. д.

Столь же очевидны в функции прозвища постпозитивные к имени вторые номинации, указывающие на какие-либо индивидуальные особенности человека: Во дворе Гришка Бурнашов, во дворе Васька *Карла* [11, с. 88] (где *карла* – «человек ненормально маленького роста, лилипут»).

Однако в постпозиции к имени человека достаточно регулярно выступают и другие группы имен существительных. Одна из них – номинации человека **по национальности**:

А болши де того онъ Петръ *Киргизъ* изъ того сыскного скота кому держаль ли или нѣтъ, про то де онъ Ширетуй не вѣдаетъ [13, с. 291]. После дворового человека Никифора *Колмака* осталось 5 рублей 27 алтын 5 денег [17, с. 85] (где *колмак* – один из вариантов лексемы *калмык*). Чердынец Ондрюшка *Корела* [21, с. 246]. Сысой *Корелянин* мельник [17, с. 324]. А въ немъ [ящике] списки, сказка Юрья Малово, и Степаниды Резанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и Машки *Корѣленки* и иныхъ, про немочь великие княгини Соломаниды [2, с. 340].

В постпозиции к личным именам может стоять указание на то, **жителем какого города** является человек. Помимо *Степаниды Рязанки*, к таким номинациям относятся:

Муромские писцы ... дали сотную съ книгъ муромскимъ посадцкимъ людемъ, старостѣ Митѣ Лелѣеву да Степану *Кадомцу* съ товарищи [6, с. 247]. Ортюшка Олтухъ говорилъ, что он Панку Гаврилова рѣзаль ножемъ отъ себя, какъ его онъ, Панка да Мишка *колуженинъ* били обухомъ [16, с. 11]. И литовскихъ людей многихъ побили и атамана запорожскихъ казаковъ, Гирю *Каневца*, убили, а въ языкѣхъ взяли литовскихъ людей 6 человѣкъ [3, с. 514]. Старецъ Иев *Каргополецъ* дал 23 алтына 2 денги, написати в сенаник семь имян [17, с. 28]. Монастырские слуги Посник *Кашинецъ* да Иван Вересовой ездили к морю в соляные промыслы для монастырскова дела [17, с. 46]. И про приѣздъ его Василью да Якову сказалъ Левко жъ *Киевленинъ* [8, с. 331]. Площадной подъячей Васка *Казанецъ* [25, с. 289].

В постпозиции к личному имени может стоять существительное, указывающее на **отнесенность человека к какому-либо государству**:

Тѣ новокрещены, мурзы и мурзины дѣти, въ новгородские монастыри расписаны и посланы къ вамъ въ Пречистенской Тифинъ монастырь: ... Осипко *Кизылбашенинъ* съ женою, а корму имъ указано по десяти денегъ на день [9, с. 39];

к особой категории служилых людей:

Крестьянин деревни Долда на озерке на Долде Гриша *Казак* [21, с. 241].

Наконец, в этой же самой позиции – после личного имени – регулярно появляется **указание на род деятельности человека** (*кадочник, каменщик, капустник* и др.):

Переписали за Яузскими воротаы ... Захарка *каблунника*, будетъ съ пищалью. Ивашка Кирилова, у него сынъ Перфилка [18, с. 307]. Гришка *колачник* да

его суседи Васко да Васко ж да Олекса, позема 5 денег [20, с. 128]. Дв[ор] вдовы Ксеньи *капустницы* с снохою [23, с. 8]. Д[вор] Ивашка *кароваечника*, длина восемь сажен, поперек шесть сажен [12, с. 226]. А на судЪ были: дворской Федоръ Родивоновъ да цоловалники Клепикъ *кофтанникъ* съ товарищи [6, с. 53]. В[о дворе] Игнашко *кашевар*, в[о дворе] Иванко Тимофеев [12, с. 155]. Место тяглое Шани *квасника* [10, с. 16]. Взяти ми на Дороне на *КиверникЪ*, да на его женЪ на УлитЪ, да на его сыне на ИвашкЪ дватцать алтынъ по кабалЪ [23, с. 3]. У посацкого человека у Первушки *Кисельника* [24, с. 45] и т. д.

Поскольку в эпоху Московской Руси графических норм не существовало, подобные номинации в похожих контекстах представлены в написаниях как со строчных, так и с прописных букв. Вопрос о статусе подобных вторых имен существительных при наименовании людей остается во многих случаях открытым: указывают ли они на этническую принадлежность, место проживания человека, род его занятий – или являются прозвищами, необходимыми для точного обозначения конкретных людей в документах. Некоторые контексты помогают в той или иной степени пролить свет на данное явление. Так, в следующих примерах имеется точное указание на то, что второе имя, восходящее к номинации рода занятий, таковым уже не является, поскольку деятельность человека обозначена в контексте другим существительным:

Яз Еремей ОлексѢв сынъ *Квасникъ*, государевъ садовникъ, живу в ЯковлѢ стану ОндрѢва сына Квасника [7, с. 363]. Началь онъ лавки строить — потому смежно съ ево лавочнымъ мѢстомъ, которое было за стрелцомъ Марчкомъ *квасникомъ* [15, с. 17].

Из этих текстов видно, что первый квасник работает садовником, а второй является стрельцом. С другой стороны, строгий параллелизм построения двойных номинаций заставляет усматривать в подобных постпозитивных существительных указание на род деятельности:

Во дворе Митка *квашенинник*, во дворе Фомка *мясник*, во дворе Тимоха *скорняк*, во дворе Иванко Ондреев *калашник* [14, с. 104].

Но в других текстах не все столь же однозначно:

Во дворе Трофимко *сапожник*, во дворе Коняшка *рязанец*, во дворе Антипка Михайлов, во дворе Гриша *каменщик* [14, с. 102]. Здесь совершенно очевидно, что вторые номинации при личных именах помогают людей идентифицировать, подобно тому, как Михайлов – это сын Михаила, но указывают ли они безусловно на род занятий Трофима и Григория так же, как на родной город Коняшки, установить невозможно. Поэтому вопрос о том, каждый ли калачник выпекал калачи, и каждый ли квасник готовил квас, остается открытым. В связи с этим постпозитивное использование таких номинаций при личных именах в последнем выпуске Словаря выделяется за знаком употребления и сопровождается следующей формулировкой: «в постпозиции к имени собственному как указание на род деятельности или как прозвище».

Список литературы

1. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. 333 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археограф. комиссией. СПб., 1841. 614 с.
3. Попова Н.А. Акты Московского государства. СПб., 1890. 802 с.
4. Черепнин Л.В., Зимин А.А. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. М., 1956. 402 с.
5. Яковлева А.И. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. М.; Л., 1945. 210 с.
6. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства изд. Археограф. комис. СПб. 1838. 509 с.
7. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. 419 с.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археограф. комиссией. СПб., 1895. 326 с.
9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. 548 с.
10. Анкудинов И.Ю. Писцовая книга Новгорода 1623 г.: новые материалы // Новгородский архивный вестник. Новгород, 2003. №12. С. 67-92.
11. Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. Казань, 2008. 274 с.
12. Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Францовой. М., 2002. 469 с.
13. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. СПб., 1872. 446 с.
14. Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000. 285 с.
15. Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина / Списал с подлинника К.Г. Евлентьев. Псков, 1870. 76 с.
16. Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологич. института. Т. 14. М., 1911. 14 с.
17. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. 384 с.
18. Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. 166 с.
19. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. Сост., ред. И.В. Пугач. Вологда, 2018. 392 с.
20. Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. 364 с.
21. Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Пермь, 2010. 428 с.
22. Русский дипломатарий. Вып. 4. / Отв. ред А.В. Антонов. М., 1998. 408 с.
23. Сборник актов, собр. в архивах и библиотеках / сост. Н.П. Лихачев. СПб., 1895. 294 с.
24. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1-3. СПб., 2003-2015. 284 с.
25. Соколова А.А., Мекк А.К. фон. Расходные книги и столпцы Поместного приказа (1629-1659 гг.). М., 1910. Кн.1. 392 с.

Е.В. Ганапольская
Е.V. Ganapolskaya
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ СПЛОШНОЙ ВЫБОРКИ ПО КЛЮЧЕВЫМ СЛОВАМ ИЗ КОРПУСА ТЕКСТОВ РУССКОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

В статье излагается методика и кратко обобщается опыт изучения и описания автором статьи процесса развития русской фразеологии во второй половине XX и начале XXI века, в основе которых лежит метод сплошной выборки контекстов употребления ключевых компонентов фразеологических инноваций. Также описывается сама методика отбора фразеологии автором статьи в процессе составления словаря фразеологических инноваций, вышедшего под названием «Фразеологический словарь современного российского детектива» (СПб., 2015-2016).

Ключевые слова: фразеологизм, развитие, динамика, инновация, криминальная проза.

THE STUDY OF THE PHRASEOLOGICAL SYSTEM DEVELOPMENT DYNAMICS BASED ON A CONTINUOUS SAMPLING OF KEY WORDS FROM THE CORPUS OF RUSSIAN CRIME STORIES

The article describes the methodology and summarizes briefly the author's experience of studying and describing the process of development of Russian phraseology in the second half of the XX and the beginning of the XXI century, which are based on the method of continuous sampling of contexts in which the Key words of phraseological innovations are used. The author also describes the very method of selecting phraseology in the process of compiling a dictionary of phraseological innovations, published under the title "Dictionary of modern Russian detective stories idioms and idiomatic expressions" (St. Petersburg, 2015-2016).

Keywords: phraseology, evolution, dynamics, innovation, criminal prose.

Мысль о необходимости изучать русскую фразеологию на современном материале пришла автору данной статьи более 20 лет назад. Именно тогда, если говорить языком науки, методом произвольной выборки в качестве текстового материала для изучения были избраны входившие в моду детективы Александры Марининой. Доклад, прочитанный в 1999 г. на Конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе, стал началом нашей многолетней работы над изучением инноваций в сфере фразеологии. Работа была начата методом сплошной ручной выборки фразеологизмов из детективов А. Марининой. Таким образом был обработан с десяток книг и составлен предварительный список фразеологизмов для изучения. При этом изначальной целью было не описание идиостиля А. Марининой, а использование ее текстов как своего рода зеркала современного употребления фразеологии, и особенно фразеологических инноваций.

Из ряда романов А. Марининой были выбраны все единицы, которые, на взгляд автора статьи, являлись фразеологизмами. При этом фразеология понималась в широком смысле слова.

По каждому произведению А. Марининой были составлены списки фразеологизмов. Затем из этих списков были исключены все единицы, которые вошли во «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [16] и «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX в.» в 2 тт. под ред. А. И. Федорова [15].

В итоговые списки вошли фразеологизмы, а) имеющие новую форму, б) изменившие семантику в пределах старой формы, в) имеющие в словарях помету «устар.», г) пословицы, крылатые выражения, некоторые другие единицы со структурой предложения [9, с. 3-8].

Однако очень скоро стало ясно, что для получения сколько-либо объективно значимых материалов, с одной стороны, недостаточно использовать произведения одного автора, а с другой стороны, ручная выборка слишком трудоемка и не дает количества контекстов, достаточных, для того чтобы сделать сколько-либо объективные выводы. На помощь пришли появившиеся в тот период первые электронные библиотеки российского детектива: автору удалось купить диск с текстами под названием «Библиотека № 6». Именно произведения криминальной прозы с этого диска, как это ни наивно сейчас звучит, послужили и до сих пор служат материалом для многолетней работы по изучению фразеологических инноваций.

Кроме того, мы попытались привлечь к работе студентов. И благодаря их желанию упростить поставленную задачу на свет появилась небольшая любительская компьютерная программа, которая делает сплошную выборку контекстов употребления того или иного слова из заданного корпуса текстов. В нашем случае это был упоминавшийся электронный сборник текстов криминальной прозы. Появление этой программы в корне изменило работу над текстом и общее видение проблемы.

В результате такой автоматической выборки исследователь получал банк контекстов употребления одного слова в закрытом корпусе текстов определенной тематики (криминальная проза) и определенного времени написания (середина XX – начало XXI века).

Чтобы исследование не превратилось в бесконечное, а также чтобы иметь четкую «линию отсчета» для продолжения работы, были введены следующие ограничения.

Исходным материалом послужил список фразеологических инноваций из произвольно выбранного романа А. Марининой «Реквием». На основании этого списка был составлен перечень ключевых слов, который впоследствии, при создании словаря был назван нами перечнем гнездовых слов. И лишь затем была проведена сплошная автоматическая выборка контекстов употребления каждого из этих гнездовых слов из закрытого банка электронных текстов. Остальная работа производилась вручную.

Конечной целью работы было создание словаря фразеологических инноваций на материале закрытого корпуса текстов криминальной прозы. Словарь вышел в 2015-2016 гг. в издательстве «Златоуст» под названием «Фразеологический словарь современного русского детектива».

Однако материалы сплошной выборки, которую мы проводили при работе над словарем, представляют отдельный интерес для изучения.

Что же дает нам такого рода выборка для исследования развития русской фразеологии?

В общем и целом она дает нам возможность увидеть следующее.

1. Количественное соотношение нового и старого в современной фразеологии. Оказалось, что количество «старых» фразеологизмов, т.е. единиц, давно включенных в словари и не изменивших ни свою форму, ни значение», примерно равно количеству инноваций. Инноваций немного больше, но перевес не является существенным [1]. Свое определение фразеологической инновации мы построили на определении термина «инновация» в понимании В.Г. Гака, который использовал его «для обозначения любых лексико-семантических новшеств, узуальных или окказиональных» [4, с. 38], и системе параметров выделения новых единиц, предложенной Н.З. Котеловой [11]. Под **фразеологической инновацией** нами понимаются фразеологизмы (вне разделения на языковые и речевые, окказиональные), которые являются новыми либо по форме, либо по значению, либо по форме и значению вместе для рассматриваемого периода развития литературного языка относительно предшествующего, условно взятого за точку отсчета периода (вне прямой зависимости, хотя и с учетом словарных фиксаций).

Таким образом, при подсчете единиц в контекстах мы не разделяли языковые и речевые единицы, а это значит, что ряд инноваций можно условно считать индивидуально-авторскими. Мы пишем «условно», так как для текстов массовой литературы, из которых производилась выборка, в целом не характерны авторские языковые единицы.

2. Комплекс связей, существующих на синхронном срезе, ключевого слова с другими единицами языка. Наличие таких связей общеизвестно, но тем не менее заслуживает отдельного упоминания, так как их выявление и комплексное рассмотрение, на наш взгляд, является обязательным при изучении динамики развития фразеологии. Речь идет об образных гнездах, т.е. совокупности разноструктурных образных единиц (собственно фразеологизмов, пословиц, слов в их образном употреблении, устойчивых словосочетаний, устойчивых высказываний со структурой предложения), объединенных одной лексемой [7]. Эти образные гнезда включают в себя и собственно фразеологические гнезда [2].

Какие же явления внутри образного гнезда видятся нам наиболее значимыми?

2. 1. На уровне слова и устойчивых сочетаний, не являющихся собственно фразеологизмами:

– изменения в сочетаемости слова;

- употребление слова в составе определенных синтаксических конструкций;
- неоднословные, образные или безобразные, конструкции разной степени устойчивости;
- система образов, с которыми связано ключевое слово;
- система его ассоциативных связей в современной системе языка, например: *воздух* и ‘ничто, нигде ниоткуда’, ‘надежда’, ‘радость’, ‘идеи, настроение’, ‘мечтать’, ‘свобода’, ‘дышать’, ‘чувствовать’, ‘исчезнуть’, ‘жить’, ‘говорить’, ‘издавать звук’ и нек. др [8]; *вата, ватный* и ‘усталость, слабость, неспособность к физической деятельности’, ‘невозможность думать’, ‘безрезультатность’, ‘беззвучный’, ‘душный’, ‘глухой, невнятный’, ‘безрезультатный, никуда не ведущий’ и др. [5].

Все перечисленные аспекты анализа контекстов того или иного ключевого слова не только создают основу для сравнения особенностей функционирования слова в современном языке и предыдущими периодами, но и дают исследователю фразеологии общее представление о степени идиоматичности языка текста массовой литературы, что заставляет его внимательнее относиться к устойчивым единицам, которые, на первый взгляд, кажутся окказиональными и поэтому выпадают из поля зрения ученых. При ближайшем рассмотрении становится ясным, что изучение целого ряда относительно устойчивых единиц, которые как лексикологи, так и фразеологи часто отбрасывают как не вписывающиеся в систему описания, если рассматривать их комплексно, под разными углами зрения, позволяет увидеть пути формирования тех или иных образов, лежащих в основе фразеологизмов русского языка. А само появление на уровне речи фразеологических инноваций, имеющих общий компонент, показывает, что в данной точке система языка пришла в движение, т.е. однозначно требует изучения с точки зрения ее развития.

Более того, ряд таких единиц в итоге оказывается не окказионализмами, а языковыми инновациями, что частично подтверждается наличием похожих по образу и значению единиц в разного рода словарях, например: **десять классов на лбу видно [написано]** у кого в рассказах А. Кивинова [9, т. 1, с.278] и **Ты посмотри на себя! Ну какой ты шофер и какой бывший лагерь?! У тебя на лбу десять классов нарисовано** в фильме «Место встречи изменить нельзя» [10].

Таким образом, в зону изучения фразеологии вводится ряд единиц, известных каждому современному носителю языка, но ранее совсем не имевших контекстного подтверждения в письменном тексте или имевших ограниченное подтверждение контекстами.

2.2 На уровне фразеологизма:

Нас интересуют особенности изменения фразеологических единиц, которые уже давно существуют в языке, на уровне их функционирования: сочетаемость, изменение значения, изменения формы, дериваты и т.п., например:

на <кривой> козе не объедешь кого [9, т.1, с.279-280], **на козе (или на кривой и т.д.) не объедешь кого** [13], **на кривой [на козе, на вороных, на саврасой] не объедешь кого** [16];

на <кривой> козе не подьедешь к кому [9, т. 1, с.280], **к нему на козе не подьедешь** [14], **на козе (ни на какой козе) не подьедешь к кому-л. (не объедешь кого-л.)**; **на козе не подьедешь к кому-л** [13, с. 16];

объехать на кривой [хромой] козе кого [9, т. 1, с. 280], **объехать на кривой [на козе, на вороных] кого** [16].

Таким образом, в результате сплошной выборки в той последовательности, которую мы описали выше, исследователь получает в свое распоряжение:

перечень слов, вокруг которых система языка пришла в движение и вокруг которых развивается или формируется новое образное, и в частности фразеологическое, гнездо;

дополнительный банк новых форм фразеологизмов, среди которых есть как видоизменения ранее существовавших образов (как в случае с **кривой/ козой и кривой козой**), так и единицы, находящиеся в стадии становления (как в случае с **десять классов на лбу (видно/ написано/ нарисовано у кого)** или **сколько классов и сколько коридоров (девять классов и три коридора/ полтора класса и пять коридоров)** [9, т. 1, с.278]; **два класса и коридор** [3] / **два класса, и (а) третий коридор** [12];

материалы для уточнения семантики на основании контекстных употреблений как новых фразеологических единиц, включенных в словари разного рода, так и ранее употреблявшихся единиц, ключевые компоненты которых входят в изменяющееся фразеологическое гнездо;

материалы для уточнения стилистической отнесенности как новых, так и старых фразеологизмов;

возможность проверки пословиц (крылатых слов и т. п.) на степень употребительности и наличие/отсутствие в словарях русского языка (в случае пословиц это давняя и хорошо известная проблема пословичного минимума);

материал для анализа разного рода устойчивых единиц, составляющих образно-символическое пространство современного дискурса среднего носителя языка;

в ряде случаев возможность наблюдать, как некоторые фразеологизмы постепенно входят в состав языка и какие трансформации с ними при этом происходят (см., например, историю вхождения в современный русский язык сравнительного оборота «как рыба без воздуха») [6].

Список литературы

1. Ганапольская Е.В. О соотношении новой и старой фразеологии в текстах современной «массовой» литературы (детективный жанр) // Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко. М., 2002. С. 151-157.

2. Балакай А.Г. Фразеологическое значение в аспекте аккумулятивной функции языка (На материале фразеосемантических полей с типовыми значениями «совесть», «стыд», «честь»)// Исслед. по общей и дагестанской фразеологии: межвуз. тематич. сб. научн. статей. Махачкала, 1989. С. 27-39.

3. Белко В.К. Жгучий глагол: Слов. нар. Фразеологии / В. Кузьмич. М., 2000. 285 с.

4. Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 37-52.
5. Ганапольская Е.В. «Ватные приумножения» современного текста // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М., 2005. С. 39-47.
6. Ганапольская Е.В. «Врешь, как дышишь» и «человек как рыба без воздуха» (наблюдения над символикой компонента воздух в современной русской фразеологии) // *Frazeologia w idiolekcje I systemach jezykow slowianskich. Slowo. Tekst. Czas XII. W 200. Roszcznice urodzin Tarasa Szewczeni. T.2. Szczecin – Greifswald, 2014. С. 51-57.*
7. Ганапольская Е.В. Образное гнездо как элемент системного описания развития фразеологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». СПб., 2011. №3. С. 199-208.
8. Ганапольская Е.В. Формирование устойчивой ассоциативной связи 'воздух – говорение – звук' в русском языке // Актуальные проблемы современной лексикологии и словообразования: сб. научн. статей. Махачкала, 2006. С. 26-44.
9. Ганапольская Е.В. Фразеологический словарь современного российского детектива: в 2 т. СПб., 2015-2016. 12 с.
10. Кожевников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. СПб., М., 2001. 825 с.
11. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5-26.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений. М., 2007. 783 с.
13. Словарь русского языка АН СССР в 4 тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1957-1961. Изд. 2-е. М., 1981-1984. 2984 с.
14. Словарь современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти тт. М.-Л., 1948-1965. 13509 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX в. / под ред. А.И. Федорова. Т.1-2. Новосибирск, 1991. 605 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова. М., 1994. 542 с.

Т.В. Гончарова
T.V. Goncharova

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)
Lipetsk State Pedagogical University named after
P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk*

ОТ РАСПРИ К КОНФЛИКТУ (СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РАЗНОГЛАСИЯ, ВРАЖДУ, ССОРУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье изучаются слова, содержащие в структуре лексического значения семы «вражда», «ссора», «разногласия» с точки зрения исторического, системно-структурного и функционального аспектов, предпринимается попытка на их основе хотя бы частично реконструировать особенности представлений о мире в русской языковой картине.

Ключевые слова: лексическое значение слова, сема, этимология, функционирование, изменение значения слова, активный и пассивный запас, языковая картина мира.

FROM STRIFE TO CONFLICT (WORDS DENOTING DISAGREEMENTS, ENMITY, QUARREL IN RUSSIAN)

The article studies the words containing the semes „enmity“, „quarrel“, „disagreement“ in the structure of the lexical meaning from the point of view of historical, system-structural and functional aspects, an attempt is made on their basis to reconstruct at least partially the features of the world views in the Russian language picture.

Keywords: *lexical meaning of a word, seme, etymology, functioning, changing the meaning of a word, active and passive stock, language picture of the world.*

Для любой лингвокультуры характерным является наличие оппозиции «свой – чужой», которая, являясь лингвокультурной универсалией, основана на том, что в ценностном, аксиологическом плане она проявляется в виде противопоставления «хороший – плохой», причем все, что относится к чужому, сопровождается резко отрицательной оценкой. «Чужими в таком смысле могут быть город, земля, страна, вера и люди» [5, с. 65]. Совершенно очевидно, что противопоставление себя «другим», «чужим» диктовало и особое отношение к последним, проявляющееся в разногласиях, вражде, ссорах, что, в свою очередь, выражалось в необходимости появления слов для выражения этих понятий.

Такие лексемы обнаруживаются в древних языках. Так, Т.И. Вендина справедливо отмечает, что в старославянском языке существовало множество глаголов для обозначения зла в межличностных отношениях, что, по мнению исследователя, «не может не свидетельствовать о существовавшей в средневековом обществе определенной моральной концепции этих отношений, главным принципом которой было недоверие и осторожность» [2, с. 131].

К сожалению, в русской истории были времена, когда и свои становились чужими. Так, Л.Н. Гумилёв в книге «От Руси до России» отмечает тот факт, что в 1169 году князь Андрей Боголюбский захватывает мать городов русских – Киев – и отдает его на разграбление своим воинам: «Приказ Андрей Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим [курсив наш. – Т.Г.], как какой-нибудь немецкий или польский город» [3, с. 84].

Именно поэтому в древнерусских текстах, в частности в «Слове о полку Игореве», обнаруживаем слова, отражающие описываемые отношения. Прежде всего, это слово *котора*, не представленное в современных толковых словарях русского языка, но наличествующее в словаре В.И. Даля с пометой «стар.» со значением «вражда, ссора, раздор, смута, распря». В данной словарной статье В.И. Даль приводит и производные от этого слова глаголы: *котораться, коториться* со значением «кориться, вздорить, враждовать // зазнаваться», прилагательное *которливый*, существительные *которникъ (м.) – ница (ж.)*, обозначающие сварливого, вздорного человека и отмеченные, по Далю, в вологодских говорах [4, т. 2, с. 179].

«Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», отмечая множественное употребление этого слова в различных памятниках древнерусского периода, приводит следующий комментарий Д.С. Лихачёва: «... Игорь и Всеволод между собой никогда не враждовали. Их „катора“ заключалась в том, что они не подчинились своему „отцу“, т.е. феодальной главе, Святославу. Своим неподчинением они дали разбить свои слабые, малочисленные дружины половцам и пробудили их „лжу“ – позволили им нарушить соглашение и новыми набегам разорять Русскую землю. Игорь и Всеволод неоднократно подвергаются в „Слове“ упрекам за это неподчинение» [8].

Данная словарная статья содержит упоминание еще одной лексемы – *крамола* – и, ссылаясь на Л.П. Якубинского, приводит следующие факты: «Обычным словом для обозначения княжеских междоусобий было в древнерусском литературном языке слово *катора* <...> Тем более удивительно, что в тексте «Слова» мы встречаем в ряде случаев церковнославянское *крамола* (*крамолу ковати, крамолу коваху, въ княжихъ крамолахъ, своими крамолами*) [8].

Отмечая синонимичность слов *катора* и *крамола*, исследователи подчеркивают, что для автора «Слова» привычнее лексема *крамола*, но при этом в слове *катора* на первый план выходят семы «ссора», «раздоры», а *крамола* используется для более широкого обозначения междоусобных споров [8].

В современном русском языке оба слова воспринимаются как принадлежащие к пассивному запасу, однако, как отмечалось выше, *катора*, не представлено в современных лексикографических изданиях, тогда как *крамола* с пометой «устар.» зарегистрировано, по данным «Сводного словаря русской лексики», в 7 из 14-ти словарей XX в., вошедших в него [9, с. 509], причем, будучи архаизмом, данное слово в современном русском языке изменило свое значение по сравнению с древнерусским: «мятеж, государственный заговор» [11, т. 2, с. 119].

Для обозначения вражды, ссоры в русском языке употребляется возникшая в глубокой древности лексема *распря*. Согласно этимологическим словарям, её происхождение связано со старославянским языком, в котором оно является префиксальным производным от *пъря* – *спор*. Ср.: *прения* [13, с. 283].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» представлено следующее значение: «Распря (распья). 1. Несогласие, разлад, распря. «Распья же бысть въ народъ его ради», (Ио. 7:43), Остр. ев., 1057... 2. Раскол. «Темь ово убо ереси нарекоша, ово распья», Ефр. корм., XII век» [10, с. 39].

Сходное значение («ссора, раздор») данного слова зафиксировано и в толковых словарях XIX-XXI вв., причем иллюстративный материал словарей свидетельствует о том, что данное слово может употребляться как для обозначения бытовых ссор, так и для раздора между государствами. Очень показательен в этом смысле пример из словаря Даля: «От распри двух соседей и до распри государств – все богопротивно» [4, т. 4, с. 71]. Ср. также пушкинский пример из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Распря между двумя известными журналистами наделала шуму».

Данное слово, имея длительную историю функционирования, употреблялось в древнерусских текстах, начиная с «Повести временных лет», однако,

график частотности его использования, представленный в Национальном корпусе русского языка, показывает, что максимального уровня частотности употребления слово достигает в 1808-1813 гг. (в период наполеоновских войн), минимального – в 1832, 1940, 1966-1991, а с 2007 года намечается явная тенденция к повышению частотности его употребления в литературе [8].

Еще одним словом, в структуре лексического значения которого актуализирована семы «вражда», является *усобица*. Оно трижды употреблено в «Слове о полку Игореве» в следующем значении: «междоусобная вражда, раздор между своими, переходящие в войну: *Помняшетъ бо, рече, първыхъ времянь усобицъ. Тогда при Олзъ Гориславличи стьяшется и растяшетъ усобицами ... въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась*» [1].

Специфика значения данной лексемы связана с подчеркиванием того, что врагами, «чужими» становятся «свои». Дефиниция значения данного слова в МАС имеет отсылочный характер: «*усóбица*, -ы, ж. Устар. То же, что междоусобие; междоусобица» [11, т. 4, с. 521]. Ср. также: «*междоусóбие*, -я. ср. Несогласие, раздор между какими-л. общественными группами в государстве (преимущественно в феодальном). *Со времени Изяслава княжеские междоусобия делаются столь постоянными, что их невозможно было бы скрыть или сгладить* (Добролюбов, Собеседник любителей русского слова. Изд. кн. Дашковой) [11, т. 2, с. 244].

Как видно из словарной статьи «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» и «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, описываемое слово и в древнерусском языке, и в современном русском имеет словообразовательные дериваты: *междоусобие, междоусобица, междуусобица*.

Кроме того авторы «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» со ссылкой на Б.А. Романова и В.П. Адрианову-Перетц приводят информацию о том, что *усобица* в древнерусскую эпоху стала настолько привычный, «до того въелась в быт», что им стали обозначать всякую войну, в том числе и с «погаными», и в качестве доказательства этого приводится следующий контекст: «...*усобица* князем на поганыя погыбе (стала невозможна), рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же», – со последующим комментарием: «В данном сочетании слово *усобица* применено не в обычном смысле – „междоусобие“, а в значении „борьба против половцев“ – она прекратилась из-за княжеских распрей» [1].

Интересна история научного изучения этого слова. Оно приводится Б.А. Лариным как одно из лексических доказательств подлинности «Слова о полку Игореве». Исследователь отмечает, что в этом памятнике зафиксировано несколько десятков слов, в числе которых *усобица, ратаи, зегзицею кычать*, уже упоминаемая нами лексема *котора* и целый ряд других, исчезнувших из русского литературного языка после татаро-монгольского нашествия и в памятниках письменности не зафиксированных с XV в. Но в отличие от других перечисленных слов лексическая единица *усобица* хорошо знакома носителям русского языка. Б.А. Ларин объясняет это тем, что «...оно было воскрешено

Н.М. Карамзиным и историками и вновь введено в литературный язык после издания „Слова...“», уже в начале XIX в.» [6, с. 162].

Однако, как видно из предшествующего анализа, все рассматриваемые лексемы относятся сегодня к пассивному словарному запасу, между тем как реальные явления, стоящие за ними, не исчезли из современной жизни. А это, в свою очередь, свидетельствует только о том, что им на смену пришли другие слова, в частности, лексическая единица *конфликт*, заимствованная в середине XIX в. из латинского языка через посредство немецкого: (от *лат. conflictus* – столкновение). Данное слово впервые было зафиксировано в энциклопедическом издании Феликса Густавовича Толля, вышедшем в свет в 60-е годы XIX в. [7].

Широта понятийного ядра лексического значения данного слова («столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие, острый спор») [11, т. 2, с. 96] позволила слову *конфликт* стать термином множества наук (экономики, криминалистики, дефектологии, литературоведения, политологии и др.), а будучи в то же время словом общелитературного языка, оно по частотности обогнало свои древние синонимы. Ср.: индекс частотности у слов *крамола* (1), *междоусобица* (4), *распря* (3), в то время как у *конфликта* индекс частотности – 22. (См. об этом в [12]).

Сегодня заимствованная лексема *конфликт* получила все «права гражданства» в русском языке, поскольку о ее востребованности говорят, в частности, словообразовательные возможности, проявившиеся в процессе функционирования в русском языке (*конфликтный, расценочно-конфликтный, бесконфликтный конфликтовать*), отмеченные в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова, к которым сегодня можно добавить и термин *конфликтология*, более того, сегодня мы говорим о новых отраслях междисциплинарного знания *лингвистической конфликтологии, юридической, педагогической*, в рамках которых появились и новые термины: *конфликтноситель*, или *конфликтант, конфликтоген* и др.

В заключение подчеркнем, что, активно используя слово *конфликт*, мы не должны забывать и об исконно русских словах *распря, усобица, крамола, котора*, в которых присутствует и оценка, и экспрессия, и ассоциативные связи с событиями русской истории и произведениями художественного творчества, т.е., говоря словами В.В. Колесова, «древнее слово <...> предстает как старый черепок в разрытом кургане; но это след не материальной, а духовной культуры народа, создавшего это слово» [5, с. 13], и именно эти слова рисуют фрагменты русской картины мира, подсказывают нам, как вести себя по-русски.

Список литературы

1. Богородский Б.Л., Лихачев Д.С., Творогов О.В., Виноградова В.Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965-1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-1501.htm> (дата обращения: 01.07.2021).
2. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / РАН, Институт славяноведения; отв. ред. А.Ф. Журавлев. М.: Индрик, 2002. 334 с.

3. Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2006. 320 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 2, 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 2734 с.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2000. 326 с.
6. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
7. Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): в 12 вып. или 3 т. С.-П. 1863-1866 [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book180812/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 02.07.2021).
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?env=alpha&mode=graphic_main&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=100&spp=&spd=1&text=lexform&sort=i_year_create&g=i_year_created&lang=ru&nodia=1&startyear=1800&endyear=2019&req=распря (дата обращения: 01.07.2021).
9. Рогожникова Р.П. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1991. Т.1: А – О. 800 с.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться-Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1997. 298 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. Т.2, 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М., 1983, 1984.
12. Частотный словарь русского языка: Около 40000 слов / Сост. В.А. Аграев, В.В. Бородин, Л.Н. Засорина и др. М.: Рус. яз., 1977. 935 с.
13. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка; под ред [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1961. 400 с.

Г.С. Иваненко, И.А. Сафиулин,
G.S. Ivanenko, I.A. Safiulin,
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия)*
*South Ural State Humanitarian and Pedagogical
University, Chelyabinsk*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАШКИРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию функционирования башкирских заимствований в русском языке. Выявлено, что башкирские заимствования в русском языке функционируют преимущественно в художественном и разговорном стилях. Тематические ниши, отражающие специфические реалии из жизни башкир, свидетельствуют о тесных бытовых, культурных и других связях русского и башкирского народов.

Ключевые слова: башкирские заимствования, русский язык, тематические ниши.

FUNCTIONING OF BASHKIR BORROWINGS IN RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the study of the functioning of Bashkir borrowings in the Russian language. It is revealed that Bashkir borrowings in the Russian language function mainly in artistic and colloquial styles, as well as in thematic niches reflecting specific realities from the life of the Bashkirs, which indicates the close domestic, cultural and other ties between the Russian and Bashkir peoples.

Keywords: bashkir loanwords, Russian language, thematic niches.

Задача изучения влияния одного языка на другой актуальна в настоящее время, так как в рамках нашего многонационального государства различные этносы контактируют друг с другом. Языки не остаются неизменными, а, напротив, постоянно развиваются, притом эти динамические процессы [1] вызваны не только внутриязыковыми, но и внешними причинами, одна из ведущих среди которых – воздействие других языков, обусловленное различными экстралингвистическими факторами: историческими, политическими, социальными, экономическими, культурными, бытовыми.

Проблема функционирования башкирских слов в русском языке является одной из актуальных проблем, стоящих не только перед лингвистикой, но и стилистикой, культурологией. Изучение башкирских заимствований в русском языке востребовано и в лингвоэкспертологии, поскольку наблюдается тенденция к неоднозначной интерпретации слов, пришедших из других языков [2]. При переходе в иную лексико-грамматическую систему слово вынуждено подчиниться законам новой знаковой организации, однако при этом может отчасти сохранить признаки языка-источника. Наиболее сложную систему грамматических форм в русском языке имеет глагол [4], в связи с чем башкирские заимствования, по нашим наблюдениям, адаптируются в русском языке преимущественно в грамматической форме существительного, избегая форм глагола.

Нами были проведены поиск и сбор башкирских заимствований в русском языке по данным «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера [3]. Выйдя в Национальный корпус русского языка, мы отобрали из нашего лексического материала следующие башкирские заимствования, которые имеют более ста употреблений: *баимак, алмаз, айда, башка, чулан, яр, табун, мусульманин, аул, алтын, гнедой, имам, кумыс, лапша, кибитка, аркан, башлык*. Рассмотрим примеры с данными словами из Национального корпуса русского языка в рамках тематической группы башкирских заимствований.

Тематические ниши, отражающие специфические реалии из жизни башкир:

1. Поскольку башкиры были кочевниками, они освоили множество местностей. Следовательно, наша первая группа заимствований – это «Концепты природы, локуса»:

Это место довольно точно воспроизводило подлинный передний край. **Яр** пересекался широким ручьём, над которым свесились уже зеленевшие плакучие ивы. Неглубокая траншея, вырытая разведчиками специально для занятий, и два ряда колючей проволоки обозначали передний край «противника». На

этом «театре» Травкин теперь еженощно проводил занятия (Э.Г. Казакевич. Звезда (1946));

Может, где-то от этого есть польза. Но на Кавказе нужно возить детей из аула в **аул**. По горной дороге, где еще и стреляют. Какой родитель на такое пойдет?! (Григорий Тарасевич. Обобщенный террор // «Русский репортер», № 22 (200), 9 июня 2011);

Может быть, как раз сейчас она под ногами, а я и не знаю". Пронька глядел на ёлки – нету ли рябчиков, и под ноги поглядывал – не мелькнёт ли среди камушков какой-нибудь **алмаз**. И вдруг – точно! Блеснуло что-то на тропе (Юрий Коваль. Лабаз (1972)).

Кочевой образ жизни, по-видимому, способствовал естественным геологическим изысканиям, о которых свидетельствуют наименования драгоценных камней, перенятых русским языком из башкирского. Так, алмаз – драгоценный камень, на протяжении веков являющийся предметом роскоши практически во всех странах мира. Однако в русский язык слово пришло как тюркизм (более точное происхождение не установлено) еще в период функционирования древнерусского языка. Уже Афанасий Никитин употреблял эту лексему. Возможно, именно татаро-башкирское население впервые нашло и именовало этот камень и передало его название в русскую культуру.

2. В связи с переходом от полукочевого хозяйствования к оседлой жизни быт башкир претерпел изменения. Следовательно, вторая группа заимствований – это «Предметы быта»:

Он шёл мимо квартирных дверей. В конце коридора был **чулан**, и Васька, навалившись на дверь, открыл её и переступил через порог. В чулане стояли мешки с луком, может быть, с солью. Васька разорвал один из мешков – крупа (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961));

Поутру жена ездила с хозяйкой в дальние пещеры, а потом со мною в ближние. Взятая со мною **кибитка** совсем развалилась; я принуждён был купить вместо её маленькую фуру. Не описываю пещер, ибо есть печатное оным описание, но могу сказать, что они вселяют в душу благоговение. После обеда ездили мы в Михайловский монастырь великомученицы Варвары, где служили молебн (Д.И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия (1786-1787)).

Кибитка – дугообразно покрытая телега, повозка, дорожные сани. Данное слово пришло из тюркских языков, заимствовавших его из арабского: koubett – «палатка».

3. Третья группа заимствований – «Разговорная лексика»:

– Ну-у, коли так, оно конечно. – А раз конечно, бери чемодан – и **айда** к тебе домой. – Ну-у, **айда** так **айда**. Он взял чемодан, Марина надела рюкзакишко, из которого, догадался Данила, она уже почти выела харчишки. В вагоне почти не было народу, все на танцах, на гулянье (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Слово «айда» синонимично русскому «пойдём», но отличается большим побудительным потенциалом. Кроме того, разговорные коннотации, заложен-

ные в семантике лексемы, придают коммуникации ту естественность и «свойскость», ради которой это слово и выбирает говорящий.

В первый раз ожидание этой иглы было довольно коротким, она вонзилась ему в лоб, и он упал, громко крича. Припадок был похож на эпилептический, и Бритоголовый сразу же сунул ему в рот – откуда взялась? – черенок серебряной ложки и пристроил его голову к себе на колени, чтоб твердокаменная **башка** не билась о землю... Никаких медикаментов. Сейчас бы хоть кубиков пять люминала... (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000). Слово «башка» – презрительное название головы – имеет предположительно тюркское происхождение. Скорее всего, это слово использовалось в повседневной разговорной речи татаро-башкирского населения и в таком качестве стилистически окрашенной лексемы было заимствовано русским языком.

4. Одно из главных ремёсел башкир – вышивка одежды и обуви из натуральных материалов. Следовательно, четвёртая группа заимствований – это «Одежда и обувь»:

А может быть, окажись я тогда на вокзале в чёрном кожаном пальто, – неизвестно, где бы я сейчас находился. А тут корявый пиджачок, какие были на всех, стоптанные **башмаки**... Чего с меня взять? Верно ведь?.. (Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985));

Башмак – низкая, закрытая обувь для улицы. Данное наименование обуви было заимствовано русским языком как тюркизм. Можно предположить, это слово имеет башкирское происхождение, поскольку оно до сих пор употребляется в башкирском языке в значении «годовалый телёнок». Возможно, башмаки делали из кожи такого теленка.

Ведь никогда больше не вешать мне на тот крючок донашиваемое после сестер пальто. И никогда больше зимой после уроков не спускаться в раздевалку и не напяливать на себя ненавистные толстые штаны под гимназическое платье, не завязывать **башлык**, прежде чем отправиться домой. Да и дома нет. И вообще ничего, что со мной было, – нет. (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005). Башлык – мужской головной убор с концами, образующими шарф.

5. Башкиры – хорошие наездники, поскольку занимались коневодством. Следовательно, пятая группа заимствований – это «Коневодство»:

Турки-садоводы приносили овощи и плоды, арабы – баранов и кур. Вожди полунезависимых сомалийских племён присылали спрашивать, что он хочет, льва, слона, **табун** лошадей или десятков страусовых кож, снятых вместе со всеми перьями. И только сирийцы, одетые в пиджаки и корчащие европейцев, приходили с развязным видом и пустыми руками. Мы пробыли у консула около часа и, приехав в Харар, узнали грустную новость, что наши ружья и патроны задержаны в городской таможне (Н.С. Гумилев. Африканский дневник (1913));

– Вот это Крохобор, он у нас всегда хорошо выступает, – знакомит нас ветеринар. Изящный **гнедой** жеребец просовывает морду между перекладинами и облизывает мне руку. – Не бойтесь, их можно погладить, они не укусят. Их

отбирают с пяти лет, нам подходят только добрые и спокойные лошади (Вера Михайлова. Кавалерия нашего времени // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011);

Достоверной этимологии слова «гнедой» нет, но, обращаясь к традиционным занятиям башкир, можно установить башкирское происхождение наименования лошади чёрно-рыжей масти.

– Слыхал. – Вот, батюшка, надоели нам эти головорезы; нынче, слава богу, смирнее; а бывало, на сто шагов отойдёшь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазевался, того и гляди – либо **аркан** на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!.. – А, чай, много с вами бывало приключений? – сказал я, подстрекаемый любопытством (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)).

6. Башкиры – приверженцы мусульманства. Шестая группа заимствований относится к тематической группе *«Религия»*:

Отечественным зрителям все эти тонкости были совершенно непонятны. Важный эпизод фильма – трое выросших братьев: индус, **мусульманин** и христианин – сдают кровь для своей слепой матери, все три крови смешиваются и затем текут в вены больной женщины. Яркий художественный образ единства вызвал протесты некоторых наших зрителей – медработники писали письма, мол, безобразие, так переливать кровь нельзя! А в Индии этот фильм стал фильмом года по популярности (Евгений Пахомов. Пропаганда в позе лотоса // «Огонек», 2015);

– Нет, Адильхана сыновей я знаю, один, алхамдулиля, **имам** урминской мечети. Мы вместе на маджлис в Буйнакск ездили (А.А. Ганиева. Вечер превращается в ночь (2010)).

7. Кочевой образ жизни башкир способствовал формированию их национальной кухни. Седьмая группа заимствований – *«Блюда и напитки»*:

Один лучше другого. Веселятся вместе с ним, едят его баранину, пьют его **кумыс** и хвалят хозяина. Но для веселья нужны ещё деньги. Начал Бухарбай понемногу пропивать отцовское добро, и всё потихоньку от старой матери (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Ак-Бозат (1895));

И приносила нам то, что оставалось на тарелках – это было наше питание. Там иногда попадалась **лапша**, крошки какой-то крупы, кусочек картошки... Потом мамашу откомандировали в Баку, и мы – шесть человек с детьми под ее начальством опять сели на пароход. На него же стали грузить деревянные ящики и громадные бочки с чёрными английскими буквами (Л.А. Китаев-Смык. В лесу, откуда обратного пути нет, мы готовили космические полеты (2015)).

8. Восьмая группа заимствований – *«Денежная сфера»*:

1871-й год – «Не всё коту масленица». 1872-й год – «Не было ни гроша, да вдруг **алтын**». 1875-й год – «Волки и овцы». Это заглавие наиболее характерное для Островского, если ещё это объединить и дать на фоне леса (С.Д. Кржижановский. Пьеса и ее заглавие (1939) // «Новое литературное обозрение» N 52, 2001).

Таким образом, можно сказать, что башкирские заимствования в русском языке функционируют преимущественно в художественном и разговорном стилях. Тематические ниши, отражающие специфические реалии из жизни башкир, свидетельствуют о тесных бытовых, культурных и других связях русского и башкирского народов.

Список литературы

1. Иваненко Г.С. Формирование представления о динамических процессах в языке как средство становления гуманитарного мышления. Мир науки, культуры, образования. 2019. №6 (79). С. 472-475.
2. Иваненко Г.С. Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений Юрислингвистика. 2018. №7-8. С. 98-118.
3. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: Т. I-IV / Макс Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. / под ред. и предисловием проф. Б.А. Ларина. Первое русскоязычное издание. М., 1964-1973. 2915 с.
4. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998. 280 с.

Е.Е. Иванов, А.А. Ромачков

E.E. Ivanov, A.A. Romachkov

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова

(Могилёв, Беларусь)

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-БИБЛЕИЗМАМИ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ*

Рассматривается аксиологическая семантика фразеологизмов русского, белорусского и английского языков с компонентами-библеизмами. Выделены основные аксиологически значимые группы – «Моральные качества», «Эмоции и чувства», «Вера», «Неведение», «Смерть». Сделан вывод о близости аксиологической семантики фразеологизмов с компонентами-библеизмами в белорусском и русском языках, незначительные отличия в белорусском и английском языках.

Ключевые слова: библия, фразеология, аксиологическая семантика, предметно-тематические поля, белорусский язык, русский язык, английский язык.

AXIOLOGICAL SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS OF BIBLICAL ORIGIN OF THE BELARUSIAN, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES*

The article presents the axiological semantics of phraseological units of the Belarusian, Russian and English languages with the components of biblical origin. There are such axiological

* Исследование выполнено в рамках задания Государственной программы научных исследований 2021-2025 гг., № 20211335 (Республика Беларусь).

* The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021-2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

groups as “moral qualities”, “emotions and feelings”, “faith”, “ignorance”, “death”. The conclusion is made about the closeness of the substantive and axiological semantics of phraseological units with the biblical components in the Belarusian and Russian languages, minor differences in the Belarusian and English languages.

Keywords: *bible, phraseology, axiological semantics, subject-thematic fields, Belarusian, Russian, English*

Библия является неотъемлемой частью духовной жизни всех народов, принявших христианство, поэтому устойчивые фразы и изречения с библейскими компонентами являются универсальным явлением, общим для европейских языков. Библизмы широко используются в религиозном дискурсе, откуда они в исторически массово перешли в самые разные сферы коммуникации. Изучение библейских выражений и афоризмов белорусского языка в контексте русской и европейской идиоматики – одна из основных проблем современной белорусской фразеологии [3; 4; 13; 16]. Следует отметить, что изучение устойчивых выражений и афоризмов библейского происхождения как отдельной группы единиц в белорусском языке началось сравнительно недавно [7; 8; 10; 14; 18; 19; 24; 26], в том числе в аспекте сопоставления языков [11; 12; 15; 17; 25; 27; 28; 29]. Актуальность сравнения библизмов белорусского, русского и английского языков в аксиологическом аспекте объясняется развитием как сравнительной лингвокультурологии [2, с. 23], так и соответствующего аспекта межкультурной коммуникации [6, с. 9].

Цель исследования – выделить устойчивые единицы с библейскими компонентами в белорусском языке и сравнить их с соответствующими единицами в русском и английском языках в рамках дифференциации аксиологической семантики. Фактическим материалом для изучения послужили тексты Библии на трёх языках: белорусском – «Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета», русском – «Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (Синодальная Библия), английском «The Holy Bible», а также словари библейских текстов [1, с. 22], фразеографические и паремиографические справочники [20, с. 21], пословичные минимумы и основные пословичные фонды белорусского и русского языков [30]. Использован сравнительный метод с элементами семантического анализа и структурно-семантического моделирования.

В результате исследования были выделены следующие значимые в аксиологическом плане семантические поля фразеологических единиц с библейскими компонентами.

Поле «Моральные качества человека» во всех трёх языках можно дифференцировать на две категории: «Положительные качества» и «Отрицательные качества», которые, в свою очередь, подразделяются на подкатегории, определяющие конкретную черту характера. Носители всех трёх языков согласны с тем, что человек должен обладать такими положительными качествами, как талант, интеллект, терпение и справедливость, что отражается в наличии всех подкатегорий во всех трёх языках.

Положительные качества			Отрицательные качества		
<i>Angelic patience</i>	<i>Хітёр (умён) как дьявол</i>	<i>Хітры (разумны) як д'ябал</i>	<i>as proud as Lucifer</i>	<i>Ангел без крыльшэк</i>	<i>Анёл без крыльцаў</i>
<i>As patient as Job</i>	<i>Искра божья Божий дар</i>	<i>Искра Божья Божы дар</i>	<i>Possessed with/by demons Devil's spawn</i>	<i>Богом убитый Олух царя небесного</i>	<i>Богам забіты Ёлуп Цара Нябеснага</i>
<i>David and Jonathan</i>	<i>Ангел во плоти</i>	<i>Анёл у плоти</i>	<i>A doubting Thomas</i>	<i>Богом обделённый Богом забытый</i>	<i>Богам абзелены Богам пакінуты</i>
<i>Solomon's wisdom</i>	<i>Суд Соломона Соломоново решение</i>	<i>Суд Саламона Саламонава рашэнне</i>	<i>A Judas kiss Satan rebuking sin</i>	<i>Иуда-предатель Иудино лобзание</i>	<i>Юда-збратнік Юдзіна цалаванне</i>
<i>Be on the side of the angels a judgment of Solomon</i>	<i>Валаамова ослица Ангельское терпение</i>	<i>Валаамава аслица Анельскае цярпенне</i>	<i>Rush in where the angels feat to tread</i>	<i>Кающаяся Магдалина</i>	<i>Каяцца як Магдаліна</i>

Поле «Эмоции и чувства» в английском языке дифференцируется на семь категорий, шесть из которых имеют отрицательное значение. Сходная ситуация наблюдается и в русском, и белорусском языках. Например, категория «Страдание» включает выражение «пройти через ад» (сильно страдать). Фразеологизмы категории «Зависть» состоит из компонентов «ад» и «дьявол», порождающих дополнительный негативный оттенок в массовом сознании носителей языка.

<i>Бояться как чёрт ладана</i>	<i>Баяцца як чорт ладану</i>	<i>Fear smt as the devil fears holy water</i>
<i>Ангелы на душе запели</i>	<i>Анёлы на душы заспявалі</i>	<i>Hate smbas the devil hates holy water</i>
<i>Скука адская</i>	<i>Нуда някельная</i>	<i>Naboth'svineyard</i>
<i>Чёрт с младенцем связался</i>	<i>Чорт з немаўлём звязаўся</i>	<i>Merryhell</i>
<i>Ад крошечный на душе</i>	<i>Апраметная ў душы</i>	<i>Blue devils</i>
<i>Ад в груди</i>	<i>Пекла ў грудзях</i>	<i>Go through hell</i>

Поле «Вера», на первый взгляд, не имеет аксиологической семантики, поскольку отражает определённые религиозные реалии, отношение к Богу, схожее у всех народов, считающих христианство своей религией. Однако это не так. Во всех трёх языках в рамках данного поля фиксируется категория «Отказ», а в английском языке ещё одна культурно-специфическая категория – «Закон». Эта категория охватывает устойчивые фразы, описывающие повседневные действия, а также специфические действия религиозного характера, которые прочно вошли в быт англичан, что указывает на важность веры, в том числе его христианского компонента, в жизни носителей английского языка.

<i>Бог не без милости</i>	<i>Бог не без літасці</i>	<i>Bring smb to Christ</i>
<i>Все в руках Господа</i>	<i>Усё ў руках Госпада</i>	<i>To accept Christ</i>
<i>Обращать к Богу душу</i>	<i>Звяртацца да Бога</i>	<i>Stand in awe of God</i>
<i>Как у Христа за пазухой</i>	<i>Як у Хрыста за пазухай</i>	<i>To call upon God</i>

Поле «Неведение» неоднородно для всех трёх языков, но его наличие говорит о том, что каждый склонен сомневаться, мы можем чего-то не знать, быть в чём-то не уверены. Показательно, что эта универсальная черта вербализуется во фразеологизмах с компонентами-библейскими, тем самым объединяя три различных народа по признаку носителей единой христианской культуры. Однако в русском языке это поле самое значительное в количественном плане и состоит в основном из устойчивых фраз с компонентом «Бог», который преобладает и в английском языке. А вот в белорусском языке часто фиксируется компонент «дьявол» («чёрт»), который ограничен в рамках данного поля в двух других языках.

<i>Одному Богу известно</i>	<i>Аднаму Богу вядома</i>	<i>And the devil knows what</i>
<i>Не Бог весть (знает) как</i>	<i>Бог ведае як</i>	<i>Not to know smb from Adam</i>
<i>Бог её душу знает</i>	<i>Бог яго ведае</i>	<i>The devil alone knows</i>
<i>Бог весть</i>	<i>Бог ведае</i>	<i>God knows –I don't!</i>
<i>Бес его знает</i>	<i>Чорт ведае</i>	<i>Entertain an angel unawares</i>

Поле «Смерть», будучи универсальным, присутствует во всех трёх языках, однако является относительно немногочисленным и маркировано в фразеологических единицах преимущественно компонентом «бог».

<i>Отдать Богу душу</i>	<i>Аддаць Богу душу</i>	<i>Join the angels</i>
<i>Господь прибрал</i>	<i>Гасподзь прыбраў</i>	<i>Be with God</i>
<i>Бог прибрал</i>	<i>Бог прыбраў</i>	<i>Depart to God</i>
<i>Бог посетил</i>	<i>Бог наведаў</i>	<i>In Abraham's bosom</i>

Таким образом, во фразеологизмах всех трёх языков компоненты-библейские используются одинаково продуктивно (за исключением, правда, относительно мало продуктивного компонента «рай»). Однако в английском языке гораздо больше устойчивых фраз с компонентом «ад», чем в других языках. Такие фразы в основном поучительны или предупредительны, из чего можно сделать вывод об аксиологической важности для представителей английской лингвокультуры «жизни после смерти», о желании избежать незавидной участи «пробытия после смерти в аду». В целом представители всех трёх лингвокультур стремятся к свету и добру, о чём свидетельствует общее преобладание фразеологизмов с компонентами «Бог», «ангел», «рай».

Перспективным продолжением исследования нам видится изучение степени влияния библейских на внутреннюю форму фразеологизмов, в которых они используются в качестве компонентов, а также создание межъязыковой семантической модели аксиологического потенциала фразеологизмов с компонентами-библейскими белорусского, русского и английского языков.

Список литературы

1. Балакова Д., Вальтер Х., Венжинович Н.Ф., Гутовская М.С., Иванов Е.Е., Мокиенко, В.М. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. Могилёв: МГУ, 2014. 208 с.
2. Вальтер Х., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) // Но мы сохраним тебя, русский язык!: кол. монография, посвящённая 90-летию академика В.Г. Костомарова. М.: Флинта, 2020. С. 134-160.
3. Зверева Ю.С., Иванов Е.Е. Национально-культурный компонент семантики фразеологических единиц английского и русского языков // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. Могилёв: МГУ, 2017. С. 164-168.
4. Зверева Ю.С., Иванов Е.Е., Шестернёва А.Н. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. Могилёв: МГУ, 2016. С. 164-168.
5. Иванов Е.Е. Афоризмы в религиозном дискурсе // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. Витебск, 2019. Т. 29. С. 142-147.
6. Иванов Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: в 2 ч. М.: РАО, 2008. Ч. 1. С. 161-170.
7. Иванов Е.Е. Критерии систематизации устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском литературном языке // Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2018 г. Могилёв: МГУ, 2019. С. 58-59.
8. Иванов Е.Е. Объём и состав устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // На перекрёстке культур: единство языка, литературы и образования – I. Могилёв: МГУ, 2019. С. 87-91.
9. Иванов Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. Могилёв: МГУ, 2012. С. 3-7.
10. Иванов Е.Е. Типы устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // Текст. Язык. Человек. Мозырь: МГПУ, 2019. С. 144-151.
11. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Европейский словарь библеизмов // Слово и словарь. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 523-528.
12. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество – XIII. Могилёв: МГУ, 2019. С. 211-213.
13. Иванов Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20-27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т. 1. С. 322-323.
14. Иваноў Я.Я. Біблейская афарыстыка ў беларускай мове // Романовские чтения – XIII. Могилёв: МГУ, 2019. С. 129-130.
15. Иваноў Я.Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблеізмаў) // Аврааміевскія чтэння. Смоленск: Радопа, 2014. С. 11-24.
16. Иваноў Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксте (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. 2016. Вып. 3. С. 46-49.

17. Казлоўская-Дода Я. Біблейная фразеалогія беларускай і польскай моў: агульнае і рознае // *Studia Białorutenistyczne*. 2013. Т. 7. S. 245-258.
18. Качаноўская В.Б. Тэкставыя фразеалагічныя біблеізмы беларускай літаратурнай мовы // *Веснік ГДУ імя Я. Купалы*. Серыя 3. 2007. №4. С. 39-43.
19. Лепешаў І.Я. Біблія і біблеізмы // *У пошуках ісціны*. Ліда: ТБМ, 2007. С. 42-59.
20. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. Мінск: Вышэйшая школа, 2014. 139 с.
21. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: БелЭн, 2004. 443 с.
22. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ, 2019. Т.1. 334 с.; Т. 2. 308 с.
23. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Иванова, Я.Я. Іваноў, Н.Б. Мячкоўская. Мінск: Веды, 1998. 112 с.
24. Теплякова А.Д. Источники крылатых выражений в белорусском языке // *Фразеология и языковая динамика*. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 67-69.
25. Фурс В. Біблейная афарыстыка ў беларускіх перакладах // *Роднае слова*. Мінск. 2003. №6. С. 78-80.
26. Цеплякова А.Д., Иванова С.Ф. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // *Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. 2009. Вып. 1. С. 98-112.
27. Цеплякова А.Д. Структура, семантыка і функцыі запазычаных крылатых слоў у беларускай мове // *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. Гомель: ГГУ, 2007. С. 236-240.
28. Цеплякова А.Д. Іншамоўныя запазычаныя крылатыя слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе*. Могилёв: МГУ, 2015. С. 74-77.
29. Шальманова К. Пра некаторыя разыходжанні ў фразеалагічных мікрасістэмах (на матэрыяле біблеізмаў і антычных міфалагізмаў у англійскай і беларускай мовах) // *Роднае слова*. Мінск, 2000. №12. С. 39-41.
30. Ivanov E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002. 136 p.

Т.В. Карасёва

T.V. Karaseva

*Воронежский государственный
университет (Воронеж, Россия; Дубай, ОАЭ)
Voronezh State University, Voronezh; Dubai*

НАЗВАНИЯ СВИНЬИ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена инвентаризации диалектной лексики, обозначающей свинью в воронежских говорах. Источниками стали рукописные, печатные и видеоматериалы, а также полевые записи автора. В работе приводятся 56 лексем и диалектные контексты, зафиксированные в 52 сёлах Воронежской области.

Ключевые слова: название, свинья, кабан, поросёнок, воронежские говоры, тематическая группа, словарь.

WORDS DENOTING PIG IN VORONEZH DIALECTS

The article is devoted to the inventory of dialectal vocabulary denoting a pig in Voronezh dialects. The material for the paper was taken from the handwritten, printed, and video sources, as well as the author's fieldwork notes. The article provides 56 words and dialect contexts recorded in 52 settlements of the Voronezh region.

Keywords: name, pig, wild pig, piggy, Voronezh dialects, thematic group, dictionary.

В Воронежской области широко распространено свиноводство: Эта шас нарот аблинилси. Раньшы в кажнам дваре па три свини дяржали ды ишшо сви-наматак завадили, штоп свой приплот был. А сычас избалавались: па адной дяржать ни хатят. С этими парасятами тожы дялоф многа: и напай', и накарми, и пачисти. Бис свинаматки парасят дяржать плоха: хоть аднаво, хоть пять – ана их кормя, даглядывая, ани вазля ние фсе и талкутца. А вазьмеш парасёнка – иво вить малаком выпайвать нада – сколь калгаты-та! А если захварая, а то и падохня – вот бяда-та! Ну, и у свиней закута тёплая далжна быть ды чистая: ани хоть и свини, а грязь ня любят. Ды пойла им раза три дай ни халодную, ды ни кусками, ды ни чаво зря. А бувала, парасёнак лядаший пападетца: и расть ни растеть, и дохнуть ни дохня. А бувала, растеть кой-как, и вижжыть и днём и ночью, и салу ни нагуляя. А ышшо када на солнышку выпустиш ва двор, и пад варта' падлезя, и на агарот убяжыть. Ды замучиишси с этой скатиной, а биз ние никак: кармитца-та нада и дитям падмагнуть. Вот ы палучаитца: как пато'паиш, так и пало'паиш» (Н.ГРГ. Эрт.).

Данный факт поспособствовал появлению большого числа диалектных наименований свиньи, которые и стали предметом нашего научного интереса. Подобного рода исследования уже проводились на материале курских [7] и орловских [4] говоров. Соответствующий воронежский материал, который был выбран из различных рукописных [2, 3, 5, 6, 13, 15], печатных [9, 10, 11] и видеоработ [8], а также полевых записей автора, может быть представлен в виде словаря (в котором *хряк* – самец свиньи, *боров* – кастрированный самец свиньи, *кабан* – самец дикой свиньи).

БОРА'В, м. Кабан. *Бораф блиска ни ходя. МЧТ. Бобр.*

БОРОВО'К, м. 1. Уменьш.-ласк. Боров. *Ф клятухи (хлеву) баравок и карова там. В.ТРВ. Нж.-Дев. Барафка взяли и две свиначки. НКЛС.-1 Пан. Баравок – он кабан тожя, эта нявы'лажаный – на сала идёт. ШСТ. Бобр.;* повсеместно. 2. Поросянок (самец). *Баравок – эт мальчик, а свинка – девачка. В.ИКР. Лиск.*

БУРОВО'К, м., уменьш.-ласк. Боров. *Буравка на мясу, на салу держать. КРШ. Бобр.*

ВА'ЛУХ, м. Боров. *Повсеместно.*

ВАЛУШО'К, м., уменьш.-ласк. Боров. *Их ликша'ть – валушки, и эта – хряк. МСЛС. Кашир [13, с. 271].*

ВИЗЖА'ЛКА, ж. Поросянок. *КЗЛ. Бутур [5, с. 56].*

ВИЗЖУ'НКА, ж. Поросянок. *НКЛС.-1 Пан [5, с. 57].*

ВИЛЮ'Н, м. Порода свиней с длинным туловищем. *Вилюны были длинные – идут и виляют. ПСКВ. Лиск.*

ГОДОВИ'К, м. Годовалый поросёнок. *Ды вон ва дваре ходють гадавики: тьялёнак, парасёнак. РГЧ. Н.-Усм.*

ДО'ЧКА, ж. Поросёнок (самка). *Да, бы'ла и щас есть: и прасёнак, и дочка есть. КРШ. Бобр.*

ДЮ'ТКА, ж. Свинья. *Дет, пайди у дютки пачисть! Ворон.*

ЖРЮ'ШКА, ж., экспр. Свинья. *Жрюшки называютца. В.КРЧ. Гриб [8].*

ЗИ'ЖКА, ж. Поросёнок. *Зишка-та у нас у сараи жывёт. АРТ. Аннин.*

ЗУБА'РЬ, м. Поросёнок, имеющий болезненные наросты на зубах. *Зубарь уон щёки кусая, ни есть ничаво. Р.БЛВ. Павл.*

ЗЮ'ДИК, м. Поросёнок. *КЗЛ. Бутур [5, с. 56].*

ЗЮ'ЗЬКА, ж. Поросёнок. *Зюзик у нас много было – я уш фсе имина им ни фспомню. ХЛБР. Аннин.*

ЗЮЗЮ'КА, ж. Свинья. *КРШ. Бобр.*

КАБА'Н, м. 1. Хряк. *Кабана или свинку купил? Р.БЛВ. Павл.* 2. Боров. *Печёнка буде: кабана зарежу, кабан – кастрираваный. КРС.ЛП. Реп [11, с. 58].* 3. Поросёнок. *К Раждиству кабана заколим. ХРН. Н.-Усм.*

КАБАНЁНОК, м. Детёныш кабана. *Кабанята. БРВ. Н.-Усм.*

КАБАНИ'ХА, ж. Кабан (самка). *Я сама видала: идёт кабаниха, са сваими дитьми ана: ани па шесть – па семь котють. КРШ. Бобр.*

КАБА'НЧИК, м., уменьш-ласк. 1. Хряк. *Кабанчика кармить надать. КРС.ЛОГ Н.-Усм.* 2. Поросёнок (самец). *КРС.ЛП. Реп [11, с. 56].*

КНУРЬ, м. 1. Нехолощённый самец свиньи, кабан [10, вып. 13, с. 345]. 2. Боров. *ТРЦ. Остр.*

КОРМЯ'ЖКА, ж. Поросёнок, откармливаемый на мясо. *Кармяшка – эта штоп резать аткармливають. КЛМН. Кашир.; КАШИР., МСКВ. Кашир [13, с. 288].*

КРЁХ, м. Хряк. *Крёх у миня есть. В.ПЛВ. В.-Хав [5, с. 54]. Скоря зарежым крёха. В.ТРВ. Нж.-Дев. А наш-та крёх сафсем жырен, глаза заплыли. КМН. Липец.; ББН. Терн., БРВ. Н.-Усм., ГДВ. Семил., Н.ЖВТ. Рам., Н.УСМ.; НКЛС.-1 Пан [5, с. 54]; ЧГР. Борис.*

КРЯХ, м. Боров, хряк [10, вып. 15, с. 371].

МА'ТКА, ж. Свинья. *У нас свинью маткой зовут. ХЛБР. Аннин.*

НЕ'РЕЗЬ, м. Некастрированный поросёнок [10, вып. 21, с. 142].

ОТЪЁМ, м., собир. Поросята, которых забрали от свиньи. *Не скоро мы атъём забирали. БТР. Реп.*

ПЕРСЁНОК, м. Поросёнок. *Земл., Задон [10, вып. 26, с. 288].*

ПОДСВИ'НОК, м. Поросёнок. *Падсвинак плахой: вес день крью'хая (хрюкает) и крью'хая. В.ХАВА. Бывает и двинатцать патсвинкаф. КРС.ЛП. Реп [11, с. 58].*

ПОРА'СЬ, м. Поросёнок. *Слушай, кум, пайдем пара'ся закаба'ним (за-режем) – магарыч будет! КРС. Пан. А там, где парась закрыт. КРШ. Бобр. Парася'х па жытяля'м (семьям) не была. КЧГ. Нж.-Дев.*

ПОРОСЮ'К, м. Поросёнок [10, вып. 30, с. 80].

ПОРОСЯ'ТИШКИ, мн. Уменьш.-ласк. Маленькие поросята. В.ИКР. Лиск. || Уничиж. Поросята. Нж.-Дев [10, вып. 30, с. 80].

ПОРОСЯ'ТНИЦА, ж. Свиныя с поросятами, свиноматка [10, вып. 30, с. 81].

ПОРСЁНОК, м. Поросёнок. У нас растёт парсёнок. БТР. Реп. Пакарми парсёнка. БТР. Реп.; КРТ. Остр [13, с. 80].

ПОРСЮ'К, м. Поросёнок. Парсюку трава, так, абы што, картошки талкёш. АРХ. Аннин.

ПРОСЁНОК, м. Поросёнок. Прасята у меня были. Б.ЯСР. Пан [5, с. 82]. Да, бы'ла и щас есть: и прасёнак, и дочка есть. КРШ. Бобр.; КРСН. Гриб., СТ.ГД. Аннин.

ПРОСУ'К, м. Поросёнок. У нас прасук уж бальшой стал – скоро резать будим. Н.ГЛ.ЕЛН. Гриб. Два прасука взяли. Им хоть пять прасукоф, и ня хватя. Н.ЮРВ. Тамб. Прасук любит корм. ПНЗ. Тамб. Затра дядя Ваня прасука резать будит. ПСВ. Гриб.

РА'ЗОВЫЙ, в знач. сущ. Свиныя, которая опоросилась в первый раз. У первый рас када свинья апарошена, мы её называли разавой. БТР. Реп. Если свинаматка первый рас параситца, то ет разавая, первый рас. КРС.ЛОГ Кашир. Разавая – ета маладая свинья. Н.ЖВТ. Рам.

СВИНЁНОК, м. Поросёнок. А эт – падзагнетник, там держали-та скот: ягнята, тада ш с свинятами жыли. ШСТ. Бобр. Выхажу – свинёнак. ШШВ. Бобр.; КРШ. Бобр. СТ.ХВР. Лиск.

СВИ'НКА, ж. 1. Свиныя. В.ПЛВ. В.-Хав [5, с. 55]; Н.ЖВТ. Рам., ЯРК. Н.-Хоп. 2. Кастрированная свинья. Боров или свинка. Дмитриши [10, вып. 36, с. 282]. 3. Поросёнок (самка). Баравок – эт мальчик, а свинка – девачка. В.ИКР. Лиск.; КРС.ЛП. Реп [11, с. 56].

СВИНО'Т, м. Хряк (?). Юра'гу (пахту) мы свиному льём: он любя. СДВ. Аннин.

СВИНО'ТА, ж., собир. Свиныи. Коротояк [10, вып. 36, с. 286].

СВИ'НОЧКА, ж., уменьш.-ласк. Свиныя. Барафка взяли и две свиначки. НКЛС.-1 Пан.

СВИНУ'Х, м. Свиныя. Схватили немцы свинуха. ЧСМ. Бобр. Свинух был толька. ШШВ. Бобр.

СВИНЬЯ', ж. Кабан. Были у нас свиньи у лесу, лоси, зайцы тожы. УСТ.-МРВ. Реп. ◇ **Дво'рная свинья**. Свиныя, которая должна скоро опороситься. Если свинья скоро апароситца, гаварим «дворная свинья». ШСТ. Бобр. ◇ **Основная свинья**. Старая свинья. Када свинья раза два или более (опоросилась?), то эта свинья асавная. БТР. Реп.

СВИНЯ'КА, ж., увел. Свиныя. Па празникам свиняку заволють (зарезут). ХРН. Бобр.

СЕКА'Ч, м. Кабан. В наших местах многа секачей. Б.ЯСР. Пан. В лису видала сикача. НКЛС. Хохол.; ГБР. Семил., СТ.ЧГЛ. Аннин.

СЕКА'ЧКА, ж. Самка кабана. *А за сикачкой – шесть сингалетаф.*
СТ.ЧГЛ. Аннин.

СИНГОЛЕ'ТЫ, мн. Кабанята. *А за сикачкой – шесть сингалетаф.*
СТ.ЧГЛ. Аннин.

СУПОРО'СКА, ж. «Супоросная свинья, вынашивающая в себе плод». *Супароска приплот скоро принисе, эт ужэ фтарой раз за гот. У ней па десить-двянацать штук дитей бувая.* ТАЛ [9, с. 82].

ХРЮ'ША, ж. Свинья. *Свиней хрюша называют, а самаго – хряк* КРС.ЛОГ Кашир [6, с. 115].

ХРЮ'ШКА, ж. Поросёнок. *Хрюшка – парасёнак, хоть девачка, хоть мальчик.* КРС.ЛП. Реп [11, с. 56].

ЧУ'ШКА, ж. Свинья. КРС.ЛП. Реп [11, с. 56], КРТ. Остр [15, с. 80].

Проведённый анализ указанных номинаций позволил сделать следующие выводы.

1. Большинство названий свиней составляют однословные наименования, отмечаются лишь два составных (*дворная свинья, основная свинья*).

2. Зафиксированы несколько уменьшительно-ласкательных (*боровок, буравок, валушок, кабанчик, поросятишки, свиночка*) и одна увеличительная (*свиньяка*) формы.

3. Отмечается разнообразие вариантов: фонетические (*боровок – буравок; персёнок – порсёнок – просёнок; порсюк – просук*), словообразовательные (*визжалка – визжунка; порась – порсюк/порсюк; поросятишки – поросятки; свинка – подсвинок; свинух – свинья*).

4. Большая часть названий обладает прозрачной этимологией, при этом основными мотивировочными признаками выступают:

– подзывные слова: *дютка* (от *дютка* (ряз.) [10, вып. 8, с. 304]); *зюдик, зюзька, зюзюка* (от *зю-зю, зюдка-зюдка* (Ворон.)); *чушка* (от *чуш-чуш* (Ворон.));

– звукоподражание: *крёх* («вероятно, назван так в связи с тем, что животное хрюкает» (Фасмер, т. 2, с. 375), *крях, хрюша, хрюшка*;

– поведение: *визжалка, визжунка, вилюн, жрюшка, секач*;

– действие (человека): *валух, валушок* (от *валушить* ‘кастрировать’ (Ворон.)), *кормяжка, нерезь, отъём*;

– репродуктивность: *поросятница, разовый, супороска*;

– возраст: *годовик, подсвинок*;

– часть тела: *зубарь*;

– место: *дворная свинья* (от *двор* ‘помещение для скота’ (Ворон.)) и др.

5. Встречаются слова (и их производные) праславянского происхождения: *боров* – от **borv* [14, с. 54]; *поросёнок* – от **porse* [12, т. 3, с. 332]; *свинья* – от **svīnī* [12, с. 589]; а также заимствованные наименования: *зижка* – из фин. *sika* ‘свинья’ [10, вып. 9, с. 171]; *кабан* – из тат., казах., кыпч., азерб. *kaban* ‘кабан’ [12, т. 2, с. 149]; *кнурь* – из укр. *кнурь* ‘хряк’ (повсеместно в украинских говорах Воронежской области) [1, т. 1, с. 166]; *синголеты* – из англ. *singlet* ‘тельняшка’.

6. Наблюдается метафорический перенос: *дочка* ‘дочь’ → *дочка* ‘поросёнок (самка)»; *кабан* ‘дикая свинья’ → *кабан* ‘хряк’, ‘боров’, ‘поросёнок»; *кабан-*

чик 'дикая свинья' → *кабанчик* 'хряк', 'поросёнок'; *матка* 'мать' (Ворон.) → *матка* 'свинья'; *свинья* 'свинья' → *свинья* 'кабан'.

7. Зафиксировано явление энантиосемии: лексемы *кабан*, *кнурь*, *крях* могут обозначать как кастрированного (хряка), так и некастрированного (борова) самца свиньи.

Список условных сокращений названий населённых пунктов, районов и областей

АРТ. – Артюшкино, АРХ. – Архангельское, Б.ЯСР. – Большие Ясырки, ББН. – Бабино, БРВ. – Боровое, БТР. – Бутырки, В.ИКР. – Верхний Икорец, В.КРЧ. – Верхний Карачан, В.ПЛВ. – Верхняя Плавица, В.ТРВ. – Верхнее Турово, В.ХАВА – Верхняя Хава, ГБР. – Губарёво, ГДВ. – Гудовка, КАШИР. – Каширское, КЗЛ. – Козловка, КЛМН. – Коломенское, КМН. – Каменное, КРС. – Красное, КРС.ЛОГ – Красный Лог, КРС.ЛП. – Краснолипые, КРСН. – Кирсановка, КРТ. – Коротояк, КРШ. – Коршево, КЧГ. – Кучугуры, МСКВ. – Московское, МСЛС. – Мосальское, МЧТ. – Мечётка, Н.ГЛ.ЕЛН. – Новогольельань, Н.ГРГ. – Новогеоргиевка, Н.ЖВТ. – Новоживотинное, Н.УСМ. – Новая Усмань, Н.ЮРВ. – Новоюрьево, НКЛС. – Никольское, ПНЗ. – Понзари, ПСВ. – Посевкино, ПСКВ. – Песковатка, Р.БЛВ. – Русская Буйловка, РГЧ. – Рогачёвка, СДВ. – Садовое, СТ.ТД. – Старая Тойда, СТ.ХВР. – Старая Хворостань, СТ.ЧГЛ. – Старая Чигла, ТАЛ. – Таловая, ТРЦ. – Троицкое, УСТ.-МРВ. – Усть-Муравлянка, ХЛБР. – Хлебородное, ХРН. – Хреновое, ЧГР. – Чигорак, ЧСМ. – Чеменка, ШСТ. – Шестаково, ШШВ. – Шишовка, ЯРК. – Ярки; Аннин. – Аннинский, Бобр. – Бобровский, Борис. – Борисоглебский, Бутур. – Бутурлиновский, В.-Хав. – Верхнехавский, Ворон. – Воронежская область, Гриб. – Грибановский, Дмитряш. – Дмитряшевский (ныне Липецкая обл.), Задон. – Задонский (ныне Липецкая обл.), Землян. – Землянский (ныне Семилукский), Кашир. – Каширский, Корот. – Коротоякский (ныне Острогожский), Липец. – Липецкая обл., Лиск. – Лискинский, Н.-Усм. – Новоусманский, Н.-Хоп. – Новохопёрский, Нж.-Дев. – Нижнедевицкий, Остр. – Острогожский, Павл. – Павловский, Пан. – Панинский, Рам. – Рамонский, Реп. – Репьёвский, Семил. – Семилукский, Тамб. – Тамбовская область, Терн. – Терновский, Хохол. – Хохольский, Эрт. – Эртильский.

Список литературы

1. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. Т.1. 227 с.
2. Картотека «Воронежские диалекты» Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского госпедуниверситета.
3. Картотека «Словаря воронежских говоров» лаборатории Воронежского лингвоязыковедения имени профессора В.И. Собинниковой при кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета.
4. Королева Е.В. Семантические и мотивационные особенности наименований свиньи в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: (материалы и исследования): 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 303-313.
5. Коротченко Л.П. Названия животных в говорах Воронежской области (на материале говора села Козловка Бутурлиновского района Воронежской области: диплом. работа. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 1994. 84 с.
6. Куйдина Е.П. Описание говора села Красный Лог Каширского района Воронежской области: диплом. работа. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2008. 119 с.
7. Ларина Л.И. Наименования свиньи в курских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2011. С. 318-326.
8. На сельском подворье [видеозапись] // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m07VfxCLwxk> (дата обращения: 25.10.2021).
9. Недоступова Л. В. «Живнасть у мене разная...» // Русская речь. 2011. №6. С. 80-83.

10. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т.1-52. М.; Л./СПб., 1965-2021.
11. Слюсарева О.А. Наименование домашних животных в говоре села Краснолипые Репьевского района Воронежской области // Диалектологический альманах: сб. мат-лов и исследований. Воронеж, 2019. Вып. 3. С. 53-63.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1964-1973. 2915 с.
13. Херольянц Р.В. Лексико-семантическая характеристика говора сёл Каширского, Коломенского, Московского Новоусманского района Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966. 356 с.
14. Шанский П.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
15. Шаповалова О.И. Описание говора села Коротояк Острогожского района Воронежской области: курс. работа. Воронеж, 2011. 98 с.

Т.А. Козлова

T.A. Kozlova

*Минский государственный лингвистический
университет (Минск, Беларусь)
Minsk State Linguistic University, Minsk*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА»

В статье на материале толковых словарей устанавливается идентифицирующая формула для определения лексем, имён существительных, формирующих лексико-семантическое поле «Моральные качества» в английском, белорусском и русском языках. В соответствии с выявленной формулой определяются границы рассматриваемого лексико-семантического поля, а их верификация осуществляется с опорой на философские и лингвистические теории о добродетели, категории морали, ценностях.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, моральные качества, идентифицирующая формула

DEFINING THE BOUNDARIES OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD «MORAL QUALITIES»

The paper reveals the identification formula for defining the noun components of the lexico-semantic field 'Moral Qualities' in English, Belarusian and Russian on the basis of explanatory dictionaries. According to the identified formula the boundaries of the lexico-semantic field under consideration are defined with their verification performed on the grounds of philosophical and linguistic theories on goodness, the category of morality, values.

Keywords: lexico-semantic field, moral qualities, identification formula

Вопросы морали и нравственности интересуют представителей различных наук с древних времён. Так, в соответствии с критериями, разработанными философом Г. Х. фон Вригтом, к добродетели относятся «внутренние» качества, черты характера, но не их «внешнее» проявление в поведении. Таким образом, из числа добродетелей исключаются привычки, навыки, действия, тем-

перамент, скрытые состояния, проявляющиеся в определённых ситуациях [8, с.142]. О наличии добродетели говорит «правильный выбор» в ситуации альтернативы, «победа» над определёнными чувствами и желаниями: только если человек может противостоять переизменению, можно говорить, что он не подвержен обжорству. Добродетели не следует рассматривать с утилитарной точки зрения: они необходимы не потому, что приносят нам хорошее, а потому, что защищают нас от плохого [8, с. 149-150]. При этом моральные качества человека находят выражение в его речевых поступках, языковом поведении, то есть в тексте [3, с. 70].

Наука о морали – этика – выделяет различные морали в зависимости от интересов группы лиц. Так, например, существует мораль христианская, семейная, профессиональная, общественная, мораль буржуазии и мораль пролетариата, противопоставленные друг другу [6, с. 780-781]. Возникает вопрос о возможности существования общей и единой для всех морали. На наш взгляд, лингвистический подход к установлению границ понятия *моральные качества* позволяет выявить инвариантное для сопоставляемых языков ядро, а также национально-культурные различия.

Сложность выявления лексических средств объективации понятия связана с отсутствием единого понимания термина «семантическая связь». Данная проблема может быть решена при помощи анализа дефиниций в толковых словарях, так как при составлении словарной статьи лексикографами проводится сопоставление одних лексем, называющих обработанные сознанием объекты реальной действительности, с другими. Дефиниционный подход позволяет установить те отличительные характеристики, которые выделяют одну единицу из ряда подобных, ведь «любые значения не существуют в языке «сами по себе», вне связей с другими значениями» [7, с. 23]. Формальным критерием общности слов является наличие одной и той же лексики в словарной дефиниции или общего компонента в значении [2, с. 76, 108]. Сложность вербализации дифференциальных семантических признаков и высокая степень обобщения, свойственные словарным статьям, порождают трудности при определении семантической общности в случае отсутствия формальной связи. Более того, исследуемые единицы могут «отражать различные звенья связанных между собой цепочек импликаций» [1, с.71]. Указанные проблемы требуют решения при выявлении языковых единиц, называющих моральные качества.

Для определения границ лексико-семантического поля «Моральные качества» установим «идентифицирующую формулу», под которой, вслед за А.А. Романовской, мы понимаем общую сущностную часть лексикографического описания лексики, свойственную ряду слов [5, с. 28]. С этой целью на основании данных толковых словарей английского, белорусского и русского языков («Oxford dictionary of English» (ODE), «The Oxford English dictionary: in 12 vol.» (OED), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.» (ТСБМ), «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (ТСБЛМ), «Большой академический словарь русского языка: в 23 т.» (БАС), «Словарь русского

языка: в 4 т.» (МАС)) сравним метаописания лексем *morality* ‘мораль’, *мараль* и *мораль* в английском, белорусском и русском языках (таблица 1).

Таблица 1. Метаописания лексем *morality* ‘мораль’, *мараль* и *мораль* в английском, белорусском и русском языках

Лексические единицы	Наименование словаря	Метаописания лексических единиц
Morality	ODE	principles concerning the distinction between right and wrong or good and bad behaviour ‘принципы, связанные с различием между правильным и неправильным или хорошим и плохим поведением’
	OED	1) <i>obs.</i> ethical wisdom; knowledge of moral science ‘уст. нравственное благоразумие; знание учения о нравственности’; 2) moral qualities or endowments ‘моральные качества или способности’; 7) moral conduct; usually, good moral conduct; behaviour conformed to the moral law; moral virtue ‘нравственное поведение; обычно одобряемое нравственное поведение; поведение, соответствующее закону морали; нравственная добродетель’
Мараль	ТСБМ	правілы, нормы паводзін людзей у адносінах паміж сабой
	ТСБЛМ	сукупнасць прынцыпаў і норм паводзін людзей між сабой і ў адносінах да грамадства
Мораль	БАС	совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность
	МАС	совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность

Дефиниции позволяют выделить метаэлементы, указывающие на: систему правил, взглядов (*principles* ‘принципы’, *прынцыпы*, *правілы*, *нормы*, *принципы*, *нормы*);

регулирование поведения человека (*behaviour conformed to the moral law* ‘поведение, соответствующее закону морали’, *concerning the distinction between right and wrong or good and bad behaviour* ‘связанный с различием между правильным и неправильным или хорошим и плохим поведением’, *нормы паводзін людзей між сабой і ў адносінах да грамадства*, *нормы поведения людей по отношению друг к другу и к обществу*).

В соответствии с указанными метаэлементами устанавливаем, что *мораль* – это система взглядов, регулирующая поведение человека. Данное регулирование осуществляется на основании принятых в обществе норм. Другими словами, мораль не регулирует такие качества человека, как, например, *беззаботность*, *живость*, *энергичность*, *жеманность*, *домовитость*, так как их нали-

чие или отсутствие, а также проявление в обществе не регламентированы и не предполагают обязательного взаимодействия с другими людьми.

Аналогичным образом сравним дефиниции лексем *quality* ‘качество’, *якасць*, *качество* в сопоставляемых языках (таблица 2). Метаописания данных лексем позволяют установить, что формально соответствие указанному выше критерию в дефинициях лексем выражается в наличии слов *attribute* ‘характерный признак, свойство’, *characteristic* ‘характерная черта’, *quality* ‘качество’, *уласцівасць*, *якасць*, *качество*, *признак*, *свойство*. Представленная точка зрения соответствует пониманию добродетели в философской теории Г. Х. фон Вригта.

Таблица 2. Метаописания лексем *quality* ‘качество’, *якасць*, *качество* в английском, белорусском и русском языках

Лексические единицы	Наименование словаря	Метаописания лексических единиц
Quality	ODE	2) a distinctive attribute or characteristic possessed by someone or something ‘отличительный характерный признак или характерная черта, свойственная кому-или чему-либо’
	OED	1) <i>rare</i> . Character, disposition, nature ‘редко. Характер, нрав, природная сущность’; 2) a mental or moral attribute, trait, or characteristic; a feature of one’s character; <i>obs.</i> a habit. ‘умственный или нравственный признак, черта, характеристика; черта характера; <i>уст.</i> привычка’
Якасць	ТСБМ	1) характэрная адзнака, істотная ўласцівасць, якая адрознівае адзін прадмет ад другога.
	ТСБЛМ	1) характэрная адзінка, істотная ўласцівасць, якая адрознівае адзін прадмет ці з’яву ад другіх.
Качество	БАС	3) признак, свойство, черта кого-, чего-л.
	МАС	1) существенный признак, свойство, отличающие один предмет или одно лицо от другого.

Таким образом, идентифицирующая формула звучит следующим образом: *моральные качества – это характеристики, которые указывают на систему взглядов, регулирующую поведение человека.*

На первом этапе отбор имён существительных, называющих *моральные качества* в английском, белорусском и русском языках, происходил на основании данных идеографических, тематических, семантических словарей. На следующем этапе дефиниции выявленных лексем были верифицированы на соответствие идентифицирующей формуле и дополнены на основании слов-синонимов, использованных в лексикографических описаниях слов в толковых словарях, а также метода сплошной выборки.

Обращение к нескольким толковым словарям позволило включать в лексико-семантическое поле единицы, в дефинициях которых хотя бы в одном из них присутствуют формальные показатели *attribute* ‘характерный признак,

свойство», *characteristic* ‘характерная черта’, *quality* ‘качество’, *уласцівасць*, *якасць*, *качество*, *признак*, *свойство*. Так, в «Oxford dictionary of English» отмечается, что «courage – the ability to do something that frightens one; bravery / strength in the face of pain or grief» ‘смелость – это способность сделать что-то, что пугает другого; храбрость / сила несмотря на боль или горе’. При этом «The Oxford English dictionary: in 12 vol.» даёт следующую формулировку данной лексеме: «courage – 4. That *quality* of mind which shows itself in facing danger without fear or shrinking; bravery, boldness, valour» ‘смелость – *качество* разума, которое проявляется в ситуации опасности отсутствием страха или робости; храбрость, отвага’.

Аналогичным образом осуществлялась процедура включения в лексико-семантическое поле единиц, дефиниции которых представляют собой отсылки к именам прилагательным. Например, в «Oxford dictionary of English» представлена дефиниция лексемы *atrocious* ‘гнусный, жестокий’ как «horribly wicked» ‘ужасно злой’ с указанием наличия существительного *atrociousness* ‘гнусность’. Данное определение не позволяет установить, является ли представленное существительное наименованием постоянного качества человека или его временным состоянием, манерой поведения. Благодаря обращению к словарю «The Oxford English dictionary: in 12 vol.» оказывается возможным выявить, что *atrociousness* – «the *quality* of being atrocious, heinousness» ‘гнусность – это *качество* по прил. гнусный, злостность’.

Ещё одним способом определения возможности включения единицы в поле являлось указание в дефиниции на синонимы. Так, по данным «Словаря русского языка» «чистосердечие – откровенность, искренность», а откровенность – это «свойство по 1 знач. прил. откровенный; искренность, правдивость. Откровенный – 1. Искренний, правдивый, чистосердечный. // Выражающий искренние чувства, мысли». На данном основании лексема *чистосердечие* включена в рассматриваемое лексико-семантическое поле.

В случае, если у однокоренных антонимов один из членов антонимической пары соответствует идентифицирующей формуле, обе лексемы включались в рассматриваемое поле. Например, согласно «Oxford dictionary of English» «inhumanity – extremely cruel and brutal behaviour» ‘бесчеловечность – чрезвычайно жестокое и грубое поведение’, при этом «humanity – 2) the *quality* of being humane; benevolence» ‘гуманность – 2) *свойство* гуманного; доброжелательность’.

Проверка правильности включения единицы в перечень лексем, называющих моральные качества, возможна на основании иерархической типологии ценностей, предложенной Т. Б. Радбилем. В качестве критерия выявления лексем, называющих ценности, выступает сочетаемость с метаязыковым комментарием «в хорошем смысле (этого) слова»: «Подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы) безусловны и аксиоматичны. Лишь псевдо-ценности могут быть «хорошими» только при определённых условиях, с какими-то ограничениями или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией таким, на первый

взгляд, невинным оценочным метаязыковым комментарием, как *в хорошем смысле (этого) слова*» [4, с. 104].

Таким образом, сочетаемость с указанным метаязыковым комментарием невозможна в трёх случаях:

1) если языковая единица называет ценность (**courtesy* ‘вежливость’ в хорошем смысле (этого) слова, **добрадушнасць* в хорошем смысле (этого) слова, **мужество* в хорошем смысле этого слова);

2) если языковая единица называет анти-ценность (**irresponsibility* ‘безответственность’ в хорошем смысле (этого) слова, **скваннасць* в хорошем смысле (этого) слова, **нетактичность* в хорошем смысле (этого) слова);

3) если языковая единица называет не-ценность, то есть то, что находится вне иерархии ценностей (**стул* в хорошем смысле (этого) слова, **шкляны* в хорошем смысле (этого) слова) [4, с. 114].

Использование идентифицирующей формулы позволило выделить 546 единиц, номинирующих моральные качества в английском языке, 438 единиц в белорусском языке и 543 единицы – в русском.

Таким образом, основанный на данных толковых, идеографических, тематических, семантических словарей лингвистический подход к определению границ лексико-семантического поля «Моральные качества» позволяет установить критерии (не)включения единиц в поле, что не противоречит философским и другим лингвистическим теориям.

Список литературы

1. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. 2-е изд. М.: URSS: Либроком, 2010. 354 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Яз. слав. культуры, 2017. 592 с.
5. Романовская А.А. Типологические критерии установления идентифицирующей формулы лексико-семантического поля // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. М. 2018. №3. С. 28-33.
6. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 991 с.
7. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Башк. ун-т, 1999. 88 с.
8. Wright G.H. von. The varieties of goodness // The Gifford Lectures: over 100 years of lectures on natural theology [Electronic resource]. URL: <https://www.giffordlectures.org/lectures/varieties-goodness> (date of access: 17.08.2020).

Е.Д. Михайлова

E.D. Mihailova

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ЗАЙМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЙШИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ)

В статье рассматривается отражение заимствованной лексики в словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова. Анализируются процессы адаптации новых слов и морфем, образованных от иноязычных заимствований, в современном русском языке.

Ключевые слова: иноязычная лексика, адаптация, исходное слово, словообразовательное гнездо, иноязычные морфемы.

WORD FORMATION AND ADAPTATION PROCESSES OF BORROWED VOCABULARY (BASED ON THE LATEST BORROWINGS)

The article deals with the reflection of borrowed vocabulary in the word-formation dictionary of the Russian language by A. N. Tikhonov. The article analyzes the processes of adaptation of new words and morphemes formed from foreign borrowings in the modern Russian language.

Keywords: foreign language vocabulary, adaptation, source word, word-forming cluster, foreign language morphemes.

А.Н. Тихонов – выдающийся советский и российский учёный-лингвист, лексикограф, талантливый педагог, неутомимый исследователь. Плодами его научных изысканий явились труды в самых разных областях науки: лексикографии, словообразовании, лексикологии, морфологии, фразеологии.

Удивительна широта научных интересов А.Н. Тихонова, но известен ученый прежде всего благодаря трудам в области лексикографии. В 1978 году вышел первый в истории отечественной лексикографии гнездовой «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (который выдержал 5 переизданий), а в 1985 году – первый большой гнездовой «Словообразовательный словарь русского языка» в 2-х томах (3 переиздания). Задача этих словарей – выявить словообразовательную и морфемную структуру слов.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова описана словообразовательная структура около 145 000 слов. Словарь состоит из двух частей: первая часть представляет собой словообразовательные гнезда, исходные слова которых расположены в алфавитном порядке с присвоением им порядкового номера; в конце второй части словаря читателям предлагается алфавитный список всех размещенных в гнездах слов с указанием буквы и порядкового номера гнезда, по которому можно найти интересующее слово в первой части [5, с. 4].

Для отечественной лексикографии подобный словарь имеет колоссальное значение, так как выявление связей внутри словообразовательных гнезд позволяет охарактеризовать семантику лексических единиц, отношения между словами внутри словообразовательного гнезда, а также проследить пути возникновения и адаптации в языке новых слов.

Проблема заимствований в широком понимании является одной из важнейших для современного языкознания. Это связано с тем, что ни один язык не может развиваться изолированно, без контактов с другими языками [6, с. 5]. По мнению Л.П. Крысина, явление заимствования обусловлено социальным аспектом взаимодействия двух языков [2] и возникает как при непосредственных, так и при опосредованных языковых контактах.

Важнейшими факторами, влияющими на процесс заимствования в разные эпохи, можно считать:

- 1) исторические и языковые контакты;
- 2) потребность в наименовании новых вещей, явлений;
- 3) фактор моды (престиж какого-либо языка на мировой арене);
- 4) потребность в иноязычном слове и др [6, с. 84].

Иноязычная лексика находит отражение в разных типах словарей: толковых, этимологических, словообразовательных, переводных, словарях иностранных слов и др. В частности, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова также включает в себя словообразовательные гнезда, в которых заимствованное слово является исходным или входит в состав гнезда в качестве производного.

Так, заимствованное из латинского языка слово *процесс* – производящее для слова *процессуальный*, французское *кофе* – производящее для слов *кофеек*, *кофеешко*, *кофеинка*, *кофейник*, *кофейница*, *кофейня*, *кофейный* [5, с. 834, 485].

Интересна судьба заимствованных слов в русском языке. Некоторые из них постепенно перестают ощущаться носителями языка как заимствованные (*рынок*, *бабушка*, *бутерброд*, *чай*, *борщ*), другие – сохраняют элементы «чужеродности» (*гамбургер*, *мистер*, *сэндвич*, *лифтинг*) и еще не донца освоены языком.

Адаптация иноязычной лексики, т.е. вхождение слова в язык и его адаптация в нем, проявляется по-разному на разных языковых уровнях. Выделяют графическое, фонетическое, лексико-семантическое, грамматическое, словообразовательное освоение заимствованной лексики [6, с. 106-125].

Подробнее мы остановимся на словообразовательном аспекте освоения иноязычной лексики, т.к. такое освоение является важнейшим признаком постепенного укоренения заимствований в языке-преемнике. Словообразовательное освоение иноязычной лексики – это внедрение иноязычных морфем и слов в языковую систему языка. Степень освоения выражается в способности заимствованных элементов образовывать новые слова.

Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова находим заимствованное исходное слово *металл*, которое происходит от латинского *metallum* и заимствуется русским языком через немецкое *metall* или

франц. *métal*. Данное слово является производящим для слов *металлист*, *металлургия*, *металлический*, *металлизировать*, *металловидный*, *металлообработка*, *металлорежущий* [5, с. 598].

В «Словаре иностранных слов» под редакцией Т.Ю. Уша слово *металл* (и его производные) не представлены, однако в «Словаре новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой находим слово *металлик* со значением «цвет, обладающий эффектом металлического блеска» [9, с. 252].

Корень *металл (метал)*, встречающийся в немецком, английском, французском языках, в настоящее время вошедший в русский язык из американского варианта английского, является производящим для ряда заимствованных слов: *металл-рок*, *спид-металл*, *рагга-метал* [9, с. 252]. Однако заимствованная морфема претерпела изменение в лексическом значении: *метал* – «музыкальные стили, характеризующиеся агрессивными ритмами, искаженным гитарным звуком, напоминающим лязг металла» [9, с. 252].

В русском языке функционируют и другие иноязычные корни, например:

1. *Микро* (*микрофон* и *микроскоп* – в словаре А.Н. Тихонова; *микроблог*, *микроблогинг*, *микрофазер*, *микрофибра*, *микрохаус* – в словаре Е.Н. Шагаловой) [5, с. 608; 9, с. 255].

2. *Мини* (*миниатюрный* – в словаре А.Н. Тихонова; *миниаджилити*, *минидаунхилл*, *мини-Европа*, *минимал*, *минимал-техно*, *минимал-хаус*, *мини-рампа* – в словаре Е.Н. Шагаловой) [5, с. 610; 9, с. 257].

3. *Масс* (*массовость* – в словаре А.Н. Тихонова; *масс-маркет* и *массмаркет*, *массмедиа*, *массфоллоуинг*, *массфрендинг*, *мастеринг*, *мастер-сервисер* – в словаре Е.Н. Шагаловой) [5, с. 577; 9, с. 244].

Большинство из приведенных лексем с точки зрения графической освоенности представляют собой транскрипции слов языка-источника: *микроблогинг* – от англ. *microblogging*, *массмедиа* – от англ. *mass media*. Однако стоит отметить, что из-за составного характера данных лексем (обычно они состоят из двух корней иноязычного происхождения) в русском языке возникает проблема с их отражением на письме: не всегда сохраняется ориентация на английское написание (*массфоллоуинг* – *mass following*, *миниаджилити* – *mini agility*), допускается двоякое написание (*масс-маркет* и *массмаркет*, *маркетмейкер* и *маркет-мейкер*).

Некоторые исследователи считают ошибочной ориентацию на английское написание (через дефис), ведь данные лексемы должны адаптироваться к законам написания языка-преемника. Выходом из ситуации, по их мнению, может стать ориентир на слитное написание уже освоенных русским языком заимствованных слов с одним иноязычным корнем (*авансцена*, *маскарад*) [6, с. 110].

Корни иноязычного происхождения часто выделяются составителями словарей иноязычной лексики в отдельные словарные статьи и считаются первой или второй частью сложных слов. Например, в «Словаре новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой словарные статьи посвящены корням иноязычного происхождения: *аниме-*, *арт-*, *байк-*, *бизнес-*, *ботнер-*, *вики-*,

виндсерф-, вип-, воркаут-, гранж-, груминг-, гугл-, дайв-, демо-, дейтинг-, имидж-, интернет-, кантри-, капча-, медиа-, -мейкер, -арт и т. п [8].

Интересна словарная статья корня **АРТ**, который может функционировать и как первая часть сложного слова (в значении «отнесенность чего-либо к искусству») и как вторая (в значении «искусство того направления, которое указано в первой части»). Ср.: *арт-галерея, арт-культура, арт-рынок, арт-фото; боди-арт, веб-арт, медиа-арт, поп-арт* [9, с. 35-36].

Богатый лексический и иллюстративный материал для анализа английских заимствований предлагает «Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет» под редакцией Б.Д. Ходжагельдыева. Любопытно, что корни некоторых из представленных в словаре заимствованных слов можно встретить и в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова.

Так, в словаре Б.Д. Ходжагельдыева встречаем слова:

ЛИФТИНГ – 1) Изменение конструкции автомобиля, обеспечивающее установку колес большего диаметра; 2) Подтяжка лица.

ЛИФТОВАННЫЙ – Подвергнутый лифтингу.

ЛИФТОВКА – То же, что лифтинг [7, с. 84].

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова слово **лифт** – производящее для слов *лифтер, лифтовый, лифтерша* [5, с. 546].

Общий для данных слов корень **ЛИФТ** заимствован русским языком из английского (*lift* со значением «поднимать»). Значение корневой морфемы сохраняется в процессе словообразования.

По сходному принципу отображения самой новой иноязычной лексики, еще не включенной в словари иностранных слов, строится «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» под редакцией Е.Н. Шагаловой. О недостаточной степени освоенности заимствований говорят различия в транскрипции и написании слов. Ср: *аккаунт* и *экзаунт*, *аль-шабааб* и *аль-шабаб*, *апрески* и *апре-ски*, *сноурафтинг* и *сноу-рафтинг*, *резист-бол* и *резист-а-бол* [8].

Нетрудно заметить, что большинство приведенных нами для анализа примеров – слова, пришедшие в русский язык из английского (в частности – его американского варианта). Данный факт свидетельствует о том, что большинство новейших словарей иноязычной лексики ориентированы на пласт слов, вошедших в русский язык за последние три десятилетия. Анализ лексикографических изданий показывает, с одной стороны, что далеко не все новые для русского языка слова и морфемы уже полностью адаптированы им, а с другой стороны, что некоторые морфемы иноязычного происхождения уже были в русском языке (были отражены в ранее изданных словарях). На новом этапе словообразования они претерпели изменения в значении, графическом отображении и функционируют в языке с новым набором словообразовательных средств.

Список литературы

1. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
3. Словарь иностранных слов (около 10 000 слов). СПб.: Виктория плюс. 816 с.
4. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А-П. 856 с.
6. Хашимов Р.И. Этноязыковые контакты и заимствование: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2021. 224 с.
7. Ходжагельдыев Б.Д. Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. М.: ФЛИНТА, 2020. 4-е изд., стер. 200 с.
8. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
9. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 576 с.

Л.В. Недоступова

L.V. Nedostupova

*Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия)*

Voronezh State Technical University, Voronezh

СЕМЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В НАРОДНОМ ГОВОРЕ

В работе рассматриваются антропонимы – неофициальные именованья семей, образованные от мужских прозвищ, в говоре посёлка Высокого Воронежской области. В них выразилась языковая креативность сельских людей, находящая отражение в диалектной картине мира. Семейский деревенский именовань классифицирован по тематическим группам. Отмечена самая многочисленная из них по составу и представленная единичным именованьем. Названы обладатели вариативных уличных прозваний, указаны продуктивные словообразовательные средства.

Ключевые слова: *семейские антропонимы, народный говор, диалектная картина мира.*

FAMILY ANTHROPONYMS IN THE FOLK SPEECH

The article deals with anthroponyms – unofficial names of families, formed from male nicknames, in the dialect of the village of Vysokoye, Voronezh region. They expressed the linguistic creativity of rural people, which is reflected in the dialectal picture of the world. The Semey village nomenclature is classified according to thematic groups. The most numerous of them in composition and represented by a single naming is noted. The owners of variable street nicknames are named, productive word-formation means are indicated.

Keywords: *semeysky anthroponyms, folk dialect, dialectal picture of the world.*

Изучение имён привлекало внимание разных исследователей. И в XXI веке мы становимся очевидцами проявления глубокого интереса к их рассмотрению среди диалектологов.

Уточним, что антропонимом называют «любое собственное имя (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним), которое может иметь человек» [2, URL]. Безусловно, оно обладает определённой ценностью, поскольку носителем его выступает человек – творец Вселенной. Имя выполняет в жизни функцию визитной карточки, идентифицирующей каждого представителя нашего огромного мира. «Именами пронизана вся культура сверху донизу, всё человеческое бытие, вся жизнь» [4, с. 808].

Следует заметить, что в любом отдельном этносообществе, микросоциуме наряду с официальными функционируют и неофициальные именованья. О важной составляющей вторых В.А. Никонов писал: «История имён, ограниченная рассмотрением только имён официальных, по меньшей мере неполна, а сказать точнее, неверна: наряду с ними – даже вместо них – звучали имена, никем не утвержденные» [9, с. 26].

Если официальные именованья могут принадлежать тысячам людей (например, Иванов, Петров, Иван, Пётр и т. п.), то неофициальные названия рисуют образ, разнящий его с другими, отражающий реальные характеристики носителя. Здесь уместно привести точку зрения И.А. Кюршуновой: «именованья дают описание отличительных качеств не только носителя имени, но и самого номинатора – русского человека, создателя уникальных имён» [3, с. 15].

Наше внимание обращено на говор небольшого посёлка Высокого, расположенного на юго-востоке Воронежской области, в Таловском районе, в двухстах километрах от столицы Черноземья.

Цель данного исследования состоит в описании сельского антропонимикона – неофициальных именованья семей, образованных от мужских прозвищ, по внешности, особенности речи и голоса, чертам характера, темпераменту, умственным способностям, находящих отражение в диалектной картине мире жителей посёлка Высокого. В настоящем изыскании поставлена задача классифицировать деревенские семейские имена по перечисленным критериям по причине того, что за длительное время сбора диалектного материала накоплен именослов названного населённого пункта. Антропонимические единицы представлены в соответствии с мотивационными признаками, лежащими в их основе.

Отметим, что диалектологическая проблематика в принципе актуальна – в условиях постепенно сокращающегося пространства употребления народных говоров.

Более того, актуальности исследованию добавляет и то, что «к сожалению, имена неофициальные у нас почти не изучены» [9, с. 29].

Рассмотрение номинантов и их классификации являются предметом исследования в цикле статей, начиная с 2014 года [5, 6, 7, 8].

Объектом изыскания выступает южнорусский говор.

Предметом работы являются сельские семейские именованья и диалектная картина мира.

Материалом статьи определены записи бесед автора с представителями старшей возрастной группы – коренными жителями местности, полученные в процессе общения в продолжение нескольких лет (с 2013 года). Полученные характеристики дали возможность представить своеобразный семейский именовослов, включающий 56 прозвищ, зафиксированных в 4 тематических группах. Народная речь отразила их в картине мира сельского человека.

Воссоздадим оригинальное полотно семейского антропонимикона через язык местного диалекта, расположив именованья по степени многочисленности.

Первая группа репрезентируется 34 лексическими единицами.

1. Антропонимы, данные по внешности человека (строению человеческого тела, росту, цвету волос, состоянию здоровья, органам слуха, выделяющимся признакам):

Богатырёвы – ‘по прозвищу роста, красоты и статности отца семейства Богатырь’: *Богатырь дюжа расхарошай на лицó, высочénнай был, да далгóньтя ни пажёл. Рак у нягó был. Ягóваю сэьмью Богатырёвы так и кличуть.*

Борцо́вы – ‘по прозвищу спортивного телосложения отца семейства Борец’: *Ми́шка уж пря́ма крэ́пиньтий был, он с хвэрми мох мяшо́к на сабе́ несть. Ат Борца́ ййхнюю сямьё́ ста́ли звать Борцо́вы.*

Бугаёвы, Буга́й – ‘прозвище крепкого и сильного по здоровью отца Бугай’: *Бугаёвы в папа́ню паши́ли, фсе вон каккия здарóвенныи да крэ́птии. Па нём йих и дра́жняют. Типэ́рича фсем дя́тям дама́ папастрóили, калí йих па́жани́ли и за́муж паадда́вали. Трудíлися, как ва́лы. Буга́й дамо́к ради́тильскай уну́ку адда́ли, он с сямьё́й та́ма бу́дя жить.*

Велика́новы – ‘по прозвищу высокого роста отца семейства Великан’: *Велика́н был на фсю сяло вы́сокай, ййх брато́в дво́я. Ну ани́ меж сабо́й дру́жнаи, хучь в ата́ца ро́стом ни́хто ни паи́ёл. Па хвами́лии ййх ни́хто ни заве́ть, то́ка Велика́новы.*

Вышихто́новы, Выши́нские – ‘по прозвищу высокого роста отца семейства Вышихтон’: *Вышихто́новы фсяды́ гарди́лися че́ у них тако́й папа́ка вы́сочишиши́й. Де́ти тады́ спо́рили праме́ж сабо́й, чей ба́тя бо́ли. Так во-во и приляпи́лися к ним про́звишиша. Выши́нские па́тома с ним натя́рпéлися, он вить бяз ног аста́лси, ф каля́сти.*

Калачёвы, Калачи́ – ‘по прозвищу особенности строения ног отца семейства Калач, Калачёв’: *Калачи́ тады́ в мо́ди ряба́ты бы́ли. Ани́ краси́вай, у аднаго́ пра́вда но́ги как у ва́тца́ калясо́м, у э́нтага – нет. Ну ту́та ййх дра́жняют и Калачёвы, и Калачи́, хучь ани́ Гри́дневы. Ат ба́ти йим кличтя при́шла́ся ка двару́.*

Китаёвы, Кита́й – ‘по прозвищу разреза глаз отца семейства Китай’: *Ня зна́ю, ф каго́ То́лик был ускагла́зай, кличуть ййх фсю жи́зню Китаёвы, Кита́й. Сыча́сник Кита́й там во́на на Ле́нина и живу́ть.*

Королёвы, Коро́ли – ‘по прозвищу статности и красоты отца семейства Король’: *У Короле́вых тро́я дите́й, то́ка сам Каро́ль уто́п на мо́ладасти. Дю́жа он краси́вай был, ви́днай. Ййх фсю вре́мю па нём и кли́кали Коро́ли.*

Курёнковы – ‘по прозвищу роста, телосложения и волоса отца семейства Курёнок’: *У вэ́нтих дю́жа не́чим бы́ла разживи́тца. Он ни гляди́ че́ ма́линтий ды шу́плинтий, пил, хади́л с кра́снай мо́рдай, че́ дра́ный курь. Па нём Курёнок и ййх прадра́жнили́ Курёнковы.*

Лобиковы, Лобики́ – ‘по прозвищу большого лба отца семейства’: *Лобиковы са́ми пра́стыя, аткры́таи ани́. Ана́шка па ядрёному́ лбу сабе́ кли́чтлю*

заработал. Жизнь нелёгкая сложилась у них, помочь некому была. А кличка ат няго Лобика и к сямье пиряшла. Лобики сами справлялись вездé. **Мальшикины** – ‘по прозвищу роста, веса и телосложения отца семейства Малышкин, Малышка’: Мальшикины фсе вон какія жирныи да большія: чё он, чё дочаря. А дражнють на нём симейству йихаву. Дюжа ни он, ни дёти ни разбягутца. Малышка, бувалача, ёдя на лапашки стипенна, ни спяшйт. А жанá трудяга. **Неваляшкины** – ‘прозвище по телосложению и неповоротливости отца семейства Неваляшка’: Мишка ф сваю времю толстишиий стал, абуватца сам ня мох. Ни паставь, ни палажй. Па нём и двор йихний прадражнили. У Неваляшкиных тольтя Людка в атуá вдарила, полная, нипаваротная. А сын в матрю. **Полторашкины, Полторашиниковы** – ‘по прозвищу особенности роста отца семейства Полторашник, Полторашкин’: Сам Полторашиник бувала идя на слабаде, дитей испужая. Кудби там, вить он вон какой здаравеннай. Палтарá мужжукá в аднэм. Па папáни йих пракликали. Рябяты у Палторашиниковых в атуá, а ана нибальшенентия. Так Полторашкины фсе выфчилися, учёны, паканьчали чей-та в гóради. **Рыжие** – ‘по прозвищу цвета волос отца семейства Рыжий’: У Рыжих скатини фсяды памнога была, сам авец стаду дяржал, да быки и каровы, и гуси, и ути. А глянишь, на сонцы волас у папáки ашинок гаритъ. Вот йихних кличуть Рыжиин, па нём вить. **Рябинины, Рябиновы** – ‘прозвище по цвету лица отца семейства Рябина’: У Сашти лицó рябая, прадражнили Рябина. Они с Литкой ездили на заработки в гóрад, да чей-та йим тама ни панравилася. Глять, уж Рябинины рямонт атгрóхали у сибé. Он типерича ня пьёт. Рябиновы и гарот сажают, трудютца па трóшки. **Седые, Седыри** – ‘по прозвищу седины волос отца семейства Седой, Седырь’: Тóлик рана пасядёл, а дитей многа было, бабы адни. Фсех йих Седыми и тутá звáли. Дет Седой помир, ну ани дюжа дружнаи. Матрю ня бросили. Типерича тут Седыри паити ни асталася. Бóрик да Нюрка, и фсё. **Скорородовы** – ‘по прозвищу темпа ходьбы отца семейства Скороход’: Скорородовы у грёдира живут, сам Скараход няспешнай, да и дёти такія жа. Идут палягóничтю. А вить прадражнили наабарот пачамуй-та. **Телефоновы, Телефоны** – ‘по прозвищу высокого роста и сторбленности отца семейства Телефон’: Телефоновых па Мишти дражнють, он вить высóкай да гарбайтай. Сычас ани унучатами абрасли, у Андрюшти вон пятира дитей. Типерича Телефоны хатят старшóга жанитъ, уж нивястёнку нашёл сабé. **Цыгановы** – ‘по прозвищу внешнего сходства отца с представителем народа’: Цыган сам жукавой чёрнай, да и сын такой жа. Тáх-та ани мёсные, Варонины, ну дражнють Цыгановы. Ани сычас зямли набрали, фермирствують. Тэхнику панакупляли, займаютца. Цыгановы и зярном прамышляють, и вóзють грузы. **Шмутиковы, Шмулёвы** – ‘по прозвищу маленького роста отца семейства Шмутик, Шмулёк’: Шмутиковы фсе нибальшэнтини, как и йихов атёц Шмутик. Хто йих и Шмулёвы дражня, как пападé. **Шнурковы** – ‘по прозвищу очень маленького роста отца’: Шнурковы чё дёти, батя йихний дюжа мал, и ани такія жа. Ну сабé дамóк большóй атстрóбили наспроти клáдбишиа, у них и тяплицы вон какія. Вóзють на базар расáду, таргуют. **Шоколадные** – ‘по прозвищу цвета кожи отца’: Шоколадных тóжа па атуá кличуть, он вить тёмнай. Ну ани Мат-

веевы, да так йих тута ни завутъ. Сычас ани забагатели, хто на заработках был. Типерича у них свая большая машина, грузы возютъ. **Шуситовы** – ‘по прозвищу небольшого роста отца Шусит’: Па Миштинаму росту в дѣтви прилипла яговой сямье прозвишиа Шуситовы. А он вить вырос высокая, ну а кличтя так и асталася за им и яговой сямьей. Ани прастыя, в доми фсяды у них люди, ани йим рады. Хлибасольная симейства.

Вторая группа представлена 11 прозвищными именованиями.

2. Антропонимы по особенностям речи, голоса:

Бубины, Бубинцевы – ‘по прозвищу своеобразия речи отца семейства Буба’: Буба сам разговарывае ни паймеш, яговых фсех прадражнили на нём. Рани Бубины займались памидорами да агурицами. Сажали помнога, вазили в Хапёр предавать, чеб боли дятям намагнутъ. А сычас нявыгадна стала. Типеря, кажутъ, Бубинцевы пирключилися на лук. Яго сажаютъ. **Бурмыкины** – ‘по прозвищу своеобразной речи отца семейства Бурмыка’: У Бурмыки две дѣвки, абоя выфчилися, абоя трудютца. А гваря ня дюжа панятна, звать йих Бурмыкины. Йихний папаня тожа бубукая, а няго фсе и пашло, кличтя такая. **Куромки, Куромкины** – ‘по прозвищу особенностей речи отца семейства Куромка’: Куромки фсе нипанятна гварятъ, па ату у них пирдалось эта. Че уж, так и дражняютъ фсех тута. А так Куромкины худыя и высокая, че матря, че он сам, че дѣти. **Мурысовы, Мурысы** – ‘по прозвищу особенностей речи отца семейства Мурыс’: Мурсовых па Юрику кличутъ, он чей-та пад нос сабе мукая. Ну ани уж траих удочаряли дяфчонок с Интерната. Хучь он и на заработки ездил, аттеля вярнулси и давай брушитъ дома. Мурысы работяшиши, фсе в руках гарить у них. **Немые** – ‘по прозвищу отсутствия речи отца семейства Немой’: Ваньти бох ня дал гварить, нигваряшиши он. А так фсе как у ва фсех. Двор йихний завутъ Немые. Типеря домик у них старентий, покривилася крыльцо. Он немоцный па старости, а ана баба, че ана можа, хучь и мамаложу яго. **Ни трящичи** – ‘по прозвищу особенностей речи отца семейства Ни трящичи’: Рани у Самони разговор писклявай, прадражнили Ни трящичи яго, а тады и семью ягову. Гарод арбузов был. У них тама низина, ани ражались дюжа хорошаи. Маладѣжь па начам к ним лязали красть, дурачилися. Наколютъ йих, сирядину паядятъ, а шкорти у лавочти пабрасаютъ. Утрам сам с самой Ни трящичи фставаютъ управлять скот, бабы кароф выганяютъ в стаду, глядь, апэть гаря шкорак арбузных. Ну знаютъ, эт у Ни трящичи пакрали, акрамя йих тута тады ништо ни сажал калуньи. **Сюнины** – ‘по прозвищу особенностей речи отца семейства Сюня’: Аткаля ан приехал, сычас уж ня помню, давно была дела. Жанилси он на Тамарки, ну а сюсюкал, люди приклеили яму Сюня, а йихнюю семью Сюнины кликаютъ. Типеря у Сюниных троя дитей взрослых, и уж унучат многа. Сам дюжа тихинтий, да и сыны в няго пашли. **Таханёвы** – ‘по прозвищу дефекта речи отца семейства Таханю’: Лѣника за яговой нипанятнай выгвар вить тута дражнили Таханю, а двор Таханёвыми. Тама на Малинковой ани праживаютъ. Сын на ваеннага выфчилси, дачиря ат них нидалека живутъ.

Третью группу составляют 10 уличных имён.

3. Антропонимы по чертам характера, темпераменту:

Воробьёвы – ‘по прозвищу шустрости отца семейства Воробей’: *Ох и шустрой был Варабей, да падпивал. Дво́я дите́й нинарма́льных нажи́ли с жа́ной ани́ и два́их харо́ших. Па самаму́ яму́ и йих заву́ть Воробьёвы. Он сам-та уж дю́жа право́рной был, хучь куды́ залёзя. Пинжа́к на нём тады́ да кале́нок висёл. А а́на така́я марке́тная ба́ба, с ха́рактером. Жидко́вы, Жиды́* – ‘по прозвищу скупости отца семейства Жидок’: *То́лик у Ню́рки жа́дниши́ий, настоя́ший Жидок. Па нём и фсю́ се́мью пра́дражни́ли Жиды́, Жидко́вы. Кана́льины* – ‘по прозвищу отца – презренного человека Каналья’: *Ну Ми́шка сибе́ атвара́тительна́ показáл, че́нь-ть надибаши́ря, а ни призна́итца, трус, Кана́ля. Симе́йства у них Кана́льины. Апасля́ фсех Ми́штиных вь́ходак лю́ди нидалюба́ли йих. Лихи́е* – ‘по прозвищу жёсткого нрава отца семейства Лихой’: *С Лихи́м лю́ди ту́та дю́жа ни апи́цáлися, э́жели на ба́льшой ну́жде то́льтя. Он та́кой ха́рактернай́ был, ни ф ком ни ну́жда́лси, а а́на стипе́нная бабе́нка. Вот йи́хову па́дворью́ Лихи́х старáлись а́пхадит́ь старано́й. Му́рцо́вы, Му́рцы́* – ‘по прозвищу своенравного, строгого не в меру характеру отца семейства Мурец’: *У Му́рца́ зве́рстей ха́ра́ктер, а фсяды́ де́ньги вади́лися. Ну а к сямье́ Му́рцо́вых ни́кто́ ня шёл заи́ма́ть. Ани́ ни даду́ть. Са́ми дли сибе́ жи́ли. Му́рцов паба́йвали́сь, а то сам расви́рипе́я. Ре́мни́* – ‘по прозвищу жёсткого характера отца семейства Ремень’: *Ле́ник Ре́мень жисткава́тай мужучо́к. Ска́жа как абре́жа. Се́мью яго́ваю дра́жню́ть Ре́мни. Ани́ ф пла́нти живу́ть. Чивилё́вы, Чивилы́* – ‘по прозвищу быстроты, юркости отца семейства Чивиль’: *Шу́стрэя́ Еремéя ту́та ни было́. Че́ он сам, че́ сыны́ яго́вы. Прозви́шиа йи́хова Чивилё́вы, Чивилы́. Типе́ря разляте́лися фсе на старана́м, хто в го́рад пада́лси, хто ту́та в сасе́дней дире́вни, ба́пка з де́дам на па́ру аста́лися.*

Четвёртая группа репрезентируется единичным именованием.

4. Антропоним, данный по умственным способностям:

Пенько́вы – ‘по прозвищу отсутствия интеллекта у отца семейства Пенёк’: *Ну Ко́стя дю́жа умо́м ни а́тлича́лси ту́та, на три ра́за в адне́м кла́си си́де́л, пра́дражни́ли Пенёк. Да и симе́йства йи́хния ни́кто́ ня вь́фчилси. Лябо́ в а́тца́ вда́ри́лися. Кли́чтя у них Пенько́вы. Ну рабо́татъ здрава́ы. Э́тим мала́дцы́ ани́.* Данная группа свидетельствует о том, что интеллект, умственные и мыслительные способности не становятся объектом номинации в говоре, поэтому представлена 1 именем.

Таким образом, фактический материал народной речи позволил представить через южнорусский говор специфические особенности семейских антропонимов в соответствии с мотивационными признаками. Безусловно, они отражают диалектную картину мира сельского человека.

Как показал анализ, неофициальные прозвания образует своеобразный именовслов, антропонимикон из 4 тематических групп, которые мы классифицировали так: 1) прозвища, данные по внешности человека: *Богаты́рёвы, Борцо́вы, Бугаёвы, Бугаи́, Велика́новы, Вышихто́новы, Выши́нские, Калачёвы, Кала́чи, Китаёвы, Китаи́, Коро́лёвы, Коро́ли, Курёнковы, Ло́биковы, Ло́бики, Мала́шкины, Неваля́шкины, Полтора́шкины, Полтора́шниковы, Ры́жсие, Ряби́нины, Ряби́новы, Се́дые, Се́дыри́, Скорохо́довы, Телефо́новы, Телефо́ны, Цы́гановы, Шму́тиковы, Шмулё́вы, Шну́рковы, Шоко́ладные, Шуси́товы* (34

лексемы); 2) прозвища по особенности речи, голоса: *Бубины, Бубинцевы; Бурмыкины; Куромки, Куромкины; Мурысовы, Мурысы; Немые; Ни тряпичи; Сюнины; Таханёвы* (11 лексем); 3) прозвища по чертам характера, темпераменту: *Воробьёвы; Жидковы, Жиды; Канальины; Лихие; Муцовы, Муцы; Ремни; Чивилёвы, Чивили* (10 лексем); 4) прозвища по умственным способностям: *Пеньковы* (1 лексема).

Обращает на себя внимание то, что некоторые семьи являются обладателями вариативных уличных имён. Среди них по 2 прозвания имеют: *Бугаёвы, Бугай; Вышихтоновы, Вышинские; Калачёвы, Калачи; Китаёвы, Китай; Королёвы, Короли; Лобиковы, Лобики; Полторашкины, Полторашниковы; Рябинины, Рябиновы; Седые, Седыри; Телефоновы, Телефоны; Шмүтиковы, Шмүлёвы; Бубины, Бубинцевы; Куромки, Куромкины; Мурысовы, Мурысы; Жидковы, Жиды; Муцовы, Муцы; Чивилёвы, Чивили*. Это свидетельствует о своеобразном характере отношений номинаторов к носителям, существующей в сельском социуме внутриколлективной коммуникации.

Совершенно очевидно, что при образовании семейских неофициальных имён от мужских продуктивной является суффиксация. Проиллюстрируем это на антропонимическом материале. Активными словообразовательными средствами выступают суффиксы *-ов-* (*-ёв-*): *Богатырёвы* ← *Богатырь, Борцовы* ← *Борец, Бугаёвы* ← *Бугай, Великановы* ← *Великан, Воробьёвы* ← *Воробей, Вышихтоновы* ← *Вышихтон, Жидковы* ← *Жидок, Калачёвы* ← *Калач, Капитановы* ← *Капитан, Комсомолы* ← *Комсомол, Коммунисты* ← *Коммунист, Китаёвы* ← *Китай, Королёвы* ← *Король, Курёнковы* ← *Курёнок, Лобиковы* ← *Лобик, Мурысовы* ← *Мурыс, Муцовы* ← *Мурец, Пеньковы* ← *Пенек, Рябиновы* ← *Рябина, Скороходовы* ← *Скороход, Таханёвы* ← *Таханю, Телефоновы* ← *Телефон, Цыгановы* ← *Цыган, Чивилёвы* ← *Чивиль, Шмүтиковы* ← *Шмүтик, Шнурковы* ← *Шнурок, Шуситовы* ← *Шусит* (27 имён); *-ин-*: *Бубины* ← *Буба, Бурмыкины* ← *Бурмыка, Канальины* ← *Каналья, Мальшиины* ← *Мальшка, Невалышкины* ← *Невалышка, Полторашкины* ← *Полторашка, Рябинины* ← *Рябина, Куромкины* ← *Куромка, Самарины* ← *Самара, Сюнины* ← *Сюня* (10 имён). С суффиксами *-ник-*, *-ов-*: *Полторашниковы* ← *Полторашка* и *-ырь*: *Седыри* ← *Седой* отмечены единичные образования. Интересно, что «суффикс *-ырь* возник из сочетания и.-е. именного суффикса **i* и индоевропейского суффикса **r*: **po-vod-ū-r-jō-s* > по-вод-ыр-ь, **rust-ū-r-jō-s* > пустыр-ь. СЗ: а) ‘лицо по действию’, б) ‘предмет по признаку’. Под эту модель поравнялось заимствованное сущ. лодырь < ниж.-нем. *lodder, loder*» [10, с. 510]. В данном случае, имена актуализированы по признаку родства носителей.

Здесь достойна внимания точка зрения Т.И. Вендиной, которая справедливо считает: «словообразовательно маркируется, как правило, то, что вовлекается в сферу познавательной и практической деятельности человека [1, с. 71], т.е., в нашем случае, что значимо для него и его окружения.

Показательно, что сельские прозвания, являясь неким информационным кодом, содержат, с одной стороны, сведения о конкретных носителях, с другой, раскрывают определённые характерные черты главы семьи или связаны с бытием в его жизни. Безусловно, диалектная картина мира высочан нашла

отображение в по-своему уникальном народном говоре. В нём выразилась и языковая креативность сельских людей. Не принято в деревне именовать официально: по фамилии и имени. Эту древнюю традицию здесь не нарушают.

Примечание. В статье используется упрощённая транскрипция. В роли синонимов для обозначения антропонимических единиц используются термины: неофициальные имена, прозвища, уличные именованья, прозвания.

Список литературы

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 26.10.2021).
3. Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.
4. Лосев А.М. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
5. Недоступова Л.В. Уличные фамилии в Воронежской области // Русская речь. М.: РАН, 2014. №3. С. 107-110.
6. Недоступова Л.В. Женские уличные имена в Воронежской области // Русская речь. Вып. №2. М.: РАН, 2018. С. 89-95.
7. Недоступова Л.В. Мужские некалендарные именованья (на материале говора жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2021. №2(41). С. 19-25.
8. Недоступова Л.В. Своеобразие женских уличных имён воронежской глубинки // RUSISTIKA BEZ GRANICI. Sofia, 2021. Volume V. Issue 3. С. 7-15.
9. Никонов В.А. Ищем имя: Происхождение, значение, история формирования русских имён. Со словарём женских и мужских имён. Изд. 2. М.: ЛЕНАНД, 2017. 125 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. 4-е изд., стер. М.: Изд-во Аст, 2004. 2949 с.

Ю.А. Петрушевская

Yu.A. Petrushevskaya

Могилёвский государственный университет

имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь)

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

РУССКИЕ АНАЛОГИ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ (БИНАРНЫЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ)*

В статье рассматриваются бинарные интернациональные пословицы в белорусском языке, имеющие нейтральные или национально-культурно маркированные аналоги только в русском языке.

Ключевые слова: белорусская пословица, русский язык, аналог, интернациональная единица, бинарная интернациональная пословица.

* Исследование выполнено в рамках задания Государственной программы научных исследований 2021-2025 гг., № 20211335 (Республика Беларусь).

RUSSIAN ANALOGUES OF BELARUSIAN PROVERBS (BINARY PROVERBIAL INTERNATIONALISMS)*

The article deals with binary international proverbs in the Belarusian language, which have neutral and nationally unique analogues only in the Russian language.

Keywords: *belarusian proverb, Russian, analogue, international unit, binary international proverb.*

Пословичный фонд белорусского языка является органической частью общеевропейского фонда пословиц и состоит не только из единиц собственно белорусского происхождения (составляющих особую часть пословичного фонда белорусского языка), но и единиц, заимствованных из других языков (его иноязычная часть). Кроме того, в пословичном фонде белорусского языка имеется большое количество пословиц, общих для белорусского и ряда родственных языков (русского, украинского, польского и др.), которые на основании различных критериев относят то к собственно белорусским, то к заимствованным единицам.

Разграничение национально-специфического и общего с другими языками (интернационального) в пословичном фонде белорусского языка, как отметил Е. Е. Иванов на XV Международном съезде славистов [3], является одной из наиболее актуальных задач белорусской паремиологии [2]. Решение этой проблемы очень важно не только в области типологии языков, но также и в лингвокультурологическом плане при выявлении национально-культурной идентичности единиц пословичного фонда белорусского языка [7; 5, с. 113-117]. Отграничение общего с другими языками от национально-специфического в пословичном фонде языка играет важную роль в двуязычной лексикографии при составлении белорусско-иноязычных словарей пословиц [1, с. 4], в лингводидактике при изучении белорусского языка как иностранного (и как неродного языка в условиях билингвизма) [6; 17, с. 33-62].

Различие между специфическим и общим (на фоне других языков) в пословичном фонде любого языка требует определения и разграничения понятий национального, интернационального и универсального, которые последовательно противопоставляются друг другу в соответствии с противопоставлением «специфическое vs. общее».

Интернациональными пословицами целесообразно называть такие единицы, которые одновременно встречаются в языках, связанных между собой (как реально, так и потенциально) отношениями языкового родства или языковых контактов. Понятие интернационального используется здесь в самом широком смысле как всё, что выходит за рамки национального, но не является универсальным (в соответствии с его характеристиками).

Это означает, что интернациональными следует считать пословицы, которые встречаются (используются) в двух или более языках и массово воспринимаются носителями языка как общие для данных языков с точки

* The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021-2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

зрения генетической близости (родства) их или очевидных контактов между ними.

Так, пословица *Голад – найлепшы кухар* [8, с. 274] – это яркий пример интернациональной единицы, поскольку она употребляется не только в белорусском языке, но, как показал анализ паремиографических источников, и во многих славянских, балтийских, германских, романских языках, напр.: польск. *Glód najlepszy kukarz* ('Голад – лепшы кухар') [21 I 17; 19, с.144] = рус. *Голод – лучший повар* [11, с. 193]; *Голод – лучший повар, но ему варить нечего* [11, с. 193] или *Голод – лучшая приправа* [11, с. 193] = укр. *Голод – найліпший кухар* [16 I 91] або *Голод – найкращий кухар* [16 I 91] = чеш. *Hlad je nejlepší kuchař* ('Голад – лепшы кухар') [25 II 909] = лат. *Bads – vislabākais pavārs* ('Голад – лепшы кухар') [20, с. 144] = лит. *Badas – geriausias kukorius* ('Голад – лепшы кухар') [20, с. 144] = англ. *Hunger is the best sauce* ('Голад – лепшы соўс') [20, с. 144; 22, с. 392] = нем. *Der hunger ist ein guter koch* ('Голад – лепшы кухар') [25 II 909; 20, с.144] или *Der Hunger ist ihr Küchenmeister* ('Голад – галоўны кухар') [25 II 917; 20, с. 144] = нидерл. *Honger is de beste kok* ('Голад – лепшы кухар') [25 II 909] = исп. *La major salsa del mundo es la hambre* ('Голад – лепшы соўс у свеце') [23, с. 187] = ит. *La fame è il miglior intingolo* ('Голад – лепшы соўс') [25 II 909] или *La fame è il miglior condimento* ('Голад – лепшы соўс') [23, с. 187] и др.

Следует отметить, что от интернациональных пословиц следует отличать так называемые пословичные межъязыковые эквиваленты, которые наиболее фундаментально представлены в полилингвальном паремиографическом справочнике "Dictionary of European proverbs" (1994) Э. Штрауса [24].

Исследование показало, что интернациональные пословицы в белорусском языке можно разделить на четыре неравновесные группы, которые отличаются по количественным и качественным параметрам (имеют только один иностранный аналог, два, три и более).

Бинарные интернациональные пословицы – это паремиологические единицы, которые имеют только один иноязычный аналог. Что касается белорусских интернациональных пословиц, то чаще всего их аналоги встречаются в русском языке. Напр.: *Абед на абед не тое, што кій на кій* [10, с. 36; 9, с. 48] = рус. *Обед на обед – не палка на палку* [11, с. 610]. Или также, напр.: *Адзін і ў кашы няспорны* [10, с. 42; 9, с. 57] = рус. *Один [и] у каши не спор* [11, с. 404]; *Одному и в каше неспорно* [11, с. 404]; *Один и в каше загинешь* [11, с. 404].

Все аналогичные белорусские и русские пословицы можно разделить на нейтральные и национально-культурно маркированные единицы.

Нейтральные бинарные интернациональные пословицы – это те паремиологические единицы, которые сосуществуют в двух языках в идентичном виде, напр.: *Даносчыку першы бізун* [9, с. 156] = рус. *Доносчику – первый кнут* [11, с. 293]; *Бясплатны (Дармовы) сыр бывае толькі ў мышалоўцы* [10, с. 119; 9, с. 160] = рус. *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* [11, с. 896]; *Летам кожны кусцік начаваць (пераначаваць) пусціць* [10, с. 223; 9,

с. 306] = рус. *Летом каждый (всякий) кустик ночевать пустит* [11, с. 469] или *Летом каждый кустик под себя пустит* [11, с. 469].

Национально-культурно маркированные интернациональные бинарные пословицы являются прямым и непосредственным результатом их ассимиляции в языке-реципиенте, что проявляется в наличии национально-специфических вариантов данной пословицы в одном из данных языков (или в обоих языках). Такие варианты интернациональных пословиц имеют национально-языковые особенности и/или национально-культурную маркированность, которые устанавливаются в соответствии с разработанной нами методологией [12, 13, 14, 15, 19], путём применения аспектной аппликации (односторонней проекции) элементов структуры и содержания варианта интернациональной пословицы в данном языке на элементы структуры и содержания аналогичных вариантов той же пословицы в других языках (на материале отобранных для анализа паремиографических источников).

В результате ассимиляции в белорусском языке интернациональные пословицы могут приобретать национально-культурную маркированность (наличие национальных вариаций пословичных прототипов, слов-реалий, специфических понятий и образов) вместе с национально-языковыми особенностями (наличие национальных вариаций структурной модели, своеобразного лексического состава, особой грамматической организации). Наличие хотя бы одного элемента в структуре или содержании пословицы определяет её национально-языковую специфику и/или национально-культурную маркированность на фоне аналогичных вариантов в других языках (в нашем случае – в русском языке).

Так, белорусская пословица *Адзін сын у сям’і – бліннічак, смятаннік* [9, с. 59] имеет аналог в русском языке *Один сын – у мамы опричник* [11, с. 895]. В составе белорусской единицы используется новообразование *бліннічак* «тот, кто балуется блинами» и мотивированное им употребление существительного *смятаннік* в переносном окказиональном смысле «тот, кто балуется сметаной», возникшем на основе узуального *смятаннік* «тот кто любит сметану» [18].

Наличие специфического понятия в плане содержания пословицы всегда является результатом своеобразного лексического состава (каждое понятие отражается определённым лексическим компонентом). В данном случае использование специфического понятия связано с национальной вариацией прототипа белорусского варианта интернациональной пословицы – «Один сын всегда любимый, которого балуют крестьянским лакомством – блинами со сметаной» (здесь *бліннічак, смятаннік* употребляется в переносном смысле – «тот, кто получает лучшее»), ср.: рус. *Один сын – у мамы опричник* (здесь: *опричник* ‘тот, кто находится в особенно выгодных условиях, на особом положении; любимчик, баловень’) [11, с. 895].

В белорусском языке используется уникальный вариант структурной модели бинарной интернациональной пословицы *Бацькоў не выбіраюць* [10, с. 59; 9, с. 81] и её аналог в русском языке *Дети родителей не выбирают* [11, с. 271], где такая структурная модель формируется за счёт своеобразного лексического

состава и особой грамматической структуры. В русском языке синтаксический тип пословичного предложения – это простое двусоставное распространённое предложение, в белорусском языке – безличное. Лексический состав также имеет различие: в русском языке есть лексическая единица *дети* (подлежащее), в белорусском этот компонент отсутствует. Белорусская поговорка *Бог лесу не зраўнаваў, а то людзей ты зраўнуеш* или *Бог лесу не зраўняў, не тое што людзей* [10, с. 66; 9, с. 92] в сравнении с её аналогом в русском языке *Бог землю не ровняет, не то что людей* [11, с. 59] имеет уникальный вариант структурной модели благодаря своеобразию лексического состава (компонент *лесу*), что, в свою очередь, обуславливает наличие в белорусской паремиологической единице специфической образности и особой грамматической организации (употребление сложносочинённого предложения).

Таким образом, наличие в русскоязычных аналогах белорусских поговорок (бинарных интернационализмов) лишний раз подтверждает достаточно высокую степень единства восточнославянских языков и культур, что нашло своё отражение в пословичном фонде белорусского языка.

Список литературы

1. Вальтер Х., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Белорусские поговорки в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре поговорок с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін: зб. навук. артыкулаў. Магілёў: МДУ, 2015. С. 209-214.
2. Иванов Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии / Hrsg. H. Walter, V.M. Mokienko. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2013. S. 111-116.
3. Иванов Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20-27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. / гал. рэд. А.А. Лукашанец. Мінск: Беларуская навука, 2013. Т.1. С. 322-323.
4. Іваноў Я.Я. Актуальныя праблемы сучаснай беларускай парэміяграфіі // Усходнеславянскія мовы ў сучаснай лексікаграфіі: зб. навук. артыкулаў / навук. рэд. Д.В. Дзятко. Мінск: БДПУ, 2015. С. 36-40.
5. Іваноў Я.Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ, 2017. 208 с.
6. Іваноў Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 285-290.
7. Іваноў Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Гомель. 2016. Вып. 3. С. 46-49.
8. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь поговорок (с английскими соответствиями). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
9. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.
10. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002. 511 с.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

12. Петрушевская Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремииологии белорусского языка // WEST – EAST. Могилев, 2021. Вып. 5. №1. С. 6-72.
13. Петрушэўская Ю.А., Іваноў Я.Я. Лінгвакраіназнаўства і нацыянальна-культурная спецыфічнасць адзінак прыказкавага фонду беларускай мовы // На перакрестке культур: единство языка, литературы и образования – II: сб. науч. статей. Могилёв: МГУ, 2021. С. 44-48.
14. Петрушэўская Ю.А., Іваноў Я.Я. Нацыянальная спецыфіка прыказкавага фонду беларускай мовы // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации. Минск: БГУ, 2021. С. 181-183.
15. Петрушэўская Ю.А. Нацыянальныя варыянты прататыпаў інтэрнацыянальных прыказак у беларускай мове // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI: сб. науч. статей. Могилёв: МГУ, 2020. С. 152-158.
16. Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність / уряд. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1989. 480 с.
17. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў, Н.Б. Мячкоўская. Мінск: Веды, 1998. 112 с.
18. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы // Skarnik. Моўны скарб. 2021. [Электронны рэсурс]. URL: www.skarnik.by (дата доступу: 21.10.2021).
19. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік / аўт.-склад. Ю.А. Петрушэўская. Могилёў: МДУ, 2020. 312 с.
20. Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla Vaga, 1987. 662 s.
21. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: T. I-IV / red. naczelny J. Krzyżanowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969-1978.
22. Speake J. Oxford Dictionary of Proverbs. 5th ed. Oxford University Press, 2008. 625 p.
23. Strauss E. Concise Dictionary of Proverbs. 1 ed. London: Routledge, 1998. 502 p.
24. Strauss E. Dictionary of European Proverbs: Vol. 1-3. London & New York: Routledge, 1994. Vol. 1. XIII, 625 p.; Vol. 2. V, 627-1232 p.; Vol. 3. V, 789 p.
25. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Bd. I-V. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867-1880. S. 1-5.

М.Х. Погосян
 М.Х. Poghosyan
 Гаварский государственный университет (Гавар, Армения)
 Gavar State University, Gavar

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена явлению омонимии как одной из актуальных проблем русской и армянской филологии. Рассматриваются сходства и различия в типах, функциях и механизмах образования омонимов. Лингвистические параллели характеризуют омонимы как явление, присутствующее в сопоставляемых языках, а также рассматривается возможность использования омонимов для создания образа, для актуализации речевой ситуации в художественной литературе. Как одна из практических сторон применения омонимов представлена продуктивность их образования.

Ключевые слова: омонимия, омонимы, функции омонимов, языковое сопоставление.

COMPARISON OF HOMONYMS IN RUSSIAN AND ARMENIAN

The article is devoted to the phenomenon of homonymy as one of the current problems of Russian and Armenian philology. The similarities and differences of types, functions and mechanisms of homonyms are considered. Linguistic parallels characterize homonyms as a phenomenon in the comparable languages, and the possibility of using homonyms to create an image, to modernize the speech situation in fiction is also considered. The efficiency of their formation is presented as one of the practical aspects of using homonyms.

Keywords: *homonymy, homonyms, functions of homonyms, linguistic comparison.*

Омонимия как лингвистическое явление давно привлекла к себе научный интерес исследователей. В своих трудах к проблеме омонимии обращались Л.А. Булаховский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов. Позже вопросами омонимии заинтересовались О.С. Ахманова и А.И. Смирницкий.

Хотя на сегодняшний день отсутствует общепринятое определение данного явления, тем не менее омонимией называют «одинаковое произношение нетождественных одноименных значимых языковых единиц любого характера (одинаковых или разных по происхождению и написанию, совпадающих в произношении во всех или не во всех формах): минимум двух приставок, корней, суффиксов, окончаний, слов или словоформ, фразеологических оборотов, свободных или синтаксически несвободных словосочетаний, предложений. Омонимия, как и паронимия – лишь часть омофонии, то есть всегда одинаково произносимое в языке» [2, с. 37-46].

Армянский термин [hamanun] представляет собой кальку с греч. *homos* – одинаковый и *onoma* – имя.

Опираясь на лексические и грамматические особенности омонимов в армянском языке, можно дифференцировать их следующим образом: лексические, грамматические и лексико-грамматические [4, с. 95].

В широком понимании в армянском языке, как и в русском, омонимами называются одинаковые по написанию два (иногда более) слова, совпадающие по форме, произношению, грамматическому оформлению, но различные по смыслу.

Говоря об омонимах, следует параллельно рассматривать явления, относящиеся к грамматическому, фонетическому и графическому уровням языка.

Традиционно различают полные и неполные (частичные) омонимы.

Полными лексическими омонимами являются слова, которые совпадают и по написанию, и по произношению. Ср., *брак*¹ (семейные отношения между мужчиной и женщиной; супружеские отношения), *брак*² (испорченные, недоброкачественные, с изъяном предметы производства, а также изъян в изделии). Или *мат*¹ (мягкая подстилка из прочного материала), *мат*² (поражение в шахматной игре), *мат*³ (отсутствие блеска, шероховатость гладкой поверхности предмета), *мат*⁴ (бранные слова и выражения, употребление которых не допускается общественной моралью). Полная омонимия в армянском языке проявляется в таких парах, как [bun] (ствол дерева), [bun] (основа); [ap] (берег), [ap] (ладонь); [varel] (вести), [varel] (пахать); [bazuk] (свекла) и [bazuk] (предплечье) и др. Парадигма слов, входящих в такие омонимичные пары, подтверждает справедливость сказанного, и это наблюдается в сопоставляемых языках.

Частичными неполными лексико-грамматическими омонимами являются омонимы, принадлежащие к разным частям речи, совпадение происходит в одной или нескольких грамматических формах. Такие слова называются морфологическими омонимами, или омоформами. *Ласка*¹ (животное), *ласка*² (проявление нежности) (расходятся в форме родительного падежа множественного числа; *ласок* – *ласк*). В армянском языке можно выделить такие омоформы [*ari*] (отважный), [*ari*] (иди); [*kri*] (раствор), [*kri*] (неси, тащи) [4, с. 143]. Кроме того, эти слова относятся к различным частям речи, хотя в некоторых грамматических формах они одинаковы и по написанию, и по звучанию.

Омофоны – разные слова, они звучат одинаково, но по-разному пишутся (фонетические омонимы): *кот* – *код*, *тушь* – *туш* и др. В армянском [*akht*] (грязь), [*aght*] (болезнь); [*ught*] (верблюд), [*ukht*] (обет) [4, с. 142]. В этих омонимичных примерах один из компонентов пишется через придыхательный согласный, хотя в артикуляции они не различаются.

Благодаря тому, что ударение в русском языке является свободным, или разноместным, образуется графическая омонимия, когда слова совпадают только по написанию. При этом они сохраняют различия в звучании: *зАмок* – *за-мОк*; *пАрить* – *парИть*; *Атлас* – *атлАс*; *гвОздики* – *гвоздИки*. Такие слова называются омографами. В армянском же языке, в отличие от русского, ударение почти всегда ставится на последний слог. Соответственно, не предоставляется возможным образовать аналогичные русским омонимичные пары. Эта языковая особенность объясняет отсутствие омографов как таковых в армянском языке.

Выделяются омонимы, которые пишутся совершенно одинаково, хотя произносятся по-разному. Так например, [*durs gal*] (выходить) и [*dur's gal*] (мне нравится); [*shans*] (реальная возможность осуществить что-либо) и [*shan's*] (моей собаки). Здесь артикль *s* передает понятие притяжательности. Такие омонимы объединяются в группу «одинаково пишущихся» (перевод наш) омонимов [4, с. 141].

Приведенный краткий анализ в сопоставляемых языках позволяет установить параллели в лексических и грамматических характеристиках омонимов.

Появление омонимов в русском и армянском языках обусловлено рядом причин.

Одна из основных причин – разрыв в семантической структуре слов, когда только этимологическим путем возможно восстановить отдельные значения – *свет*¹ (в значении вселенная) и *свет*² (в значении рассвет). Например, [*ak¹*] (камень на перстне), [*ak²*] (источник), [*ak³*] (колесо), [*ak⁴*] – вход в улей. Все эти значения соотносятся с одной из форм армянского слова глаз [3, с. 147].

Заемствования слов из разных языков может привести к формальному совпадению в звучании и написании, поскольку слова, вошедшие как в русский, так и в армянский язык из разных источников, могут оказаться созвучными. Сравним *клуб*¹ (из англ.) – общественная организация (ср. русск. *клуб*² дыма от глагола клубиться). Так, заимствованное из итальянского языка [*bas*] самый

низкой мужской голос – совпадает с армянским междометием [*bas*], означающим «вот так» [3, с. 144].

Еще одним источником появления омонимов является словообразование, когда из имеющихся в языках корней и аффиксов также появляется немало омонимов. Оманимичная пара *nanochka*¹ (форма субъективной оценки от слова *nana*) и *nanochka*² (форма субъективной оценки от слова *nanika* является в русском языке таким примером) [1, с. 84], в армянском языке [*t'tvaser*¹] (сметана) и [*t'tvaser*²] (любящий кислое) [3, с. 146].

Общеизвестно употребление омонимов в художественной речи. Классики армянской литературы Амо Сагян, Паруйр Севак широко использовали омонимы для создания образа, для актуализации речевой ситуации. Например, «Шах сказал выгоде – «Шах!». В приведенной цитате [*shah*] (шах-монарх) и [*shah*] (выгода) созвучный им шахматный ход [*shakh*].

В последние десятилетия в свете лингвокультурного контекста в преподавании русского языка как иностранного в армянской филологии на волне новых подходов стало необходимым создание словарей омонимов. Так, в «Русско-армянском словаре омонимов» (авторы Р.Э. Агаян, Н.А. Байбуртян, Р.Р. Грдзелян (2016) представлены слова-омонимы, выбранные из художественной литературы и текстов, где обыгрываются и намеренно сталкиваются слова-омонимы (ср. такие реалии, как *снежная баба* – *ромовая баба*, *конёк-горбунок* – *резной конёк*).

Список литературы

1. Бурдина Е.А., Распопова Т.А. Русский язык и культура речи: учебно-методическое пособие. Ч. 1. Теория. Брянск: Изд-во БГУ, 2004. 172 с.
2. Данилов А.А. О некоторых проблемах омонимии // Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972. 98 с.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002. 559 с [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=79031> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Сукиасян А.М., Сукиасян К.А., Фелекян М.Г. Современный армянский язык (Фонетика. Лексикология). Ереван: Изд-во Ерев. гос. ун-та, 1989. 399 с.

А.Р. Попова

A.R. Popova

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
(Орёл, Россия)*

Orel State University n.a. I.S. Turgenev, Orel

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В НАИМЕНОВАНИЯХ РЕАЛИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРСОНАЖАМИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

В социолекте геймеров функционирует значительная группа слов, отражающих антропоцентрическое представление персонажа компьютерных игр: сам субъект, его характеристики, признаки, действия и т.п. Языковыми механизмами, реализующими сопоставление «персонаж игры – человек», выступают развитие новых значений у слов, непосред-

ственно семантически связанных с человеком (соматизмы, наименования психических и интеллектуальных качеств и др.), а также аффиксальное словообразование на базе соматических лексем.

Ключевые слова: антропоцентризм, социолект геймеров, семантическая деривация, аффиксальное словообразование.

LEXICAL AND SEMANTIC DERIVATION AS A REFLECTION OF ANTHROPOCENTRISM IN THE NAMES OF REALITIES ASSOCIATED WITH COMPUTER GAME CHARACTERS

In the sociolect of gamers there is a large group of words that reflect the anthropocentric representation of a computer game character: the subject itself, its characteristics, features, actions etc. The language mechanisms that implement the comparison «a game character – a person» are the appearance of new meanings of words directly semantically related to a person (somatisms, names of mental and intellectual qualities etc.), and affixal word formation based on somatic lexemes.

Keywords: anthropocentrism, sociolect of gamers, semantic derivation, affixal word formation.

Стремительно развивающаяся сфера компьютерных игр породила особый сегмент национального русского языка – социолект группы людей, активно вовлеченных в игры, так называемых геймеров (от англ. *game* «игра», *gamer* «игрок»). Пополнение лексическо-фразеологического состава данного сегмента в большей мере осуществляется за счёт единиц, функционирующих в языке участников таких многопользовательских Интернет-игр, которые предполагают активное речевое взаимодействие субъектов. Центральными фигурами многих компьютерных игр являются личности-персонажи, нередко выступающие и как «представители» игрока: действия (в том числе речевые) осуществляются как бы от их «лица», окружающий мир, зона видимости даётся глазами персонажа, и потому его внешность, экипировка, поведение и заданные/приобретенные способности оказываются актуальными и получают множество номинаций.

В материалах проекта «Лексическое и фразеологическое представление реалий, связанных с компьютерными технологиями», который в настоящее время насчитывает около 4000 лексических и фразеологических единиц, выявляется целая группа слов и лексико-семантических вариантов, в основу образования которых положен именно антропоцентрический критерий. Явление вполне закономерно: персонажи игр – люди или же антропоморфные существа, чьи внешние данные, характеристики и поступки отчасти сопоставимы с человеческими. Картотека проекта нашла отражение в двух изданных в последние годы наших словарях [5, с. 6] и продолжает пополняться. Словарные дефиниции, комментарии, примеры-иллюстрации представленных ниже лексем будут приводиться по вышеуказанным источникам.

1. Развитие новых значений у лексических единиц, содержащих в своих прямых значениях непосредственную связь с человеком, отражает одно из активно задействованных в языке геймеров средств антропоцентрической номинации как самих персонажей, так и их характеристик, действий и др.

Прежде всего, возможно говорить о некоем соматическом «коде», который ложится в основу целого ряда номинаций, образованных посредством **семантической деривации**. Тело человека (и его составные части, особенности, функции) является удобной, освоенной – во всяком случае, на обиходно-бытовом уровне – моделью для осуществления описания мира. Одним из способов такого описания становится приём антропоморфизации, известный языку с древности, но, как показывает материал, применимый и в новой области – жаргоне компьютерных игр.

Прежде всего, обращает на себя внимание активное развитие переносных метонимических значений по единой формуле «часть тела персонажа – предмет, надеваемый на неё» у целого ряда сомонимических лексем (то есть номинантов частей и областей человеческого тела – термин введен в работах А.М. Кочеваткина, Р.Ю. Мугу [3; 4, с. 81-83]). Например: *голова* «в компьютерных играх: шлем персонажа»; *шея* «в компьютерной игре «World of Warcraft»: аксессуар персонажа ожерелье», а также *нёка* [нэ́ка] с тем же значением, от англ. *neck* «шея»; *плéчи* «элемент доспеха персонажей компьютерных игр – наплечники», *грудь* «в компьютерной игре «World of Warcraft»: элемент доспеха персонажа нагрудник», *спинá* «в компьютерной игре «World of Warcraft»: одежда персонажа плащ».

Антропоморфная метонимия, как видим, довольно распространена, поскольку номинации одежды и экипировки весьма актуальны для играющих, а функции данных предметов в игре отличаются от их функций в человеческом обиходе. Указанные предметы обладают специальными характеристиками, комбинации которых влияют на игровое поведение самого персонажа (усиливают его способности, определяют успешность ведения боя и др.).

Отметим ещё один пример антропоморфной метонимии, базирующийся на иной метонимической формуле, по-видимому, новой и обусловленной спецификой игры: «часть тела персонажа – выстрел в данную часть тела персонажа». Переносное значение развивается у заимствованного сомонимического слова *хэд* – англ. «голова»: «в компьютерной игре «Counter-Strike»: точный выстрел в голову». *Тут у некоторых 50% хэдов со слона, а вы молчите* (2006).

Как известно, в русском языке распространена и даже регулярна, системна антропоморфная метафора. «Тезис о преимущественном видении человеком себя как телесного существа находит подтверждение в таком свойстве языка, как системность антропоморфных метафор... Складывается ситуация, когда совокупность таких метафор повторяет имеющиеся у носителя данного языка общие представления о самом себе. Так, в русском языке передана структура верхней части тела человека (*глава горы, ушко иглы* и т.д.)» [1, с. 64]. Такой приём номинации находит отражение и в компьютерном жаргоне, например, полисемант *рука* образует новый лексико-семантический вариант – *только мн.* «В игре «Empire: four kingdoms» (для Android и персональных компьютеров): войско ближнего боя». *Ставь по центру руки* (2017). *Против рук – луки. Против луков – руки ставятся* (2017). Интересно отметить, что сама ассоциация не нова, соотносительное значение зафиксировано у слова *рука* ещё в «Толковом

словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «крыло, фланг войска» *Правая/левая рука* [2, т. 4, с. 109]. Однако новое, свойственное жаргону компьютерной игры значение не дублирует указанное В. И. Далем, где актуализирована сема 'расположение войска с определенной стороны поля сражения'; в нашем примере на первый план выдвигается сема 'близко', высвечивается образ «в пределах досягаемости руки»; так, в примере информанта содержится противопоставление войск ближнего и дальнего боя – «рук» и лучников.

Тело человека в целом, а не только отдельные его части, также становится основой для жаргонных номинаций. Сама лексема *тело* получает значение «в компьютерных играх «World of Warcraft» и «Perfect World»: персонаж игрока как счётная единица в игровом задании» *Когда в рейде больше 20 тел, начинаются ужасные лаги...* (2019). *Три тела к серебру* (2019).

Основаниями для соотнесения «персонаж игры – человек» выступают многообразные свойства человека; безусловно, полноценная проекция таких свойств на персонажа невозможна, игровой механикой задаются лишь их аналоги. Целый ряд абстрактных существительных русского языка получают в сфере компьютерного жаргона особые значения. При номинации и характеристике персонажей оказываются актуальными:

– физические возможности человека: ср. развитие новых значений у абстрактных существительных *ловкость, сила* – «характеристики персонажа, выражаемые числовым значением и влияющие на поведение персонажа в бою»;

– эмоции, испытываемые человеком: *ярость* «в компьютерных играх: характеристика персонажа ярость, выражаемая числовым значением, влияющая на степень наносимого им урона» *Я опять качаю ярость...* (2012);

– интеллектуальные данные и способности человека: *интеллект* «одна из характеристик персонажа, выражаемая числовым значением, увеличивающая его возможности». *Интеллект перса... Силу заклинаний увеличивает* (2015), *талант* «характеристика персонажа, выбираемая самим игроком, дополнительная по отношению к общим, классовым характеристикам» *Таланты у него на 100 уровне тортейише* (2015);

– жизненный опыт человека, который в сфере игры и применительно к персонажу также понимается совершенно по-иному и является «одной из характеристик, выражаемой числовым значением, от которой зависит уровень персонажа», – о чём свидетельствует новое значение слова *опыт*;

– даже представления о непредсказуемых, независящих от человека свойствах: *удача* «одна из характеристик персонажа, выражаемая числовым значением, отвечающая за вероятность срабатывания того или иного эффекта» *У меня теперь броня и такой процент удачи...* (2012).

Внешний вид, поведение и иные особенности персонажа игры вполне могут вызывать определенные ассоциации со стереотипными представлениями, связанными с человеком, именно поэтому личные существительные, развивая новые значения, становятся наименованиями некоторых персонажей – ср. общеигровое *босс* «сильный персонаж-противник, с которым предстоит сражаться персонажу игрока (или персонажам группы игроков)».

По внешним признакам – предмету в руках и характерным движениям – один из персонажей игры «World of Warcraft» именуется существительными *гитарист* и *дровосék*: *Гитарист, потому что топор в руках на гитару похожий* (2019); *Гитариста еще называют дровосек – из-за топора* (2019), другой персонаж этой же игры по комплексу осуществляемых им движений назван *физкультурник, физрук – Разрушитель XT-002 – физкультурник, физрук (у него анимация занятий зарядкой шутливая)* (2018).

В основу номинации может лечь не только свойство самого персонажа, но и наличие сопровождающих его «питомцев», животных. Интересно, что одной и той же лексемой *кошатница* обозначены независимо друг от друга два персонажа разных игр: «В компьютерной игре «World of Warcraft»: персонаж игры Ауриайя» *Ауриайя – кошатница (потому что у нее адды-кошки)* (2018); «в компьютерной игре «Prime World»: персонаж Царица Ночи (Чёрная пантера)» (2018) – данный персонаж ездит на пантере, животном семейства кошачьих.

Особое осмысление получает характеристика человека «наличие/отсутствие одежды», соответственно, прилагательное *голый* и причастие *одетый* развивают связанные с механикой компьютерных игр значения: «имеющий/не имеющий одежды и оружия с достаточно высокими, по мнению игрока, характеристиками». Примечательно, что в любом случае персонаж визуально одет, то есть не является «голым» в буквальном смысле слова; игроку важно отразить именно качество одежды и экипировки.

Выше мы говорили о распространенности развития полисемии у различных соматических лексем при номинировании реалий, связанных с персонажем компьютерной игры. Примечательно, что подобное явление представлено и среди отсоматических дериватов, в числе производящих слов-соматизмов которых – лексема *зуб*. Ср. *зуботычина* «в компьютерной игре «World of Warcraft»: применяемая персонажем класса воин способность, которая прерывает заклинание противника (выглядящая у персонажа данного класса как удар в лицо кулаком противнику)» (2017).

2. Сами персонажи, их свойства и особенности антропометрически именуются и посредством лексической деривации. Так, группу номинаций качеств персонажа как проекций человеческих качеств составляют и вышеуказанные семантические и лексические дериваты: *интеллект, ловкость, опыт, ярость* – и образованные от усеченных заимствованных основ соответствующие полные синонимы: *инта́, агíла* (от англ. *agility* «ловкость»), *экспá* (от англ. *experience* «опыт»), а также суффиксальное производное от усеченной основы русского слова *ярость* – *ярка*. Систему ассоциаций со свойствами человека продолжает дериват *вiта* – от усеченной английской основы *vitality* «жизнеспособность» – «в компьютерной игре «Diablo III»: характеристика персонажа Vitality (живучесть)» (2012).

Аналогично, наименование персонажей происходит не только за счёт наращивания значений у личных существительных, но и за счёт дериватов последних: так, указанный выше лексико-семантический вариант слова *босс* «сильный персонаж-противник» порождает два деривата – суффиксальное про-

изводное *бóссице* и образованное сложением усеченной основы и слова *главбóсс*.

Как известно, многие слова-соматизмы являются полисемантами, однако отсоматическое словообразование в жаргоне компьютерных игр в целом идёт лишь на базе первичных, собственно «соматических» лексико-семантических вариантов. Явление на новом материале подтверждает закономерность, выявленную А.Н. Тихоновым: «подавляющее большинство производных слов возникает в языке на базе прямых номинативных значений производящего слова» [7, с. 13]. «Телесная» семантика ярко проявляет себя во всех приведенных ниже отсоматических дериватах. Например, в компьютерной игре «Верность. Рыцари и принцессы»: персонаж дровосек именуется именно по соматическому признаку, прилагательное *колченогий* субстантивируется и выступает в роли такого наименования: *колченогий – Дровосек (персонаж игры), из-за своей походки* (2016); в компьютерной игре «World of Warcraft» персонаж класса паладин получает название – субстантивированное прилагательное *розовощёкий*: *кстати, есть пара классов, которые называют по цвету, каким написан их класс в игре и все обозначения в группе – на карте... розовые, розовощёкие* (2016).

Как сами соматизмы, так и их дериваты именуют предметы экипировки персонажа. Например, элемент доспеха персонажа компьютерной игры – наплечники – номинируется не только приведенным выше соматизмом *плечи*, но и его суффиксальным производным *наплеч* – *Наплеч на пандарене – реально крохотный!* (2014). С телесным визуальным представлением персонажа связаны обозначения действий, производимых над ними: ср. отсоматические производные-синонимы *головошот* и *хэдшот* «в компьютерной игре «Counter-Strike»: выстрел в голову противника, считающийся удачным», образованные от русской/английской основ *голов-а* и *head* (в том же значении) и слова *shot* «выстрел».

Как можно заметить, через номинации лица, через соматические образы, через ассоциации с явлениями внутренней жизни, через свойства человека в жаргоне геймеров раскрывается персонаж компьютерной игры. Подобная параллель «человек – персонаж» не является абсолютной, полного отождествления нет и не может быть. Так, в нашем материале практически не имеется особых наименований частей тела персонажей, лексем-соматизмы же развивают переносные значения и номинируют предметы одежды персонажа и иные аспекты, связанные с ним.

Столь же непоследовательно проецируется на персонажа внутренний мир, система личностных свойств, каковые у человека многократно богаче; качества персонажа проявляются внешне, выражаются числовыми значениями и обуславливают боевые и прочие игровые характеристики. Так, *талант* – это не присущий субъекту «дар», а механическое свойство, *ярость*, *ярка* не вызвана определенными причинами, а является особенностью, усиливающей боевые характеристики, и т. п. Столь же условны признаки и действия, антропометрически приписываемые персонажу (ср. сопоставление *голый/одетый*, *покушать* «в компьютерной игре «Верность. Рыцари и принцессы»: украсть приз с игровой территории другого игрока»).

Явно прослеживается активное использование соматического кода – создание новых метафорических и метонимических значений у слов-соматизмов и их дериватов, а также образование на базе соматизмов производных слов. Употребление таких лексико-семантических вариантов и отдельных лексем отражает общую тенденцию игрового общения – стремление к предельной лаконичности (ср. контексты типа *выбить спину* – имеется в виду «плащ персонажа, надеваемый на спину»). В ряде случаев образование лексических номинантов есть проявление иронии, остроумия игроков, воплощение неожиданных ассоциативных связей (например, в случае, когда игроки дают персонажам вторичные неофициальные наименования – *гитарист, физкультурник, кошатница* и др.).

В целом можно сказать, что система соотношений «человек – персонаж» в социолекте геймеров раскрывается различными способами: посредством развития новых значений, образования производных слов, а также при помощи средств фразеологии (последнее направление представляет собой материал отдельного исследования ввиду значительного количества соответствующих единиц).

Список литературы

1. Берестнев Г.И. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. 2001. №1. С. 60-84.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 2734 с.
3. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: Лингвогеографический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999. 315 с.
4. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 166 с.
5. Попова А.Р. Лексическое и фразеологическое представление реалий, связанных с компьютерными технологиями. Орёл: Орловский гос. Ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. 388 с.
6. Попова А.Р. Словарь компьютерно-геймерского жаргона: лексическое и фразеологическое представление реалий, связанных с компьютерными технологиями. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 618 с.
7. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. 35 с.

П.С. Саушкин
P.S. Saunkin
(Рязань, Россия)
Ryazan

«ПТИЧЬИ» ОЙКОНИМЫ РЯЗАНСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМА СКОПИНА

В статье рассматривается проблема происхождения рязанских ойконима Скопин и гидронима Вёрда. Приводится описание и анализ существующих версий происхождения данных топонимов. Выдвигается оригинальная идея о наименовании города Скопин и реки Вёрда. Приводится аргументация на основе исследования исторических событий Восточ-

ной Европы XIV-XVI веков, традиций присвоения названий географическим объектам на Рязанской земле и этимологического анализа лексем.

Ключевые слова: топонимика, Скопин, Вёрда, заимствование.

“BIRD’S” OIKONYMS OF THE RYAZAN REGION: SKOPIN’S PROBLEM

The article addresses the issue of Rязан oikonym Skopin and hydronym Vyorda. The existing versions of the origin of these toponyms are described and analyzed. The article for the first time suggests the idea of the names of Skopin City and the Vyorda River. The article provides an argument based on a study of historical events in Eastern Europe during XIV-XVI centuries, traditions of naming geographical objects of the Rязан area, as well as etymological analysis of lexemes.

Keywords: топонимы, Скопин, Vyorda, borrowing.

Топонимика Рязанского края является достаточно изученной научным сообществом [33; 34; 37], однако происхождение многих названий остаётся неясным или многовариантным. Обращаясь к исследованию рязанских географических пунктов, основанных до XVIII века и образованных, казалось бы, от наименования птиц, мы обнаруживаем, что Гусь-Железный на реке Гусь, расположенный в мещерских лесах, имеет финно-угорскую основу, родственную «с эрзя-мордовским куз, финским kuusi “ель”» [34, с. 60], Журавка, Журавинка «происходит от диалектного слова журава “клюква”» [34, с. 81], а Кулики, по видимому, аналогично «возникло из народного географического термина кулига с широким кругом значений: “место, выделяющееся хорошим травостоем, высоким урожаем или особой растительностью”; “чистое место среди леса”; “лесная поляна, расчищенная под земледелие”; “далекая безлюдная местность” и др.» [34, с. 131].

Рассматривая топонимы указанного периода вне Рязанщины, видим, что Орел происходит от названия реки («Того же лета повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть город на Поли на реке Орлее» [26, с. 405]) от «лит. érlas “сенокосный луг”, в конечном счете к и.-евр. *er- ‘двигаться’» [35, с. 166]; Лебедянь связывают с реками Лыбедь (Киев, Владимир, Рязань) [21, с. 230] со значением «зыбкое, топкое место в болоте» [12, с. 51]; Курск получил имя по ручью Кур и «связан с народным термином курья – “речной залив, узкий проток реки, заводь”» [28, с. 113]; географические названия с основой Воронеж «допускает возможность происхождения из *воронной*» [21, с. 89] или «воронь» [5, с. 307], что позволило исследователям повод для отождествлением с термином «чернолесье» [27, с. 44]; по названию реки Оскол назван город Старый Оскол от «тюрк. -кол, -гул “озеро, река”» [21, с. 314].

Как видно из вышеизложенного, связи с названиями птиц и топонимами, возникшими до XVIII века, не наблюдается. На территории Рязанской области расположен город Скопин на реке Вёрде; данные ойконим (астионим) и гидроним (потамоним) являются предметом настоящего историко-этимологического исследования.

Традиционно рассматриваются следующие варианты происхождения наименования города **Скопина**: 1) от наименования птицы скопы (наиболее популярная версия) [2, с. 20], 2) от скопления людей [15, с. 429], 3) от принадлежности скопинских земель боярскому роду Скопиных-Шуйских [16, с. 25]. Однако если вторая и третья версии предположительны и не нашли до настоящего времени достоверных свидетельств, то в отношении первой попробуем разобраться детально. Первое упоминание о Скопине на Вёрде зафиксировано в платёжных книгах Пехлецкого стана 1594-1597 гг. [31, с. 57], однако первое упоминание птицы 'скопинь' относится к 1-ой половине XVII века [29, с. 233]. Тождественность однозначной трактовки птицы 'скопинь' и неопределенность использованной в тексте XIV века лексемы 'скопа' вызывает сомнение [29, с. 233]. Птицу скопу в официальных документах указывают при утверждении герба города во 2-ой половине XVIII века: «Во 2-й части щита в голубом поле летящая птица скопа, означающая имя сего города» [7, с. 832]. В лексикологической литературе птица скопа обнаруживается впервые в «Российском, с немецким и французским переводами, словаре» Ивана Нордстета [22, с. 739]. Позже лексема 'скопа' приводится в словаре В.И. Даля [6, с. 206] и словаре М. Фасмера [36, с. 649]. Заметим, что в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского наименование птицы скопы не встречается, т.е. в рассматриваемых им памятниках XI-XVIII веков лексема не употреблялась. Отождествление Скопина с Ломихвостом, упомянутом в «Списке русских городов дальних и ближних» [1, с. 475-477] (памятнике конца XIV века), до настоящего времени не имеет историко-археологического подтверждения [32, с. 249], а лексема 'ломихвост' не упомянута в приведённых выше словарях.

Также необходимо добавить, что орнитологами давно и подробно изучен ареал обитания скопы. При достаточно широком распространении в европейской части России исследователи отмечают, что скопа «в СССР – перелётная птица» [9, с. 266]. Иные топонимы, связанные с названием птицы скопы, на территории страны не встречаются.

Этимология реки **Вёрда** рассматривается в позициях: 1) от диалектного русского слова 'ведра' («ясная») [18, с. 96], 2) от мордовского слова 'верде' («сверху») [14, с. 276], 3) от балтийских лексем, например, литовского 'verdenė' («родник, водоворот, топкое место») [20, с. 95-96]. Локализация гидронима задокументирована в указанных выше платёжных книгах Пехлецкого стана 1594-1597 гг. Заметим, что в упоминаемых выше и используемых в настоящем исследовании словарях лексема 'вёрда' / 'верда' не встречается. Однако в 1501 году в грамоте в Рязань великого князя Московского Ивана Васильевича III упоминается река с аналогичным названием Вёрда [23]. Однако текст грамоты и наличие сведений о расположении Ногайского шляха [25, с. 66-67] позволяют с уверенностью говорить о местоположении двойника исследуемого гидронима на территории современной Рязанской области на расстоянии 55 километров к востоку от изучаемого объекта [30, с. 185].

Таким образом, отсутствие однозначной трактовки топонимов **Скопин** и **Вёрда**, а также одновременность их появления в письменных источниках предьявляют необходимость учёта исторических реалий при этимологическом анализе, а именно выдвинуть гипотезу о заимствованном происхождении данных наименований. В современном государстве Республика Северная Македония столицей является город Скопье, который расположен на реке Вардар. Проблема заимствования топонимов в Рязанском крае поднималась В.А. Панковым, который связал этот процесс с заселением в X-XI веках выходцами из Киевской волости: «Эта людская волна докатилась и до мешчерских пределов, о чём красноречиво говорят все эти русские названия – Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Солотча» [24, с. 21]. Иные варианты параллелизма в названиях русских и македонских топонимов отмечаются, например, на новгородской земле [3, с. 49, 58, 61, 130; 4, с.153, 676].

В конце XV века в письменных памятниках начинает фигурировать лексема ‘скопось’ («наблюдатель, страж») от др.-греч. *σκοπός* с аналогичным значением [29, с. 235]. К названию ‘Скопин’ близок ойконим ‘Псков’. «Название жителей Псковщины (Россия) ещё не так давно было слово скобари, а край их порой именуется в псковских летописях Скопским (начало XV в.)» [17, с. 83]. Большое количество городов с каменными оборонительными сооружениями позволило Д. С. Лихачёву утверждать, что «Псковская земля – страна-крепость» [13, с. 201]. Это значение весьма близко отождествляемой со Скопином русифицированной кальке раннего названия города – ‘Острожок’ в значении укрепленного населенного пункта [2, с. 20]. Таким образом, итоговая этимология топонима **Скопин** (измененное от названия города Скопье) восходит к лат. *scupi* ‘защищенное место, военный лагерь’ через др.-греч. *σκεπάω* ‘защищать, прикрывать, укрывать’ [39, с. 386].

Аналогично, значение топонима **Вёрда** (адаптированное к местным гидронимическим реалиям название реки Вардар) произошло от и.-е. *(s)wordwogī- ‘черная вода’ через фрак. *Vardarios* и др.-греч. *Βαρδάρης* [40, с. 392].

Исторические обоснования обозначенного двойного заимствования имеются. В конце XIV века территория Македонии была захвачена Османской империей (в 1392 году взят Скопье) [10, с. 69], страна подвергается колонизации турецким населением из Малой Азии, заселяется спасающимися от инквизиции евреями из Испании и Португалии, одновременно христианское население приходит в упадок [10, с. 84]. Эти события вызвали миграцию славянского населения и культурную экспансию, в том числе в восточнославянских землях: например, в истории русского языка это нашло отражение в т. н. втором южнославянском влиянии [8, с. 123-152]. Следуя выдвинутой версии происхождения топонимов Скопин и Вёрда, можно предположить, что во 2-ой половине XIV века окраинные земли были переданы в вотчинное пользование представителям лицам высшего сословия Македонии, покинувшим родной край и поступившим на службу в Рязанское или Московское княжество, которые перенесли македонские названия на географические константы приграничья Рязанского края. Аналогичным образом за службу великому княжеству Московскому казанский

царевич «Касим получил Мещерский городок в 1452 году» [38, с. 12], переименованный позже в Касимов, а ранее «в XIV веке селение Нерское переходит к братьям Шиловским – выходцам из Литвы, и уже со второй половины XIV века фигурирует в летописи как Шилово» [11, с. 232]. Дополнительным доводом в пользу представленной теории служит установленный факт прохождения по юго-западной территории современной Рязанской области волоков, торговых путей, соединяющих северные и южные страны [19, с. 311].

Отметим, что к моменту появления названий Скопин и Вёрда в официальных документах, они являлись частью Большой засечной черты, а земли находились во владении Романовых. Исследователь В. Соболев отмечает, что «условия, при которых знатные московские бояре овладели этими городками, достоверно неизвестны» [31, с. 61].

Подводя итог представленному исследованию, заключаем, что гипотеза о перенесении македонских топонимов имеет право на существование в соответствии с историческими событиями XIV-XVI веков. Однако без дополнительных достоверных данных, содержащихся в письменных памятниках, поднятая проблема не может считаться разрешенной.

Список литературы

1. А се имена всем градом Русским дальним и ближним // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 475-477.
2. Алексеев И.А. Историческое, статистическое и современное значение города Скопина. Отд. 1-2. Скопин: Тип. А.И. Яцко, 1868. 79 с.
3. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. 468 с.
4. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 813 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А-З. М.: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р-Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
7. Высочайше утверждённый доклад Сената – О гербах городам Костромского и Рязанского наместничеств. 29 мая 1779 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. (в 45 томах). Т. 20. Закон №14884. СПб., 1779. С. 830-832.
8. Гальченко М.Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 123-152.
9. Гладков Н.А., Дементьев Г.П., Птушенко Е.С., Судиловская А.М. Определитель птиц СССР. М: Высшая школа, 1964. 536 с.
10. История македонского народа / пер. с македонск. Анатолий Губанов; под ред. акад.: Михаила Апостоловского и др. Скопье: Просветно дело, 1975. 413 с.
11. Кузнецов В.Г. Маршрутами выходного дня. Ч. 2. Окрестности Рязани. Рязань, 2010. 276 с.
12. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1898. VII. 151 с.
13. Лихачёв Д.С. Псков // Звезда. СПб. 1945. №10-11. С. 201-204.
14. Любомудров Н. О происхождении и значении имени Рязань // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань. 1871. №11. С. 268-27.

15. Любомудров Н.В. Местно-географические древности в Рязанской губернии // Рязанские епархиальные ведомости. Рязань. 1874. №19. С. 420-431.
16. Макаров М. Заметки о землях рязанских // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. 1846. №1. Отд. 4. С. 20-27.
17. Малахов С.В. Названия трёх правобережных прирейнских городов // Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук. 2015. №11-12. С. 81-85.
18. Милонов Н.П., Руделев В.Г. К вопросу о происхождении народов СССР (вятичи и радимичи по данным топонимики и других источников) // Материалы для учителя средней школы по отечественной и всеобщей истории: Ученые записки РГПИ. Рязань, 1961. Т. 29. С. 89-107.
19. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Издательство АН СССР, 1961. 400 с.
20. Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977. 229 с.
21. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
22. Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Ч. 2: О до конца алфавита. СПб.: Изданием типографщика и книгопродавца И.К. Шнора, 1782. 890 с.
23. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией / под ред. Г.Ф. Карпова. Т.1 (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/PDS_1/61-80/73.htm
24. Панков В. Иду Мещерой: Документальные очерки. Рязань: Московский рабочий, Рязан. отд-ние, 1984. 192 с.
25. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 2-е изд. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 520 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II так называемая царственная книга / под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. С. 303-532.
27. Попов П.А. Воронеж: древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России. Воронеж: Кварта, 2016. 608 с.
28. Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М.: Профиздат, 2000. 224 с.
29. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 24 (Се-Скорый) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2000. 254 с.
30. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М.: Наука, 1976. 405 с.
31. Соболев В. Скопин. Историко-краеведческие очерки. Рязань: РИД, 2007. 184 с.
32. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т.40. С. 214-259.
33. Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А.А. Никольского. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2001-2002. Вып. 1: А-М. 2001. 154 с.; Вып. 2: Н-Я. 2002. 121 с.
34. Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А.А. Никольского. Изд. 2-е, испр. и доп. Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2004. 294 с.
35. Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. Ч. I. // Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 154-177.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Т. 3: Муза-Сят. М.: АСТ, 2009. 830 с.
37. Хрусталева И.Н. Названия озер и болот Рязанской области. Рязань: Рязанский обл. науч.-методический центр нар. творчества, 2009. 151 с.
38. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 218 с.

39. Hammond N.G.L., Walbank, F.W. A History of Macedonia: Vol. III: 336-167 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1988. 692 p.
40. Orel V. Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003. 700 p.

Ф.А. Собирова
F.A. Sobirova
Таджикский национальный
университет (Душанбе, Таджикистан)
Tajik National University, Dushanbe,
Republic of Tajikistan

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье автор анализирует способы лексических групп заимствованных слов, вошедших в таджикский язык, прослеживая при этом фонетические изменения гласных и согласных звуков при освоении иноязычных слов.

Ключевые слова: значение, наблюдение, примеры, содержание, приемы.

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE GROUP LOANWORDS IN THE TAJIK LANGUAGE

In this article, the author analyzes the ways of lexical groups of borrowed words included in the Tajik language, while tracing phonetic changes in vowels and consonants when mastering foreign words.

Keywords: meaning, observation, examples, content, techniques.

Семантическая адаптация интернационализмов подразумевает приобретение ими на новой языковой почве самостоятельности, нового значения как прямого, так и переносного, высокой продуктивности в процессе словообразования, а также сужение, расширение или полную трансформацию значения.

Если фонетическое и морфологическое освоение заимствованной лексической единицы можно объяснить лингвистическими закономерностями языка-реципиента, то семантические трансформации обусловлены экстралингвистическими причинами [2].

Установлено, что заимствования, прежде всего, выступают в качестве номинативной единицы для наименования какого-либо нового, отсутствующего до этого в «принимающем» языке предмета или явления.

Анализ русско-интернациональных заимствований на уровне отдельного слова позволяет заключить, что большая часть исследуемых единиц в таджикском языке была подвергнута лексико-семантической ассимиляции. Внедрившиеся в лексическую систему таджикского языка, они наряду с исконными словами, получили свое распространение в различных функционально-стилистических сферах, вступая при этом во взаимоотношения с исконной лексикой, что, в свою очередь, способствовало их фонетическому, морфологическому и семантическому преобразованию [3].

Исследование лексико-семантической адаптации заимствований основывается на всестороннем детальном анализе сферы их употребления, полной или частичной реализации их семантического объёма. Семантическая структура заимствованных слов в принимающем языке не остается неизменной и в той или иной мере проходит процесс приспособления к системе языка-реципиента. В связи с этим среди русско-интернациональных заимствований можно выделить два структурных типа: 1) слова с неизменной семантикой и 2) слова с трансформирующейся семантикой.

Лексические единицы русско-интернациональной лексики с неизменной семантикой, в свою очередь, условно можно разделить на два вида, один из которых будет представлен заимствованными моносемичными словами, сохранившими при миграции из русского языка в таджикский одно лексическое значение [1]. В этом случае происходит копирование семантики оригинального слова. Преобладающая часть подобного рода слов выступает в качестве номинаций, заимствованных из чужой культуры предметов и явлений, так называемых реалий, не имеющих аналогов в принимающем языке. Таким образом, язык принимает новый семантический концепт. Большинство исследуемых заимствований, проникнувших в таджикский язык в своем первоначальном значении прототипа, то есть не изменяя значения своего этимона, являются наименованиями абстрактных понятий и определенных предметов жизнедеятельности человека, не имевших своих номинаций в таджикском языке.

Следует отметить, что по результатам количественного анализа данная группа русско-интернациональных заимствований весьма презентабельна, поскольку включает в себя почти 882 единицы, что составляет 68 % анализируемой лексики. В частности, в эту группу входят такие слова, как *абстракционализм, аккумулятор, альтернатива, анархизм, антенна, археология, арбитраж, бакалавр, балетмейстер, баталион, биосфера, брокер, вандализм, вентилятор, вибратор, вулканизация, гарнитур, гангстер, гейзер, декан, диссертация, догматизм, идеализация, иерархия, инвалид, ипподром, квас, кворум, канализация, коллель, коррупция, криминалистика, лимит, лампочка, лифт, литсензия, модернизм, маргарин, механизм, монолог, мотор, нотариус, объект, орден, образ, персонаж, пессимист, помидор, радиус, радиостанция, референдум, рубль, руль, спикер, стратосфера, студент, систерна, студия, талон, телетайп, террор, титр, ультиматум, фруктоза, футуризм, фестиваль, фонендоскоп, хрестоматия, шампан, шлагбаум, штепсель, эволюция, экзотика, экватор, экспансионизм, эскиз, экспорт.*

Широко представлены в этой группе медицинские термины: *авитаминоз, гемоглобин, педиатр, пеницилин, поликлиника, склероз, невропатолог, рентген, энцефалит*; экономические термины: *девальтация, мейнмент, брокер, бюджет, бухгалтер, арбитраж, банк, аукцион, аксиз*; названия минералов и химических элементов: *гербицид, фтор, карбит, магний, никель*, названия различных отраслей знания: *гносеология, гинекология, зоология, кибернетика, онтология, палеонтология, топография*; музыкальные термины: *гитара, виолончель, аккорд, опера, гармон, оркестр, пианино*; спортивные понятия: *домино, спартакиада, шашка, ватерполо, стадион, тромбон.*

Для характеристики относящейся к данной группе лексики целесообразно описать семантическую структуру заимствований этого типа на некоторых примерах.

Лексема «алгоритм» в языке реципиенте, как и в языке-источнике, относится к специальной, в частности, к математической терминологии и несет в себе семантику «совокупность действий, правил для решений данной задачи» [4, с. 22] перевод (мачмӯаи амали риёзи, ки барои халли масъалае истифода мешавад) [5, с. 54]. Совокупность математических действий, используемых при решении какой-л. задачи, то есть слово-прототип проявляет полную идентичность своему корреляту.

Дефиниция лексемы *аномалия* в словаре исходного языка полностью совпадает с определением данного слова в заимствующем языке, что также является свидетельством копирования семантики оригинального слова: «Отклонение от нормы, общей закономерности; неправильность» и «аз доираи меъёри умуми ё қонунияти умуми берун баромадан; нодурусти» – выход за пределы общих норм и закономерностей; неправильность.

Политический термин *моратория* в заимствующем языке, претерпев некоторые фонетические и орфоэпические трансформации, проявляет полную семантическую эквивалентность слову в исходном языке: «Устанавливаемая правительством отсрочка выполнения обязательств на определенный срок или на время действия каких-н. чрезвычайных обстоятельств» и «дароз кардани мӯхлати пардохтҳо аз ҷониби ҳукумат бо ягон сабаби ғайқулода; ба мӯхлати номуайян ё муайян боздоштани амали чизе» перевод – «В силу чрезвычайных обстоятельств продление срока расчетов со стороны правительства; приостановка деятельности чего-л. на неопределенный или определенный срок».

Русско-интернациональное заимствованное слово «референдум» в таджикском языке также всецело перенимает семантику слова-оригинала, поскольку в толковых словарях контактирующих языков приводится абсолютно идентичная интерпретация данной лексемы: «Всенародный опрос, голосование для решения важного государственного вопроса» и «овоздихии умумихалқи барои халли ягон масъалаи муҳимми давлати, ҳамапурси» – Общенародное голосование для решения какого-л. важного государственного вопроса, всенародный опрос.

В эту же группу следует отнести интернационализмы, претерпевшие на новой языковой почве незначительную трансформацию в своем семантическом объеме или оттенках значения. К заимствованиям подобного рода можно отнести, к примеру, лексему *агротехника*. В ТСРЯ (Толковый словарь русского языка) данная лексема интерпретируется как «Технология возделывания сельскохозяйственных культур», тогда как в таджикском языке отмечается некоторое смещение семантического объема слова-оригинала: «мачмӯи усул ва тадбирҳои техникаи кишоварзи» – комплекс мер и приёмов сельскохозяйственной техники.

Другой вид русских заимствований с неизменной семантической структурой объединяет в себе многозначные интернационализмы, которые сохраняют полный объем значений в заимствующем языке. Это такие лексемы, как *ав-*

томат, агрегат, академия, акварель, аккредитив, амортизация, амфитеатр, анархизм, ансамбль, арматура, артел, артиллерия, ассимиляция, ассистент, библиография, бухгалтерия, бюро, вариант, вигон, гипноз, графика, дебют, демократия, изоляция, иммунитет, инерсия, какао, категория, капитан, картошка, кафедра, коммуна, коммутатор, конверсия, конфедерация, корпорация, косметика, крем, курсант, лабиринт, манифест, монтаж, натуралист, ординатура, папирус, пигмент, паразит, паритет, патент, пломба, полк, полковник, призма, президент, реализм, репертуар, семинар, центрифуга, симфония, спорт, стандарт, субъективизм, техник, топонимика, траектория, федерация, физиология, финал, формализм, чемпион, шасси, эстрада, эстафета, эстетизм, этимология, этнография.

Так, лексема «ансамбль», по данным ТСРЯ имеет два значения: 1) Согласованность, стройность частей единого целого, а также само такое целое. 2. Исполнительский коллектив (певцов, музыкантов), а также состав исполнителей. Таджикский вариант этого слова *ансамбл* используется в языке в тех же значениях, что и в языке-источнике, на что указывает интерпретация этого слова в Толковый словарь ТЯ (ФТЗТ Фарханги тафсирии забони тоҷики: 1. мувофиқат ва тартиби дурусти чузъҳои ягон чизи тоҷ. 2. хайати хунаропешагон (хофизон, раққосон, созандагон ва ғ.), ки ҳамчун як дастаи алоҳида кор мекунанд. – 1. Соответствие и правильный порядок элементов единого целого. 2. Состав исполнителей (певцов, танцоров, музыкантов и др.), функционирующих как отдельная группа. Более того, корреляты в своем втором значении, как и прототип в своем втором значении получили среди носителей языка более широкое употребление, чем первое, которое, в свою очередь, можно отнести скорее к книжному стилю, нежели к общеупотребительной лексике.

Лексема «субъективизм» также является полисемантическим словом, как в языке-источнике, так и в языке-реципиенте. Согласно ТСРЯ, данная лексема имеет такие значения: 1. в философии: мировоззрение, в основе которого лежит отрицание объективных законов развития и утверждение главенствующей роли отдельного субъекта в процессе познания и в общественной деятельности. 2. личное, субъективное отношение к чему-л. Несмотря на некоторую фонетическую и орфографическую модификацию, в таджикском языке можно наблюдать полное освоение семантического объема этой лексемы: Субъективизм 1. фалс. равияи фалсафӣ, ки мавҷуд будани олами моддии беруниро инкор мекунад ва онро фақат дарки шуури шахс мешуморад. 2. Шахсият, ғаразҳои. Перевод: – филос. Направление в философии, которое отрицает существование внешнего материального мира и признает его только в восприятии сознания личности. 2. личность, предвзятость.

Другой пример сохранения значения прототипа и коррелята представлен полисемантическим словом «лабиринт», который в рассматриваемых языках имеет три значения. Так, в ТСРЯ для этой лексемы закреплены следующие определения: 1. Запутанная сеть дорожек, ходов, сообщающихся друг с другом помещений (первоначально в Древней Греции и Египте большое здание со сложно расположенными переходами). 2. Перен. Сложное, запутанное расположение, сочетание чего-н. 3. Внутреннее ухо (спец.). Корреляты, в свою оче-

редь, копирует весь семантический объём оригинального слова и имеет следующую дефиницию в толковом словаре таджикского языка: 1. таър. иншооти дорой рохравхои печдарпеч дар Юнони қадим ва Миср. 2. вазъияти мураккаб, ки аз он баромадан хеле мушкил аст. 3. тиб. қисми дарунии гӯш, ки узви сомеа ва идоракунандаи мувозинати бадан ба ӯисоб меравад. – 1. Ист. Сооружение в Древней Греции и Египте, характеризующееся запутанными дорожками. 2. Сложное положение, выход из которого представляет трудности. 3. мед. внутренняя часть уха, которая является органом слуха и координирующей равновесие тела. Во втором значении можно наблюдать некоторое смещение оттенка семантики, поскольку язык-источник рассматривает его в качестве переносного, тогда как в принимающем языке данное значение прямое.

Следовательно, можно констатировать, что среди полисемантических заимствований в принимающем языке функционируют лексемы как с двумя, так и с большим количеством значений.

Количественный анализ данного объединения полисемантических слов позволил выявить тот факт, что группа русско-интернациональных заимствований, представленных многозначными словами и сохраняющими полный объём значений в языке-реципиенте, репрезентирована небольшим количеством заимствованных единиц и составляет всего лишь 8% исследуемой лексики.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. 208 с.
2. Тешаев Х.И. Особенности функционирования тематической группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках. Душанбе, 2017. 131 с.
3. Тешаев Х.И. Функционирование тематической группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках // Вестник РТСУ. Душанбе, 2015. №2 (49). С. 222-226.
4. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
5. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка): в 2-х т. / под ред. С. Назарзода. Душанбе, 2008. 1895 с.

А.В. Солохов

A.V. Solokhov

*Мозырский государственный педагогический университет
им. И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)*

I.P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РЫГОРА БОРОДУЛИНА

В статье описываются способы словообразования, использованные известным белорусским поэтом Рыгором Бородулиным. Для образования индивидуально-авторских неологизмов в своих произведениях он использовал чистые и смешанные способы словообразова-

ния. Анализ показывает, что наибольшую продуктивность получили чистые и те смешанные способы словообразования, форманты которых состоят из двух словообразовательных средств.

Ключевые слова: индивидуально-авторский неологизм, словообразовательное средство, способ словообразования, формант, чистые и смешанные способы словообразования.

METHODS OF FORMATION OF INDIVIDUAL AUTHORIAL NEOLOGISMS IN THE WORKS OF RYHOR BORODULIN

The article describes the methods of word formation used by the famous Belarusian poet Ryhor Borodulin. For the formation of individual authorial neologisms in his works, he used pure and mixed ways of word formation. The analysis shows that the greatest productivity was obtained by pure and those mixed methods of word formation, the formants of which consist of two word-forming means.

Keywords: individual-author's neologism, word-formative means, method of word formation, formant, pure and mixed ways of word formation.

Одной из задач современной неологии является исследование способов словообразования, установление их количественного состава. Над её решением активно работали исследователи русской неологии. В 1996 г. И.С. Улуханов описал 79 способов словообразования [1]. В 1998 г. В.П. Изотов дал объяснение 160 способов словообразования [2].

В белорусском языкознании специального исследования способов словообразования ещё не проводилось. Описывались преимущественно наиболее известные в языке способы словообразования [3].

Описание словообразовательной системы языка будет неполным без систематизации всех способов словообразования, в том числе редких, используемых преимущественно при образовании окказиональных слов. Решить эту задачу можно, исследовав, в первую очередь, способы словообразования, которые употребляют отдельные авторы в языке своих произведений при образовании индивидуально-авторских неологизмов (ИАН). Народный писатель Беларуси И. Шамякин, например, в языке романа «Возьму твою боль» и сборника повестей «Полесская мадонна» реализовал 24 способа словообразования [4].

К разным способам словообразования при создании ИАН обращается и известный белорусский поэт Рыгор Бородулин.

Цель данной работы – определить способы образования индивидуально-авторских неологизмов в языке поэтических произведений Р. Бородулина. Для её достижения ставятся следующие задачи: выписать из поэтических текстов Р. Бородулина индивидуально-авторские неологизмы; сделать их словообразовательный анализ; назвать способы словообразования, которыми пользовался автор при образовании неологизмов.

При исследовании фактического материала используются методы словообразовательного анализа, количественного подсчёта, описательный и сравнительный.

Р. Бородулин – экспериментатор. Словотворческие эксперименты приводят его к созданию различных ИАН. Так, в стихотворении «Жарт» он использует 10 ИАН, в т. ч. 6 существительных (*граман, груканіс, пачатковец-гром, перагрук, хмаравецтва, хмарадактарша-імжаністка*), 2 прилагательных (*адсвечны, грамайскі*) и 2 глагола (*перагрукаць, хмыркнуць*):

Накрасаваны *адсвечным* пяром

Свой *груканіс*

У *хмаравецтва*

Прыпёр *пачатковец-гром,*

Ды там, дзе каротка,

Ірвецца.

Хмарадактарша-імжаністка

Хмыркнула:

– Хворая ў нас машыністка,

А Ваш *грамайскі граман* наўрад

Перагрукаць згодзіцца град,

У яго не хапае рук

На *перагрук* [5, с. 166].

Большая часть этих ИАН образована импозицией (по терминологии Н.А. Янко-Триницкой – междусловным наложением, И.С. Улуханова – междусловным совмещением) – соединением двух слов с совмещением их фонемных отрезков в новом слове: *груканіс* (< *грук*аць + *рука*ніс), *граман* (< *гром* + *раман*), *адсвечны* (< *адсвеч*ваць + *вечны*), *грамайскі* (< *гром* + *майскі*), *хмыркнуць* (< *хмыр* + *мырк*нуць).

Импозицию Р. Бородулин нередко использует при создании ИАН и в других произведениях: *спагадзіна* ‘время для сострадания’ (< *спагад*(а) + *гадзіна*): *Ні дня, ні гадзіны няма спагадзіны, але спагады ніхто не чакае* [6, т.2, с.190]; *узвялічбы* ‘цифры, величающие кого-либо’ (< *узвяліч*(аць) + *лічбы*): *Не да застольных узвялічбаў, / Не да спакусы шашлыка, – / Паэзія нялёгкіх лічбаў / Кранае сэрца башлыка* [5, с. 58]. Импозиции обладают большой компрессией, высокими выразительными и эмоционально-экспрессивными возможностями. Одно слово может содержать в себе целый художественный образ. Так, индивидуально-авторский неологизм *пагонь* образован импозицией существительных *пагоня* и *агонь*: *Лес над пажарышчам не плача, / Атожылле ідзе ў пагонь* [6, т. 1, с. 378]. *Пагонь* здесь – не погоня за огнём, а жажда жизни, стремление залечить раны, нанесённые ранее лесу огнём.

При образовании других ИАН в тексте процитированного стихотворения использованы следующие способы словообразования:

– афферезис + основосложение: *хмаравецтва* (< *хмара* + /выд/а*в*ецтва);

– словосложение: *пачатковец-гром* (< *пачатковец* + *гром*);

– десуффиксация: *перагрук* (< окказ. *перагрук/а/(ць)*);

– префиксация: *перагрукаць* (< *грук*аць);

– импозиция + афферезис + основосложение + словосложение: *хмарадактарша-імжаністка* (< {*хмара* + *рэдактарша*} + {*імжа* + /машы/ністка}). В

этом случае при словосложении берутся не готовые лексические единицы, а слова, образующиеся одновременно в процессе одного словообразовательного акта.

Эти примеры показывают, что Р. Бородулин использует как чистые, так и смешанные способы словообразования. Среди чистых способов словообразования, кроме уже названных десуффиксации, импозиции, префиксации, словосложения, отмечаются:

1) суффиксация – один из самых продуктивных способов словообразования у Р. Бородулина: *неіснуючасць* (< *неіснуюч(ы) + -асць*): *Жыві / І ў гэтым свеце сцвердзь, / І ў тым / Сваю неіснуючасць* [7, т. 2, с. 275]; *ведзьмаваць* (< *ведзьм(а) + -ава(ць)*): *У золь вядзьмуем над капотам, зайздросцім – з фарамі – саве* [8, с.46]; *дзівакаваць* (< *дзівак + -ава(ць)*): *Адчай з прарочымі вачыма, / Дзе ўзорацца шляхоў шлякі, / Дзе з небам раіцца Радзіма, / Дзе немагчымае магчыма, / Дзе дзівакуюць дзівакі* [7, т. 1, с. 451];

2) постфиксация: *адурачыцца* (< *адурачыць + -ца*): *Ці ты на вясне / Адурачыўся, / Што ўсю ночку ка мне / Не абарачваўся?* [7, т. 1, с. 190]; *прадзюбнуцца* (< *прадзюбнуць + -ца*): *Лебедзі ў белай імгле / Глуха вяслююць над морам. / Стома на кожным крыле. / Зорам прадзюбнуцца сорам* [7, т. 2, с. 137];

3) основословосложение: *звярынцанасельнік* ‘тот, кто населяет зверинец’, *звярынцанаведвальнік* ‘тот, кто посещает зверинец’: *А звярынцанасельнікі / Пра страці людскія не ведаюць, / З дакорам стамлёным глядзяць / На звярынцанаведвальнікаў* [9, с. 39]. Противопоставление композитов подчёркивает контрастность разных сторон одного и того же явления действительности, усиливает эмоционально-стилистическое звучание, вызывает неоднозначные чувства к ней;

4) префиксный тмезис: ИАН *двухбезгаловы* образован на основе сложного прилагательного *двухгаловы* путём префиксальной вставки *-без-* перед основным компонентом: *Святло было мірным зусім. І ў падумку не браў, што на ім падсмаліць сваё, даўно не густое, пер’е двухбезгаловы арол імперыі* [6, т. 1, с. 154];

5) десуффиксация: *прасёл* ‘просёлочная дорога’ (< *прасёл/ачн/(ая)*): *Абмерлі стромы, адхоны / Маіх кіламетраў прасёлы* (Р. Барадулін, т. 1, с. 199);

6) деосновословосложение – способ словообразования, в результате которого происходит разъединение слова, образовавшегося основословосложением, на два самостоятельных слова. Так, в результате деосновословосложения существительного *электраарган* образуются два слова – *арган* и *электра*. Слово *арган* соотносится с соответствующим общеязычным словом, а *электра* ‘электрический’ – индивидуально-авторское несклоняемое прилагательное, представляющее из себя сокращённую часть прилагательного *электрычны*: *Каб не вісеў / Грахоў груган / І каб не ўпекла ў пекла, / Зло мусіць адганяць / Арган. / Вядома, што электра* [8, с. 224];

7) сложение начальных букв слов (буквенная аббревиатура): *Рэбэ – Рыгор Берёзкин: Сябры яго звалі вясёла / Рэбэ* [7, т. 2, с. 199];

8) плюрализация – это, как считает В.П. Изотов, «оказиональная разновидность трансфлексии, заключающаяся в приобретении существительным s. t. формы множественного числа (при этом происходит изменение значения)» [2, с. 65]: *паміры* ‘вершины славы’: *Люблю нізрынутых куміраў – / Яны на свет глядзяць нанова, / На дол з завоблачных паміраў / Звяла іх / Лёсу пастанова* [11, с. 38];

9) этимологизация: *хими-каты* ‘химические палачи’: *Я нямая, стэрылізаваная, / Я забітая хімі-/катамі, / Я асушаная, паралізаваная, / Са знявечанымі саванамі, / З сухарэчышчамі сукаватымі* [7, т. 2, с. 181].

К смешанным способам словообразования, в форманты которых входят по два основных словообразовательных средства и которые использованы Р. Бородулиным при создании ИАН, относятся:

1) префиксация + суффиксация: *знікчэмнець* (< з- + *нікчэмн(ы)* + *-е(ць)*): *Як наглядач, / Я мецьму цвёрды нораў, / Каб, Божя барані, уцекачы / Знікчэмнець не маглі дапамагчы!* [7, т. 2, с. 16];

2) префиксация + постфиксация: *нагарбеца* (< *на-* + *гарбець* + *-ца*): *Урачыста-засмучоная, / Як Радаўніца, / Велікодна-захмялелая, Як раніца, / Нагарбелася над лехамі, над кроснамі / Кішчоная няхітрай песняй / Матка хросная* [7, т. 2, с. 38];

3) суффиксация + постфиксация: *дзеўчыца* ‘быть девушкой’ (< *дзеўк(а)* + *-ы-* + *-ца*): *Ты ацішэў, астарэў, / А яна / Дзеўчыца, / бо маладая!* [10, с. 283];

4) десуффиксация + суффиксация: *какетаваць* ‘быть похожим на кокетку’ (< *какет/к(а)* + *-ава(ць)*): *Як Елена з Парысам, / панна Варшава / Какетавала з Парыжам* [7, т. 1, с. 67];

5) основосложение + суффиксация: *глінамесец* ‘тот, кто месит глину’ (< *глін(у)* + *-а-* + *мэс(іць)* + *-ец*): *Сапернік вечнага / Тварца, / О скульптар, / Дужы глінамесец, / Зляпіць ці можаш / Поўны месяц / Ці хоць бы веташок з канца?* [7, т. 2, с. 329]; *барханачуйна* (< *бархан(ы)* + *-а-* + *чу[й(у)ць]* + *-на*): *Барханачуйна помніць слых / Крык / І сык кулі, / Схавалі жах пажараў злых / Воч Ісык-Кулі* [7, т. 1, с. 296]; *беластога* (< *бел(ы)* + *-а-* + *стог* + *-а*): *Яшчэ бялелі стрэхі беластога* [7, т. 2, с. 266]; *цёмнааблока* (< *цёмн(ыя)* + *-а-* + *аблок(і)* + *-а*): *Хмарыца цёмнааблока* [7, т. 2, с. 336]. Для создания наречий *барханачуйна*, *беластога*, *цёмнааблока* Р. Бородулин использует чересступенное словообразование (термин впервые употребил А.Н. Тихонов), так как соответствующих этим наречиям прилагательных в белорусском языке не существует;

6) основосложение + нульсуффиксация: *дымнагрывы* ‘с гривой дымного цвета’ (< *дымн(ы)* + *гryw(а)*): *На поплаве / Агонь уздрыгвае: / Пячы вячэру / Будзе прысак, / У дыме коні — / Дымнагрывыя* [7, т. 1, с. 197]; *звонкарэхі* ‘такой, в котором звонко звучит эхо’ (< *дымн(ы)* + *гryw(а)*): *Адгуло, адплыло маё лета вазамі — звонкарэхае, я не збярог* [7, т. 1, с. 168];

7) основосложение + десуффиксация: *светлапад* (*святл(о)* + *-а-* + *пад/а/(ць)*): *Снегапад. Светлапад. Маладое штосьці* [7, т. 1, с. 411];

8) апокопа + основословосложение: *рацдумка* ‘рациональная мысль’ (<рац/ыянальн/(ая) + думка): **Рацдумка** працавала зноў: / — Забылі мы на дрэва [11, с. 36];

9) аферезис + импозиция – неморфемное сокращение начальной части второго компонента и совмещение конца первого компонента с началом укороченной части второго: *асакавольтны* (<асака + /вы/сакавольтны): *І вечар электраманцёр / Нябеснага энергазбыту / Уключыць зоры. / Будзе ноч. / Асакавольтная / Цадзіцца* [8, с.91]; *бервенізацыя* (<бервян(о) + /урба/нізацыя): *Ідзе урбанізацыя / У наступ зноў і зноў, / А ўслед Бервенізацыя / Паважных устаноў* [11, с. 9];

10) синкопа + импозиция – неморфемное сокращение средней части основного компонента и его совмещение с первым: *дуплёнка* ‘дупло для гнезда’ (<дуplo + ду/б/лёнка): *Іншыя жывуць шыкоўней. / Што я горш за слонку? / Цешся сам сваёй шпакоўняй – / Я хачу / Дуплёнку!* [11, с. 123]; *васковаабавязаныя* ‘сделанные из воска и тем обязанные ему’ (<воск + ва/й/сковаабавязаныя: *А свечкі ўсе васковаабавязаныя / І ўсе павінны ў воску адслужыць, / І ўсе адной суровай ніткай звязаныя, / Як доляй той, / Што з полымем дрыжыць* [7, т. 2, с. 319].

Р. Бородулин использует также смешанные способы словообразования, в состав формантов которых входят по три основных словообразовательных средства:

1) префиксация + суффиксация + постфиксация: *прымалоджваўца* (<пры- + малад(ы) + -ва- + -ца): *У цяньку наіўных дрэў / Ахалоджваўся, / Спаў салодка, смачна еў, / Прымалоджваўся* [7, т. 2, с. 113]; *укаляініца* (<у- + каляін(а) + -і- + -ца): *Укаляініліся ўзбочыны* [7, т. 2, с. 67]; *пасандзеніца* (<па- + сандзень + -і- + -ца): *Што ні дзень – / Сандзень. / Можна й пасандзеніца! / Пакупнік – / не цюлень, / Дзе ён дзенеца?! [11, с. 37];*

2) синкопа + апокопа + импозиция – удаление средней и конечной фонем основного компонента и совмещение части фонем основного компонента со вторым: *метэазвады* ‘противоречивые метеосводки’ (<метэазв/о/д/к/(і) + *звад(ы)*): **Метэазвадам** рад, / Толькі б мне зноў напярарочылі / Чэрвеньскі белы град, / Босыя ногі дзявочыя... [6, т. 1, с. 264];

3) основосложение + нульсуффиксация + субстантивация: *пышначубы* ‘тот, кто имеет пышный чуб’ (<пышн(ы) + -а- + чуб + (ы)): *Старасць робіць жанчын сарокамі, / А кароў гаспадынямі цёплымі, / Вераб’ёў мітуслівых прарокамі, / Хмару цёмную светлай кропляю, / Дамаседам сабаку збеглага, / Бацяна лугавым філосафам, / Ды не зробіць чорнага з белага, / **Пышначубага** з безвалосага* [7, т. 2, с. 314];

Таким образом, в языке поэтических произведений Р. Бородулина фиксируются разнообразные чистые и смешанные способы словообразования, т.е. такие, в состав формантов которых входят по два, три или четыре словообразовательные средства. С их помощью поэт создаёт ИАН, которые на фоне общезыковой лексики выделяются своими экономными материальными, широкими смысловыми и неограниченными экспрессивными возможностями.

Список литературы

1. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Рос. Акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. 221 с.
2. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография. Орел, 1998. 149 с.
3. Беларуская граматыка: у 2-юх ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. Ч.1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. 431 с.
4. Солахаў А.В. Спосабы ўтварэння індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у мове твораў І. П. Шамякіна // Міжнародныя Шамякінскія чытанні «Пісьменнік – Асоба – Час». Мазыр, 2009. С. 214-217.
5. Барадулін Р. Маўчанне перуна: новая кн. / Рыгор Барадулін. Мінск: Маст.літ.,1986. 302 с.
6. Барадулін Р. Выбраныя творы: у 2-х т. / Рыгор Барадулін. Мінск: Маст. літ., 1984. Т.1-2. 415 с.
7. Барадулін Р. Збор твораў: т. 2: вершы / Рыгор Барадулін. Мінск: Маст. літ., 1998. 382 с.
8. Барадулін Р. Вечалле: кніга паэзіі / Рыгор Барадулін. Мінск: Маст. літ., 1980. 336 с.
9. Барадулін Р. Прынамсі...: вясёлыя вершы, закаханы гумар, пароды, эпіграмы. Мінск: Маст.літ., 1977. 304 с.
10. Барадулін, Р. Трэба дома бываць часцей...: выбр. старонкі лірыкі. Мінск: Маст.літ., 1993. 352 с.
11. Барадулін Р. Мудрэц са ступаю: выбр. старонкі лірыкі. Мінск: Маст.літ., 1993. 352 с.

Е.В. Суровцева

E.V. Surovtseva

*Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова*

(Москва, Россия)

Lomonosov Moscow State University, Moscow

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И ИХ ДЕРИВАТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

Нами ставится вопрос о необходимости изучения дериватов, образованных от личных имён. Данная проблема рассматривается на материале создаваемого нами корпуса житий новомучеников и исповедников Московской епархии. Статья снабжена рядом примеров из корпуса.

Ключевые слова: *жития новомучеников и исповедников, корпусная лингвистика, лексико-семантическая группа, личное имя, словообразование.*

PERSONAL NAMES AND THEIR DERIVATIVES (BASED ON THE MATERIAL OF THE CORPUS OF THE HOLY LIVES OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS OF THE MOSCOW DIOCESE)

We raise the question of the need to study derivatives formed from personal names. This problem is considered on the basis of the corpus of the holy lives of the New Martyrs and confes-

sors of the Moscow Diocese, which we are creating. The article is provided with a number of examples from the corpus.

Keywords: *holy lives of the New Martyrs and confessors, corpus linguistics, lexico-semantic group, personal name, word formation.*

В настоящее время автором данной статьи в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) ведётся работа по созданию корпуса житий новомучеников и исповедников Московской Епархии эти тексты вышли в свет в виде особого издания из 8 томов [1]. Всего в данное издание входит 341 текст, охватывающих 385 имён и созданных 12 составителями (в основном священнослужителями), что, по нашим подсчётам, составляет примерно 390 000 словоупотреблений. Одной из лексико-семантических групп, которыми размечен корпус (подробнее см [2]), являются имена собственные, в том числе – личные имена, отчества, фамилии. При анализе данного материала мы сталкиваемся с необходимостью комплексного рассмотрения дериватов, образованных от лексем данной группы. Приведём ряд примеров (с указанием частотности употребления в скобках).

1) От фамилии мученика Михаила Новосёлова образовано прилагательное *новоселовский* (6).

2) От имени патриарха Тихона Белавина образованы прилагательные *старотихоновский* (2) и *тихоновский* (27) и существительные *тихоновец* (15) и *тихоновка* (1).

3) От имени императора Петра Великого образованы прилагательные *петровский* (6) и *послепетровский* (1). В качестве рабочей версии осмеливаемся высказать предположение, что в этот же деривационный ряд включается и название села *Петровское* (1), так как этот топоним назван в честь царя.

4) От имени Сергия Радонежского образованы семь прилагательных: *сергиев* (26), *сергиевопосадский* (1), *сергиевский* (10), *сергиевый* (11), *троице-сергиев* (9), *троице-сергиевский* (2), *троице-сергиевый* (12). Оговорим, что – также в качестве предварительной гипотезы – мы включили в данный перечень прилагательные, образованные от названия *Сергиев Посад* (*сергиевопосадский*) и *Троице-Сергиевой Лавры* (*троице-сергиев* и пр.), которые, в свою очередь, ведут своё происхождение от имени святого.

5) С именем Серафима Саровского связаны прилагательные *серафимознаменский* (1) и *серафимовский* (2).

Используемая нами автоматизированная система работы с текстами и словарями «Диктум», созданная специально для нашей лаборатории, позволяет получить данные относительно того, в каких именно текстах встречается та или иная лексема. В качестве примера рассмотрим прилагательное *сталинский* (24). Приведённый ниже фрагмент базы данных следует читать так. В начале каждой строки стоит нужное нам слово (в нашем случае это одна-единственная лексема, которая повторяется в каждой строке); затем, через обратный слэш, обозначение поля, в котором автоматически проставлены номера текстов (=iРазм); затем, после двоеточия, сам номер текста; и затем, после ещё одного обратного

слэша, в квадратных скобках указывается частотность употребления лексемы в данном тексте.

сталинский\=iРазм:3\1]
сталинский\=iРазм:5\1]
сталинский\=iРазм:55\1]
сталинский\=iРазм:92\1]
сталинский\=iРазм:14\1]
сталинский\=iРазм:24\1]
сталинский\=iРазм:122\4]
сталинский\=iРазм:179\1]
сталинский\=iРазм:211\1]
сталинский\=iРазм:213\2]
сталинский\=iРазм:214\1]
сталинский\=iРазм:235\1]
сталинский\=iРазм:251\1]
сталинский\=iРазм:279\2]
сталинский\=iРазм:288\1]
сталинский\=iРазм:328\1]
сталинский\=iРазм:332\1]
сталинский\=iРазм:344\1]
сталинский\=iРазм:353\1]

Таким образом, мы видим, что избранное нами слово встречается в 19 текстах с частотностью от 1 до 4 употреблений в каждом тексте. Кроме того, по номеру текста мы можем установить, какому святому посвящено это житие. Например, житие под номером 5 – это житие мученицы Милицы Кувшиновой (день памяти – 5 февраля по новому стилю), житие под номером 55 – житие священномученика Феодора Недосекина (день памяти – 30 апреля по новому стилю), житие под номером 332 – житие преподобномученицы Марии Мамонтовой-Шашиной (день памяти – 2 октября по новому стилю).

Работа по изучению имён собственных в корпусе житий новомучеников и исповедников Московской Епархии продолжается; полученные нами данные будут существенно пополнены и подробно проанализированы.

Список литературы

1. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 т. Тверь: Булат, 2002-2005. 2165 с.
2. Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226-234.

И.П. Черноусова
I.P. Chernousova
*Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)*
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk
Яссин Сарханг Раш Яссин
Yassin Sarhang Rash Yassin
*Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Эрбиль, Ирак)*
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Erbil

СЕМАНТИКА ЭТНОНИМОВ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Исследование проводится на материале русских былин, для сравнения привлекается другой жанр устного народного творчества – поговорки. В статье дается описание семантики самого частотного для былин этнонима – татарин, отмечается резко отрицательная коннотация этого этнонима, что объясняется историческими событиями. В былине татарин, характеризующийся в большинстве случаев эпитетом поганый, – враг русского народа, иноверец, совершивший нападение на святую Русь и разгромленный русскими богатырями.

Ключевые слова: семантика, этнонимы, былина, поговорка.

SEMANTICS OF ETHNONYMS IN RUSSIAN FOLKLORE

The study is carried out on the material of Russian epic tales; besides, proverbs as one more genre of oral folk art are used for comparison. The article describes the semantics of Tatar as the most frequent for epics ethnonym, notes a sharply negative connotation of this ethnonym, which is explained by the historical events. In the epic tale, the Tatar, characterized in most cases by the epithet "foul", is an enemy of the Russian people, a non-believer who attacked Holy Russia and was defeated by the Russian bogatyr.

Keywords: semantics, ethnonyms, epic tale, proverb.

Изучение названий этнических общностей на материале русского фольклора представляет большой научный интерес, так как этнонимы, являясь важной составляющей фольклорно-языковой картины мира, проявляют своеобразие национального менталитета.

Базой эмпирического материала послужили авторитетные собрания русских былин: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» [4]; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х томах [6]. В качестве фонового материала исследования привлечены «Поговорки русского народа» В.И. Даля [3].

Рассмотрим самый распространенный в списке этнонимов в былине – татарин (в «Словаре языка русского фольклора» отмечено 410 употреблений), в том числе образования от него – татарова / татарева (26), татаровья / татаревья (8), татара (20), татаревя (5), татарины (5), татарушко (2), тата-

рище (2), *татарищо* (1), *татарский* (84), *татарченко* (6), *татаричонок* (1) [2, с.100-101].

В этнониме *татар* первый компонент *тат* сопоставим с одним из названий древнего иранского населения. Д.Е. Еремеев считает, что первоначальное значение слова *тат* – «иранец», «говорящий по-ирански», но затем этим словом стали обозначать всех чужестранцев, чужаков, подобно тому, как в России народ называл немцами всех иностранцев, а не только представителей германского народа [5, с. 134]. Окончание *-ар* восходит к слову *ар/эр/ир*, означающему «человек» [5, с. 133].

В современном русском языке этноним *татары* имеет несколько значений: 1. Название некоторых народностей тюркской языковой группы, живущих в Поволжье, Сибири, Крыму, на Кавказе (в том числе народ, составляющий основное население Татарской АССР); отдельные представители одной из этих народностей. 2. Название различных тюркских, монгольских и некоторых других племен, объединенных в XIII-XV вв. в единое государство – Золотую Орду [8, стб. 140].

Этноним *татарин* в былинах характеризуется определениями *поганый* (125), *батыев* (1), *великий* (1), *долгий* (3), *касимовский* (16), *косинский* (9), *крупный* (1), *лучший самолучший* (1), *мелкий* (1), *мертвый* (3), *мертвый мерзлый* (3), *могучий* (1), *неверный* (7), *остальной* (1), *самолучший* (2), *сидячий* (1), *сильный могучий* (4) [2, с.100-101].

Этот этноним и часто употребляемое с ним определение *поганый* имеет здесь ярко выраженную отрицательную коннотацию, что объясняется историческими событиями – монгольским нашествием на Русь и монголо-татарским игом (XIII-XV в.в.). «Эпитет *поганый* в отношении татар подчеркивает не только их этническую чуждость, но и разницу в вероисповедании (см. этимологию слова *поганый* – `неверный`, `языческий`) [1, с. 9].

В былинах *татарин* – враг русского народа, принадлежащий к другой вере (эпитет *неверный*), пришедший из (чужой/темной) орды / Золотой Орды / Могозеи богатыя, угрожавший и осуществивший нападение на святую Русь, разгромленный Ильей Муромцем / русскими богатырями и поклявшийся никогда больше не возвращаться.

Былина передает то впечатление, которое произвело появление несметных полчищ татар:

*Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?
А от пару было от конного
А и месяц-солнце померкнуло,
Не видеть луча свету белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть*
[4, с. 166].

Это «живое воспоминание об одном из величайших исторических потрясений, которые выпадали на долю России» [7, с. 308].

В былинной картине мира содержится подробное описание татарского войска:

*Не много не мало – на сто верст
Во все четыре стороны,
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тьмы-по три тысячи*

[4, с. 167].

«По три тьмы-по три тысячи», указывающее на собственно военный строй войска, обозначают фольклорное число 33000. Песня сохранила исконное значение «тма» [7, с. 311]. За «сорока королевичами» В.Я. Пропп усматривает указание на этническую и социальную неоднородность татарского войска, а также четкую организацию войска и его деление на определенные боевые единицы. Сорок – эпическое число, обозначающее множество. «Татары – народное обозначение для весьма неоднородного по своему составу объединения» [7, с. 311].

Татары, окружив Киев, не пытаются взять его приступом, а хотят склонить князя Владимира к сдаче города без боя. Ярлык, который приносит татарский посол, содержит это требование и угрозы в случае их невыполнения:

*Владимир князь стольно-киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град
Без бою, без драки великие
И без того кроволития напрасного!*

[4, с. 167].

Картина боя с татарами («бить татар татаринном») полна величия: чувствуется восхищение «певцов мощью, героизмом и несокрушимой силой Ильи» [7, с. 335]:

*Схватил Илья **татарина** за ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал **татаринном** помахивати,
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куды отвернет – с переулками...
Оторвется глава его **татарская**,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит*

[4, с. 171].

Оставшиеся в живых, убегающие татары и их правитель клянутся никогда больше не возвращаться на святую Русь ни им самим, ни их последующим поколениям:

*Неужоль таковы люди в Киеви,
А один молодец всех татар прибил?
...И сам он, неверный, заклинается:
Не дай мне-ка бог на Руси бывать,
И не детям моим и не внучатам,
Оставайтесь во Киеви попрежнему*

[6, с. 685].

В пословицах так же, как и в былинах, высказывается негативное отношение к татарам: *Татарин – свиное ухо. Бритая плешь. Ешь медведь татарина – оба ненадобны. А что, добрый человек, не видал ли ты злого татарина? (Дразнят татар). Татарскому мясоеду нет конца. Злее злого татарина. Нет проку в татарских очах. Люблю молодца и в татарине. Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник. Не вовремя (не в пору) гость хуже татарина* [3, с. 61].

Таким образом, самый распространенный в былинной картине мира этноним *татарин* обозначает врага, осуществившего нападение на святую Русь и разгромленного русскими богатырями.

Список литературы

1. Березкина Е.С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 16 с.
2. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Первый выпуск. Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000. 112 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. в 3-х т. М.: Русская книга, 1984. Т. II. 704 с.
4. Евгеньева А.П., Путилов Б.Н. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 665 с.
5. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы (ред. В.А. Никонов). М.: Наука, 1970. С. 133-142.
6. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х т. Изд. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 Т. I. 736 с.; 1950. Т. II. 806 с.; 1951. Т. III. 669 с.
7. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Том 15, 1963. 1288 стб.

РАЗДЕЛ 4. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ: ГРАММАТИКА И ТЕКСТОЛОГИЯ

Аль-Кадими Махмуд Гази
Al-Qadimi Mahmoud Ghazi
Багдадский университет (Багдад, Ирак)
Baghdad University, Baghdad

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

В статье рассмотрены страдательные конструкции в контексте философии и психологии языковой системы. Репрезентирована специфика функционирования оных на фоне особенностей арабского и других языков. Акцентируется внимание на специфике употребления формы действительного или страдательного залога в зависимости от того, из какого первичного компонента предложения мы исходим. То есть лицо или предмет, находящийся в центре внимания в этот момент, становится подлежащим предложения, а глагол должен получать соответственно либо форму действительного, либо форму страдательного залога.

Ключевые слова: страдательный залог, причастия, глаголы, философия языка, смысл, языковая прагматика.

PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE PASSIVE VOICE

In the article, passive structures in the context of the philosophy and psychology of the language system are considered. The specifics of the functioning of these on the background of the features of Arabic and other languages are represented. Attention is focused on the specifics of the use of the form of a real or passive voice, depending on which primary component of the proposal we proceed from. That is, a person or an object that is in the center of attention at this moment becomes subject to the proposal, and the verb must receive, respectively, either a form of the active or a form of a passive voice.

Keywords: passive voice, participles, verbs, language philosophy, sense, linguistic pragmatics.

Первичным предназначением языка, его основополагающей функцией является информационное общение между людьми. В этом свете язык неотделим от онтологической реальности, поскольку он выражается посредством сознания индивидуума, то есть репрезентируется через языковое сознание. Поэтому вполне закономерно, что язык находится в непосредственном единстве с мышлением во всей динамике его развертывания, становясь чем-то вроде платформы для возникновения, модификации и прочего, а также передачи мысли и эмоции, средоточия знаний про человеческое сообщество и его природу [20, с. 13]. При этом языковая полисистема становится чем-то вроде *tertium comparationis* (третьей стороны) – посредника между положенным смыслом и биологической особью. То есть первый представляется основополагающей детерминантой выживания, как отдельной человеческой особи, так и социума в целом.

Такая корневая роль языка в бытии индивидуума связана с тем, что любое событие в онтологической реальности настолько относительно, насколько относительно является его восприятие, вернее – его осмысленность нашим сознанием, однако смысл – не присущее изначально свойство предмета, а лишь тень, ложащаяся на него от нашего сознания в процессе восприятия и осознания. Так, завязывая шнурок на ходу, и поднимая для этого одну ногу, мы ищем точку опоры, которая даст нашему телу состояние относительного покоя, а последний обеспечивает необходимую стабильность, собственно, для совершения действия [4, с. 3] в горизонте событий, удостоверяя его материальную репрезентацию. Таким образом, процессы, связанные с функционированием смысла в социуме (смыслорождением, смыслополаганием, смыслораспознаванием и других), представляются скорее продуктом вторичного восприятия, полностью нивелирующим нелинейную составляющую событий, предметов и прочего онтологической реальности [4, с. 3].

Анализом упомянутого вопроса занимался ряд ученых, среди которых необходимо назвать таких исследователей как: Р. Абдрахманова, Л. Алигулиева, В. Алпатов, Р. А. К. Альфоади, Т. Амирова, Л. Балаж, В. Барахнин, Ф. Березин, В. Берков, Р. Будагов, А. Гаджиева, Дж. Газда, А. Десницкая, Б. Джандар, А.-М. Х. Джуад, А. Довгань, О. Еспенсер, т. Жеребило, Н. Заика, К. Закирьянов, В. Звегинцев, Л. Касаткин, В. Касевич, А. Кибрик, В. Кодухов, М. Козлов, М. Кочерган, А. Кривощекова-Гантаман, А. Кузнецова, с. Лёзов, И. Леков, Л. Лукпанова, Ю. Мазурова, Ю. Маслов, А. Махбубех, Н. Мечковская, О. Михайлова, А. Мусорин, А. Мухина, т. Оранская, Н. Орлова, И. Рыжук, М. Рыбаков, А. Смирницкий, А. Соловьев, М. Хабишев, А. Хаймрай, с. Ходжаева, М. Черепанов, Н. Шарафутдинова, А. Штанов, с. Яхонтов и других.

Целью статьи является рассмотрение страдательных конструкций в контексте философии и психологии языковой полисистемы. Предметом – специфика функционирования оных на фоне особенностей арабского языка.

Показательными, по-нашему мнению, представляются особенности бытования языковой системы, позиционируемые как основополагающие для корректного развертывания процесса коммуникации в самом широком смысле (со своим *Я*, *Другими* и так далее). Именно поэтому критичным нам представляется осознание того, что слово и предложение, как и их логические аналоги, – понятие и суждение, – не идентичны. Так, во многих случаях, понятие может быть соотнесено со словом, суждение – с предложением, но при этом наличествуют определенные категории слов, которые прямо не выражают определенного мыслительного содержания (к примеру: служебные слова и междометия) [20, с. 19].

В этом смысле язык можно позиционировать в качестве особой формы и среды для положенного смысла, но лишь в том случае, если формой считать свойство одного приобретать необходимые конкретному индивидууму смысловые очертания, что, в идеале, обеспечивает понимание последнего окружающими, а средой – осознание языковой полисистемы как продукта с определенными характеристиками [4, с. 3]. То есть – конкретную реализацию передачи

смысла с естественным нивелированием его части, разворачивающейся вследствие ограниченности структуры отдельного языка (фонетического, лексического, грамматического, синтаксического, деривационного и прочих его уровней) [4, с. 10].

Поэтому не удивительно, что мысль, как правило, выраженная посредством слов либо их сочетаний, может также репрезентироваться через грамматические средства. То есть именно не лексические, а грамматические средства могут передавать информацию о завершенности либо незавершенности действия, времени его развертывания (совершения), истинности или ложности его деяния и тому подобном [20, с. 19]. Последнее приводит нас к мысли о позиционной универсальности языковой системы, корневые «контуры» которой дублируются на разных уровнях, обеспечивая полиинтерпретационность положенного смысла, что является гарантией корректной репрезентации большей части информационных данных.

Что касается арабского языка, то он дифференцируется на три видовые группы: классический, современный литературный и, собственно, разговорный. При этом изначально первый позиционировался как язык искусства и науки, но впоследствии (после европейского Возрождения) был заменен вторым, вытеснив его в религиозную сферу бытования. Третий же актуализирован в дискурсе государственного управления, средствах массовой информации, научных изысканиях, системе образования и так далее. При этом необходимо помнить, что арабский язык стал традиционным языком науки и литературы во многом благодаря роли персоязычных народов, принявших участие в продвижении арабского завоевания на восток, в результате чего в регион Центральной Азии пришла мощная волна арабского и персидского языков. Следует помнить, что грамматика современного литературного арабского языка представляется более упрощенной, соразмерно классического варианта. Что же до упомянутого языка средств массовой информации, то они, как уже было сказано, актуализируют вышеупомянутый вариант, представляющий единство всего арабского мира без примесей местных диалектов в его структуре [14, с. 19].

В этом контексте любопытным представляется такой языковой феномен как страдательные конструкции представляющие собой специфические элементы, в состав коих входят страдательные причастия либо сказуемые, репрезентированные в форме возвратного глаголом. Суть последних в указании на отдельные аспекты взаимодействия одного предмета с другим, фактически, это стратификация системы «Я – Другой», экстраполированная посредством внутриязыковой семантической детерминанты, превалирующей в смысловой цепочке. К примеру: *Яблоко, отданное детьми; Снег, заливаемый лунным светом* и так далее. Отметим, что подобные конструкции частотно локализируются более в научном и деловом дискурсе, нежели, к примеру, искусствоведческом и прочих [6, с. 375] и, как правило, представлены парой глаголов, находящийся один с другим в специфических отношениях. Наиболее ярко эту тенденцию можно проиллюстрировать вот такой схемой:

«Омега упреждает Альфу» = «Альфа ведома Омегой».

Таким образом, можно сделать вывод, что употребление форм действительного либо страдательного залогов лимитировано первичным компонентом предложения, который мы берем в качестве основы: *Иван любит Марию* или *Мария любима Иваном* в основном означают одно и то же, однако они не синонимичны во всех отношениях, поэтому их сосуществование представляется нам весьма гармоничным. Последнее связано с тем, что они представляют собой разные аспекты смысла: в первом случае идет речь о деянии, находящемся в настоящем времени, произрастающим из прошлого, и при этом позиционирующемся в качестве законченного процесса, который продолжается в виде результата, инерции действия; во втором – деяние происходит в настоящем времени и оно не завершено, не имеет темпорального лимита: *была, есть, будет любима*.

Как правило, лицо или предмет, находящийся в центре внимания в данный миг конвертируется в подлежащее предложения, в то время как глагол модифицируется через форму действительного или же страдательного залога. То есть, проанализировав все случаи актуализации страдательного залога, можно смело утверждать, что выбор последнего предопределяется рядом причин, в коих активное подлежащее:

- неизвестно или не может быть установлено;
- проясняется контекстуально;
- скрыто соразмерно иных причин;
- указано, но вследствие предпочтения говорящим пассивной конструкции, остается неактуализированным;
- не задействовано по причине корневой роли пассивной конструкции, которая выполняет «стыковочную» роль, облегчая соединение предложений.

Закономерно, что в многочисленных случаях крайне важным представляется дифференциация синтаксических и понятийных категорий. Последнее особенно важно по причине того, что пассивность/активность глагола предопределена его формой, поскольку мысль имеет тенденцию к представлению как через действительную, так и страдательную формы. То есть упомянутое разграничение, базированное на признаках активности/пассивности можно позиционировать не только исключительно в синтаксических, но и понятийных категориях. Это приводит нас к детализированному анализу значения последующих глаголов каждого отдельно и лишь тогда, когда разворачивается процесс транспозитивирования во взаимоотношениях между подлежащим, с одной стороны, и глаголом – с другой.

Наиболее ярко это можно проследить, выделив следующие особенности арабского языка, сопоставимо с языком английским:

1. Для арабского языка характерной является основа производная от корня, состоящего из трех, иногда – одной, двух либо четырех согласных фонем. При этом, по умолчанию, части речи формируются посредством особых четких правил: посредством сочетания корня и фиксированных словосочетаний, аффиксов и звуковых изменений. Это обуславливает специфичность структуры либо нескольких структур частей речи.

2. Характерным для арабского языка является также наличие номинативного предложения, позиционируемого в качестве аналога английского простого предложения с глаголом *to be*.

3. Специфичны также и временные формы арабского языка: функционирует только одна форма настоящего времени, соразмерная английским формам простого и длительного времени. Также наличествуют две формы прошедшего времени, соразмерные простому прошедшему и длительному, однако их актуализация в языковой практике отлична. Первое соответствует описанию деяния, свершенного в прошлом, а второе – для описания деяния, фоном для коего развертывалось второе. Также оно используется для репрезентации рутинных либо повторяющихся действий. Кроме того, для арабского языка характерно отсутствия формы, соразмерной английскому *present perfect*: это компенсируется формой простого прошедшего.

4. Примечательно, что окончанием арабского глагола выражается форма лица и числа, посему личное местоимение не является обязательным для использования, что характерно для английского языка. Также любопытно, что для арабского языка не характерно наличия фразовых глаголов, однако их управления требует своей специфики согласования. Так, прилагательные должны наличествовать опосле существительного, что является непреложным для грамматики арабского языка.

5. В арабском языке нет различий в формуле принадлежности для одушевленных и неодушевленных существительных, например *kitab albint = the girl's book* и *bab albeit = the door of the house*. Для формулирования вопросов используется специальная частица *gal*, соответствующая английским вопросительным словам *how, who, where*. Она ставится в начале предложения, однако не изменяет порядок слов.

6. В английском языке преобладают аналитические формы выражения грамматического значения, арабский язык – флективный синтетический. Отсюда различия в структуре предложения, порядке слов, согласовании. Например, в арабском языке структура предложения может быть как П+С+Д (подлежащее – сказуемое – дополнение), так и С+П+Д (сказуемое – подлежащее – дополнение). Для английского языка характерна только формула П+С+Д.

7. В английском модальность выражается с помощью таких глаголов, как *can, may, might, must, should, would*. В арабском языке модальность выражается с помощью специальных частиц, вводных конструкций и особой формы глаголов. Кроме того, в арабском языке нет существенного различия в семантике между модальными частицами, как, например, у английских *must, have to, should/ought to*.

Таким образом, если говорить о формах страдательного залога, то во многих языках их употребление подвергается определенным ограничениям, которые не всегда легко объяснимы. Глагол *have (have got)* «иметь» в своем основном значении редко употребляется в страдательном залоге (но может употребляться так: *This may be had for twopence at any grocer's* (Это можно купить за два пенса в любом бакалейном магазине)). Кроме того, отдельные исследовате-

ли возражают против предложений типа *This world ought to be pronounced differently* (Это слово должно было бы произноситься иначе) или *Her name will have to be mentioned* (Ее имя должно быть упомянуто). В некоторых языках непереходные глаголы в формах страдательного залога вполне обычны: сравним латинские *itur, utum est, curritur*, немецкие *es wird getanzt* и даже *Was nützte es auch, gereist müЯte werden; man müЯte eben vorwärts, solange es ging*, датские *danses, her må arbejdes*.

Таким образом, страдательные конструкции (в частности – залог) представляются одной из форм и средой для бытования положенного смысла, репрезентирующей склонность языковой системы к вариативности и полиинтерпретационности выражения информационных данных. С позиции языковой прагматики упомянутые конструкции не являются идентичными (по сравнению с действительным залогом), поскольку лимитированные темпорально, они мотивированы диаметрально противоположным образом (действительный – прошлым, страдательный – будущим). Кроме того, не смотря на семантическую близость, наблюдается существенная разница в реализации значения таких конструкций (пассивность/активность), а также их бытования в языковой полисистеме.

Список литературы

1. Балаж Л. Габор К морфологической типологии славянских языков // *Repository of the Academy's Library* [Электронный ресурс]. URL: http://real.mtak.hu/47090/1/SSS_2016.1_2.004_Balazs_u.pdf (дата обращения: 11.10.2021).
2. Берков В.П. Работы по языкознанию. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 652 с.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: учеб. пособие. М.: Добросвет-2000, 2003. 544 с.
4. Довгань А. Смысл на грани. Язык как средство опознания и распознавания реальности // LAP Lambert Academic Publishing. 2014. 60 с.
5. Еспенсер О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 331 с.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
7. Козлов М.А. Типология релятивной аффиксации как структурной доминанты функционально-семантической категории числа в языке пушту (в сопоставлении с русским и родственными иранскими языками): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 193 с.
8. Кочерган М.П. Введение в языкознание// *Uchebniki Online* [Электронный ресурс]. URL: https://uchebnikionline.com/documentovedenie/vstup_do_movoznavstva_-_kochergan_mp/flektivni_movi.htm (дата обращения: 11.10.2021).
9. Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // *Исследования бесермянского диалекта* [Электронный ресурс]. URL: <http://beserman.ru/publications/I.5%20Kuznesova%20Possessivy.pdf>. (дата обращения: 11.10.2021).
10. Леков И. Отклонения от флективного строя в славянских языках // *Вопросы языкознания*. М., 1956. №2. С. 18-26.
11. Махбубех А. Особенности пассивных конструкций в русском языке в сопоставлении с персидским языком // *Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 67-68.

12. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 240 с.
13. Мусорин А.Ю. Основы науки о языке: учеб. пособие. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. 196 с.
14. Мухина А.Н. Взаимовлияние английского и арабского языков на основе англоязычных печатных изданий СМИ Египта, Саудовской Аравии и Южного Судана. СПб., 2016. 89 с.
15. Рижук І.П. Розряди слів в давньогрецькій та арабській мовах // Сходознавство. Київ. 2006. №35/36. С. 148-157.
16. Рыбаков М.А. Вопросы функционирования и развития языка в аспекте морфологической типологии // Вестник Российского университета дружбы народов. М.: Серия: Лингвистика. 2003. №4. С. 26-32.
17. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., 1998. 319 с.
18. Хабишев М. Карачево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971. 306 с.
19. Ходжаева С.О. Адвербиальные, атрибутивные и объемные глагольные словосочетания в разносистемных языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе: 2015. 40 с.
20. Черепанов М.В., Орлова Н.М. Введение в языкознание: учебное пособ. Саратов: ИЦ Наука, 2011. 262 с.
21. Языки мира: Новые индоиранские языки / РАН. Институт языкознания; ред. кол.: Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2011. 896 с.

Т.В. Аникеева

T.V. Anikayeva

*Минский государственный лингвистический
университет (Минск, Беларусь)*

Minsk State Linguistic University, Minsk

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ДЕНОТАТИВНО- СИГНИФИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы соотношения формальной и содержательной сторон прецедентного феномена как текстовой единицы в аспекте динамического взаимодействия между номинативной единицей и его сигнификативным содержанием.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, лингвистическая транспозиция, неопределенно-референциальная номинация, семантический сдвиг.*

SEMANTIC SHIFTS IN DENOTATIVE-SIGNIFICATIVE STRUCTURE OF A MODERN LITERARY TEXT PRECEDENT PHENOMENON

The article deals with the correlation between the formal and semantic aspects of realization of a precedent phenomenon as a textual unit. It is carried out with the regard to dynamic interrelation of a phenomenon as a nominative unit and its significative contents relation.

Keywords: *precedent phenomenon, linguistic transposition, non-defining referential nomination, semantic shift.*

Усложнение современного семиотического пространства, причиной которого служат процессы межкультурного переноса значимых аксиологических ориентаций, внедрения и взаимообмена в текстовом пространстве инокультурными и собственно культурными фрагментами знания приводит к возможности разнотипного отражения сегментирующихся и отражающихся в пространстве художественного текста фактов и явлений, значимое количество которых воплощается в единицах культурно-детерминированной семантики. Представление данных структур на текстовом уровне в форме разнотипных образований свидетельствует о необходимости разнопланового подхода к описанию характера соответствий между формальной и содержательной сторонами репрезентации данных единиц, что обуславливает актуальность данного исследования.

Особенностью воспроизведения прецедентного феномена в современном художественном тексте служит характер отношений, формируемых между внутренней семантической структурой прецедентного феномена и особенностями его воплощения на текстовом уровне. На уровне синтагматического воспроизведения специфика репрезентации кумулятивных прецедентов, ассоциированных с номинативными способами текстовой репрезентации, может свидетельствовать о возможности представления прецедента как единицы различной уровневой глубины семантической структуры и воспроизводить прецедент в виде единицы первичной, вторичной или косвенной номинации. Репрезентированный как единица вторичной номинации, прецедентный феномен фиксирует факт отбора языковой личностью одной из значимых для акта коммуникации аспектов функционирования прецедента и активно передает его в акте номинации при помощи акцентирования внимания реципиента на содержательной, формальной или оценочной сторонах в зависимости от прагматических целей адресанта. В качестве основы подобной спецификации выступает сложное взаимодействие культуры и языка, которое проявляется в асимметрии языковых и семиотико-культурных форм; тем не менее, сближение и взаимное отражение культурой значимых реалий при помощи языковых форм и обратное представление языком культурных и социумно-значимых единиц может носить определенную специфику, которая, в одном из наиболее значимых случаев, проявляется через репрезентацию культурных феноменов нескольких типов – фразеологизмов, паремий и прецедентов. Данные единицы известны как значимые для определенного лингвокультурного сообщества единицы, тип воспроизведения которых варьируется, но способен опираться на известную инвариантность [5, с. 216], что допускает возможность множественной формы их репрезентации в пространстве современного художественного текста.

Одним из терминов, определяющих данный тип изменений, происходящих в семантико-структурной реализации прецедента, является термин семантического сдвига. Семантические сдвиги широко представлены в исследованиях современной семантики и связываются с многочисленными гетерогенными процессами как языкового, так и неязыкового генеза. К числу движущих факторов, интенсифицирующих сдвиг в семантике языковых единиц в аспекте ак-

туального значения прецедента, относятся лингвокреативность и языковое творчество, являющиеся отправной точкой для языкового переосмысления уже имеющихся единиц, обозначающих реалии, и, соответственно, актуализирующих и преобразующих одну из трех основных сторон языкового явления – ценностную, содержательную или стилистическую [7, с. 8]. Особую роль в концепции сдвига, включающую изменения словоупотребительной практики, коннотативных способов репрезентации определенного языкового факта или расширения значений, принадлежит идее переосмысления, под которой понимается логико-языковая процедура смещения номинативного ракурса: *«Зовут его Василий Иванович. Почему же сразу как Чапаева, а, может, как Тёркина. Мало ли Васильев Ивановичей. Например, художник Суриков, или, скажем, архитектор Баженов. Или вот В.И. Агапкин, автор дембельского марша «Прощание славянки»»* [6]. На первый план в таких случаях выступают иные, зачастую сигнификативно или ассоциативно обусловленные компоненты значения прецедента, в основе которых лежит адаптация имеющейся реалии к нормам и ситуативно-обусловленным условиям ее реализации.

Прецедентный феномен современного художественного текста в его контекстуальной репрезентации демонстрирует две основные тенденции ассиметричного проявления формально-содержательных соответствий, в результате которых осуществляется прецедентная репрезентация и изменяется статус языковой единицы на приобретающий прецедентный характер: тенденция к употреблению стилистически маркированной лексемы, функционирование которой обусловлено фактором выхода из употребления соответствующей реалии, что позволяет использовать не только признаково-сигнификативный, но и коннотативно-экспрессивный ресурс соотнесения данной единицы со знаниями, присутствующими в когнитивной базе и актуализирующими представления, характерные для определенной культурно-исторической эпохи или периода: *«...за бильярдным столом подружился с коммунистическими аристократами: начальником тыла Хрулевым, адмиралом Кузнецовым, Василием Сталиным да Власиком, воеводой императорской охраны»* [8]. Значимыми факторами формально-семантического сопоставления при реализации прецедентного феномена служат примеры стилистического пересечения содержательных параметров языковой формы и содержательного аспекта языковых средств, к числу которых относятся процесс обратного воспроизведения стилистически маркированных, но позже вышедших из употребления коннотативно окрашенных языковых средств, где параллелизм семантики дополняется закрепленным за маркированным компонентом дополнительным значением: *«Николай, его помощник, а по-старому денищик, был далеко не пентью, и, если намекнул на разговор с шефом, значит, такой разговор планировался»* [2]. Семантика вышедших из употребления архаизмов *воевода* и *денищик* содержит в себе компонент “служение”, эксплицируемый в семантике данных форм (*денищик* закреплен в словарном описании как «солдат, состоящий при генерале или офицере в качестве казенной прислуги» как должность, распространенная до революции 1917 г. [3, с. 375]; «военачальник» в определенном народе [3, с. 233]). К подобным приме-

рам можно отнести и способы тематико-метафорического употребления определенных закрепленных за языковой формой понятий, свойственных сферисточнику или историческому периоду: *«И вот уже **среброкрылые птицы**, так в советских газетах для вящей красоты назывались воздушные лайнеры, выруливают к зданию аэропорта»* [6]. Возвышенность литературного слога, характерная для советской прессы, функционально указывает на особое коннотативное содержание лексемы *«среброкрылый»*, используемой для обозначения летательных аппаратов, в том числе, самолетов.

Другой тенденцией формирования прецедентного статуса единицы первичной номинации является фиксируемое в рамках контекста неопределенно-референтное соотнесение языковой единицы со спектром потенциально присутствующих ей сигнификативных реализаций. Определяющим в данном случае является динамический характер связки между означающим и означаемым, что позволяет путем «нащупывания референта» очертить круг значимых для лингвокультурного пространства ассоциативных связей, формируемых между именем как единицей номинации и способами текстового воспроизведения семантических характеристик, присущих прецеденту: *«Для тех читателей, которые **моложе авторов, следует пояснить: наш Олег Куваев – не тот, который «Масяня», а тот, который «Территория»**»* [1]. Соотнесение имени как номинативной единицы с ее характеристикой направлено на актуализацию информации о двух значимых в рамках русскоязычного пространства персоналиях: советском и российском мультипликаторе О.И. Куваеве и известном советском писателе и геологе О.М. Куваеве, носящем такое же имя и фамилию. К числу таких характеристик могут относиться референциальная сфера указания, где прецедент воспринимается как принадлежащая определенной сфере единица, обладающая функциональными чертами и носитель потенциала совершения действия, обусловленного его профессиональной или социальной принадлежностью. Связь, формируемая в данном случае между прецедентом и тематическим описанием, предполагает актуализацию отношений между именем как текстовым актуализатором и его актуализируемым тематическим признаком, перенос свойств деятеля и его отражение в зависимости от семантической функции. С понятиями, отражающими сущность переноса в языковом пространстве, отождествляется широкий пласт терминов, служащих для описания сущности осуществляемого процесса между различными уровнями языковой системы, однако, к наиболее частотному причисляется термин транспозиции, который позволяет отсылать к широкому спектру переходных явлений и фиксировать на грамматическом уровне результаты данного перехода, где транспозиционными признаются формы, закрепляющие частеречный переход (субстантивация, адвербиализация, прономинализация, адъективация). В случае семантической транспозиции изменению подвергается парадигматический статус единицы, сопровождающийся языковой заменой, располагающейся на оси парадигматических изменений (поиск и формирование отношений с синонимами или антонимами) [4, с. 519]. Транспозиция в отношении семантики прецедентного явления может пониматься синонимично понятию семантического сдвига

в силу динамичности мотивировочной связки между прецедентом как языковой формой отображения действительности и структурами значения, лежащими в основе семантической реализации прецедента.

Проанализированные подходы и примеры, принадлежащие современному художественному тексту, позволяют сделать несколько выводов относительно стратегий проявления семантических сдвигов в структуре прецедентного феномена современного художественного текста. Проявление описанных выше тенденций к коннотативной синонимии и неопределенно-референтному соотношению номинации с тематической сферой не только способствует реализации лингвокреативного потенциала текстовой реализации прецедента, но и открывает возможность формирования динамичной связки между референтом и его сигнификативным описанием, которая способствует соактивации нескольких метафорически схожих и значимых для лингвокультуры реализаций нескольких прецедентных феноменов. Особенностью проявления прецедента в текстовом пространстве является актуализация его коннотативного потенциала, где коннотация может быть определена как фрагмент дополнительного содержания языковой единицы, которая определяет его прагматический потенциал через создание стилистического или иного типа эффекта. Использование коннотированных единиц наряду с представленными в контексте немаркированными единицами позволяет эксплицировать прецедентный характер единицы первичной номинации, поскольку влечет за собой референциальное соотношение с определенной сферой-источником и типичным для нее ассоциативно-ценностным и ассоциативно-предметным кодом, позволяющим косвенно формировать контекстуальную прецедентность определенной единицы. Прецедентный феномен в таком случае выступает в качестве первичной номинации с языковой точки зрения, но формирующаяся контекстуально единица воспринимается как вторичная по отношению к своей текстовой репрезентации, где непосредственный прирост и формирование прецедентности происходит за счет выделения отдельного аспекта коннотативной репрезентации, что позволяет рассматривать ее как вторичный результат контекстуального осмысления. В значительной степени репрезентанты неопределенно-референциальных форм также демонстрируют тенденцию к реализации семантических сдвигов, поскольку предлагают множественность способов семантизации языковой единицы.

Список литературы

1. Авченко В. Олег Куваев: повесть о нерегламентированном человеке [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by> (дата обращения: 22.10.2021).
2. Алешковский П. Крепость [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by> (дата обращения: 22.10.2021).
3. Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров [и др.]. М., 1993. 1628 с.
4. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / В.Н. Ярцева [и др.]. М., 1998. 685 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кибиров Т. Генерал и его семья [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/library/timur-kibirov-general-i-ego-semya> (дата обращения: 22.10.2021).

7. Куманицына Е.И. Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: языковая игра в британских и североамериканских масс-медиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 28 с.

8. Терехов А. Каменный мост [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by> (дата обращения: 22.10.2021).

Н.В. Атаманова

N.V. Atamanova

Брянский государственный университет имени академика

И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

ЗВУКОВЫЕ ЭПИТЕТЫ В ПОЭЗИИ А.К. ТОЛСТОГО

В статье, посвященной лексико-семантическому анализу звуковых эпитетов в поэзии А.К. Толстого, представлены наиболее значимые в концепции индивидуально-авторского звукового мировидения адъективаты, рассмотрена их функциональная роль в создании пейзажа, проанализировано их семантическое своеобразие. Отмечено, что большая часть звуковых эпитетов употребляется для описания объектов мира природы, содержит в своем значении как звуковые, так и незвуковые, эмоционально-оценочные ассоциации. В семантике звуковых эпитетов обнаружены явления семантической сложности поэтического слова.

Ключевые слова: звуковая картина мира, звуковой эпитет, поэтический идиолект, семантика поэтического слова, А.К. Толстой.

SOUND EPITHETS IN THE POETRY OF A.K. TOLSTOY

The article devoted to the lexical and semantic analysis of sound epithets in the poetry of A.K. Tolstoy. The most significant adjectivates in the concept of the individual author's sound worldview are presented, their functional role in the creation of the landscape is considered, their semantic originality is analyzed. It is noted that most of the sound epithets are used to describe objects of the natural world, contain both sound and non-sound, emotional and evaluative associations in their meaning. In the semantics of sound epithets, the phenomena of semantic complication of a poetic word are found.

Keywords: sound picture of the world, sound epithet, poetic idiolect, semantics of the poetic word, A.K. Tolstoy.

Пространство природного мира в поэтическом идиолекте русского лирика и величайшего мастера пейзажных зарисовок А.К. Толстого – это гармоничное пространство, особое место в котором наряду с цветом отводится звуку. В художественном сознании поэта, его творческой лаборатории звук воспринимается как творческий зов, эмоциональный импульс, доминанта живого мира, насквозь пронизанного звуками – «стозвучными», «разноголосными», «сладкопевными». Звуковая гармония вселенной, состояние умиротворенности как в природе, так и в душе человека, актуализация мелодичного звучания во всех сферах бытия представлена в следующих поэтических строках А.К. Толстого, выступающих своеобразной поэтической установкой автора: «И всюду звук, и

всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало» (18). Безусловно, значимым языковым компонентом, помогающим создать эмоциональный настрой текста, усилить его выразительность и эстетическое восприятие, являются художественные образные средства, особое место в ряду которых отводится эпитету. Эпитет делает поэтическое произведение ярким, неповторимым, кроме того в условиях синтагматического контактирования лексем в пределах поэтического контекста позволяет конкретному слову реализовать дополнительные смыслы и тем самым расширить его семантические возможности. Безусловно, под эпитетом в этом случае понимается «характеризующее определение», «любое прилагательное... определяющее, поясняющее, характеризующее» [3, с. 4].

Звуковые эпитеты в поэзии А.К. Толстого занимают второе место в ряду перцептивных, «чувственных» образных прилагательных, играющих важную роль в построении языковой картины мира поэта [6, с. 66]. Опираясь на традиционное разделение мира на звучащий и молчащий [5], эпитеты можно классифицировать на характеризующие как наличие звука, так и его отсутствие. Среди «звучащих» эпитетов в поэтическом идиолекте А.К. Толстого особое место отводится адъективатам *звучный* (4), *звонкий* (9), *голосистый* (2), *певучий* (2), *громкий* (8), *крикливый* (2), *гудящий* (1), *ревущий* (1), *шумный* (7), безмолвие или отсутствие звука передается прилагательными *тихий* (43), *молчаливый* (4), *безмолвный* (7) [11].

Исключительно точно изображая природу, А.К. Толстой избирает из огромного пласта слов-звукообозначений определенные звуки, выражая с их помощью свое мироощущение и мировоззрение. Использование эпитетов, репрезентирующих звучание объектов природного мира, подчиняется устойчивой концепции индивидуально-авторского звукового мировидения: для поэта все то, что звучит, поет, значит – живет, развивается [1, с. 217].

Так, описывая звуки объектов водной стихии, А.К. Толстой довольно часто употребляет эпитеты *звучный* (река <36> [10], воды ручья <164>), *певучий* (река <144>, ключ <48>), *шумный* (море <145>), подмечая два состояния морской волны (*шумящее* море <170>, *ревущий* морской вал <49> и *спокойное* море <171>) и бегущей реки (« И так *река*, скалами сжата, Бежит сердитей и *звучней!*» <36>, «Он дал природе изобилье И бег *струящимся рекам*» <144>). Поэт, по мнению исследователей, «любил пользоваться приемом контраста и благодаря ему... создавал выразительный, запоминающийся пейзаж» [9, с. 167] (Цитаты из стихотворений А.К. Толстого приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках).

Звуки воздушного пространства (древесные объекты, птичьи голоса, звуки, издаваемые насекомыми) разнотональны: *крикливые* вороны <147>, *гудящие* шмели <146>, *звонкое* пение жаворонка <62>, *звонящий* гам лягушек <304>, *птичий* гам и свист <59>, *полдневный* шепот дубрав <90>. Всеобщее пение мирового пространства, поток звуков разного акустического плана, выражающий полноту бытия, безграничность существования (пение соловья в ветвях берез,

стрекоз в лугах, ручья в полях, пернатых стай в небе), олицетворяет жизнь, ее движение (*Всех месяцев звончее Веселый месяц май!* <138>).

Поэтические контексты А.К. Толстого показывают отсутствие резкой грани между звучанием и безмолвием, молчанием. Нередко это выражается посредством эпитетов. Так, в поэтических строках «Из мира звуков ныне в мир *безмолвный*. Нисходит к вам развенчанный певец!» <144> *безмолвный мир* означает «молчаливый», «беззвучный» и в то же время «невысказанный», мир звуков при этом выступает характерным антиподом беззвучного пространства. Безмолвие, отсутствие звуков может выступать внутренней составляющей человека, характерным признаком его состояния в определенный промежуток времени, не отменяя при этом звучания окружающего пространства: «И над обломками *безмолвен* я стою, И, трепетом еще неведомым объятый, Воскреснувшего дня пью свежую струю И *грома дальнего* внимаю перекаты» <16>. Проникая в эмоциональную плоскость, звук может восприниматься как некий вдохновляющий импульс, источник неясного происхождения, влияющий на душевное состояние героя: «Во мне звучал *немолчный глас*, В неодолимой сердца муке Невольно вырвались звуки, Невольно песня полилась!» <144>.

Как отмечают исследователи поэтического текста, звук может рождаться в душе поэта, раздаваться в непосредственной близости от него или восходить к дальним источникам, либо источник звука может быть поэту неизвестен [7, с. 458]. На уровне эпитетов это проявляется следующим образом: *случайный звук* <69>, *внутренние звуки* <144>, *тревожный гул* <42>, *колокольный гул* <144>, *смутный шум* <158>, *далекий звон* <3>.

Как видим, актуальная сема звука не всегда эксплицирована в прилагательном, как правило, образованном от имени существительного. Часты случаи актуализации семы звучания в существительном, прилагательное-эпитет в этом случае выражает иные ассоциации, связанные в большей степени с источником звучания или временем протекания звука, с эмоциями, оценкой звука: *птичий гам и свист* <59>, *соловьиная песня* <87>, *свист полночный соловья* <27>, *медный звон* <114>, *гусярный звон* <163>, *дневной шум* <146>, *тихий шепот вербы* <78>, *унылый звон* <144>, *веселый звон гитар* <294>, *грустный и звонкий смех* <4>.

Многочисленные исследования языка поэзии А.К. Толстого, в частности посвященные лексикографированию лексемного состава его поэтических контекстов, привели к мысли о том, что в семантике лексем наблюдается явление смыслового обогащения и углубления, приобретение в значении слова дополнительных контекстуальных оттенков [1; 2; 4; 6].

Своеобразный синтез узуальных и индивидуально-авторских значений обнаруживается, на наш взгляд, в семантике эпитета *тихий* (42), и в связи с этим представляет интерес для исследования поэтического языка А.К. Толстого. В Словарях русского языка адъективат *тихий* реализует шесть лексико-семантических вариантов, как эксплицитно, так и имплицитно реализующих сему звучания: 1. Слабо звучащий, едва слышный; негромкий. 2. Исполненный тишины, безмолвия. Ставший молчаливым, притихший (о человеке). 3. Такой,

где нет шума, большого движения, суеты. Без шумного веселья, развлечений. 4. Смирный, кроткий, не шумливый, не бойкий. 5. Спокойный, не бурный, без ветра, бури и т.п. 6. Медленный, не быстрый [8]. В поэзии А.К. Толстого это прилагательное обозначает не только чисто слуховые впечатления, но нередко и даже значительно чаще транспортируется в область зрительных и особенно внутренних (психических) представлений.

Одно из узуальных значений эпитета *тихий* «слабо звучащий, негромкий» реализуется в контекстах, посвященных описанию природного мира: «И *тихий шепот* вербы над ручьем» <78>, «И шепот струи, И *тихие речи*» <2>. В значении «исполненный тишины, покоя, безмолвия» *тихий* употребляется в том случае, если речь идет о всеобъемлющей тишине всего беззвучного пространства, в том числе и в состоянии сна: *тихий день* <71>, *тихий вечер* <34>, *вечерний тихий час* <24>, *тихий час меж сумраком и светом* <170>, *все тихо, объято молчаньем и сном* <15>. Лишь изредка в беззвучный мир врываются звуки, как правило, гармонирующие с состоянием всеобщего покоя, благодатного звучания: «И *тихо все кругом, и под моей ногой Так мягко мокрый лист шумит благоуханный*» <71>, «*Как тихо все кругом, как слышен моря шум!*» <55>. Данное значение в поэтических контекстах А.К. Толстого семантически сближается со значением «такой, где нет шума, суеты, движения», контаминируя собственно звуковое значение и переносное, связанное с восприятием звука, его влиянием на душу человека: «И на крыльце по вечерам, Внимая *тихим разговорам, Лягушек слушать дружный гам, Вдали звенящий слитым хором*» <304>.

Продуктивны в поэтическом идиолекте А.К. Толстого сочетания метонимического характера с адъективатом *тихий*: *тихий свод небес* <9>, *тихая улыбка* <145>, *тихая любовь* <261>, *тихое око* <143>, *тихий трепет в сердцах* <145>, *тихий привет* <169>, в семантике которых зафиксирован как звуко-световой синкретизм (*тихий свод небес*) с перемещением семантики от звуковой к световой, так и эмоциональный (*тихая любовь, улыбка, трепет*). В подобных примерах эпитет *тихий*, теряющий связь со звуком, способствует появлению признака «спокойный, ясный, умиротворенный».

Таким образом, звуковые эпитеты, выступая составной частью образной художественно-выразительной поэтической системы А.К. Толстого, отличаются особой эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, самобытностью, в семантическом плане смысловой осложненностью, неоднозначностью, в связи с чем по праву могут быть названы не только стилеобразующей чертой толстовского поэтического идиолекта, но и репрезентантом индивидуально-авторского мировосприятия. Анализ звуковых эпитетов в стихотворениях А.К. Толстого показал, что его поэтический язык заслуживает тщательного семантического и лексикографического исследования.

Список литературы

1. Атаманова Н.В. Лексико-семантическое своеобразие звукообозначений в языке поэзии Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого в аспекте лексикографического анализа слова // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность:

материалы IV международной научно-практической конференции (Брянск, 21-22 апреля 2017 г.). Брянск: БГИТУ, 2017. 220 с.

2. Voronichev O., Atamanova N., Mospanova N., Strekalova I. And all the worlds will have one start ... (on the semantic load of the lexical unit love in the poetry by A. Tolstoy) // XLinguae. 2018. Т.11. №2. С. 158-170.

3. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.

4. Лексико-семантические особенности поэтического языка А.К. Толстого: коллективная монография. Брянск: ООО «Новый проект», 2017. 199 с.

5. Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. 331 с.

6. Моспанова Н.Ю. Эпитет как одна из особенностей идиостиля А.К. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2020. №5. С.63-73.

7. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры. 2000. 680 с.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 25.10.2021).

9. Стафеев Г.И. Сердце полно вдохновенья. Жизнь и творчество А.К. Толстого. Тула: Приокское книжное издательство, 1973. 319 с.

10. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений в двух томах. Т.1. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1984. 685 с.

11. Электронные конкордансы к стихотворениям А.К. Толстого // NewSlov – программа автоматизированного составления и обработки словников. Казань. 2018. №12. 53 с.

В.А. Бурцев

V.A. Burtsev

Елецкий государственный

университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия)

Bunin Yelets State University, Yelets

СИНТАКСИС РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В данной работе сравниваются по семантическим параметрам высказывания из проповеди и научного стиля, построенные на грамматической базе условных сложноподчиненных предложений. Показано, что характер высказывания условных предложений в религиозном и научном языке имеет разную природу: означаемое первых – факты, означаемое вторых – события. Это обстоятельство рассматривается как основание для выявления стилистических особенностей синтаксических средств в проповеди.

Ключевые слова: *условные сложноподчиненные предложения, высказывания, русская православная проповедь, дискурс.*

SYNTAX OF THE RUSSIAN ORTHODOX SERMON: PROBLEMS OF DESCRIPTION AND TYPOLOGICAL PARALLELS

In this paper, the statements from the sermon and the scientific style, built on the grammatical basis of conditional compound sentences, are compared by semantic parameters. It is

shown that the nature of the utterance of conditional sentences in religious and scientific language has a different nature: the signified of the first are facts, the signified of the second are events. This circumstance is considered as the basis for identifying stylistic features of syntactic means in the sermon.

Keywords: *conditional compound sentences, utterances, Russian Orthodox sermon, discourse.*

Синтаксис русской православной проповеди включает большинство имеющихся в арсенале литературного языка конструкций, кроме откровенно разговорных форм. Однако в порядке визуальных наблюдений центральный синтаксический тип не определяется [2, с. 132]. Достаточно сложно указать и наиболее употребительные типы предложений. Анализ функционирования предложений в рамках их типичного употребления также приводит к выводу, что в области синтаксиса между проповедью как жанром церковно-религиозного стиля и остальными книжными стилями особых различий не существует. В работах, выполненных в этом ракурсе, делается вывод, что в тестах проповедей функционирование целого ряда типов предложений соотносится с употреблением этих же самых типов в других стилях. Так, например, описаны сложноподчиненные предложения (СПП) в работе [10], где их употребление сравнивалось с использованием тех же типов СПП в научном стиле. Другими словами, вопрос о специфике языка и стиля проповеди, в том числе синтаксиса проповеди по-прежнему актуален. В данной работе делается попытка скорректировать решение этого вопроса. Наш подход состоит в том, чтобы рассматривать не предложения, а высказывания и проводить стилистические различия, опираясь на это разграничение. Под высказыванием понимается предложение, грамматическое значение которого является связанным и согласованным с контекстом его употребления (см., например, [5, с. 189]). Такое значение будем называть когнитивным. В качестве объекта исследования разбираются условные предложения из проповеди и научного стиля.

Мы исходим из того, что в проповеди предложения употребляются так, что допускают только одно единственное осмысление высказывания. Например, предложение (1)

(1) *Истинная вера – это наш светоч* [6, с. 23]

может быть высказыванием в проповеди, только если пресуппонируется вневременное тождество денотатов. Возможность со стороны говорящего представить в своем высказывании ситуацию, в которой было бы отражено эпизодическое тождество денотатов типа *истинная вера была (будет, пусть будет) нашим светочем*, для религиозного высказывания неприемлема.

Предполагается, что подход, основанный на выявлении когнитивной приемлемости, претендует на полную определенность языковых фактов, поскольку всегда можно ответить на вопрос о том, какая информация, выражаемая высказыванием, является согласованной и связанной с контекстом. Этого достаточно для текстов типа проповеди, в которых мы имеем дело не только со стилем, но

и с дискурсом, т.е. с подсистемой языка, которая используется для выражения особой ментальности и особой идеологии [9, с. 43].

Мы начнем с того, что попытаемся разделить условные предложения на две группы по такому семантическому признаку условного предложения, как значение «посылка». Это значение установлено для него как для синтаксической единицы научной речи. В научной речи условные предложения «необходимы в доказательствах-рассуждениях, там, где высказывается предположение, допущение, а затем следует доказательство» [4, с. 338]). Если условное предложение – посылка, то в ко-тексте оно не может сочетаться со следственными словами (*следовательно, поэтому, потому*). Для научной речи этот признак является релевантным, но для религиозного стиля он исключение. Так, высказывание (2) из научного стиля не допускает для себя следственного ко-текста.

(2) *По-видимому, наиболее общий принцип, который Диксон считает само собой разумеющимся и даже не находит нужным сформулировать эксплицитно, – это принцип, который я назвал бы «Принципом сферы опыта». Принцип сферы опыта: *[Следовательно] Если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А (Дж. Лакофф).*

Между тем для высказывания (3) из проповеди следственный ко-текст существует:

(3) *Врагом нашим в деле искреннего покаяния является наше самообольщение, когда мы не хотим замечать тех согрешений, мыслей, движений греховных, которыми так переполнено наше сердце [Следовательно] Если человек впадает в какой-нибудь явный тяжкий грех и если совесть в нем не совсем сожженная и погибшая, она будет обличать в этом явном тяжком грехе [7, с. 21].*

Таким образом, мотивом образования условно-следственной связи предикативных единиц в религиозном высказывании (3) является пред-информация [3, с. 380], а в научном высказывании (2) – посылка. Другими словами, если подходить к сравнению данных примеров с точки зрения особенностей высказывания в контексте, то выявляется различие, которое, с нашей точки зрения, можно использовать для обоснования стилистической специфики синтаксиса в проповеди.

Хотя отношение предложения к предтексту (пред-информации) представляет собой достаточно результативный дифференцирующий подход, тем не менее он не способен различать все случаи. Контрпример к (2) представлен в (4). Такие высказывания в текстах научного стиля носят достаточно регулярный характер.

(4) *Семантическая область предикатов второго ранга ... охватывает значения локализации во времени и пространстве, характера протекания действия, его реализации, разные виды субъективно-модальной оценки... [Следовательно] Если вторичные предикаты отнесены к конкретному имени, то это последнее утрачивает предметную референцию и расшифровка смысла предложения требует его развертывания в пропозицию (Н.Д. Арутюнова).*

Поэтому требуются дополнительные средства дифференциации высказываний. Предлагается определять тип соответствия между пропозициями придаточных частей и теми онтологическими объектами, чьими обозначениями они служат, а именно фактами и событиями. Мы будем считать (исходя из характера примера (1)), что единственное истинностное значение пропозиции в данном контексте определяет ее как факт; если же пропозициональное содержание допускает разную концептуализацию, в частности, и утвердительное, и отрицательное значение, то это рассматривается как связь пропозиции с событием. Формальным средством обнаружения соответствия между пропозициями и типами онтологических объектов служит когнитивная приемлемость/неприемлемость парафраз с полярным значением (образуемым противопоставлением утверждения и отрицания) [8]. Рассмотрим примеры (5)-(6).

(5) *Но если по немощи нашей и придется нам опять впасть в те же грехи, в которых милосердие Божие простило нас, то мы не должны отчаиваться* [1, с.38].

(5а) *Мы немощны,*

(5б) *Мы впадаем в те же грехи, в которых милосердие Божие простило нас,*

(5а') **НЕВЕРНО, ЧТО, что мы немощны*

(5б') **НЕВЕРНО, ЧТО мы впадаем в те же грехи, в которых милосердие Божие простило нас,*

В высказывании (5) из проповеди по категории полярности противопоставлены (5а)-(5а') и (5б)-(5б'). Выражения (5а') и (5б') в качестве высказываний с отрицанием неприемлемы в проповеди (потому что без отрицания они составляют пресуппозиции – смысловые компоненты, которые обуславливают приемлемость целого высказывания в данном контексте). Следовательно, пропозиции придаточной части высказывания (5) в проповеди должны иметь единственное истинностное значение, т.е. являются фактами.

При анализе условных предложений научного стиля типа (6), выясняется, что парафразы придаточных с полярным значением порождают приемлемые варианты (6а), и также приемлемым является все высказывание.

(6) *Если два элемента x и y входят в один порядок и в одно семейство (т. е. взаимозаменяемы во всех последовательностях), то мы будем говорить, что они входят в один подпорядок* (И.И. Ревзин).

(6а) *Если два элемента x и y (не) входят в один порядок и в одно семейство (т. е. взаимозаменяемы во всех последовательностях), то мы будем говорить, что они (не) входят в один подпорядок.*

Таким образом, когнитивное значение условных предложений в проповеди и в научных текстах определяется разным механизмом производства высказывания. В проповеди предикативные единицы СПП условия выражают фактуальные пропозиции, в научных текстах – событийные. Следовательно, и высказывания, построенные на базе условных предложений в религиозном и научном языке, имеют различную природу: означаемые первых – это факты, означаемые вторых – это события. Употребление рассмотренных предложений

в этих сферах коммуникации является различным, что и служит основанием для выявления стилистических особенностей синтаксических средств в проповеди.

Список литературы

1. Архимандрит Кирилл (Павлов). Время Покаяния. Проповеди. М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. 189 с.
2. Бурцев В.А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний. Дис. ... д-ра. филол. наук. Елец, 2012. 446 с.
3. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Выпуск VIII. С. 370-387.
4. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: Учебное пособие. Пермь, 1972. 396 с.
5. Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
6. Николай, митрополит. Слова, речи и статьи. 1950-1954 гг. Т. 3 М.: Издание Московской Патриархии. 1954. 487 с.
7. Николай, митрополит. Слова, речи и статьи 1954-1957 гг. Т. 4. М.: Издание Московской Патриархии. 1957. 472 с.
8. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 34-72.
10. Щукина И.Н. К вопросу об отражении в языке проповедей особенностей русского национального характера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь. Вып. 4(10). С. 59-62 [Электронный ресурс]. URL: <http://rfp.psu.ru/archive/4.2010/schukina.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

Ю.Л. Дмитриева

J.L. Dmutrieva

*Горловский институт иностранных
языков (Горловка, Украина)*

Gorlovka Institute for Foreign Languages, Gorlovka

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «МАРФА ПОСАДНИЦА» С. ЕСЕНИНА

Описание особенностей вербализации пространственной модели мира в поэме С. Есенина «Марфа Посадница» ранее не было объектом исследовательского интереса, что обуславливает актуальность статьи. Автор даёт определение термину модель, приводит пример функционирования словообразовательной, метафорической и пространственной модели в современной лингвистике. Материалом для анализа является текст поэмы С. Есенина. Также в статье даётся дефиниция модели мира, указываются параметры построения пространственной модели мира. Автором выделены и проанализированы средства экспликации дистанционного признака и горизонтальности как параметров пространственной модели мира.

Ключевые слова: *Пространство, словообразовательная модель, метафорическая модель, пространственная модель, параметры.*

FEATURES OF VERBALIZATION OF THE SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN THE POEM «MARFA POSADNITSA» BY S. YESENIN

Description of the features of the verbalization of the spatial model of the world in the poem "Marfa Posadnitsa" by S. Yesenin was not previously an object of research interest. It determines the relevance of the article. The author defines the term model, gives an example of the functioning of a word-formation, metaphorical and spatial model in modern linguistics. The material for analysis is the text of the poem by S. Yesenin. The article also gives a definition of the world model, highlights the parameters of constructing a spatial model of the world. The author identifies and analyzes the means of explication of the distance sign and horizontality as parameters of the spatial model of the world.

Keywords: Space, word-formation model, metaphorical model, spatial model, parameters.

Изучение языка произведений С. Есенина остается актуальным в современном есениноведении. Объектом внимания исследователей становились как система концептов в лирических текстах поэта (см. работы Е.В. Михайловой, А.И. Лазовской, В.Б. Тюрина, Е.Н. Суворкиной и др.), так и особенности перевода стихотворений и поэм (см. труды Е.С. Хило, М.Ю. Меньшиковой, И. Макарем, Т.И. Колесник, М. Сордини и т.д.). Кроме того, исследуются интертекстуальные и интермедийные связи творчества С. Есенина с текстами авторов США, Германии, Китая, Великобритании, а также с произведениями русских литераторов различных периодов (см. работы О.Е. Вороновой, И.Н. Коржовой, Д.О. Котомцева, А.А. Корниловой и др.). Автором данной работы были проанализированы средства объективации образа дерева, в том числе и мирового, выделены как универсальные, так и индивидуально-авторские черты изучаемой единицы лингвокультуры, а также предприняты попытки анализа и описания вербальных знаков, выражающих специфику восприятия пространства в стихотворениях С. Есенина. Отметим, что изучение пространства в произведениях данного поэта ранее не было объектом исследовательского интереса, что обуславливает актуальность работы.

Цель статьи – выявление особенностей вербализации пространственной модели мира в поэме С. Есенина «Марфа Посадница».

В языкознании термин *модель* функционирует с 50-60-гг. XX в. Анализируемая единица метаязыка зафиксирована в словарях лингвистических терминов О.С. Ахмановой, Т.В. Жеребило, В.Д. Стариченка, Д.Э. Розенталя, Т.В. Матвеевой и др.

В современной науке о языке *модель* трактуется и как «абстрактное понятие эталона или образца грамматической, фонологической или иной системы и представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или его подсистем» [5], и как конкретный образец продуцирования языковой единицы. Например, А.Н. Тихонов и М.Н. Шанский при описании способов словообразования вводят понятие «словообразовательная модель», т.е. образец построения производных слов от производящей основы конкретной части речи. Так, дериват *посадница*, используемый С. Есениным в названии поэмы «Марфа Посадница», образован по модели «основа существительного со значением лицо мужского рода по профессио-

нальной принадлежности + суффикс *-ц-* со значением 'небольшой степени проявления признака, который назван мотивирующим именем существительным, прилагательным или глаголом'» [4]. Ср.: «Посадница – 1. Женск. к *сущ.*: посадник. 2) Жена посадника» [4].

Нами при исследовании на материале произведений С. Есенина образа дерева как базовой единицы лингвокультуры были выявлены и описаны метафорические модели, формирующие метафорический образ дерева. Например, «в строфах *Только знаю – багряной метелью / Нам листвы на крыльцо намело* (С. Есенин) репрезентирована метафорическая модель «стихия → дерево». Область её источника объективирована однокоренными словоформами *метель* и *намести*, которые выражают представление о перемещении объектов с места на место при помощи силы одной из природных стихий – ветра. <...> Область цели рассматриваемой метафорической модели вербализована лексемой *листва*, которая номинирует один из основных визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева» [2, с. 35].

В функциональной грамматике примером модели является пространственная модель ситуации, описанная А.В. Бондарко. Ученый рассматривает пространство как семантическую категорию, которая представляет собой и языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и функционально-семантическое поле. В состав данного поля входят разноуровневые средства русского языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений. Данное взаимодействие, согласно концепции А.В. Бондарко, может быть описано по основной пространственной модели $A+V+r+L$. Указанную модель он называет первичной. В ней « A – локализуемый предмет; r – пространственное отношение; L – локализатор. Кроме того, может быть введен четвертый – факультативный – компонент V – характеристика движения или местонахождения» [7, с. 20]. Рассматриваемая модель имеет четыре субмодели, по которым могут быть описаны статические средние и активные, динамические средние и активные ситуации локализации. Например, в синтаксической конструкции *Ой, как выходила Марфа за ворота...* [3, с. 7] локализуемый предмет (A) выражен именем собственным *Марфа*; пространственное отношение (r) эксплицировано предикатом *вышла*; локализатор (L) вербализован предложно-падежной конструкцией *за ворота*. Компонент V представлен сочетанием предиката и предложно-падежной конструкции. Глагол *выйти* передает значение перемещения в пространстве. Ср.: «Выйти – уйти откуда-либо, оставить, покинуть какое-либо место, помещение, пределы чего-либо» [4]. Аналогичное значение выражает предлог *за*, указывающий на «предмет, место и т.п., за пределы которого, дальше которого или через который направлено действие, движение» [4], и локатив *ворота*, т.е. «широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах); створы для запираения этого входа или проезда» [4].

Таким образом, модель позволяет детализировано представить изучаемую единицу языка, раскрыть сущность языкового процесса. Отметим, что И.В. Зыкова характеризует рассматриваемую единицу метаязыка лингвистического ис-

следования как структурную, поскольку она применяется при воспроизведении определенного явления действительности по заданным параметрам.

Однако в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило за данной единицей закреплено также значение «воспроизведение или схема чего-либо в уменьшенном или натуральном виде» [5]. В этом значении *модель* функционирует в лингвокультурологии и лингвоконцептологии. В указанных отраслях знания рассматриваемый термин входит в сочетание *модель мира*, которое употребляется наравне с такими единицами метаязыка, как *картина мира* и *образ мира* (см. подробнее [1, с. 197]). Отметим, что, согласно нашим исследованиям, *модель мира* традиционно функционирует в рамках таких наук, как психология, нейролингвистическое программирование, мифология [1, с. 199].

Под *моделью мира* принято понимать «(ментальный) способ (или форму) и результат воспроизводства (или репрезентации, представления человеком мира)» [6, с. 16] по заданным параметрам. В современной лингвокультурологии зафиксировано несколько описаний модели мира. Так, в работах В.Н. Топорова выделены базовые группы параметров описания модели мира, в их числе и пространственные параметры (см. подробнее [1, с. 200]).

Исследователи рассматривают пространство как один из основных и наиболее доступных для восприятия человеком феноменов онтологического мира (см. работы Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Ю.Л. Дмитриевой и др.). Его трактуют и как концепт (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Ю.А. Шаталина, О.В. Петрянина и др.), и как ментальную категорию (Е.А. Коротун, Л.А. Чернышёва, М.М. Давлатова и др.), и как фрагмент картины мира этноса (Е.С. Яковлева) или один из видов картины мира (Н.А. Серебрянская, В.В. Корнева и др.).

Мы рассматриваем пространство как модель, поскольку во всех работах, посвящённых данному вопросу, отмечается зависимость описания пространства от заданных параметров. Так, исследователи (Н.И. Толстой, В.В. Красных, И.В. Захарова и др.) указывают, что восприятие и отображение пространства антропоцентричны, т.е. невозможны без человека. «Пространство в русском языковом сознании, – пишет Е.С. Яковлева, – не сводимо ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является конкретным вместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими» [8, с. 20]. Оно, согласно концепции исследователя, характеризуется такими параметрами, как дистанционные признаки, горизонтальность и геоцентрическая ориентация. Данные параметры описывались также В.Н. Топоровым применительно к архаичной пространственной модели мира. Отметим, что В.В. Красных при построении зональной пространственной модели мира, характерной для русской лингвокультуры, также опиралась на выделенные параметры.

Так, традиционно пространство может быть представлено в горизонтальной плоскости (см. описание физической пространственной модели мира в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого). Это совокупность объектов, расположенных по мере удаления от центра – человека, воспринимающего и описывающего пространство. В поэме С. Есе-

нина «Марфа Посадница» эксплицированы несколько феноменов мира, которые выражают представления о пространственных зонах и их местоположении относительно центра – лирического героя поэмы. Ср.: *Ой, как выходила Марфа за ворота* [3, с. 7]; *Раскололся зыками колокол на вече* [3]; *Что нам Московия — как поставник блинный!* [3]; *Марфа на крыльцо праву ножку кинула, / Левой помахала каблучком сафьяновым* [3, с. 8]; *Новгород мне вольный ног не лобызает!* [3, с. 8]; *На соборах Кремля колокола заплакали, / Собирались стрельцы из дальних слобод* [3, с. 9]; *Кто-то воротится невредим в дом?* [3, с. 8]; *За окошко она наклонилась* [3, с. 10]; *Как по бильнице тропинка пролегла; / А пойдемте стольный Киев звать!* [3, с. 11] и т.д.

В данных примерах горизонтальное членение объективировано словами, называющими объекты культурно ассимилированного пространства (*ворота, вече, собор, Кремль, окно, дом, крыльцо, слобода*), а дистанционные признаки – вербальными знаками, указывающими на степень удалённости или расположение относительно центра модели (*правый, левый, дальний*). Ср.: «Ворота – широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах); створы для запираения этого входа или проезда» [4]; «Вече – народное собрание на городской площади как высший орган власти (на Руси X-XIV вв.)» [4]; «Собор – главная церковь города, монастыря» [4]; «Кремль – наиболее древняя часть старых русских городов, обнесенная крепостными стенами с башнями» [4]; «Окно – отверстие в стене здания или стенке какого-либо транспортного средства, предназначенное для света и воздуха» [4]; «Дом – жилое здание, строение» [4]; «Крыльцо – пристройка при входе в дом в виде площадки с лестницей (иногда под навесом)» [4]; «Слобода – торговый или ремесленный посёлок» [4]; «Правый – расположенный в той стороне тела, которая противоположна левой» [4]; «Левый – расположенный в той стороне тела, где находится сердце» [4]; «Дальний – отдалённый, далёкий» [4].

Кроме того, в тексте используются названия городов *Киев, Новгород, Москва* и *Московия*. Также автором употребляются относительные имена прилагательные, выражающие отношение к называемому производящей основой населённому пункту. Ср.: *Грамотой московскою извольню повелено* [3, с. 7]; *Царь московский антихриста вызывает* [4, с. 8]; *Стучитесь к новоградским дверям!* [4, с. 10].

В анализируемом произведении нет описания перечисленных локусов, они лишь названы С. Есенины. Кроме того, действие поэмы постоянно перемещается в горизонтальной плоскости из Новгорода (его домов, веча, собора, Кремля) в Москву и обратно. Только в конце поэмы указан *стольный Киев* как ещё один центр культурной жизни, к которому *пролегла тропинка*. Отметим, что лексема *тропинка*, номинирующая «узкую пешеходную дорожку, протоптанную людьми или животными» [4], в традиционной для русской лингвокультуры пространственной модели мира квалифицируется как указание на границу между пространственными зонами.

Следовательно, в поэме С. Есенина «Марфа Посадница» пространственная модель мира сконструирована по двум основным параметрам, а именно: по

дистанционному признаку (имена прилагательные *правый, левый, дальний*) и горизонтальности (имена существительные *ворота, вече, собор, Кремль, окно, дом, крыльцо, слобода, Киев, Новгород, Москва, Московия*, имена прилагательные *московский, новгородский*). Однако данное описание не является исчерпывающим, поскольку в произведении вербализован также параметр геоцентрической ориентации. Анализ его средств экспликации составит перспективу дальнейших исследований.

Список литературы

1. Дмитриева Ю.Л. Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира» // Восточнославянская филология. Языкознание. Горловка: Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. Вып. 3(29). С. 192-202.
2. Дмитриева Ю.Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. Донецк: Изд-во ГОУ ВПО «ДонНУ», 2021. №1. С. 33-38.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7-ми томах. Т. 2: Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. М.: Наука-Голос, 1997. 464 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinedic.net/efremova/index.php> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 10.10.2021).
6. Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2015. №2 (043). С. 13-24.
7. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996. 230 с.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Д.Ю. Елькин
D.Yu. Elkin

*Национальный университет Узбекистана им.М.Улугбека
(Ташкент, Узбекистан)
National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЗЫ ДИНЫ РУБИНОЙ

В статье предпринята попытка анализа языковых явлений, способствующих формированию идиостиля Д. Рубиной.

Ключевые слова: *вкрапления, авторские неологизмы, жаргонизмы, обценная лексика, культурные стереотипы.*

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF DINA RUBINA'S PROSE

The article attempts to analyze the linguistic phenomena that contribute to the formation of the idiosyncrasy of D. Rubina.

Keywords: *inclusions, author's neologisms, jargon, obscene vocabulary, cultural stereotypes.*

В творчестве Дины Рубиной, по нашим наблюдениям, проявляются жанрово-стилистические особенности русской прозы последних десятилетий, прежде всего – в пополнении лексики вкраплениями, авторскими неологизмами, жаргонными и даже обсценными лексемами.

Вкрапления в прозе Д. Рубиной разнообразны и зачастую неожиданны, очевидно, вследствие тесного переплетения языков, культур и судеб.

Культурные стереотипы в её произведениях неразрывно связаны с русской литературой: упоминание без комментариев Адама Козлевича в рассказе «Наследство», цитата «во глубине сибирских руд» в рассказе «Баргузин» (имя автора упоминать излишне). В этом же рассказе встречаем такой отрывок: «Особой популярностью пользовались в ее исполнении сцены расставания Катюши Масловой с Нехлюдовым, сцена у фонтана Марины Мнишек с Лжедмитрием, а также поэма Ольги Берггольц «Ленинградский метроном». Персонажи ее рассказов и романов спонтанно восклицают «Бегемот!» при виде громадного черного кота, имея в виду, разумеется, Бегемота из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», (рассказ «Кошки Иерусалима»), цитируют А. Чехова: «В Греции все есть» (рассказ «Долгий день в синеве и лазури») или читают стихи П.А. Вяземского:

Экипажи – словно гробы,

Кучера – одни гребцы.

Рядом грязные трущобы

И роскошные дворцы ... (рассказ «Снег в Венеции»).

Ср. также: «И думал он на невообразимой смеси языков, но слова «хохма», «ёжик» и Барышня мысленно произнес по-русски».[3, с. 22]. Даже знаковая для романа «Русская канарейка» кличка кенарей пяти поколений «Желтухин», очевидно, заимствована из повести А.Н. Толстого «Детство Никиты», но там так называется исключительно умный говорящий скворец.

Тем не менее, не следует недооценивать в творчестве Дины Рубиной и роли других этнических культур: узбекской и казахской, еврейской, проявляющихся в своеобразном смешении языков.

Например, о Николае Константиновиче Каблукове (Зверолове) говорится, в частности: «И *тюбетейка!* Он всю жизнь их носил: четырехгранные *чустские «дупти»* – твердые коробочки, с простеганными белой ниткой перцами-каламтир, самаркандские *«пилтадузи»*, бухарские золотошвейные ... Самые разные тюбетейки, любовно вышитые женской рукой» [3, с. 22].

В небольшом фрагменте романа, по сути, дается краткий ликбез по узбекским тюбетейкам. Кстати, автор подчеркивает, что Каблуков бегло говорил по-узбекски и по-казахски и мастерски готовил плов.

Домом для Желтухина Второго служит *исповедальня*, якобы выброшенная из Ташкентского костела за ненадобностью, так как костел собирались переделывать в овощехранилище. Из-за необычности, уникальности объекта и практического незнания молодым поколением религиозной атрибутики его позже именуют: *алтарь*, *купель* и даже *паперть*.

Прилавками называются предгорья в окрестностях Алма-Аты.

Ср. также названия казахстанских рынков: *Рахат*, *Аль-Фараби*, *Большак*, *Европа*, *Барыс-3*, *Барахолка*.

Приведем отрывок из романа, насыщенный иноязычными вкраплениями, которые, однако, требуют особого лингвокультурологического подхода.

«Опрятные корейки выставляли на прилавки миски со своими остропахучими салатами и закусками, всеми этими пряными морковками, капустами, грибами, трехухой, *фунчозой*, мясным и рыбным *хе*...

Сухие терпкие струи запахов – перец, куркума, *кинза*, *зира*, барбарис – витали над мисками...» [3, с. 66].

«...После работы Илья выскакивал из здания редакций и бежал на Зеленый базар: купить в забегаловке поджаристую кунжутную лепешку, острый домашний сыр с базиликом или запихнуть за щеку соленый *курт*» [3, с. 68].

Выделенные вкрапления остаются таковыми лишь для русского варианта русского языка, для русскоязычных жителей Центральной Азии они стали вполне обычными употребительными обозначениями пищевых продуктов, несмотря на необычность фонетического состава. К ним еще можно прибавить *морковчу* и *чимчу*, названные Диной Рубиной на русский лад. Более того, *чимчи* – острейшая пряная капуста стала своеобразным шутивным культурным символом корейцев Центральной Азии, на эту тему даже есть несколько добродушных анекдотов.

Трехуха также продается в виде *хе* – острого маринада из мясных продуктов.

Из узбекского языка заимствована лексема *курт*, наряду с целым пластом узбекской бытовой лексики.

Сравните также:

– баурсаки (каз.) – бугурсаки (узб.) – традиционное мучное изделие, как правило, готовится из пресного или дрожжевого теста в виде небольших пончиков (ромбовидной или круглой формы), изготавливаемых путем жарки во фритюре в казане?

– сорпа (каз.) – шурпа (узб.) – заправочный суп или мясной бульон, получивший распространение на Востоке, где он известен под различными наименованиями: шурпа, чорпа, шорпо, сорпа,

– казы – традиционная колбаса из конины, считающаяся деликатесом,

– кой басы – национальное блюдо казахов – отварная баранья голова,

– беташар – обряд открытия лица невесты (беташар – это обряд, традиционно проводимый на казахской свадьбе: невесту вводили в дом жениха и усаживали за ширму. При этом лицо ее закрывала шаль. После того, как собирались все приглашенные, торжественно выводили нарядную невесту и проводили обряд **беташар**).

– кыз узату – проводы невесты из отчего дома – важный этап казахской свадьбы*,

– шужуке – шужук – это колбаса из конины, которая подается как с бешбармаком, так и как самостоятельная холодная закуска.

Вкрапления по-одесской линии немногочисленны, очевидно, потому что основной язык общения в Доме Этингера – русский.

Например, такие как:

– бар-мицва (иврит) – праздник совершеннолетия подростка (ивр. בָּר מִצְוָה; буквально – «сын заповеди»), бат-мицва́ (ивр. בַּת מִצְוָה – «дочь заповеди», – термины, применяющиеся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

– мейдэле (идиш) – девочка, девушка

– мамзер – бастард

– синие (синенькие) – баклажаны

– банабаки – грузчики

– ватман – водитель трамвая.

А также, вкрапления по израильской линии:

– пита – простая лепешка, которая неофициально считается у израильтян народным хлебом (греч.)

– пита с фалафелем

– пита с хумусом (фалафель и хумус – закуски, приготовленные из бобовых)

– затравки – закуски

– шмарменная – «точка» питания

– фокачча – (**Focaccia**) итальянская лепешка из пшеничной муки, один из самых популярных древних видов хлеба

– фрипри – картошка фри

– соджу – традиционный корейский алкогольный напиток

– борго – это маленький населенный пункт, имеющий, как правило, крепостную стену (то есть, имевший стратегическое значение уже во времена Средневековья), но включающий в себя и те дома, что находятся вне ее.

– фенеки – мелкие пустынные лисички

– клавелитос (исп.) – гвоздики

– тарабука – ударный инструмент

– домнул (румынск.) – господин

– мехабель – террорист

– мистаарвим – псевдоарабы

– хипа – девушка, женщина легкого поведения; (блатной жаргон).

– талес – талес или талит (также талит, ивр. תְּלִיט) — молитвенное покрывало у евреев.

– шофар – ритуальный рог

– ингеле манс (идиш) – мальчик мой

* <http://www.bilu.kz/svadba.php>

– хамура – морда
– джо – информатор у разведчика
– абдитории – тайники
– тюлька – «утка» в переносном смысле, т.е. ложная информация
– бецирк – административное деление в Германии, означающее округ известного небольшого размера

кипиш – измененное со временем слово «хипиш» – названия одного из старых преступных промыслов – хипес.

1. крим., жаргон, крик, скандал, разборка

2. разг. шум, суета, суматоха, переполох.

– адиль (арабск.) – справедливый.

Для этого автора в высокой степени характерны стремление к авторским неологизмам разных типов, языковая игра (в том числе в области фразеологии), причем именно «на переименовании языков и культур», активное использование советского новояза. Немало в романе чисто словообразовательных неологизмов, которые через своеобразную внутреннюю форму, окказиональность образования создают возможность ярче оттенить изображаемые объекты.

Приведем примеры авторских неологизмов Д. Рубиной:

быдлянская жизнь; вееристые листья пальм; заблудистая сеть улочек; «ивангрозный» взгляд; среднетрамвайная внешность.

Иногда окказиональность создается необычным сочетанием:

мужчина ирландской масти; нехилые бабули; запоздалая голова;

колосящийся тенор.

Герои Д. Рубиной проявляют склонность к намеренному смешению лексем разных стилистических пластов, например: Элегантно *харчишь* на халяву...; Дора была женщина изумительно *стервячего* нрава...

Для Д. Рубиной чрезвычайно характерно употребление сокращений коллоквиального характера: академ (академический отпуск), конса (консерватория).

Автор не пренебрегает рискованной языковой игрой, так, испанская фамилия Робледо у дежурного бойца трансформируется в «товарищ Робляда».

Можно утверждать, что Д. Рубина – подлинный гражданин мира, однако формирование ее «культурного кода», индивидуально-авторской картины мира неразрывно связано с Ташкентом, с благословенным Югом, «со всеми вытекающими подробностями быта, дружб, соседства, некоего южного вавилонства, смешения языков и рас» [6].

Список литературы

1. Иконников С.Н. Стилистика в курсе русского языка VII-VIII классы: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1979. 224 с.

2. Калинина О.Н. Производные-неологизмы в российской прозе начала XXI века // Молодой ученый. Казань, 2019. №20 (258). С. 549-550 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/258/58950/> (дата обращения: 03.10.2021).

3. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин. К.1. М.: Эксмо, 2019. 960 с.

4. Казахская свадьба. Обычай и традиции казахской свадьбы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bilu.kz/svadba.php> (дата обращения: 03.10.2021).

5. Рубина Д. Биография [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dinarubina.com/biography.html> (дата обращения: 03.10.2021).

С.В. Коростова

S.V. Korostova

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

Southern Federal University, Rostov-on-Don

ЭМОТИВНАЯ КОММУНИКЕМА «ЧТО ЗА + N» В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается специфика реализации модели коммуникемы в русском классическом и постмодернистском нарративе. Особое внимание уделяется трансформации семантики эмотивного высказывания и прагматическому значению конструкции, зависящему от вводимого имени и его коннотации.

Ключевые слова: *эмотивный синтаксис, коммуникема, русский художественный текст.*

THE EMOTIVE COMMUNICEME «WHAT THE + N» IN THE TEXT OF RUSSIAN FICTION

The article analyzes the specifics of realizing the model of the communiceme in the Russian classical and post-modern narrative. Special attention is given to the transformations of the semantics of the emotive utterance and the pragmatic meaning of the construct depending on the introduced name and its connotation.

Keywords: *emotive syntax, communiceme, Russian fictional text.*

Особое место в системе средств репрезентации эмоций занимает эмотивный синтаксис. Оценочный статус синтаксических единиц, входящий в фоновые знания участников коммуникации, позволяет сделать коммуникацию более эффективной.

Интенции говорящего включают стремление воздействовать на собеседника, в случае с литературной коммуникацией – читателя-интерпретатора, который также является участником диалога. Коммуникативная модель, состоящая из двух принципиально различных субъектов, – говорящего, создающего текст, и адресата, определяющего сообщаемое, является общей как для спонтанной коммуникации, так и для художественного текста. По утверждению В.В. Степановой, «писатели создают формы и значения, которые предположительно понятны читателям или которые могут быть эксплицитно ему адресованы, которые возбуждают реакцию и которые вообще ориентированы на получателя, как это происходит в разговоре» [4, с. 135].

Эмотивный синтаксис в художественных диалогах представлен прежде всего эмотивным высказыванием, специфика которого в том, что эмотивный компонент занимает основную позицию в его смысловой структуре. В ряду эмотивных высказываний следует назвать восклицательное предложение, риторический вопрос, а также вопросительные конструкции, принадлежащие к

энантисемичным синтаксическим единицам. В коммуникативной цели эмотивного высказывания «доминирует намерение говорящего не сообщить что-либо, не побудить к чему-либо, не запросить информацию, а выразить эмоциональную оценку по отношению к чему-либо (ситуации общения, собеседнику, содержанию его высказывания, положению дел во внеязыковой действительности), например: *Тож же мне, друг называется!*; *А еще друг называется!*; *Он еще и кофе попивает!*; *Это я-то не знаю?*; *Вот тебе и разогрела!*; *До чего она хороша!* и др.» [3, с. 450].

К эмотивным высказываниям относится и коммуникема, т.е. синтаксическая идиома, которая представляет собой нечленимое предложение, предназначенное для выражения эмоционального состояния говорящего. Введение в художественный диалог эмотивных синтаксических идиом можно объяснить их универсальным характером: носители языка понимают эмотивно-оценочный смысл подобных конструкций благодаря представленной речевой ситуации и общим фоновым знаниям, которые делают избыточным авторский комментарий о том, какие эмоции испытывает персонаж. Эмотивная коммуникема, построенная по модели «Что за + N!», может выражать позитивное эмоциональное состояние героя или негативное в зависимости от содержания диалога и ситуации общения. Однако эмотивно-оценочный смысл самой конструкции непосредственно связан с лексическим значением имени существительного, входящего в состав идиомы.

Как показывают наблюдения над функционированием рассматриваемой эмотивной коммуникемы, в русском классическом нарративе она может выражать восхищение, восторг, удивление, например: « (...) *Нечего было тут прибавлять. Я молчал, и мне самому хотелось заплакать, смотря на нее, так, от любви какой-то. **Что за милый был этот ребенок!** Я уж не спрашивал ее, почему она считает себя способною сделать счастье Алеши» (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные). «*Она возвратилась в это утро опять к своему любимому состоянию любви к себе и восхищения перед собою. **Что за прелесть эта Наташа!** – сказала она опять про себя словами какого-то третьего, собирательного мужского лица. – Хороша, голос, молода, и никому она не мешает, оставьте только ее в покое...*» (Л.Н. Толстой. Война и мир, т. 2, ч. 3, гл. XXIII). Однако в конфликтных или предконфликтных речевых ситуациях коммуникема выражает недовольство или недоумение в зависимости от эмоционального состояния говорящего персонажа, например: « (...) *Вот я тебе и немца нанял. Но быть артистом по профессии – **что за блажь!*** (И.А. Гончаров. Обрыв). « (...) *Фу, черт, **что за гадость вы делаете, капитан!*** (А.И. Куприн. Поединок). «***Что за гадость, что за мерзкое положение: в 18 лет быть вечно под надзором!***.. (А. Потехин. В мутной воде).*

По данным Национального корпуса русского языка [1], коммуникема «Что за + N!» в современной художественной прозе вводится в диалоги в третьем повествовании и в речь рассказчика в перволичном. Однако чаще в состав конструкции входит именная лексема с негативно-оценочной коннотацией (*ерунда, чушь, галиматья, дурь, черт* и под.). Коммуникема может иметь форму

вопросительного предложения, в котором содержится обратный эмотивно-оценочный смысл, например: «*Жердык хотел выразить удивление или возмущение. **Что за вопрос?** (= нет вопроса) Как же он мог не узнать старинного друга?» (В. Войнович. Монументальная пропаганда). «(...) *Правда, они никогда не делали карандаши, да **что за беда** (= нет беды) – Ленин ведь тоже не ездил в метро» (В. Быков, О. Деркач. Книга века).**

Сопоставительный анализ функционирования эмотивной коммуникемы в классической и постмодернистской прозе позволил сделать некоторые выводы относительно семантики рассматриваемой конструкции. Реализованная в художественном тексте модель с восклицательной интонацией в большинстве случаев выражает полярные эмоциональные состояния: либо восторг, восхищение, либо недоумение, недовольство. Например: *Он вскочил с кресла, выхватил у нас ту книгу и закричал: откуда, откуда, черт бы тебя взял, **что за галиматья дурацкая!*** (Саша Соколов. Школа для дураков (1976)).

Вопросительная по форме, но не по семантике нечленимая конструкция имеет энантиосемичное значение, не содержит в себе запроса об информации, что типично для вопросительного предложения в прямом значении, например: – ***Что за беда? Припадок сердечный?*** (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия (1994));

*Прости, дорогой. **Что за вопрос** тебе достался?*

– *Пушкин, – сказал один.*

– *Прекрасно! – воскликнул дядя.*

– *Именно этого я не учил.* (Сергей Довлатов. Наши (1983)).

Противоположное значение у коммуникемы с вопросительной интонацией возникает именно тогда, когда контекст отражает речевую ситуацию с негативно-оценочным значением, например:

Папа часто говорил о том, что не хочет, чтобы его похоронили в земле.

- *Ну **что за радость** знать, что ты не исчез вовсе, а лежишь где-то под двумя метрами песка и гниешь потихоньку? Да еще под камнем!..* (М. Шишкин. Письмовник (2009)).

По данным Национального корпуса русского языка (Основной корпус) эмотивная коммуникема «Что за + N!/?» может иметь в своем составе следующие лексемы, распределенные по русским художественным текстам классической и посмодернистской литературы:

Имя существительное	Всего вхождений	Классический текст	Постмодернистский текст
Блажь?/!	13	4	9
Беда ?/!	214	200	14
Вопрос?	140	70	70
Гадость!	22	18	4
Горе?	17	15	2
Галиматья?	8	5	3
Дела?	60	23	37
Дурь?	8	5	3
Дьявол!/?	25	25	0
Ерунда?	95	35	60

Охота!/?	115	106	9
Прелесть!	89	75	14
Радость!/?	83	60	23
Хрен?	4	0	4
Черт!/?	167	107	60
Чушь?	120	40	80
Шут!	4	4	0
Шутки?	69	39	30

Таким образом, можно сделать вывод о преобладании в русском классическом нарративе реализаций модели коммуникемы «Что за + N» с лексемами *беда*, *охота* и *черт*, причем первая конструкция имеет в текстах позитивно-оценочное значение, а две последних негативно-оценочную семантику, например: «*Да и что за беда, если Матвей прошел по улице с какой-то знакомой женщиной под ручку, – в городе, почитай, все молодые люди так ходят*» (Г.М. Марков. Строговы. Кн.1). (в значении – нет беды); «*Однако, думал я _ умеют же они притворяться! Но к чему?? **Что за охота** меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?*» (И.С. Тургенев. Ася); «***Что за черт!** я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами*» (Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего).

В современной постмодернистской литературе наиболее типичные реализации рассматриваемой модели коммуникемы связаны с лексемами *чушь* и *ерунда*, например: «***Что за чушь собачья** попала мне в руки?!*» (Влад. Тучков. Русская книга военных); «*Контейнер медленно ехал вниз с холма, голоса полицейских удалялись. **Что за ерунда?** Юджин слышит размеренных стук шагов позади. В голову пришла безумная мысль – Сэм узнала, что он убил Моргенштерна, и теперь помогает ему уйти от полиции*» (Николай Желунов. Рагмор).

Обе конструкции выражают негативное эмоциональное состояние говорящего персонажа – недоумение, недовольство ситуацией. Входящие в состав коммуникемы имена существительные содержат негативно-оценочные коннотации. Лексема *чушь* в толковых словарях имеет следующее объяснение:

«**Чушь**, -и, ж. (разг.). Ерунда, нелепость. Ч. несет (порет) кто-н. (говорит полную чушь» [2, с. 878].

«**ЧУШЬ**. Искон. Из чужь (чушь после падения редуцированного ь и оглушения ж > ш), безаффиксного производного от *чужой*. Чушь буквально – «чужое», далее – «непонятное» и, значит, «бессмысленное»» [5].

Заметим, что в разных контекстах входящие в коммуникему лексические единицы могут обозначать как конкретный предмет, так и ситуацию, негативно оцениваемую с точки зрения говорящего, например: «*Девушка, ну **что за гадость вы курите**, разве можно*» (Е. Завершнева. Высотка); «*То-то я смотрю, она такая... Она ведь теперь замучается. **Что за гадость!** Ну и что она?»» (М. Роцин. Спешите делать добро).*

В результате проведенного исследования функционирования эмотивной коммуникемы «Что за + N!/?» в русском классическом и постмодернистском нарративе можно сделать вывод о преобладании в реализуемой модели нега-

тивно-оценочной семантики, связанной с вводимой в конструкцию лексемы с отрицательной коннотацией и переосмыслением значения вопросительной по форме нечленимой конструкции.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 09.10.2021).
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 907 с.
3. Пиотровская Л.А. О проекте словаря эмотивного синтаксиса // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Материалы Всероссийской научной конференции (11-13 ноября 2009 г.). СПб.: САГА, 2010. С. 449-455.
4. Степанова В.В. Слово в тексте. СПб.: Наука: САГА, 2006. 271 с.
5. Этимологический онлайн-словарь Н.М. Шанского [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения: 11.10.2021).

Н.В. Лешкова

N.V. Leshkova

*Горловский институт иностранных
языков (Горловка, Украина)*

Gorlovka Institute of Foreign Languages, Gorlovka

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОПОВЕДЬ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье предлагается рассмотрение стилистических особенностей построения православных проповедей как нашего периода, так и уже вошедших в историю материалов. Проанализировано содержания проповеди, своеобразие ее коммуникативного направления, уровень образованности, религиозности адресата и другие факторы, то что непосредственно влияет на стилистические ресурсы православной проповеди.

Ключевые слова: *православная проповедь, священник, прихожане, паства, текст, лексика.*

ORTHODOX PREACHING: STYLISTIC ASPECT

The article offers an examination of the stylistic features of the construction of Orthodox sermons both of our period and of materials that have already entered the history. The article analyzes the content of the sermon, the originality of its communicative direction, the level of education, the religiosity of the addressee and other factors that directly affect the stylistic resources of the Orthodox sermon.

Keywords: *orthodox sermon, priest, parishioners, flock, text, vocabulary.*

Стилистическую основу текста проповедей составляет книжная лексика, слова и словоформы (устаревшие, торжественные слова, старославянизмы).

В православных проповедях часто используются такие тропы, как метафора, антономазия, гиперболо, литота и др. С помощью метафор священник подчёркивает значение уже известных адресатам персонажей, связанных с христианством, и помогает увидеть их с новой стороны, по-новому ощутить значение их деяний: *Видимым образом это сошествие было представлено как нис-*

хождение огненных языков, каждый из которых почил на апостолах и даровал силу, мудрость и, главное, Божественную благодать, чтобы проповедовать и распространять веру Христову (Патриаршая проповедь после Литургии в праздник Святой Троицы. Патриарх Кирилл).

Антономазия является разновидностью метафоры, отличающейся специфическим объектом для переноса лексического значения – именем собственным. Например: *В ту пору возникла ересь, основоположником которой был не кто иной, как архиепископ Константинопольский Несторий, учивший, что Христос был рожден как человек, а потому неправильно называть Деву Марию Богородицей, а только Христородицей* (Проповедь в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

Гиперболы служат в православных проповедях священников преувеличению качества или признака, особенностью же использования гипербол говорящим является то, что с их помощью он изображает целые картины, совмещая гиперболу с другими риторическими средствами. Например: *А это означает, что те, кто умер, воскреснут со своими телами, а у тех, кто будет жить до последнего момента человеческой истории, изменятся тела. И это будут уже другие тела – тела реальные, но подобные тому, которым обладал Спаситель после Своего Воскресения* (Проповедь в праздник Вознесения Господня. Патриарх Кирилл).

Литота как явление, противоположное гиперболе и состоящее в преуменьшении качеств, свойств, значений, тем не менее, тесно связано с гиперболой и также служит преувеличению того, что сопоставляется с преуменьшаемым объектом или качеством.

Фигуры речи в православной проповеди разделяются на фигуры выделения и фигуры диалогизма. Одним из наиболее распространённых разновидностей фигур выделения, в свою очередь, являются добавления и повторы, к которым относятся в проповедях эпитет, плеоназм, синонимия, градация, реприза, анафора, интерпретация, многосоюзие и др. Такие риторические приёмы, как плеоназм и синонимия, используются в комплексе. Например: *И этим даром мы спасаемся – не своими силами, не своим разумом, не своим умением, не своей волей, но только силой благодати Божией, которая даруется нам в ответ на нашу веру* (Патриаршая проповедь после Литургии в праздник Святой Троицы. Патриарх Кирилл).

Градация применяется святителем Иннокентием особенно часто, причём проповедник достигает нарастания содержательного и эмоционального напряжения разнообразно и мастерски, сочетая градацию, как правило, с другими риторическими приёмами. Например: *Церковь нашу мы называем апостольской – прежде всего потому, что она была основана Господом через святых апостолов. А апостолы разнесли по всему миру Божественный дар, явленный в день Святой Пятидесятницы – день основания Церкви Христовой. Христианские общины, получившие этот дар через святых апостолов, стали образовывать местные Церкви, соединенные, однако, через Самого Христа во единое тело*

Церкви Вселенской. Именно поэтому Апостольская Церковь и существует до сего дня и распространена по всей вселенной, а те, кто распространял веру Христову, кто нес свидетельство о Христе распятом и Воскресшем, кто создавал местные общины, – продолжатели святых апостолов – стали именоваться равноапостольными (Проповедь в день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла. Патриарх Кирилл).

Для стиля православной проповеди характерно сочетание риторических и стилистических приёмов и средств выразительности в пределах одного предложения, высказывания, сложного синтаксического целого, что служит усилению экспрессивности речи, повышению силы её воздействия на слушателей.

Вторая разновидность фигур выделения – сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи, к которым относится эналлага (подстановка). Священники прибегают к такой разновидности эналлагы, как использование местоимения первого лица «я» вместо местоимения второго лица «вы» при описании тех чувств, которые должна испытывать паства. Проповедник говорит в этом случае, на первый взгляд, о своих чувствах и ощущениях: *И дай Бог, чтобы наши женщины, православные христианки, в полной мере были сегодня готовы – и духовно и, я бы сказал, интеллектуально – служить Воскресшему Спасителю* (Проповедь в Неделю 3-ю по Пасхе после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

Ещё одна разновидность фигур выделения – определения и сравнения, к которым относятся в православной проповеди сравнительные конструкции, перифраз, антитеза, оксюморон и др. Сравнения, используемые в проповедях, могут быть основаны на различных ассоциациях как религиозного, так и светского характера. Апелляции в сравнениях к христианским легендам, сюжетам из Священного Писания нередки: *Святые угодники являются через чудеса, чтобы еще и еще раз сказать нам: «Мы не умерли, мы живы! И не просто живы, но находимся там, где Бог совсем рядом, и можем вам, людям земли, живущим в каждодневных трудностях и заботах, помочь так, как не поможет никто – ни родственник, ни знакомый, ни друг, ни тот, кто имеет власть и силу на этой земле, – потому что мы рядом с Господом и молимся о вас Творцу неба и земли»* (Проповедь в день памяти святителя Николая Чудотворца после Литургии в Храме Христа Спасителя. Патриарх Кирилл).

В выборе проповедником, который является создателем, творцом оригинального текста, тех или иных стилистических и риторических приёмов, лексики отражаются его человеческие качества и особенности личности: глубокая эмоциональность, энциклопедическая учёность, стремление привести паству к вере не путём бездумного приёма её догматов, а путём раздумий и искренней убеждённости.

Список литературы

1. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2001. 480 с.
2. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 495 с.

3. Проповеди Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/patriarch /38019/> (дата обращения: 07.10.2021).

Н.В. Малинина

N. Malinina

*Государственный университет Кассино и Южного Лацио
(Кассино, Италия)*

State University of Cassino and Southern Lazio, Cassino

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье даётся попытка представить, как термин экология распространяется на язык. Нарушение норм языка ведёт к нарушению процесса социальной коммуникации. Экология языка рассматривается в таких разделах лингвистики, как культура речи и риторика. Экология языка распространяется и на современную художественную литературу, с её сложной повествовательной структурой.

Ключевые слова: экология, литературный язык, нормы, нарушения.

ON THE QUESTION OF THE ECOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article attempts to present how the term ecology is applied to the language. Violation of the norms of the language leads to a violation of the process of social communication. The ecology of the language is considered in such sections of linguistics as the culture of speech and rhetoric. The ecology of the language also extends to contemporary fiction, with its complex narrative structure.

Keywords: ecology, literary language, norms, violations.

В последнее время экология рассматривается как наука о взаимоотношении живых существ и образуемых ими сообществ с окружающей средой, при этом под словом «экология» подразумевается состояние среды, подвергшейся воздействию человека. Однако этот термин употребляется и по отношению к языку и его использованию, что связано с тем, что языковое состояние, как и сам процесс развития языка, подвергается воздействиям не только со стороны внешних причин, но и языковых явлений, находящихся за пределами литературного языка.

Основной задачей учёных, работающих в области рационального использования природных ресурсов, является минимизация того вреда, который человек наносит окружающей среде, поскольку любое разрушительное воздействие возвращается к человеку и отражается на его жизни самым пагубным образом.

Разрушения касаются атмосферы, биосферы (загрязнение промышленными предприятиями), ноосферы (когда речь идёт о том, что создал человек, как он строит здания, создаёт промышленные предприятия), что обуславливает активную деятельность экологов во всех указанных областях.

Подобные же явления отмечаются и в семиосфере (области смыслов), вне которой, как указывал Ю.М. Лотман, «нет ни коммуникации, ни языка» [4, с. 250].

Этот автор, по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский), выделял семиосферу не как сумму отдельных языков, а как «условие их существования» [4, с. 250].

Что охраняет экология языка? Во-первых, то, что «портит», влияет на изменение современного русского литературного языка. Литературный язык – язык, который имеет жёсткие нормы в области лексики и грамматики.

«Нормы языка обеспечивают формально-структурную правильность, основу общения, служа манекеном для примерки различной одежды – единиц языка» [2, с. 100].

Нормы языка – это предписания для говорящих использовать то, что входит в состав литературного языка и его грамматику, в то время как нормы вообще обозначают «все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы» [1, с. 6].

Русский национальный язык гораздо шире, чем литературный. В него входят литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, жаргоны, аргю.

Все эти разновидности наднационального языка обслуживают узкую сферу людей. Очень часто они имеют негативные коннотации и поэтому их проникновение в зону литературного языка как правило его не обогащает. Хотя отдельные слова всё-таки проникают в литературный язык в периоды социальных движений, которые и обуславливают потребность в таких словах.

Например, в 90-е годы XX века в состав русского литературного языка вошли такие слова, как *тусовка* («компания, круг общения», «любое значимое публичное событие»), *разборки* («выяснение обстоятельств какого-либо дела»), *крышевать* («охранять», «создавать крышу», «защищать от других рэкетиров»), *стрелка* («встреча для выяснения отношений») и др.

Другие слова не удержались, потому что сами явления действительности уходили из существования.

Следует отметить, что включение отечественной торговли, промышленности в мировую систему привело за собой поток иностранных слов, которые можно условно разделить на две группы:

пришло новое явление, новый товар, которого раньше не было и, естественно, вошло слово, чтобы его именовать: памперс, эспрессо, капучино.

проявление моды на заимствование: было русское слово, вместо него стали использовать заимствованное. В дальнейшем, в большинстве случаев это заимствованное слово уходило. Например, *праймериз* (то, что происходит в США. Иными словами, «избирательная кампания»).

Лингвисты стараются занять активную позицию, выражают своё отношение к этим явлениям, пытаются либо объяснить их, либо вступить с ними в борьбу. Это сфера экологической деятельности лингвистов.

Нарушения в сложившейся и достаточно стабильной системе смыслов ведут к нарушению взаимопонимания общающихся людей, т.е. составляют угрозу самому процессу социальной коммуникации. Поэтому борьба с неразумными заимствованиями, дублирующими русскую лексику (что ведёт к утрате внутренней формы слов), а также борьба с лексикой, выходящей за пределы литературного языка, и, как правило, несущей заряд негативных эмоций, является борьбой экологической в области семиосферы. Как отмечает Л.П. Крысин, «В употреблении иноязычных слов, так же как и в использовании всяких других языковых единиц, важно соблюдать правило целесообразности, коммуникативной оправданности: то, что принято в одном стиле речи, в одних условиях общения, может оказаться чуждым в другом стиле, в иных условиях общения» [3, с. 129]. Эта область экологии языка активно разрабатывается современной лингвистикой, занимая место, прежде всего, в таких разделах обучения, как культура речи и риторика.

Под культурой речи может пониматься не только её чистота, но и работа над точностью речи, поиском средств для её выразительности, установление контактов с адресатом, обострение его внимания.

Если мы хотим, чтобы наш язык оптимально проявлял свои возможности, то для этого нужно не только вести борьбу с негативными явлениями, но и повышать речевую культуру говорящих на языке людей. Надо стараться наиболее точно передавать мысль, организовывать внимание восприятия речи.

Есть еще один аспект, который, с нашей точки зрения, должен быть включён в сферу экологии языка. Хорошо известно, что язык самым тесным образом связан с мышлением (мыслительным процессом). Развивать способности, формировать мысль (пусть на уровне внутренней речи) и находить способы её адекватного выражения можно считать важным аспектом экологии языка. Такая работа особенно значима в области делового и научного общения. Она принципиально важна и при обучении будущих журналистов, но мы хотим обратить внимание и на особенности восприятия художественной литературы.

Современная литература нас тоже интересует в этом плане. На протяжении своего существования литература корректирует своё содержание относительно того, что происходит в действительности и в соответствии с этим меняет свою поэтику и стилистику (например, на протяжении XX века символизм, модернизм, соцреализм, постмодернизм и т.п.). На языковом уровне это и изменения в функциональном значении языковых единиц, обретение ими несвойственных ранее коннотативных значений.

Объект – человек и его внутренняя эмоциональная жизнь. Человек связан и с той действительностью, в которой он живёт, она оказывает влияние на его характер, поступки.

Предмет литературы в какой-то мере меняется, а это меняет форму художественного текста и язык. И современная русская литература тоже имеет особые черты, которых она не имела раньше. Поэтому анализ современных худо-

жественных текстов, позволяющий вскрыть особенности функционирования русского языка, тоже в какой-то мере включается в проблемы экологии языка.

Современная художественная литература (может быть этим и объясняется снижение интереса к ней) по-своему трудна для восприятия. Автор ищет понимающего читателя, предполагая в нём человека с близкой ему когнитивной базой, т.е. располагающего близким социо-культурным опытом, с запасом исторических и культурных знаний.

Попробуем показать это на одном примере из романа Михаила Шишкина «Письмовник» (2010).

Перед нами, на первый взгляд, переписка Сашеньки и Володи: она пишет ему, он пишет ей и т.д. Каждый пишет в основном про себя. Письма выходят за границы времени. Здесь нет прямого контакта. Раз он пишет про себя, он пишет много того, что понятно только ему. И тогда адресат должен попытаться восстановить ситуацию или нарисовать свою.

Центральной категорией литературы является время. Время – средство, а литература размышляет над тем, что сегодня происходит с человеком: в какой мере он стабилен, а что влияет на его изменения. Сегодня складывается представление о том, что сущностные качества человека не меняются. Нас интересует то, что в нас абсолютно, что в нас можно менять, а что нет. Категория времени рассматривается с точки зрения того, что такое человек, что в нём стабильно, а что может быть изменено. Ничего с людьми сделать невозможно, пороки есть пороки, что такое человек по своему характеру, эмоциональному складу, по поведению и в какой мере он подвержен изменениям.

Современная литература обратилась к проблеме времени как тому фактору, который способен проявить сущностные качества человека. Что в нём постоянно и стабильно? Что изменяется и может быть изменено под воздействием внешних факторов? Что является его абсолютными и относительными качествами?

«Письмовник» состоит из писем девушки и юноши, который служит в армии. Обнаруживается, что это письма из разного времени – начала XX века и его второй половины. Доминантой этих писем становится восприятие окружающего мира и чувства молодых людей, которые любят друг друга.

Это остаётся стабильно, мы отнюдь не сразу догадываемся о том, что это письма людей, которые даже не пересекаются во времени. Нужно понять временную соотнесённость. Первое письмо (Сашеньки Володе) начинается так: «Открываю вчерашнюю «Вечёрку», а там про нас с тобой» [5, с. 7] – действие происходит в середине XX века. Так маркируется первое письмо.

У него есть слова о том, что время наполнено военными событиями. «Оставалось только выбрать себе войну. Но за этим, понятно, дело не стало <...> Почему-то особенно бывает жалко невинно убиённого царевича в матроске» [5, с. 9]. Речь идёт о сыне царя, расстреле царской семьи в 1918 году.

С самого начала фиксируется время: начало и вторая половина XX века, что должно насторожить и настроить читателя на то, что письма написаны в

разное время. То есть с самого начала читателю задаётся некоторая интрига, которая не так просто вычитывается. Она должна держать внимание читателя и ответить на вопрос, зачем эти письма разобщены во времени.

Из первого письма Володи становится очевидно, что он идёт на войну (речь идёт о войне 1898-1901 гг.). Для описания военных будней герой выбирает слово «бомж», которого не было в обиходе того времени, оно вошло в словарный состав лишь к концу XX века.

Сашенька читает газету о научном открытии, не совпадающем по времени с военными событиями, о которых пишет Володя. Это нарушение говорит об условности временной структуры текста.

В её письмах доминируют пейзажные зарисовки («Смотрю на закат», «А небо какое!», «И запахи из сада!», «Лес на закате зубчатый», «В окне над головой звёздно-презвёздно» и т.д.), сцены из того, что происходило, когда они были вместе («Ты знаешь, я ведь тогда на даче приходила к тебе в комнату, пока тебя не было...», «Наши свидания у памятника...» и т.д.). В то время как из его первого письма мы узнаём, что он военный врач, проходил практику в больнице. Ему досталось обмывать бомжа, и он тихо с ним разговаривает: «И вот нам однажды привезли бомжа, которого сбила машина. <...> А я должен был потом убрать, помыть и отправить тело в морг. <...> Протираю губкой все его раны, шрамы – и тихо с ним разговариваю... <...> И вот так мыл его и разговаривал. Не знаю, помогло ли это ему в смерти, но мне это очень помогло жить» [5, с. 9-10].

Цель статьи – не анализ (в том числе лингвистический) романа Шишкина, а демонстрация того, насколько осложнилась повествовательная структура художественного текста и как необходима интерпретационная деятельность в школе, вузе, в библиотеках, клубах читателей.

Усложнилась вся система семиосферы, сфера смыслов, в которой мы живём, информация, которую человек получает из газет, радио, кино, телевидения и интернета. Человек настолько перегружен этой информацией, что детализировать её нет смысла. Изменяется сам способ представления действительности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. М., 1987. №3. С. 3-19.
2. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
3. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М.: Академия, 2009. 240 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
5. Шишкин М.П. Письмовник. М.: Аст, Астрель, 2011. 412 с.

З.Т. Мусабаяева
Z.T. Musabayeva
Академия логистики и транспорта
им. М. Тынышпаева
(Алматы, Казахстан)
Academy of Logistics and Transport
named after M. Tynyshpayev, Almaty

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ОБРАЩЕНИЯ К ПОЛОЖЕНИЯМ «ГРАММАТИКИ ГОВОРЯЩЕГО» В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА

Статья посвящена проблеме перспектив развития продуктивного двуязычия в Казахстане. Наблюдения автора за характерными особенностями русской речи соотечественников стали материалом для обоснования точки зрения на возможность формирования локального «казахстанского русского». Педагог-практик рассматривает происходящие изменения речевой культуры в обществе через призму вариантов позитивных шагов, не позволяющих обесценить сложившийся паритет языков и культур.

Ключевые слова: взаимодействие языков, высокая адаптивная способность, языковая трансформация, предпочтительная норма употребления.

SOME PREREQUISITES FOR APPEALING TO THE PROVISIONS OF THE "SPEAKER'S GRAMMAR" IN A BILINGUAL SOCIETY

The paper is dedicated to the problem of prospective development of productive bilingualism in Kazakhstan. Author's observation of the characteristic features of the Russian speech of compatriots have become a basis to the point of view on the possibility of forming a local "Kazakh Russian". A practicing teacher examines the ongoing changes in speech culture in society through the prism of positive steps that do not allow devaluation of the existing parity of languages and cultures.

Keywords: language interaction, high adaptive ability, language transformation, preferred norm of use.

Мир будущего – это Со-бытие, в противоположность
раздираемому распрями миру Само-бытия.

Олжас Сулейменов

Полиэтничность и, как минимум, двуязычность общества признаны исследователями языковой ситуации в Казахстане. Мы тоже писали, что история свидетельствует о продолжении великой традиции активного языкового взаимодействия, происходившего ранее и происходящего сегодня в естественных условиях культурно-бытового обмена [1, с. 143]. Но сегодня с сожалением констатируем, что при всей положительной направленности языковой политики государственные институты не могут существенно влиять на этот процесс, так как язык представляет собой большую и сложную диамически изменяющуюся систему, внесение изменений в неё извне требует тщательной проработки большого комплекса вопросов на научной основе.

Как известно, ещё в 1928 году Л.В. Щерба высказался о второстепенности традиционной классификации частей речи, основывающейся на значении и грамматических признаках слов (статья «О частях речи в русском языке»), исходя из неоднозначности и неполноты, а иногда и противоречивости принятых критериев. В заголовке статьи фраза «грамматика говорящего» используется в качестве идиомы, выражающей её основную цель и направленность, а именно – обобщить некоторые собственные наблюдения над русским языком казахстанцев в свете диверсификационных изменений, неизбежных и объективно признаваемых учёными.

Складывающаяся языковая реальность на просторах бывших советских республик в культурно-речевом контексте является предметом изучения лингвистов. С точки зрения педагога-практика видится одна сторона этого непростого явления: грамматика и употребительная речевая норма оказываются несколько оторваны от реальности, что усугубляет нежелание изучать русский язык в его академическом виде.

Таким образом, если «... русский язык – достояние всех этносов, живущих в стране», как справедливо утверждает Э. Сулейменова [4, с. 188] на основании выстроенной полихромной пирамидальной иерархии языков Казахстана, то несомненно и взаимное воздействие языков друг на друга. Доминантными в этом взаимодействии являются, конечно, казахский/русский как де-факто, так и де-юре. Более того, ещё раньше Е. Протасова с соавторами сделала вывод о том, что «русский язык в Казахстане из универсальной лингва франка постсоветского пространства (по умолчанию, тождественной российской языковой норме) стал трансформироваться в некий национальный вариант русского» [3, с. 257]. Авторы цитируемой публикации в течение достаточно продолжительного времени изучали особенности восприятия и уровень понимания негражданами Казахстана массива русскоязычных текстов публицистического и художественного содержания. Естественные трудности возникали у испытуемых при чтении произведений, насыщенных «казахизмами» и ориентализмами. На наш взгляд, несколько подмывает уровень чистоты проведённого эксперимента непрозрачностью образовательного и общекультурного уровня испытуемых. Но даже при этом общее заключение о влиянии особенностей лексического наполнения текстов на казахстанском русском видится абсолютно верным. Ответ на обратную сторону вопроса – в чём причина адекватности восприятия публикаций российской прессы нами, русскоговорящими казахстанцами при допущении неоднородности социально-образовательного уровня контингента – можно сформулировать так: несопоставимо большим объёмом присутствия российского теле- и радиовещания в Казахстане, не говоря уже о русскоязычном интернете. Слова типа *губернатор*, *дума*, *федеральный*, *Роспотребнадзор* и подобные, обозначающие чисто российские реалии, понятны нам и не приводят к оторопи, подобной той, что констатировалась в выше указанном исследовании на встречавшиеся в предложенных текстах слова *аким*, *айтыс*, *маслихат*, *ЦОН* и другие. Можно констатировать, что в

сложившейся ситуации, когда, согласно Сулейменовой Э., не наблюдается «изолированность (обособленность) казахстанского ареала от основной территории распространения русского языка» [4, с. 193], однако имеются явные изменения лексического состава в казахстанских текстах, продуцируемых на русском языке. В этой части ни о какой деформации (деградации) русского языка речи нет, более того, вслед за уважаемыми учёными повторим, что это один из исторических плюсов русского языка, выражающийся в его гибкости и высокой адаптивной способности.

Прогнозируемая трансформация русского языка в его казахстанский вариант в условиях активного коммуникативного двуязычия становится всё более реальной, если рассмотреть некоторые наши наблюдения над «функциональной» грамматикой говорящих по-русски соотечественников. Начнём с особенностей употребления некоторых предлогов. Сплошь и рядом слышим из уст казахстанских граждан независимо от национальности: *приехал с аула (с Костаная, с Уральска...); вышла с магазина, пришла с магазина; позвонили с акимата; я родом с Атырау (с Караганды, с Мангыстау ...)*, – что представляет собой явное уподобление казахскому обозначению местоположения (откуда) *ауылдан, Атыраудан, Ресейден*. Более того, эта тенденция распространяется следующим образом: *переписал с книги, взял с интернета*, что также объяснимо казахским *кітаптан көшірдім, интернеттен алдым*. Те же варианты встречаем в официальных текстах типа объявлений, рекламы: *Выезд с гостиницы «Казахстан» в 6:50, назад с Oi-Qaragai в 17:40. Маршрут пока работает по пятницам, субботам и воскресенья*. В подтверждение устойчивого характера подобных вольностей с русскими предложными конструкциями приведём пример из речи чиновника Министерства образования и науки РК: *«Большое количество университетов, но нет качества, поэтому мы сократили их количество из 80 до 50»* (сайт Ваigenews 06.10.21). Вот ещё один пример: *«Как сообщают СМИ, Академия гос.управления установила порог на знание государственного языка для поступления на госслужбу»*. Если первые образцы говорят об активном взаимодействии языков, выразившемся во влиянии грамматики доминантного казахского языка, а также о действии закона экономии языковых средств, то в последнем примере вынуждены констатировать явное снижение уровня речевой грамотности и нарушение нормы.

Предлог ПО также оказывается в приоритете у нерусских говорящих, опять же в связи с воздействием грамматики казахского языка, в официальном стиле которого употребительна конструкция НЕ ТУРАЛЫ, НЕ БОЙЫНША (о чём, по поводу чего-либо): *представим объяснение по ситуации, рассмотрен законопроект по землепользованию*.

Ещё один частотный казахский вариант русского предложно-падежного выражения – это игнорирование предлога К в сочетании с местоимениями и словами на букву «к»: *кому можно обратиться; какой группе мы относимся; подошёл красивой девушке, подъезжаем Караганде*. В этих случаях срабатывает как стремление к благозвучию, так и казахский аналог этих фраз:

кімнен сұрауға болады; біз қай топқа жатамыз; сұлу қызға жақындадым; Қарағандыға жақындадық.

То есть, если ещё в 90-ые годы прошлого века подобные языковые явления наука объясняла интерференцией, так как речь шла об обучении нерусской аудитории правилам русской грамматики, то в последние десятилетия таким словоупотреблением характеризуется русская речь преобладающей части этносов республики.

Несколько слов о глагольных формах в русской речи казахстанцев. *Встревался, возникался, помогался*, свидетельствующие о незнании залогов русского языка – одного из сложнейших разделов грамматики, не говоря уже о частотности менее грубых ошибок типа *обратились, вернулись, извиняюсь*, которые характерны и для определённой прослойки российских граждан.

На наш взгляд, всё более явно назревает необходимость научного рассмотрения подобных и некоторых других вариантов (включая родовые различия имён существительных, формы склонения числительных) или, как минимум, попыток упрощения русской грамматической нормы на базе формирования диагностических характеристик для разработки основ «казахского варианта русского языка». Говоря о языковой норме, мы придерживаемся следующего её толкования: «...языковая норма – это реализации языковой системы, принятые в данное время данным языковым сообществом в качестве образцовых или предпочтительных. Языковая норма соотнесена с собственно языковыми фактами (языковыми единицами) – их составом, образованием, сочетаемостью, употреблением» [2, с. 121].

Аксиологический взгляд на языковые реалии позволяет нам напомнить о подобных особенностях американского варианта английского языка (например, ненормативное употребление отдельных глагольных форм, нарушение правил использования некоторых предлогов и артикля the). Конечно, особенности культурно-политических, социально-экономических и чисто ментальных элементов во взаимоотношениях народов-носителей языков играют немалую роль в описываемых процессах сближения, смешения и некоторой диверсификации как русского, так и казахского. Не следует сбрасывать со счетов и временной фактор, а также продолжающуюся миграцию населения Казахстана, которая, по свидетельству статистики, остаётся не только этнически выраженной, но и социально окрашенной (к сожалению, республику покидает всё больше граждан с высоким культурно-образовательным и профессиональным статусом). Это не может не отражаться на снижении восприимчивости общества к нарушениям стилистических и этических норм коммуникации, которые приобретают массовый характер, как в письменной, так и разговорной речи.

Позволим в завершение статьи привести добротный обоснованный вывод группы исследователей, с которым мы солидарны: «...Если люди вне РФ будут продолжать учить русский язык и пользоваться им для своих нужд, находя его адекватным своим повседневным запросам, то постепенно локальные официальные варианты русского закрепятся в справочниках, словарях и

грамматиках» [3, с. 258]. Как преподаватель-практик отметим, что в описываемом процессе языкового сдвига необходим хорошо подготовленный корпус учителей русского языка новой формации, чутко улавливающих благодаря своему профессионализму происходящие изменения в культурно-языковой ситуации.

Список литературы

1. Букейханова Р.К., Мусабаева З.Т. «Некоторые итоги осмысления состояния и перспектив языкового развития в Республике Казахстан» // Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, 2019. С. 140-144.
2. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 441 с.
3. Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // Ad Imperio. Казань, 2017. №4. С. 231-263.
4. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. «Русский язык полиязычных мегаполисов Казахстана» // Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, 2019. С. 119-124.

О.В. Мякушкина

O.V. Myakuschkina

*Воронежский государственный университет
инженерных технологий (Воронеж, Россия)*

*Voronezh State University of Engineering
technologies, Voronezh*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена рассмотрению основных синтаксических средств воздействия в религиозном дискурсе на примере публичных выступлений главы англиканской церкви Дж. Уэлби. На основе проведенного анализа был сделан вывод о том, что наиболее частотным явлением на синтаксическом уровне является употребление императива, а также различного рода повторений для придания более эмоциональной окраски.

Ключевые слова: религиозный дискурс, приемы речевого воздействия, убеждение.

SYNTACTIC MEANS OF INFLUENCE IN RELIGIOUS DISCOURSE

This article examines the main syntactic means of influence in religious discourse on the example of public speeches of the head of the Church of England J. Welby. Based on the analysis, it was concluded that the most frequent phenomenon at the syntactic level is the use of the imperative, as well as various kinds of repetitions to give more emotional coloring.

Keywords: religious discourse, methods of linguistic impact, persuasion.

На всех этапах развития человеческой цивилизации религия была и остается одним из важнейших факторов, влияющих на мировоззрение и способ жизни каждого верующего, а также на отношения в обществе в целом. Религия задает человеку определенные правила поведения, принятые большинством или заинтересованной группой. Религия дает людям смысл для существования, ре-

шает экзистенциальные проблемы, вырисовывает картину мира, формируют взгляд на мир, людей и проблемы. С помощью религии у человека появляется определенная система ценностей, упорядоченное и понятное представление о бытии [3, с. 15]. Многочисленные достижения и поражения, взлеты и падения, подвиги и преступления как всего рода человеческого в целом, так и отдельных его представителей так или иначе были связаны с религией или даже непосредственно ею мотивированы. Религия была постоянным интегральным фактором человеческого существования. В значительной мере она сохраняет свое влияние и сегодня. В век компьютерных технологий, так же как и тысячи лет назад, значительная часть людей исповедуют ту или иную религию, относят себя к той или иной религиозной общине. Все это, безусловно, свидетельствует о необходимости исследования религии.

Исследование языка религии и определение особенностей его функционирования сложно без экспликации понятия «религиозный дискурс». Так, В.И. Карасик считает, что анализ религиозного дискурса позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии и представляет интерес для лингвистического изучения структуры институционального дискурса (где личность выступает как представитель той или иной социальной группы) и построения классификации типов дискурса [2, с. 3]. Язык религии – его лексико-грамматические особенности, стилистические средства и речевые акты – ориентирован на решение одной из базовых проблем религиозного дискурса, то есть поиска средств для адекватного выражения системы референций. Синтаксический уровень – это связь между грамматическим составом воздействующей речи и установкой реципиента. Наиболее распространенными морфолого-синтаксическими средствами воздействия в воздействующем дискурсе являются следующие: прямые вопросы, связки, уточняющие дополнения (дополнение наречиями и прилагательными, глаголы и наречия, относящиеся ко времени, порядковые числительные), средства создания иллюзии выбора [5, с. 227].

Синтаксические конструкции широко используются с воздействующей целью в качестве средств привлечения внимания адресата как в поэтических, так и прозаических текстах. Зачастую одновременно используется несколько синтаксических конструкций. Предложение и словосочетание считаются более крупными единицами стилистического анализа. Анализ публичных выступлений главы англиканской церкви Великобритании выявил тенденцию использования разных способов построения синтаксических единиц для создания эффективного речевого воздействия. Рассмотрим некоторые из них:

1. Анафора/ Эпифора

И.В. Арнольд представляет анафору как подвид повтора, где его элементы занимают место в начале предложения. Это средство речевого воздействия считается самым традиционным способом для акцентирования внимания слушателей на важных фактах с помощью повтора компонентов в сильной позиции – в начале синтагм.

Эпифора или «повторение слова в конце двух или более фраз» По мнению Ю.М. Скребнева, эпифора является антитезой анафорического повтора,

более того, данное понятие включает в себя повторение не только одного слова, а нескольких слов в конце фраз [4, с. 221]. Следует отметить, что эпитифора так же очень часто используется религиозными деятелями, так как с помощью данного способа воздействия они выделяют в своей речи ключевые элементы, обращают внимание на определенные слова, чтобы информация «впечатывалась» в сознание слушателей.

If you have learning difficulties, **if you have** other disabilities, **if you have** chronic illnesses, **if you are** of UK minority ethnic heritage, **if you are** poor, if you are old or in a care home, then if you contract Covid you are more likely to die. **If you are poor** and in a front-line occupation **you are more likely to get Covid**. If you risk yourself for others **you are more likely to get Covid**.

Yet we are not first and foremost an institution, not an organization. **We are not** our own to squabble over and seek to dominate. **We are** one small part of God's own people, a royal priesthood, a holy nation, called by God to declare the wonderful works of the one who called us out of darkness into God's marvellous light. **We are** a people of faith and hope.

We've damaged the Church. **We've damaged** the image of God. Most of all, **we've damaged** those we victimised, unconsciously very often.

. They say to us that on the **other** side of the frontier is the 'other' – **the other person, the other culture, the other race, the other nation, type, sort of people**.

'Love bears **all things**, believes **all things**, hopes **all things**', writes the Apostle Paul to the Corinthians

Асиндетон – отсутствие союзов в предложении, фразе или целого текста. Прибегая к компрессии текста, проповедник использует асиндетон для вовлечения слушателей в основную идею сообщения. Лишая союзной связи частей предложения помогает создать компактное высказывание, не отвлекая внимания слушателей на более мелкие детали и не рассеивая их внимание.

Add to that the vast rise in domestic abuse, in mental illness, in unemployment and financial hardship especially amongst small businesses the low paid and the entrepreneurial and we see that the virus makes its way directly or indirectly into every crack in society.

We see good things. Courage, self-giving, faithfulness to those around, communities pulling together for the common good, finding new life.

Эллипсис или отсутствие одного из главных членов предложения: сказуемого или подлежащего. Тенденция использования эллиптических предложений в тексте проповеди очевидна. Исключение из предложения подлежащего или сказуемого наделяет высказывание интонацией динамичной и живой речи, что, в свою очередь, погружает слушателей в атмосферу реальности.

We see bad things. Seeking self-interest. Divisions deepening. Other crises – of racism, of the economy, of hunger amongst children as well as adults, of the danger of mass unemployment.

Open borders, by contrast, allow the other to be part of ourselves.

Риторический вопрос. По словам И.В. Арнольд, риторический вопрос не предполагает ответа, так как «ответ в нем уже подсказан». Данное средство

воздействия придает выразительность фразы на эмоциональном уровне. Данный вид вопроса создает некую установку в психологическом плане, а именно реакцию на слова у паствы важно то, что с помощью данного вопроса можно показать эмоциональное восклицание, так как цель данного средства – привлечение внимания слушателей к тому факту или идее, которая важна для проповедника.

Who amongst us has not lent something to a friend, perhaps an item of clothing, and been dismayed when they treat it shoddily, letting it get dirty or perhaps torn?

How do we express our love for others in witness so that they understand that we care for them even if they make no decision to follow Christ?

What is economic cooperation for? What is our vision for it? Is it simply that the line showing economic growth on a chart goes up? Or is there something greater – more hopeful – driving policy development?

Очень часто используются императивные конструкции:

Think of the story of the Good Samaritan.

Overlay that kind of conditional friendship-making with the cultural and religious histories of our nation and you can see the potentially toxic mix for relations with other faiths.

May the grace with which you have fulfilled your present duties to these countries, to the Commonwealth and the international family of nations, help you to bring even greater honour to your future service in the years to come.

Remember – these were the issues on which major schisms in the church were based.

Для придания эмоциональной окраски и привлечения внимания слушающих используются конструкции с однородными сказуемыми:

We are called **to speak, to witness, to share**, but the work of the Holy Spirit in the lives of others will always be a mystery to us.

А также инверсия:

“Never in the history of the role can there have been such dedicated service, such honourable fulfilling of the promise at the Investiture, "I, Charles, Prince of Wales, do become your liege man of life and limb and of earthly worship, and faith and truth I bear unto you, to live and die against all manner of folks."

В заключении, хочется отметить, что на синтаксическом уровне глава англиканской церкви использует большой запас средств речевого воздействия в своей речи, что помогло сделать речь понятной, побуждающей к действиям, вдохновляющей и динамичной. Среди синтаксических средств нами были отмечены анафора, эпифора, полисиндетон, асиндетон, эллипсис и риторический вопрос. Используя весь арсенал синтаксических средств воздействия, он донес до адресата свои мысли, свои переживания и эмоции.

Список литературы

1. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: на материале немецких проповедей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998. 18 с.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность, проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5-19.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2003. 221 с.

Хазанжи Е.И. Специфика функционирования религиозного дискурса // Филологические проекции Большого Урала: материалы регион. конф. Пермь, 2012. С. 225-230.

И.А. Нагорный

I.A. Nagorny

Цзилинский университет (Чанчунь, Китай)

Jilin University, Changchun

ОТВЕТНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ЧАСТИЦ В РЕЧЕВОМ ДИАЛОГЕ

В статье рассматривается проблема функционирования русских частиц в коммуникативной сфере языка, соотносятся языковые и логические параметры нечленных предложений с частицами, анализируются функции ответных диалогических предложений с частицами, устанавливаются параметры рематизации частицами сообщаемого, определяются прагматические свойства частиц в речевом диалоге.

Ключевые слова: частицы, ответное высказывание, нечленное предложение, свернутое суждение, говорящий, адресат, речевая сфера, процесс коммуникации, прагматика.

THE RESPONSE FUNCTION OF RUSSIAN PARTICLES IN SPEECH DIALOGUE

The article considers the problem of functioning of Russian particles in the communicative sphere of language, correlates the linguistic and logical parameters of non-articulate sentences with particles, analyzes the functions of reciprocal dialogical sentences with particles, sets the parameters of the rematization of the particles of the message, determines the pragmatic properties of particles in speech dialogue.

Keywords: particles, response statement, inarticulate sentence, collapsed judgment, speaker, addressee, speech sphere, communication process, pragmatics.

Для русской коммуникативной сферы типичным оказывается явление речевой компрессии – репрезентация смысловой информации при минимальном количестве языковых средств. Речевая компрессия активно представлена в так называемом свернутом логическом суждении [6], продуктивной реализацией которого в речевой зоне является ответное конструктивно нечленное предложение [4, с. 14].

Актуализация русскими частицами в речевом высказывании ответной функции сосредоточена на фиксации именно суждения компрессированного, свернутого типа. Речевые высказывания, выражающие такого рода логические суждения, отражают нерасчлененность логического предмета и предиката мысли:

– *Ведь это действительно так? Не может быть иначе? – Вряд ли* (В. Шукшин);

– *Давно это произошло? – Как будто...* (С. Снегов).

В подобных случаях частицы выполняют функцию фиксации компрессированного суждения, а результатом этого, несомненно, является оптимизация процесса коммуникации со стороны адресата. Нечленимое суждение, выражаемое русскими частицами, обладает достаточно аморфными структурными параметрами, поскольку стержневые компоненты такого суждения, рефлектирующие двучленность данной формы мысли, словесно не представлены.

В ответных высказываниях, образуемых частицами, «стертость» логического субъекта и предиката – это стандартная речевая норма [3, с. 39], и обусловлена данная норма тем, что в разворачиваемом частицей коммуникативном акте у говорящего и адресата имеются четкие понятийные представления о данных логических компонентах мысли и их семантическом наполнении. Данные представления весьма конкретны и не вызывают перцептивных трудностей у участников процесса коммуникации:

– *К нему это неприменимо! – Да уж...* (Л. Леонов);

– *Никого нет? А то еще нарвемся. – Вроде бы* (Газетн. текст);

– *Никогда этого не будет! – Уж будто!* (В. Шукшин);

– *В университет? – спросил он приближающегося хмурого Хлебова. – Едва ли.* – *прозвучало в ответ* (Журн. текст).

Подобное возможно исходя из прагматических причин, являющихся основой того, что, несмотря на компрессированную репрезентацию суждения в диалоге, коммуниканты (и говорящий, и адресат) правильно понимают и воспринимают мысли друг друга. В данном случае частицы – это то речевое средство-оптимизатор, которое использует адресат для свернутой, прагматически сориентированной ответной реакции на суждение говорящего:

– *Лестницу вернут, надеюсь? – Вроде* (Журн. текст);

– *К вечеру можно ждать решения моего вопроса? – Вряд ли...* (Ю. Семенов);

Какой-то ты кислый с утра. Проблемы гнетут? – Определенно (Газетн. текст).

Для того, чтобы образуемое модальной частицей компрессированное ответное сообщение состоялось, чтобы оно могло быть свободно введено адресатом в речевой диалог и прагматически продуктивно функционировало в нем, в предыдущем суждении говорящего, как правило, должно быть дано прямое или косвенное указание на некую потенциально реализуемую или уже реализованную возможность, невозможность, вероятность, необходимость или долженствование осуществления чего-то в сфере действительности или ментальной сфере. Потенциально такие векторы уже актуализированы в том вопросе или констатационной фразе, которая является основой для создания адресатом модально-ответного высказывания с частицей:

– *А ведь я была там. И вернулась. – Вот как?* (С. Лукьяненко);

– *Снова все начнется, при таком-то раскладе? – Куда там!*
(Журн.текст);

– *Полагаешь, все придет в норму? – Вряд ли. Раньше надо было думать*
(В. Плетнев).

В речевом диалоге, где функционирует нечленимое предложение с частицей в роли ответного высказывания адресата, говорящий в предваряющей фразе превентивно (прямо или косвенно) оценивает что-то как фактически существующее, вероятное, возможное, требуемое или необходимое, с его точки зрения. В ответном же высказывании с частицей эти связи градуализируются адресатом и квалифицируются им как сомнительные или предположительные, констатационно-утвердительные либо констатационно-отрицательные:

– *Но ведь должно же это как-то нормализоваться? – Разве?*
(Журн.текст);

– *Я вернусь еще, вот увидишь! – Вряд ли* (К. Симонов);

– *Ну как, приехали уже? – Вроде как* (Ю. Семенов).

Степень градуализации сомнения, предположения, возможности или вероятности, таким образом, положена здесь в основу фиксации речевых ответных высказываний между смысловыми полюсами достоверности и недостоверности [1] или на самих полюсах. Именно квалификативная точка зрения адресата является отправной точкой для активного смещения ответного высказывания с частицей к одному из указанных смысловых полюсов:

– *Нравится ему новая работа? – Как будто. Ведь он мечтал об этом*
(А. Белов);

– *А нужно ли нам такое понимание дружбы? Вряд ли* (Журн. текст).

Заметим, что ответное речевое высказывание адресата, образуемое русской частицей модальной группы, никогда не фиксируется собственно на полюсе достоверности (например, как отрицательная констатация факта), поскольку такое коммуникативное образование не отражает констатационно-отрицательное суждение достоверности. В смысловых полях речевых высказываний с модальной частицей, выражающих компрессированное суждение, однозначного подтверждения предполагаемого факта не происходит. Это типично для высказываний, фиксируемых как на промежуточном отрезке между полюсами достоверности/недостоверности (– *Ну, так я и думала, так и думала! – Неужели?* (Н. Александрова); – *Все идет своим чередом? – Вроде бы* (Ю.Семенов)), так и для речевых высказываний, тяготеющих к полюсу, противоположному тому, на котором фиксировано предваряющее высказывание говорящего (– *А мать рассуждает именно так? – Вряд ли* (П. Иванов); – *А в среду-то уж точно ничего не выйдет. – Уж будто!* (Ю. Семенов). Репрезентированная при помощи частицы вторичная квалификация адресатом факта действительности, события или же мнения говорящего переосмысливается в таких ответных высказываниях как итоговый результат произведенной адресатом ответствующей ментальной операции.

Таким образом, для нечленимого ответного предложения с частицей, вводимого адресатом в коммуникативный процесс, типична репрезентация на ре-

чевом уровне суждения свернутого, компрессированного типа, семантическое наполнение которого задано содержанием предшествующего суждения говорящего. Устанавливаемая связь между логическим субъектом и предикатом такого кваликативного суждения ассоциативна и устанавливается на прагматико-ситуативном уровне. Частицы в данном случае – продуктивный языковой инструмент модусной квалификации события или какой-то ментальной операции [7, с. 28-41], которая обсуждается говорящим и адресатом в речевом диалоге. Это коммуникативные знаки, фиксирующие «грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас» [5, с. 268]:

– *Так все-таки ты встречаешься с ним?* – **Навряд ли** (Ю. Семенов);

– *Вы собираетесь и дальше этим заниматься?* – **Как будто...** (Д. Донцова);

– *Чай, к соседке, милок, пожаловал?* – **Едва ли. Не угадали** (Журн. текст);

– *Это неслыханно! Я тебя правильно понял?* – **Вроде бы** (А. Иванов).

Итак, способность русских частиц выражать свернутое (компрессированное) суждение как ответную реакцию субъекта, генерируемую адресатом в коммуникативном процессе, должна, на наш взгляд, квалифицироваться как важная речевая функция данных грамматически обслуживающих, но прагматически емких элементов русской языковой системы. В этом аспекте частицы – модусные средства языка – должны быть квалифицированы не только как инструмент коммуникативных реакций собеседников, но и как оригинальные и продуктивные структурообразующие языковые элементы.

В речевом потоке ответные свернутые авторские суждения о действительности активно проявляют себя как частотный вариант коммуникативной репрезентации человеческой мысли. Для свободного употребления коммуникантами ответных нечленимых предложений с частицами в речевом диалоге важными оказываются многие факторы. Это и общая коммуникативно-речевая ситуация общения [2], в которой находятся говорящий и адресат, и психологические портреты коммуникативного поведения говорящего и адресата, и соответствующие условия речевого контакта собеседников, и неформальность общения, и общность языковой и концептуальной картин мира носителей одного языка, а также многие другие коммуникативные условия речевого диалога.

Русские частицы – это прагматически насыщенные языковые знаки, функционирующие в речевой сфере, это «модусные выразители» субъективного мнения человека, актуализаторы «точки зрения», отраженной в компрессированном суждении, которое, в свою очередь, конструктивно воплощено в предложении особого структурного типа – нечленимом. В итоге при выполнении ответной функции анализируемые языково-речевые средства приобретают важнейшие коммуникативные свойства динамичности и прагматичности, что оказывает немаловажное влияние на процесс коммуникации в целом.

Актуализированные проблемы, на наш взгляд, имеют широкие перспективы своего развития при исследовании многочисленных проблем антропоцентризма, прагматики и функционализма.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1983. №5. С. 35-42.
2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: URSS. 2019. 334 с.
4. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.
5. Нагорный Русские частицы и субъективная модализация информации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. Белгород, 2021. Т.40. №2. С. 264-270.
6. Таванец П.В. Вопросы теории суждения. М.: АН СССР, 1955. 194 с.
7. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд. КГУ, 1988. 54 с.

Т.М. Никольская

Т.М. Nikolskaya

*Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)
Derzhavin Tambov State University, Tambov*

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается возможность моделирования художественного текста как способа его прочтения. В качестве примера рассматриваются образы персонажей романа Н.С. Лескова «Соборяне», где лексические единицы текста наряду другими характеристиками персонажей создают модель одного из планов произведения, необходимого для четкого понимания мысли произведения при его изучении.

Ключевые слова: художественный текст, моделирование, соборность, иконы с клеймами.

MODELING AS A METHOD FOR STUDYING ARTISTIC TEXT

In this article we discuss the possibility of modeling a literary text as a way of reading it. As an example, the images of the characters in the novel by N.S. Leskov's "Cathedrals", where the lexical units of the text, along with other characteristics of the characters, create a model of one of the plans of the work, which is necessary for a clear understanding of the thought of the work when studying it.

Keywords: artistic text, modeling, collegiality, icons with stamps.

Современное исследование художественного текста предлагает новые пути изучения и структурирования материала. В связи с этим, для четкой сформированности общей картины эстетического впечатления, существует потребность в углублении в эмоционально-содержательный аспект, необходимый для стимулирования познавательной активности читателя. Для развития соответствующего интереса в данном направлении, в современном литературоведении все больше уделяется внимание таким понятиям как «модель» и «моделирова-

ние», использование которых оказывается особенно эффективным при отделении объектов от общего целого с целью детального рассмотрения неких фрагментов, составляющих в итоге единое целое, модель художественного текста.

Надо учитывать, что данный способ может привести к тому, что подобное фрагментарное разделение предложит достаточно «узкое» понимание определенной части объекта, хотя при правильном изучении и анализе будет способствовать созданию точной и предметной картины художественного целого.

Рассмотрим применение подобного метода на примере прорисовки персонажей романа Лескова Н.С. «Соборяне».

Центральными в романе являются три персонажа. Это Савелий Туберов, Захарий Бенефактов и Ахилла Десницын. При описании этих персонажей, Лесков использовал систему изобразительных средств, заключающуюся в описании внешности персонажей, их быта, в пейзажных зарисовках, также используются лексические, синтаксические и графические единицы. Подобное изображение позволяет предположить, что главные герои обрисованы по принципу «житийных икон», так называемых «икон с клеймами».

Икона представляет собой семиотическую концепцию христианских образов Святых. Отображение Святого на иконах с клеймами необходимо для того, чтобы можно было проследить его жизнь, проанализировать деяния.

К этому приему и прибегает Лесков. Например, образ Савелия дан именно в такой интерпретации: дан образ, персонаж, его внешнее описание, а рядом с ним сопутствующие ему элементы, которые и составляют его «житие». Так, создается образ, икона, из которой мы можем судить о персонаже, его деяниях, жизни, помыслах, это все гармонично сочетается с его именем. Согласно словарю имен, имя Савелий в переводе с древнееврейского означает «испрошенный у Бога» [2], а его небесным покровителем является мученик Савел. Его описание отличается от остальных: Лесков использует более яркие краски для описания внешности: «голова его отлично красива... волосы густы, как грива матерого льва, и белы, как кудри Фидиева Зевса...» [1, с. 45], о нем рассказано более подробно, чем об остальных, в пейзажах, сопровождающих данного персонажа, использованы ключевые слова, анализируя толкование которых, можно составить основную характеристику персонажа.

По такому же принципу описаны и другие персонажи – Захарий и Ахилла. Их образы также представляют собой иконописные изображения по типу «икон с клеймами», где присутствуют жизнеописания, описания их быта, поступки, внешность, а также имена имеют особую значимость. Все это в полной мере гармонично представляет собой целостную картину персонажа.

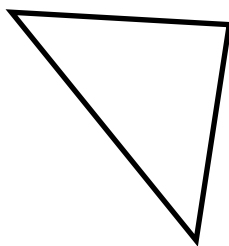
Кроме того, что к описанию персонажей применяется иконописный канон, в данном произведении, как и во многих произведениях этого автора, продолжается православное отображение действительности, проявляющееся, во-первых, в особом рассмотрении персонажей. Лесков выстраивает их описание в виде своеобразного треугольника. Если смотреть на него со стороны молящегося, т.е. со стороны храма, служителями которого они являются, то все они находятся на одной линии, являются праведниками (священниками, не монаха-

ми), местночтимыми, а отсюда и полное отсутствие иерархичности. В соответствии с особенностями построения иконостаса, их изображения будут в одном ряду. Но если, посмотреть на их жизнеописание со стороны духовной, то сразу становится понятно, что пространство расширяется и центральным образом является Савелий, а за ним, также на разной удаленности, два других персонажа. Подобное построение отражается в иконописном принципе обратной перспективы («обращенной»), где линии изображаются расходящимися от горизонта. «...особенные соотношения стоят вопиющим противоречием с правилами линейной перспективы, и с точки зрения этой последней не могут не рассматриваться как грубые безграмотности рисунка...и тела, ограниченные кривыми поверхностями, тоже переданы в таких ракурсах, которые исключаются правилами перспективного изображения... В связи с этими дополнительными плоскостями, линии параллельные и не лежащие в плоскости иконы или ей параллельной, которые перспективно должны были бы быть изображены сходящимися к линии горизонта, на иконе бывают изображены, напротив, расходящимися» [4, с.11]. Подчеркивают это построение пейзажные зарисовки, помогающие понять личные, душевные характеристики, т.е. мысли, чувства, желания. Например, описание грозы напоминает судьбу Савелия, безвинно наказанного.

Нельзя не уделить внимание и лексическим единицам, которые дополняют весь образ персонажей. Некоторые слова являются ключевыми, анализируя и, сопоставляя которые, создается полный образ, создаваемый автором.

Таким образом, при постепенном рассматривании всех этих аспектов, а именно: наименование образа, описание его жизни и быта, деяний, пейзажных зарисовок, создается следующая картина, которая может быть отображена в виде модели треугольника.

Ахилла Десницын

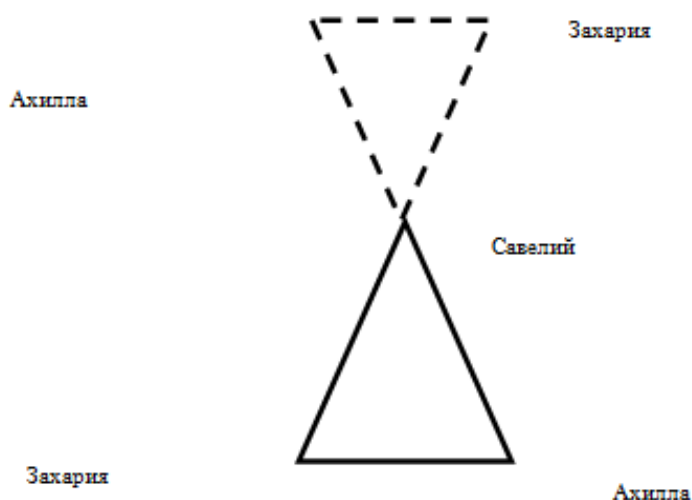

Захарий Бенефактов

Савелий Туберозов

Так, получается треугольник, где на первом, ближнем плане человек наиболее одухотворенный, обладающий нравственным потенциалом и в то же время он приближен к народу больше остальных, более ему понятен и в то же время он – олицетворение тех качеств, к которым нужно стремиться. Ахилла – воплощение стихийности, удали и непомерности. А Захария – некая «золотая середина» между двумя сторонами. А все вместе эти персонажи образуют «собор», а отсюда и название «Соборяне».

Описывая этот собор, Лесков уподобляет его божественному, небесному.

Подобные треугольники могут означать собор земной и церковь небесную. И таким образом становится понятной мысль Лескова Н.С. об уподоблении церкви земной и церкви небесной.

Итак, рассмотрев возможность моделирования в художественном произведении на примере одного из произведений Н.С. Лескова, мы увидели, что сочетание лексических единиц, текстового материала и моделирование пространственной среды произведения дает возможность полного и наглядного прочтения произведения.

Список литературы

1. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 1. М.: Правда. 479 с.
2. Онлайн-словарь русских имён Н.А. Петровского [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Пуцко В.Г. Русская житийная икона: синтез агиографического творчества // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2019. №4 (78). С. 194-207.
4. Флоренский П.А. Обратная перспектива // У водоразделов мысли. Т. 1. М.: Академический проект, 2017. 682 с.

Н.А. Плаксицкая
N.A. Plaksitskaya

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия)
Bunin Yelets State University, Yelets

ОСОБЕННОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИЛОГИИ Е. ЗАМЯТИНА О СКИФСКОМ ПРАВИТЕЛЕ АТИЛЛЕ*)

Цель статьи – определить функцию славянской лексики в дилогии Е. Замятина о скифском правителе Атилле. В работе обосновывается, что славянская лексика в тексте

*Используется орфография Е. Замятина

выступает своеобразным маркером, проявляющим историософскую концепцию Е. Замятина, является способом концептуализации национальной идеи писателя, ее функция состоит в референции не только художественных образов и передачи исторического колорита, но и всей художественно-смысловой структуры произведения.

Ключевые слова: Е. Замятин; скифы, гунны, славянская лексика, национокструирование.

PECULIARITIES OF INCLUSION OF SLAVIC VOCABULARY IN ARTISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL DILOGY OF E. ZAMYATIN ABOUT THE SCYTHIAN RULER ATILLA)

The purpose of the article is to determine the function of Slavic vocabulary in E. Zamyatin's diology about the Scythian ruler Atilla. The work substantiates that the Slavic vocabulary in the text acts as a kind of marker, manifesting the historiosophical concept of E. Zamyatin, is a way of conceptualizing the writer's national idea, its function is to refer not only to artistic images and to convey historical color, but also to the entire artistic and semantic structure of the work.

Keywords: E. Zamyatin; scythians, huns, slavic vocabulary, national construction.

Начиная с творчества А.С. Пушкина, в художественном произведении за славянизмами закрепились стилистические функции, которые до настоящего времени актуальны в языке художественной литературы. Они бывают нужны писателям главным образом для воссоздания исторического (библейского, античного, восточного) колорита, патетического слога, для пародирования и создания комического эффекта, но чаще употребляются в целях характерологии персонажа.

На рубеже XIX-XX веков в русской литературе острой становится проблема национальной идентичности, писатели активно включаются в процесс переосмысления концепции национального и оформления ее в национальный миф, задача которого прояснение представления о феномене «русскости» и моделирование сложной амбивалентной символической картины русской культуры. В эту переходную эпоху введение славянской лексики в произведение становится способом концептуализации национального и его реконструкции в художественном тексте.

Интересным примером репрезентации национальной идеи в русской литературе начала XX века являются произведения Е. Замятина, что во многом детерминировано феноменом «рубежности», выразительным признаком которого явилось усиление процессов национокструирования. Обратимся к дилогии писателя о скифском правителе Атилле, объединяющей разножанровые тексты (драму «Атилла» и роман «Бич Божий»), здесь Е. Замятин развивает «скифско-гуннскую» теорию славянского происхождения племени гуннов и видит созвучность современной истории с периодом «великого переселения народов», поэтому не случайно, что в идиоматике исторической дилогии славянский пласт, организуя ее структуру, выполняет важную философскую, символически-образную и эмоционально-экспрессивную функции.

Славянские корни имеет имя главного героя дилогии – Атилла. В науке сложилась теория, что оно происходит от одного из вариантов названия реки

Волги у хазар – Atal/Atil. Хазарское племя являлось, по одной версии, соседним со славянами народом, по другой, родственным народом, на что указывают в своих работах такие ученые, как ирландский филолог-византист Д.Б. Бьюри [2; 24], германский лингвист, исследователь алтайских языков Г. Дёрфер [25]. В романе «Бич Божий» Е. Замятин так объясняет образование имени своего героя: «Они [хунны] прошли к реке, которой имя было Атил, ее называли также Ра, и еще позже – Волга. Было близко утро. Заря висела на небе клочьями, как куски сырого мяса, красными каплями падала на снег. Жена Мудьюга закричала так, что все остановились. Ее положили на войлок, на снегу она раздвинула ноги, ее распухший живот сотрясали судороги. Плечи у ребенка были такие широкие, что он, выходя, разорвал у матери все, и она умерла. По имени реки отец назвал его Атилла» [6, с. 377]. В 1924 году в разговоре с К. Чуковским на вопрос о том, кто такой Атилла, Е. Замятин подчеркнет: «Да и Атилла был русский. Атилла – одно из названий Волги» [22, с. 290].

Славянская линия отмечается в именах приближенных Атиллы, оратая Дулеба и Ятвяга, ближайшего кметя скифского правителя. В данном случае именами собственными становятся этнонимы «дулеб» и «ятвяг». Народность ятвяги принадлежала к балтийской племенной группе и занимала соседние с славянами территории. А об этимологии этнонима «дулебы» в науке существует несколько теорий, одна из которых принадлежит российскому лингвисту О.Н. Трубачеву. Ученый вел происхождение данного этнонима от германского *daud-laiba*, что значит «наследство умершего», и предполагал, что корни его в западногерманском ареале, в Тюрингии [19, с. 244]. Пользуется популярностью версия о восхождении названия «дулебы» к церковно-славянскому доулѣбы или древнерусскому дулѣби мн. – «этим термином обозначали союз восточнославянских племён или др.-русск. племя на Волыни» [21, т. 4, с. 263]. Подтверждение находим в «Повести временных лет»: «Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. <...> В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: “Погибли, как обры”, – их же нет ни племени, ни потомства. <...> Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доньне; и греки называли их “Великая Скифь”» [15].

На славянское происхождение гуннов есть и прямые указания в тексте трагедии «Атилла»: писатель сам называет их «склавенами, славами» – это «общее название всех славянских племен у раннесредневековых и ранневизантийских авторов» [1, с. 87]:

«Атилла.

Сенатор? Ха! К нам, варварам, сенатор?

Ведь нас они зовут *склавлены, славы* –

по-римски, а по-нашему – рабы» [5, с. 365] (курсив наш. – Н. П.).

Е. Замятин не только наделяет своего героя – Атиллу – исконно русскими чертами, считает Е. А. Лядова, но и делает прямые отсылки к истории, традициям и быту древней Руси [12, с. 45]. Керка и все приближенные именуют Атиллу «князь», то есть «предводитель войска и правитель области в феодальной, удельной Руси» [18, т. 1, с. 536] («*Керка. Супруг мой, князь – / живи и здравствуй*» [5, с. 364] или «*Дулеб. Ты милостлив, князь... и страшен*» [5, с. 366], (курсив наш. – Н. П.)).

Воины Атиллы в дилогии называются «кмети». Исследователи, указывая на латинский источник лексемы, отмечают функционирование в славянских языках двух ее семантических значений. Первоначально этим термином обозначали «почтенных поселян, собиравшихся на различные совещания: княжеские, окружные и сельские, чинивших иногда по приглашению тяжущихся суд между низшим классом» [9; 10, с. 83], позднее, как считает К.А. Максимович, так стали именовать «земских воинов, ратников» [13, с. 110]. Именно эта семантика закрепилась за лексемой «кмети», или «кметы», и стала употребляться в древнерусских памятниках. В «Слове о полку Игореве» кметами называют дружинников князя Игоря: «...а мои ти Куряни свѣдоми *къмети*: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени» [17, с. 7-8] (курсив наш. – Н. П.). Д.С. Лихачев в комментарии к «Слову» замечает, что существительное «кмети» «приобрело значение “лучших отборных воинов”», на что указывает употребление данного «слова с эпитетом “сведомы”, т.е. “известные”» [11, с. 392]. В «Девгениевом деянии» «кмети» - это «неизменно отборные воины» [14, с. 612] (например, «Аще имеши мужескую дерзость у себе и *кметы* твои, то отъими у мене тщерь свою!»; «Услыша Стратигъ и зело вострепета и начат кликати сыны своя: “Где суть мои *кметы*, иже 1000 емлють, а ини и по две и по 5000 и по десяти тысящъ? И ныне борзо совокупите ихъ и протъчи сильни вои!”»; «Стратиг же собра множество вой своихъ и *кметы* своя, и тысящники, и поиде отъимати тщерь свою у Девгения» [4] (курсив наш. – Н. П.)), поэтому в памятнике постоянным эпитетом при нем выступает прилагательное сильный [14, с. 612].

Дом своего брата Вледы Атилла называет теремом – это традиционное «в древней Руси – жилое помещение в верхней части здания или отдельный дом в виде башни» [18, т. 1, с. 378]:

«Атилла.

Для них мне ничего не жаль – увидишь.

(*Едекону*)

Их друга Вледы *терем* опустел,

Отвесьть туда их...» [5, с. 372] (курсив наш. – Н. П.).

В ночь после Каталаунской битвы Атилла слышит погребальные вопли и пение и называет это тризной: «Атилла. Как будто *тризна*? Плачут и поют...»

[5, с. 391] (курсив автора. – Н. П.). Тризна – языческий погребальный обряд, «у древних славян поминки по умершим, сопровождавшиеся пиршеством» [18, т. 3, с. 418]. Например, в «Повести временных лет» находим: «А когда кто умирал, ...творили тризну над ним...» [15]. Тризна – часть ритуала захоронения, торжественное прощание с покойником, поэтому в Древней Руси, когда хоронили мужчину-воина, в него обязательно вводили игровые элементы битвы. Славяне этим ритуальным действием демонстрировали смерти свою удаль и неуязвимость и, тем самым, хотели отвести ее от живых. Оттого Атилла, услышав погребальное пение, надеется, что римское войско разбито и деморализовано, так как в бою пал его военачальник Аэций.

Крестьянин Дулеб, проявляя высшую степень покорности и уважения, «бьет челом» Атилле и просит защитить от произвола Ятвяга («Дулеб (кидается к Атилле). К тебе за управой! Невмочь терпеть. Мы к тебе челом бьем на одного из твоих» [5, с. 365]). Эпизод ассоциативно отсылает к культуре и быту древней Руси, где челобитие распространилось в XIV веке под влиянием Византии, став частью придворного этикета, и обозначало крайнюю степень уважения, даже раболепия. Русский фольклор сохранил немало примеров приветственной семантики выражения «челом бить» [3, с. 238-252]: в «Повести о Горе-Злосчасти» «пришел молодец на честен пир, поклонился чудным образом, бил челом он добрым людям на все четыре стороны» [16, с. 9] (курсив наш. – Н. П.). А на свадебном пиру Ильдегонды и Атиллы «посреди палаты (название каменных жилых помещений в древней Руси) *Кобзарь* (именование на Украине народных сказителей, певцов) *кончает сказ* (завершает свое повествование)» [5, с. 404].

Славянская ориентация наблюдается и в формировании лексического строя речи героев. Восточнославянские (или старославянские) корни имеют употребляемые гуннами слова типа «любо», «лепо» («Любо!.. Лепо!.. Лепо!.. Ладь!..») [5, с. 411]), объяснение которым находим в этимологическом словаре Макса Фасмера: лепо (лёпый) – «красивый, прекрасный, изящный», и возводится к «леп, лёпа, лёпо, укр. ліпший “лучший”, ст.-слав. лѣпъ просѣковъ, дѣовъ, прѣловъ (Супр., Клоц.), болг. леп “красивый”, сербохорв. лијеп, ж. лијѣпа, словен. lèp, ж. lépa, чеш. lerú, сравн. степ. lerí, lerší, польск. lepszy, нареч. lepiej “лучше”, в.-луж., н.-луж. lěru “красивый, хороший”» [21, т. 2, с. 485].

Лексема «любо» тоже славянского происхождения с семантическим значением «“дорогой”, укр. любий, др.-русс., ст.-слав. любовь поθεινός, словен. ljúb, ljúba ж., чеш. libý “милый, любимый, приятный”, стар. l’ubý, польск., в.-луж., н.-луж. luby. Отсюда любóвь ж., укр. любóв, др.-русс., ст.-слав. любви, род. п. любьве ἀγάπη, сербохорв. луби, лубав, словен. ljubâv ж. “любовь”» [21, т. 2, с. 544].

Глаголы «не гневись», «вопи», «зырчь», «щупь», междометие «цыть», часто используемые гуннами в речи, имеют славянский генезис (Например, «*Старший страж*. Зырчь, зырчь, - живо!» [5, с. 359]; «*Вопи сюда наших – живо!*» [Там же]; «*1-й страж*. Ао! Сюда! Щупь их!» [5, с. 360]; «*Едыкон*. Ты не гневись на них: как лисий, так они ваш римский дух не терпят» [5, с. 362]). Так, М. Фасмер предполагает, что «зырчь» происходит от «зырить», в значении

«смотреть, таращиться», или от «зреть», в значении «“взор” укр. зріти, зрю, зриш, др.-русс. зърѣти, зрю, ст.-слав. зърѣти, зърѣж» [21, т. 2, с. 109]. «Не гневись» употребляется в значении «не сердись, не негодуй», идет от праславянского gněvъ (гнев), «укр. гнів, др.-русс., ст.-слав. гнѣвъ ѡруї, болг. гняв, сербохорв. гнѣв, словен. gněv» [21, т. 1, с. 420]. А глагол «щупь» от «ощупь» употребляется «в укр. “щұптати”, в значении “трогать, касаться”, или от “щұпта” (щепоть), др.-русс. щупати, в значении “осматривать, ощупывать”» [21, т. 4, с. 510]. Междометие «цыть» идет от «цыц» – «олонецк. (Кулик.), см. цыкать. польск. cyt – то же, уже у В. Потоцкого, чеш. cit “тихо”, ономатопоэтическое образование» [21, с. 307].

Встречаем в словарях несколько версий объяснения славянского происхождения возгласа-приветствия гуннских воинов «*пугу! пугу!*», имеется два варианта значения: в украинском «звукотрагическое, подобно крику филина или сыча» и «условное приветствие у запорожских казаков» [23, с. 318]. Столь большое количество подобных примеров в текстах, дает нам право утверждать, что использование Е. Замятиным в речи персонажей лексем, имеющих славянский генезис, не единичные включения, а система, целенаправленная работа по созданию национальной языковой картины.

При анализе языкового уровня диалогии следует отметить еще один момент: наличие большого количества устойчивых конструкций (пословиц, поговорок, фразеологизмов), свойственных русской народной речи и образно выражающих национальное мировоззрение («*лежит вверх брюхом*», «*побелел как баба*» [5, с. 414], «*рогами землю роет*» [5, с. 407], «*хороший враг – милее друга*», «*страшен враг не в поле, а в доме*» [5, с. 367], «*курачьи мозги*» [5, с. 406], «*не тужи: были бы ножи, а бараны найдутся*» [5, с. 404], «*явился в посольской шкуре*» [5, с. 393], «*бешеный зверь*» [5, с. 383], «*ель не сосна, шумит неспроста*» [5, с. 410], «*попал карась на сковороду*» [5, с. 393], «*свалился, как муха в квас*» [5, с. 391] и т.д.). «Речь римлян – замечает исследователь, – свободна от имитации народной речи, менее образна и однородна. Авторская имитация фольклорной интонации проявляется в диалектных и просторечных элементах, в введении в пьесу большого количества междометных образований (*эй, ну, эх*), звукоподражаний (*гу-у-у, и-их*)» [12, с. 41].

Известно, что в 1913 году Е. Замятин примыкает к кружку «Заветов», членов которого объединяла задача, сформулированная А.М. Ремизовым: «...возродить русский лад... обогатить язык литературы сокровищами языка народного, вернуться к истокам – к языку Аввакума, старых житий, раскольников» [12, с. 39-40]. Поэтому «многие произведения писателя, – отмечают ученые, – по характеру изложения похожи на сказы, былины, притчи» [12, с. 47], для чего используется соответствующий синтаксический и лексический строй.

На основании сказанного выше, можно сделать следующие выводы. В диалогии Е. Замятина главной задачей включения славянской лексики становится не индивидуализация образов, а моделирование национального психотипа и национального образа мира. Славянский пласт в тексте аккумулирует мощный нравственно-философский уровень и помогает раскрыть краеугольную

идею историософской концепции писателя – сопоставление двух культур, варварской скифской, читай славянской, являющейся сосредоточением духовных идеалов, естественно-природной нравственности, и эгоистической римской (цивилизированной), позиционирующей мнимые нравственные ценности, бездушные и лицемерие. В этом сопоставлении симпатии Замятина на стороне гуннов, в которых писатель видел не дикарей, а народ самобытной культуры, имеющий свои корни и традиции, обусловленные близостью к миру природы.

Все это позволяет говорить о расширении аспектов функционирования славянизмов в художественном тексте: во-первых, это функция национальной самоидентификации; во-вторых, участие в конструировании собственно элементов системы национальной семиосферы, моделирование национального образа мира.

Список литературы

1. Боровский Я.Е. О названии великой богами славян // Древние славяне и Киевская Русь: сборник научных трудов Академии наук Украинской ССР. Институт археологии. К.: Наукова думка, 1989. С. 84-92.
2. Бьюри Д.Б. Вторжение варваров в Европу. М.: Центрполиграф, 2013. 224 с.
3. Гребенщикова Н.С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): монография. Гродно: ГрГУ, 2004. 306 с.
4. Девгениево деяние // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI-XII века [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4893> (дата обращения 15.10.2021).
5. Замятин Е.И. Атилла // Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2004. Т. 3. Лица. С. 358-419.
6. Замятин Е.И. Бич божий // Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2003. Т. 2. Русь. С. 369-435.
7. Котляревский А. Мемуар Бергмана о скифах // Летописи русской литературы и древности, изданные Н. Тихонравовым: в 5-ти т. М.: Тип. Грачева и комп, 1859. Т.1. С. 121-144 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003418598#?page=249> (дата обращения: 15.10.2021).
8. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.
9. Къметь // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти вып. / сост. В.Л. Виноградова. М.-Л.: Наука, 1969. Вып. 3. Корабль-Нынешний. С. 43-45 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/ss3/ss3-0431.htm> (дата обращения: 15.10.2021).
10. Лавровский П. Несколько слов о значении и происхождении слова «кмет» // Москвитянин. 1853. Т. VI. №24. Отд. 3. С. 83-87.
11. Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический [к «Слову о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве / сост. Д.С. Лихачев; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.- Л.: АН СССР, 1950. С. 375-466.
12. Лядова Е.А. Историософская и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е.И. Замятина «Атилла»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 185 с.
13. Максимович К.А. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. къметь, др.-рус. кметь // Russian linguistics. 2004. Vol. 28. №1. P. 109-123.
14. Пичхадзе А.А. Языковые особенности древнерусских эпических текстов // Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения Н.Ю. Шведовой. М.: Лексрус, 2016. С. 605-620.

15. Повесть временных лет // Русская литература XI-XVIII вв. / древнерус. текст и пер. Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1988. С. 18-49 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/PWL/povest.htm> (дата обращения: 27.09.2021).
16. Повесть о Горе-Злочастии / подгот. Д.С. Лихачев, Е.И. Валеева. Л.: Наука, 1985. 110 с.
17. Слово о полку Игореве / сост. Д.С. Лихачев; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц; М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 483 с.
18. Толковый словарь русского языка: в 3-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече; Мир книг, 2001. Т.1. 704 с.; Т. 3. 672 с.
19. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962. 271 с.
20. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 489 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.; 1987. Т.4. 864 с.
22. Чуковский К.И. Дневник (1901-1929). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
23. Шевченко Л.И. Семантические типы междометий в украинском языке // Культура народов Причерноморья. 2007. Т. 2. №110. С. 318-319.
24. Bury J.V. Later Roman Empire: from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) [Electronic Resource]. URL: [http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/bury/LateRoman Empire 01.pdf](http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/bury/LateRoman%20Empire%2001.pdf) (date of access: 27.09.2021).
25. Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. 1973. Vol. 17. №1. P. 1-50.

И.Г. Родионова
I.G. Rodionova
Пензенский государственный
университет (Пенза, Россия)
Penza State University, Penza

СКАЗУЕМОЕ С ВЕЩЕСТВЕННЫМ ГЛАГОЛОМ В ФУНКЦИИ СВЯЗКИ В «ПОВЕСТИ О ЖИЗНИ» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Рассматриваются составные именные сказуемые, в которых функцию связки выполняют вещественные глаголы со значением движения и положения. Обращается внимание на дискуссионность вопроса о возможности или невозможности включения в состав сказуемого вещественного глагола. Делается вывод о том, что в «Повести о жизни» сказуемые данного типа передают состояние героев в определённый момент времени или показывают его изменение, а при описании состояния автора-рассказчика помогают читателю представить события, факты, действия через призму авторского восприятия.

Ключевые слова: *составное именное сказуемое, вещественный глагол, связка, состояние.*

PREDICATE WITH REAL VERB IN FUNCTION LINKS IN THE «STORY OF LIFE» by K.G. PAUSTOVSKY

Compound nominal predicates are considered, in which the function of a ligament is played by real verbs with the meaning of movement and position. Attention is drawn to the controversial nature of the issue of the possibility or impossibility of including a real verb in the predicate. It is

concluded that in «The Story of Life», predicates of this type convey the state of the heroes at a certain moment of time or show its change, and when describing the state of the author-narrator, they help the reader to present events, facts, actions through the prism of the author's perception.

Keywords: *compound nominal predicate, real verb, link, state.*

Важная роль при передаче смысла текста и при выражении авторского замысла принадлежит языковым единицам синтаксиса, среди которых особое место занимает сказуемое как главный член двусоставного предложения, оформляющий его предикативность. «Семантическим центром высказывания является предикат, который обычно включает в себе сущность, основное значение, смысл коммуникации. Потому особенно интересным и важным, на наш взгляд, является исследование способов представления предиката в том или ином художественном тексте», – считает Н.А. Герасименко [3, с. 251].

В центре внимания в настоящей статье находятся особенности функционирования составных именных сказуемых, включающих полнозначный глагол, в автобиографическом произведении К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». Исследовательский интерес к сказуемому в автобиографическом тексте обусловлен тем, что этот член предложения в большей степени, чем какой-либо другой, позволяет раскрыть авторское видение мира, передать действия, признаки, состояния, увиденные автором (хотя мы отдаём себе отчёт в том, что в художественном произведении, каким является «Повесть о жизни», «непрерывно есть грань между реальной личностью автора и личностью даже максимально близкого ему героя-«протагониста». Их нельзя отождествлять, хотя грань эта бывает порой незаметна» [8, с. 64]): *Все сидели бледные от усталости и расцвета; Домой я возвращался раскрасневшийся и усталый.*

Необходимо отметить, что проблема составных именных сказуемых, включающих полнозначный глагол, не является до конца решённой в современной синтаксической науке. Предметом дискуссии является вопрос о возможности или невозможности включения в состав именного сказуемого вещественного глагола. Так, Н.С. Валгина рассматривает подобные глаголы в качестве знаменательных, или вещественных, связок в составном именном сказуемом. По её мнению, знаменательная связка – «это глагол, полностью сохраняющий своё лексическое значение, обозначающий состояние, движение и т.д.» [1, с. 100]. Е.С. Скобликова считает несколько условным использование понятия связки по отношению к знаменательному глаголу, в силу того что «ослабленность коммуникативно-семантической и грамматической роли глагольного компонента в предложении не обязательна: глагол может подчинять себе второстепенные члены и входить в рему высказывания» [7, с. 113]. Е.М. Галкина-Федорук говорит о возможности глаголов выполнять функцию связки: «Группа полужнаменательных глаголов способна как выполнять функцию связки, так и употребляться в качестве самостоятельных сказуемых» [2, с. 38]. По мнению П.А. Леканта, сказуемое, включающее полнозначный глагол и неглагольный компонент, «носит переходный характер, который прежде всего определяется полнозначностью глагола» [4, с. 92]. Учёный считает, что «в конструкциях *лежит больной, встал весёлый, вернулся инженером* глагол ни в какой мере не

подвергается грамматизации, полностью сохраняет своё вещественное значение и поэтому может быть признан самостоятельным простым сказуемым» [4, с. 95].

Принимая во внимание различные точки зрения о возможности или невозможности включения в состав именного сказуемого вещественного глагола, будем считать, что полнозначные глаголы не являются связками в привычном понимании этого термина, а, будучи компонентом составного именного сказуемого, выполняют **функцию** связки: выражают грамматическое значение сказуемого (модальность, время, синтаксическое лицо), реализуя при этом и лексическое значение.

Вещественные глаголы, выполняющие функцию связки, реализуют два значения – положения в пространстве и движения. Ср.: «В современной речи многие знаменательные глаголы движения и положения обнаруживают признаки развития в них нового функционального значения, которое сводится к установлению качественно характеризующих отношений между предметом и его признаком, то есть развивают связочное значение» [6, с. 28].

Анализ материала показал, что наиболее активно в «Повести о жизни» вещественные глаголы в функции связки используются в составе сказуемых при описании состояния героев, то есть их самочувствия, расположения духа, настроения [5, с. 691]. Данный факт объясняется стремлением автора-повествователя показать прежде всего внутренний мир персонажей. Само состояние (физическое, психическое, интеллектуальное и др.) названо субстантивом.

Вещественные глаголы, используемые в функции связки при описании состояния героев в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского реализуют как значение положения, так и значение движения.

Сказуемые, включающие вещественные глаголы **несовершенного вида** со значением **положения**, характеризуют продолжительность состояния лица: *Тётя Надя сидела бледная, усталая; Мы стояли в оцепенении, пока Гронский не крикнул: «Верните её!»; Женька Иванов так затосковал без «Моряка», что слёг, два месяца лежал без движения и даже отказывался разговаривать.*

Сказуемые, содержащие вещественные глаголы **несовершенного вида** со значением **движения**, называют повторяющееся проявление состояния лица, что в контексте может подкрепляться соответствующими темпоральными наречиями (*часто, иногда* и др.): *Она, видимо, стеснялась своего занятия и часто приходила с заплаканными глазами; Иногда я возвращался из города в полном унынии из-за какой-нибудь неудачи.*

Сказуемые с вещественными глаголами **совершенного вида** со значением **положения** называют завершение длительного состояния персонажа: *Несколько дней я пролежал в жару, с головной болью.*

Сказуемые, включающие вещественные глаголы **совершенного вида** со значением **движения**, характеризуют изменившееся состояние героя: *Проснулся я ночью весь в испарине; Несмотря на неудачу восстания, отец приехал возбуждённый, прохваченный московским морозом; Я ушёл обескураженный,*

долго ходил по Крещатику, зашёл в библиотеку и встретил там Фицовского. Примечательно использование антонимичных полных глаголов в функции связки в одном контексте, что позволяет автору показать изменение состояния героев, переход персонажа из одного состояния в другое: *Из Вольска он вышел вспыльчивым мальчиком, а в Кутно пришёл озлобленным солдатом.*

Обращает на себя внимание факт частого использования сказуемых с вещественным глаголом в функции связки при описании состояния автора-рассказчика. В автобиографическом произведении это вполне естественно: автор-рассказчик показывает своё видение событий, фактов, и их оценка и восприятие зависят от его состояния. С другой стороны, описание состояния рассказчика помогает читателю понять замысел автора, мотивы его поступков, оценки событий и др.: *Каждый раз после базара я возвращался в глухом раздражении, подавленный и униженный; Я стоял с равнодушным и, как мне казалось, даже несколько наглым лицом; Я вернулся в смятении от зрелища ничем не крашеного человеческого горя.*

Итак, в автобиографическом произведении «Повесть о жизни» К.Г. Паустовский активно использует именные сказуемые, в которых функцию связки выполняют вещественные глаголы со значением движения и положения. Такие сказуемые передают состояние героев в определённый момент времени или показывают его изменение. Использование данного типа сказуемых при описании состояния автора-рассказчика помогает читателю представить события, факты, действия через призму авторского восприятия.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.
2. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык: Синтаксис: учебное пособие. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 200 с.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
4. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке: учеб. пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1976. 141 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57000 слов. Изд. 10-е, стереотип / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.
6. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. 43 с.
7. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
8. Трефилова Г.П. К. Паустовский, мастер прозы. М.: Худож. лит., 1983. 128 с.

А.Е. Сазонова, Н.В. Глухих
А.Е. Sazonova, N.V. Gluhih
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия)
South Ural State Humanitarian
and Pedagogical University, Chelyabinsk*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОЭЗИИ Г. САПГИРА

Для более полной, точной, яркой и образной передачи своих мыслей, чувств и оценок автор текста может использовать различные художественные средства. Исследование этих средств наглядно в поэзии уральского автора Генриха Вениаминович Сапгира Поэзия Сапгира – это особый мир, в котором все живет по своим законам, допускается нелогичность построения стихотворения с целью создать яркую и насыщенную образами картину. Сапгир достигает этой цели характерными для него способами и приемами средств художественной выразительности.

Ключевые слова: *изобразительно-выразительные средства, анализ, поэзия, творчество Г.В. Сапгира.*

ARTISTIC AND VISUAL AIDS IN THE POETRY OF G.SAPGIR

For a more complete, accurate, bright and figurative transmission of his thoughts, feelings and assessments, the author of the text can use various artistic means. The study of these means is clear in the poetry of the Ural author Heinrich Veniaminovich Sapgir. Sapgir's poetry is a special world in which everyone lives according to their own laws, it is allowed to illogicalise the construction of a poem in order to create a bright and framed picture. Sapgir achieves this goal in his characteristic ways and techniques of means of artistic expression.

Keywords: *visual and expressive means, analysis, poetry, G.V.Sapgir's work.*

Изобразительно-выразительные средства языка – это поэтические обороты речи, в которых слова и выражения употреблены в переносном значении. Образность – основной признак языковых средств. Однако при этом в основе всех художественных средств (за исключением метонимии) лежит сравнение, сопоставление двух явлений с целью пояснения одного при помощи другого. Изобразительно-выразительные средства русского языка многочисленны и разнообразны. В список языковых средств входят, например, эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения и т.п. До сих пор нет четкой классификации, можно лишь разбить их на две большие группы: логико-понятийные и чувственно-воздействующие. При этом мы берем за основу анализа вторую группу, которая, в свою очередь, делится на средства: интонационные, фонетические, графические, лексические, фразеологические, словообразовательные, морфологические и стилистические. В целом, все изобразительно-выразительные средства предназначены для того, чтобы усилить образность языка и, соответственно, художественную выразительность речи. Изобразительно-выразительные средства являются основным лексическим средством выразительности. Генрих Вениаминович Сапгир –

выдающийся наследник и продолжатель творчества гениальных создателей русского поэтического языка – от Василия Тредиаковского до Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова, автор многих книг. И безусловно поэт с редким талантом: во время своей карьеры он менял свой стиль и искал новые формы выражения. В начале (на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов) тексты чаще склонялись к социальной сатире, которая часто принимала элегантные, игривые формы. Позже в его поэзии вы можете найти пейзажные тексты и гражданскую поэзию. Он освоил традиционные методы стихосложения (такие как сонеты) и в то же время разработал новые экспериментальные формы. В поздний период в работе Сапгира органично сочетаются лаконичность и различные способы выражения, страсть к экспериментам, любовь к точным деталям, играм, гротеску, иронии, пафосу и экстатическому состоянию ума.

Для анализа поэзии Г.В. Сапгира обратимся к классификации изобразительно-выразительных средств, предложенной Н.И. Рябковой [2].

Чувственно-воздействующие средства выразительности русской речи включают в себя:

1) Интонационные средства выразительности речи. Например, стихотворение «Голоса» оканчивается вопросом, на котором автор делает логическое ударение: «Что он? – кричит или молчит?..» [3, с. 11]

2) Фонетические средства выразительности речи. Например, фонетическая анафора в стихотворении «Кошка и Саранча»: «Налету поймала кошка саранчу, // В темноте играла кошка с саранчой, // Саранчой хрустела кошка на свету, // В темноте пожрала кошка саранчу, // Налету поймала кошка темноту...» [4, с. 149-150]

3) Графические средства выразительности. Например, в стихотворении «Летучая фраза»: «любит русский писатель как русский/это известно/ // любит русский писатель как никто/это возможно/ // любит русский писатель: никто я! никто!/это слышали/ // никто не любит как русский писатель/это уже перебор/» [7, с. 98].

4) Лексические средства выразительности. В стихотворениях встречается употребление архаизмов вроде «салазки», «конвоир», историзмов как «литобъединение», неологизмов «дребодан», «назюзюкался», «поколбасись». Рассмотрим более подробно классификацию троп в поэзии Генриха Вениаминовича.

Метафора: «самолетам бомбам ракетам // текущим в твоей крови», «и сотрясают небо // удары двух сердец» (из стихотворения «Любящие») [3, с. 112];

Олицетворение: «Волны // Трясут бородами», «Разбредаются в разные стороны // Обнимая людей // Деревья // И горы // Говорят о жизни и смерти» (из стихотворения «Море // Широко набегает на пляж...») [5, с. 3-4];

Метонимия: «Девочка подбежала // Бросила песком в Льва Толстого» («Море // Широко набегает на пляж») [7, с. 56];

Эпитет: «страшная усталость», «щёлочный туман» (из стихотворения «Душа») [3, с. 117];

Сравнение: «В густой траве валяюсь я, // Наслаждаюсь жизнью, как свинья» (стихотворение «Бог») [1, с. 303];

Перифраза: «небо Вострякова» [5, с. 15].

5) Фразеологические средства выразительности. Например, устойчивые выражения «Истина внутри нас», «Мemento мори» из стихотворения «Море // Широко набегает на пляж ...» [5, с. 3-4].

6) Словообразовательные средства выразительности. Например, «Букашка лезет на былинку, // Ветром сдуло паутинку...» [6, с. 103].

7) Морфологические средства выразительности. Например, «и разве наш торопливый полёт – // встречаясь касаясь // одного другого третьего – // великой толпой влюблённых // не полёт к намеченной цели?» [3, с. 112].

8) Стилистические фигуры речи. Рассмотрим их более подробно.

Анафора: «случайные слова возьми и пропусти // возьми случайные и пропусти слова // возьми слова и пропусти случайные // возьми «слова слова слова» // возьми слова и пропусти «возьми» – // и слова пропусти» (из стихотворения «Случайные слова возьми и пропусти ...») [6, с. 176];

Эпифора: «Идиотские песни поют идиоты // Идиотские мысли твердят идиоты // И не знают и знать не хотят идиоты // Что однажды придумали их идиоты...» (стихотворение «Парад идиотов») [1, с. 310];

Антитеза: «Мое существование фантастично // Разматываясь космос шевелю // И самого себя хочу настичь я // Стремясь из бесконечности к нулю ...» (стихотворение «Дух») [6, с. 153];

Оксюморон: «так молодость живёт // в стареющей душе...» (стихотворение «Любящие») [3, с. 112];

Парцелляция: «Под синим небом Вострякова // Белело // Неузнаваемым лицом // То, // Что было // Моим // Отцом» (стихотворение «Памяти отца») [6, с. 121-122];

Градация: «Тормоза. // Рванул // Реваноль. // Боль! // Моя голова! // Не крутите слева направо! // Крац. // Крец. // Винтил её, подлец! // Зараза! // Конец...» (стихотворение «Поэт и муза») [6, с. 109-111];

Инверсия: «Тело мне щекочут ветки. // Где кончаются ветки – // Начинаются пятки, // Где кончаются пятки – // Начинается голова...» (стихотворение «Бог») [1, с. 303];

Эллипсис: «что твои спутники в космосе! // листья смешались с чувствами – // не перестаю удивляться – // так и живут – смешно и наивно – // самолетам бомбам ракетам // текущим в твоей крови – // радуясь и огорчаясь...» (стихотворение «Любящие») [3, с. 112];

Умолчание: «Но молчало // Тело. // Без имени? // Без рода и племени? // Неужели не стало времени?» (стихотворение «Памяти отца») [6, с. 121-122];

Риторическое обращение: «Поэзия, спаси меня от страха!» (стихотворение «Сон наяву») [5, с. 8];

Риторический вопрос: «А может быть это нормально?» (стихотворение «Парад идиотов») [1, с. 310];

Бессоюзие: «шум трамвая отдаленного // разделся в котельной // до майки натальной // там на улице Поленова ...» (стихотворение «Раздумье») [5, с. 27].

В текстах Г. Сапгира поэт персонифицирован – создается индивидуальный образ автора. Эта форма присутствия поэта в стихах воплощена в том, что они написаны преимущественно от первого лица и характеризуются частым употреблением местоимений («я», «мне») и глаголов («помню», бормочу, «сплю»). Г. Сапгир упоминает в сюжетах факты личной биографии (посещение дома творчества в «Пейзаже с домом творчества Болшево», возвращение пешком в деревню в «Прогулке в Ивантеевку» и т. д.) и своих современников — близких людей, друзей, знакомых, родственников (тестя поэта А.Д. Гуревича, коллегу и друга Г. Циферов в «Живых и мертвых», знакомую Н. Эльскую в «Бесстрашной», И. Холина в стихотворении «Холин и Сапгир» и др.). Также в книге «Псалмы» среди цитат из Библии можно найти реально существовавший номер телефона поэта.

В текстах Г. Сапгира поэт персонифицирован – создается индивидуальный образ автора. Эта форма присутствия поэта в стихах воплощена в том, что они написаны преимущественно от первого лица и характеризуются частым употреблением местоимений («я», «мне») и глаголов («помню», бормочу, «сплю»). Г. Сапгир упоминает в сюжетах факты личной биографии (посещение дома творчества в «Пейзаже с домом творчества Болшево», возвращение пешком в деревню в «Прогулке в Ивантеевку» и т. д.) и своих современников — близких людей, друзей, знакомых, родственников (тестя поэта А.Д. Гуревича, коллегу и друга Г. Циферов в «Живых и мертвых», знакомую Н. Эльскую в «Бесстрашной», И. Холина в стихотворении «Холин и Сапгир» и др.). Также в книге «Псалмы» среди цитат из Библии можно найти реально существовавший номер телефона поэта.

По мнению ученых, авторская субъективность в тексте часто проявляется в компонентах основы: заглавии, эпиграфе, посвящениях, авторских заметках, послесловиях и т.д. Примечательно, что стихи Г. Сапгира сопровождаются авторскими комментариями, которые находятся в том же визуальном поле, что и поэтический текст и создает структуру метатекста.

Таким образом, используя классификацию средств выразительности речи, мы проанализировали поэзию Генриха Вениаминовича Сапгира и пришли к выводу о том, насколько его творчество полно изобразительно-выразительных средств. Буквально каждое из рассмотренных нами чувственно-воздействующих средств нашло свое отражение в стихотворениях писателя. Можно также сказать о том, что в поэзии Сапгира наиболее частотно употребление олицетворения (85%), эпитета (78%), инверсии (69%), парцелляции (60%) и бессоюзия (51%). А наименее частотно употребление метонимии (14%), перифразы (9%) и оксюморона (3%). В целом, творчество Г. В. Сапгира представляет собой уникальный синтез как поэтических принципов «Лианозовской школы», так и собственно индивидуальных черт. Основу этого

синтеза составляет поиск самых разнообразных способов художественного воплощения. Сапгир видел смысл своей работы в расширении поля художественных возможностей, в употреблении языковых средств. Генрих Вениаминович взял на себя роль поэта-экспериментатора, чем внес огромный вклад в развитие современной поэзии, а точнее в разработку приемов поэтики.

Список литературы

1. Кузьминский К., Ковалев Г. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. Т. 1. М.: Культурный слой, 2006. 540 с.
2. Рябкова Н.И. Средства выразительности различных функциональных стилей // Русская филология. С.-П., 2002-2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filologrus.narod.ru/sredstwa.html> (дата обращения: 12.10.2021).
3. Сапгир Г.В. Избранное. М.: Третья волна, 1993. 258 с.
4. Сапгир Г.В. Развитие метода // Новый мир. 1992. №2. С. 149-152.
5. Сапгир Г.В. Стена. Стихи. М.: Прометей, 1989. 32 с.
6. Сапгир Г. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект. 2004. 606 с.
7. Шраер М.Д., Шраер-Петров Д.П. Генрих Сапгир классик авангарда. 3-е издание, исправленное. С.-П.: Дмитрий Буланин, 2004. 280 с.

Сы Хунфэн
Si Hunfen

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия; Чучжоу, Китай)
Southern Federal University, Rostov-on-Don

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЧИ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

Статья поднимает проблему изображения речи в семейной коммуникации персонажей чеховских рассказов и повестей. Представлен коммуникативно-прагматический анализ речевых ситуаций, создаваемых в контексте семейного общения героев повести А.П. Чехова «Черный монах».

Ключевые слова: художественный текст, речевая коммуникация, семейное общение.

DEPICTING THE SPEECH OF FAMILY COMMUNICATION AMONG THE CHARACTERS IN THE SHORT STORY OF ANTON CHEKHOV “THE BLACK MONK”

The article raises the problem of depicting the speech in family communication of the characters in Anton Chekhov's stories and novelettes. It gives the communicative-pragmatical analysis of speech situations that are created in the context of family association among the key figures of Anton Chekhov's short story “The Black Monk”.

Keywords: fictional text, speech communication, family association.

Изучение изображенной речи в семейной коммуникации тесно связано не только со способами ее передачи, системой репрезентологических единиц, но и с представлением речевой ситуации в авторском повествовании, со скрытыми

смыслами, которые «считываются» носителями языка, воспринимающими чеховский текст и которые оказываются сложными для восприятия иностранцами, открывающими для себя картину мира русского писателя.

Цель нашего исследования – выявление речевых особенностей семейной коммуникации, представленной в рассказе «Черный монах».

Общение в семье и само понятие «семья» в рассказах А.П. Чехова трансформируется: от первых «пестрых рассказов», в которых доминирует комическое начало и семейные перипетии персонажей вызывают улыбку, до зрелого творчества писателя, где проблемы семейной коммуникации включены в общий контекст философских вопросов о смысле жизни.

Казалось бы, исходя из заглавия, можно утверждать, что содержание рассказа «Черный монах» связано с образом мистического персонажа, который существует только в сознании главного героя Андрея Васильевича Коврина, ученого-философа, приехавшего в дом своего бывшего опекуна, чтобы отдохнуть и подлечить расстроенные нервы. Действительно, представленный в галлюцинациях Коврина диалог с черным монахом открывает недоступный в реальности внутренний мир героя, его желание вечной жизни и «вечной правды», «благословения божия».

Повествование убеждает в том, что уже первый сюжетный ход создает аналогию с библейской притчей о блудном сыне. Егор Семеныч Песоцкий, заменивший главному герою рано умерших родителей, считает его своим сыном, о чем говорит Таня Песоцкая в диалоге с Ковриным: *«...Ведь вы знаете, мой отец обожает вас. Иногда мне кажется, что вас он любит больше, чем меня. Он гордится вами...»*

Коврин возвращается в дом человека, который его воспитал, и Песоцкий рад этому, строит планы будущей жизни. Егор Семеныч относится к герою потечески, он прямолинеен в диалоге с Ковриным: *«...ты единственный человек, за которого я не побоялся бы выдать дочь. Ты человек умный, с сердцем, и не дал бы погибнуть моему любимому делу. А главная причина – я тебя люблю, как сына... и горжусь тобой»*. Характеризуя Коврина как человека умного, Егор Семеныч прежде всего имеет в виду коммерческий ум, способность извлечь выгоду из такого предприятия, как яблоневый сад. Понимая лексему «ум» как здоровое состояние психики, в отличие от безумия, А.П. Чехов, прекрасно знавший симптоматику душевнобольных людей, описывает видения Коврина как признаки мании величия. Однако герой живет и сердцем, он искренне желает счастья Тане и считает себя счастливым, когда хочет связать с ней свою судьбу.

Семейные узы Тани и Коврина, с точки зрения православной семейной доктрины, сродни инцесту, причем автор неоднократно упоминает о родстве героев: *«... Коврин думал о том, что кроме этой девушки и ее отца, во всем свете днем с огнем не сыщешь людей, которые любили бы его как своего, как родного; если бы не эти два человека, то, пожалуй, он, потерявший отца и мать в раннем детстве, до самой смерти не узнал бы, что такое искренняя*

ласка и та наивная, не рассуждающая любовь, какую питают только к очень близким, кровным людям».

Концепт «Кровь» как отражение семейных отношений между родными, близкими людьми получает свое дальнейшее развитие в описании болезни Коврина, у которого после разрыва с Таней «шла горлом кровь», а доктора советовали ему «не волноваться, вести правильную жизнь и поменьше говорить». В последней IX главе нет ни одного диалога, только монолог Тани в письме, которое Коврин читает перед уходом из жизни, речь черного монаха, а вместо ответной реплики – снова кровь, которая *«текла у него из горла прямо на грудь, и он, не зная, что делать, водил руками по груди, и манжеты стали мокрыми от крови».* Герой хотел говорить и уже не мог этого сделать.

Интересно, что мысли героя о Тане автор оформляет не прямой речью, а вводит в несобственно-прямую речь, тем самым объективируя черты ее характера: *«Он вспомнил про Таню, которой так нравятся статьи Егора Семеныча. Небольшого роста, бледная, тощая, так что ключицы видно; глаза раскрытые, темные, умные, все куда-то взглядываются и чего-то ищут; походка, как у отца, мелкая торопливая. Она много говорит, любит поспорить, и при этом всякую даже незначительную фразу сопровождает выразительной мимикой и жестикуляцией. Должно быть, нервна в высшей степени».* Переход от вводящей части к самой несобственно-прямой речи представлен опорным ментальным глаголом «вспомнил», а в самой речи субъективно-модальный план персонажа выражен неопределенными местоимением и наречием (*куда-то и чего-то*), оценочным прилагательным (*тощая*) и сравнением (*как у отца*), вводным сочетанием (*должно быть*), а также родственным именованим – «отец», в отличие от авторского *Егор Семеныч*. Автор отчетливо дает понять, что Таня и Коврин очень похожи, у них много общего: *«...И он чувствовал, что его полубольным, издерганным нервам, как железо магниту, отвечают нервы этой плачущей, вздрагивающей девушки. Он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину, но бледная, слабая, несчастная Таня ему нравилась».*

Как и Коврин, Таня «много говорит», речь героини эмоциональна, она переживает то, о чем говорит. Коврин относится к Тане как к ребенку, принимая на себя роль утешителя. Он действует сообразно ситуации, вербальные реакции на чужие слова во многом зависят от его собственного настроения. Например, после эмоционального диалога с черным монахом Коврин чувствует себя счастливым, ему хочется поделиться этим с Таней. Герой уверен, что она переживает то же, что и он сам. Однако речевая коммуникация в этой ситуации вызывает обратную реакцию у собеседника. Признание в любви оказывается для героини ошеломляющим, она убегает, «как бы в отчаянии сжимая руки». Коврин, «с тем же сияющим, восторженным лицом» не замечает ее состояния: *«Она была ошеломлена, согнулась, съежилась и точно состарилась сразу на десять лет...».*

В чем причина такого изменения во внешнем, а значит и в душевном состоянии героини? Уехать из имения и оставить отца, его детище – сад, свою

размеренную жизнь? Близость природе сменить на город, который не требует чувств, но только рассудочности, которая приводит к сумасшествию? Нельзя не согласиться с Н.М. Щаренской, которая замечает: «Жизнь природы не только прекрасна и богата, она включает в себе тайну – своего бытия и красоты. Жизнь природы исполнена тех высших начал, которые сообщают ей святость. Человек связан с природой внутренней, кровной связью: он также обладает свойством жизни...» [3, с. 30].

Сад у Чехова – это метафора жизни. По мнению Г.Х. Тереховой, «Сад у А.П. Чехова – это место, где ведутся самые важные разговоры, место, где признаются в любви, где мечтают о будущем и вспоминают прошлое...» [2, с. 106]. Оставляя сад, героиня предчувствует трагедию. «Потеря сада, – пишет Г.Х. Терехова, – ассоциируется у всех героев, без исключения, с потерей своей единственно возможной и светлой жизни» [2, с. 108].

Писатель замечает, что перед самой свадьбой происходит как бы «раздвоение личности» Егора Семеныча: «ненастоящий» с умилением вспоминает в диалоге с садовником Иваном Карлычем об ангельском лице матери Коврина, о том, что в детстве у мальчика было такое же «ангельское лицо, ясное и доброе», а «настоящий» Егор Семеныч произносит страшные слова: «...Черти! Пересквернили, перепоганили, перемерзли! Пропал сад! Погиб сад!». Эта двойственность в коммуникации, переключение с позитивных эмоций, вызванных прошлым, на негативные, связанные с настоящим и будущим, характеризуют не только Песоцкого, но и главного героя повести Коврина.

Концепт «Смерть» актуализируется в чеховских метафорах: *ангел, черти, пересквернить, перепоганить, перемерзли, погиб* – это предчувствие трагедии, конца. Коврин предстает в рассказе как ангел и гений, но ангелом его называет только Егор Семеныч, а гением он себя осознает в диалогах с черным монахом. Концепты «Ангел» и «Гений», по мнению Ю.С. Степанова, представляют собой части «единого понятийного поля «Личность, душа, ипостась, гений, ангел» и определяются как «внутреннее «Я» человека, его внутренний облик, столь же неповторимый, как и внешний, но причастный не материальному и социальному миру, а миру духовному, божественной сущности, Богу» [1, с. 749-750]. Ангел в словаре Ю.С. Степанова рассматривается как христианский «гений», но в то же время ученый замечает, что в мировой литературе мотив гения трансформировался в тему «двойника» [1, с. 758], что подтверждается чеховским образом черного монаха, по сути второго «Я» героя, ведущего мысленные диалоги с самим собой.

Отрезав себя от кровных человеческих связей ненавистью и раздражительностью, герой хочет испытать прежнее состояние душевного покоя и умиротворения. Вино и сигара, к которым Коврин прибегает в надежде «вернуть прошлогоднее настроение», уже не помогают ему. Сигара, от которой «во рту стало горько и противно», ассоциируется с огнем, сухостью, они в рассказе являются символами смерти, физической и духовной. От вина и сигары у героя «закружилась голова и началось сердцебиение», причем автор описывает это состояние, вводя медицинские термины: «сердцебиение», «принимать бромиды».

стый калий». Препарат, который принимает Коврин, обычно снимает симптомы неврастения и повышенной раздражительности, однако побочными эффектами являются ослабление памяти и замедление речи. Возможно, именно поэтому реплики героя в последнем диалоге с женой короткие, его речь небрежна, он не задумывается о последствиях грубых высказываний об отце Тани.

Герой болен, поэтому в диалогах с женой он категоричен, отрицает любые попытки Тани примирить его с отцом, думает только о себе. Эгоизм больного человека вызывает у близких отторжение, даже любящая его Таня с трудом сдерживается, чтобы не сказать Коврину обидное: *«Ей захотелось сказать ему что-нибудь обидное, но тотчас же она поймала себя на неприязненном чувстве, испугалась и пошла из спальни»*. Возможно, это неприязненное чувство и есть конец отношений: обидное можно сказать только близкому человеку, обидеть любимого словом и оттого страдать, плакать, как это обычно бывает в семейной жизни. Но неприязнь испытывают к чужому, и этого испугалась Таня: она почувствовала, что Коврин уже не тот, каким она его полюбила, это чужой ей человек.

В финале рассказа Коврин близок к тому состоянию, о котором Чехов только намекает в предшествующих частях повествования, когда говорит о том, что он «пил много молока», «не пил вина и не курил», – это состояние ребенка: *«Жил он уже не с Таней, а с другой женщиной, которая была на два года старше его и ухаживала за ним, как за ребенком»*. Его покорность и желание подчиняться говорят о том, что жизненные силы, энергия постепенно уходят. Воспоминания о прежней жизни, о Тани и ее отце не покидают героя. Автор вводит элементы речи персонажа в повествование о его ужасном поведении в семейной жизни, о том, что он говорил много неприятного жене, когда испытывал досаду и горечь: *«Почерк на конверте напомнил ему, как он года два назад был несправедлив и жесток, как вымещал на ни в чем не повинных людях свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью»*.

Варвара Николаевна, его новая подруга, привезла Коврина в Крым. А.П. Чехов намеренно противопоставляет имена героинь, не называя Варвару Николаевну женой, но подругой, в отличие от Тани, которая так и осталась его единственной любовью, близким человеком, несмотря на то, что женитьбу на ней «он считал теперь ошибкой». Имя и отчество в русском речевом этикете обычно используют в разговоре с чужим или не очень хорошо знакомым человеком. Коммуникативная значимость именования чеховских героев определяется характером отношений между персонажами. Приехав в гостиницу, Варвара Николаевна «напилась чаю, легла спать и скоро уснула», хотя Коврин не ложился спать. Таня же не спала ночами, «ожидая чего-то ужасного», чувствуя себя виноватой в изменившемся состоянии мужа, в их отношениях.

Концептуализация семейной коммуникации в рассказе А.П. Чехова «Черный монах» представлена прежде всего лексико-фразеологическими единицами, относящимися к эмоциональной, духовной жизни героев. Внутренняя речь главного героя, его диалоги с «черным монахом» по содержанию более глубоки, нежели его речь с Таней или Песоцким. Семейные отношения характеризу-

ются взаимным непониманием, поэтому практически нет диалогов между супругами, в которых бы они делились своими проблемами.

Основными концептами, актуализированными в тексте авторского повествования и в диалогах персонажей, являются «Жизнь» и «Смерть». Прежде всего речь идет о духовно-нравственных понятиях, о глубинных противоречиях в сознании человека, отражающихся в том числе и в коммуникации с близкими людьми.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 982 с.
2. Терехова Г.Х. Концепт «Сад» // Концептосфера А.П. Чехова: сборник статей. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2009. С. 106-120.
3. Щаренская Н.М. Концепт «Жизнь» // Концептосфера А.П. Чехова: сборник статей. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. С. 5-63.

В.А. Телкова

V.A. Telkova

Елецкий государственный университет

им. И. Бунина (Елец, Россия)

Bunin Yelets State University, Yelets

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ НАД ТОЧНОСТЬЮ ФОРМЫ ИЗЛОЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

В статье представлена специфика работы над точностью формы изложения грамматических понятий. Изучение грамматики часто вызывает у школьников затруднения в силу абстрактности языковых явлений. Автор определяет наиболее эффективные приёмы работы над теоретическими положениями в школьном преподавании грамматики, которые требуют глубокой и всесторонней методической разработки.

Ключевые слова: учебный предмет, грамматика, грамматическое понятие.

THE SPECIFICS OF WORKING ON THE ACCURACY OF THE FORM OF STATEMENTS OF GRAMMATICAL CONCEPTS

The article presents the specifics of the work on the accuracy of the form of presentation of grammatical concepts. The study of grammar often causes difficulties for schoolchildren due to the abstractness of language phenomena. The author defines the most effective methods of working on theoretical positions in school grammar teaching, which require deep and comprehensive methodological development.

Keywords: academic subject, grammar, grammatical concept.

Вопрос о том, обязательна ли для учеников абсолютная точность в словесных формулировках грамматических правил и определений, в сообществе современных учителей-словесников остается открытым. Эта, казалось бы, не имеющая актуального практического значения проблема по-разному решается в

преподавательской среде. Одни считают, что нужно требовать от учеников глубокого понимания самой сущности языковых явлений; заучивание же по учебнику грамматических определений и правил не должно иметь места. Требования абсолютно точных формулировок грамматических понятий несовместимо с продуктивным методом обучения, вызывает у учащихся отвращение к предмету и неизбежно ведёт к формализму в знаниях учащихся. Другие доказывают, что поскольку грамматика представляет собой стройную систему понятий, облечённых в совершенно точные словесные формулировки, то и школа должна требовать знания этих словесных формулировок.

В последнее время среди некоторой части наших учителей русского языка утвердилось мнение, что в преподавании грамматики не обязательно соблюдать необходимую точность в формулировании определений, выводов и правил. Однако подобное отношение к изложению теоретических положений грамматики, как нам кажется, может привести к деформации грамматического мышления учащихся. Преподаватели, допускающие отказ от точных дефиниций грамматики, по существу, возрождают на практике уже давно осуждённые взгляды тех педагогов, которые вообще отрицали общеобразовательно-воспитательное значение грамматики как учебного предмета.

Начиная со второй половины XIX в. в трудах западноевропейских педагогов утвердилось мнение, что единственным методом обучения является индуктивный. Так, авторитетный английский философ и педагог Герберт Спенсер в отношении грамматики вообще высказывался против преподавания её в общеобразовательной школе. В предреволюционные годы среди отечественных методистов-словесников находилось немало поклонников немецкого педагога Августа Лая, который совершенно отрицал грамматику как учебный предмет. Другой немецкий педагог Вильгельм Ваккернагель предлагал предоставить обучение детей родному языку семье, родителям. Он считал, что без изучения грамматических определений и правил, а только в результате простого общения старших членов семьи с детьми последние могут овладеть родным языком.

Взгляды, отрицавшие общеобразовательное значение и воспитательную роль изучения норм родного языка, распространились и в отечественной методической литературе в последние десятилетия XIX. Например, Д.И. Тихомиров в своём «Опыте плана и конспекта элементарных занятий по родному языку» писал: «Изучение грамматики должно состоять не в изучении грамматической терминологии (неясной, сбивчивой, непонятной), не в заучивании грамматических правил и определений (которые по своему существу отвлечённые, не всегда точны, мало опираются на практику, а потому всегда мало понятны детям), не в грамматическом разборе (где учащийся по внешним признакам, совершенно бессознательно, путём долгих упражнений навыкает определять непонятные для него формы непонятными грамматическими терминами): грамматическое учение должно иметь целью сообщение понятий и мыслей из области грамматики; ученье это должно дать умение наблюдать над языком, сознательно пользоваться им...» [1, с. 16]. Мысль о необходимости в первую очередь при изучении грамматики «наблюдать над языком и сознательно пользоваться им» про-

ходила красной нитью в трудах таких известных методистов того времени, как В.П. Шереметевский, П.О. Афанасьев, В.И. Водовозов и др.

В современной практике школьного преподавания русского языка однозначное отрицание теоретических положений грамматики отсутствует. Исследователи все чаще пишут о необходимости «разграничивать практическое знание языка и владение определенным набором лингвистических сведений, выражающееся в способности осуществлять какие-то виды анализа с использованием нужной терминологии. Школа призвана учить и тому и другому (т.е. способствовать речевому развитию и языковому образованию ребенка)» [2, с. 27]. Между тем в основе освоения языка как в устной, так и в письменной форме именно грамматические правила и терминология играют огромную роль. Поэтому так важна в школах настойчивая повседневная работа над точностью и ясностью грамматических определений и правил.

Чтобы наметить пути улучшения работы над теоретическими положениями грамматики, необходимо изучить ошибки, которые наиболее часто допускаются учащимися при дефиниции грамматических определений и правил, что может сделать их бессмысленными, противоречивыми или неточными.

Вот примеры бессмысленных формулировок:

1) «Предложение, которое состоит из второстепенных членов, называется распространённым»; 2) «Изменяемая часть речи называется окончанием»; 3) «Сказуемое, выраженное простым словом, называется простым сказуемым»; 4) «Именная часть глагольного составного сказуемого выражается неопределённой формой глагола» и др.

При внимательном наблюдении нетрудно найти психологическое объяснение происхождения каждой из этих ошибок. Например, приведённое нами бессмысленное определение простого *распространённого предложения* возникает в результате того, что ученик механически формулирует его по аналогии с определением простого *нераспространённого предложения*. Ученик, не вникая в сущность определяемых им понятий, усваивает только различие, существующее между распространённым и нераспространённым предложениями, и не обращает внимания на то, что общего между ними с точки зрения их состава. Отвечая на вопрос, какое предложение называется нераспространённым, ученик указывает, из каких членов оно состоит («только из главных»). Тут у ученика правильный ход мысли. Но когда перед ним стоит задача сразу после этого дать определение распространённого предложения, он тоже пытается указать, из каких членов оно состоит, и ограничивается только констатацией наличия в нём второстепенных членов. Забыв указать, что в распространённом предложении имеются и главные и второстепенные члены предложения, ученик и дошёл до бессмысленного утверждения.

Но чаще всего встречаются неточные формулировки. Формулировки определений и правил могут быть неточными в том смысле, что охватывают или более широкий, или более узкий круг явлений, чем это фактически соответствует данному теоретическому положению.

Часто учащиеся так формулирует определения грамматических понятий, что в них отсутствует указание на ближайшее родовое понятие. Обычно, вместо указания на родовое понятие, употребляются слова: «это, когда...», «это, если...», «это то, что...» Например, на вопрос, что такое сложноподчинённое предложение, учащиеся могут ответить: «Это, когда одно простое предложение зависит от другого и поясняет его». На вопрос, что такое основа слова, бывают ответы: «Это, если отбросить окончание, то остаётся основа». Обычно это бывает в тех случаях, когда учащиеся не приучены давать полные ответы.

Многие учащиеся дают в определении слишком широкое родовое понятие, в результате чего определение становится неточным. Например, определяя понятие корня, ученики могут сказать: «Общая часть нескольких слов называется корнем». Неточность этого определения заключается в том, что в нём отсутствует указание на родственность слов, имеющих общий корень, ибо общая звуковая часть группы слов, не имеющих между собой ничего общего по значению, не является корнем.

Бывает так, что в грамматическом определении указано не то родовое понятие, к которому определяемое понятие относится как вид. Часто даже родовое понятие вообще не имеет никакого отношения к определяемому понятию, как, например, в некоторых из приведённых нами выше определениях. В таких случаях определение, как бессмысленное, нелепое, является грубо ошибочным. Но иногда определения подобного рода являются просто неточными. Например, ученики говорят: «Имя существительное – это слово, которое обозначает предмет». Ошибка в этом определении заключается в том, что имя существительное – это часть речи, т.е. не одно слово, а целый грамматический разряд слов.

В устных ответах учащихся на уроках грамматики широко распространены определения, в которых указаны не все нужные, существенные видовые признаки. Эти «недостаточные» определения неточны, так как охватывают и такие понятия, которые не должны подходить под соответствующий термин. Приведём примеры таких определений.

Учениками может допускаться ошибка при определении однородных членов предложения: «Однородными членами предложения называются члены предложения, которые отвечают на один и тот же вопрос». Исходя из этого определения, можно считать, что в предложении *Мальчик плавно читает и красиво пишет* есть однородные обстоятельства образа действия, так как слова *плавно и красиво* отвечают на один и тот же вопрос *как?* Здесь неточность в определении возникла в результате отсутствия в нём указания на то, что однородные члены предложения должны относиться к одному и тому же слову в предложении.

Бывают случаи, когда в определениях, даваемых учащимися, содержатся указания на лишние существенные признаки, т.е. такие, которые являются следствием других признаков, уже приведённых в данном определении. Подобного рода «избыточные» определения довольно часто встречаются в школьной практике. Например, ученики определяют причастие: «Причастием называется

такая форма глагола, которая обладает признаками как глагола, так и прилагательного и изменяется по родам, падежам и числам». Следует указать, что признак «изменяется по родам, падежам и числам» является излишним в данном определении. Эта особенность причастий вытекает из того, что они имеют признаки прилагательных, о чём в определении уже содержится соответствующее указание.

Нередки случаи, когда в формулировку определения включаются несущественные признаки грамматических понятий. Чаще всего эти определения встречаются в результате того, что учащиеся иногда склонны рассматривать грамматические категории только в связи с графическим оформлением соответствующих слов или предложений. Вот примеры таких определений:

а) «Повествовательным предложением называется предложение, в конце которого ставится точка»; б) «Прямой речью называется чья-нибудь речь, которая заключается в кавычки»; а) «Собственными «менами существительными называются имена существительные, которые пишутся с прописной буквы».

Ученики, дающие такого рода определения, не задумываются над тем, что, например, повествовательные предложения, прямая речь, собственные имена существительные употребляются прежде всего в устной речи, в живом звучании языка, где нет ни точек, ни кавычек, ни прописных букв, и что поэтому признак графического оформления не может быть включён в определение понятия в качестве существенного признака.

В школьной практике приходится встречаться и с тавтологическими определениями, когда грамматическое понятие определяется самим собой. Такие словесные формулировки по существу ничего не определяют, так как не указывают ни на один из существенных признаков определяемого понятия. Излюбленными тавтологиями учащихся на уроках грамматики являются, например, следующие:

а) «Окончанием называется часть слова, которая стоит на конце»; б) «Настоящее время глагола означает, что действие происходит в настоящее время»; в) «Главным предложением называется то предложение, в котором выражена главная мысль сложного предложения».

Из этих примеров можно видеть, что тавтологическое определение часто становится неправильным не только по форме, но и по существу. Например, приведённое нами тавтологическое определение главного предложения неправильно уже хотя бы потому, что выражение главной мысли сложного предложения не является существенным признаком главного предложения. Ведь во многих случаях главная мысль сложного предложения сосредоточена как раз не в главном, а в придаточном предложении (*Знаю, что Отчизну в битве грозной от врагов мы отстоим*).

Из сказанного можно сделать некоторые методические выводы о работе над усвоением теоретических положений школьной грамматики. Очевидно, что нельзя требовать от учащихся механического заучивания наизусть словесных формулировок определений и правил. В этом случае ни предварительные наблюдения над языком, ни наводящие вопросы, ни самые обстоятельные объ-

яснения не спасут знания учащихся от формализма. Но не добьётся положительных результатов в изучении грамматики и тот преподаватель, который не воспитывает у учащихся уважения к словесным дефинициям грамматики. Работа над тем или иным теоретическим положением школьной грамматики должна заключаться не только в объяснении, в толковании сущности соответствующих закономерностей языка, но и в обстоятельном разьяснении того, почему данное положение сформулировано так, а иначе. В результате наблюдений над языком, в результате бесед учащиеся под руководством преподавателя приходят к определённым выводам.

Преподаватель должен всегда внимательно вслушиваться в произносимые учащимися определения, с тем чтобы иметь возможность обнаружить всякую допущенную в них ошибку, сейчас же указать на нее и добиться, чтобы эта ошибка была осознана всем классом. Надо воспитывать таким образом у учащихся чувство ответственности за каждое слово в произносимых ими формулировках теоретических положений грамматики.

Но даже и в тех случаях, когда учащиеся правильно, абсолютно точно формулируют грамматические определения и правила, нужно проверять, в какой степени они понимают их содержание. Конечно, лучшим способом проверки степени понимания учащимся теоретического положения является практическое применение этого положения. Но не всегда умение практически применить теоретическое положение может свидетельствовать о понимании смысла словесной формулировки, в которую данное теоретическое положение облечено.

Чтобы проверить понимание учащимися того или иного теоретического положения надо заставить их не только повторить формулировку в целом, но и разобрать её по частям. Надо требовать от учеников, чтобы они объяснили, как они понимают каждую составную часть формулировки, какое содержание они в неё вкладывают. Иногда приходится в таких случаях требовать объяснения даже отдельных слов и словосочетаний, входящих в состав формулировки. При такой требовательности к ответам учащихся и при такой чуткости к каждому произносимому ими слову работа над грамматическими определениями и правилами может стать для учащихся серьёзной школой мысли, школой умственного развития.

Вопрос о наиболее эффективных приёмах работы над теоретическими положениями в школьном преподавании грамматики требует глубокой и всесторонней методической разработки. Давно уже назрела необходимость привлечь к этому вопросу внимание широких кругов преподавателей-словесников.

Список литературы

1. Тихомиров Д.И. Опыт плана и конспекта элементарных занятий по русскому языку. М.: Тип. Красева, 1909. 81 с.
2. Цейтлин С.Н. Языковые правила и их освоение детьми // Русский язык в школе. М., 2013. №2. С. 25-30.

А.Ж. Умурзакова, Нурболат Нуржанар
A.Zh. Umurzakova, Nurbulat Nurzhanar
НАО АГУ им.Х.Досмухамедова (Атырау, Казахстан)
Atyrau University named after Kh.Dosmukhamedov, Atyrau

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ АВТОРСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Художественное литературное произведение обладает рациональной и эмоциональной силой воздействия на читателя благодаря индивидуально-образному изображению мира писателем. Авторская позиция и достижение желаемого воздействия на читателя проявляется за счет правильно расставленных акцентов в произведении. Как отмечают исследователи, в художественных произведениях для выражения авторской позиции используется широкий диапазон языковых средств от фонетических, морфологических, словообразовательных, лексических до синтаксических. В своей работе писатель изображает реальную действительность, используя образительно-выразительные средства: тропы, разговорную, просторечную лексику, фразеологические сочетания и др. В статье рассматриваются лексические средства выражения авторской оценки в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом». Проанализированные художественно-выразительные средства, использованные в анализируемом художественном произведении, отражают в полной мере авторскую оценку событий, персонажей и других элементов повествования, и именно с помощью этого инструмента данный текст приобретает особый эмоционально-выразительный характер. Экспрессивно-стилистические средства языка используются автором с целью выражения своих индивидуально-авторских представлений и знаний о мире и отражают неповторимость творческой индивидуальности автора и его эстетического отношения к действительности.

Ключевые слова: авторская оценка, образительно-выразительные средства, разговорная лексика, просторечная лексика, фразеологические сочетания.

TOOLS FOR CREATING AUTHOR'S CHARACTER CHARACTERISTICS IN A LITERARY WORK

A literary fiction has a rational and emotional impact on the reader due to the writer's individual image of the world. The author's position and the achievement of the desired influence on the reader is manifested by correctly placed accents in the work. According to the researchers, a wide range of linguistic means from phonetic, morphological, word-forming, lexical to syntactic ones are used in works of art to express the author's position. In his work, the writer depicts real reality, using visual and expressive means: tropes, colloquial, vernacular, phraseological combinations, etc. The article considers the lexical means of expressing the author's assessment in P. Sanaev's novel "Bury me behind the baseboard". The analyzed artistic and expressive means used in the analyzed work of art reflect fully the author's assessment of events, characters and other elements of the narrative, and it is with the help of this tool that this text acquires a special emotional and expressive character. The expressive and stylistic means of language are used by the author to express his individual author's representations and knowledge about the world and reflect the uniqueness of the author's creative personality and his aesthetic attitude to reality.

Keywords: author's estimation, figurative-expressive means of the spoken language, colloquial language, phraseological combinations.

Художественный текст, как отмечают многие исследователи, – это отражение субъективного восприятия автором окружающей действительности,

внутри которой он так или иначе дает свою оценку происходящего. По этой причине при изучении художественного текста не может не учитываться авторская позиция, особенности которой, в свою очередь, определяют особенности всего текста в целом. В статье в соответствии с данным тезисом изучаются языковые средства, которые используются автором для характеристики главных персонажей повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом».

Профессор Н.А. Николина отмечает, что описание образа персонажа недопустимо ограничивать только перечислением языковых средств, «вырванных» из контекста, «в центре внимания должна быть «жизнь» образа: его связи, развертывание в структуре текста, соотношенность с изображаемым в произведении миром и др.» [1, с. 53].

Повествование в произведении ведется от лица маленького мальчика Саши Савельева, он находится на воспитании у бабушки, потому что мама оставила мальчика в доме своих родителей. Сложные отношения между бабушкой и мамой становятся причиной редких встреч с мамой, и мальчик очень скучает по ней. Приход мамы всегда провоцирует бабушку на очередные скандалы. Все детство Саши сопровождают ссоры. Несмотря на это, Саша растет живым, думающим и искренним ребенком, для которого жизнь представляется ярким и малоизученным миром. Перед глазами впечатлительного ребенка развертывается огромный и многоликий окружающий мир. Автор повести использует множество языковых средств выразительности, иллюстрирующих богатое мировидение любознательного подростка.

Весьма распространенным художественно-выразительным средством в повести является эпитет. Эпитет, по мнению А.Н. Веселовского, – «это одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета ...» [2, с. 59].

Эпитеты, используемые в повести, являются эмоциональным и выразительным средством характеристики предметов, явлений, состояний, лиц (в повести мы насчитали 22 эпитета). Так, в повести используются следующие эпитеты, характеризующие предметы, явления: «звенящий мороз», «уютная лампа», «тепло, пахнущее жучками», «послушный магнитофон», «зловещее дыхание», описывающие состояние героев: «восторженный ужас», «восторженное недоверие», характеризующее лицо: «нерасшибаемый Борька» [3, с. 1-37].

Следующим распространенным средством, «усиливающим действенность высказывания благодаря тому, что к логическому содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки», является метафора [4, с. 210]. Писатель в полной мере использует изобразительно-выразительные средства для решения художественных задач характеристики образа главной героини, бабушки Нины Антоновны: «бушевание стихии в ванной» – крики и недовольства бабушки; «бабушкины комбинации» – бранные выражения, для образного описания развлекательных объектов, увеселительных мероприятий: «человекокрутящая машина» – аттракцион, «клад удовольствий» – комнаты развлечений в санатории, «разгар веселья» – веселые ночи в санатории.

Метафоры используются автором для переносного описания какого-либо явления: «объятия мороза» – о сильном холоде, «место трагической гибели

чайника» – о разбившемся чайнике, «порционное сооружение» – еда для Саши, приготовленная бабушкой [3, с. 2].

В богатом воображаемом мире Саши Савельева неодушевленные предметы приобретают свойства живых существ, так, «баночки теснятся и валятся», «чайник жалобно звякает», «крышка предусмотрительно укатывается» [3, с. 1-37]. В повести зафиксировано 11 примеров олицетворений, являющихся средством характеристики.

Сравнения также, как и другие тропы, являются средством авторской характеристики главных персонажей художественного произведения, часто сравнения встречаются в речи героев. Сравнительные обороты, используемые в тексте, образуются с союзами *как, словно, будто*: «я словно прирос к полу» (Саша о себе), «огромные глаза, как у лемура» (о подружке Лордкипанидзе), при помощи сравнительного придаточного предложения: «веселость слетела с него, как сорванный ветром лист» (о мужчине в парке), «просунув руки так, словно заряжала фотопленку» (о бабушке).

Выразительным средством речевой характеристики главного героя Саши является прием цитации, герой, используя косвенную речь, рассказывает о себе бабушкиными словами: «Дело в том, что такая сволочь, как я, ничего самостоятельно делать не может. Мать эту сволочь бросила, а сволочь еще и гниет постоянно, вот так и получилось» [3, с. 1].

Речь мальчика формируется в социальной среде, в которой растет ребенок и отражает прямое влияние бабушки на Сашу, в ней отмечается использование стилистически сниженных слов, разговорных и просторечных выражений. Но и в этом возрасте герой обладает живым и острым умом, на это указывают глаголы когнитивной деятельности, которые использует Саша: *я думал, я вспомнил, я решил, я ожидал*. Они свидетельствуют о его любознательности. Саша находится между двух огней. Мама для него – счастье, бабушка – жизнь.

В повести используется просторечная лексика, имеющая сниженную стилистическую окраску и выражающая различные эмоции; так, в речи Нины Антоновны, прожившей трудную жизнь, испытавшей множество разочарований встречается много просторечных слов: *бrehать – врать, припереть – принести, кокнуть – убить, якшаться, угораздить – устроить что-нибудь нелепое* [3, с. 1].

В речи главной героини часто используются вульгарные слова, или вульгаризмы, которые употребляются при описании предметов и событий и выражают отрицательную эмоциональную окраску.

Свою родную дочь бабушка называет исключительно вульгарными бранными словами: «страхолюдина» [3, с. 27, 31]. Просторечные слова с негативной эмоциональной окраской используются Ниной Антоновной и по отношению к любимому внуку.

В речи бабушки выражением крайней степени выражения недовольства родными, мужем, дочерью, внуком, является проклятие – «словесная формула, содержащая пожелание зла в адрес кого- или чего-либо, ругательства. Крайнее, бесповоротное осуждение, знаменующее полный разрыв отношений и отторжение» [5].

Так, в тексте произведения встретились следующие выражения: «Будь ты проклят небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом!»,

«Чтоб на твою голову одни несчастья сыпались!», «Чтоб ты кроме возмездия, ничего не видел!» (любимое проклятие бабушки для мужа) [3, с. 1]; «Будь ты проклят... Чтоб ты жизнь свою в тюрьме кончил», (проклятие для любимого внука) [3, с. 1]; «Чтоб тебе этот творог комом в горле встал!», «Чтоб твои органы собакам выбросили за то, что ты ребенка родить посмела (проклятия для дочери) [3, с. 33, 34, 35].

В тексте встретилось всего 19 проклятий: 11 – внуку Саше, 4 – дочери Оле, 4 – мужу Сене. Структурный анализ проклятий как словесных формул показывает, что данные языковые единицы построены по принципу синтаксического параллелизма в сочетании с анафорой: «Чтоб тебя», «чтоб ты», «чтоб вам». Для усиления смыслового содержания и создания образности во многих случаях используется стилистический прием градации, «чтобы отсохли: печень, почки, мозг, сердце», проклинает «небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом!».

Речь бабушки также изобилует фразеологическими сочетаниями разговорного и просторечного характера, придающими речи выразительность, показывающие богатство речи героини. Бабушка сравнивает себя с «ломовой лошадью», потому что ей по жизни приходится много и тяжело работать, чтобы накормить семью. Нина Антоновна говорит, что ее дочь повесила Сашу на шею «тяжкой крестягой» [3, с. 1]. Фразеологизм «нести тяжкий крест» обозначает «терпеливо переносить страдания, испытания, тяжёлую судьбу». Другие фразеологизмы: «бокком вылезут» – плохо кончится для кого-либо; «биться как рыба об лед» – напрасная деятельность; «как кость в горле» – о мешающем человеке; «след простыл» – бесследно исчез; «псу под хвост» – напрасное дело; «заплатить кровью» – отдать жизнь [6, с. 1].

Анализ показывает, что в речи бабушки использовано 29 фразеологизмов, почти в 3 раза больше, чем у Саши (10 фразеологизмов).

Все фразеологические сочетания выражают осуждение, ироническое или насмешливое отношение к предмету речи. Итак, как показывает анализ яркой эмоциональной речи бабушки, она характеризуется тем, что насыщена разговорными, грубыми просторечными словами, фразеологизмами, проклятиями. Речевая характеристика представляет противоречивый образ резкого, невоспитанного и озлобившегося на жизнь человека, но все-таки с любовью в сердце, пусть даже такой особенной и непривычной.

Таким образом, проанализированные художественно-выразительные средства, использованные в художественном тексте, отражают в полной мере авторскую оценку событий, персонажей и других элементов повествования, и именно с помощью этого инструмента данный текст приобретает особый эмоционально-выразительный характер.

Список литературы

1. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
2. Веселовский А.Н. Из истории эпитета [Электронный ресурс]. URL: <http://az.lib.ru/w/weselowskij> (дата обращения: 10.10 2021).

3. Санаев П. Похороните меня за плинтусом [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.lib.ru/s/sanaev/plintus.shtml>.
4. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 696 с.
5. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.10 2021).
6. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2009. 781 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.10 2021).

В.Ю. Шашкова
V.Yu. Shashkova
*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk*
Т.Д. Полуэктова
T.D. Poluektova
*Северный государственный медицинский университет
(Архангельск, Россия)
Northern State Medical University, Arkhangelsk*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УДИВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА

В статье рассматриваются языковые средства выражения удивления в произведениях Н.С. Лескова. Целью исследования является методическая обработка художественных текстов. В статье дана характеристика категории эмотивности, приведена дефиниция удивления, рассмотрены возможности и формы языкового выражения удивления в тексте, как эмоционально-экспрессивной реакции персонажей и автора. На материале произведений Н.С. Лескова приведены примеры типичных вербальных и невербальных способов выражения эмоции удивления.

Ключевые слова: *эмотивность, удивление, художественный текст, языковые средства.*

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF SURPRISE IN THE WORKS OF N.S. LESKOV

The article considers the linguistic means of expressing surprise in the books by N.S. Leskov. The research purpose is the analysis of literary texts. The authors describe the category of emotiveness, give a definition of surprise, consider the possibilities and forms of linguistic expression of surprise in the text, as an emotional and expressive reaction of the characters and the author. Based upon the material of the books by N.S. Leskov, examples of typical verbal and non-verbal ways of expressing the emotion of surprise are given in this article.

Keywords: *emotiveness, surprise, literary text, language means.*

Рождение полноценного персонажа произведения, создание текста, способного остаться в классике национальной литературы, несомненно, связано с умением автора воплощать в тексте характеры живых людей. В этом отношении именно передача эмоциональных состояний героев является ключевым моментом создания полноценного образа. При этом, вслед за С.В. Ионовой мы разделяем понятие эмоциональности, как проявление эмоций человеком, и эмотивности, как воплощение эмоциональных состояний в тексте.

По мнению С.В. Ионовой, эмотивность до сих пор является одним из самых неопределенных свойств текста, что связано с неизученностью данной лингвистической категории [4, с. 1].

Подробное изучение категории эмотивности осуществлялось в рамках прагматики, а в 70-е годы XX века усилился интерес лингвистов к изучению эмоций на вербальном уровне [1]. Способы выражения эмоций на письме, в первую очередь, обусловлены национальными, культурными, историческими и языковыми особенностями. Учитывая данные особенности, стоит отметить и ряд схожих черт вербального выражения эмоций в различных языках, что утверждает нас в выводе, что эмотивность можно считать универсальной категорией языка. Человек, как носитель языка, к какой бы национальности он не принадлежал, испытывает такие эмоции, как радость, гордость, разочарование, удивление и т.д. Однако в зависимости от особенностей культуры эмоции могут проявляться более или менее интенсивно.

При интерпретации персонажа и ситуаций, описанных автором в тексте произведения, большое значение имеет умение верно распознавать выражение эмоциональных состояний героя, в частности, удивления, как одной из наиболее типичных поведенческих реакций. Удивление – это эмоциональная реакция говорящего на неожиданность несовпадения ожидаемого и реального [2, с. 16]. Удивление часто оказывается первичной реакцией героя на неожиданные события или явления, с которыми он сталкивается в рамках повествования, и может быть выражено в широком разнообразии форм. Средства, выражающие эмоцию удивления, могут быть представлены на фонетическом, лексическом, фразеологическом, стилистическом, словообразовательном, синтактико-грамматическом и текстуальном уровнях. Возможности и формы языкового выражения удивления в тексте, как эмоционально-экспрессивной реакции персонажей и автора, и будут предметом рассмотрения в данной статье.

В начале анализа следует отметить, что удивление не всегда обязательно проявляется в речи, что может быть вызвано предписаниями вежливости и правилами этикета, не в каждом случае допускающими открытое выражение эмоций по отношению к собеседнику, но всегда находит то или иное выражение в тексте, поскольку одной из задач автора является создание психологического портрета персонажа, приближенного к жизни. Для этой цели могут быть использованы ремарки («удивленно», «с явным удивлением», «слегка удивляясь»), элементы описания («Выражение лица его исполнилось крайнего удивления», «Глаза ее расширились»).

С другой стороны, как в коммуникации, так и в тексте «иногда используется нарочитое удивление, дающее собеседнику шанс проявить различную оценку собственного видения ситуации или ее предположительного исхода» [13, с. 136]. Сфера удивления может быть и хорошей, и плохой, удивляются и радостным событиям, и горестным, а также нейтральным по знаку – неожиданным [3, с. 60]. При положительном характере удивления сопряженным значением становится одобрение, радость или согласие с собеседником, ситуацией («Вот это сюрприз!»), в случаях отрицательного удивления его синонимами могут стать несогласие, критика, сожаление, разочарование («Ты застал меня врасплох!», «Никак не ожидал от тебя!»).

Говорящим могут быть использованы эмотивные высказывания, выражающие удивление по отношению к адресату (Ты приезжаешь в столицу в пятый раз и еще ни разу не гулял по Кремлю?! Вот это да!) или по отношению к лицу, не принимающему в акте коммуникации непосредственного участия (Неужели она не знала?). Эмоция удивления может быть вызвана неожиданными изменениями общества или окружающей обстановки: неожиданной встречей, внешними изменениями знакомого человека (Тебя не узнать! Ты так выросла!) или места (Как же тут все изменилось!), чьим-то неожиданным поступком (Неужто он женился!), неожиданным результатом (Пятерка? А ты не готовился совсем!), неожиданной новостью, ситуацией, событием и т.д.

Рассмотрим наиболее типичные вербальные способы выражения эмоции удивления в произведениях Н.С. Лескова.

- предложения, содержащие междометия: Ой! / О! / Ах! / Ого! / Боже (мой)! / Ух ты!

«– Ух! Шибнуло как, – сказал Прокудин, заслоняя от жары ладонью своё лицо.» [5]

«– Я тебе отцом, матерью в гробу клянусь.

– О-о, дурак! Не тронь их.» [5]

«– Ах, Степа! Что только мы наделали? – обернувшись к нему, проговорила Настя.» [5]

«– Ах, какой ты мудреный! Да веди куда хочешь.» [5]

- оценочные номинативные предложения с модальной частицей вот это: Вот это новость! / Ну и новость! / Вот сюрприз! / Вот это сюрприз!

– Важно! Вот так песельница! Вот так пара! – кричали ребята [5]

- предложения, включающие эмоционально-оценочные наречия: Странно! / Удивительно! / Поразительно! / Невероятно!

«– Действительно, – говорит, – мудрено жить – только он живет.» [10]

«Дивно, дивно все это Севастьян изобразил, и в премельчайшем каждом личике все богозрительство выразил, и надписал образ «Доброчадие», и принес англичанам.» [6]

- вопросительные предложения, содержащие модальные частицы: Неужели? / Разве? / Да? / Да ну? / Да ну! / Ну? / Ну и ну!

«– Как это возможно – отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?» [7]

«– Неужели с того, что вы меня богаче, то у вас и чувств больше?» [11]

– Да вы разве умеете лечить? [11]

– вопросительные местоимения кто/что (и их падежные формы): Кто?! / Что?!;

«– Что-о? – спросил Костик и заскрипел зубами. – Не пойдёшь?» [5]

«– Что? – крикнул портной. – Он штаны испортил, и он не поедет.» [5]

– вопросительные местоименные наречия: Когда? / Когда, когда? / Откуда? / Почему? / Где? / Как! / Как (это) так? / Зачем? / Куда?

«– Что болтать! Когда ты меня зазнал-то? Когда полюбить-то было?» [5]

«– Как же вам это известно?» [11]

– устойчивые восклицания: Вот это да! / Вот это да! / Надо же! / Не может быть! / Не может быть! Ну, ты даешь! / Seriously?! / Ты это серьезно? / (Ты) шутишь?! / Да что ты говоришь! / Да что ты! / Поверить не могу! / Я (просто) удивляюсь / поражаюсь тебе! / Ты меня удивляешь/поражаешь! / Да ладно? / Правда?! / Ничего себе! / В самом деле?

«– Да что ты в самом деле дурачишься-то! – крикнула барыня и толкнула Настасью кулаком в спину.» [5]

«– Что ты, дура! неш кто увидит. Вишь, тут на задворке любо, что хочем, то и скомандуем, – говорила Варвара.» [5]

При (неожиданной) встрече друга (подруги) часто используются особые способы выражения удивления:

– оценочные номинативные предложения: Вот так (это) сюрприз! / Какой приятный сюрприз! / Какая неожиданность!

– *Вот он где, милый дружок, – продолжая смеяться, говорила Варвара* [5].

– устойчивые выражения: Какими судьбами?! / Я не верю своим глазам! / Глазам своим не верю! / Не ожидал(а) встретить тебя здесь!

«Лиза повернулась, взглянула на своего друга, откинулась назад и, протянув обе руки, радостно воскликнула: – Женька! какими судьбами?» [9].

В официальных коммуникативных ситуациях общения не принято выражать эмоцию удивления интенсивно, поэтому набор способов выражения эмоций будет менее богатым, они будут обладать меньшей степенью экспрессии, коммуниканты будут избегать использования элементов разговорной речи. Могут использоваться выражения: Кто бы мог подумать! / Никогда бы не подумал! / Подумать только! / Странно! / Удивительно! [12]

«– Ты – старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может» [7].

Следует отметить, что способы выражения эмоции удивления при общении с человеком равного социального статуса выражаются более эмоциональными средствами, чем при общении с человеком выше или ниже по статусу. В официальной обстановке общения неуместно употребление междометий, частиц, фразеологизмов и т.д.

Помимо вербальных способов выражения удивления, в текстах художественных произведений также используются невербальные средства. Их можно подразделить на две группы: описание поведения персонажей, испытывающих эмоцию удивления, и графические средства передачи эмоции удивления.

В русской художественной литературе вербальное и невербальное описание эмоции удивления достаточно часто неразрывно связаны и дополняют друг друга. Выражение глаз, губ персонажей, их мимика, жесты и даже молчание могут быть авторскими способами передачи гиперболы или литоты передачи эмоционального состояния удивления. В тексте это может быть передано как вербально («Он замолчал», «Тишина окутала комнату»), так и графически (многоточие, восклицательный и/или вопросительный знак, тире). При этом выбор пунктуации также сообщает читателю о дополнительных эмоциях персонажа: многоточие – недосказанность, недоумение; восклицательный знак – усиление степени удивления; вопросительный знак – негодование, возмущение. В современных текстах используется также изменение жирности, кегеля, стиля текста, его подчеркивание, caps lock, использование разрядки.

В качестве доминирующих синтаксических конструкций для отображения удивления в художественной литературе используются следующие: вопросительные предложения (которые, в свою очередь подразделяются на риторические вопросы, собственно вопросительные предложения и повторные вопросы), эллиптические и неполные предложения, восклицательные предложения. Часто данные синтаксические конструкции используются в комбинации, позволяющей авторам максимально достоверно передавать эмоциональное состояние героя.

Рассмотрим в качестве примеров ситуации из произведений Н.С. Лескова.

«Костик недолго собирался. На другой же день он вызвал сестру в чулан и объявил ей свою волю. Девка так и ахнула.

– Это за гугнявого-то? – спросила она. – Что это вы, братец! шути-те?» [5]

«Старик так и позеленел. Он никак не ожидал такой наглой дерзости от согрешившей, но всегда до сих пор покорной невестки.

– Что ты это, такая-сякая, – начал он срамить Катерину Львовну» [8].

«– Так прах же тебя разберет, кто же ты такой?

– Я конэсер.

– Что-о-о тако-о-е?» [11]

«Я это вижу и велю конюхам: «Тащите, говорю, скорее с него, мерзавца, узду долой». Те ушам не верят, что я им такое даю приказание, и глаза выпучили» [11].

Таким образом, анализ произведений писателя показывает, что в эмотивных устойчивых сочетаниях интенсивнее отражаются особенности материальной и духовной культуры говорящего, что помогает писателю дать характеристику персонажам, раскрыть их и наделить особыми, присущими им чертами характера.

Список литературы

1. Fiehler R. Kommunikation und Emotion. Theoretische und empirische Untersuchungen zur Rolle von Emotionen in der verbalen Interaktion. Berlin-NY: de Gruyter, 1993. 341 с.
2. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 166 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 55-75.
4. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 19 с.
5. Лесков Н.С. Житие одной бабы [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/jitie_odnoi_baby/vol1/1 (дата обращения: 15.10.2021).
6. Лесков Н.С. Запечатленный ангел [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/read_book.php?item_id=9316&page=11 (дата обращения: 16.10.2021).
7. Лесков Н.С. Левша [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/986/p.1/index.html> (дата обращения: 16.10.2021).
8. Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/439/index.html> (дата обращения: 17.10.2021).
9. Лесков Н.С. Некуда [Электронный ресурс]. URL https://rvb.ru/leskov/01text/vol_02/009-1-22.htm (дата обращения: 17.10.2021).
10. Лесков Н.С. Одnodум [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1879_odnodum.shtml (дата обращения: 18.10.2021).
11. Лесков Н.С. Очарованный странник [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/15/p.1/index.html> (дата обращения: 18.10.2021).
12. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на матер. русского и чешского языков). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. 146 с.
13. Соболев Е.Ю. Языковые средства репрезентации эмоции удивления в английском художественном тексте. М.: Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика» №3. 2011. С. 135-142.

Виктор Шетэля

Victor Szetela

*Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)*

Moscow Pedagogical University State, Moscow

КОММЕНТАРИИ К ТЕРМИНАМ *ТЕЛЕФОН*, *ФОТОГРАФИЯ* В СТИХОТВОРНОЙ СТРОКЕ ПОЭТЕССЫ МАРИИ НИКИТИНОЙ

*В докладе комментируются интернациональные по своему характеру термины **телефон**, **фотография**, употреблённые в стихотворной строке известной русской поэтессы Марии Никитиной. Отмечается высокую художественность стихотворения с участием этих единиц, а также определяется этимология и распространение каждого из них в языке. Указываются значения и оттенки значений у М. Никитиной и в прошлом у других авторов. Термины **телефон**, **фотография**, а также их производные, в строке современной поэзии Марии Никитиной, раскрывают мотивы, по которым эти единицы были употреблены, а соединение этих двух единиц в одной статье, на наш взгляд, раскроют, возможно, одну из тайн, по которой развивается научно-технический прогресс. В наше время телефон не*

только служит средством общения, передачи изображения на расстояние, а и используется как средства передачи информации (обучение).

Ключевые слова: интернациональный, лексикология, семантика, составное наименование, слово, термин, этимология.

COMMENTS ON THE TERMS *TELEPHONE*, *PHOTOGRAPHY* IN THE POETIC LINE OF THE POETESS MARIA NIKITINA

*The report comments on the international terms of the **telephone**, **photography** used in a verse line by the famous Russian poetess Maria Nikitina. The high artistry of the poem with the participation of these units is noted, and the etymology and distribution of each of them in the language is also determined. The values and shades of values are indicated by M. Nikitina and in the past by other authors. The terms **telephone**, **photography**, as well as their derivatives, in a line of modern poetry by Maria Nikitina, reveal the motives for which these units were used, and the combination of these two units in one article, in our opinion, will probably reveal one of the secrets according to which scientific and technological progress is developing. Nowadays, the **telephone** not only serves as a means of communication, transmitting images over a distance, but is also used as a means of transmitting information (training).*

Keywords: international, lexicology, semantics, compound name, word, term, etymology.

Употребление в стихотворной строке самых обычных для нашего времени терминов **телефон**, **фотография** может показаться странным по причине, во-первых, употребления его, именно, в стихотворной строке в «высоком штиле», а во-вторых, при кажущейся несовместимости высоких духовных материи и таких обычных для нашего времени наименований аппаратов. А тем временем слова **телефон**, **фотография** играют значимую роль в текстах разного жанра.

В сборнике стихов члена Союза писателей России Марии Никитиной «Стихи-бриллианты» (М., 2019) находим следующие строки с употреблением термина **телефон**: «В бокалах пенятся напитки, В барах музыка гремит, Повсюду письма и открытки. А телефон весь день звонит» [5, с. 16]. По дате написания этих строк (2.03.13 г.) можно определить тип телефона, о котором здесь речь. Это скорее всего может быть стационарный телефон – такой комнатный, а не мобильный, запрятанный в карман курточки. Или может быть в 2013 г. мобильные телефоны не были столь популярны и речь здесь о довольно громоздком телефонном ящике в квартире хозяйки в то время, когда она развлекается в баре? Как бы то ни было, но в стихотворении речь о том, что звонящий телефон является показателем нужности человека, к которому звонят. Здесь важны чувства, а не технические нюансы.

Однако, стихотворная строка М. Никитиной со словом **телефон**, а также со словом **фотография** является поводом поразмыслить о техническом прогрессе и об истории этих терминов в русском языке.

Телефон (греч. τηλε – „далеко” + φωνή – „звук”) – «акустический телеграф: аппарат, изобретенный в начале 60 годов, передающий речь, пение и т.п. на далекое расстояние, помощью пролок, заряженных электричеством» [2, с. 633].

М.Е. Салтыков-Щедрин вместе с вводом в жизнь данной технической новинки предвидел возможность, как мы бы сейчас сказали, *дистанционного обучения*. Щедрин писал: «Набрать бы ... педагогов, которые и распространяли бы по телефону свет знаний...» [14, с. 156].

Фантазии М.Е. Салтыков-Щедрин осуществляются в наше время и уже не одно десятилетие. В XXI веке более совершенные технические средства связи, какими являются Интернет, мобильный телефон с его приложениями в большей мере создают возможность дистанционного обучения.

Отметим, что в названном здесь словаре иностранных слов И.И. Гавкина, неоднократно переиздаваемого, а последнее в первых десятилетиях XX века, имеются словарные статьи не только на **телефон** и на слова: **телефонема, телефонировать, телефонист, -ка, телефонический, телефония, телефонный, телефотография** – «недавно открытый способ передачи изображений, посредством электричества, на дальнее расстояние» [2, с. 633]. Этот ряд словарных статей отражает не только бурное развитие данной отрасли связи, а и раскрывает возможности применения новой техники в учебной практике, что и предвидел Щедрин.

Вместе с этими новинками расширился способ коммуникаций людей, не только через ввод в общий обиход морского **алло**, а, например, по текстам А.П. Чехова можно увидеть, что предлог **по** в выражении **говорить по телефону** в его время употреблялся с предлогом **в** – **говорить в телефон**: «Скажите также вашему магазину (*в телефон*), чтобы он выслал мне... две книги» (Чехов в письме Суворину от 13 мая 1891 г.) [8, с. 234].

Устойчивость приобрело даже выражение с компонентом **телефон** – **телефон не изобретать**, заменяющий выражение **изобретать велосипед** или **открывать Америку**. См.: «В сражениях я никогда не бывал, мониторов не взрывал и телефонов не изобретал, но, тем не менее, я почему-то известен в Петербурге, Москве и даже в Гамбурге» [11, с. 187].

В иной строке Марии Никитиной читаем:

«Голос давно твой не слышу, Нет от тебя новостей, лишь фотографию вижу, Жду, что вернешься быстрее» [5, с. 39].

С помощью слово **фотография** развивается тема тоски по близкому человеку.

Фотография (франц. *photographie* < англ. *photograph*: неологизм 1839 г. Дж. Гершеля на базе греч. *phōs, phōtos* – „свет” + *graphein* – „писать” [13, с. 345-346]. Слово **фотография** пояснялось известными российскими лексикографами, напр.: «*греч.* – искусство снимать предметы на бумагу посредством света; светопись, солнопись. || Картина, сим способом снята, **фотографическое изображение**. || Заведение, устройство, мастерская художника **фотография**, светописца» [4, с. 538]; «*греч.* – светопись; точное воспроизведение предметов, получаемое посредством закрепления на светочувствительной пластинке изображения, получаемого в камера-обскуре; || самое фотографическое, т.е. переведенное уже с негатива на бумагу, изображение» [2, с. 686].

В своих произведениях И.С. Тургенев часто отмечал изменения, происходящие в технике. Появление новики знаменовало новую эпоху, см., напр.: «В то время о фотографиях еще помину не было. Дагерротипы едва стали распространяться» [7, с. 458].

И.А. Гончаров отмечал превосходство фотографии над другим способом съёмки, см.: «Уж лучше снять фотографию: та по крайней мере передаст все подробности (...) Можно снять посредством дагерротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору с садами, но не нарисуешь этого воздуха, которым дышит грудь, не передашь его легкости и сладости» [3, с. 84].

Слово **фотография** являлось необходимым для детального описания действий персонажа. Может быть эти действия не являлись столь значительными, но все же фотография + альбом создавали своим вводом в текст определенный настрой. См.: «Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографию. Ведь портретов Овэна нет нигде, ни у кого» [10, с. 262]; «Он молча садился в гостиной и, взявши со стола альбом, начинал внимательно рассматривать потускневшие фотографии каких-то мужчин в широких панталонах и цилиндрах и дам в кринолинах и в чепцах» [12, с. 220].

Отметим производные от этого слова, напр., глагол **фотографировать** – «снимать на плитку или пленку», напр.: «Vogel, приятель Жуковского, фотографировал портрет Лизы (Валуевой)» [1, с. 16].

Отметим прилагательное **фотографический, -ая** в сочетании со словами **портрет, карточка, снимок** и другими. См.: «На письменном столе были фотографические портреты в дорогих резных рамках» [9, с. 215]; «Она (Анна. – В.Ш.) встала и, сняв шляпу, взяла на столике альбом, в котором были фотографические карточки сына в других возрастах» [6, с. 109].

Возможно, что все представленные здесь примеры, если не прямо, то косвенно, объясняют историю этого вида техники и терминов его обслуживающих. На всякие подобные размышления приводят интернациональные слова **телефон, фотография**, употребленные в стихотворной строке Марии Никитиной. Эти наименования связаны друг с другом, хотя бы тем, что мобильный телефон служит не только средством общения, а через свои приложения может в настоящее время передавать, посредством фотографирования, изображения на расстояние, что важно для учебной практики.

Список литературы

1. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Издание Графа С.Д. Шереметева. СПб., 1886. Т.Х. 528 с.
2. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. СПб., К., Харьков, 1912. 745 с.
3. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. М.: Правда, 1985. 688 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1882. Т.4. 683 с.
5. Никитина М. Стихи-бриллианты. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. 82 с.
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман в восьми частях. Ч. 5-8. Л.: Худ. лит., 1979. 392 с.
7. Тургенев И.С. Вешние воды // Тургенев И.С. Повести. М.: Худ. лит., 1976. С. 361-490.

8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. Т. 2. 559 с.
9. Чернышевский Н.Г. Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. М.: Гос. изд. худ. лит., 1953. 446 с.
10. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Худ. лит., Ленингр. отд., 1971. 510 с.
11. Чехов А.П. Тоже открытое письмо к разным лицам // Чехов А.П. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1985. Т.4. С. 187-188.
12. Чехов А.П. Дуэль // Чехов А.П. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1985. Т. 7. С. 207-309.
13. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994. 399 с.
14. Щедрин Н. (М.Е.Салтыков). Мелочи жизни. Собр. соч. М., 1951. Т.11. 486 с.

РАЗДЕЛ 5. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ

А.С. Асылбаева

A.S. Asylbayeva

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Eurasian National University L.N. Gumilev, Nur-Sultan

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И КОНЦЕПТОСФЕРА

Статья посвящена анализу «ключевых слов» как центральных точек, вокруг которых организованы целые области культуры, и исследованию таких концептов и концептосфер, которые позволяют не только понять и описать метаязык культуры прошлых столетий, настоящего и будущего времени, но и глубинно разобраться в когнитивном процессе формирования, существования и обобщения понятий, соединить в себе языковую и культурную семантику слова, разграниченную в прикладной лингвистике в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира.

Ключевые слова: *концептосфера, концепт, культурный концепт, когнитивный процесс.*

KEY WORDS AND CONCEPTOSPHERE

The article is devoted to the analysis of «Key words» as central points around which whole areas of culture are organized, and the study of such concepts and conceptospheres, which allow not only to understand and describe the metalanguage of culture of past centuries, present and future, but also to deeply understand the cognitive process of formation, existence and generalization of concepts, connect the linguistic and cultural semantics of the word, distinguished in applied linguistics in connection with the division of language and conceptual world pictures.

Keywords: *conceptosphere, concept, cultural concept, cognitive process.*

В лингвистике в связи с повышенным интересом к роли культурной личности в процессах концептуального познания действительности и языкового мышления все больше внимания уделяется логическому анализу слов, несущих в себе потенциальный заряд огромного опыта предшествующих поколений, культуры и менталитета всего народа. А. Вежбицкая пишет: «Ключевые слова – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [1, с. 35]. Как можно обосновать утверждение, что то или иное слово является одним из «ключевых слов» некоторой культуры? Следует установить (с помощью или без помощи частотного словаря), что слово, о котором идет речь, представляет собою общеупотребительное, а не периферийное слово. Следует также установить, что слово, о котором идет речь (какой бы ни была частота его употребления), очень часто используется в какой-то одной семантической сфере, например, в сфере эмоций или в области моральных суждений. В дополнение может оказаться нужным продемонстрировать, что данное слово находится в центре целого фразеологического семейства, подобного семейству выражений с

русским словом *душа* [1, с. 36]: *на душе, в душу, по душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открыть душу, душа нараспашку, разговаривать по душам* и т.д. Может быть, возможно будет также представить, что предполагаемое «ключевое слово» часто встречается в пословицах, в изречениях, в популярных песнях, в названиях книг и т. д.

Но дело не в том, как доказать, является ли то или иное слово одним из ключевых слов культуры, а в том, чтобы, предприняв тщательное исследование какой-то части таких слов, быть в состоянии сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное.

Использование «ключевых слов» в качестве метода изучения культуры может быть подвергнуто критике как «атомистические» изыскания, уступающие «холистическим» подходам, направленным на более общие культурные модели, а не на «случайно выбранные отдельные слова». Возражение такого рода может иметь силу по отношению к некоторым «исследованиям слов», если эти исследования действительно представляют собою анализ «случайно выбранных отдельных слов», рассматриваемых как изолированные лексические единицы [1, с. 40].

Однако анализ «ключевых слов» культуры вовсе не обязательно должен вестись в духе старомодного атомизма. Некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, можно будет продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей.

Итак, под культурными концептами понимаются значимые слова культуры, встречающиеся практически во всех естественных языках мира и обладающие низкой частотностью в силу их малого использования в разговорно-бытовой речи. Сферой существования таких культурных концептов является в основном литературный язык, слова которого стилистически нейтральны, нормированы и универсально ценностны.

Таким образом, признаком культурного концепта является присутствие этого слова, отражающего специфику видения мира, присущего носителям естественных языков и культур, во всех языках; низкая частотность и универсальная ценность понятия [3, с. 75]. Основной функцией концепта является функция замещения не только основных значений слова, но и всех его возможных вариантов и оттенков употребления. Таким образом, в концепте сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология каждого народа.

Ряд взаимообусловленных концептов представляет собой концептосферу. Концептосфера – это сфера понятий, выработанных языковым сознанием и отражающая все богатство ассоциативных возможностей языка [3, с. 33].

Понятие концептосферы имеет ярко выраженную полевою основу. Каждый отдельно взятый концепт будет иметь свою концептосферу, которая, в свою очередь, будет являться одним из составных элементов общей концепто-

сферы отдельной личности и всего народа. Данные концептосферы, разделенные в результате единства семантических и формальных признаков концепта, отображающих реальное, смысловое или функциональное сходство, не могут существовать обособленно друг от друга. Они характеризуются динамичной структурой и взаимопроникновением, что уже выше упоминалось при разграничении понятий «слово» и «концепт».

Учитывая традиционные и современные трактовки лингвистического поля и его разновидностей, мы считаем возможным обозначить отдельные концептосферы термином «концептосферическое поле».

Под *концептосферическим полем* понимается систему языковой и культурной семантики. Иными словами, совокупность семантических, понятийных и ассоциативных полей [4, с. 80-82].

Отдельное исследование таких концептов и концептосфер, которые они образуют, позволит не только понять и описать метаязык культуры прошлых столетий, настоящего и будущего времени, но и глубинно разобраться в когнитивном процессе формирования, существования и обобщения понятий.

Когнитивный процесс неразрывно связан с «картиной мира», существующей в сознании каждого индивидуума, общества и отображающей объективную действительность сквозь субъективный фильтр (национальный менталитет, систему взглядов). Картина мира, основанная на ощущениях, представлениях, восприятии и мышлении человека, задает нормы поведения, систему ценностей и мировоззрения, влияющие на формирование и обобщение понятий.

Концептуальный анализ позволяет соединить в себе языковую и культурную семантику слова, разграниченную в прикладной лингвистике в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира. Синтез этих двух подходов приведет к объективному логическому анализу концептов естественного языка [4, с. 197].

Список литературы

Вежицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. Пер. с англ. П.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 34-45.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. №1. С.32-50.

Нуртазина М.Б. Новые тенденции в историко-культурном аспекте описания концептов // Материалы международной конференции «Язык и культура Евразии». М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. С. 194-200.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 64 с.

Е.В. Беленкевич
E.V. Belenkevich
Алтайский государственный
технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)
Altai State Technical University
named after I.I. Polzunov, Barnaul

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»: ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЯ

В статье представлен анализ языковых средств, репрезентирующих лингвоконцепт «Любовь» в народно-речевой культуре Алтая. Языковым материалом исследования послужили массив диалектных текстов, собранных в селах Быстроистокского района Алтайского края, а также Словарь русских говоров Алтая, Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая и Фразеологический словарь русских говоров Сибири.

Ключевые слова: лингвоконцепт «Любовь», народно-речевая культура, диалектный дискурс.

«LOVE» CONCEPT: REFLECTION IN FOLK SPEECH CULTURE OF ALTAI

The article presents an analysis of linguistic means representing the linguistic concept «Love» in the folk speech culture of Altai. The linguistic material of the research was the array of dialect texts collected in the villages of the Bystroistok district of the Altai Territory, as well as the Dictionary of Russian dialects of Altai, Historical and etymological dictionary of Russian dialects of Altai and the Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia.

Keywords: linguistic concept «Love», folk speech culture, dialectal discourse.

В языковой картине мира каждого народа существуют набор базовых ценностей – конститuentов национальной картины мира, транслируемых средствами языка – словесными символами, образами, знаками, одним словом, – национально-культурным кодом нации. Интеграция глубинных ментальных смыслов и языковых средств их выражения, по сути, образует концепт, который и «составляет основную единицу ментального содержания» [8, с. 20].

Одним из трансляторов национально-культурной специфики этноса является концепт «Любовь», отражающий исторический опыт, мироощущение народа [15], его этническую идентификацию, а значит национальный менталитет. И.А. Ильин видел сущность Русской идеи в *любви и сердце*, справедливо писал по этому поводу: «Русская идея есть идея сердца. ... Она утверждает, что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства» [6, с. 313]. С.Г. Воркачев отмечает, что концепт любви «напрямую связан с формировани-

ем у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия» [3, с. 189].

Научный интерес к данному концепту подтверждается обилием научных трудов, посвященных анализу концепта «Любовь» в русской и иных культурах [3; 4; 5; 9; 10; 11; 13; 15; 19; 20; 21 и др.]. Несмотря на многоплановость изучения данного концепта, его репрезентация в народно-речевой культуре по-прежнему остается недостаточно освещенной. Так, В.К. Приходько описывает лексико-семантическую группу с базовым когнитивным компонентом «Любовь» на материале регионального словаря русских говоров Приамурья [13]; Н.М. Дмитриева и Е.М. Линтовская прослеживают филогенез этического смысла концепта «Любовь» на материале словарей XI-XIX вв [4]; А.А. Васильченко исследует репрезентацию смежного с концептом «Любовь» концепта «Жалость» в идиолектной картине мира сибирской крестьянки на материале «Полного словаря диалектной языковой личности», а также расшифровки аудиозаписей, сделанных группой томских ученых в течение длительного времени полевым методом лингвистики – методом языкового включения [2]. Вместе с тем думается, что именно диалект, являясь первоосновой русской языковой картины мира, транслирует исходное миропонимание человеком Древней Руси, «которое проявилось в развитии глубинно концептуальных категорий национального сознания» [8, с. 15]. Однако в настоящее время диалектологи с тревогой смотрят на «поглощение» диалектов литературным языком, в результате чего диалект оказывается все более смещенным в сторону просторечия; уходят и диалектоносители [9], поэтому принципиально важным на сегодня остается сохранить первооснову русской языковой личности – национального менталитета – через анализ дошедших до нас диалектных дискурсов – корпусов текстов, разного рода диалектных словарей.

В связи с вышесказанным, *актуальность и новизна* нашей работы очевидны, как и не требует доказательств «встроенность» исследования в современную научную антропоцентрическую парадигму, поскольку *языковым материалом* работы – ее вербальным основанием – является массив «живых» диалектных текстов, собранных автором полевым методом за длительный период времени (2000-2015 гг.) в селах Быстроистокского района Алтайского края [14]. В качестве материала исследования нами также использованы региональные диалектные словари: «Словарь русских говоров Алтая» [16], «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» [7], «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» под редакцией А.И. Федорова [18] как источники народно-речевой культуры.

Цель работы заключается в анализе концепта «Любовь» в народно-речевой культуре. *Предмет* исследования – диалектная лексика с семантикой состояния любви, т.е. внутренняя форма концепта. В предъявляемой работе мы ограничимся лексикой, отражающей отношения любви/нелюви между двумя людьми. Для нас народно-речевая культура – понятие широкое, «выразителем» которой традиционно считается диалект и его смежные области – фольклор, фразеологические обороты, «где шлифовались эстетически значимые средства

диалекта, имеющего высокий народно-поэтический стиль, возникновению которого способствовало эстетическое сознание носителей говоров» [1, с. 79].

Концепт «любовь» объемно описан в книге Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» с различных ракурсов: от истоков возникновения слова до репрезентации в русской культуре, литературе, народной речи и пр [17]. Автор отмечает, что внутреннее содержание данного концепта довольно противоречиво и разорвано, «и местами как бы исчезает из ментального поля» [17, с. 279]. Слабость глаголов любви в русском языке, по мнению исследователя, отвечает как бы слабости, или точнее, невыраженности самого концепта» [17, с. 281]. Действительно, в русском народном быту не принято было открыто говорить о любви, в связи с чем содержание данного концепта зачастую скрыто за невербальными знаками: эмоциями, внутренними ощущениями, физическими проявлениями (красные щеки, дрожь в руках и др.), а значит «закодировано» в речи, однако легко считывается носителями данной лингвокультуры. Проиллюстрируем примером из речи старожилки с. Новопокровка Быстроистокского района Алтайского края: *«Меня сватали целых четыре часа, потому что я боялась идти, просто боялась сказать слова, рделось так сердце у меня, боялась я шибко. Даж к воротам боялася подойти. Лицо все горит. Это никак щас любовь, мы подружили все мы с ым, ну он ходил, никак щас ходют домой»* (из речи Копыловой Валентины Петровны, 1935 г.р.). Отметим, что глагол *бояться* как и глагол *любить* является каузативом, т.е. направлен на причину – агенс – управляет винительным падежом. Сема *боязни* в данном контексте представлена не физическим страхом, наоборот, детерминирована повышенно-возбудимым эмоциональным состоянием влюбленного человека: *«Даж к воротам боялася подойти. Лицо все горит»*. В небольшом по объему отрывке диалектного дискурса лексема *боялася* с семой *любви* повторяется четыре раза, что подчеркивает языковую «невыраженность» концепта, а также говорит о любви в христианском мире как о таинстве – Таинстве Крещения, о чем-то глубоко личном, интимном, о чем не принято говорить вслух. Данный факт отмечает В.К. Приходько на материале говоров Приамурья: «Проявлять любовь стеснялись, произносить слова «любовь», «люблю» считалось не приличным... Ценились скромность и целомудренность» [13, с. 46].

Ярким примером «невыраженности» любви в народно-речевой культуре служит отрывок из фильма «Любовь и голуби» (1984 г., реж. В. Меньшов): *«А если это любовь? – Кака любовь? ... – Вы слова всякие говорите... Кака тут любовь? Когда мне воздуху-то не хватает, надышаться не могу, а в груди прям жжет, прям жжет, как будто жар вон из печи сглотнула»*. Яркий языковой образ концепта «Любовь» не выражен прямо, открыто, а представлен такими образными средствами языка, как метафора и сравнение. В данном примере прослеживается столкновение двух языковых систем – диалекта и литературного языка с различной языковой репрезентацией концепта любви.

Рассмотрим далее: *«Я жанился. Вот с бабкой живем – вот писят лет с ней живем. Холостой еще был вот ходил к ней. Мы с ей ходили. И меня и звали тетка родная отцова сястра в Комсомольск, а мне жалко, я из Барнаула бя-*

жал к ей. Вот и это и фсе» (из речи Воропаева Алексея Степановича, 1930 г.р.). Данный отрывок диалектного дискурса также иллюстрирует «любовные коды» в народно-речевой культуре крестьян. Концепт «Любовь» в данном случае представлен глаголами движения *ходить, бежать*, управляющие дательным падежом с предлогом (*ходить/бежать к кому?*), и разнонаправленный глагол *ходить* со значением процесса, управляющий творительным падежом (*ходить с кем?*) с семей любви, отношений между двумя молодыми людьми с положительной оценкой, что определяется контекстом и интонацией говорящего. В «Полном словаре диалектной языковой личности» под редакцией Е.В. Иванцовой в одном из значений глагола *ходить* значится *иметь любовные отношения с кем-либо*.

В это же время как в народно-бытовой речи функционирует глагол *ходить* с семей гулять, вести распутный образ жизни и его дериват – *ходок* с отрицательной семантикой: «*Вон Васька, этот Большаков, ну... Ой, большой ходок был. Всю жизни таскался, ходил по бабам. Как она бедная терпела?! Век по бабам прожил»* (из речи Вогнерубовой Анны л Александровны, 1929 г.р.).

Глагол *дружить* также является одним из вербализаторов анализируемого концепта: «*Я в первый раз вышла – мы дружили, и в армию проводила, и с армии встретила ну и все»* (из речи Тамановой Евгении Егоровны 1928 г.р.). Или «*Мы с дедом дружили, ходили, потом уж родители договорились, раньше договаривались»* (из речи Николаевой Федоры Михайловны, 1919 г.р.).

Словарь русских говоров Алтая включает все вышеуказанные глаголы в предлагаемых значениях, а также содержит также глагол *марушиться/маруханиться* в значении *любить друг друга* и противоположное значение «*изменять любимому человеку»* [16]. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая дает следующее толкование: «Происхождение лексемы *маруха* уходит в глубокую древность... в славянской мифологии злой дух, ... воплощение е смерти, мора». Позднее данная лексема утратила связь со смертью, но сохранила свой вредный для человека характер, со способность к оборотничеству [7]. Думается, что значение «*изменять любимому человеку»* связано со «способностью к оборотничеству».

Лексическая наполняемость концепта «Любовь» в народно-речевой культуре обильно представлена также глаголом *принять* в значении *жить вместе, сожительствовать* употребляется обычно для обозначения отношений между двумя уже немолодыми людьми, живущими вне брака, что не порицается обществом: «*Дашка, доживем, будут птицы лятать жалезными носами, и весь белый свет проволками свяжется. А она говорит: «Замолчи, а то скажут, Мулючиха какого-то дурака **приняла**»*. При этом стоит отметить, что если речь идет о женщине, употребляется глагол – *принять*, если о мужчине – *взять*: «*Взял бабенку себе, ниче, живут»* (из речи Вогнерубовой Анны Александровны, 1929 г.р.).

В речи носителей диалекта также функционируют общенародные глаголы *нравиться* и *любить*. «*Страсть как **любит** алкаша этого. Глаза бы мои не видали его!»* (из речи Вогнерубовой Анны Александровны, 1929 г.р.). Или: «*У нас*

одна в Шульгиной была девка красива, соседка наша, чесноковскому парню **пондравилася**, а она его **не любила**, она не идет за него, дык адали ее» (из речи Медведевой Анны Васильевны, 1913 г.р.).

Любовь как состояние души репрезентирует следующий отрывок: «Да познакомились мы. Он пришел из армии в сорок шестом году. Ну и воты – я пошла за коровой, пошла, и он идет за мною.... А у нас же деревенские, ну разговорились. Ну као дальше-то... **душа прикипела**» (из речи Лудцевой Акулины Федоровны, 1926 г.р.).

Душа для христианского мира является национальным базисом, жизнеутверждающим и жизнеобъясняющим понятием – концептом «Душа» – в русском концептном мире. Принимая данный факт во внимание, выделим высокую плотность концепта «Любовь», репрезентированную фразеологическими сочетаниями с лексемой *душа* и *сердце* в диалектном дискурсе. Приведем примеры: «А добрые люди, прям это, **в душу влезают** – вот у меня есть подруга Наташа, я ее до тех пор люблю» (из речи Тамановой Евгении Егоровны, 1928 г.р.). Или: «**Рделось так сердце** у меня». Или: «А **сердце колет, как иглой**» (из песни Лудцевой Акулины Федоровны, 1926 г.р.). Обилие устойчивых выражений с опорным когнитивным компонентом *душа*, *сердце* представлено во фразеологическом словаре русских говоров Сибири [18], как-то: «жить душа в душу», «по душам (выйти замуж по любви)», «душа припадает», «у души лежать», «лечь в душу», «давать сердцу», «давать сердце», «в одно сердце», «сердце не лежит до кого», «сердце радеет к чему», «не к сердцу, не к душе».

С другой стороны, концепт «Любовь» неразрывно связан с темой страдания, которая также репрезентирована в народно-речевой культуре опорным когнитивным компонентом *душа*, *сердце* и глаголами деструкции: «вымотать душу», «изломать сердце», «измотать сердце», «изломать венец»: «**Душу всю повымотал**, пил, чо говорить, гонял, а куды денешься? Теперь вот уж четвертый год вдовуха» (из речи Найденовой Пелагеи Николаевны, 1929 г.р.).

Для обозначения супружеской неверности в народном быту использовались такие глаголы, как *ночевал*, *ходил*, *гулял*, *мотался*, *мотылялся*: «Я в первый раз вышла – мы дружили, и в армию проводила, и с армии встретила ну и все...а потом он на ферме **ночевал**, мне сказали, что он с кем-то там **ночевал**...» (из речи Тамановой Евгении Егоровны, 1928 г.р.); «**Мотался как мотыга всю жисть. Мотыга он и есть мотыга**» (из речи Вогнерубовой Анны Александровны, 1929 г.р.). Словарь русских говоров Алтая предлагает словосочетание *измену сделать* в значении супружеской неверности [16].

В русской народно-речевой культуре обширно функционирует глагол *жалеть* в значении *любить*: «А я ей говорю: «Людка, ты Людка! Да что ж ты делаешь?! Мать не слушаешь! Кто родителей не слушает, тот в добре не живет! Гоняет ее по всей деревне, **не жалея** ее, никао»; «Внуков-то оно жалче, чем детей»; «**Жалеть друг друга надо, а то как же**». Исследователи отмечают смежность любви и жалости, что «делает возможным осознание последней в русской культуре как одной из высших нравственных ценностей» [12, с. 60].

В.К. Приходько, Н.М. Дмитриева и Е.М. Линтовская связывают данный факт с христианством, приводя в качестве примера первое послание ап. Павла к Коринфянам, в котором говорится о любви как о долготерпении, милосердии, отсутствии зла, гордыни, что определяет христианскую модель мира [13; 4]. В доказательство данного факта отметим исключительную важность *древнерусской ментализации*, которая, по мнению В.В. Колесова, «способствовала овладению всеми ценностями христианской культуры... Все полученные путем заимствования символы средневековая *идеация* переработала с точки зрения важных различительных признаков и тем самым *привила христианскую идеологию к корню народной культуры*» [8, с. 15].

Итак, как показал анализ языкового диалектного материала, корни концепта «Любовь» в народно-речевой культуре Алтая (и не только) берут начало в христианстве и отражают его ценностную модель мира – долготерпение, милосердие, смирение, таинство. Поэтому ядро концепта «Любовь» в народно-речевой культуре на Алтае, сохраняя свою христианскую первооснову, репрезентировано глагольными лексемами с «латентной» семой *любви*, а также различными средствами языка (сравнение, метафора). Широко представлен в ядре концепта «Любовь» опорный когнитивный компонент *сердце, душа*, что также отражает христианское видение мира – этническую ментальность. С этим фактом связано и то, что глагол *жалеть* в значении *любить* выступает «прямым» вербализатором концепта «Любовь» в значении *любить*.

Ближняя и дальняя периферия представлена пересекающимися лексико-семантическими группами, в разной степени отражающими отношения между двумя людьми, как-то: «Свадьба», «Венчание убегом», «Венчание без любви», «Номинация любимого человека» и др.

За рамками статьи остался огромный пласт народно-речевой культуры – устное народное творчество, языковое богатство которого трудно переоценить, однако «благодаря же достижениям современной лингвоконцептологии и лингвокультурологии открываются интереснейшие возможности для дальнейшего изучения концепта «Любовь» в русской языковой картине мира» [15, с. 175].

Список литературы

1. Блинова О.И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник ТГПУ. Вып. 3 (47). С. 78-82.
2. Васильченко А.А. Репрезентация чувства страдания в лексиконе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2021. №462. С. 14-21.
3. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград, 2003. С. 189-208.
4. Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М. Этический смысл концепта «Любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI-XIX веков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. №7 (195). С. 44-49.
5. Долганина А.А., Казакова О.А. Специфика воплощения концепта в речевом жанре «Интернет-миниатюра» (на примере концепта «Любовь») // Вестник Томского государственного университета. 2016. №408. С. 11-19.
6. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Т. I. Париж, 1956. 346 с.
7. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая: в 7 томах. Барнаул, 2013.

8. Колесов В.В. История русского языка. М., 2005. 669 с.
9. Колесов В.В. Русская диалектология. М., 2006. 267 с.
10. Лобкова Е.В. Образ-концепт любовь в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 288 с.
11. Макшанцева Н.В. Концепт любовь в русском языке // Вестник Университета российской академии образования. 2008. №1. С. 112-116.
12. Мельникова В.С. Синонимы-репрезентанты концепта «жалость» в лексикографическом аспекте // Вестник Удмуртского университета. 2010. №2. С. 59-62.
13. Приходько В.К. Лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «Любовь» в словаре русских говоров Приамурья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. №IV-2 (16). С. 41-48.
14. Прокофьева Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: дис....канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 235 с.
15. Салимова Л.М. О лингвокультурном концепте «любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №2 (32). Ч. 2. С. 173-175.
16. Словарь русских говоров Алтая: в 4 т / под ред. И.А. Воробьевой. Барнаул, 1993-1998. 263 с.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
18. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1983. 232 с.
19. Чанг Чингтго. Сопоставительное лингвокультурологическое описание концепта «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №1. С. 237-242.
20. Юдина Т.А. Лексикографическое представление концепта «любовь» в русской языковой картине мира // Теория языка. Филологический аспект. 2017. №2 (22). С. 37-42.
21. Яськова А.В. Концепт «Любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Вестник ВГУЭС. 2017. Т.9. №1. С. 237-245.

О.В. Григорьевская
O.V. Grigorievskaya
*Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ УНИЧТОЖЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию каузальных фразеологизмов семантической группы «Уничтожение». Представлена структура данной семантической группы. Анализируется семантика уничтожения, которая вербализируется посредством фразеологизмов, представляющих каузальную ситуацию. Лингвокультурологический анализ позволяет выявить представления о национально-культурных особенностях ситуации уничтожения, зафиксированных во фразеологической картине мира русского языка. Описаны основные образы, на которых базируются фразеологизмы исследуемой семантической группы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвокультурология, каузация, семантика уничтожения.

VERBALISATION OF SEMANTICS OF DESTRUCTION IN PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the causal idioms from the semantic group «Destruction». The structure of this semantic group is presented. The semantics of the destruction is analyzed, which is verbalized by means of phraseological units, representing the causal situation. Linguistic and cultural analysis allows to reveal the ideas about national and cultural peculiarities of situation of destruction in the phraseological picture of the world of the Russian language. The main images which the phraseological units of researched semantic group are based on are described.

Keywords: phraseological unit, cultural linguistics, causation, semantic of destruction.

В современных исследованиях фразеология изучается преимущественно в рамках когнитивистики и лингвокультурологии (М.Л. Ковшова [4], В.А. Маслова [6], В.М. Мокиенко [7], Ю.Ф. Прадид [8], В.Н. Телия [9], А.М. Эмирова [11], Т.А. Яценко [12] и др.). При этом одним из наиболее актуальных является вопрос о формировании фразеологизмами языковой картины мира.

Цель исследования – выявить национально-культурные особенности представления семантики уничтожения на уровне фразеологии.

Анализ фактического материала, извлеченного путем сплошной выборки из фразеологических словарей [1; 2; 3; 10], позволил выявить структуру исследуемой семантической группы фразеологических единиц (далее – ФЕ), которая представлена следующими синонимическими рядами: 1) каузатор уничтожает каузируемое лицо; 2) каузатор уничтожает каузируемый объект.

Объектом исследования в нашей работе являются каузальные фразеологизмы (более подробно о репрезентации каузальной семантики см [5]).

Каузация вслед за Т.А. Яценко понимается как устанавливаемое субъектом отношение между каузирующей и каузируемой ситуациями, которое реализуется в языке определенным репертуаром лексико-грамматических и контекстуальных средств [12, с. 97]. В лингвистике существует две точки зрения на понимание каузации. Согласно первой точке зрения, в понятие каузации входят причина и следствие без включения цели, условия, уступки (А.Д. Азимова, К.Г. Максапетян, Г.В. Плаксина, А.В. Халчанская). Мы же придерживаемся второй точки зрения, более широкой, с включением в каузацию цели, условия и уступки (О.Ю. Богуславская, Т.В. Булыгина, Г.А. Золотова, И.Б. Левонтина, М.В. Ляпон, М.И. Конюшкович, Н.К. Онипенко, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, Т.А. Яценко).

Исследуемые ФЕ описывают определенную каузальную ситуацию, участниками которой являются каузатор (активный участник) и каузируемое лицо, реже – каузируемый объект (пассивные участники). В роли каузатора в большинстве случаев выступает человек, в роли каузируемого лица – одушевленный объект, а каузируемый объект – это неодушевленный предмет. При этом ситуация подразумевает, что каузатор совершает некое воздействие на каузируемое лицо или объект.

Стержневым компонентом фразеологизмов указанной семантики является каузативный глагол в форме инфинитива, который в рамках одной лексемы выражает оба положения дел: порождающее и порожденное (*посадить, положить* и т.д.) или только порожденное (*просить, побуждать, вынуждать, разрешать* и др.)

Фразеологизмы синонимического ряда «Каузатор уничтожает каузируемое лицо» в большинстве случаев вступают в отношения полисемии с ФЕ с семантикой наказания и физического воздействия (*давать / дать чесу кому; задавать (давать) / задать (дать) перцу кому; давать / дать духу кому; давать / дать жизни кому; давать / дать жару кому* и т.д.). Данные ФЕ употребляются преимущественно в военном или спортивном значениях ‘одержат полную победу над соперником’ (*Если первый тур чемпионата не подарил имен настоящих героев, то во втором нашелся человек, ярко проявивший себя. ЦСКА **задал перцу** ярославскому «Шиннику»* (www.rg.ru/20019/3/27); *Парни с востока Европы **дали жару**. Второй этап Чемпионата Италии по мотокроссу получился очень сложным. Гонка проходила на трассе в городке Чинголи* (www.motocross-gum.at.ua/news/2019/3/4)). Компоненты ФЕ *дать / давать* соотносятся с антропным кодом культуры, с совокупностью представлений о человеке, его действиях, поведении. Компоненты *перец, дух, чес, жизнь, жар* употребляется для выражения интенсивности физического воздействия на каузируемый объект.

ФЕ синонимического ряда «Каузатор уничтожает каузируемый объект» употребляются в значении ‘уничтожать, используя самые жестокие меры’ (*выметать / вымести железной (поганой) метлой что; выжигать / выжечь каленым железом что*) или в значении ‘уничтожить полностью’ (*вырывать / вырвать с корнем что; камня на камне не оставлять / не оставить от чего; где; сровнять с землей*). В первом случае компоненты ФЕ *выметать, выжигать* связаны с антропным кодом культуры и обозначают интенсивные действия с целью удаления, уничтожения, компоненты *метла, железо* соотносятся с вещно-артефактивным и природно-вещным кодами и называют орудие физического воздействия. Данные ФЕ получают коннотации неодобрения и функционируют преимущественно в разговорной речи: *Криминал с вокзала мы **выметим железной метлой**. Пассажиры будут охраняться* (www.cn.com.ua/2020/8/5); *Я рублюсь не с Филиппами Киркоровы-ми, а с теми, кто за ними стоит. Это люди посуровей. И эту сволочь надо **выжигать**, конечно, **каленым железом*** (www.culture.pravda.ru/2020/9/3).

ФЕ со значением ‘уничтожать полностью’ представляют результат физического воздействия – полное уничтожение. В данном случае в структуре фразеологизмов присутствуют компоненты, выступающие в роли символа основы (*камень, корень, земля*): *Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад предупредил Израиль, что тот будет «**вырван с корнем**», если этим летом нападёт на Ливан* (www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/05/25); *Мощный торнадо практически **сровнял с землей** в четверг населенный пункт Маги в штате Миссисипи, разрушив около 60-ти домов* (www.dozor.in.ua/2007/8/14).

В целом для ФЕ данного ряда характерно описание ситуации уничтожения путем нарушения целостности, структуры объекта и тем самым (как результат) доведения его до исчезновения. Приведем синонимический ряд ФЕ с данной семантикой: *разносить / разнести в щепки что; превращать (обра- щать) / превратить (обратить) в прах кого, что; стереть (истереть) в (мел- кий) порошок кого* и т.д. В структуре этих фразеологизмов используются ком- поненты, обозначающие мелкие части одного целого и выступающие в роли эталона чего-л. незначительного, непригодного для существования (*щепки, прах, порошок*): *Откуда у 29-летнего иностранца, на вид явно не богатыря, взялось столько сил, чтобы в щепки разнести довольно-таки прочную мебель, до сих пор загадка* (www.segodnya.ua/2007/9717); *Северная Корея пригрозила стереть США в порошок, если «американские империалисты» развяжут но- вую войну* (www.news.gala.net/2009/6/24). Компоненты *щепки, прах, порошок* маркируют то конечное состояние объекта, которое достигается в результате физического действия. Проанализированные ФЕ имеют коннотации неодобрения.

Проведенный анализ фразеологического материала позволяет сделать следующие выводы:

Широко понимание каузации, объединяющее в себе причинно- следственные, целевые, условные и уступительные отношения, способствуют более глубокому объяснению взаимодействия процессов и явлений объектив- ной действительности.

Проведенный лингвокультурологический анализ фактического материала позволил выявить национально-культурные особенности репрезентации семан- тики уничтожения во фразеологической картине мира русского языка. Ситуа- ция уничтожения в русской ментальности оценивается негативно и соотносится в большинстве случаев с физическим воздействием. Во внутренней форме ФЕ указанной семантики частотны компоненты *перец, дух, жизнь, жар*, симболи- зирующие интенсивность физического воздействия на каузируемый объект, а также компоненты *выметать/вымести, разносить/разнести, сти- рать/стереть* и др., указывающие на активное физическое действие. Основные образы фразеологизмов данной семантической группы, как правило, базируются на метафорах «лишить кого-л., что-л. основы», «уничтожить кого-л., что-л. путем физического воздействия».

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. Жуков А.В. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-Пресс, 2016. 416 с.
3. Жуков В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987. 448 с.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологиче- ский аспект: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.

5. Колесникова О.В. Национально-культурные особенности репрезентации каузальной семантики фразеологическими средствами русского языка // Научный диалог. 2018. №1. С. 22-35.
6. Маслова В.А. Homolingualis в культуре. Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2004. 214 с.
7. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.
8. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень). Сімферополь, 1997. 252 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
10. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1335 с.
11. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: Научный мир, 2020. 228 с.
12. Яценко Т.А. Каузация в русском языковом сознании. Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. 478 с.

Н.Б. Грушина
N.B. Grushina
Университет Барселоны (Барселона, Испания)
University of Barcelona, Barcelona

КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Время является категорией, тесно связанной с человеческой жизнью. Восприятие времени может варьироваться в зависимости от социальной или культурной среды. Вот почему так важно уделять особое внимание различным маркерам времени, которые мы можем найти в контексте, при обучении русскому языку как иностранному. Втягиваясь в сферу концепта, контекстные маркеры времени могут многое рассказать о состоянии современного общества и в то же время значительно отличаться от представленных в словарях и справочниках понятий. Результаты настоящего исследования могут быть использованы на занятиях по чтению на продвинутом этапе изучения русского языка как иностранного, в курсах по стилистике и переводу.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, дискурс, концепт, концептуальный анализ, концепт времени.

CONCEPT OF TIME IN THE MODREN RUSSIAN LANGUAGE

Time is a category which is closely related to human life. Perception of time can vary depending on the social or cultural environment. This is why it is so important to pay special attention to the various time markers that we can find in context when teaching Russian as a foreign language. Being involved to time representation, contextual time markers can tell a lot about the state of modern society and, at the same time, they differ significantly from the concepts presented in dictionaries and reference books. The results of this research can be used in reading classes at an advanced level of Russian as a foreign language, in courses of stylistics and translation.

Keywords: cognitive linguistics, discourse, concept, conceptual analysis, concept of time.

Концепт ВРЕМЯ является необычайно сложным и многообразным, так как время – это универсальная характеристика физической реальности и одна

из категорий знаковой системы. Различные модели времени (время физическое, грамматическое, философское и т.д.) изучаются по-разному. Время в качестве бытийной категории и одной из форм существования материи изучается философией и историей (например, рассуждения о времени в трудах Платона или Исповеди Св. Августина, а также работы О. Шпенглера, В.И. Вернадского, Г. Рейхенбаха, Л. Грюнбаум, А.Я. Гуревич, И. Пригожина и И. Стенгерса и др.). Глагольное время как грамматическая категория, служащая темпоральной локализации события, рассматривается в работах лингвистов (см. работы А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Н.С. Поспелова, А.В. Бондарко, и др.). То же следует сказать и об именных способах выражения временных отношений (работы М.В. Всеволодовой, М.А. Кронгауза, М.А. Потаенко, В.В. Морковкина, сборник «Логический анализ языка» и др.). Время как текстовая универсалия и одна из составляющих семантического пространства текста рассматривается в рамках лингвистики текста и в литературоведении (работы В.Б. Шкловского, Д.Н. Лихачева, М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, Е.В. Падучевой, З.Я. Тураевой, Л.Г. Бабенко и др.). В работах лингвистов также исследовалось время как отражение ментальности русских (например, работы А. Вежбицкой, Д.А. Шмелева, В.В. Колесова, Ю.С. Степанова, Е.С. Яковлевой и др.) В этих исследованиях авторы описывали константное представление о времени в языковой картине мира русских, поэтому динамические изменения, связанные с понятием «время», современные коннотации и ассоциации этого концепта в их исследования не входили.

Время является категорией высокой степени абстракции, неотделимой от человека. Абстрактное время делится на составляющие именно человеком. Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, «у человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад. Человек неотделим от времени» [1, с. 52]. Время в его антропоцентрической функции является объектом нашего исследования. Мы используем понятие «время жизни» для исследования отношений человека и времени в языке [3, с. 83]. Вслед за Е.С. Яковлевой, под временем жизни мы понимаем самостоятельную категорию человеческого существования, одну из форм постижения окружающего мира, когда осознание времени происходит не по физическим параметрам, а по событиям, заполняющим его. Именно время жизни связано с человеком и проецирует сферу человеческой деятельности, восприятия, оценки на абстрактное время. «Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой они принадлежат» [2, с. 84]. Из этого следует, что обращение к временным ориентирам как культурной категории при освоении русского языка как иностранного особенно важно. Невозможно представить себе время жизни, время проживаемое и переживаемое, вне эпитетов, вне оценки. Следовательно, эта категория должна быть включена в сферу национальной картины мира.

Обычно выделяются три основных модели времени: время линейное, циклическое и эсхатологическое. Это значит, что в различных культурах и типах сознания время моделируется по-разному, но моделируется всегда. В рус-

ской языковой картине мира время соединяет в себе элементы и «наивного представления», и научного понятия, причем в ходе исторического развития основные семантические признаки значения перераспределяются. Наполненность определенными явлениями или событиями является основным свойством времени в языковой картине мира русских. В жизни человека или общества время воспринимается в основном как период, промежуток или момент какого-то события. В современном восприятии время тесно связано с внеязыковой действительностью, следовательно, на первый план выдвигается позиция наблюдателя. Все это позволяет сделать вывод о том, что в концептосфере русского языка превалирует антропологическая модель времени, а не абстрактная.

Мы обратились к текстовым репрезентациям концепта ВРЕМЯ в корпусе художественных и публицистических текстов, опубликованных в журнале «Новый мир» на рубеже XX-XXI веков, для того чтобы описать контекстное восприятие времени. Ежемесячный литературный журнал «Новый мир» известен высоким уровнем публикуемых художественных произведений, неоднозначными общественно-политическими и критическими статьями, острой полемичностью и общей либеральной направленностью. Можно сказать, что дискурс «Нового мира» является отражением интеллектуального состояния современного российского общества. Исследование подобного дискурса позволяет наблюдать динамические изменения в современной русской концептосфере. Анализ собранного материала на основании продуктивности употреблений позволил выделить концепт ВРЕМЯ в качестве доминирующего в исследуемом дискурсе. Был проведен анализ общеязыкового концепта ВРЕМЯ на базе словарных дефиниций для выявления существенных характеристик концепта. Этот анализ доказал доминирование сем, связанных с человеком, в составе значения слова «время». Также в ходе анализа репрезентаций концепта ВРЕМЯ в дискурсе современных художественно-публицистических журналов было выявлено, что концепт ВРЕМЯ в исследуемом дискурсе имеет более сложную структуру, по сравнению с общеязыковым концептом. Он состоит из ядра или семантического гештальта имени поля, ядерной зоны, куда входят синонимы имени поля, приядерной зоны, включающей слова с потенциальной темпоральной семантикой, и периферийной зоны, в которой рассматриваемый концепт взаимодействует со смежными текстовыми ассоциативными полями. В качестве смежных ассоциативных полей в рассматриваемом дискурсе были выделены следующие: топонимы, имена собственные, реалии, указание на социальный статус, события, различные прецедентные феномены, а также поля «советский», «психологическое восприятие времени». Для более полного представления о модели времени в современной русской концептосфере в рамках структуры концепта в исследуемом дискурсе была выделена тернарная оппозиция: «прошедшее / настоящее / будущее». Результаты анализа материала показали, что прошлое воспринимается двояко: положительно, если это время «перестройки», и отрицательно, если это «советский период». Следует отметить, что прошлое в основном ассоциируется со смежным полем «советский»; настоящее тесно связано с новым социальным статусом и новыми реалиями; произошедшие резкие изменения оцениваются чаще всего отрицательно, а настоящее вре-

мя воспринимается как некая «виртуальная реальность»; возможно, поэтому образ будущего также представляется агрессивным и страшным. Помимо лексики, различные стилистические средства, соотносимые со смежными текстовыми полями, также участвуют в организации концепта ВРЕМЯ. Следует также отметить, что в развертывании данного концепта, наряду с лексическими и стилистическими элементами, участвуют и текстовые коммуникативные регистры, демонстрирующие динамику и статику восприятия определенных периодов времени.

При сопоставлении репрезентаций концепта ВРЕМЯ в дискурсе художественно-публицистических журналов рубежа XX-XXI веков с соответствующим концептом в дискурсе «толстых» журналов 1989-1990 годов (на примере журнала «Новый мир») был выявлен сходный набор семантических признаков текстового концепта ВРЕМЯ: в развертывании концепта ядро имени поля образует семантический гештальт, ядерную зону составляют синонимы имени поля, в приядерной зоне выделяются сходные слова с потенциальной семантикой темпоральности, в периферийную зону вошли репрезентанты смежных ассоциативных текстовых полей. Однако, следует заметить, что в этом сходном наборе семантических признаков в текстах конца XX века актуализированными оказались иные признаки, нежели в дискурсе «толстых» журналов рубежа веков. Так, особый интерес к политической истории страны, являющийся характерной чертой «толстых» журналов 1989-1990 годов, не мог не отразиться и на репрезентациях концепта ВРЕМЯ, основной характеристикой которых в дискурсе 1989-1990 годов стало событийное наполнение. При анализе оппозиций «прошлое / настоящее / будущее» было выявлено, что прошлое чаще ассоциируется с именами политических лидеров, настоящее – с происходящими переменами, в частности с перестройкой. Важным отличием дискурса 1989-1990 годов является восприятие времени в единстве прошлого, настоящего и будущего, тогда как на рубеже веков восприятие времени изменилось, оно стало более дискретным, в связи с чем образ настоящего и будущего стал более агрессивным и пессимистичным.

Таким образом, в результате анализа репрезентаций концепта ВРЕМЯ в дискурсе художественно-публицистического журнала «Новый мир» была выявлена многомерная структура текстового концепта, которая может быть представлена в виде текстового ассоциативного макрополя во взаимодействии со смежными текстовыми ассоциативными полями. Было выявлено, что ВРЕМЯ в дискурсе современных «толстых» журналов представляет собой категорию антропоцентрическую, а базовыми характеристиками текстового концепта ВРЕМЯ могут быть названы событийный аспект, или наполненность событиями, а также аспект восприятия времени говорящим (пишущим). Набор семантических признаков текстового концепта сохраняется с течением времени, но в ходе развертывания концепта под влиянием общего социально-культурного контекста эпохи происходит перераспределение этих признаков, которые реализуются по-разному, как показал сопоставительный анализ материала. В разное время выявляются наиболее актуальные для данного момента смыслы. Другими словами, в ходе реализации концепта в дискурсе наибольшим изменениям подвер-

гается его коннотативный ореол. Результаты настоящего исследования наглядно демонстрируют, что яркой характеристикой дискурса определенного времени является актуализация коннотативных смыслов. Анализ материала показал, что в составе концепта в пределах всего лишь десяти лет происходит перераспределение доминирующих сем и изменение его коннотативного ореола. Наблюдения над изменениями в сфере текстового концепта позволяет выявить новые оттенки значения отдельного слова, которые пока еще не зафиксированы словарями. Кроме того, анализ значимых концептов позволяет выйти в широкое культурно-историческое пространство в интерпретации текста, что особенно важно при обучении русскому языку как иностранному.

Исследования концептов современной русской концептосферы на материале текстов художественно-публицистических журналов представляются актуальными и в широком историческом контексте. Такие исследования помогут представить изменения в сфере значимых концептов языка и русской культуры. Динамические аспекты изменений в значениях слов и их коннотаций являются отражением изменений в сознании современных носителей русского языка; они демонстрируют новые аспекты языковой картины мира русских, что особенно важно при изучении русского языка как иностранного. Кроме того, представляется перспективным определение роли репрезентаций значимых концептов русской языковой картины мира в организации структуры текстов разной жанровой направленности. Методы и результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе, а также в рамках курсов по стилистике, переводу и исторической интерпретации текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М: Индрик, 1997. С. 51-62.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. М.: Гнозис, 1994. 344 с.

М.А. Давлатов

M.A. Davlatov

Таджикский национальный университет

(Душанбе, Таджикистан)

Tajik National University, Dushanbe

КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

Данная статья посвящена вопросу сущности, становления и развития когнитивной лингвистики в рамках общей теории когнитивной науки. Также в ней рассматривается когнитивное моделирование как ведущее направление лингвокогнитивных исследований и его значение в создании искусственного языкового сознания.

Ключевые слова: *лингвокогнитивное моделирование, искусственное языковое сознание.*

COGNITIVE DIRECTION IN LINGUISTICS

This article is devoted to the issue of the essence, formation and development of cognitive linguistics within the framework of the general theory of cognitive science. It also examines cognitive modeling as a leading direction in linguo-cognitive research and its importance in creating artificial linguistic consciousness.

Keywords: *linguo-cognitive modeling, artificial linguistic consciousness.*

В последнее время человечество все больше нуждается в современных инновационных технологиях, которые предназначались бы для облегчения жизни людей, что отчасти связано с проблемой перенаселения Земли, истощением энергетических ресурсов и глобальным изменением климата. Также в этом плане следует упомянуть и о неконтролируемым, крайне нецелесообразном употреблении и использовании всевозможных продуктов (начиная с продовольственных и заканчивая электротехническими) во всем мире, прежде всего в богатых странах.

Кроме перечисленных проблем, не внушающих позитива, в мире наблюдается глобальная интеграция людей, что считается положительной тенденцией. Интенсивность указанной тенденции связана с глобализацией сотрудничества, развития мирового бизнеса и т.п. Однако основным фактором интеграции людей, служащим тем самым средством тесного контакта людей на Земле, являются новые коммуникативные технологии, к которым относятся социальные сети и программы автоматического перевода целого текста и живой (устной) человеческой речи [14, с. 14]. Так, автоматический перевод текста развивается очень успешно: устраняется дословность в переводе, все более точно синтезируется и распознается человеческая речь.

При всей интенсивности развития данной тенденции она не успевает удовлетворить всех нужд людей в коммуникации. В этой ситуации на помощь приходит когнитивная лингвистика с ее разработками в области создания искусственного языкового сознания [2, с. 122].

Основная цель когнитивной лингвистики – это изучение мозговых и психических процессов, участвующих в формировании и развитии речи (языка). Такое изучение осуществляется ассиметрично, т.е. через язык изучается работа мозга, а через работу мозга – сущность языка. Данное описание сферы функционирования когнитивной лингвистики представлено достаточно просто, но это верное определение сущности всех лингвокогнитивных исследований. Когнитивная лингвистика в этом плане достигла определенных результатов, на основе которых и совместно с разработками в области моделирования искусственного интеллекта создается (моделируется) искусственное языковое сознание («автономный язык»). Такой искусственный язык, как и естественный человеческий, является продуктом интеллекта (искусственного или человеческого). По словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, основной целью когнитивной лингвистики являются исследования мыслительных процессов, «происходящих при

восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [12, с. 9].

Однако следует отметить, что исследования в этом направлении с их результатами все-таки находятся в начале реализации своей миссии, для осуществления которой когнитивная лингвистика решает следующие общие задачи:

Во-первых, исследует и определяет концептосферу языка или языковую картину мира (часто в сопоставительном плане).

Во-вторых, изучает, анализирует и обобщает результаты нейронаучных, психологических и других исследований мозга и языка.

В-третьих, обобщает результаты предыдущих процессов и выявляет общие лингвокогнитивные закономерности, модели, микромодели и механизмы, определяя при этом общую систему когнитивных функций и процессов языка с точки зрения мозговой деятельности.

Каждая из этих задач требует комплексных методологических подходов, состоящих из множества эмпирических и теоретических методов и способов анализа. Однако в применении всех базовых методик, методов, подходов и приемов к лингвокогнитивным исследованиям следует признать тот факт, что каждый когнитолог-исследователь при широком изучении того или иного концепта разрабатывает собственный научно-методологический комплекс.

Когнитивная лингвистика входит в общую систему когнитивной науки, из которой сформировались и такие научные направления, как когнитивная нейрофизиология, когнитивная психология, когнитивная теория информации, моделирование искусственного интеллекта и др.

В целом научные парадигмы в лингвистике, как считает В.А. Маслова, только три: *сравнительно-историческая*, *системно-структурная* и *антропоцентрическая*. По ее словам, «сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы» [9, с. 6]. Системно-структурная парадигма была ориентирована «на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово» [9, с. 6]. А антропоцентрическая парадигма связана с «переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке...» [9, с. 6].

В настоящее время антропоцентрическая парадигма рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, где в этом отношении разрабатываются и «материализуются» эксплицитные и имплицитные структуры, а также механизмы человеческой когниции.

Если рассматривать саму когнитивную лингвистику, то это междисциплинарное научное направление, которое интегрирует в себе философскую теорию познания (эпистемологию), современную психологию, антропологию, нейрофизиологию, лингвистику и исследования в области искусственного интеллекта [9, с. 15-18]. Данное научное интегрированное (и интегрирующее до

сих пор) направление зародилось 11 сентября 1956 года как отдельное научное течение. Эта дата – начало одного из симпозиумов в Массачусетском технологическом институте, где с докладами выступили Дж. А. Миллер, Н. Хомский, Г. Саймон, А. Ньюэлл. В то время Н. Хомский представлял трансформационную порождающую грамматику, А. Ньюэлл и Г. Саймон – компьютерное моделирование и искусственный интеллект, а Дж. А. Миллер – прогрессивную экспериментальную психологию. После данного симпозиума А. Миллер написал: «Экспериментальная психология человека, теоретическая лингвистика и компьютерное моделирование познавательных процессов – части еще большего целого...» [10, с. 105].

Таким образом, эти три научных направления интегрировались и породили когнитивную лингвистику, во многом способствующую современному развитию наиболее значимых для человечества наук. Е.С. Кубрякова утверждает, что «можно отнести разнообразные исследования, направленные на изучение отношений языка и познавательных процессов, к когнитивной парадигме: с современной точки зрения такие исследования следует расценить именно как когнитивные, и хотя в них еще не присутствуют собственно когнитивные термины и понятия» [8, с. 8]. В целом «процесс зарождения и развития когнитивной науки можно разделить на три стадии: 1) комплектация («упаковка»*) данной науки, 2) формирование более четкой расстановки по научным, когнитивно-ориентированным направлениям и 3) современное, инновационно-ориентированное развитие данных направлений» [1, с. 13].

Как известно, когнитивная наука образовалась на пересечение многочисленных естественнонаучных и гуманитарных направлений. Такое положение когнитивной лингвистики связано, как считает Ф. Джонсон Лэрд, «с тем, что разум чересчур сложен для того, чтобы прямо увидеть его или даже изучать с точки зрения какой-либо одной науки» [15, с. 2-3]. Такой синтез, по словам В.З. Демьянкова, «представляет собой заимствования основных и общих положений исследований когниции и мозга. Следует отметить, что термин “*когниция*” в лингвистике понимается, прежде всего, как “предзнание”, разновидность имманентных операций и опытов, позволяющих воспринимать и продуцировать знания, внешние познавательные сигналы» [3, с. 5].

Когнитивная лингвистика и вообще когнитивная наука представляет собой систематизацию, выявление общей структуры деятельности человеческой когниции. По словам Е.В. Дзюбы, «благодаря чему исследователь имеет возможность (хоть и весьма относительную) их реконструировать» [5, с. 122]. Именно в этом отношении определяется роль когнитивной лингвистики, которая «заключается в наиболее реальной и объективной репрезентации имплицитных закономерностей отношения языка и сознания, точнее – средств, структур и конструкций кодирования и декодирования информации» [1, с. 13]. Как

* Данное слово в этом отношении упоминается Е.С. Кубряковой в статье «Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики» (Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17).

отмечает Е.С. Кубрякова, «новым для когнитивной науки и когнитивной лингвистики можно считать определение языка как средства доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [7, с. 8]. По мнению Е.В. Дзюбы, «в качестве генеральной цели когнитивной лингвистики ученые видят изучение когнитивной функции языка (т.е. функции познания) во всех ее проявлениях» [5, с. 16]. И в этом плане «она разрабатывает лингвокогнитивные модели, реструктурированные внешней речью индивида (декодирование или трансформирование), где воссоздаются когнитивные модели, которые распадаются на концептуальные модели и микромодели» [1, с. 12].

Само название «когнитивная лингвистика» в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило дается как «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [6, с. 153]. Следует отметить, что некоторые важные выдержки из данной дефиниции считаются достаточно устаревшими, что обусловлено некоторыми неясностями в терминологическом понимании этого содержания. Здесь в первую очередь следует отметить именно то, что в когнитивной лингвистике язык никак не воспринимается в качестве *когнитивного механизма*. В этом вопросе следует привести утверждения Н.Б. Подвижны, которая отмечает, что «язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации» [11, с. 63]. В наших предыдущих исследованиях мы этот вопрос констатировали таким образом: «когнитивный механизм, скорее всего, относится к нейрофизиологическому, нейропсихологическому и нейролингвистическому пониманию мозговой деятельности, и, вероятно, предполагает функциональную зону или пространство с двигательным аппаратом, где язык, как средство транзитирующее информацию, как инструмент, функционирует и оперируется. Когнитивная лингвистика занимается именно выявлением такой “функциональности” языка, и через нее – воспроизведением конструкции когнитивного механизма индивида» [1, с. 13].

Исходя из анализа содержания понятия «когнитивной лингвистики» мы пришли к выводу, что она «пытается наиболее точно определить следующие значимые функции: в чем заключаются особенности мыслительной деятельности индивида или целой группы индивидов, входящих в одну языковую среду, и каков их когнитивный механизм, структуру (а не функцию) которого может изменить язык. Когнитологами такая задача решается при помощи основных лингвистических и экстралингвистических методов и подходов, представляющих собой системно разработанный комплекс [1, с. 11]. Например, в них может входить тезаурусный метод, лексикографический анализ, методы лингвистического эксперимента, методы семантического и лексического анализов и т.п.

Следует подчеркнуть, что в рамках лингвокогнитивистики разрабатываются прежде всего концептуальные модели, которые репрезентируют (воспроизводят) дискретные составляющие концепта, при этом комплексно описывая все содержание данного языкового явления (коммуникативно-функциональные, ментально-культурные составляющие вопроса).

В этом вопросе ключевую позицию представляет **когнитивное моделирование**, которое претендует на современную лингвонаучную парадигму и становится все более популярным среди других лингвонаучных направлений. Это направление является одним из ведущих способов решения материализации и рационализации человеческой когниции, и при этом максимально интерпретирует внутреннюю речевую структуру и систему когнитивных функций человека. Данное моделирование «в процессе объективного отображения внутреннего когнитивного содержания детализирует все дискретные составляющие концепта» [2, с. 122].

Когнитивное моделирование с общего распределяется на его составляющие [7, с. 11] и имеет следующую дискретную структуру: «когнитивная модель → концептуальные модели → концептуальные микромодели». Важным здесь являются **концептуальные микромодели**, которые нами воспринимаются как функционально-мыслительные звенья, отражающие специфичную речевую и когнитивную установку, и которые являются минимально-своеобразной составляющей когнитивной модели [1, с. 17]. Каждая такая микромодель включает в себя лексико-семантические единицы, выражающие минимальные ментально-культурные, индивидуально-денотативные и коннотативные значения. Данные микромодели, соединяясь между собой, образуют целое и составляют концептуальную модель, которая в свою очередь образует когнитивную модель.

В современной лингвистике в общем смысле термин *модель* интерпретируется как «абстрактное понятие эталона или образца грамматической, фонологической или иной системы и представления самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или его подсистем» [6, с. 202], а *концептуальное моделирование* определяется как «сама структура, обладающая объяснительной силой и изображаемая с этой целью в виде схем, объясняющих поведение наблюдаемой ситуации» [13, с. 95]. Также следует добавить, что концептуальное моделирование объединяет когнитивные знания с лингвокультурными. Такой подход позволяет рационализировать абстрактные и объективные данные как звено мыслительного «ядра», определив их специфичные черты и границы функционирования [1, с. 11-18].

В отличие от когнитивного моделирования, которое выясняет состав информационно самостоятельных модулей и их механизм взаимодействия, тем самым определяя общую «архитектуру» единой системы модулей [4, с. 56-57], концептуальное моделирование таким же путем определяет сами «модули» (концепты) в отдельности.

Таким образом, когнитивная лингвистика с ее большим интегрированным комплексом и обширной системной методологией, ориентированной на исследование языка и человеческой когниции, является достаточно сложным научным направлением в плане его задач, но одновременно уникальным решением наиболее интересующих всех исследователей в области лингвистики вопросов (вопросы формирования языка, соотношения языка и мышления и др.).

Список литературы

1. Давлатов М.А. Лингвокогнитивный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках: дис. ...канд. филол. наук. Душанбе, 2020. 234 с.
2. Давлатов М.А. Сопоставительный анализ концептуальных микромоделей лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Филологические науки. 2019. № 7. С. 121-128.
3. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №3. С. 5-10.
4. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 56-57.
5. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. 280 с.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
7. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №3. С. 5-14.
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 6-17.
9. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2007. 272 с.
10. Миллер Дж. А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. №6. С. 104-109.
11. Подвигина Н.Б. Языковая картина мира // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №5. С. 63-67.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
13. Рамхе И.Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №8 (86). С. 94-98.
14. Тешаев Х.И. Функционирование тематической группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках: дис. ...канд. филол. наук. Душанбе, 2016. 156 с.
15. Johnson-Laird P.N. Mental models. Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. Cambridge (Mass.), 1983. 528 p.

А.А. Зайнульдинов Тяренков
А.А. Zaynuldinov Tiarenkov
Барселонский университет (Барселона, Испания)
University of Barcelona, Barcelona

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ*

Настоящая статья посвящена исследованию эмоциональной оценки как лингвистической категории. Значительное внимание уделено истории вопроса, представлена типология функций языка, среди которых особо отмечена экспрессивная функция, определяющая эмоциональную оценочность. Результаты могут быть использованы как в формировании категорий прагмалингвистики, так и в лексикографическом описании экспрессивной русской лексики фразеологии.

Ключевые слова: прагмалингвистика, экспрессивность, эмоциональная оценка, функции языка.

TO THE QUESTION ABOUT EMOTIONAL EVALUATION AS A LINGUISTIC CATEGORY

This article is devoted to the study of emotional evaluation as a linguistic category. Considerable attention is paid to the history of the issue, the typology of the functions of language is presented, among which one can find the expressive function. This function determines emotional evaluation. The results can be used both in the formation of categories of pragmalinguistics and in the lexicographic description of expressive Russian vocabulary and phraseology.

Keywords: pragmalinguistics, expressiveness, emotional evaluation, language functions.

Языковая информация представляет собой передаваемое в разных коммуникативных целях средствами языка (или речи) содержание, отображающее не только собственно-интеллектуальные (когнитивные) понятия, суждения, умозаключения, но и эмоциональные концепты (в широком смысле), в которых находят отражение эмоциональные, эстетические оценки носителей языка, их побуждения, контактные устремления, а также содержание, передающее сведения о социальном статусе как носителей языка, так и самих языковых средств.

Понимание содержания языковых единиц как информации следует из трактовки человеческого языка как знаковой системы особого рода, специфика которой определяется прежде всего единством двух его основных функций – *мыслительной* (быть инструментом мышления) и *коммуникативной* (быть инструментом общения).

Именно единством мыслительной и коммуникативной функций, характерным для языкового знака, обуславливается своеобразие его семиотической природы: будучи обобщенным концептуальным отражением действительности,

* Данная работа осуществлена при поддержке и в рамках проекта «Desinformacion y agresividad en social media: analizando el lenguaje» Испанского министерства экономики и развития.

языковой знак является символом; будучи предназначенным для осуществления тех или иных целей коммуникации, языковой знак предстает как сигнал, направленный на регуляцию внутреннего и внешнего поведения человека.

По своим управляющим свойствам языковая информация неоднородна: разные подсистемы языковой информации обнаруживают различный характер заданности коммуникативных свойств, влияющий на их управляющие свойства, что и предопределяет существование типологии управляющей языковой информации.

К одной из первых типологий языковой информации, созданных на коммуникативной основе, принадлежит классификация значений, предложенная в работе С.А. Ogden, J.A. Richards [11, с. 200], где выделялось два вида значений слов и их функций – *символическое* (референциальное) и *эмотивное* (эвокативное). Для первого типично передавать информацию; второе характеризуется целями: выразить отношения (чувства) к слушателю или к объекту (референту) и вызвать у него направленный аффект.

В русском языкознании подобную типологию предложил Л.П. Якубинский, противопоставивший два видоизменения речи: речь при преобладающем влиянии *эмоционального* или *интеллектуального* момента [7, с. 97]. Существует и ряд других лингвистов, определяющих в той или иной степени существование двух или более противопоставленных типов информации в рамках авторских классификаций. Так, Ж. Бояджиев предлагает выделить выделяет трех функций языка – *коммуникативной, мылеоформляющей и эстетической* [14, с. 106-107]. Ch.W. Morris, в свою очередь, рассматривает *информативное* употребление знаков как равноценное *прагматическому* употреблению наряду с *оценочным* и *инциитивным (прескрипторным)* [10, с. 95-125].

По справедливому свидетельству Р. Якобсона [6, с. 374-376], лишь в период между двумя мировыми войнами в связи с разработкой в европейской лингвистике целевой модели языка (или модели ‘средство – цель’) определение функций языка как его целевой направленности получило необходимую квалификацию в Пражском лингвистическом кружке: «...язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [4, с. 467].

Детализированная иерархическая система функций языка изложена в работах К. Аммер [15], который выделяет две основные первичные функции языка: *диалогическую функцию* и *монологическую (адиалогическую)*, связанные между собой. Диалогическая функция, в свою очередь, подразделяется на: 1) *функцию выражения*, или экспрессии, реализующуюся посредством языковых средств, выражающих эмоции, эмоциональные оценки, оценочные суждения; 2) *функцию обращения, побуждения, волеизъявления*, для осуществления которой используются приказы и вопросы всех видов, высказывания, выражающие желание; 3) *функцию сообщения, информации*. А диалогическая функция членится также на функции: 1) *самовыражения, экспрессии* (вероятно, без ориентации на собеседника); 2) *самоуправления, саморегуляции*; 3) *интеллектуальной деятельности*.

Таким образом, можно резюмировать, что предназначенность языка для удовлетворения потребностей мыслительной деятельности представляет собой его *мыслительную функцию*. При этом подчеркивается широко признаваемая в современной психологии тесная связь между такими сферами психической деятельности, такими как *интеллектуальная, эмоциональная и волевая*: «*Существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов...*» [1, с. 54].

Термином *коммуникативная функция* обозначается предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей вербального общения, т.е. потребностей в обмене языковой информацией (а не односторонней передаче, сообщении).

Необходимо подчеркнуть, что *мыслительная и коммуникативная функции* (также как *диалогическая и адиалогическая функции* у К. Ammer), образующие диалектическое единство, предстают как социально равноправные: они не сводимы друг к другу и не обобщаются друг в друге, так же как детерминирующие их потребности мышления и общения.

В работе А.Г. Salvo также выделяется *экспрессивная функция* (включающая магическую и эстетическую), наряду с 3 другими: *декларативной, социальной и практической* (*función impresiva*) [9, с. 88-97] (перевод наш – А.З. Т.).

Обобщая широко представленные классификации, Л.А. Киселева [3] в своей работе предлагает наиболее стройную и непротиворечивую классификацию типов языковой информации в ее соотнесении с функциями языка. Согласно концепции Киселевой, разновидностями коммуникативной функции признаются *интеллектуально-информативная* и *прагматическая (экспрессивная)* функции. В свою очередь, разновидностями интеллектуально-информативной функции являются *номинативная, релятивная и дейктическая* функции; а подтипами прагматической функции являются функции *эмоциональная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, эстетическая, побудительная и контактная* [3, с. 41].

При этом термин *номинативная функция* как разновидность коммуникативной функции предстает как термин-дублет таких широкоупотребительных терминов как *референтная функция, денотативная функция*, если только под последними терминами понимать не обозначение предметов внешнего мира, а обозначение отраженного в сознании элемента объективной реальности, т.е. понятия о классе предметов действительности. Под *экспрессивной функцией* понимается предназначенность языковых средств для воздействия на психику и поведение адресата посредством их особых выразительно-изобразительных качеств, таких, как образность, интенсивность (обозначаемого признака, действия), 'новизна' ('свежесть') и др. Именно *экспрессивная функция* в данном понимании определяет специфику прагматического компонента значения слова.

Прагматическое назначение экспрессивной информации основано на механизме ориентировочного рефлекса: «Новизна ...повышая нашу восприимчивость... подготавливает нас к воздействиям более существенным» [5, с. 320].

Языковая управляющая информация представляет собой систему иерархически взаимосвязанных подсистем, различающихся характером заданных коммуникативных свойств. В зависимости от характера заданных коммуникативных свойств все подсистемы языковой информации можно разделить на две основные группы.

К первой группе относятся собственно *информативные* подсистемы. Такие подсистемы имеют информативную заданность, предназначены для констатации и информирования, осведомления о чем-либо адресата без расчета на его ответную поведенческую реакцию (организацию его поведения).

Вторую группу образуют собственно *прагматические* подсистемы языковой информации. Данные подсистемы характеризуются прагматической заданностью, нередко наряду с информативной: они предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата. Прагматические подсистемы апеллируют непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту.

Подобное разграничение представлено также в работах теории эмотивности и теории речевых актов. Так, употребление первого типа Ch.L. Stevenson называет *дескриптивным*, а употребление второго типа – *динамическим* [13]. Динамические употребления позволяют давать выход нашим чувствам (ср. употребление междометий), создавать настроения (ср. поэтическую функцию речи) или побуждать людей к действиям и убеждениям (ср. речь ораторов) [13, с. 16].

J. Searle настаивал на том, что основное различие между дескриптивным и оценочным (в широком смысле) значениям сводится к различиям в иллокутивной силе соответствующих высказываний [12, с. 187] и в различных целях высказывания: «цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выразить эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п.» [12, с. 183]. К собственно информативным подсистемам языковой информации относятся: а) *собственно семантическая* (интеллектуальная, рациональная, когнитивная, логическая, индикативная, дескриптивная и т. п.); б) *релятивная* подсистема (или подсистема отношений) (на грамматическом уровне подсистемы причинности, пространственности, темпоральности, неопределенности, количественности); в) *социально-стилистическая* подсистема (информация о сфере общественного употребления языковых единиц и социальном статусе носителей языка).

К прагматическим подсистемам языковой информации относятся:

а) *экспрессивная*; б) *эмоциональная*; в) *эмоционально-оценочная*; г) *эстетическая*; д) *побудительная*; е) *контактная* подсистемы языковой информации [3, с. 45].

Приведенные подсистемы языковой информации, расчленение которых обусловлено прежде всего эвристическими целями (более углубленным позна-

нием целого – управляющей языковой информации), образуют диалектическое единство: они органически взаимосвязаны, взаимно проникают и взаимодействуют в процессе функционирования, границы между ними подвижны.

В рамках концепции пригамалингвистики эмоциональная оценка определяется как отражение эмотивного мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить взаимоотношение категорий Экспрессивность, Эмоциональность и Эмоциональная оценочность: все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны.

Разграничение понятий *Экспрессивности*, *Эмоциональности* и *Оценочности* (*Эмоциональной оценочности*) в значительной степени конкретизирует терминологический аппарат, тем не менее определение категорий эмоциональной оценочности и экспрессивности невозможно без обращения к проблеме образности слова.

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака (метафорический перенос, ассоциативные характеристики).

Образность представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом. Необходимо уточнить, что свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение и разграничение функций предикации и идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной поражающей силой.

Следовательно, возможно утверждать, что образность также является субкомпонентом лексического значения компонента Эмоциональная оценочность в схеме: Экспрессивность > Эмоциональность > Эмоциональная оценочность.

Предложенные теоретические обоснования позволили осуществить создание *Словаря эмоционально-оценочной лексики и фразеологии русского языка* [16], экспрессивные оценочные пометы которого соответствуют принципам прагмалингвистики.

Безусловно, данный прагматический анализ роли и места оценочности как компонента семантики не отражает всей сложности представления экспрессивных и эмоциональных представлений, тем не менее он может быть использован для развития концепций когнитивной лингвистики, в лексикографической практике, в преподавании русского языка как иностранного, а также при машинном описании фонда русской лексики и фразеологии.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М.: АПН, 1956. 520 с.
2. Зайнульдинов А.А. Словарь русской эмоционально-оценочной лексики и фразеологии (ЭМОС). Барселона: Барселонский университет, 2005-2021.
3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: ЛГУ. 1978. 160 с.
4. Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс. 1967. 560 с.
5. Сялямон Л. О физиологии эмоционально-эстетических процессов // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968. С. 16-25.
6. Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. 1965. Вып. IV. С. 576-588.
8. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17-58.
9. Ammer K. Einführung in die Sprachwissenschaft. Bd.1. Halle, 1958. 212 p.
10. Calvo A.G. Hablando de lo que habla: Estudios de lenguaje. Madrid, 1990. 414 p.
11. Morris Ch.W. Signs, language and behavior. New York, 1955. 365 p.
12. Ogden C.A., Richards J.A. The meaning of meaning. London, 1936. 410 p.
13. Searle J. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1976. 203 p.
14. Stevenson Ch.L. Facts and values: (Studies in ethical analysis). New Haven; London, 1964. 244 p.
15. Бояджиев Ж. Езикът като обществено явление. София, 1968. С. 28-29.

Л.Г. Золотых, Ху Цзэнли

L.G. Zolotykh, Hu Zengli

Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Sichuan University, Chengdu

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Статья представляет высокую частотность и широкую семантическую палитру современных праздников Китая и России, фиксирующих и регулирующих деятельность и поведение людей этнокультурного сообщества. Определены как уникальные, так и интернациональные антропоцентрические характеристики праздника. Дано этнокультурное обоснование антропоцентрической парадигмы современных китайских и российских праздников.

Ключевые слова: праздник, этнокультура, традиция, календарь, семантика.

ANTHROPOCENTRIC PARADIGM OF CHINESE AND RUSSIAN HOLIDAYS

The article presents a high frequency and a wide semantic palette of modern Chinese and Russian holidays which fix and regulate the activities and behavior of people of the ethnocultural community. Both unique and international anthropocentric characteristics of a holiday are defined. An ethnocultural justification of the anthropocentric paradigm of modern Chinese and Russian holidays is given.

Keywords: holiday, ethnoculture, tradition, calendar, semantics.

История и современность праздников, их номинаций связаны с человеком, который представляет определенную этнокультуру, отраженную языком и имеющую в современном глобальном мире как уникальные, так и интернациональные антропоцентрические характеристики. Изучение отражения совокупного представления о праздниках внутри различных этносов связано с особенностью их репрезентации комплексом взаимосвязанных универсальных понятий и их структурного характера в различных лингво- и этнокультурах.

Определение праздника в качестве базового концепта, связанного с этническими константами национального менталитета, обосновано схемой описания культурных концептов, что представлено Ю.С. Степановым в труде «Константы: Словарь русской культуры» [5]. Также значима для нашего исследования его концепция константы как обычно присутствующего концепта, как сгустка «культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [5, с. 41]. Семантическая свертка концепта «Праздник» прослеживается в деривационной парадигме А.Н. Тихонова, аргументирующего современную непроизводность слова «праздник» и его нечленимость на морфемы, ср.: «праздник / прáздник • празднично-обрядовый / прáзднич/н/о-обрáд/ов/ый • праздничность | прáзднич/н/ость/ • праздничный | прáзднич/н/ый» [3].

Слово «праздник» в толковых словарях представлено несколькими лексико-семантическими вариантами (до 11 дефиниций) [4], ядерными семами которых в прямом значении являются ‘памятная / значимая дата’, ‘нерабочий день / дни’ ‘торжество / веселье’. Следует отметить, что репрезентация концепта «Праздник» в китайском языке выражена эквивалентными смысловыми элементами лексического значения и определена соответствующими категориальными процессами и концептуальными механизмами объективации мира. Так, в Китае и в России 1 мая является государственным праздником, который исходит из истории первомайского протеста в Чикаго (1886 г.), когда тысячи рабочих вышли на демонстрацию с требованием снизить длительность трудового дня с 15 до 8 часов. Статус международного праздника как День солидарности рабочих всего мира приобрел на Парижском Конгрессе II Интернационала (1889 г.), и с этого времени 1 мая – день официальных демонстраций рабочих. Сейчас в Китае 1 мая – **Праздник Труда**, который воспринимается китайцами как непродолжительные каникулы (обычно 5 дней) для отдыха и путешествий. С 1992 г. название праздника в России – **Праздник Весны и Труда**. Утратив масштабность праздничных демонстраций, российский Первомай и ныне сохранил семантику традиционного лозунга «Мир! Труд! Май!», постоянно пересылаемого в социальных сетях в поздравительных открытках, праздничных стикерах и эмодзи. Также сохраняется традиция так называемых «маевок» – празднование российским семьями с друзьями на природе.

Семантика праздников характеризуется ярко выраженной антропоцентричностью, композиционно отражая дискурсивное функционирование, динамику человека как культурно-интеллектуального носителя. Праздники в китайской и русской этнокультурах возможно систематизировать в антропоцентри-

ческую парадигму одинаковыми когнитивными блоками: 1) международные праздники; 2) государственные праздники; 3) праздничные дни; 4) традиционные праздники; 5) профессиональные праздники; 6) памятные даты и дни; 7) новые праздники. Относительно картины мира лексическое значение генерирует и интегрирует универсальную информацию. Сравним допустимое соотношение некоторых лексико-семантических вариантов слова «праздник» и выделенных когнитивных блоков: ‘Праздником называют день (дни) торжества, который (которые) связан (связаны) с особым, памятным событием’ [4] – блоки 1, 2, 4, 6; ‘Праздником называют традиционное празднование церковного события’ [4] – блок 4; ‘Праздником называют обрядовые, культовые торжества’ [4] – блок 4; ‘Праздниками называют выходные дни по случаю какого-либо торжества’ [4] – блоки 2, 3; ‘Праздником называется веселое торжество, которое устраивает кто-либо по какому-либо поводу’ [4] – блоки 5, 6, 7.

У международных праздников дискурсивное пространство отличается интернациональным характером, так как восходит к общим фоновым знаниям. Однако международные праздники, популярные в Китае, имеют некоторую специфику, определенную собственными когнитивно-дискурсивными стимулами. Например, в **Женский день** 8 марта женщины Китая отдыхают полдня; в **Международный день защиты детей** 1 июня дети КНР до 14 лет отдыхают, не учатся. Интересно, что Международный день молодежи, установленный ООН в 1999 году, не столь популярен в Китае и России. Китайская молодежь отмечает 4 мая: **День молодежи Китая**, и официально молодежь старше 14 лет в этот день отдыхает полдня. Праздник возник в результате антиимпериалистического и патриотического «Движения четвертого мая» в 1919 году. Сейчас во время праздника молодые люди участвуют в различных волонтерских мероприятиях, в Китае проводятся различные памятные мероприятия, в некоторых городах – церемонии совершеннолетия. **День молодежи России** ежегодно отмечается 27 июля и не является выходным днем.

Государственные праздники установлены Законом и «по своей природе идеологичны, поскольку несут определенную систему смыслов, которыми они наделяются в процессе учреждения и дальнейшего существования» [2, с. 228]. Например, в Китае 1 августа отмечается **День народно-освободительной армии Китая**, и в этот день военнослужащие отдыхают полдня. В России 23 февраля отмечается **День защитника Отечества** (до распада СССР праздник назывался «День Советской Армии и Военно-морского флота») и является выходным днем для всех.

Как в России, так и в Китае есть профессиональные праздники, которые отражают когнитивно-дискурсивную связь языка с профессиональной деятельностью народа, ср.: 5 октября **День учителя в России**, 10 сентября **День учителей Китая**. Обычно такие праздники отмечают люди соответствующей профессии, а другие не обращают на них особого внимания.

Обыденным мышлением китайцы и русские воспринимают государственные праздники как дополнительные выходные дни, хотя структура миро-

воззрения в сознании народов отличается процессами категоризации. Ср.: 1 января – государственный праздник «**Новый год**» в России и в Китае. Однако у россиян официальные новогодние каникулы с 1 по 5 января, и они увеличиваются за счет православного праздника – **Рождества Христова**, который празднуется в России 7 января по юлианскому календарю (как обычно говорят русские, «по старому стилю»). В Китае празднование Нового года официально проходит с 1 по 7 января по лунному календарю и отмечается как **Праздник Весны**.

В Китае есть различие в восприятии и осознании таких понятий, как «праздник» и «праздничные дни», что проявляется в графике и семантике. В китайской лингвокультуре понятие праздника [jie ri] тождественно номинации ‘фестиваль’ (русс.); ‘festival’ (англ.), а праздничные дни [jia qi] для китайцев – это ‘нерабочие / выходные дни’, ‘каникулы’ (русс.); ‘holiday’ (англ.). Кроме уже названных, в Китае государственными праздниками являются следующие: **Праздник Цинмин** (4 апреля); **Праздник Дуанью** (5 мая по лунному календарю); **Праздник Луны** (15 августа по лунному календарю); 1 октября **Национальный праздник Китая** (1 октября).

Изучение антропоцентрической парадигмы современных китайских и российских праздников имеет этнокультурное обоснование, сопряженное с их культурно-маркированной особенностью и отраженным в них культурным познанием. Процессы концептуализации и категоризации, как взаимовлияющие стороны «классификационной деятельности человеческого разума» [1, с. 178], определяют многослойное отражение результатов культурно-интеллектуальной деятельности этноса, в частности, семантикой традиционного праздника.

Китайские традиционные фестивали отмечаются, в основном, по лунному календарю (далее – по ЛК): **七夕节 Праздник Циси** (7 июля по ЛК); **中元节 Праздник Чжунюань** (15 июля по ЛК); **重阳节 Фестиваль двойной девятки** (9 сентября по ЛК); **冬至 Фестиваль зимнего солнцестояния** (21-23 декабря по григорианскому календарю); **除夕 канун Нового года** (20 декабря по ЛК) и другие.

В России празднование православной **Пасхи** всегда проходит в воскресный день, а дата зависит от лунного календаря (связь с Ветхим Заветом) и солнечного календаря: первое воскресенье после первого полнолуния, следующего за днем весеннего равноденствия. Интересно, что Масленица – древний, дохристианский (языческий) праздник славян, символизирующий проводы зимы и встречу весны, – был освящен православной церковью и сейчас отмечается за неделю до Великого Поста, то есть за 8 недель до Светлого Христова Воскресения.

В Китае самый торжественный традиционный народный праздник и популярный во всем мире как китайский новый год – это Праздник Весны. Его истоки связаны с традицией жертвоприношения богам и предкам в конце года в

династиях Инь и Шан и молитвой об урожае. Молились также Богу домашнего очага, Богу богатства, Богу радости и другим богам о новых благословениях в новом году [7, с. 2]. В древние времена праздник весны относился конкретно к «началу весны» – одному из 24 периодов, также он считался началом года. Позже его заменили первым днем января по лунному календарю, и он стал восприниматься как начало нового года. В этом празднике ярко проявляется межпоколенная преемственность образов сознания китайцев, которые и сейчас с 23-24 числа двенадцатого лунного месяца начинают «заниматься Новым годом»: убирать дома, готовить новую посуду к Новому году и т. п., следуя общей теме: «Прощай старое и приветствуй новое». Люди встречают Новый год и весну торжественно и с энтузиазмом. Новый год – это день воссоединения семьи и поклонения семейным предкам. В канун праздника вся семья собирается вместе за праздничным ужином, чтобы встретить Новый год. Старейшины раздают детям «новогодние деньги» в традиционных красных конвертах, а в нулевой час нового года зажигаются фейерверки. Символы Праздника Весны отражают особенности древней сельскохозяйственной культуры китайцев. Сельское общество – политеистическое общество, и встреча богов на Празднике Весны состояла в том, чтобы достичь общего счастья людей и богов: только когда Боги находятся в радости и счастье, они с удовольствием защищают урожай и безопасность домов китайцев, их долголетие. Сохранилась традиция украшать снаружи входную дверь специальными новогодними символами: поклонение Богу двери, который охраняет дверь и дом, одному из самых популярных богов-хранителей в аграрном обществе [7, с. 4].

Предки китайской нации стремились к гармонии «неба, земли и человека», к соблюдению соответствующих условий и законов природы, что сохранилось в традициях **Праздника Цинмин**, который объединял природный субсезон с человеческими обычаями. До династий Хань и Вэй **Цинмин** был тесно связан с сельскохозяйственным календарем и являлся одним из 24 «солнечных» терминов, называющих субсезон, а после династий Тан и Сун он стал торжественным праздником посещения родового кладбища и поминовения усопших [6, с. 112]. На наш взгляд, возможно сопоставление этого праздника с днем **Радоницы** в православии. Однако это требует отдельного исследования, так как у китайцев с древних времен не было единой религиозной веры. Патриархальная система и концепция пронизывают все социальные структуры Китая. Кровные отношения между семьями и кланами сформировали традиции китайской нации, подчеркивающие человеческие отношения, привязанность к семье, что, в свою очередь, сформировало национальный дух, который ценит предков.

Знакомство с основными праздниками России и Китая, информация о видовом разнообразии праздников российского и китайского народов, их семантикой – содержанием, значением, смыслом – значимо для изучающих русский язык / китайский язык как иностранный. В подтверждение приводим в сокращенном варианте сочинение студентки Сычуаньского университета.

Девятого мая каждого года вся Россия отмечает День Победы. Солда-

ты, которые воевали на фронтах Великой Отечественной войны, и все люди, родственники которых погибли в той войне, объединяются и встают в ряды Бессмертного полка. В этот день все вспоминают боевых героев, которые боролись за освобождение Родины, не жалея своих жизней. Это меня очень трогает, так как после долгого времени даже дети, которые живут в мирное время, не забывают то, от чего страдали люди вчера, не забывают подвиг ветеранов.

Я еще что-то очень хочу сказать: мы помним историю не для того, чтобы питать ненависть, а для того, чтобы выучить ее уроки. Мир может избежать повторения трагедий прошлого, только усвоив уроки истории, и мы должны относиться к ней с почтением и со всей ответственностью.

Жаль, что в Китае нет такого торжественного праздника в честь победы в китайско-японской войне. Наше старшее поколение тоже героически сражалось в кровавых битвах и добилось победы нелегко. Более 35 миллионов человек погибло в этой войне. Несколько лет назад правительство назначило 3 сентября праздником в честь годовщины победы в антияпонской войне...

Таким образом, аргументация антропоцентрической парадигмы современных китайских и российских праздников, представляет ценностно-смысловые отношения различных этнокультур, что определено универсальностью ценностного мира с позиций национальной логики познания и уникальностью с точки зрения дискурсивного этнопространства.

Список литературы

1. Дементьева И.А. Антропоцентрический подход к исследованию когнитивной и лингвокультурной деятельности человека // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. №2. С. 176-180.
2. Ефремова В.Н. Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. 2013. №3. С. 227-236.
3. Морфологические словари Александра Николаевича Тихонова // Морфологические словари Тихонова на Словороде (сайт Игоря Гаршина) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovorod.ru/der-tikhonov/tih-p.htm> (дата обращения: 30.09.2021).
4. Праздник – Толковый словарь Дмитриева // Gufu.me – словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <https://gufu.me/dict/dmitriev/> праздник (дата обращения: 25.09.2021).
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
6. Лю Чжанхуй. О народных обычаях Праздника Цинмин // Украшение. 2013. №5. С. 112-113 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.so.com/doc/3212785-3385771.html?src=onebox> (дата обращения: 05.10.2021).
7. Тао Лифань. Сельскохозяйственные ритуалы, культура Праздника Весны и защита наследия // Художественная критика. 2013. №3 С. 2-4 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.so.com/doc/5333009-5568377.html> (дата обращения: 25.09.2021).

Р.А. Кампаделли
R.A. Campadelli
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь; Терлицци, Италия)
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

КОНЦЕПТ *ИТАЛИЯ*, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ПОДКОРПУСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению концепта ИТАЛИЯ и его репрезентации в русском языке на основе анализа лексемы Италия в мультимедийном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Выявлены ядерные значения концепта ИТАЛИЯ ('территория', 'страна', 'государство'), области употребления лексемы Италия, периферийные значения, обнаруженные в выявленных областях, а также слова-конкретизаторы и преобладающие словоформы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, Италия, Национальный корпус русского языка, мультимедийный подкорпус.

THE CONCEPT OF *ITALY* PRESENTED IN THE MULTIMODAL SUBCORPUS OF THE NATIONAL RUSSIAN CORPUS

The article is dedicated to the study of the concept of ITALY and its representation in the Russian language on the basis of the analysis of the lexeme Italy in the Multimodal Subcorpus of the National Russian Corpus. The core meanings of the concept of ITALY ('territory', 'country', 'state'), the fields of application of the lexeme Italy, the peripheral meanings discovered in the identified fields, as well as the words, concretising the analysed meanings, and the prevailing word forms are revealed.

Keywords: Cognitive Linguistics, concept, Italy, National Russian Corpus, Multimodal Subcorpus.

Концепты можно охарактеризовать как мысли, идеи, понятия, которые выражают основные черты и константы определенной реальности и возникают в сознании индивида, собирая вместе различные аспекты конкретного предмета или явления.

В изучение концепта большой вклад внесли Р.И. Павиленис [1983], В.А. Пищальникова [1991], Н.Д. Арутюнова [1999], В.И. Карасик [2010], Н.Н. Болдырев [2016] и другие.

Мультимедийный русский корпус (МУРКО) является подкорпусом Национального корпуса русского языка и состоит из аудио- и видеофрагментов на русском языке.

Настоящий анализ основывается на поиске лексемы *Италия* в мультимедийном корпусе, содержащем материалы, созданные с 2000 г. по 2020 г. Были обнаружены 27 документов и 68 вхождений. Информация об Италии приводится чаще всего на лекциях (13) и в русских фильмах (8 фильмов).

Были выявлены 3 ядерных значения концепта ИТАЛИЯ, представленного в МУРКО: 'территория', 'государство' и 'страна'. Каждое из этих значений

проявляется в определенных областях употребления лексемы *Италия*, в которых также обнаруживаются различные периферийные значения.

Преобладающее ядерное значение, проявляющееся в 53 вхождениях, – ‘страна’. Данное значение выявляется в 5 областях употребления лексемы *Италия*: история, экономика, наука, архитектура, религия.

В 18 вхождениях, относящихся к области истории, было выявлено периферийное значение ‘страна с долгой историей’. Из всех 15 слов-конкретизаторов, основными являются слова *этруски* (4) и *Рим* (3): *Значит, вы видите на карте, вот приблизительно это, э, часть **Италии**, ну к северу от города Рима, м, этрусские места начинаются очень близко к Риму и идут дальше на север...* (лекция «Этрусский язык»). Этруски занимали территорию, расположенную между Арно и Тибром – исторический регион Этрурия [4]. ***Италия**, сердце великой Римской Империи, так сказать, самая квинтэссенция той великой цивилизации, разрываема́я тоже была* (лекция «Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы»). Римская империя достигла своих максимальных размеров в период с 80 по 120 гг. н.э. и на протяжении II в. сумела сохранить свои территории, таким образом, данный век считается «Золотым веком» Империи [3].

В области экономики, где обнаружены 18 вхождений, можно выделить 3 периферийных значения. Значение ‘экспортирующая и торговая территория’ (15) определяется по контекстам, где часто появляются слова-конкретизаторы *служанки* (4) и *рабы* (4): *Вывозились они в двух направлениях. Как правило/ женщины вывозились в **Италию** и становились домашними служанками; Как? Почему меняется сама структура тех рабов/ которые привозятся с берегов Черного моря в **Италию**? Почему больше рабов славянских становится?* (лекция «Причерноморье. Перекресток цивилизаций»). Упоминается работорговля в Средние века. Италия представлена как далекая территория, которая в Средние века ассоциировалась с трудностями, болью и даже смертью.

Значение ‘страна, откуда привозятся товары’: – *Это все по знакомству! Ведь привезли из **Италии**! Без растаможки* (фильм «А поутру они проснулись»). Это заставляет задуматься о свободном перемещении товаров – одной из основополагающих свобод, гарантированных Правом Европейского союза.

Значение ‘страна-производитель’: – *Квартира твоя стоит/ я мебель из **Италии** завез* (фильм «Свадьба»). Ссылка на «Сделано в Италии (Made in Italy)» подчеркивает, что итальянскую мебель, как и другие аксессуары для интерьера, ценят во всем мире. Согласно данным Агентства по продвижению за рубежом и интернационализации итальянских предприятий, мебель являлась тринадцатым из основных направлений итальянского экспорта в 2019/2018 гг [5].

Ядерное значение ‘страна’ выявлено также в области науки, к которой относятся 10 вхождений. В данной области преобладает периферийное значение ‘страна, занимающаяся научными исследованиями’ (6): *Это предмет нейтринных экспериментов, в частности, эксперимента OPERA, который в **Италии** проводится в подземной лаборатории, а нейтрино получают из ускорителя церновского. Но на самом деле в свое время в Дубне профессором*

*Бруно Понтекорво, который в свое время из **Италии** уехал и работал с пишем того года в Советском Союзе, затем в России, была выдвинута гипотеза о так называемых нейтринных осцилляциях, которые однозначно приводят к тому, что масса у нейтрино существует* (лекция «Новое о строении материи»). Италия упоминается как одна из стран-участников в интернациональной коллаборации OPERA, целью которой является детектирование нейтринных осцилляций. Италия не только внесла свой вклад в научные исследования, имеющие глобальное значение, но и может гордиться учеными, с именем которых связаны научные гипотезы, в том числе Бруно Понтекорво.

Вторым и третьим периферийными значениями, относящимися к области науки и имеющими по 2 вхождения каждое, являются следующие: ‘страна, где проходят международные конференции’ – *Два года тому назад я летал в **Италию**, выступал на конференции в Парме, подходит ко мне один человек, грт: «Вы Губарев?». Гр: «Я Губарев». «А я, – говорит, – корреспондент газеты “Республика”, / которого уволили тогда за тво... эту публикацию, хотя там все была правда»* (беседа «Правдисты»); ‘страна, где находятся старинные университеты’ – *Первые университеты в Европе появились в **Италии**, появились в Англии, во Франции, в двенадцатом веке, в тринадцатом веке. Скажем, первая Академия появилась как таковая при дворе императора Карла Великого* (лекция «Россия как часть мирового цивилизационного процесса»). Италия известна тем, что здесь находятся старинные университеты, в том числе Болонский университет – Alma Mater Studiorum, который был основан в 1088 г. и является первым университетом западного мира.

Область архитектуры (4) характеризуется только 1 периферийным значением, а именно ‘страна, известная своей архитектурой’: *Еще в конце позапрошлого века он реализовал, он создал такие конструкции, которые сегодня поражают нас своей новизной. Есть антология, которая выпущена в **Италии**, где представлены лучшие архитекторы мира за сто лет* (рассказ «Пространство Владимира Шухова»). Итальянское зодчество и архитекторы из Италии внесли весомый вклад в мировую архитектуру. Тот факт, что данная антология выпущена именно в Италии, подтверждает ее общеизвестность как родину искусства. Более того, упоминание данной антологии на русском канале доказывает, что итальянская архитектура ценится во всем мире, в частности, в России.

С данной областью религии (3) связано периферийное значение ‘страна, являющаяся одним из важнейших религиозных центров мира’: *Короче, из Крестового похода, к тому же неудачного, они возвращались порознь, по пути остановились в **Италии**, побывали у Римского Папы, и муж Алиеноры, Французской королевы и одновременно герцогини Аквитанской, просил, чтобы Папа разрешил развод. Вы понимаете, что развод в католической церкви, а тем более, в королевском семействе, можно только с разрешения Папы* (лекция «Столетняя война»). Вышеуказанное утверждение подчеркивает не только силу Католической церкви, но и представление о браке как о союзе, заключаемом на всю жизнь. Это свидетельствует о важности института брака в Италии.

Второе ядерное значение концепта ИТАЛИЯ по частоте вхождений (11) – ‘территория’. Данное значение выявляется в 3 областях употребления лексемы *Италия*: локация, география, путешествие.

Самой частотной областью является ‘локация’ (7). В ней Италия представлена как ‘место долгого пребывания’ – *Внук мой приехал из Италии впервые за десять лет* (фильм «На Верхней Масловке»). Комфортные условия жизни в Италии могли быть одной из причин редкого возвращения человека на свою родину. Периферийное значение ‘пункт назначения поездки’: – *В Италию? Поедем в Италию. Ты ж хотела в Рим* (фильм «Дневник его жены»). Значение ‘местонахождение территории’: – *Сизый туман стелется под ногами. Вот с одной стороны море, а с другой, Италия. Вон они* (фильм «Дело о “Мертвых душах”»).

Второй областью, в которой проявляется ядерное значение ‘территория’, является география. В ней обнаруживается периферийное значение ‘территориальные черты’ (1): *Ну и сделал сравнение, что вот как у вас в Италии есть Венеция, так в Калининградской области есть маленькая Венеция, Полесский район* (рассказ «Полесск (Калининградская область)»). Данное название придумал поэт Николай Василевский. Полесский район характеризуется огромным количеством каналов и канав. На этом основывается сравнение между Венецией и Полесским районом [1].

Третья область – путешествие (3). В ней обнаружены 3 вхождения, где Италия представлена как ‘страна, которую надо обязательно посетить’: *Ты что, с ума сошел? Машенька, поверь мне, вовсе необязательно презирать человека за то, что он не был в Италии. Надо обязательно поехать* (фильм «Москва»). Тот факт, что человек в своей жизни ни разу не побывал в Италии, вызывает удивление, однако это не может стать причиной плохого отношения к данному человеку. Подчеркивается, что в Италию необходимо съездить как минимум раз в жизни.

Последним ядерным значением концепта ИТАЛИЯ – ‘государство’ (4). Оно обнаружено в 3 областях использования. Первой областью по частоте является внешняя политика, где отмечаются 2 высказывания, в которых указано периферийное значение ‘государство, являющееся членом международных организаций’: *Убежден, единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я или не понял то, что было сказано совсем недавно нашим коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно* (речь на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности). Италия упоминается и как член ООН. Являются членами данной организации те государства, которые согласились выполнить обязательства, установленные Уставом организации Объединенных Наций, подписанным во время конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. Идея предотвращения вооруженных конфликтов в конце Второй мировой войны стала основой создания ООН [6].

Вторая область – политический и государственный строй (1), где обнаруживается периферийное значение ‘государство, имеющее отношения со стра-

нами Западной Европы': *Вместо этого появились государства Западной Европы, которые сами стали ключевым культурным регионом. То же Франкское государство, позднее Германия, Италия, Франция, позднее еще Англия* (лекция «Россия как часть мирового цивилизационного процесса»). Выражение *ключевой культурный регион* представляет характеристику не только территории, но и государства. Под регионом подразумевается «большая область, группа соседствующих стран или территорий, районы, объединенные по каким-нибудь общим признакам» [2]. Для государств Западной Европы были характерны общие аспекты культурной жизни в связи с отношениями взаимного влияния.

Третья область – нормативно-правовая система (1), где выявлено периферийное значение 'государство, имеющее нормативно-правовую систему, схожую со странами континентальной Европы': *И вот эта форма, типология уголовного судопроизводства, считается, впервые была закреплена уголовно-процессуальным кодексом Франции одна тысяча восемьсот восьмого года, а также была присуща другим странам, преимущественно континентальной Европы. Сюда можно отнести Германию, Италию, Австрию и Бельгию* (лекция «История науки уголовного процесса в России»).

В свете проведенного исследования можно утверждать, что самое большое количество вхождений включают следующие области: история (18), экономика (18), наука (10) и локация (7). 3 из этих областей связаны с ядерным значением 'страна', являющимся преобладающим, а только одна из областей – с ядерным значением 'территория', являющимся вторым по частоте.

Следовательно, преобладающими периферийными значениями являются 'страна с долгой историей' (18), 'экспортирующая и торговая территория' (15), 'страна, занимающая научными исследованиями' (6), 'пункт назначения поездки' (4). По их частоте вышеуказанные значения находятся ближе к семантическому ядру по сравнению с более редкими упоминаниями об Италии.

По 1 вхождению включают следующие области: география, политический и государственный строй, нормативно-правовая система. 2 из 3 вышеупомянутых областей связаны с ядерным значением 'государство', являющимся третьим по частоте употребления лексемы *Италия*.

В проанализированных материалах отмечается преобладание словоформы *в Италии* (30 раз). Это объясняется тем, что в рассмотренных устных текстах представлены аспекты, являющиеся традиционными для Италии. Поскольку Италия часто описана как пункт назначения поездки, встречаются также словоформы *в Италию* (11) и *до Италии* (2 раза), словоформа *из Италии* встречается 7 раз.

Имя существительное *Италия* представлено 7 раз в сочетании с именами прилагательными, 3 вхождения из которых с именем прилагательным *Северная*.

Тот факт, что Италия является предметом обсуждения и изучения на лекциях, прочитанных на российских телеканалах, и упоминается в российском кино, свидетельствует о живом интересе к истории, искусству, религии, культуре страны за пределами Италии, в том числе в России. Данный интерес объ-

ясняется значимостью Италии и ее культурного наследия в Европе и во всем мире.

Список литературы

1. Православное путешествие по малой Родине: «Полесская Венеция», 2019 // Калининградская епархия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://kdeparh.ru/pravoslavnoe-puteshestvie-po-maloi-rodine-polesskaya-veneciya/> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Регион // Большой толковый словарь, 2000-2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD&all=x> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Dalla Preistoria alla caduta dell'Impero Romano, 2014 // Il corriere della storia. Loescher Editore [Electronic Resource]. URL: https://www.loescher.it/Risorse/LOE/Public/O_30720/30720/Materiale_Libero/Dalla_Preistoria_alla_caduta_dell_Impero_Romano.pdf. (дата обращения: 01.07.2021).
4. Etruria // Enciclopedia Treccani [Electronic Resource]. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/etruria/#:~:text=Etruria%20Regione%20storica%20abitata%20dagli,Arno%20e%20il%20Tevere%20\(v.&text=Etruschi%20Antica%20popolazione%20d'Italia,%2C%20Emilia%2DRomagna%20e%20Lombardia/](https://www.treccani.it/enciclopedia/etruria/#:~:text=Etruria%20Regione%20storica%20abitata%20dagli,Arno%20e%20il%20Tevere%20(v.&text=Etruschi%20Antica%20popolazione%20d'Italia,%2C%20Emilia%2DRomagna%20e%20Lombardia/) (date of access: 28.06.2021).
5. L'Italia nell'economia internazionale // Rapporto ICE 2019/2018 2019-2020 [Electronic Resource]. URL: https://www.ice.it/it/sites/default/files/inlinefiles/BOOKLET_2707_2058_rid_0.pdf. (date of access: 01.07.2021).
6. Nazioni Unite – ONU // Ministero della Salute, 2021 [Electronic Resource]. URL: <http://www.nsis.salute.gov.it/portale/rapportiInternazionali/dettaglioContenutiRapportiInternazionali.jsp?lingua=italiano&id=1791&area=rapporti&menu=unite> (date of access: 24.05.2021).

С.Н. Кожакметова, В.Д. Нарожная
S.N. Kozhakhmetova, V.D. Narozhnaya
*Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет (Шымкент, Казахстан)
South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена анализу русских и казахских фразеологических оборотов, в которых отразились особенности философского мировосприятия реальной действительности и национально-культурная специфика языкового сознания представителей исследуемых этносов. Систематизация и сравнительное описание фразеологических единиц казахского и русского языков позволяет выявить универсальное и национально-культурное в анализируемых единицах, описать русские и казахские традиции и обычаи, которые нашли отражение в устойчивых словосочетаниях.

Ключевые слова: паремиология, национальная культура, универсальный, языковое сознание, картина мира.

NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT IN THE COMPOSITION OF THE SET PHRASES OF THE RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

The article is concerned to the analysis of Russian and Kazakh set phrases, which reflected the particularities of the philosophical world perception of reality and the national-cultural specificity of the linguistic consciousness of the representatives of the studied ethnic groups. The systematization and comparative description of phraseological units of the Kazakh and Russian languages allows to identify the universal and national-cultural in the analyzed units, to describe the Russian and Kazakh traditions and customs, which are reflected in established collocations.

Keywords: *paremiology, national culture, universal, linguistic consciousness, worldview.*

В современном многообразии культур проблема межнациональной коммуникации носителей разноструктурных языков, национально-культурных, социально-политических идентичностей остается еще не решенной и требует основательного рассмотрения на разных языковых уровнях. Фразеологизмы казахского и русского языков как наиболее устойчивый и многослойный элемент языковой системы имплицитно содержат национально-культурные и социальные коды носителей языков и ярко характеризуют присущую каждому этносу паремиологическую картину мира. Духовность, ментальность этноса отражаются в национальных традициях и обычаях, которые соотносятся с духовной сферой, с мировосприятием и мироотражением человеческим сознанием окружающей действительности.

Паремиология, обладая свойством метафоризировать, эмоционально и образно показывает привычки, индивидуальные особенности людей, их обычаи и традиции, быт и культуру. Именно поэтому паремиология так важна и интересна с точки зрения национально-культурных стереотипов, которые фокусируются в языковой картине мира. Периферию картины мира характеризуют универсальные, общие для разных культур фразеологические обороты и пословицы, а ее ядро составляют специфические устойчивые словосочетания, передающие национальную, свойственную именно этому народу, культурное своеобразие.

У многих народов с традициями и обычаями связано отношение к хлебу. В русском национальном сознании такое понимание хлеба отражено в многочисленных фразеологизмах: *хлеб-соль, хлебом-солью (встречать), даром хлеб-соль есть, водить хлеб-соль, отбивать хлеб, хлеб наш насущный, хлебом не корми, хлебное место, на вольных хлебах, на казенных хлебах* и др [5, с. 506-507]. Здесь важно отметить, что хлеб у славян – это не просто физиологическая потребность в еде. В древности существовал обычай, согласно которому люди, отведавшие хлеба от одного куска не могут быть врагами, более того, это неписанный закон взаимопомощи и взаимовыручки: *водить хлеб-соль* – ‘дружить с кем-либо’; *встретить хлеб-солью* – ‘проявить гостеприимство и радушие’; *забыть хлеб-соль* – ‘быть неблагодарным, забыть оказанную кем-то и когда-то помощь, нарушить дружеские отношения’.

В настоящее время в русской культуре продолжают действовать отголоски этой традиции: если человек не принимает чье-либо угощение, не разделяет с кем-либо трапезу, это говорит о том, что его самого или его родственников сильно обидели со стороны приглашающих, сделали когда-то зло. Угощаться у таких людей хлебом-солью предосудительно. Сравним в казахском языке фразеологизмы: *auuz tiu* – ‘взять в рот’ – отвесть угощения, показав этим свое радушие и пожелание благополучия хозяевам дома; *erulik beru* – ‘угощать новых соседей’.

Отношение недоброжелательности, пожелание зла в русской культуре выражалось сочетанием *Пусть у тебя хлеб не родится!*, а в казахской – *dām tūzu* [nan] atsyn – *пусть сразят тебя еда (хлеб) и соль* [3, с. 60]. Как видно из данных примеров, отношение к самому насущному – хлебу – в казахской и русской культурах одинаковое. Различия, национально-культурная специфика, связанная с разным способом производства и с разным бытом этносов, ярко проявляются в следующих единицах русского языка: *тертый калач*, *заманить калачом*, *блин продолбить*, *блин дырявый*, *заварить кашу*, *расхлебывать кашу*, *каши мало ел*, *каши не сварил*, *лаптем щи хлебать* и др. – и в казахском языке: *bas beru* – ‘преподнести голову’, *keseni tōñkerip qoiu* – ‘перевернуть на столе пиалу вверх дном’, *dastarhan qaiyru* – ‘завернуть край скатерти’ и др.

Число *семь* у казахов «относится к священному, магическому, с ним связано большое количество понятий, отражающих их национально-культурную специфику, их казахскую философию, ментальность. Это своеобразный символ мира, который используется как в прямом, так и в переносном значении» [7, с. 52]: *jeti šärıp* (семь святых мест), *jeti ru* (Семь родов жуза), *jeti ata*, *jetpis pūšty* (семь предков, семьдесят поколений); *jeti jūt* (семь бед); *jeti ğalam* (семь частей Света); *jeti qatkök* (семь небесных тел); *jeti kün* (Семь дней недели). Кроме общепринятых названий дня (сегодня, вчера, завтра, послезавтра, после послезавтра) в казахском языке существуют фразеологизмы, отражающие и такие понятия, как *auyrkün* (тяжкий день), *соңгыкүн* (последний день), *азуна* (скорбный день).

Этот перечень можно продолжить: *Mäñgılık El* – семь незыблемых основ (семь граней Великой степи); *jeti jarǵy* – сборник традиционных обрядовых законов казахского народа, принятых при Тауке-Хане; *jeti qaraqşy* – название созвездия Большой Медведицы в казахском языке (название связано с легендой о семи разбойниках, похитивших красавицу); *jeti jan* – живучий, *jeti jany bar* (ср. в русск. *иметь девять жизней*); *jeti nan* (божьи лепешки) – семь лепешек (в четверг, поминальный для мусульман день, жарятся на масле семь лепешек и раздаются родственникам, соседям, знакомым).

С цифрой *семь* в казахской культуре связаны и такие понятия, как семь частей тела (голова, грудь, живот, руки, ноги); семь сокровищ, связанных с жизнью мужчины (отвага и мужественность; умственные способности; верный конь; охотничья борзая; прирученный зоркий беркут; умная, красивая жена; оружие (винтовка, меч, лук со стрелами и др.); семь сфер подземелья (пучина, гадюшник, вода, черный камень, две чудовища-рыбы, сивый вол, земля, твердь); семь сирот: невостребованное (лишнее, ненужное) слово; несчитые

лоскуты ткани (раздаются женщинам в день похорон умершего); обезлюдевшая земля (брошенная земля), осиротевший народ (народ, потерявший по какой-либо причине своего предводителя), озеро без плавающих птиц, храбрец, вынужденный скитаться на чужбине, одинокий старец, который похоронил своих сверстников и ровесников сверстников и др.

Для философского мироотражения в русском языке используется большое количество пословиц и устойчивых выражений с ключевым словом *семь*: *Семь верст до небес, да все лесом; Семь дней в неделе, семь звезд в венце; Семь сел, один вол, а десять урядников; Если седьмой, то подожди, у ворот постой; Семеро с ложкой – один с плошкой; На неделе семь четвергов, и те в пятницу; Семь волков одна лиса обманет; Семь пятниц на неделе.*

Всего в сборниках русских пословиц путем сплошной выборки мы получили и проанализировали более 50 пословиц с числом *семь, семеро, седьмой* [1; 4; 5]. Так же ярко и содержательно представлены и русские фразеологические единицы, включающие в свой состав цифру *семь*: *семь цветов радуги; семь небес; за семью морями; на седьмом небе; до седьмого колена; под семью замками; семь чудес света; семь планид; семи пядей во лбу; семимильными шагами; семь верст киселя хлебать; семь пятниц на неделе; семь верст до небес* и др. [6].

Достаточно интересным является сравнение русских и казахских фразеологических оборотов с ключевым словом *душа*. Имея определенную метафорическую модель, такие устойчивые словосочетания могут передавать различные коннотации, как положительные, так и отрицательные. В русском языке тревога, печаль, скорбь, душевное неравновесие, чувства тоски или жалости метафоризируются в следующих фразеологических оборотах: *душа надрывается, душа болит, душа слезами обливается, на душе скребет, душа не на месте, ад крошечный на душе, душа перевертывается, вынимать душу, душа разрывается, камень на душе, кошки скребут на душе, душа вон*. О слабом, больном, изможденном болезнью или трудом человеке говорят: *еле-еле душа в теле, в чем только душа держится, на ладан дышит*. Отсутствие интереса, склонности, симпатии, доверия к кому-либо или чему-либо отражено в ФЕ *душа не лежит, душа не принимает, не по душе*. Трусость, состояние страха метафорически отражено в выражениях *заячья душа / душонка, душа ушла в пятки*. О формалисте, бюрократе говорят, что у него *чернильная душа*. Положительные коннотации передаются такими фразеологизмами, как: *всей душой, от всей души, душой и телом, с открытой душой, отдыхать душой, делать с душой, душа в душу, по душам, отлегло на душе, сколько душе угодно, от полноты души, камень с души свалился* и др [6, с.149-151].

Среди казахских ФЕ анализируемой группы нами отобрано достаточное количество выражений (72), которые являются *полными эквивалентами* русским фразеологизмам: *janyn salu* (букв. класть (положить) душу: не щадить себя) – рус.: положить душу за кого-либо; *jūmysqa januten berilu* (букв.: отдаваться с душой работе: работать с душой) – рус.: гореть душой; *janu kiiu* (букв.: душа горит: излишнее эмоциональное состояние, страстное желание чего-либо)

– рус.: душа горит, душа загорелась; *jan küier* (букв.: болеющий душой: сочувствующий, сопереживающий) – рус.: болеть душой; *janu küiu* (букв.: кто-либо сильно взвинчен, возбужден, взволнован: душа волнуется) – рус.: душа горит; *janu baqaiyna ketti* (букв.: душа ушла в пятки / *baqai* – пятка, надкопытная косточка/: сильно испугаться) – рус.: душа ушла в пятки [6, с. 150]; *janu şuǵı* (букв.: выйти его душе: умереть) – рус.: отдать Богу душу, дух испустить [3, с. 75-77].

К *частичным эквивалентам* относятся такие фразеологизмы, которые расходятся с русскими по внутренней форме или по семантике: *kür jany bar* (букв.: в чем только душа имеется: говорить об очень больном, истощенном человеке) – в чем (только) душа держится [6, с. 149]; *jan tapsyru* (букв.: отдать, вручить, передать, душу: умереть) [3, с. 74] и его синоним-фразеологизм *janberu* (букв.: отдать, вытрясти, выложить душу: умереть) [3 с. 181] – рус.: отдать Богу душу; *jandy suyrup ala jazdau* (букв.: едва не вытряс душу: угрожать, домогаться кого-либо по поводу чего-либо) [2, с. 98] – рус.: душу вытрясти; *jandy jegidei jeu* (букв.: душу червем точить: тоскливо, уныло на душе) – рус.: скребет на душе; *janu qas* (букв.: враг в душе: сильно ненавидеть) – рус.: /ненавидеть/ всеми фибрами души; *janyna batu* (букв.: давить на душу: причинять, наносить душевные страдания) – рус.: на душе тяжело; *jan düniesin aqtaru* (букв.: рыться, копаться в душе: состояние человека, когда он постоянно анализирует свои поступки, мысли, не дает покоя своей душе) – рус.: в душе копаться.

Культурно-национальную специфику этноса наглядно отражают безэквивалентные фразеологические единицы, когда близкое значение казахского и русского фразеологизма передается разным компонентным составом или совсем отсутствует фразеологизм с похожим значением: *keñ qoltyq* (букв.: просторно / свободно под мышкой: широкая душа) – рус.: душа нараспашку; *januñnuñ barynda* (букв.: пока душа с тобой: еле живой, едва / чуть живой) – рус.: еле-еле душа в теле, дышать на ладан; *jan saugalau* (букв.: спасти душу: оберегать свою душу, то есть жизнь) – рус.: спасти шкуру; *jandy jer* (букв.: место, где находится душа: уязвимое место, свойство кого-, чего-либо) – рус.: больное место; *janalǵuş* (букв.: берущий, забирающий душу: убийца) – рус.: душегуб и многие другие.

В процессе анализа русских и казахских фразеологических оборотов нами выявлены казахские ФЕ, не имеющие фразеологического соответствия в русском языке, и русские ФЕ, не имеющие соответствия в казахском языке:

- *janyn şüberekke tüiu* (букв.: душу завязать узелком: быть готовым прийти на помощь кому-либо, забыв о себе и о своих проблемах) – рус.: отсутствует;
- *jan türşigerlik* (букв.: душа жуткая, отвратительная: ужасный человек, страшный, непорядочный) в русском языке не имеет фразеологического соответствия и передается описательно (отвратительный, омерзительный тип) или словами *негодяй, мерзавец*;

– *излить душу кому-либо / перед кем-либо* в значении ‘открыться тому, кому доверяешь; поделиться с кем-либо тем, не дает покоя, что наболело; считывая на сочувствие’ [6, с. 184] – каз.: отсутствует.

Явление безэквивалентности фразеологических единиц связано с различием национальной картины русского и казахского народов, с различиями в религии, быте, традициях и обычаях. Например, казахский фразеологизм *jan sauǵalau*, имеющий значение ‘спасать жизнь, бороться за жизнь’ передается русским фразеологизмом *спасать шкуру*, представленным другой образной структурой, в которой отсутствует слово *душа*. Русский фразеологизм *спасать душу* употребляется в ином значении, отличном от казахского – в религиозном: ‘избавлять от греха’.

Сопоставительный анализ русских и казахских фразеологических оборотов показал, что отдельные несовпадения значений фразеологизмов связан с национальными мифологическими картинами разноструктурных языков. Например, в казахской мифологической культуре считалось, что собака – одна из семи удач, она приносит в дом счастье и богатство. А потому сила, выносливость человека передавались ФЕ *it jandy* (букв.: душа, как у собаки). В русской культуре это значение связано с кошкой: *живуч, как кошка*. В казахском языке почти нет фразеологизмов с этим словом, так как кошка у мусульман считалась нечистым животным. Об этом говорит тот факт, что кошке никогда не давалась кличка. Ее просто называли *tusyq* – ‘кошка’.

Явление многозначности отмечено нами в устойчивом словосочетании *jan terge tusu* (букв.: душа обливается потом, вытекает как пот) [2, с. 97], имеющем два значения:

- 1) усиленно работать; трудиться не покладая рук – рус.: в поте лица, засучив рукава [6, с. 348];
- 2) сильно волноваться – русск.: бросает (кидает) в жар [6, с. 148].

Такой сравнительный анализ фразеологических оборотов разноструктурных языков позволяет увидеть и осмыслить материальную и духовную самобытность этносов, а также традиционные составляющие, которые ярко отражают национальную картину мира.

В заключение можно сказать, что в процессе поликультурного общения большую роль играет не только знание языка другого народа, но, что очень важно, освоение культурных ценностей этого народа, национальной специфики, которая связана с его бытом, трудовой деятельностью, философским миропониманием. Фразеологические обороты, раскрывая содержание общенародных ценностей и нравственных устоев разных народов, ярко иллюстрируют ту национальную специфику, которая свойственна только тому или другому этносу, раскрывают только его культурную самобытность, только его философское осмысление окружающего мира.

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2003. 616 с.
2. Кенесбаев С.К. Фразеологический словарь казахского языка. Алматы: Арыс, 2007. 797 с.
3. Кожухметова Г.К., Жайсакова Р.Е., Кожухметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1978. 224 с.
4. Пословицы, поговорки, скороговорки. Учебное издание / Составители: Т.И. Тарабарина, Н.В. Елкина. Ярославль: Академия развития, 2014. 224 с.
5. Фелицына В.Ф., Прохоров Ю.В. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 2016. 236 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1986. 543 с.
7. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Казахстан, 1998. 184 с.

С.П. Корнейчук, Г.Д. Скнар
S.P. Korneychuk, G.D. Sknar
Ростовский государственный
медицинский университет (Ростов-на-Дону, Россия)
Rostov State Medical University, Rostov-on-Don

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В БИБЛЕЙСКИХ СМЫСЛАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию лингвокультурного пространства языковых единиц современного русского языка (лексем, слов-символов, фразеологических единиц), заимствованных из библейских текстов. Авторы попытались отследить изменения библейских смыслов в указанных языковых единицах. А также реконструировать их исконное значение и осмыслить причины, вызывающие искажение библейских смыслов в современном лингвокультурном пространстве.

Ключевые слова: *смысл, символ, библеизм, ценность, культурное пространство.*

LINGUCULTUROLOGICAL SPACE IN BIBLICAL MEANINGS (ON THE MATERIAL OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE)

The article is devoted to the study of the linguistic and cultural space of linguistic units of the modern Russian language (word-symbols, phraseological units) borrowed from biblical texts. The authors tried to observe the changes in biblical meanings in these units and reconstruct their original meaning, as well as to comprehend the reasons that cause the distortion of biblical meanings in the modern linguistic and cultural space.

Keywords: *meaning, symbol, biblism, value, cultural space.*

Объектом нашего лингвистического наблюдения являются языковые единицы современного русского языка, этимологически восходящие к библейским текстам. Так называемые библеизмы, несмотря на свой «почтенный» возраст,

до сих пор не потеряли актуальность, что подтверждается частотностью их употребления, как в устной речи, так и письменной. Благодаря своей многослойной семантике и эмоциогенности, они позволяют экономно и образно передавать не только глубокие смыслы, но и эмоциональные состояния. Эти качества библеизмов в условиях ускоряющегося темпа жизни и все более глобализирующегося культурного пространства обретают особую ценность.

Под *культурным пространством* нами понимается массовое сознание национального лингвокультурного сообщества, которое вмещает все знания и представления культурно-исторического характера и определяет этическое и эмоциональное поле культуры. Библеизмы, как показывает исследование, относятся к самым эмоционально насыщенным и узнаваемым единицам современного русского литературного языка [1]. Их коннотация ранжируется от резко пейоративной, например, в таких словах-символах и ФЕ, как *Иуда, волк в овечьей шкуре*, до мелиоративной, ласковой – *заблудшая овечка*. Однако библеизмы «разрушаются временем». Дело в том, что культурное пространство, как, и почти все в этом мире, исторически подвижно. Под действием экстралингвистических факторов, например, Октябрьской революции в России или современных глобальных процессов, охвативших весь мир, меняются ценности, а вместе с ними и переосмысляются значения ключевых слов культуры, в том числе и библеизмов. Бытует мнение, что конец света наступит тогда, когда человечество оправдает Иуду Искарюта. Это оправдание, скорее всего, случится, не осознанно, а просто по невежеству и/или равнодушию. Иными словами, со временем семантика этого библейского слова-символа, означающего «коварное предательство», может стать непрозрачной, т.е. малопонятной, а затем постепенно переосмыслиться. Как это случилось с библейском *Хамом*, который по сюжету не был ни грубияном, ни наглецом. Однако в толковых словарях лексема «хам» идентифицируется как «грубый, наглый человек» [4, с. 702]. Однако реальный Хам, сын Ноя, вошел в историю человечества по другой причине – он не утаил того, что должно было скрыть. А именно – слабость родного отца. По библейскому сюжету, Хам позвал братьев, чтобы они тоже увидели наготу родителя, который в хмельном сне обнажил свое тело. Вместо того, чтобы накрыть отца, Хам приглашает братьев посмотреть... В рамках библейской этики профессиональная деятельность некоторых современных журналистов, зарабатывающих публичной демонстрацией чужих секретов, может быть названа «хамской». Возможны возражения – Хам поступил грубо, нагло, дерзко, нарушив заповедь уважения, т.е. любви к родителю. Да, все верно. Но это маргинальные значения. Центральное значение библейского слова символа *хам* – рассекречивание того, что следовало бы скрыть от посторонних глаз. Таких примеров искажений смыслов в библейских словах и ФЕ в современном культурном пространстве можно привести десятки. Следует признать, что искажение смысла слов и фраз, связанных с религиозной темой, в русском языковом сознании происходило не только в XX веке, но и раньше. Причина всегда одна – непонимание и/или незнание. Так, в современном русском языке глагол *куролесить*, имеющий значение «озорничать, скандалить», является запечатленным

примером непонимания нашими предками греческого *kyrie eleison* (Господи, помилуй), звучавшего на церковных богослужениях. Сохранилась жуткая русская загадка, в которой прослеживается связь глагола с богослужением. Ср: «*Идут девки лесом, поют куролесом, несут пирог с мясом*». Что означает монашескую похоронную процессию, сопровождающуюся пением «Господи, помилуй». Но если неграмотные средневековые люди имели оправдание – незнание греческого языка, то в XXI веке грамотные люди просто не читают Библию. Она является настольной книгой только для 5% россиян, которые посещают церковные службы регулярно. Большинству носителей русского языка библейские сюжеты известны опосредованно и понаслышке. Читать Библию как культурное наследие основная масса носителей русского языка не желает, т.к., по нелестному определению А.С. Пушкина, «мы ленивы и не любопытны». В наш рациональный и прагматичный век интерес к Библии оскудевает.

Возникает вопрос. Какое это имеет значение? Сегодня внимание лингвистов сосредоточено на внешней угрозе русскому языку, а именно – интенсивном проникновении англицизмов в русское культурное пространство. Языковеды озабочены экспансией английского языка. Они небезосновательно волнуются о последствиях такой интерференции, поскольку язык – это самоидентификация народа. Однако по авторитетному мнению, М. Кронгауза, заполнить русский язык не удастся, т.к. язык обладает способностью саморегуляции. Ср.: «Русскому языку не страшен поток заимствований и жаргонизмов, и вообще ему не угрожают те большие и, главное, быстрые изменения, которые в нем происходят. Русский язык “переварит” все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами» [2, с. 11]. Академик считает, что русский язык нуждается в защите от самих носителей русского языка. Ведь никто не заставляет нас употреблять английские слова и матерные русские. Защищать язык нужно не только от иностранных заимствований, но и от грубости, глупости невежества, не любви к родной русской культуре, запечатленной в языке и языком.

На наш взгляд, более серьезная опасность кроется не столько в необоснованном «импорте» иностранных слов, сколько в искажении и изменении смыслов ключевых слов русского культурного пространства, в том числе и библейских. Этот процесс не на поверхности. Его деструктивные последствия себя проявят не сразу, но разрушительная сила их будет велика. Подмена смыслов – это всегда подмена ценностей. Вектор сотериологической русской культуры всегда был устремлен вверх, вектор соблазнительной эвдемонической западной культуры имеет горизонтальное направление. Сегодня смысл библейских фраз *Содом и Гомора, содомский грех, содомит* вызовет когнитивный диссонанс у молодых людей. Ведь современные правила политкорректности рекомендуют грех мужеложства называть эвфемизмом *однополой любви*. Указанные библейские ФЕ и слова-символы на протяжении веков лаконично, доходчиво и эмоционально напоминали людям о наказании за подобные отношения, т.е. доносили до сознания народа об опасности сознательного наслаждения злом и грехом.

Именно за это жители этих древних городов были уничтожены кислотным дождем и огнем. На протяжении веков библеизмы *Содом и Гоморра* служили грозным напоминанием о наказании за гомосексуальные отношения и увлечения разного рода злодеяниями, которые происходили в этих городах. Гомосексуалистов называли *содомитами*, а их отношения, соответственно, *содомским грехом*. Негативный смысл этих понятий был «вгравирован» в сознание наших предков. Однако у молодых носителей русского языка, как было замечено, эти библеизмы могут вызвать недоумение. Происходит бескровная революция в сознании населения. «Броня генетическая памяти русского языка», по мнению Т. Мироновой, поможет нам сохранить себя. Ср.: «В языковой генетической памяти каждого человека, считает Т. Миронова, записаны основные понятия самосознания предыдущих поколений» [3]. Одним из ключевых слов генетического кода русского человека является слово «совесть». Т. Миронова подчеркивает: «Оно заложено в нас тысячелетним православным сознанием и всей языковой культурой русских людей» [3]. Совесть всегда чутко реагирует на грех. Ключевое слово Библии *грех* сегодня малоупотребительно. Если о совести говорят, к ней взывают, на нее указывают, то о грехе забыли. Грех вытеснен на обочину современного культурного пространства, как устаревшее понятие. Нет слова, нет и понятия. Понять – значит «поймать, осмыслить». Ср.: в английском *to understand* в разговорном *to catch*. В молодежной среде о грехе не говорят, его делают, но не называют, потому что грех, по мнению современных россиян, существует только для тех, кто верит в Бога. Это подтверждают и словарные статьи. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова лексема *грех* трактуется так: «У верующих нарушение религиозных предписаний, правил» [4, с. 118]. Неблагозвучное устаревшее библейское слово *грех* замещается эвфемизмом *правонарушение/ нарушение*. Современное культурное пространство характеризуется тем, что человек устал от угрызений совести, он перестал стыдиться своего греха, который стал не только нормой, но и источником эвдемонии. Кантовский закон «нравственного императива», вытеснивший Библейский этический авторитет, позволяет поступать так, «чтоб максима своей воли в любое время могла стать принципом всеобщего законодательства». Известно, что Европейское законодательство легализует библейский *содомский грех*. Несмотря на то, что табу на *содомский грех* снимается в XXI веке, оно по инерции все еще живет в генетической памяти русского языка в древнем и упрямом библеизме.

Современному носителю русского языка библейский номинатив *раб Божий* привлекательным вряд ли покажется, скорее – уничижительным. Сегодняшнее социально-политическое прочтение слова *раб* имеет исключительно отрицательную коннотацию. Однако в евангельском контексте, быть *рабом Божиим* почетно и не уничительно. Эта фраза означает, что человек больше не является рабом греха, т.е. он по-настоящему свободен. Демократия борется и поддерживает многочисленные проявления свободы, но свобода от рабства греха ей не известна, как и рабство XXI века – навязанные ценности. Давно и незаметно происходит переосмысление слова *любовь*. Некогда наполненное евангельским смыслом жертвенной любви к Богу и людям, созвучное греческой

лексеме *agapa*, русское слово *любовь* сегодня редуцировано до *эроса*, *филии*, *мании*. Апеллирование к греческим словам представляется здесь уместным, поскольку большинство абстрактных существительных, в том числе *любовь*, *зло*, *добро*, *ненависть*, *красота* и др., появились в древнерусском языке благодаря переводам библейских текстов. Конечно, наши предки переживали красоту, и испытывали любовь, страдали от ревности, но у них не было слов, называющих подобные абстрактные феномены. Приобщение молодой славянской культуры к древним цивилизациям через переводы Библии вылилось в синтез культур. Плодом этого синтеза стала уникальная русская культура, обогатившая мир гением Ф. Достоевского, П. Чайковского, А. Рублева. Сегодня неосознанно мы пытаемся «привиться» к бесплодному дереву глобальной цивилизации. Но «генетическая броня» русского слова удерживает нас от саморазрушения. Мудрый русский язык напоминает нам о вечных ценностях, закодированных в русском слове.

Современная ментальная война – это глубокое проникновение ложных смыслов в сознание человека, так, чтобы он саморазрушился и был бы пленен изнутри, не понимая своего плена и не будучи способным из него выйти. Это не просто информационная война, т.е. обман которой рано или поздно откроется. Ведется умная война на духовном уровне. Цель ее – постепенное вытеснение исконных ценностей народа, аккумулированных в ключевых слов языка, в первую очередь – библеизмах. К сожалению, сегодня наше культурное пространство характеризуется индифферентным отношением к Библии, истории библейских языковых единиц, потому что не осознает их вечной актуальности.

Список литературы

1. Корнейчук С.П. Символика в Евангельских текстах (на материале русского перевода Библии): дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 188 с.
 2. Кронгауз М.А. Заметки рассерженного обывателя // Отечественные записки. 2005. №2 (23). С. 8-17 [Электронный ресурс]. URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/zametki-rasserzhennogo-obuyatelya> (дата обращения: 25.10.2021).
 3. Миронова Т.Л. Русская Правда: Веды: удар по генетической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://ruspravda.info/Vedi-udar-po-geneticheskoy-pamyati-2017.html> (дата обращения: 25.10.2021).
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

Кумба Сиссе
Coumba Cisse

Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия; Матам, Сенегал)
Voronezh State University, Voronezh

ЗАЯЦ КАК СИМВОЛ ЗООМОРФНОГО КОДА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данном исследовании речь идет о символике зайца в славянской культуре, проводится анализ образа зайца, образующий зооморфный код славянской культуры, предпринята

попытка доказать культовую значимость данного животного для социума всего древнего славянского этноса. В представлениях славянского народа зайцу присущи разные символические характеристики: трусость, прыткость, слабость, робость и др.

Ключевые слова: заяц, славянская культура, славяне, символ, обряд, зооморфный код, языковой образ.

HARE AS A SYMBOL OF ZOOMORPHIC CODE OF SLAVIC CULTURE

In this study, we are talking about the symbolism of a hare in Slavic culture, an analysis of the image of a hare is carried out, which forms the zoomorphic code of Slavic culture, an attempt was made to prove the cult significance of this animal for the society of the entire ancient Slavic ethnos. In the representations of the Slavic people, the hare has various symbolic characteristics, among them, for example: cowardice, agility, weakness, timidity, etc.

Keywords: hare, Slavic culture, Slavs, symbol, rite, zoomorphic code, language image.

Человек неразрывно связан с животными. Они участвуют в формировании представлений человека о мире. На протяжении многих сотен лет сложились символические значения животных, которые глубоко укоренились в сознании человека. Животные становятся героями многих суеверий. Люди верят в существование невидимых сил, в таинственную связь человека и животного, в то, что животные разделяют мир на реальный и нереальный, видимый и невидимый, поэтому люди живут с животными в гармонии. Символическое значение животных закрепляется в языке, впитывается с молоком матери и зачастую не осознается носителями языка. Славяне, основываясь на наблюдениях за поведением животных и подмечая их сильные и слабые стороны, считали, что каждое животное имеет свой характер и каждый человек наделен чертами разных животных.

Попытаемся проанализировать символическое значение зайца, образующее зооморфный код славянской культуры.

Заяц наделен большим символическим значением в славянской культуре. И в народных представлениях зайцу присущи разные символические характеристики: трусость, прыткость, слабость, робость и др. Обычно заяц – символ трусости. Говорят: *труслив как заяц; дрожит как заяц, заячья кровь*. Согласно легенде, Бог вылепил ему слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило. Тогда Бог оторвал ему хвост, оставив лишь небольшой отросток, и сделал маленькое сердце [2, с. 191].

В сказках сложился следующий образ зайца: это слабое существо, которое не может защититься от врагов, поэтому боится каждого шороха, единственным средством спасения являются ноги, заяц быстро бежит, однако заветная мечта зайца – стать храбрым, поэтому он иногда выдает желаемое за действительное (хвастается, что никого не боится). См., например, сказки «Зайцы и лягушки», «Заячья избушка», «Заяц-хвоста» и др.

В сказке «Заячья избушка» лиса попросилась к зайцу в дом и его же из дома выгнала. За зайца заступаются другие звери, но прогнать лису смог только

Петух. (Ср. «развесить уши как заяц» – ‘вести себя как растяпа’; например, ‘дать себя обмануть’).

В сказке «Зайцы и лягушки» зайцы жалуются на свою жизнь, на то, что им приходится бояться и людей, и собак, и других животных. Чем в страхе жить и мучиться, они решили утопиться. Но, придя на озеро топиться, они увидели, что лягушки, испугавшись их, прыгнули в воду. Тогда зайцы передумали топиться, потому что поняли, что лягушкам приходится еще хуже, т.к. они боятся даже зайцев. Этот сюжет лежит в основе пословицы, зафиксированной В.И. Далем: «*Заяц от лисицы, а лягушка от зайца бежит*».

В сказке «Заяц-хваста» заяц хвастается, что он никого не боится, но потом действительно спас ворону от собак. (Ср. существующее в языке выражение «*как (косой) заяц на пеньке*» – ‘расхвастаться’).

Данный образ сложился из наблюдений над поведением и физиологическими особенностями зайца. Действительно, заяц не агрессивен, т.к. это травоядное животное. Он незащищен перед врагами, у него нет ни когтей, ни иголок, ни сильных зубов. Единственный способ спастись у зайца – убежать, поэтому, когда заяц прячется от приближающейся опасности, он сильно дрожит и трясется, но не от страха, а от напряжения, для того чтобы мышцы всегда были готовы к бегу. В человеческом сознании дрожь является проявлением страха (*трястись / дрожать от страха*). В русской культуре заяц является эталоном трусости. Это нашло свое отражение в пословицах и фразеологизмах: *Вор, что заяц: и тени своей боится; Жаден, как волк, а труслив, как заяц; Пуганый заяц и пенька боится; Душа, как у зайца, в пятки ушла (от страха); как заяц, бояться и собственной тени* «быть чрезмерно трусливым, часто без каких-либо реальных оснований»; *заячья душонка, иметь заячью душонку* (о трусливом человеке); *дрожать (трястись) как заяц, как заячий хвостик* «испытывать сильный страх». Имеется в виду, что человек сильно взволнован или испуган и чувствует мелкую дрожь в теле. *А сама тряусь как заяц – мне завтра первый раз за руль!* (Реч.). В популярной детской песенке: «*Трусишка зайка серенький под елочкой скакал*» и др. На основе этого представления в русском языке у слова *заяц* появилось новое метафорическое значение ‘безбилетный пассажир, безбилетный зритель’ (например, *ехать зайцем*).

Однако А. Карачарова отмечает, что заяц в древности был воплощением сладострастия, мужской силы. Как поется в одной из хороводных песен:

*Заюшка, с кем ты спал да ночевал,
Беленький, с кем ты спал да ночевал? –
Спал я, спал я, пане мой,
Спал я, спал я, сердце мой... [10].*

И мужской эротический символический образ зайца мы встречаем в Этнолингвистическом словаре славянских древностей (ЭССД). У восточных славян известен хоровод, в этом танце участник, изображающего зайца, просит свить венки и та девушка, которую он поцеловал, будет его невестой. Так молодые люди выбирали себе невесту [5, с. 284-285].

Образ зайца также связан с демоническими свойствами, в энциклопедическом словаре отмечается, что заяц связывается с миром нечисти, потому что может их нагнать или угнать, проиграть на карты соседнему дьяволу [5, с.156]. Русские на Севере запрещают рыбакам упоминать имя зайца во время рыбалки, так как заяц находится в подчинении лешего и неподвластен водяному. Имеются некоторые общие названия для зайца и черта (ср.: новг. косо́й ‘дьявол’). По украинскому поверью, заяц создан дьяволом и служит ему. В болгарской сказке черт скачет верхом на зайце. Часто заяц оказывается оборотнем. В славянской культуре мы встречаем много известных сказок про дьявола в образе зайца, иногда огромного, хромого трехногого, заяц-оборотень бросается под ноги, перебегает дорогу, заманивает в чашу грозит охотнику лапой, преследует его; пойманный заяц становится непомерно тяжелым, а убитый внезапно оживает, его не берут пули, с каждым выстрелом он вырастает до величины сливового дерева и, наконец, исчезает с хохотом с шумом и зловонием обратившись в деготь или в ястреба [3, с. 175].

Образ зайца ассоциируется с душой умершего, по народному поверью душа в виде зайца появляется на кладбище и исчезает как призрак. В приметах смерть предвещает повстречавшийся заяц, пробежавший под окном, забежавший во двор или приснившийся во сне, Связь зайца с душой умершего дала развитие приметы о том, что заяц, перебежавший дорогу или встреченный на пути, сулит путнику несчастье, что и это отражено в пословицах В.И Даля: *Заяц дорогу перебежал – неудача стрелку; Неудача – заяц поперек дороги перебежал*. Однако славяне считают, что заяц приносит несчастье лишь тогда, когда бежит под гору или перебегает дорогу «за пазуху» путнику. Чтобы отвратить несчастье, нужно вернуться с пути, подождать, чтобы кто-нибудь другой перешел через эту дорогу [2, с. 190-191].

Распространенное представление, что заяц спит с открытыми глазами; говорят «*спит, как заяц*» о том, у кого чуткий сон. Вследствие этого появился запрет беременной есть мясо зайца, который объясняют тем, что у ребенка будет заячий сон, но некоторые обычаи и поверья основаны на прыткости и быстроте бега зайца, считают, например, что если заяц пробежит перед беременной женщиной, то ее ребенок будет быстрым, как заяц. С той же целью кормят детей мясом и мозгом зайца, и это отражено в кашубах, отведав зайчатины, шутят: «*Teraz zajc mne veneka v pole*» [Теперь у меня заяц выскочит в поле].

Способность зайца запутывать следы, чтобы уйти от врага, нашла отражение в выражении *петлять как заяц*, что значит «уходить от прямого ответа или от ответственности».

Представление о зайце как о трусливом зверьке характерно для многих народов, что позволило Н.Б. Мечковской сделать вывод об универсальности устойчивого сравнения *трусливый как заяц* (наряду со сравнениями *белый как мел/снег, кислый как лимон, бояться как огня* и под.) [4, с. 30].

Однако подобное представление о данном животном все же не является универсальным. Во многих культурах заяц (или кролик) предстает хитрым и сообразительным, но никак не трусливым [6, с. 30]. Такое понимание нашло от-

ражение, в частности, в «Сказках дядюшки Римуса» американского писателя Дж. Харриса. Известный советский мультфильм «Ну, погоди!» тоже не показывает зайца трусливым.

В африканских культурах, в том числе и в сенегальской, заяц прежде всего умный. Это отражено в таких устойчивых выражениях: *умный как заяц, он заяц* (похвала умному человеку), *у него ум зайца, он думает как заяц*.

Заяц является одним из знаковых символов сенегальских сказок. Он предстает умным, хитрым, находчивым. Символика зайца в сенегальской культуре близка к символике лисы в русских сказках. Однако стоит отметить, заяц (в сенегальском фольклоре) не просто хитрый, но и умный. Он добр, справедлив, он выступает основателем рода. Все это отражено в сказке «Королевство Самбы». В ней заяц Лек захотел изменить общество, поэтому он украл принца Самбу с целью воспитать его, сделать из него человека с высокими нравственными ценностями, чтобы он стал добрым и справедливым царем. В этой сказке Лек изменил человеческое общество, изменил сознание человека и открыл путь к перестройке общества, потому что Самба стал добрым и справедливым царем. Заяц Лек стал тотемным животным. Сказка заканчивается тем, что король Самба запретил убивать зайца или есть мясо зайца. И сегодня мясо зайца в Сенегале не употребляется в пищу.

Таким образом, национально-культурная специфика символического значения зайца в славянской культуре ярко отражена в сказках, во фразеологизмах и пословицах, поскольку зооморфный код культуры как составляющая языковой картины мира закрепляется в фольклорных текстах. Анализ символики зайца позволяет показать специфику восприятия и отражения мира славянскими народами.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 2 т. М.; Л.: Наука, 1984. 507 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). М.: Индрик, 1997. 912 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: В тип. А. Сяепа, 1863. 627 с.
4. Мечковская Н.Б. Семантическое своеобразие фразеологических сравнений: тематическая неидиоматичность и градуальная мотивированность их внутренней формы // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума: В 2 т. Т. 1. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 28-33.
5. СМЭС – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
6. Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 10. №3. С. 69-84.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Индрик, 1999. 202 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
9. Энциклопедия животных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.animalsglobe> (дата обращения: 25.09.2021).
10. ЭССД – Этнолингвистический словарь славянских древностей: в 2 т. М.: Русский язык, 1995. 687 с.

С.А. Ломакина
S.A. Lomakina
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия)
Bunin Yelets State University, Yelets

ХРИСТИАНСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАННИХ РАССКАЗАХ Б.К. ЗАЙЦЕВА

Предметом рассмотрения в данной статье являются символы христианской картины мира в ранних произведениях Бориса Зайцева. Ведущим способом постижения мира становится у писателя проявление высших христианских ценностей: любовь к Богу и ближнему, постижение истины добра и красоты. Герои, познавшие истинную любовь, приходят и к другим христианским добродетелям. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что ранние рассказы писателя созданы под влиянием религиозной философии В. Соловьева и отражают идею о всеединстве мира, Бога и человека.

Ключевые слова: христианство, картина мира, мировоззрение, любовь, истина.

THE CHRISTIAN WORLDVIEW IN THE EARLY WORKS OF B.K. ZAITSEV

The subject of this article is the symbols of the Christian worldview in the early works of Boris Zaitsev. The writer's leading way of comprehending the world is the manifestation of the highest Christian values: love for God and neighbor, knowledge of the truth of goodness and beauty. Heroes who have known true love come to other Christian virtues. The conducted research suggests that the writer's early stories were created under the influence of V. Solovyov's religious philosophy and reflected the idea of the unity of the world, God and man.

Keywords: Christianity, worldview, worldview, love, truth.

Творчество Б.К. Зайцева – вневременное по своей тематике и проблематике, по глубине их показа и раскрытия. Современники писателя [1; 3; 4] отмечали в его произведениях тягу к изображению жизни в свете моральных и метафизических проблем, гармоничное существование в мире природы и человека. Данные вопросы волнуют литературоведов и в наше время. По мнению Н.И. Пак, для писателя 1900-1910 годов христианство было «общей религиозной направленностью души» [7, с. 79].

В начале XX века Б.К. Зайцев попадает под влияние религиозной философии В. Соловьева и Н. Бердяева, которая способствует формированию нового мироощущения писателя, стремления постичь смысл жизни и приблизиться «к небесному». Многие духовно-нравственные вопросы в его произведениях 1900-1920-х годов рассматриваются с православных позиций. «Соловьев первый пробивал пантеистическое одеянье моей юности и давал толчок к вере», – пишет писатель в очерке «О себе» [6, с. 50]. Идея о всеединстве мира, Бога и человека, о мировой душе привлекла внимание писателя, не принимающего политические катаклизмы, мятежные настроения и революционные порывы. Столкнувшись с жестоким миром, ведущим к опустошенности, порочности, враждебности, Борис Зайцев (в то время как многие его современники пошли по пу-

ти нигилизма или пессимизма) выбирает «вечную мудрость Библии»: «Страдания и потрясения, ею (*революцией*. – С.Л.) вызванные, не во мне одном вызвали религиозный подъем. Удивительного в этом нет. Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви» [6, с. 51]. Твердая убежденность в незыблемости христианских ценностей помогли Зайцеву не только сохранить внутреннюю душевную гармонию, но и определить свое жизненное назначение – писатель «светский, но православный» [5, с. 79].

Творческое наследие Б. Зайцева велико и по количеству (около семисот названий) произведений, и по разнообразию жанров: эссе, рассказы, очерки, повести, романы, статьи. Христианская символика (*храм, купола, крест, иконы, ангелы, божественный лик* и др.), обращение к библейским сюжетам и житийной литературе позволили Б.К. Зайцеву создать свою христианскую картину мира, отражающую авторскую концепцию жизни – движение человека по траектории: постижение высших ценностей (любовь, истина, добро, красота) – воцерковленная личность – душа – Бог. Писателя интересует процесс изменения мировоззрения человека, его поиски истины и приход к вере как реализации устойчивой нравственной позиции.

Христианская картина мира сложна, неисчерпаема и свидетельствует о тесном переплетении мира земного и мира небесного. Она предлагает человечеству гармоничную систему отношений, взаимодействий, основанных на любви, на доступных и понятных нормах человеческого сосуществования. Каждый ее символ способствует приобщению к духовности, к Божию домостроительству.

Основной составляющей христианской картины мира Б. Зайцева является свет, который пугает, завораживает, притягивает и направляет. Еще Тертуллиан, писатель II-III веков, отмечал: «Дом нашего голубя прост, всегда на возвышенном и открытом месте и обращен к свету: образ Святого Духа любит восток – образ Христа» [8]. Свет стоит на границе хаоса и гармонии, внешнего и внутреннего, жизни и смерти, способствует проникновению небесного в земное. В ранних рассказах писателя встречаются разнообразные символы свечения: окна, купола, солнце, звезды, свечи. За ними встает мир невидимый, идеальный, желанный. Он притягивает героев, приближает к высшей реальности, наполняет верой.

Художественное пространство ранних рассказов Зайцева выстраивается по вертикали *низ – верх* (земля – небо), что соответствует авторскому замыслу изображения эволюции героев, последовательному постижению окружающего мира и обретению веры. Это путь Алексея («Тихие зори», 1904) от жизни «здесь», наполненной радостью и страданием, до ухода «туда», где «бледно, чисто, славно» [6, с. 62]. Такое движение по вертикали позволяет герою познать собственное назначение в этом хаотичном мире и понять простую истину: «Все это в тебе самом, ты везде и всегда будешь таким» [6, с. 61]. Жизненный путь священника Кронида («Священник Кронид», 1905) традиционен, он продолжает «тут» дело своих пращуров («за его плечами вдаль идут поколения отцов, пращуров» [6, с. 68]). Предназначение свое видит в том, чтобы «преподать свою

мудрость» детям, тем самым помочь им «жить, служить» честно. Он познал жизнь, принял ее со всеми грехами прихожан, видит то, незримо общее, что сближает людей с природой и признает ее силу. Своими ежедневными деяниями, наполненными любовью к каждому, Кронид поднимается над окружающей средой, нет ничего личного в его сознании, только истинная забота о пастве: «Крон медленно подымается на гору за рекой... Снимает шляпу, полуседые волосы свешиваются вниз. Как старый пастырь, он глядит вниз на село и думает о чем-то» [6, с. 75]. Он принимает мир, в котором живет, таким, как он есть: с «рваным мужичьем», с бабским «мямленьем», с ругающимися и пьющими мужиками. Честно и исправно служит. И мир принимает его таким, какой он есть. Чистым светом наполнена жизнь Кронида: «слишком светлы окна церкви», «светлая волна» опоясывает его во мраке перед храмом. «Целые пуки» свечей золотом горят на иконах, символизируя царство чистого духа и его служителя. Солнце сопровождает его во всех поездках, высвечивая каждый раз новое качество священника: то крепость духа, то ласковость, то заботливость. Свет в христианской картине писателя является одним из способов слияния, взаимопроникновения земного и небесного пространства. И вот уже Крон, как ласково называют его в деревнях, находясь на горе («верх») оглядывает земли и делает вывод: «Славная страна лежит вокруг, как золотое блюдо» [6, с. 73].

В рассказе «Тихие зори» создано особенное пространство, наполненное «звучащей тишиной» и «жуткого, мерещившегося мне света». Казалось бы, потеряв жену и друга, герой должен замкнуться, уединиться в «пыльном» мире, где царит полусумрак, но рефлексирующий герой идет по пути любви к ближнему, который осознается как Божественное начало, а сама любовь как величайшая ценность жизни. Постигая и проявляя истинные христианские ценности, человек не только создает вокруг себя новый мир, который помогает ему определить свое место в мироздании, понять, что человек – это часть природы, но и изменяет само пространство. Понимание того, что Алексей обречен, вызывает «странное чувство» героя: «Я не плакал. Что-то сияло на лице моего друга; слабо золотел крест на церкви, сумрак утра был зеленоват и тонок» [6, с. 62]. Если в начале рассказа ночи были «странными», «смутными», «пустыми», а свет «неопределенным», то в финале произведения мрак уходит, время становится «спокойным», «славным», «чарующим». Окружающий мир, ранее воспринимавшийся через «пыльно-золотистые» полосы и оранжевый полусумрак, теперь под золотистым солнцем и прозрачным небом приобретает четкие, яркие цвета, радующие взор (облака «перламутровые», платица «голубенькие, желтенькие и белые», воды «светлые» [6, с. 65-66]). Наблюдая за Алексеем, автор вместе с героем отмечает слияние человеческой души с природой, результатом которого становятся «благодать» и «успокоение»: «Перламутровая, чуть серебристая, непонятная, ведет откуда-то река свой ход, плетет свои струи, исполняет сердце великим миром. Сердце немеет и лежит распростертое, оно открыто любви; прошлое, настоящее и будущее в нем переплетаются; встает нежная радость о давно минувшем» [6, с. 67]. Человек не выделяется из «великого мира», из космоса, он составляющая его часть. Природа показана

Б.К. Зайцевым как нечто неизменное, вечное, божественное, ниспосланное свыше для помощи человеку в постижении не только самого себя, но и сущности прекрасного, мировой гармонии: «...кто-то могучий и безымянный, чьего имени не разгадаешь, затопил все вокруг своей безмерной силой; он выдавливает из мозга мысли, он заливает все своей от-вечной, прозрачной зеленью; и небо и воды послушны ему. И тебя нет, хотя ты идешь и видишь» [6, с. 67].

Любовь выступает у Зайцева как основа христианского отношения к миру. Понимание Бога возможно через понимание смысла любви. Это чувство наполняет душу Алексея, помогая ему перешагнуть линию жизни, руководит поступками Кронида, одухотворяя его бытие и расширяя возможности для свершения новых дел. Любовь наполняет смыслом жизнь и освещает мир. Так Михаил, герой рассказа «Миф» (1906), освещенный внешне солнцем, внутренне – любовью, видит будущее таким же светлым и понятным. Для него мир природы и мир чувств един: «...все мы, живя, мысля, работая..., все мы вместе плывем, знаешь, как солнечная система. Куда? Бог знает, но к какой-то более сложной и просветленной жизни. <...> И то, будущее, мне представляется вроде голубиноного сияния...» [6, с. 87]. Такая любовь фактически создает новый мир, наполненный только светлыми чувствами. Герой же, постигший истину в любви, готов освещать этот безумный мир, наполняя его счастьем и спокойствием.

Идея духовного пути человека у Зайцева реализуется через мотив обретения истины. Каждый человек, в сущности, всегда в поиске духовно-нравственных ориентиров, любви, веры, Бога. Это путь испытаний одиночеством, смирением, освобождения от всего суетного и преходящего. Это путь постижения «другого» как личности, которая также обладает непознанным еще, неповторимым набором духовных качеств.

Герои Зайцева, как правило, обращены к собственному внутреннему миру, который пытаются познать, найти то, что мешает единению с «высшим» миром, ощутить себя частью макрокосмоса. Они всегда «в дороге»: из открытого окна вагона наблюдает за «клокочущим» городом и природным миром «тишины и спокойствия» («В дороге»), объезжая верхом или в телеге окрестности, размышляют о тружениках и наслаждаются природой («Священник Кронид»), «бродят» по тихим ночным улочкам или любуются деревней («Тихие зори»), работают в поле («Миф»). Их чувства разнообразны – от тоски и скорби («Я плакал, но мои слезы не были кровавы и больны, и то, что случилось с Алексеем, в сознании моем не была смерть» [6, с. 64]), созерцания красоты мира, ожидания встречи с высшим («Я чувствовал, что меня пропитывает что-то спокойное, тихое, что-то сверхжизненное» [6, с. 58]) до полного принятия избранного пути («Вот он и простор, и мир. Золотой бог невысоко стоит на небе, а Миша скользит по земле неслышной птицей» [6, с. 88]).

Герои чувствуют временность этого пути, невольно стремятся к чему-то высшему, находятся в постоянном поиске духовно-нравственных ориентиров и Бога, что дает им силу духа. Осознав единение с природой, увидев целостность «прошлого, настоящего и будущего», понимают безграничность жизни мира, в

котором даже боль «сладкая», а горе «благословенное». Так, для героя «Тихих зорь» «растворившийся в природе» облик друга узнаваем в сыне. Смерть для него не является чем-то трагично безвозвратным, Алексей не исчезает бесследно, потому что он часть природы, он остается в ней и в памяти друга, который невольно становится хранителем воспоминаний об ушедших.

Герои Зайцева, как и сам автор, тянутся к свету, а получив его, отражают на окружающих. Архимандрит Киприан (Керн), размышляя о духовности Бориса Зайцева, отмечает: «Это скорее какое-то подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных светлых истоков» [2, с. 160].

Таким образом, христианская картина мира Б.К. Зайцева, с одной стороны, развивающаяся и динамичная, с другой – устойчивая по своей вере в бессмертие души, истинные ценности и добродетели. Все эти элементы находятся в постоянном взаимодействии, составляя единое гармоничное целое, основанное на религиозном понимании морали как пути к Богу.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю.И. Б. Зайцев: наброски // Силуэты русских писателей. Вып. III. 3-е изд., испр. М.: Мир, 1917. С. 205-222.
2. Архимандрит Киприан. Б.К. Зайцев // Возрождение. 1951. №17. С. 58-63.
3. Брюсов В.Я. Б. Зайцев. Рассказы. Рецензия // Золотое руно. 1907. №1. С. 86-88.
4. Гуревич Л.Я. Приближение кризиса. «Верность» Бориса Зайцева // Литература и эстетика. М.: Рус. мысль, 1912. С. 91-98.
5. Зайцев Б. Дни. М.; Париж, 1995. 222 с.
6. Зайцев Б.К. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература: Изд. центр «ТЕРРА», 1993. 527 с.
7. Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева. М.; Калуга: КГПУ, 2003. 177 с.
8. Тертуллиан Квинт Септимий. Апологетика [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/> (дата обращения: 24.10.2021).

Н.К. Мейирбек, В.Д. Нарожная
N.K. Meirbek, V.D. Narozhnaya

*Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет (Шымкент, Казахстан)
South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent*

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Статья посвящена рассмотрению и описанию моделей поведения, связанных с восприятием пространственных и временных маркеров, отражающих культурно-национальную специфику народа, его психологическую зрелость и социальную адаптацию к окружающей действительности. Знание закономерностей пространственной и временной организации, понимание многообразия и многоаспектности данной проблемы в общении является немаловажным фактором в построении результативного межкультурного диалога.

Ключевые слова: лингвокультурологический, проксемика, пространство, время, национально-культурный код.

PERCEPTION OF SPATIAL AND TEMPORAL ORIENTATIONS IN POLYCULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to the consideration and description of behavioral models associated with the perception of spatial and temporal markers, reflecting the cultural and national specifics of the people, its psychological maturity and social adaptation to the surrounding reality. Knowledge of the patterns of spatial and temporal organization, understanding the diversity and multidimensionality of this problem in communication is an important factor in building an effective intercultural dialogue.

Keywords: *linguoculturological, proxemics, space, time, national-cultural code.*

В процессе межкультурного общения знание этнокультурных констант является важнейшим условием реализации адекватного взаимопонимания как в государственных масштабах, так и в личных контактах. В последние десятилетия акцентируется внимание на этнокультуролингвистические, лингвострановедческие и подобные исследования, способствующие достижению позитивных контактов носителей разных языков и национальных культур как на вербальном, так и невербальном уровне.

Каждая культура отражает свое представление об окружающей действительности, имеет свою философию миропонимания и мироотражения. Знание культурно-национальных особенностей той или иной культуры, ее ключевых элементов определяют способы общения и поведения отдельно взятого индивида. Немаловажными факторами при этом считаются представления о пространстве и времени, которые ярко отражают менталитет народа, определяют место человека по отношению к окружающей действительности и указывают на формы его бытия.

Пространственная ориентация является предметом изучения раздела невербальной коммуникации – проксемики, которая рассматривает «использование пространственных отношений при общении, выражающееся в отделении личной территории индивида, персонализации места и объекта общения, которые становятся собственностью человека или группы людей» [3, с. 162]. Такое определение проксемики, по нашему мнению, неразрывно связано с тем, что представления человека о времени и пространстве, наполненное определенным смыслом, основаны на его личном осмыслении и восприятии окружающей действительности. Национальная картина мира, включая большое количество компонентов, таких, как природно-климатические особенности, географическое положение, ландшафт, а также быт и специфика трудовой деятельности, определяет осмысление человеком его собственного места, места своего народа или других этнических групп в многообразии мира.

Подтверждением данного тезиса является пример, иллюстрирующий специфику передачи пространственных отношений в казахской культуре.

Протяженность расстояния, непосредственно отражающая особенности кочевого образа жизни казахского народа, его быт, наблюдательность, связыва-

лась с выполнением тех или иных видов хозяйственной деятельности, связанной со скотоводством:

– *qozunuy aiagū* (досл.: ягнячий перегон): расстояние, равное перегону ягнят с одного места на другое;

– *qozu-qoş* (досл.: перегон ягнят): мера расстояния в степи, равная пяти-шести километрам;

– *at şaptyrum jer* (досл.: верховая езда): расстояние, покрываемое скакуном без остановки на отдых.

Расстояние в степи соотносилось с основной формой жизнедеятельности казахов – скотоводством – и «измерялось длиной пробега коней на байге (скачке): бег жеребенка – 5 км., бег стригуна – 8-10 км., бег коня – 20-35 км.» [4, с. 261].

В русской культуре, отражающей земледельческий способ ведения хозяйства, также использовались абстрагированные обозначения пространственных понятий, употребляемые, когда точность расстояния была необязательной: *перестрел* – полет стрелы, который равнялся 60-70 метрам, *верженье*, *метавище* – бросок камня (40-43 метра); *день пути пеший* – 25 километров, и *день пути конный* – 50-75 километров. С сельским хозяйством связаны такие абстрагированные народом обозначения меры длины, как *гон* – борозда пахотной земли, которую пахарь проходит без остановки в одну сторону до поворота; *огнище* – расчищенный при помощи костров участок пахотной земли, имеющий установленные размеры.

Использовались в Древней Руси и абстрактные понятия, связанные с голосом, слухом и т.п.: *окрик* – мера длины, на которую слышится человеческий голос; *видок*, *видки* – расстояние, которое можно окинуть невооруженным глазом.

При приблизительном, неточном определении величины, длины, расстояния в русском языке имело широкое распространение выражение *с гаком*, где *гак* – это обозначение сделанного или отмеренного чего-либо сверх меры, добавка к какой-либо мере (расстояние, время, вес: *отмерить с гаком*, *взвесить с гаком* и др.).

Отражением кочевого образа жизни казахского народа могут служить устойчивые словосочетания, передающие определенные промежутки времени. Следует отметить, что, временные значения, свойственные дореволюционному периоду, до сих пор активно употребляются в южных регионах Казахстана:

– *bie sauym uaqyt* (досл.: здоровое время): время доения кобылы;

– *bie sauym*, *bas sauym* (досл.: первое доение): время, соизмеримое с первым доением кобылы;

– *qozu jamyrağan kez*: время кормления ягнят;

– *qoi qoralaghan mezigil*: время, в течение которого загоняют овец в зимнее помещение – кашару;

– *qozu alyp bolğan kez*, *bie bailağan uaqyt*: промежуток времени, необходимый для того, чтобы привязать лошадей.

Понятие времени, отраженное во фразеологических оборотах, также связано с различными способами ведения домашнего хозяйства, с бытом казахского народа: *şai qainatym* (кипение чая), *süt pisirim* (кипение молока), *et asym* (время приготовления мяса) [4, с. 256].

Национальное мировосприятие и народная философия казахского народа отразилась и в таких словосочетаниях, которые связаны с обозначением мест кочевков. В казахском языке слово *örıs* означает выгон, место для выпаса скота, расположенное вокруг стоянки (аула). «Радиус района определяется расстоянием, на которое отходит мелкий скот от аула в течение дня, а лошадь – и в течение ночи [2, с. 30]. Каждый вид скота имеет свой радиус в районе выпаса (*örıs*) в зависимости от того, на какое расстояние он может отойти от стоянки. В соответствии с этим каждый *örıs* имеет особое название:

- дальние: *jylqy örıs* (*jylqy örıs* – ‘лошадь’) и *qoi örıs* (*qoi* – ‘овца’);
- близкие: *qozu öric* (*qoz* – ‘ягненок’) и *būzau öric* (*būzau* – ‘теленки’).

При этом, как отмечает Е.А. Керимбаев, «такие названия орисов часто употребляются казахами как мера расстояния: *jylqy*, *qoi*, *qozu öric* – лошадиные, овечьи, ягнячьи орисы» [2, с. 31].

Пространственные представления народа зеркально фокусируются в его языке, в котором нашли отражение жизнь, современное бытие и история этноса, его философское мировосприятие, материальная и духовная культура. Все это фиксируется не только в лексике и фразеологии, но и в ономастике, в частности – в казахской топонимике. Как показали результаты наших исследований, в казахских топонимах протяженность территории, расстояние от одной кочевки до другой, расстояние, связанное с восприятием отдельного объекта, часто связывалось с определенной информацией о домашних животных. Например, появление топонима *Aiğyrūşqan* связано с трагическим событием в жизни жигита, смертью любимого скакуна. Дословный перевод топонима – гора или скала, с которой сорвался жеребец; *Eşki qyrylğan* – место, где погибли козы; *Qozyköş* – расстояние, на которое могут отойти пасущиеся ягнята; *Qūlyndy* – место, где много жеребят; *Atoinaq* – место, где резвятся кони.

Философское миропонимание, кочевой образ жизни казахов отразились и в названии гор, окружавших летние и зимние пастбища. По специфической локальной географической ориентации: очертания холмов, утесов, горных массивов – скотоводы определяли протяженность расстояния и выбирали удобные и привычные дороги для перекочевков, находили благоприятные пастбища. Отличительные, запоминающиеся особенности гор, их высота, форма, объем стали ключевыми понятиями в топонимах, отражающих не только национальный код, национальное мировосприятие казахов, но и обозначали ближнее, промежуточное, дальнее или очень дальнее расстояние, которое ассоциировалось со специфическими особенностями гор, такими, как высота, форма, объем, обнаженность вершин, недоступность и т.п.:

- *Asqar tau* – очень высокая, недоступная гора;
- *Balaq tau* (от слова *balaq*, букв. ‘подшитая часть брюка, рубец’) – предгорная возвышенность;
- *Örkeşti tau* (*örkeş* – ‘горб верблюда’) – гребневые горы, зубчатые);

– *Sandyq tau, sandyqtas* (‘гора-сундук’) – большая по объему гора со сглаженным, в виде плато верхом;

– *Mūztau* (букв. ‘ледяные горы’) – горы с вечными снегами (ср. *Алатау*);

– *Qotyр tau* (букв. ‘паршивая гора’) – гора, неоднородная по составу, с многочисленными обломками и обнажениями. По виду напоминает усыпанное язвами тело человека или животного;

– *Taz tau* (букв. ‘плешивая гора’) – гора с обнаженной, без какой-либо растительности, скалистой вершиной.

Пространственные представления у различных этносов и различных культур связано с их мировосприятием и мироотражением и отличаются «относительной степенью абстракции, той или иной степенью шлифовки пространственного восприятия в связи с различной человеческой деятельностью» [1, с. 5]. Постоянно кочующие, казахи умело пользовались локальной ориентацией на местности, отражающейся в топонимии, представляющей собой совокупность таких географических названий, которые были известны только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми объектами и способных определить расстояние между такими объектами и время, за которое это расстояние можно было преодолеть.

Следует отметить, что в казахском языке многообразие местностей, едва уловимые отличительные особенности географического рельефа передаются посредством суффиксов *-dy/-di*, *-ly/-li*, которые добавляются к основам [5, с. 425]. Например, определенную протяженность территории кочевники соотносили с такими понятиями, как *oily* – ‘местность с низменностью, впадиной’; *qyрly* – ‘холмистая местность’; *būlandy* – ‘местность, где водятся лоси’; *bōrili* – ‘место обитания волков’. Такие названия территории по обитанию диких животных связаны с наблюдательностью кочевых народов, с необходимостью правильно определять направление пути во время перекочевков. Отличительными признаками той или иной местности могли служить и названия растительности: *izendi* – трава изень, *kōkreli* – василек, *josalу* – охра, *jualy* – мелкий лук.

Древняя русская система измерения длины, пространства также отражает культурно-национальную специфику славян и непосредственно связана с их профессиональной деятельностью – земледелием. По мнению исследователя русской исторической лексикологии П.Я. Черных, «древнерусская “третичная” система измерения длины, восходящая еще к общеславянской эпохе, известна во всех славянских языках ... и сводится к трем основным единицам измерения» [7, с. 131]. Этими единицами древнерусского измерения являются *пядь*, *локоть* и *сажень*.

Частотность употребления меры длины *пядь* связана с простотой и удобством способа измерения величины. *Пядь* – это растянута кисть руки, т.е. расстояние между большим и указательным пальцами, равное 18-20 сантиметрам (в зависимости от величины руки и длины пальцев).

Мера длины *пядь* была широко распространена в обиходе русского народа, именно с пространственной ориентацией связано происхождение фразеоло-

гического оборота *семи пядей во лбу*. Его первоначальное значение указывало на подростка 12 лет: «мальчики в этом возрасте уже владели мастерством своих родителей и могли самостоятельно отвечать за свои поступки, а девочки хорошо справлялись с домашним хозяйством» [7, с. 169]. Семь пядей – это рост подростка, равный метру двадцати пяти сантиметрам. Следовательно, *семи пядей во лбу* – это подросток, достигший 12 лет. Значение «очень умный, мудрый, выдающийся» [8, с. 373] развилось позже и является вторичным.

Большую, чем пядь, меру длины обозначал *локоть* – расстояние от локтевого сустава до вытянутого среднего пальца руки, равное 54 сантиметрам, т.е. локоть был в три раза больше *пяди*. Интересно отметить, что у разных народов *локоть* выражал разные величины – от 44 сантиметров до 54. Например, греческий локоть обозначал 46,3 сантиметра, римский – 44,4 сантиметра, египетский – 44 сантиметра, а персидский – 53,3 сантиметра.

Быстро и удобно, без привлечения специальных предметов, измерить длину ткани на ярмарке или длину полосы на поле славяне могли при помощи *сажени*. *Сажень* – это расстояние, которое можно измерить при помощи рук или ног и равное двум метрам шестнадцати сантиметрам. Значение этой меры длины соотносится одновременно с глаголом *саять* и существительным *шаг*: *шаг* из *сая* и *сажень* (из *саяжень*) первоначально обозначали нечто общее, имеющее значение «то, что можно достать, отмерить или при ходьбе, или растянутыми руками; расстояние, на которое можно саянуть, шагнуть» [6, т. 2, с. 135].

Для обозначения сравнительно небольших пространственных величин, используемых при разделе земли и покосов, определении расстояния при посадке растений, в дореволюционной Руси использовались дефиниции *ноготь*, *палец*, *шаг*, *вершок*, *стопа*, *ступень*, *нога*, *лапоть* и другие, а для более крупных путевых мер – *верста*, *поприще*, *стадий*, *миля*.

Таким образом, сопоставляя пространственные ориентации в разнотурных языках, можно говорить о том, что они различаются относительной степенью абстракции и передают национально-культурную специфику этноса, связанную с традициями и обычаями и отражающую разную трудовую деятельность народа.

Список литературы

1. Иманалиева Р.Б. Этнолингвистические вопросы исследования пространственной ориентации в казахском языке (Сопоставительно-типологический аспект). Туркестан: МКТУ, 2005. 152 с.
2. Керимбаев Е.А. Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном и функциональном аспектах. Алматы: НАН РК, 1995. 237 с.
3. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 271 с.
4. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учебное пособие. Алматы: Рауан, 2001. 576 с.
5. Султаньяев О.А. Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области // Филологический сборник. Кемерово. 1967. Вып. VI-VII. С. 418-436.

6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999 / Т. 1: А-Пантомима. 624 с.; Т. 2: Панцирь-Ящур. 560 с.

7. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период). М.: МГУ, 1956. 243 с.

8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

Н.А. Мулатова, О.Н. Шевченко

N.A. Mulatova, O.N. Shevchenko

*Ростовский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ (Ростов-на-Дону, Россия)
Rostov State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Rostov-on-Don*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ

В статье рассматривается когнитивно-культурологический подход к анализу понятия «толерантность» с традиционной для русской духовной мысли точки зрения и делается вывод о несовпадении этого понятия с понятием «терпимость», которым его принято заменять.

***Ключевые слова:** любовь, русская сотериология, терпимость, толерантность, равнодушие.*

TOLERANCE THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN SOTERIOLOGY

The article examines the cognitive-cultural approach to the analysis of the concept of «tolerance» from the traditional point of view for Russian spiritual thought and concludes that this concept does not coincide with the concept of «lenience», which it is customary to replace with.

***Keywords:** love, Russian soteriology, tolerance, tolerance, indifference.*

Едва ли не важнейшим вопросом наших дней является проблема мирного сосуществования народов, которые в силу исторической либо какой-нибудь иной необходимости вынуждены делить территорию совместно с другими народами, принадлежащими к иным религиозным, культурным, этническим, социальным, экономическим, политическим традициям.

Распространяемая в современном обществе идеологическая система предполагает, что решить данную проблему возможно единственным путем – посредством организации жизни общества по законам толерантности. В соответствии с декларацией принципов толерантности (подписана 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая и Россию), толерантность – это «ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политиче-

скими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [4]. Толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [4]. В преамбуле устава ООН находим следующую характеристику определения толерантности: «Проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как добрые соседи» [1]. Подобная система на различных уровнях внедряется в сознание и наших соотечественников.

На наш взгляд, налицо противоречие, которое можно выразить следующими словами: создается ситуация, когда при наличии у многонационального народа многовекового успешного опыта совместного мирного проживания ему активно предлагаются новые принципы (еще не проверенные временем и не подтвержденные историческим опытом, а если принять во внимание современные политические события, связанные с миграцией в страны Западной Европы большого числа беженцев, так и вовсе ошибочные), которые должны научить этот народ, как правильно жить в мире с другими народами.

На протяжении целого тысячелетия не только внутренняя жизнь русского народа, но и внешние судьбы его были тесно связаны с православием, что не могло не отразиться и на типе русской культуры, который в начальный период ее развития можно определить как сотериологический [от греч. «сотерио» – спасение]. Антагонистом данному типу выступает эвдемонический тип [от греч. «эвдемония» – счастье]. Начиная с эпохи Возрождения, этим вторым путем идет западная цивилизация.

Ключ к пониманию данного разделения мы находим в нагорной проповеди: *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...»* [Мф. 6, 19-20].

Первый тип культуры предполагает почти дословное исполнение заповеди, а второй отвергает ее, взамен присваивая себе право устанавливать собственные законы.

И если для человека первого типа критерием меры добра и зла являются заповеди христовы, которые он пытается претворять в жизнь, помня, «...где сокровища ваши, там будет и сердце ваше [Мф. 6, 21], то для приверженца второго направления таким критерием будут собственные мнения, ощущения, наслаждения, т.е. сокровища земные, собиранию которых он отдает все силы своей души, и всю свою творческую энергию, и все свои физические возможности.

Если же посмотреть на толерантность сквозь сотериологическую призму [2, с. 55], то можно увидеть, что она не только не имеет ничего общего с исторической русской культурной и ментальной, христианской по самой сути своей, максимой, не только не является логическим продолжением традиционного национального принципа межличностных отношений, но по сути своей проявляет резкий отказ от этого принципа и демонстрирует прямо противоположные ему позиции.

Понятие «толерантность», свойственное разным культурам, является своеобразным синонимом понятию «терпимость»: англ. tolerance, нем. Toleranz, фр. Tolérance, лат. tolerantia. В современный язык оно пришло из англ. tolerance – «терпимость, готовность принимать поведение и убеждения, которые отличаются от собственных, даже если вы не соглашаетесь или не одобряете их» [4]. Набирает обороты и активно входит в современную русскую языковую реальность тождественная замена (а по сути подмена) данных понятий, все словари XX века однозначно указывают прямое толкование толерантности как терпимости. Но данный подход не учитывает исторического наполнения и явно выраженную духовную составляющую понятия «терпимость» в русском языке, ибо терпимость для человека русской ментальности понятие глубоко религиозное, идея терпимости родилась в умах и сердцах русских людей, во-первых, из признания тварности (сотворенности) всего сущего, что влекло за собой четкое разделение понятий «добро» и «зло» и свободное ориентирование в поле этих понятий; а во-вторых, из взаимного признания собственной вины перед Богом и друг перед другом. В русском языке терпимость неразрывно связана с грехом и покаянием. А это в свою очередь предполагает постоянное определение человеком-носителем данного типа культуры границ добра и зла, что влечет за собой постоянное внутреннее трезвление, отсутствие духовного расслабления, необходимость иметь сформированный внутренний навык сознательного выбора добра, что в свою очередь вытекает из того, как понимает грех православная культура, для которой грех – это не мифическая вина перед Богом (как это принято в католическом мире), а рана, которую согрешающий человек наносит себе сам. Грех – это причина болезней, следствием которых является смерть, как физическая, так и духовная. Поэтому так категорично требование апостола Павла: *«И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте»* (Еф. 5: 11). В нем не только запрет на совершение личного греха, но и предотвращение греха, который готов совершить ближний. *«А других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью»* (Иуда, 1: 23).

Но совершенно иное дело отношение к согрешающему. Его грех нужно обличать, но нельзя ненавидеть грешника. Наличие общего Небесного Отца соединяет всех людей братскими узами, делает родными друг по отношению к другу, а это в свою очередь предполагает взаимную любовь между ними. *«Он брат твой, ты в идеале должен любить его, и если не любишь – то исключительно по причине своей собственной греховности, а вот Бог любит его так же, как и тебя»* (Деян. 5: 28-29). Сколь бы ни был тяжел грех, совершенный

ближним нашим, сколь бы ни был он отвратителен, – пока этот человек жив, у него есть шанс покаяться и тем самым избавиться от власти греха. Воспользуется ли он этим шансом или нет, зависит, конечно, от свободной воли человека. Но не только – это еще зависит и от того, кто рядом. Ведь его решение будет проистекать *в том числе* и из того, как согрешающий будет воспринимать слова своего обличителя. Если он увидит в них презрение, отвращение, ненависть, то, скорее всего, не пустит их в свое сердце. Чтобы покаяться в своем грехе, ему сперва нужно ощутить любовь Божию и христианскую любовь тех, кто обличает его грех.

В послании колоссянам апостол Павел показывает основы терпимости христиан, призывая их облечься в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу, как Христос простил всем. Более же всего необходимо облечься в одежды любви, которая есть совокупность совершенства (Колоссянам 3: 12-15).

Нетерпимость должна изливаться лишь на зло как таковое, не может быть перенесена лично на отдельного человека. Ошибающегося и заблуждающегося необходимо просвещать и вразумлять. И если троекратное обличение не возымает действия и человек не признает своих ошибок, от дальнейшего общения с ним следует уклоняться, ибо *«со строптивым развратишиися»*.

Любовь не может позволить совершиться беззаконию. Там, где нет любви, нет и истины.

Детище эвдемонической культуры, толерантность любви не знает, равно как не знает и греха. В системе координат, в которой отсутствуют направления, очень трудно понять, куда ты движешься. Толерантный человек не ориентируется в пространстве греха и зла, потому что этих понятий для него не существует. Он равнодушен к тому, что делает другой человек, но ровно до тех пор, пока это не касается его самого. Он проявляет готовность одобрить грех ради сохранения добрых отношений. Все, что творит человек, верно, главное – не ограничивать его в праве творить то, что он хочет, что ему угодно. Толерантный человек создает комфорт для себя в своих отношениях с тем, кто рядом. Он взращивает его во всех сферах жизни. Он свободен от моральных норм и нравственных устоев. С ними не комфортно, с ними совесть замучает. Не надо бороться за человека, не надо ограждать его от разрушительного тлена греха. Ведь можно все действия списать на реализацию естественных прав и потребностей. Любящий смотрит на мир и человека в нем иными глазами, ибо видит в человеке прежде всего образ Божий. Сердце его страдает, когда он видит, что образ этот утрачивается. И он, не задумываясь даже, прилагает все усилия, чтобы образ этот восстановить.

И есть еще одно неминуемое следствие: толерантный внутренне будет ощущать себя выше остальных, примером для подражания, его сознание будет осуществлять формулу: я хороший и вокруг себя создаю ситуацию абсолютно-го блага [3, с. 70]. Но ведь именно это состояние, порожденное гордынею и как следствие само рождающее тщеславную страсть, создает условие, которое пре-

пятствует формированию и осуществлению любви тем, кто сам живет по принципам толерантности.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы приходим к выводу, что толерантность, рассмотренная сквозь призму русской сотериологической мысли, теряет налет привлекательности и выглядит угрозой не только для личности того, на кого она направлена, но и для личности того, кто осуществляет принцип толерантности на практике своей жизни.

Список литературы

1. Декларация принципов терпимости [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 12.09.2021).
2. Мулатова Н.А., Черненко Е.В., Шевченко О.Н. Статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» в контексте русской сотериологической мысли // Развитие потенциала социально-гуманитарных наук в формировании soft skills медицинских кадров юга России. Межвузовская научно-практическая конференция в рамках НОМК «Южный». Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет. 2020. С. 55-60.
3. Мулатова Н.А., Черненко Е.В., Шевченко О.Н. Мнение святителя Феофана Затворника о воспитании «внутреннего» человека // Актуальные вопросы современного образования. нюансы дистанционного обучения. Сборник материалов межвузовской научно-методической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2021. С. 69-77.
4. Толерантность: диктат или осознанный выбор [Электронный ресурс]. URL: <http://newtonew.com:81/culture/tolerantnost-diktat-ili-osoznannyi-vybor#:~:text=%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0> (дата обращения: 11.09.2021).

М.М. Мямлин

М.М. Myamlin

Харбинский политехнический университет

(Харбин, Китай)

Harbin Institute of Technology, Harbin

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ И БРАК» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблемам изучения и сопоставления фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: межъязыковые фразеологические эквиваленты, культурно-национальная самобытность фразеологизмов, фразеологические единицы, сопоставительная лингвистика.

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE «LOVE AND MARRIAGE» CATEGORY IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

The article is devoted to the study and comparison of phraseological units of the «love and marriage» category in Russian and Chinese languages.

Keywords: *interlingual phraseological equivalents, equivalence of phraseology, cultural-national identity of idioms, phraseological units, comparative linguistics.*

В последние десятилетия в лингвистике наблюдается повышенный интерес к вопросам исследования семантической, прагматической и национально-культурной специфики языка в целом и его составляющих в антропоцентрическом аспекте. Особый интерес представляет фразеологический материал, составляющий важную часть номинативного уровня любого языка и отличающийся особой уникальностью.

Активно развивающиеся в последнее время русско-китайские языковые контакты сделали востребованными межъязыковые сопоставительные фразеологические исследования [6].

В настоящий момент недостаточно исследована фразеологическая вербализация такой важной области человеческих отношений, как любовь и брак, в русском и китайском языках. Соответственно, представляется необходимым рассмотреть, подробно охарактеризовать и сопоставить фразеологические единицы (ФЕ) со значением «любовь и брак» в сопоставляемых языках.

Несмотря на то, что фразеологизмы разных языков достаточно специфичны, в разных языках могут встретиться идентичные или близкие по своей семантике и образности фразеологизмы (см. словари [1; 2; 5]). Для наименования данного явления Ю.А. Долгополов предложил использовать термин «межъязыковые фразеологические эквиваленты» [3].

Основными причинами появления в разных языках фразеологических эквивалентов являются следующие: 1) «общность жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, однотипность отдельных форм образного видения мира у самых разных народов; 2) тесные культурно-исторические связи между отдельными народами, между целыми ареалами» [3, с. 10].

Межъязыковые фразеологические эквиваленты – это «фразеологизмы, совпадающие по своей семантике, образу, стилистической окраске» [3, с. 207]. Однако степень близости межъязыковых фразеологических эквивалентов может быть разной: это зависит от сходства и различия компонентного состава, грамматических характеристик, образной основы ФЕ. Ю.П. Солодуб выделил следующие типы фразеологических эквивалентов: полные фразеологические эквиваленты, частичные фразеологические эквиваленты и безэквивалентные единицы [7].

Полные эквиваленты – это «фразеологизмы разных языков, полностью совпадающие на лексическом и грамматическом уровнях» [7, с. 9], имеющие одинаковую или близкую образную основу. К этому типу относятся следующие фразеологизмы: 1) ФЕ, которые имеют одно общее происхождение, 2) ФЕ, в которых отразились универсальные общечеловеческие действия, оценки, события и т.д. К фразеологизмам, имеющим общий источник, можно отнести, например, русский фразеологизм *человек в футляре* (о человеке, который замкнулся в кругу узких обывательских, мещанских интересов, отгородился от реальной жизни, боится нововведений и перемен) и китайский фразеологизм *套子里的人* *tao zi li de ren* (букв. ‘человек в футляре’). Эти полные эквиваленты

берут свое начало из рассказа Антона Павловича Чехова «Человек в футляре», оба носят иронический оттенок.

Среди ФЕ русского и китайского языков со значением «любовь и брак» полными фразеологическими эквивалентами, произошедшими из одного источника, являются русская ФЕ *стрела Амура* и китайская ФЕ 爱神之箭 àishén zhī jiàn (букв. любовь – бог – притяжательная частица – стрела) – ‘стрела Амура’. Они заимствованы из древнегреческой и древнеримской мифологии.

Эти ФЕ совпадают по своему значению, компонентному составу, образной основе и структурно-грамматической организации.

Именно этот тип полных фразеологических эквивалентов составляет большинство из числа фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках. Например, рус. *любовь с первого взгляда* и кит. 一见钟情 yījiàn zhōngqíng (букв. один – взгляд – влюбиться (час – любовь), любить (любовь) с первого взгляда); рус. *строить глазки*, кит. 眉来眼去 méiláiyǎnqù (обмениваться взглядами; строить глазки); рус. *вскружить голову*, кит. 冲昏头脑 chōnghūn tóunǎo (букв. дремать – беспамятство/вечер – голова – мозг, вскружить голову); рус. *вторая половинка*; кит. 另一半 lìngyībàn (букв. другой – один – половина, вторая половинка (о любимом, дорогом человеке) и т.д.

Но возможны и незначительные различия в значении, компонентном составе, образной основе и структурно-грамматической организации фразеологизмов. В таком случае речь идет о частичных фразеологических эквивалентах. Например, рус. *браки совершаются на небесах* и кит. 天作之合 tiān zuò zhī hé (союз, совершенный небом (о браке)); рус. *жить душа в душу* и кит. 比翼双飞 bǐ yǐ shuāng fēi (букв. сравнивать – крыло – пара – лететь – ‘лететь крыло к крылу’, образно – жить душа в душу, быть неразлучными); рус. *муж и жена – одна сатана* и кит. 夫唱妇随 fūchàngfùsuí (букв. муж запекает — жена подпевает, о согласии и мире в семье, о единстве взглядов) и т.д.

Кроме того, может наблюдаться полное несовпадение фразеологизмов разных языков как на лексическом, так и на грамматическом уровнях [7, с. 210]. Такие фразеологизмы называются безэквивалентными [4, с. 47].

В таком случае значения фразеологизмов обычно формируются на основе типичного образа, распространенного среди представителей данного народа и связанного с его традициями, обычаями, легендами, символами и эталонами, с его обиходной жизнью.

В свою очередь, в китайском языке тоже есть безэквивалентные ФЕ 鸾凤和鸣 luánfèng hé míng (букв. 和 – как гармония; 鸣 – рот и птица: пение птицы – ‘согласное пение луани и феникса’ (Луань – волшебная птица из китайской мифологии) в знач. ‘счастливый брак, жить душа в душу’. Другая ФЕ 戴绿帽子 (букв. носить – зеленый – шапка – сын) означает ‘рогоносец, обману-

тый муж' (изначально в Древнем Китае закон требовал от проституток, их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зеленые головные уборы).

Таким образом, безэквивалентные фразеологизмы – это такие ФЕ, которые не имеют близкого сходства в компонентном составе и грамматической структуре в разных языках. Появление безэквивалентных фразеологизмов объясняется рядом причин.

1) В составе ФЕ имеются самобытные образы русского и китайского народов, например, русская ФЕ *поднести гарбуза (тыкву)* (обл. 'отказать при сватовстве') основана на русском обычае при отказе выносить сватам тыкву; китайская ФЕ 醋海翻波 [cù hǎi fān bō] (букв. уксус/ревность – море – опрокидываться – волна – 'волны в море ревности') – 'очень сильная ревность'. Фразеологизм использует необычный образ: ревность уподобляется волнам бушующего моря, что не характерно для русской культуры, поэтому имеет национальную окраску.

2) Во фразеологизмах нашли отражение образы, связанные с историей, обычаями, традициями, обрядами, преданиями, притчами, литературными произведениями, особенностями быта народа, народными играми и забавами и т.д. Например, рус. *давать/дать от ворот поворот* (кому), т.е. решительно отказывать кому-л. в чем-л. (первоначально об отказе в сватовстве – по русскому обычаю); *повернуть оглобли* (назад) – прост. 'отказываться от принятого решения, данного согласия (в том числе и отказать в сватовстве, в отношениях и т.п.)'; кит. 吃醋 [chīcù] (есть/кушать – уксус): быть ревнивым, ревновать. Из легенды о ревнивой жене, которая запрещала мужу-чиновнику принять подарок от императора – наложницу и выпила уксус вместо яда; кит. 杜十娘 [dù shí niáng] – куртизанка Ду – 'человек, жестоко разочаровавшийся в любви'. Персонаж трагедии «杜十娘怒沉百宝箱» [dù shí niáng nù chén bǎi bǎo xiāng].

3) В составе ФЕ содержатся семантические архаизмы или просторечные слова, которые не позволяют воссоздать образную основу фразеологизма. Например, русские фразеологизмы *жить бобылем*; *дать отлуп кому*, прост. или жарг., часто шутл. – 'решительно отвергать чьи-л. притязания, просьбы и т.д.'; *послать на фиг кого*, грубо-прост. – 'решительно отказывать кому-л. в чем-л.'; *послать к едрене фене*; кит. 同...举行婚礼 *tóng jǔxíng hūnlǐ* – 'идти под венец с кем' (здесь имеется культурная особенность: иероглиф «хун» (婚) из слова «брак» состоит из части «женщина» и иероглифа, который в древности обозначал вечер. Раньше было принято справлять свадьбу вечером).

Таким образом, сравнение фразеологизмов со значением «любовь и брак» в русском и китайском языках позволило выявить следующие виды фразеологических эквивалентов: полные, частичные и безэквивалентные единицы.

Список литературы

1. БСКИ – Большой словарь китайских идиом. Пекин, 2015. 1271 с.

2. БСФСРЯ – Бирих, А.К. и др. Словарь фразеологических синонимов русского языка/ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 448 с.

3. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ...канд. филол. наук. Казань, 1973. 263 с.

4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

5. КРФС – Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. М.: Восточная книга, 2009. 506 с.

6. Ли Чуньли. Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека, в русском и китайском языках: дис. ...канд. филол. наук. М., 2018. 258 с.

7. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 406 с.

А.С. Наден

A.S. Naden

Горловский институт иностранных языков

(Горловка, Украина)

Gorlovka Institute of Foreign Languages, Gorlovka

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ДОМ В ПОЭТИЧЕСКИХ, ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ К.Д. БАЛЬМОНТА

В статье рассматривается функционирование концепта Дом в поэтических, литературно-критических и автобиографических работах К.Д. Бальмонта. Выявлено, что ядро концепта представлено полно. При этом в результате авторского переосмысления появляются ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные коннотаций, которые вносят в модель концепта дополнительные значения.

Ключевые слова: дом, концепт, критика, символ.

THE FUNCTIONING OF THE CONCEPT OF THE HOUSE IN THE POETIC, LITERARY-CRITICAL AND AUTOBIOGRAPHICAL WORKS OF K.D. BALMONT

The article examines the functioning of the concept the House in the poetic, literary-critical and autobiographical works of K.D. Balmont. It is revealed that the core of the concept is fully represented. At the same time, as a result of the author's rethinking, associative-figurative and emotional-evaluative connotations appear, which add additional meanings to the concept model.

Keywords: house, concept, criticism, symbol.

Концепты, функционирующие в художественном тексте, широко изучаются современной лингвистикой. В произведениях писателей, с одной стороны,

уже отражены значимые этнокультурные понятия, с другой – авторская интерпретация концепта способствует обогащению его общекультурных значений.

Цель – изучение особенностей функционирования концепта *Дом* в произведениях К.Д. Бальмонта. Материал исследования: поэтические произведения автора (сборники «Будем как солнце», «Только любовь» и др.), литературно-критические статьи и автобиографические заметки, вошедшие в сборники «Белые зарницы», «Где мой дом?» [1; 2; 3].

В русском языке концепт *Дом* имеет большое количество лексических репрезентантов. Содержание концепта постоянно эволюционирует, что способствует расширению его ядра и свидетельствует об актуальности. Так для жителя Древней Руси слово «дом» носило не только значение «здание», «строение», но и – «семья», «хозяйство». С.Ю. Степанов на примере произведений А.С. Пушкина связывает содержание концепта *Дом* с уютом, укромностью [5, с. 826]. *Дом* – это не здание, а место, где человеку комфортно, безопасно и спокойно. Это место, где «я» и «мое» противостоит «чужому». *Дом* является микрокосмосом, который пронизывает все сферы бытия человека.

Проблема *Дома* охватывает все периоды творчества К.Д. Бальмонта. Как убежденный пантеист, поклонник стихий, «стихийный гений», автор воспринимает *Дом*, прежде всего, как Космос, вселенную, природу, которая дарит мирскую и духовную жизнь. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце» [3, с. 125] – восклицает К.Д. Бальмонт. Прекрасный цикл стихотворений «Фейные сказки», которые поэт посвятил своей дочери Нинике, – уютный мир сказочных существ, фей, русалок, птиц и животных. Здесь *Дом* связан с концептами «семья», «дети».

Второе понимание *Дома* – место рождения, Россия, здесь прослеживается связь с концептами «мать», «Родина», «долг», «изгнание». К.Д. Бальмонт не раз отмечает в своих воспоминаниях, какое огромное влияние на формирование его личности и поэтического вкуса оказала мать – Вера Николаевна. Она была прекрасно образованной женщиной, и одно из самых теплых детских воспоминаний поэта связано с игрой матери на старинном рояле в их доме в Шуе [4]. Хотя Бальмонт не причислял себя ни к одной из действующих в России партий и его творческие принципы далеки от социально-политических перипетий эпохи, судьба Родины, долга перед ней являются одной из важных тем. Говоря о долге, нужно понимать, что это не Державинский долг гражданина, а долг поэта, для которого разрыв с родной землей – смерть. Особенно ярко это проявляется в произведениях 20-х годов и эмиграции.

Очерк «Где мой дом?» – воспоминание о трудностях жизни в зимней Москве 1920 года. Здесь *Дом* совершенно не похож на место, где можно почувствовать себя уютно: топить нечем, температура в комнате ниже нуля. Совсем иначе предстает и семья: девочка и ее мать, оцепеневшие от холода и нежелающие покидать постель. Это не радостные перепевы нежных «Фейных сказок» для веселой Ниники, а последний кусочек сахара для изможденной голодом Мирры. Лирический герой очерка покидает свое холодное обиталище и идет к

подруге (Марина Цветаева). Но и там все не намного лучше: подселенные в квартиру поляки продали стенные часы, а деньги проиграли в карты. По дороге домой героиня встречает сумасшедшую крестьянку, которая долго и настойчиво спрашивает: «Дяденька, где мой дом?» Внезапное желание обнять крестьянку охватывает автора, но какой-то мужчина уводит ее. Лишь спустя какое-то время, совладав с чувствами, героиня понимает – это была Россия. Так в символической манере К.Д. Бальмонт говорит о страшной судьбе Родины, о ее растерянности.

Еще большим драматизмом наполнен очерк «Без русла», написанный в эмиграции. Автор сравнивает себя с рекой, которая утратила русло, она не свободна, а обречена проливать свои воды там, где не нужно. «Нет ни дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться» [2, с. 33]. К.Д. Бальмонт возвращается ко времени своего детства и говорит о том, что там, в родных местах, все также цветут травы и шумят камыши на затолах. Он восклицает: «Я поэт и человек» [2, с. 34]. И Россия, та, где уютно и тепло сердцу, живет в его душе, неважно, какая власть там сейчас и какая будет потом. Так концепт *Дом* соотносится с душой самого поэта. Несмотря на заявленную в поэзии и литературной критике приверженность к стихийности, любовь к разным странам и языкам, умение видеть мир во всем его богатстве и разнообразии, веру в космическое происхождение поэта, его избранность, К.Д. Бальмонт остается человеком, искренне тоскующим по Родине.

Таким образом, концепт *Дом*, с одной стороны, совпадает с общепринятым, с другой – развивается в смысловом содержании и тесно связан с концептами «семья», «дети», «мать», «Родина», «долг», «изгнание», «душа».

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. 217 с.
2. Бальмонт К.Д. Где мой дом? Очерки (1920-1923). М.: Б.И., 1991. 46 с.
3. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Д.Г. Макогоненко; ил. и оф. Н.Е. Бочаровой. М.: Правда, 1991. 608 с.
4. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: Индрик, 2003. 464 с.
5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Наука, 1997. 456 с.

И.В. Нелюбова

I.V. Nelyubova

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия)*

*Lipetsk State Pedagogical University named
after P.P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk*

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА-КАУЗАТОРА
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СТРАХА В РУССКОМ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ
«ИЛЛЮЗИЯ ГРЕХА»)**

Статья посвящена описанию объекта-каузатора структурной схемы «кто боится кого/чего», которая представляет в русском языке базовое психоэмоциональное состояние боязни, страха. Изучение данного феномена с точки зрения лингвистики может дать представление о степени его значимости для той или иной культуры.

Ключевые слова: структурная схема, отрицательное эмоциональное состояние, объект-каузатор состояния страха.

**VERBALIZATION OF THE CAUSATOR OBJECT OF THE
PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF FEAR IN THE RUSSIAN LINGUISTIC
AND CULTURAL SPACE (BASED ON THE MATERIAL OF ALEXANDRA
MARININA'S NOVEL «THE ILLUSION OF SIN»)**

The article is devoted to the description of the object-causator of the structural scheme «who is afraid of whom / what», which represents in the Russian language the basic psycho-emotional state of fear, fear. The study of this phenomenon from the point of view of linguistics can give an idea of the degree of its significance for a particular culture.

Keywords: structural diagram, negative emotional state, the object-causator of the state of fear.

Современная лингвистика характеризуется антропоцентрической направленностью, предполагающей изучение языковых фактов с учетом их роли для человека. Исследование языкового представления эмоций в рамках лингвокультурологии позволяет определить национально-культурную специфику концептуализации эмоций в языке. А. Вежбицкая считает, что «глубокое проникновение в структуру эмоции и природы эмоциональной жизни обнаруживают народные представления об эмоциях» [1, с. 347].

Специфика осмысления тех или иных сторон языковой картины мира может находить свое выражение в синтагматических связях. Г.С. Щур считает: «Синтагматические сочетания единиц обусловлены экстралингвистическими факторами и их отражают» [14, с. 90].

В.И. Карасик акцентирует внимание на том, что «информационный потенциал слова выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [5, с. 56].

В тексте лексическая система языка реализуется на основе базового национально-культурного прототипа носителя определенного языка (по выражению С.Г. Воркачева [3]), а именно главного героя, при этом фиксацией «культурных знаков» (термин В.А. Масловой [7]) выступают вышеупомянутые ментальные интенции автора.

Исследование концепта «Психоэмоциональное состояние живого существа» предполагает рассмотрение национальной специфики языка через анализ структурных схем простых предложений.

В отечественной лингвистике учение о структурной схеме простого предложения восходит к 60-м гг. XX в. Термин «структурная схема простого предложения» активизировал научный интерес как к самому понятию предложения, так и к вопросам его структурной организации, в частности к структурным схемам простого предложения, формирующим центр синтаксической системы языка. Этим и объясняется актуальность обращения к данному аспекту организации высказываний как коммуникативных единиц, несущих информацию об определенном фрагменте внеязыкового мира. Грамматическую и семантическую основу высказывания формирует его ядро, за которым закрепился термин «структурная схема простого предложения», получивший в лингвистике неоднозначное толкование.

Под структурной схемой простого предложения мы понимаем языковой, точнее – синтаксический знак, означаемым которого являются различные виды предикативных отношений, или типовая пропозиция, а означающим – словоформы, представляющие компоненты структурной схемы: субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [4, с. 85; 9, с. 255].

Изучение функционирования структурных схем простых предложений в лингвокультурологическом аспекте позволяет выявить сложность и многогранность понятия языковой личности, влияния культуры, традиций и обычаев, которые определяют условия изучения психоэмоциональной сферы с позиций антропоцентризма.

Предметом данного исследования является структурная схема простого предложения «кто боится кого/чего», относящаяся к концепту «Психоэмоциональное состояние живого существа».

Цель работы заключается в выявлении и семантической классификации объекта-каузатора структурной схемы простого предложения «кто боится кого/чего».

Материалом исследования послужила выборка 97 высказываний из романа Александры Марининой «Иллюзия греха», формируемых данной схемой.

Структурная схема «кто боится кого/чего» как знак пропозиции «отрицательное состояние живого существа», представленной смыслами «субъект» – «отрицательное эмоциональное состояние» – «объект-каузатор», трехкомпонентна.

Предикатив схемы, он же ее структурообразующий компонент, представлен лексемами [8; 11]: *бояться, опасаться, испугаться, перепугаться, тру-*

сить, ужасаться, паниковать, побаиваться, утрашиться, дичиться, конфузиться, страшиться. Например: «Даже я **боюсь**, а уж вы-то...» [6, с. 40].

Вторым компонентом описываемой схемы является носитель предикативного признака – субъект. Например: «Боялась **она**» [6, с. 51].

Третий компонент – объект-каузатор (лицо или ситуация), который оценивается субъектом состояния как негативный, поэтому вызывает отрицательное психоэмоциональное состояние живого существа. Например: «*Потому что всю сознательную жизнь подчинялся отцу и боялся его*» [6, с. 278].

Включение объекта-каузатора в структуру обозначения эмоции позволяет говорить об эмоциональных предикатах как о предикатах интенциональных.

Е.М. Вольф отмечает, что «интенциональный объект эмоций реализуется в виде дескрипции, возникающей на основе мнений о данном объекте, иными словами, в основе эмоции лежит оценка» [2, с. 56].

Страх является одной из фундаментальных эмоций, которая свойственна каждому субъекту. Человек испытывает тревогу при неосознаваемой опасности, «испугаться до смерти» реально для каждого, если страх достигает силы аффекта, перерастая в панический страх, смертельный ужас. Из обыденного опыта возникают наблюдения о том, что страх, подобно тени, преследует субъекта на протяжении всей жизни. Человеку свойственно бояться всего.

Объект-каузатор отрицательного психоэмоционального состояния семой «страх» может быть маркирован:

1) личными местоимениями в косвенном падеже (28 высказываний; 52,83% от общей выборки): «*Думаете, я **вас** боюсь?*» [6, с. 220];

2) отрицательными местоимениями (14 высказываний; 14,43% от общей выборки): «– *Катя вообще **ничего** никогда не боялась*» [6, с. 20];

3) неопределенными местоимениями (11 высказываний; 11,34% от общей выборки): «*Но должен же он **чего-то** бояться!*» [6, с. 390].

Необходимо отметить, что в лексическом наполнении объект-каузатор может быть представлен инфинитивом с разным семантическим значением или целой предикативной единицей.

Базируясь на исследованиях в сфере психолингвистики, мы произвели анализ реакций, индикаторов и причин страха [10; 12; 13].

С лингвокультурологической точки зрения анализ высказываний позволил выделить 23 причины психоэмоционального состояния страха:

1. «Страх передвижения в пространстве»: «*По дороге он несколько раз принимался сосать валидол, и было видно, что он панически **боится заходить в комнату**, где недавно лежала убитая*» [6, с. 18]. Каждое пространство имеет свои особенности и по-разному воздействует на человека. Субъект в определенных условиях испытывает страх войти в помещение, которое ему ранее не было знакомо, либо воспроизводит в его памяти ужасные события. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Петр Васильевич) вынужден погрузиться в обстановку недавнего преступления (убийства бывшей жены). На интенсивность и степень страха указывают факт использования медицинских препаратов, а также лексема «панически», репрезентирующая крайнюю степень данного психоэмоционального состояния.

2. «Страх стать жертвой преступника (ограбления)»: «– *Иван Елизарович, а Екатерина Бенедиктовна боялась, что ее могут ограбить?*» [6, с. 20]. Каждому человеку свойственно испытывать страх перед каким-либо преступлением, в частности, ограблением. Данное психоэмоциональное состояние предполагает некое обстоятельство, подразумевающее реальную или предполагаемую угрозу пострадать от действий преступника. Страх может возникнуть спонтанно, либо может произойти мыслительная ассоциация с событиями прошлого, способствующая реактивации и усилению психоэмоционального состояния страха. Например, в приведенном высказывании герой, от лица которого ведется повествование, отвечая на вопросы следователя, анализирует действия прошлого, сопоставляя свой жизненный опыт с отношением к действительности субъекта состояния (Екатерины Бенедиктовны).

3. «Страх оказаться в тюрьме»: «*Так зато честные эти деньги, и ночами можно спать спокойно, тюрьмы и пули не бояться*» [6, с. 42]. Страх тюремного заключения преследует человека, когда на ментальном уровне он понимает, что какие-либо его действия носят противозаконный характер. В приведенном высказывании автор-повествователь характеризует действия субъекта состояния как положительные, тем самым указывая на отсутствие данного психоэмоционального состояния.

4. «Страх изменения власти в стране»: «*Боятся, что завтра власть переменится, источник дохода прикроют, и стараются подкопнуть побольше, чтобы потом до конца жизни прилично существовать*» [6, с. 74]. Данное психоэмоциональное состояние страха связано с властью, структурами власти и властными отношениями. Психоэмоциональное состояние вызвано ментальными представлениями человека о неопределенном, неизвестном в скором настоящем. Каждому свойственно бояться изменений, которые непосредственно станут триггером для изменений в материальном плане так же, как и в духовном. Например, в приведенном высказывании у субъекта состояния отсутствует уверенность в «завтрашнем дне», в том, что его благополучие не изменится.

5. «Страх правоохранительных органов»: «*Я ментов боюсь*» [6, с. 84]. Данное психоэмоциональное состояние страха возникает вследствие опасений субъекта в правильном соблюдении существующих законов. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Ира) должна встретиться с работником правоохранительных органов и ответить на поставленные вопросы в ходе дачи следственных показаний.

6. «Страх разочаровать кого-либо»: «*Вы боялись кого-то подвести?*» [6, с. 128]. Каждому человеку свойственно испытывать страх за то, как он выглядит в глазах других. Необходимо акцентировать внимание на том, что в наибольшей степени данное психоэмоциональное состояние проявляется во внутреннем конфликте, страхе разочаровать, подвести кого-то своими действиями, боязни стать для какого-то значимого человека хуже, менее значимым, чем ранее. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Марта Генриховна), испытывая необходимость «защитить» добрую память ушедшего из жизни дорогого человека, в разговоре с работником следственных органов искажает ситуации действительности, которые помогут найти преступника.

7. «Страх критики»: *«Знаешь, Юрик, я всегда боюсь давать моральные оценки событиям того периода»* [6, с. 134]. Каждому свойственно идеализировать мир, отношение ко всему, значимость определенных фактов и действий. В межличностном взаимодействии нельзя забывать, что каждый человек оценивает ситуацию сквозь призму своего мировоззрения, опыта, а также собственных желаний и страхов. Следовательно, высокий уровень идеализации себя может служить триггером для данной причины страха, так как на ментальном уровне происходит понимание неверности своего истинного положения в обществе. Например, в приведенном высказывании субъект речи (Семен Федорович) боится критиковать действия людей, так как именно в данном вопросе у него не выработалось определенное мнение, аргументированное фактами действительности. А внутренний страх критики, который исходит из прошлого жизненного опыта, не позволяет делать необоснованные заявления.

8. «Страх воздействия на кожный покров человека»: *«...он ужасно боялся щекотки»* [6, с. 152]. Данное психоэмоциональное состояние проявляется вследствие рефлекса, который помогает реагировать на внешние раздражители.

9. «Страх потревожить кого-либо»: *«Ира очень боялась потревожить немолодого добропорядочного жильца»* [6, с. 154].

Психоэмоциональное состояние страха, вызванное страхом причинить кому-то неудобство своими просьбами или действиями. Первостепенно данное состояние страха, связанное с зоной ответственности каждого участника действительности, стремлением оценить последствия для каждого. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Ира) боялась, что присутствие с ней в одной квартире еще одного человека может нарушить комфорт другого жильца.

10. «Страх попасть в неприятности»: *«И как ты не боишься попасть в неприятности»* [6, с. 184]. Данная причина страха исходит из негативного жизненного опыта. При каждом важном событии действительности человек анализирует возможные последствия. Чаще всего идет сопоставление с подобными ситуациями с негативными последствиями, следовательно, данные мыслительные действия являются триггером для данной причины психоэмоционального состояния. Например, в приведенном высказывании автор-повествователь акцентирует внимание субъекта состояния (Иры) на том, что жильцы квартиры могут привести героиню к негативным последствиям, связанным с отрицательным психологическим состоянием.

11. «Страх, вызванный какими-либо звуками»: *«Откуда ему было знать, что, только занимаясь спортом, девочка могла не бояться грубого окрика...»* [6, с. 294]. Страх громких звуков является последствием психологической травмы, человек внутренне боится гнева и ярости.

12. «Страх зрительного контакта»: *«Она боялась смотреть в глаза»* [6, с. 294]. Данный вид страха возникает вследствие многих факторов: заниженная самооценка, боязнь осуждения за совершенные ошибки и т.д. Зрительный контакт подразумевает близость на духовном уровне, а на фоне иных комплексов происходит боязнь доверия между участниками ситуации действительности.

Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Зоя) испытывает внутренний конфликт, следствием которого являются комплексы в создании общения, внутренняя скованность не позволяет посмотреть в глаза новому участнику речевого действия.

13. «Страх смерти»: «– *Я боюсь умереть здесь*» [6, с. 354]. Страх смерти – фундаментальное психоэмоциональное состояние, свойственное каждому человеку. Триггером становятся мысли о смерти, панические атаки, глубокая неудовлетворенность жизнью и т.д.

Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Наташа) испытывает страх смерти, вызванный болезнью и нерешенным способом лечения.

14. «Страх разоблачения»: «*Одним словом, разоблачения он не боялся*» [6, с. 380]. Человеку свойственно идеализировать свое отношение к кому-либо или чему-либо, вследствие чего свойственно скрывать «негативные» факты действительности. В важные моменты субъект состояния испытывает психоэмоциональное состояние страха за «сохранность скрытых фактов» из-за чего может быть испорчен мнением о нем. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Волхов) отрицает состояние страха, так как все детали его жизни и обмана знала только Екатерина, которая до своей смерти не успела обнародовать полный список его жен и детей.

15. «Страх опоздать»: «*Настя нервничала, боялась опоздать, но ускорить события было не в ее власти*» [6, с. 406]. У каждого человека имеется патологическое стремление все доводить до совершенства, усиленное боязнью несовершенства, т.е. синтез перфекционизма и ателлофобии. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Настя) испытывала страх долгого поиска нужной книги, так как время ограничено. Параллельно субъект испытывает еще одно психологическое состояние, маркированное лексемой «нервничала», что указывает на интенсивность основного страха в данной действительности.

16. «Страх, определенных физиологических потребностей»: «– *Боюсь уснуть, – честно призналась Настя*» [6, с. 416]. Каждому человеку свойственны различные физиологические потребности. Но в то же время, когда имеется острая необходимость довести дело до совершенства, не пропустить важное событие в совокупности с высокими физиологическими требованиями, возникает вероятность, что они (физиологические потребности. – И.Н.) превысят моральные/социальные потребности человека. Следовательно, появляется необъяснимый страх потерять контроль над ситуацией. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Настя) испытывает страх уснуть в читальном зале института и не выполнить запланированную работу.

17. «Страх речемыслительной деятельности»: «*Съезжилась, сжалась в комочек и боишься слово лишнее сказать*» [6, с. 436]. Психоэмоциональное состояние страха речевой деятельности многогранно. Каузатором может служить любая ситуация, в данном состоянии субъект на подсознательном уровне боится произнести что-либо. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Зоя) находится в тяжелом нервном напряжении, что не позволяет адекватно оценивать ситуацию действительности. Второй участник речевого

действия (Ташков) пытается привести Зою в чувства, характеризуя все ее мысли как ложные и не соответствующие настоящему положению дел, но на его речи она не может сказать ни слова.

18. «Страх за здоровье близкого человека»: *«Теперь я догадываюсь, что у нее, по-видимому, бывают боли или она просто плохо себя чувствует, но вынуждена терпеть, потому что боится, что вы дадите ей не то лекарство»* [6, с. 356]. В межличностном взаимодействии принято испытывать страх/тревогу за состояние близкого человека. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Мирон) боится за правильность выбранного метода лечения близкого человека.

19. «Страх, вызванный опасением быть неправильно понятым»: *«...я боюсь, что ты спишешь все на мою больную голову»* [6, с. 260]. Каждый человек считает важным быть услышанным и правильно понятым. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Настя) испытывает страх, что ее рассказ воспримут с иным подтекстом и, соответственно, неправильно поймут.

20. «Страх потерять ориентацию в пространстве»: *«...что он торопился и боялся заблудиться»* [6, с. 270]. В незнакомом открытом пространстве может возникнуть страх заблудиться, не найти нужное местоположение. Например, в приведенном высказывании субъект состояния спешил к зданию архива, ранее не известному ему местоположению. Необходимо отметить, что факт нехватки времени усиливает состояние страха.

21. «Страх навредить кому-либо»: *«...сам Василий не боится угрожать Мирону»* [6, с. 312]. Человеку на физиологическом уровне свойственен инстинкт самосохранения, который относится как к себе, так и к окружающим, так как позволяет в случае ответной негативной опасности ее не развить. Например, в приведенном высказывании субъект высказывания (Василий) не боится угрожать Мирону, так как считает, что он превосходит оппонента и тот не причинит ему вреда.

22. «Страх быть непрощенным»: *«Просто он боялся, что мы его не простим»* [6, с. 422]. Каждому человеку свойственно ошибаться, также важно уметь исправлять ошибки и для устранения чувства вины быть прощенным. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Георгий Сергеевич) испытывает психоэмоциональное состояние страха быть непрощенным теми людьми, в которых нуждался.

23. «Страх какой-либо работы»: *«Ира никакой работы не боялась»* [6, с. 22]. В некоторых случаях возникает боязнь работы, связанная с непосредственным выполнением должностных обязанностей в совокупности с возложенной ответственностью. Например, в приведенном высказывании субъект состояния (Ира) не испытывала состояния страха, так как готова добросовестно отрабатывать повышенную плату за квартиру.

Таким образом, в результате проведенного анализа структурной схемы «кто боится кого/чего» можно сделать следующие выводы.

В лингвокультурологическом аспекте выявление и конкретизация причин появления страха являются важным для исследования национальной специфи-

ки языка. В исследуемом материале объект-каузатор представлен личными, отрицательными, неопределенными местоимениями. Опираясь на психолингвистическую литературу, мы выявили и систематизировали 23 каузатора психоэмоционального состояния страха, что говорит о специфике национального (авторского) мировоззрения.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
2. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55-75.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64-72.
4. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. 225 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Маринина А.Б. Иллюзия греха: Роман. М.: Центрполиграф, 1997. 457 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
9. Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст: Сборник научных статей. М.: Наука, 1996. С. 255-268.
10. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. М.: Наука, 1981. 213 с.
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. 960 с.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 320 с.
13. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Радуга, 1971. 310 с.
14. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 253 с.

Т.В. Сивова, А.Ю. Аринович

T. V. Sivova, A. Yu. Arinovich

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)*

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

КОНЦЕПТ «БИБЛИОТЕКА» В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА*

В статье на материале направленного ассоциативного эксперимента выявлен и представлен списочный состав реакций на стимул «библиотека», приведена его качествен-

* Авторы статьи выражают глубокую признательность принявшим участие в лингвистическом ассоциативном эксперименте респондентам.

ная и количественная характеристика; установлены доминанты ассоциативного пространства концепта «Библиотека» и значимые для его описания признаки. В результате сопоставления полученных данных с РАС и «Словарем сочетаемости» выявлен стереотип массового восприятия библиотеки и ряд ее уникальных характеристик.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, концепт, концепт «Библиотека», ассоциативный эксперимент.

CONCEPT «THE LIBRARY» IN THE MIRROR OF A LINGUISTIC ASSOCIATIVE EXPERIMENT

In the article, based on the material of a directed associative experiment, the list of reactions to the stimulus «library» is revealed and presented, its qualitative and quantitative characteristics are given; the dominants of the associative space of the concept «Library» and the signs significant for its description have been established. As a result of the comparison of the obtained data with the Russian associative dictionary and the «Dictionary of Compatibility», a stereotype of mass perception of the library and a number of its unique characteristics have been revealed.

Keywords: linguistic picture of the world, conceptosphere, concept «The Library», associative experiment.

Научный интерес к концепту «Библиотека», проявляемый учеными разных стран (в обзоре к данной статье – Беларусь, Россия, Украина), в силу его аксиологического потенциала характеризуется разнообразием материала исследования (художественный, публицистический дискурс), широким спектром объектов и предметов исследования. Так, В.В. Цуркан на материале романа М. Елизарова «Библиотекарь», анализируя «системные отношения, в которые вступают универсальные и авторские концепты романа», выявляет индивидуально-авторское смысловое наполнение концепта «Библиотека»: основными репрезентантами концепта становятся лексемы *арсенал, битва, склад боеприпасов* [6, с. 62]. О.Н. Чишинская, обращаясь к роману «Цвайвассер, или библиотека помилования» Т. Лера, исследует специфику метафорической репрезентации концепта «Библиотека», особое внимание уделяет «образу библиотеки как реакции на развитие телевидения и компьютерных технологий» [7, с. 108]. Л.С. Васюкович на материале публикаций журнала «Бібліятэчны свет» описывает особенности вербализации образа библиотеки как фрагмента национальной культуры [2]. А.Ю. Аринович на основе журналистских текстов республиканской газеты «СБ. Беларусь Сегодня» устанавливает спектр константных признаков концепта «Библиотека», среди которых преобладают пространственный, темпоральный признак, качественная и количественная характеристика фондов [1]. Вместе с тем, по нашему убеждению, целостному описанию концепта «Библиотека» послужит привлечение данных получившего широкое распространение в качестве метода исследования как индивидуального, так и массового сознания, лингвистического ассоциативного эксперимента.

Описание. Лингвистический ассоциативный эксперимент, проведенный в июле – августе 2021 г., носил направленный характер (НАЭ): респондентам было предложено привести на стимул «библиотека» свою реакцию-существительное, прилагательное, глагол. В эксперименте принял участие 101 респондент. Гендерная представленность: жен. 53, муж. 48; возрастная (с ука-

занием гендерной соотнесенности): 16 л. – 1 муж., 2 жен., 17 л. – 8 муж., 6 жен., 18 л. – 7 муж., 8 жен., 19 л. – 8 муж., 15 жен., 20 л. – 6 муж., 4 жен., 21 г. – 1 жен., 22 г. – 5 муж., 23 г. – 1 муж., 24 г. – 1 муж., 1 жен., 25 л. – 1 жен., 26 л. – 2 муж., 30 л. – 1 муж., 31 г. – 1 жен., 34 г. – 2 жен., 35 л. – 1 жен., 37 л. – 1 жен., 39 л. – 2 жен., 44 г. – 2 муж., 45 л. – 1 муж., 46 л. – 3 жен., 47 л. – 1 жен., 48 л. – 1 жен., 49 л. – 2 муж., 50 л. – 1 жен., 52 г. – 1 муж., 53 г. – 1 муж., 58 л. – 1 жен., 60 л. – 1 жен., 66 л. – 1 муж.; профессиональная принадлежность респондентов (в порядке убывания): студент 56, медработник 7, школьник 4, инженер-механик (механик), педагог-психолог, продавец 3, индивидуальный предприниматель, контент-менеджер, учитель 2, диспетчер, журналист, звукорежиссер, мастер в ЖКХ, мастер шугаринга, нотариус, парикмахер, пенсионер, повар, разнорабочий, сантехник, сотрудник правоохранительных органов, специалист по маркетингу, тракторист, уборщица, швея, электрик, юрист 1. Таким образом, по гендерному признаку количественный состав респондентов примерно уравновешен, по возрастному и профессиональному – преобладают молодые люди, учащиеся вуза.

Результаты. Статистика по запросу: всего реакций на стимул «библиотека» 303, различных реакций 90, одиночных реакций 54, отказов 0. Из них: всего реакций-существительных на стимул «библиотека» 101, различных реакций 22, одиночных реакций 12, отказов 0; всего реакций-прилагательных на стимул «библиотека» 101, различных реакций 41, одиночных реакций 25, отказов 0; всего реакций-глаголов на стимул «библиотека» 101, различных реакций 27, одиночных реакций 17, отказов 0.

Приведем ниже полученные нами данные, сгруппировав по характеру реакции: **1)** реакции-существительные на стимул «библиотека»: книга 49; здание 7; знания, полка, тишина 4; зал 3; мудрость, пыль, скука, храм 2; абонемент, библиограф, библиотекарь, журнал, информация, клад, очки, помещение, сокровищница, стеллаж, школа, шум 1; **2)** реакции-прилагательные на стимул «библиотека»: большая, тихая 12; интересная, старая, умственная 7; книжная 5; взрослая, детская, огромная, пыльная, различная, уютная 3; бумажная, национальная, просторная, школьная 2; бесконечная, бесполезная, бесценная, библиотечная, богатая, всесторонняя, занимательная, заполненная, захватывающая*, кирпичная, красивая, красная, маленькая, научная, объемная, печатная, познавательная, светлая, скучная, спокойная, тусклая, уважаемая, уединенная, центральная, шумная 1; **3)** реакции-глаголы на стимул «библиотека»: читать 57; учиться 9; сидеть 4; думать, закрываться, листать, развиваться, собирать, узнавать, ходить / идти 2; бежать, вершить, воспитывать, выбирать, игнорировать, избегать, интересоваться, искать, карабкаться, осуществлять, открываться, отдыхать, познавать, работать, смотреть, стоять, шуметь 1. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что стимул «библиотека» вызывает как наибольшее количество различных реакций-прилагательных (41), так и наибольшее количество одиночных реакций-прилагательных (25). Доминанта-

* По определению респондента.

ми ассоциативного пространства являются ассоциаты: читать 57, книга 49, большая, тихая 12.

Полученные нами ассоциативные реакции на стимул «библиотека» являются набор значимых для всестороннего описания концепта «Библиотека» признаков, учет каждого из которых важен: «концепт – сложное образование, включающее в себя различные характеристики: оценочные, образные, ассоциативные, – и все они должны быть учтены в процессе реконструкции концепта» [3, с.249]. Так, значимыми характеристиками концепта «Библиотека» могут быть названы: **акциональная**: а) восприятие информации и приобретение новых знаний (думать, интересоваться, познавать, работать, развиваться, узнавать, учиться, читать и др.); б) процесс поиска информации (выбирать, искать, листать и др.); в) режим работы библиотеки (закрываться, открываться); **пространственная**: а) элементы постройки, в которой размещается библиотека (зал, здание, полка, помещение, стеллаж); б) их характеристика, внешний вид (кирпичная, красивая, красная, светлая), связанная с **параметрической** (бесконечная, большая, огромная, просторная – маленькая) и **оценочной**, которая включает характеристику атмосферы библиотеки (спокойная, уединенная, уютная, тихая, тишина – шум, шумная) и фондов библиотеки (богатая, всесторонняя, объемная), а также **аксиологическую** оценку (бесценная, занимательная, интересная, познавательная, уважаемая – бесполезная, скука, скучная), в передаче которой задействовано метафорическое значение (клад, сокровищница, храм*). Важно отметить, что расположение реакций на аксиологической шкале тяготеет к положительному полюсу, негативная оценочность носит спорадический характер. Ср.: реакции-существительные: положительные 98 – негативные 3 (скука, шум, пыль); реакции-прилагательные: положительные 96 – негативные 5 (бесполезная, скучная, пыльная, тусклая, шумная); реакции-глаголы: положительные 98 – негативные 3 (избегать, игнорировать, шуметь). Помимо перечисленных признаков, актуализируется **антропологический**, который эксплицируется в номинациях сотрудников (библиограф, библиотекарь) и сопутствующих атрибутов (очки), а также в указании на аудиторный фактор (взрослая, детская). Значимость приобретает также указание на статус библиотеки (научная, национальная, центральная, школьная), характеристика носителей информации (бумажная, книжная, печатная; журнал, книга).

Расширению фактологической базы исследования послужит обращение к «Русскому ассоциативному словарю» (прямой поиск: всего реакций на стимул «библиотека» 104, различных реакций 54, одиночных 43, отказов 0) [4, т.1, с.55]; (обратный поиск: всего стимулов, вызвавших реакцию «библиотека» 37, различных 30, стимулы, вызвавшие данную реакцию один раз 25, отказов 0) [4, т.2, с.35] и «Словарю сочетаемости слов русского языка» [5, с.28]. В результате наложения списков реакций, созданных на основе НАЭ, РАС и «Словаря сочетаемости ...», получаем обширный фонд «реакций» на стимул «библиотека», состоящий из более чем **250** единиц (в алфавитном порядке): [не] богатая, [не]

*До уровня сакральности; представляет особый интерес для филологических исследований, осуществляемых с позиций теоцентрического подхода (С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, В.И. Постовалова и др.).

большая, [не] плохая, абонемент, адрес, Академии наук, Асеева, Асеевка, бедная, бежать, бесконечная, бесполезная, бесценная, библиограф, библиотекарь, библиотекарьша, библиотечная, богатая, большая, большая книга, бумажная, в институте, В.И. Ленина, вернуть что-л., вернуться, вершить, взрослая, взять что-л., возмещать, воспитывать, всемирная, всесторонняя, вход, выбирать, Гоголевка, гордиться, городская, Горьковская, государственная, делаешь, детская, директор, дискотека, для детей, доклад, дом родной, домашняя, друга, думать, журнал, заведовать, заведующий, завести, завода, заводская, задержаться, закрываться, закрыта, зал, заменить, занимательная, заниматься, занятия, заочник, записать кого-л., записаться, запись, заполненная, захватывающая, здание, знакомиться, знаменитая, знания, знать, игнорировать, идти, изба-читальня, избегать, им. А.С. Пушкина, им. В.И. Ленина, им. Горького, имени К.Д. Ушинского, иметь, Иностранка, институт, института, институтская, интеллигент, интересная, интересоваться, информация, искать, какой-л. (справочно-библиографический...) отдел, карабкаться, каталог, кирпичная, клад, книга, книгохранилище, книжка, книжная, книжный фонд, коллектив, колхозная, комплектовать, красивая, красная, крупная, кузнечик, Ленина, ленинградская, Ленинская, листать, литература, личная, маленькая, манускрипт, массовая, материал, молодежи, московская, мудрость, Мухина, на обеде, насущна, насчитывает сколько-л. томов (книг ...), наука, науками, научная, научного работника, находится где-л., национальная, некогда, новая, областная, обновить, обновление, оборудовать, обширная, общественная, объемная, огромная, основание, основать, осуществлять, отдыхать, открываться, открыта, открытие, открыть, отнести что-л., отца, очки, педагогическая, печатная, плохая, познавательная, познавать, полка, получить что-л., пользование, пользоваться, помещение, пополнение, пополнять, посещать, построить, прийти, принести что-л., просторная, публичная, пыль, пыльная, работа, работает [со скольких-л. часов до скольких-л. часов], работать, работник, развиваться, различная, разместить где-л., районная, располагает чем-л., расширить, республиканская, реферат, светлая, сдавать, сдать что-л., сидеть, склад, скука, скучная, смотреть, собирать, собрание книг, собственная, современная, сокровищница, солидная, соседа, составить, состоит из чего-л., сотрудник, спокойная, старая, стеллаж, стоять, студент, суббота, телефон, техническая, тихая, тишина, том, требовать, трудиться, тусклая, тщательно (со вкусом...) подобранная, уважаемая, уединенная, узнавать, умственная, университета, университетская, уникальная, учебная, ученого, учителя, учить, учиться, учреждение, уютная, филиал, ходить / идти, хорошая, храм, хранилище книг, художественная, царская, центральная, частная, читальный зал, читатели, читатель, читать, школа, школы, школьная, штат, шум, шуметь, шумная.

Количественными доминантами (более 10), согласно суммарным данным РАС и НАЭ, являются реакции: книга / книги 88, читать 59, большая 16, тихая 12, фиксирующие **стереотип** восприятия библиотеки в массовом языковом сознании. Качественный состав может быть охарактеризован на основе пересечения списков. Так, во всех трех списках («Словарь», РАС, НАЭ) фиксируем

реакции (в алфавитном порядке): богатая, детская, здание, научная, работать, центральная, школьная; в двух списках (РАС, «Словарь»): городская, государственная, закрыта, имени В.И. Ленина, имени М. Горького, личная, открыта, отнести что-л., посещать, публичная, районная, сдать что-л.; в двух списках (НАЭ, РАС): большая, интересоваться, книга, книжная, очки, полка, просторная, уютная, читать; в двух списках (НАЭ, «Словарь»): абонемент, собирать, старая.

Одним из значимых результатов проведенного нами НАЭ является реестр уникальных реакций на стимул «библиотека», не зафиксированных ни в РАС, ни в «Словаре сочетаемости...», который включает около 70 единиц: тихая 12; учиться 9; интересная, умственная 7; знания, сидеть, тишина 4; взрослая, зал, огромная, пыльная, различная 3; бумажная, думать, закрываться, листать, мудрость, национальная, пыль, развиваться, скука, узнавать, ходить / идти, храм 2; бежать, бесконечная, бесполезная, бесценная, библиограф, библиотекарь, библиотечная, вершить, воспитывать, всесторонняя, выбирать, журнал, занимательная, заполненная, захватывающая, игнорировать, избегать, информация, искать, карабкаться, кирпичная, клад, красивая, красная, маленькая, объемная, осуществлять, отдыхать, открываться, печатная, познавательная, познавать, помещение, светлая, скучная, смотреть, сокровищница, спокойная, стеллаж, стоять, тусклая, уважаемая, уединенная, шум, шуметь, шумная 1.

Таким образом, в результате данного пилотного исследования были выявлены 303 реакции на стимул «библиотека», формирующие ассоциативное поле концепта «Библиотека». Доминантами ассоциативного пространства концепта являются ассоциаты: **читать 57, книга 49, большая, тихая 12**, по разнообразию реакций преобладают реакции-прилагательные. Существенными характеристиками в описании концепта становятся акциональная, пространственная и параметрическая, оценочная и аксиологическая, а также антопологическая характеристика. В результате совмещения списков «реакций» (НАЭ, РАС, «Словарь сочетаемости») формируется обширный фонд «реакций» на стимул «библиотека», состоящий из более чем 250 лексем. Его количественными доминантами являются реакции: книга / книги, читать, большая, тихая, качественными – богатая, детская, здание, научная, работать, центральная, школьная, фиксирующие массовый стереотип восприятия библиотеки. Помимо репрезентирующей ядро концепта лексем, выявлен ряд уникальных номинаций. Плодотворным видится продолжение данного исследования с привлечением материала лексикографического, художественного, масс-медийного, Интернет-дискурса, что позволит расширить списочный состав репрезентирующей концепт «Библиотека» лексем, спектр значимых для него признаков и смыслов. См.: *Новогрудская библиотека семейного чтения* («Новое жыццё», 02 сент. 2021); *В Новогрудском районе с 2007 года работает библиотека на колесах – библиобус* («Новое жыццё», 20 июня 2020); *Библиотеки во все времена служили источником высокой духовности, гуманизма и просвещения* («Новое жыццё», 10 июня 2019). Полученные результаты могут внести определенный вклад как в описание концепта «Библиотека», так и в описание концептосферы русского языка.

Список литературы

1. Аринович А.Ю. Вербализация концепта «Библиотека» в языке белорусских СМИ (на материале «СБ. Беларусь Сегодня») // Медиакоммуникации в XXI в.: традиции и новации: сб. материалов III Респ. науч.-практ. интернет-конф. студ. и молодых исслед., Гродно, 12 марта 2021 г. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. С. 31-36.
2. Васюкович Л.С. Вербалізаваны вобраз бібліятэкі як фрагмент нацыянальнай культуры // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: матэрыялы III Рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 20-21 лістап. 2019 г. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2019. С. 25-29.
3. Маслова В.А. Принципы и приемы исследования концептов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). №1. С. 249-253.
4. Русский ассоциативный словарь в 2 т. / Редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ: Астрель, 2002. 781 с.
5. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.
6. Цуркан В.В. Художественная концептосфера романа М. Елизарова «Библиотекарь» // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Магнитогорск, 2015. №3. С. 62-65.
7. Чишинська О.М. Бібліотека як метафора: рефлексія розвитку медійних засобів // Наукові праці Чорноморського державного університету імені П. Могили комплексу «Києво-Могилянська академія». Сер.: Філологія. Літературознавство. 2009. Т.124, Вип. 111. С. 108-112.

Е.В. Флянтикова

E.V. Flyantikova

*Гродненский государственный медицинский университет
(Гродно, Беларусь)*

Grodno State Medical University, Grodno

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ НОМИНАЦИЙ ЕДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Заимствования – один из способов пополнения словарного состава языка. Группа номинаций, обозначающие еду и напитки, также обогащается новыми словами. С помощью возможностей Национального корпуса русского языка были выявлены номинации, обозначающие еду и напитки американской культуры. Нами выявлялись неотмеченные в словарях, но нашедшие отражение в контекстах лексико-семантические варианты данных лексем, которые могут свидетельствовать о переосмыслении американских номинаций еды и напитков в русском языковом пространстве.

Ключевые слова: *заимствования, Национальный корпус русского языка, номинация, лексико-семантический вариант, еда и напитки.*

RECONSIDERATION OF AMERICAN FOOD NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE SPACE

Borrowing is one of the ways to expand the vocabulary of a language. New words expand the group of food and drink nominations. With the help of the capabilities of the National Corpus of the Russian language, nominations were identified that denote food and drinks of American culture. Then the use of dictionary lexical-semantic variants of these lexemes are analyzed in the contexts presented in the Russian National Corpus. These lexemes can show reconsideration of American food nominations in the Russian language space.

Keywords: *borrowing, Russian National Corpus, nomination, lexical-semantic variant, food and drink.*

Развитие различных сфер общественной жизни, процессы интеграции и глобализации оказали влияние на возникновение новых явлений, процессов, отношений, ситуаций. Поэтому в языке появляется ряд новых номинаций, используемых для обозначения вышеперечисленных объектов. Еще Л.В. Щерба говорил о том, что «литературный язык, как и всякий язык вообще, должен называть все новые понятия, нарождающиеся в данном обществе... Само название новых понятий происходит путем заимствования из той среды, откуда идут и понятия... Заимствования могут происходить не только из чужих языков, но и из диалектов, как географических, так и особенно социальных» [13]. Данные новые номинации могут появляться в различных сферах, в том числе в сфере еды и напитков.

Новые слова могут представлять собой как заимствованную лексику, так и слова, созданные средствами собственного языка. Диалог культур приводит к заимствованию блюд кухни одной культуры другой культурой. Вместе с заимствованием факта культуры (в нашем случае еды и напитков) происходит заимствование и названия. Среди ученых-лингвистов существуют различные взгляды на сущность заимствований, их типы, процессы адаптации в языке-реципиенте. О.С. Хлынова рассматривает *лексическое заимствование* «как процесс миграции лексических единиц из языка-источника в язык-реципиент» [11]. О.С. Хлынова подчеркивает, что заимствование находится в процессе адаптации в языке-реципиенте [11]. С.В. Кудряшова понимает *заимствование* в широком смысле и в узком смысле: «заимствование в широком смысле – это процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой и их адаптация в заимствующем языке, а в узком смысле – языковые элементы, перемещенные из одного языка в другой и функционирующие в нем» [7, с. 68]. Т.В. Веренич разделяет понятия *заимствование* и *иностранное слово*. Автор определяет *заимствование* как «элемент чужого языка, вошедший в лексико-семантическую систему языка-реципиента», а *иностранное слово* как «слово иностранного происхождения, как уже заимствованное (т.е. освоенное), так и только входящее в русский язык» [2]. Причем Т.К. Веренич противопоставляет понятия *заимствованное слово* и *входящее в язык слово*, толкуя *заимствованное слово* через синоним *освоенное*.

Также некоторые лингвисты предпринимают попытки классифицировать заимствованную лексику в зависимости от степени вхождения в язык: варва-

ризмы (неассимилированные единицы, для которых характерна «наибольшая степень новизны»), ксенизмы («заимствованные единицы, отражающие специфику быта страны-источника») [3]; «полностью и неполностью адаптированные в русском языке иноязычные наименования, не зафиксированные в нормативных словарях до 1990-х гг. и отмеченные в более поздних изданиях; не имеющие в языке-реципиенте дублетов, заполняют имеющиеся в культурно-языковом слое принимающего этноса номинационные лакуны; лексические единицы, отмеченные в лингвистических словарях и справочниках до 1980-х гг., но в иных значениях; значительно расширившие сферу и частоту своего функционирования в речи, превратившиеся из единиц ограниченной употребительности в общеупотребительные слова (бывшие экзотизмы и специальные термины) [14, с. 284]; лексическое вкрапление (лексическая единица, сохраняющая свой иноязычный облик), экзотизм (лексическая единица, переоформленная средствами языка-реципиента, но не утратившая локальной ограниченности употребления) и иноязычную лексику (лексика, для которой русский язык не является языком-источником) [11]; «слова, которые практически не подверглись переосмыслению; слова, в семантике которых произошли те или иные изменения (избирательность значения, сужение значения, расширение значения, приобретение нового значения)» [10].

Заимствование проходит процесс адаптации в языке-реципиенте. Ученые, рассматривающие заимствование как процесс, акцентируют внимание на этапах и видах адаптации заимствований. Л.П. Крысин выделяет следующие этапы освоения заимствований: начальный этап: «употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (в устной речи – фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления»; второй этап: «приспособление иноязычного слова к системе заимствующего языка: транслитерация или транскрипция»; третий этап: «когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка. Однако в этом употреблении могут сохраняться жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности»; четвертый этап – «утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей»; завершающий этап – «регистрация иноязычного слова в толковом словаре» [6].

С.И. Бахтина также выделяет аспекты лексико-семантической адаптации заимствованной лексики: а) заимствование слова с мотивировочным признаком в основе, когда семантика заимствований прослеживается при их сравнении с прототипами. В основе таких заимствований может лежать: дословный перевод, ассоциативные связи, наименования в честь кого-либо или чего-либо, наличие основного ингредиента; б) расширение значения слова: увеличение семантического объема и заимствуемого в данный период слова, и ранее заимствованного слова; развитие переносных значений у ранее заимствованного слова на русской почве; в) сужение значения заимствованного слова; г) пополнение синонимических рядов; д) ресемантизация лексических единиц; е) рас-

ширение словоупотребления и терминологизация лексики; ж) калькирование» [1].

Таким образом, в нашей работе мы будем рассматривать номинации еды и напитков, заимствованные из американской культуры. В рамках нашей работы мы рассмотрим лексемы, которые прошли определенные этапы лексико-семантической адаптации: расширение / сужение лексического значения слова, ресемантизация и т. д.

Номинации еды и напитков, которые послужили материалом нашего исследования, были отобраны из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [9] благодаря возможностям семантической разметки. Основной подкорпус НКРЯ снабжен семантической разметкой, которая позволяет из всего массива контекстов отобрать те, которые содержат необходимые нам номинации. В результате такого поиска нами были отобраны следующие номинации еды и напитков, заимствованных из американской культуры: *барбекю, брауни, бургер, донат / донатс; капкейк; коко-кола / кола; магнаггетс, маффин, митбол, наггетс / нагетс; поп-корн / попкорн; сандвич / сэндвич; смузи; снэк / снэк; стейк; стрипс; фишбургер; фреш / фрэш; фри; хашбраун; хот-дог / хотдог; чизбургер; чиз-кейк / чизкейк; чикен; чипсы*. С помощью НКРЯ мы можем узнать, в какой временной промежуток использовались данные лексемы. Распределение по годам – одна из возможностей НКРЯ, с помощью которой можно уточнить не только время использования лексем, но и количество вхождений, распределенное по годам. Анализ данной информации позволяет сделать вывод о том, в какой временной промежуток использовались все лексем, кроме лексем *кока-кола / кола, сандвич / сэндвич, хот-дог / хотдог, чипсы*, – это 1990-2020 годы. Таким образом, мы можем говорить о новизне данных лексем.

Также следует отметить, что часто отобранных лексем имеет несколько вариантов написания: *донат / донатс; наггетс / нагетс; поп-корн / попкорн; сандвич / сэндвич; снэк / снэк; фреш / фрэш; хот-дог / хотдог; чиз-кейк / чизкейк*. Это говорит о вхождении данных лексем в язык.

Затем мы обратились к толковым словарям [4; 5; 8; 12], чтобы определить, какие лексемы нашли в них отражение. Часть номинаций не нашла отражение в толковых словарях: *брауни, донат / данатс; капкейн; макнаггетс; макчикен; маффин; митбол; наггетс / нагетс; смузи; снэк / снэк; стейк; стрипс; фреш / фрэш; хашбраун; чикен; чизкейк*. Значение таких номинаций можно установить лишь контекстуально. В рамках нашей работы мы не будем рассматривать данные лексем. Так как сложно оценить переосмысление данных лексем в русском языковом пространстве, не опираясь на толкование, приведенное в словарях.

Затем нами были проанализированы оставшиеся лексемы. Анализ проводился по следующей схеме: выявление лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), приведенных в словарях, выявление ЛСВ, нашедших отражение в контекстах, сопоставление данных ЛСВ и выявление контекстуальных ЛСВ. Далее нами перечисляются лишь контекстуальные ЛСВ, так как анализ таких ЛСВ говорит о переосмыслении номинаций в русском языковом пространстве.

1. Барбекю.

1.6. Постройка (55 вхождений):

Незначительные постройки (сарай, теплицы, беседки, барбекю, заборы), не имеющие прочной связи с землей, не будут признаваться объектами недвижимости, а будут являться улучшениями земельного участка [Минэкономики предложило не считать сараи и заборы недвижимым имуществом // Коммерсант, 2018.10.29].

Также нами было отмечено использование сочетания с лексемой *барбекю* (устроить барбекю-вечеринку / автомобильное барбекю / сделать барбекю (3 вхождения)) в значении *уничтожить / разгромить*:

Футбольные фанаты из Пловдива устроили в Катунце «барбекю-вечеринку», разгромив и спалив виллы барона [Дарья АСЛАМОВА, Фото автора и АП. Цыганские Штаты Европы // Комсомольская правда, 2011.10.19].

2. Попкорн / поп-корн – «особым образом приготовленные кукурузные зерна; воздушная кукуруза» [4].

2.1. Развлечение, шоу (8 вхождений):

Но, право слово, она очень логична с учетом того, с каким энтузиазмом «народ – источник власти» в течение последних 18 лет от этой своей функции отказывался. В обмен на попкорн, конечно... © ЗАО «Редакция газеты» Московский Комсомолец, Электронное периодическое издание «МК. ru». Все права на материалы, опубликованные на сайте [www. tk. ru](http://www.mk.ru), принадлежат редакции и охраняются в соответствии с законодательством РФ. Использование материалов, опубликованных на сайте www. tk. ru допускается только с письменного разрешения правообладателя и с обязательной прямой гиперссылкой на страницу, с которой материал заимствован. Гиперссылка должна размещаться непосредственно в тексте, воспроизводящем оригинальный материал [tk. ru](http://www. tk. ru), до или после цитируемого блока [Андрей Колесников. Весы для премьера: Путину услуги элиты не нужны // Московский комсомолец, 2017.09.01].

2.2. Развлекательное, низкосортное кино (7 вхождений).

Киноафиша недели силится заманить в кинотеатр не только любителей кино-попкорна, но и синефилов [Ян Шенкман, Лариса Малюкова. Новый Бэтмен, Басманный суд и братание Шаова с дядей Жорой // Новая газета, 2016.03.25].

Данное значение лексемы *попкорн* присутствует и в английском языке в выражении *popcorn movie; popcorn flick* [15].

2.3. Артхаусное кино (2 вхождения).

Наши фильмы для тех, кто не ест попкорн [Кончаловский пообещал запретить продажу попкорна на его фильмах // lenta.ru, 2016.12.15].

Было отмечено сочетание с компонентом *попкорн*, отличающееся воспроизводимостью и частичной идиоматичностью *запасть попкорном* (12 вхождений):

Словом, придется запастись терпением и отчасти попкорном [Андрей Колесников. *Весы для преемника: Путину услуги элиты не нужны* // *Московский комсомолец*, 2017.09.01].

Данное выражение имеет значение *подготовиться к развлечению, шоу*. Это выражение является калькой с английского *get the popcorn* [15] и имеет идентичное значение.

3. Фри – «что-либо – обычно картофель – обжаренный в большом количестве жира до образования румяной корочки» [4].

3.1. Состояние (жарко) (1 вхождение):

А в рабочие дни? Москвичи хорошо знают: в 30-градусную жару мегаполис превращается в сковородку, на улицах и в общественном транспорте чувствуешь себя картошкой-фри, которую медленно поджаривают на огне. Но в этот раз зной должен переноситься легче, успокаивают метеорологи центра «Фобос». С чего вдруг? [Юлия СМИРНОВА. *До конца недели в Москве 33-градусное пекло* // *Комсомольская правда*, 2010.06.22].

4. Хотдог / хот-дог – «булочка со вложенной в ее надрез горячей обжаренной сосиской или сарделькой вместе с соусом и горчицей» [4].

4.1. Форма, напоминающая хот-дог (3 вхождения):

Ну, дивана в форме хот-дога у меня нет [Ольга Кузнецова. *Роман Копыла: «Снимая родственников и друзей, я сэкономил кучу денег»* // *Известия*, 2013.03.14].

4.2. Промоутер в костюме ростовой куклы (1 вхождение):

И каждый относится к городу по-своему. Например, Григорий Антипенко – гастарбайтер и уже устроился работать... хот-догом – ходит в рекламном костюме по Красной площади. А Иван Охлобыстин – глава преступной группировки. Он «бодается» со своим кавказским «коллегой» из-за последнего в киоске букета цветов [Никита МИРОНОВ. *Любовь к Москве: 20 серий за 100 минут* // *Комсомольская правда*, 2008.07.05].

Таким образом, анализ лексем, обозначающих блюда американской кухни, показал, что часть из них обладает контекстуальными ЛСВ, не отмеченными в словарях. Данное явление свидетельствует о переосмыслении данных номинаций в русском языковом пространстве.

Список литературы

1. Бахтина С.И. Заимствованная лексика в составе тематической группы «пища и напитки» XVIII – начала XXI вв.: историко-функциональное исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/zaimstvovannaya-leksika-v-sostave-tematicheskoi-gruppy-pishcha-i-napitki-xviii-nachala-xxi-v> (дата обращения: 12.10.2021).

2. Веренич Т.К. Деэкзотизация современных заимствований в русском научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании: на материале англицизмов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/deekzotizatsiya-sovremennykh-zaimstvovanii-v-russkom-nauchno-lingvisticheskom-i-obydennom-ya> (дата обращения: 12.11.2021).

3. Заботкина В.И. Новая лексика [Электронный ресурс]. URL: <http://nachali.narod.ru/zabotkina.pdf> (дата обращения: 11.10.2021).

4. Ефремова Т.Ф. Новый толково-образовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://efremova.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-a.htm> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова [Электронный ресурс]. URL: http://kabruss.blogspot.com/2016/01/blog-post_362.html?m=1 (дата обращения: 22.09.2021).
7. Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-zaimstvovaniya-kak-raznovidnost-yazykovogo-kontakta> (дата обращения: 18.10.2021).
8. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 22.09.2021).
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 02.09.2021).
10. Фролова О.А. Семантическое освоение заимствований [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-osvoenie-zaimstvovaniy> (дата обращения: 27.09.2021).
11. Хлынова О.С. Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века: на материале прессы 1991-2000 гг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/leksiko-grammaticheskaya-adaptatsiya-germanskikh-zaimstvovanii-v-russkom-yazyke-kontsa-xx-ve> (дата обращения: 27.09.2021).
12. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/2.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
13. Щерба Л.В. Современный русский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba5.htm> (дата обращения: 15.09.2021).
14. Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshaya-ksenoleksika-v-russkoy-rechi-xxi-veka-k-opredeleniyu-obema-ponyatiya> (дата обращения: 17.09.2021).
15. English-Russian dictionary of expressions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/popcorn> (date of access 05.10.2021).

Ш.Р. Хасанова, Р.Р. Султонова
Sh.R. Khasanova, R.R. Sultonova

*Таджикский государственный институт языков
имени С.Улугзода (Душанбе, Таджикистан)
Tajik State Institute of Languages named after S. Ulugzod, Dushanbe*

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются имена прилагательные, характеризующие возраст человека в русском и таджикском языках. Приводятся примеры из художественных произведений русских и таджикских писателей. Раскрыт характер национального и культурного человека.

Ключевые слова: *возраст, человек, этапы, жизнь, русский, таджикский, прилагательное.*

ADJECTIVES DESCRIBING A PERSON'S AGE IN RUSSIAN AND TAJIK

The article examines adjectives characterizing the age of a person in Russian and Tajik languages. Examples from works of fiction by Russian and Tajik writers are given. The character of the national and cultural person is revealed.

Keywords: age, person, stages, life, Russian, Tajik, adjective.

Возраст – период, ступень в развитии, росте человека, животного, растения. Жизнь человека можно поделить на несколько этапов.

Первый этап – младенческий возраст – айёми тифлӣ. Мир, в котором будет жить ребенок, создан взрослыми людьми: в каждом простом предмете – опыт человечества, его история. Человеческое «дитя» с точки зрения характеристики представляет собой «чистый лист», на котором в процессе жизни будут еще записываться и отражаться все ее проявления: среда, условия быта и т. д.

Поэтому в русском и таджикском языках имеется лишь небольшая группа имен прилагательных, в которых содержится сема «младенец»: *бепаноҳ – беззащитный, беспомощный, гирёнчак – плаксивый, безарар – безвредный, беор – безобидный, инчиқ – капризный, ором – спокойный* и др.: гуфт Баҳром аз тундхӯйии ӯ андаке ба шӯр омада, ҳамсарат ҳаст, духтарчаи ту ҳам *гирёнчак*;

Так, в прилагательных с семой 'тифлӣ' («младенец») *гирёнчак, беор, бегуноҳ, бе дасту но, нотавон* не проявляются никакие характеристики человека, потому что ребенок «младенческого возраста» в силу физиологических причин еще не способен воспринять мир, общество, людей как таковых.

Например:

Бегуноҳ – 1. Безгрешный.

Беззащитный – 1. Лишенный защиты, не могущий защитить себя.

Перед нами было совсем *беззащитное* дитя; Дар назди мо кӯдаки тамоман *бегуноҳ* меистод.

Или: *нотавон* – 1. Беспомощный, слабый, бессильный; *беспомощный* – 1. Нуждающийся в помощи, неспособный сам делать что-нибудь для себя, бессильный.

В прилагательных *гирёнчак – плаксивый, инчиқ – капризный, ором – спокойный*, в которых тоже содержится сема 'тифлӣ', нет психического проявления характера, а выражено физическое состояние ребенка: состояние физиологического удовлетворения наблюдается в прилагательном *ором – спокойный*. Так, *спокойный* – 3. Ведущий себя тихо, не беспокоящий, не раздражающий. Прилагательные *инчиқ – капризный, ором – спокойный* отражают не столько характер младенца, сколько его поведение, обусловленное не психическими, а физиологическими раздражителями.

В прилагательных типа: *гирёнчак – плаксивый, инчиқ – капризный* проявляется состояние физиологического неудовлетворения. Например: *гирёнчак* – 1. Часто плачущий, всегда готовый плакать.

Люди среднего, старшего и преклонного возрастов в связи с физиологическими особенностями организма и этическими нормами жизни проявляют поведенческое качество характера: *Духтархо, савсан! – як духтараки нозукбадани чобук, ки чашмони шухи писарбачагона дошт, аз байни буттахо баромада фарёд кард* (Фадеев. Молодая гвардия); – *Девочки, лилия! – воскликнула выскочившая из кустов тоненькая, гибкая девушка с мальчишескими отчаянными глазами* (Фадеев. Молодая гвардия); *Тоня Иванихина, самая младшая из девушек, длинноногая, почти девочка, с крупным носом и толстыми, заправленными за крупные уши прядями темно-каштановых волос* (Фадеев. Молодая гвардия); *Тоня Иванихина, ки духтари аз хама чавонтар, пойдароз, кариб духтарча, биникалон ва миллахои гафси муи кахварангаиш ба пушти гуишхои калонаш гузаронида мондаги буд* (Фадеев. Молодая гвардия).

У ряда прилагательных ограничение функционально-семантической актуализации семы 'возраст' может быть минимальным, ограничиваясь лишь одной возрастной группой, например: *Истад, ки аз аввали омаданаи парешонхотир ва бедимог буд, охиста-охиста ба муйсафеди мехнатии мехрубон улфат гирифт ва хурсанд шуд* (Икрами. Дочь огня); *Первые дни Истад был еще расстроен, рассеян, но постепенно стал привыкать к старому садовнику* (Икрами. Дочь огня).

В семантике слова *тифлӣ* («младенец») при словоупотреблении развивается метафорическое значение «как старик». Поэтому такого рода примеры снова подтверждают нашу мысль, что имя прилагательное в сочетании с именем существительным может усложнять свое семантическое наполнение, проявляя себя как независимая, самостоятельная лексико-семантическая единица.

В сопоставляемых языках лексико-семантическую парадигму «возраст человека» формируют имена прилагательные *новорожденный – навзо; молодой – љавон; взрослый – калон, калонсол; старший – калон, младший – хурд, старый – пиронсол, кӯҳансол – стар* и др.

В произведении таджикского писателя Дж. Икрами «Дочь огня» с помощью прилагательного *молодой* обычно дается прямая характеристика героя, когда он представляется как «не достигший зрелого возраста, юный». Это достигается сочетанием прилагательного *чавон – молодой* с существительными *женщина: Мурод хам дар худ қувваи чавони пайдо карда буд, зани чавони сохибҷамоли кобил, писари тандурусти боаклу идрок, қулба хам бошад хонаи аз они худ, дах сар буз, ки ба зиндағониаш, хусусан барои тарбияи зану бачааш ерманди мерасониданд, – вақти уро хуш, дили уро тоза ва майнаи уро аз ташивиши зиндағи осуда медоштанд* (Икрами. Дочь огня); *И сам Мурод обрел юношескую силу. У него была красивая и молодая работающая жена, здоровый смышленный сын, дом, хотя и плохонький, но собственный, десяток коз, помогавших прокармливать семью, – все это приводило его в хорошее настроение, успокаивало, освобождало от житейских сомнений* (Икрами. Дочь огня).

Прилагательное *молодой* в сочетании с существительным человек приближается к цельному наименованию. Однако столь частое употребление дан-

ного прилагательного в описании внешнего вида героя концентрирует внимание на признаке, который выражает прилагательное. Он наивен, искренен, невинен, в отличие от других молодых людей своего круга. Таким образом, прилагательное *молодой* выполняет прежде всего ограничительную функцию: *Один из говоривших был штатский, с морщинистым, желчным и бритым лицом, человек, уже приближавшийся к старости, хотя и одетый, как самый модный молодой человек* (Толстой. Война и мир); *Яке аз ин хамсубхатон марди гайрихарби, руяш пурчини логар, ришу муйлабаш тарошида, тундмичозе буда, харчанд ба пири наздик расида бошад хам, лекин монанди **чавони** хеле олуфта либос пушида буд* (Толстой. Война и мир).

Прилагательные, которые раскрывают физические характеристики человека, объединяют лексемы, характеризуют также возраст: *Маленькая княгиня лежала на подушках, в белом чепчике (страданье только что отпустило ее), черные волосы прядями вились у ее воспаленных, вспотевших щек; румяный, прелестный ротик, с губкой, покрытой черными волосиками, был раскрыт, и она радостно улыбалась* (Толстой. Война и мир); *Князхоними хурдакак бо кулутача руи болишхо мехобид. Даста-даста муи сиёхаи дар гирди рухсорахои сурхшудаи аракинаш дар печ; дахони сурхи зебо, лабаки муйнокаш кушода* (Толстой. Война и мир).

Для описания физических характеристик в русском и таджикском языках используются также прилагательные *чавон – молодой*. Например, при описании это прилагательное выступает в нескольких значениях: 1. «Не достигший зрелого возраста, юный». Ср.: *Один из говоривших был штатский, с морщинистым, желчным и бритым лицом, человек, уже приближавшийся к старости, хотя и одетый, как самый модный молодой человек* (Толстой. Война и мир); *Яке аз ин хамсубхатон марди гайрихарби, руяш пурчини логар, ришу муйлабаш тарошида, тундмичозе буда, харчанд ба пири наздик расида бошад хам, лекин монанди **чавон** хеле олуфта либос пушида буд* (Толстой. Война и мир).

Группа качественных прилагательных, описывающих физические характеристики персонажа, в которой доминирующей обнаруживается возрастная характеристика. Для передачи возраста применяется в русском и таджикском языках прилагательное *пир – старый*. Прилагательное *старый* чаще употребляется с существительными. Имея значение «проживший много лет, достигший старости // свойственный такому человеку», данная лексема описывает человека преклонного возраста. Ср.: *Уро қасдан бад мекардам, **пири** нотавон, хасис ва бераҳм мегуфтам* (Икрами. Двенадцать ворот Бухары); *Дурно отзывался о нем, говорил, что он скуп, жаден, жесток, называл его немощным **стариком*** (Икрами. Двенадцать ворот Бухары); *Занаиш очиза ва нобино, худа иланг ва **пир**, бефарзанд ва бедават* (Икрами. Двенадцать ворот Бухары); ***Старый**, хромой, он жил с больной, ослепшей женой* (Икрами. Двенадцать ворот Бухары).

Прилагательное русского языка *сутулая* передается в таджикском языке не прилагательным, а причастием. Хотя в таджикском языке есть прилагательные со значением сутулости: *хамидақомат*, *хамидапӯит*, *хамидақад*. Данные прилагательное обозначают худобу фигуры и возраст человека и образованы от причастия прошедшего времени и существительного (*хамида+пӯит*).

Прилагательные таджикского языка *логарбадан*, *танхароб*, *логар*, *газгуит*, *чуррук*, *нимҷон*, *хамида* содержат дополнительное указание на тот факт, что характеризуемый ими человек стал таким только впоследствии: *Хеле логар шудаи! – оҳ хашида мегуфт модар* (Горький. Мать). – *Худой ты очень! – вздохнув, говорила мать* (Горький. Мать).

Анализ таджикских прилагательных, выражающих возраст человека, на фоне русского языка дал возможность раскрыть характер национального и культурного человека, характерные особенности анализируемых эпизодов национальной языковой картины мира.

Список литературы

Икрами Дж. Двенадцать ворот Бухары: трилогия / Пер с тадж. Л.Бать, В.Смирновой, М. Явич. М.: Советский писатель, 1987. 768 с.

Икрами Дж. Дочь огня / Пер. В.Смирновой. М.: Известия, 1965. 456 с.

Икрами Дж. Духтари оташ: роман. Душанбе: Ирфон, 1983. 528 с.

Икрами Дж. «Духтари оташ» фасли дуйум «Дарбадарӣ». Душанбе: Адиб, 2009. 560 с.

Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Худ. литература, 1983. 832 с.

Н. Шарипова, Л.Т. Рузиева

N. Sharipova, L.T. Ruzieva

Таджикский национальный университет

(Душанбе, Таджикистан)

Tajik National University, Dushanbe

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

В статье говорится о том, что прецедентные имена являются лингвокультурными феноменами, с которыми преподаватель русского языка должен познакомить своих студентов.

Ключевые концепты национальной культуры состоят из языковых знаков, отражающих абстрактные имена (совесть, судьба, грех, закон и пр.). Сами же абстрактные имена характеризуются своей культурной насыщенностью, мифологичностью, символичностью. Все это позволяет рассматривать абстрактные имена в одном ряду с прецедентными именами.

Ключевые слова: русский язык, феномен, прецедентное имя, абстрактное понятие, лингвокультура, грамматическое значение.

FEATURES OF PRECEDENT NAMES AS LINGUOCULTURAL PHENOMENONS

The article says that precedent names are linguocultural phenomena that a Russian language teacher should introduce his students to.

Key concepts of national culture consist of linguistic signs reflecting abstract names (conscience, fate, sin, law, etc.). The abstract names themselves are characterized by their cultural richness, mythology, and symbolism. All this allows us to consider abstract names in the same line with precedent names.

Keywords: *Russian language, phenomenon, precedent name, abstract concept, linguoculture, grammatical meaning.*

Некоторые индивидуальные имена могут превращаться в прецедентное имя при условии вхождения в когнитивную базу с инвариантным обозначением «культурного наименования», составляя языковую единицу лингвокультурного сообщества. К сожалению, семантическое наполнение и функционирование прецедентного имени в дискурсе еще недостаточно исследовано.

Согласно точке зрения Д.Б. Гудкова, прецедентным именем называется индивидуальное имя, связанное

1) с широко известным текстом (например, *Гомер, Обломов, Тарас Бульба*);

2) «с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» (например, *Иван Сусанин, Колумб*)» [2, с. 83].

По мнению автора, в прецедентном имени находят свою характеристику атрибуты конкретного наименования с указанием на их лингвокультурологическую ценность. Такой подход обеспечивает употребление прецедентного имени как в экстенциональном (именование), так и интенциональном (характеристика) аспекте. Разница между этими двумя категориями заключается в том, что первое (экстенциональное) включает в структуру прецедентного имени лишь один объект (*Лермонтов, Питер, Обломов*) и отличает их от других общих имен.

Считаем уместным внесения ясности относительно прецедентного имени и собственного имени. Дело в том, что собственные имена имеют характеристику «телесной» и «бестелесной», «воплощенной» и «развоплощенной». Первое характеризует имена конкретных людей, явлений, событий, мест; второе – имена собственные как элементы языкового выражения. Последнее встречается преимущественно в словообразовании и при анализе происхождения собственных имен. Например, *Иван* – общее русское имя, вне контекста оно не отражает свойственный ему денотат. А прецедентное имя *Иван Грозный* со своим денотатом в контексте совершенно иная личность и иное имя: Великий князь, «государь всея Руси», первый русский царь.

Прецедентное имя в сознании и когнитивном представлении человека может ассоциироваться с двумя образами: общенациональным инвариантом и индивидуальным воображением. Эти представления и образы могут где-то состыковаться и совпадать, но где-то совершенно отличаться друг от друга. Однако

прочное осмысление и восприятие общенационального инварианта даже в сомнительных и ложных случаях содействует языковой личности опереться на него и пользоваться данным инвариантом. Так, в воображении и сознании определенного индивида прецедентное имя *Дон Кихот* может представиться настоящим человеком, идеальным мужчиной, однако в масштабе прецедентно-значимого текста как когнитивный компонент культуры русского народа *Дон Кихот* является всего лишь человеком с большим арсеналом фантазии, несбыточными мыслями, неразумно борющимся за несовершенные идеи и идеалы.

Следует заметить, что за абсолютным большинством прецедентных имен стоит воображение и представление национально-детерминированного и минимизированного характера. Последнее (национально-детерминированный и минимизированный характер прецедентного имени) характеризуется своими дифференциальными качествами. Дифференциальные признаки представляют собой сложную парадигму отношений. По мнению известного ученого-лингвиста Ю.Д. Апресяна, относительно сравнительной оценки языкового явления «лексическое или грамматическое значение – это не “простая совокупность” значений дифференциальных семантических признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис» [1, с. 467].

На основе выявления дифференциальных признаков можно выложить характеристику предмета по таким разным параметрам, как *черты характера человека, его внутренний мир, внешность*, которые актуализируются на базе прецедентной ситуации. Например, если мы называем кого-либо «*Дядя Степа*», то для нас он милиционер с высоким ростом, борец с беспорядками, добрый и справедливый человек. Или же имея в виду человека – долгожителя называем его *Кощей Бессмертный*. Такая оценка обусловлена тем, что он похож на волшебника, обладающего тайной бессмертия, представляет собой персонаж русских народных сказок «*Кощей Бессмертный*» и «*Царевна-лягушка*».

Прецедентное имя – это практически единично представленный объект, существующий либо реально или находящийся в человеческом воображении. В любом случае оно выступает в качестве образа в контексте национально-детерминированного и минимизированного представления. Здесь явно проследживается содержание денотата, которое не идентично значению имени и как экстралингвистическое явление превалирует над его лингвистическим параметром.

Прецедентное имя, пользуясь выражением А.В. Суперанской, может иметь денотативное значение. Например, *Шолохов – автор произведения «Тихий Дон»*. Коннотативно: *Этот писатель – современный Шолохов*. Во втором примере «имя перестает связываться с одним сколь-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений, рек и т.п.» [3, с. 116].

Характерная черта прецедентного имени состоит в том, что оно близко с абстрактным именем с ключевыми концептами национальной культуры. Ключ-

чевые концепты национальной культуры воспринимаются как «обусловленные ею ядерные единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [3, с. 6].

Ключевые концепты национальной культуры состоят из языковых знаков, отражающих абстрактные имена (*совесть, судьба, грех, закон* и пр.). Сами же абстрактные имена характеризуются своей культурной насыщенностью, мифологичностью, символичностью. Все это позволяет рассматривать абстрактные имена в одном ряду с прецедентными именами.

Концепты, связанные с абстрактными именами, интерпретируются через прототипические ситуации (А. Вежбицкая). Стандартная и обычная ситуация намекает на вновь сложившейся ситуации под названием прецедентной, выступает в качестве образца и эталона в новой ситуации. Прецедентное имя в данном случае представляет собой ядро прецедентной ситуации вкупе с соответствующим абстрактным именем. Более того, прецедентное имя подразумевает собой некие символы определенных концептов. Например: *Молчалин – провинциал, Фамусов – дворянин*.

Очевидно, что наблюдается наличие дифференциальных признаков прецедентного имени, содействующего восприятию содержания лингвокультурного феномена. Отчетливо видно, что при таком расширенном употреблении прецедентного имени нет необходимости его дополнительной расшифровки или комментария, включая и саму прецедентную ситуацию. В этом раскладе лингвокультурной ситуации прецедентное имя оказывается достаточно ярким и понятным, чтобы обозначить нечто конкретное относительно его значения как феномена. Например: «*Да, его имя не случайно означает облом, обломить. Что тут поделаешь? Обломов пассивен, ленив и несчастный!*»

Возникает уникальная картина в связи с употреблением прецедентного имени в качестве определенного символа и возможным дискурс-вариантом в акте коммуникации как отражение высокой культуры речи носителя языка, в том числе, иноязычной аудитории. Во всех коммуникативных случаях прецедентное имя представляет собой некий символ, если наблюдается его присутствие в прецедентном тексте или прецедентной ситуации. Можно привести еще один яркий пример, подтверждающий приведенную оценку. Например, прецедентное имя (герой) в комедии Н.В. Гоголя *Хлестаков – мелкий столичный чиновник, который направляясь из Петербурга в свою деревню Саратовской губернии, принимается за ревизора чиновниками маленького уездного города*. Данное прецедентное имя можно использовать не только для раскрытия содержания текста «Ревизор», но и для создания прецедентной ситуации, связанной с данным прецедентным текстом. Во всех этих различных прецедентных случаях имя *Хлестаков* представляет собой некий имя-символ прецедентного текста или прецедентной ситуации. Однако когда *Хлестаков* характеризуется как человек, который не представляет из себя ничего особенного (он не лгун, но ве-

рит тому, что говорит), данное имя может быть собственно прецедентным, но не символом.

Характерная черта и свойственная особенность прецедентного имени на базе того или иного прецедентного текста может представлять собой полисемичность. В таком случае, прецедентное имя выражает не какого-либо одного дифференциального признака, а совокупность атрибутов, характеризующих самого имени и прецедентную ситуацию. Очевидность момента заключается в том, что прецедентное имя в данном случае выступает в качестве символа не только его характера, но и конкретной прецедентной ситуации.

При изучении русского языка в неязыковом вузе Таджикистана преподавателю часто придется объяснять студентам-таджикам уникальность и историческую принадлежность русских прецедентных имен в составе прецедентного текста. Так, при анализе таких русских прецедентных имен, как *Рождественский*, *Богородицкий* и прочее он ссылается на влияние русского духовенства, названий церковных праздников или храмов (*Рождество Пресвятой Богородицы – церковь Рождества Богородицы*). Много примеров относительно искусственных русских прецедентных фамилий, которые давались внебрачным детям. Так, богатый русский помещик И.А. Яковлев дал своему внебрачному сыну Александру искусственную фамилию Герцен – от немецкого слово *herz* (сердце).

К искусственным русским прецедентным именам относятся так называемые псевдонимы известных общественно-политических личностей: *Ленин* – Ульянов; *Сталин* – Джугашвили; *Горький* – А.М. Пешков; *Гайдар* – А.П. Голиков. Безусловно, искусственными и выдуманнами являются и такие прецедентные имена из художественных произведений, как *Онегин*, *Печорин*, *Обломов*, *Собакевич*, *Хлестаков* и т.п. Однако все перечисленные прецедентные имена составляют когнитивный компонент культуры русского народа, входя в состав эталонной части русской национальной культуры.

Специфическим моментом является то, что прецедентные имена как лингвокультурные феномены отражают образцы поведения, отношения, поступков каждой представляющей прецедентной персоны/личности, раскрывающие их внутренний мир, особенности и черты взглядов и действий в формате «хорошее/плохое», «прекрасное/ужасное», «можно/нельзя». Все прецедентные имена, составляя когнитивную базу, участвуют в раскрытии образа прецедентных имен («героев»), эталонов «добрых сил» или наоборот «лгунов», «убийц», «злодеев». Если первые образцы из числа прецедентных имен являются примерами для подражания, то поступки и образы вторых – сигнал предупреждения о том, что делать плохое нельзя. В практике обучения русскому языку в лингвокультурологическом аспекте легко умозаключить, что прецедентное имя в увязке с историческими личностями или событиями играет важную роль в осмыслении когнитивной базы характерного лингвокультурного сообщества.

Отсюда вытекает справедливая точка зрения относительно важности изучения специфических проявлений и семантических особенностей русского пре-

цедентного имени в контексте реализации межкультурной коммуникации. В этом плане нам удалось апробировать на занятиях по русскому языку учебный словарь прецедентных имен как компонент словаря прецедентных феноменов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Восточная литература, 1995. 769 с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 82-93.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007. 366 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абреимова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Алешина Анна Андреевна, старший преподаватель, аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Россия).

Аль-Кадими Махмуд Гази, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Багдадский университет (Багдад, Ирак).

Аникеева Татьяна Владимировна, аспирант кафедры славянских языков, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).

Антонова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Государственный университет по землеустройству (Москва, Россия).

Аринович Анастасия Юрьевна, факультет истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь).

Артыкова Галина Шерметовна, кандидат филологических наук, доцент, Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан).

Асылбаева Асем Серикказиевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия).

Ахетова Айгерим Акимбековна, магистрант образовательной программы Русский язык и литература, Кызылординский университет имени Коркыт Ата (Кызылорда, Казахстан).

Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель главного редактора Международного научного журнала «Научные доклады высшей школы. Филологические науки» (Москва, Россия).

Беленкевич Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия).

Бойченко Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, Государственный университет по землеустройству (Москва, Россия).

Болтовская Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и славянского языкознания, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь).

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет (Воронеж, Россия).

Бурцев Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Васильева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Высочаньски Влодзимеж, доктор гуманитарных наук, профессор Вроцлавского университета, Вроцлавский университет (Вроцлав, Польша).

Гадимова Джамиля Аллахверан гызы, доктор философии по филологическим наукам, доцент, Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан).

Гананольская Елена Владимировна, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Глухих Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Голандам Араш Карим, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Гилянский государственный университет (Решт, Иран).

Гончарова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Горбунова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета; МАОУ г. Иркутска «СОШ № 69» (Иркутск, Россия).

Гордиенко Ольга Антоновна, кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия).

Григорьевская Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

Грушина Наталия Борисовна, кандидат филологических наук, доктор филологии, Университет Барселоны (Барселона, Испания).

Давлатов Мухиддинджон Абдулхакимович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой общего языкознания и сравнительной типологии, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан).

Дмитриева Юлия Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, Горловский институт иностранных языков (Горловка, Украина).

Евграфова Светлана Маратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

Елькин Денис Юрьевич, доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры русского языкознания, Национальный университет Узбекистана (Ташкент, Узбекистан).

Зайнульдинов Тяренокв Андрей Ахметович, доктор филологии Барселонского университета, титулярный профессор, европейский доктор, Барселонский университет (Барселона, Испания).

Завадская Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, Оренбургский государственный медицинский университет (Оренбург, Россия).

Зацепина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков, Государственный университет по землеустройству (Москва, Россия).

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Сычуаньского университета (Чэнду, Китай).

Иваненко Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Могилёв, Беларусь).

Казарина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Кампаделли Розалия Аннарита, аспирант кафедры русской филологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь; Терлицци, Италия).

Карасёва Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Дубай, ОАЭ).

Климкова Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал (Арзамас, Россия).

Кожухметова Сауле Намазбаевна, докторант кафедры русского языка и литературы, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет (Шымкент, Казахстан).

Козера-Славомирска Изабела, кандидат филологических наук, адъюнкт, Ягеллонский университет, Институт восточнославянской филологии, кафедра русского языкознания (Краков, Польша).

Козлова Татьяна Александровна преподаватель кафедры современных технологий перевода, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).

Корнейчук Светлана Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Королькова Анжелика Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики, заведующая лабораторией лингвистической экспертизы, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия).

Коростова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Космачева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия).

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Кузьмина Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Кумба Сиссе, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет (Матам, Сенегал).

Курносова Ирина Михайловна, доктор филологических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Лешкова Наталия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, Горловский институт иностранных языков (Горловка, Украина).

Ломакина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературоведения и журналистики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Майгельдиева Жаннат Мусабековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата (Кызылорда, Казахстан).

Макеева Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

Малинина Наталия Владимировна, научный сотрудник, доцент, Государственный университет г. Кассино и Южного Лацио (Кассино, Италия).

Мейирбек Нурсауле Курышкызы, докторант кафедры русского языка и литературы, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет (Шымкент, Казахстан).

Миягава Кинуё, доктор философии (Ph.D.), профессор, Университет Саппоро (Саппоро, Япония).

Михайлова Евгения Дмитриевна, магистрант кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; учитель русского языка и литературы, МБОУ СШ №35 (Липецк, Россия).

Мулатова Наталья Анатольевна, преподаватель, Ростовский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ (Ростов-на-Дону, Россия).

Мусабаева Зарема Тимуровна, магистр социальных наук, лектор Академии логистики и транспорта (Алматы, Казахстан).

Мякушкина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Воронежский государственный университет инженерных технологий (Воронеж, Россия).

Мямлин Михаил Михайлович, магистрант, Харбинский политехнический университет (Харбин, Китай).

Наден Анна Станиславовна, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков, Горловский институт иностранных языков (Горловка, Украина).

Нагорный Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков, Цзилиньский университет (Чанчунь, Китай).

Нарожная Валентина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет (Шымкент, Казахстан).

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет (Воронеж, Россия).

Нелюбова Ирина Вячеславовна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Никитевич Алексей Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь).

Никифорова Ольга Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Арзамасский филиал ННГУ (Арзамас, Россия).

Никольская Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

Нурболат Нуржанар, учитель, Средняя школа НАО АГУ им. Х. Досмухамедова (Атырау, Казахстан).

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры славянской филологии, Православный Свято-Тихоновский государственный университет (Москва, Россия).

Павлова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Майнцкого университета им. И. Гутенберга (Майнц, Германия).

Параккини Лайла, кандидат филологических наук, соискатель отделения славистики, Миланский государственный университет (Милан, Италия).

Петрушевская Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь).

Плаксицкая Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературоведения и журналистики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Погосян Марине Хачиковна, магистр филологии, кафедра иностранных языков, факультет русского языка и литературы, Гаварский государственный университет (Гавар, Армения).

Полуэктова Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного, Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия).

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орёл, Россия).

Попова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Попова Ирина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия).

Пэн Юйхай, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Сычуаньского университета, Сычуаньский университет (Чэнду, Китай).

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Родионова Инесса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет (Пенза, Россия).

Ромачков Артём Александрович, факультет иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Могилёв, Беларусь).

Рузиева Лола Толибовна, доктор педагогических наук, доцент, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан).

Рузметова Зульфия Назаровна, кандидат педагогических наук, доцент, Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан).

Рычкова Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь).

Сазонова Анастасия Евгеньевна, филологический факультет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия).

Сауныкин Павел Сергеевич, независимый исследователь (Рязань, Россия).

Сафиулин Ильдар Авзалович, филологический факультет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь).

Сирота Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо (Бельцы, Молдова).

Скнар Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Собирова Фарзона Асомудиновна, кандидат филологических наук, доцент, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан).

Солохов Алексей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и методик дошкольного и начального образования, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь).

Султонова Рано Розиковна, ассистент кафедры русского языка, Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзода (Душанбе, Таджикистан).

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, профессор Российской академии естествознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Сы Хунфэн, аспирант, Южный федеральный университет (Чучжоу, Китай).

Телкова Валентина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Тешаев Хаём Икромович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан).

Трофимова Ольга Александровна, соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия).

Умурзакова Анастасия Жуматовна, кандидат филологических наук, профессор, НАО Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова (Атырау, Казахстан).

Флянтикова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков, Гродненский государственный медицинский университет (Гродно, Беларусь).

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).

Хасанова Шаъло Рахмоновна, заведующая кафедрой общего языкознания, Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзода (Душанбе, Таджикистан).

Ху Цэнли, аспирант, Сычуаньский университет (Чэнду, Китай).

Черноусова Ирина Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

Шарипова Нозанин, докторант (PhD), Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан).

Шаталова Ольга Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Шашкова Виктория Юрьевна, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, лаборант кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного, Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия).

Шевченко Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ (Ростов-на-Дону, Россия).

Шелкова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики (секция русского языка), Московский государственный университет геодезии и картографии (Москва, Россия).

Шетэля Виктор, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Ширшаков Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Пензенский государственный университет (Пенза, Россия).

Яссин Сарханг Раш Яссин, аспирант кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Эрбиль, Ирак).

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-педагогическая деятельность проф. А.Н. Тихонова	5
<i>Головина Л.И.</i> А.Н. Тихонов – наш учитель, наставник	7
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	
<i>Базылев В.Н.</i> Прошлое есть часть настоящего или воспоминания о профессоре А.Н. Тихонове и о русском языке в национальной школе	11
<i>Голандам А.К.</i> Способы выражения вида глагола в русском языке глагольными формами персидского языка	13
<i>Горбунова И.Е.</i> К вопросу о разработке микроструктуры «Словаря конверсивов русского языка» в отечественной лексикографии	18
<i>Гордиенко О.А.</i> Отражение деривационной текстовой организации русского научного текста в гнездовом словообразовательном словаре по физике для иностранных студентов	24
<i>Золотых Л.Г., Космачева О.Ю., Пэн Юйхай.</i> Дискурсивные пространства лингвокультурологических и страноведческих комментариев в Большом универсальном словаре русского языка	28
<i>Иванов Е.Е.</i> О проблеме лингвистической дифференциации афористических и фразеологических единиц	35
<i>Климкова Л.А.</i> Онимическое гнездо как микросистема (по материалам словарей)	40
<i>Королькова А.В.</i> Фразеологическая лексикография А.Н. Тихонова	44
<i>Кузьмина Е.Б.</i> Стилистическая помета «шутл.» (шутливое) в толковых словарях русского языка	49
<i>Курносова И.М.</i> О «стройной совокупности» русского языка: из истории лаборатории учебной лексикографии Елецкого госуниверситета	55
<i>Макеева Е.В.</i> Комплексный учебный интерактивный словарь для иностранных студентов-филологов «Крылатые слова и выражения из произведений русской литературы»: концепция реализации	61
<i>Павлова А.В.</i> Двухязычная база данных фразеологизмов-конструкций (новый онлайн-ресурс)	66
<i>Попова Е.А.</i> Региональная персонифера как объект лексикографического описания	73
<i>Салихова Э.А.</i> О структуре словарной статьи в словарях региолектно-тезаурусного типа	78
<i>Харченко В.К.</i> О А.Н. Тихонове и его сподвижнице М.Ю. Казак	81
<i>Шаталова О.В.</i> Функционально-прагматические интенции словаря как социально-политического явления	84

РАЗДЕЛ 2. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

<i>Алешина А.А.</i> Семантические и структурные особенности словообразовательного гнезда с вершиной <i>соль</i> в национальном русском языке	90
<i>Болтовская Е.А.</i> Задания по морфемике и словообразованию на централизованном тестировании в Республике Беларусь	95
<i>Высочаньски В.</i> Отсубстантивные дериваты с префиксом <i>не-</i> в польском и русском языках. О некоторых особенностях сфер номинации	100
<i>Гадимова Дж.А.</i> О славянских словах-гибридах	107
<i>Евграфова С.М.</i> О ключевой роли словообразования в системе русского языка	111
<i>Завадская А.В.</i> Неологизмы эпохи пандемии: словообразовательный аспект	116
<i>Козера-Славомирска И.</i> К вопросу о морфемной комбинаторике глагольного корня <i>-готов-</i> (корпусное исследование)	119
<i>Крючкова О.Ю.</i> История суффикса <i>-ниц-</i> в именах существительных с предметным значением	125
<i>Мягава К.</i> Приставка « <i>пол-</i> » в стихотворениях Лидии Червинской	130
<i>Никитевич А.В.</i> <i>Вычур, вычура</i> и некоторые аспекты словообразовательной лексикографии.....	134
<i>Никифорова О.В.</i> Нижегородская обрядовая лексика с префиксом <i>за-</i> : семантико-деривационный аспект	138
<i>Параккини Л.</i> Словообразование как языковое отражение межкультурной встречи	141
<i>Огольцева Е.В.</i> Словообразовательные гнезда существительных-наименований водоплавающих птиц: реальное и потенциальное.....	152
<i>Попова И.В.</i> Неолексемы в современном русском языке: словообразовательный аспект (на материале языка интернет-платформ)	160
<i>Рацибурская Л.В.</i> Новые словообразовательные гнезда с лексикой пандемийной эпохи	162
<i>Рычкова Л.В.</i> Elexifinder как инструмент продвижения культуры открытого доступа в лексикографических исследованиях	165
<i>Рузметова З.Н., Артыкова Г.Ш.</i> О некоторых вопросах изучения словообразования в вузовской аудитории	171
<i>Сирота Е.В.</i> Понятия «внутренняя форма» и «словообразовательная парадигма» в деривационной системе языка	174
<i>Тешаев Х.И.</i> Специфика и лингвистическая природа морфемике и словообразования в русском и таджикском языках	179
<i>Трофимова О.А.</i> Морфемы как средства выражения количественной семантики лексических единиц в донских говорах	183
<i>Шелкова И.А.</i> История омонимов <i>стопа</i> и отраженная омонимия их производных.....	186

<i>Ширшаков Р.В.</i> Словообразовательные диалектизмы-субстантивы (на материале пензенских говоров).....	189
РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ	
<i>Абреимова Г.Н., Казарина В.И.</i> Состав русской фразеологии и ее отражение в словарях.....	194
<i>Антонова Е.Н., Бойченко О.А., Зацепина Е.А.</i> Поэтика современных афористических паттернов.....	201
<i>Ахетова А.А., Майгельдиева Ж.М.</i> О типах и семантике заимствованных слов в газетном тексте (на материале казахстанской прессы 2015-2020 годов)	204
<i>Бугакова Н.Б.</i> О некоторых особенностях функционирования ономастических единиц в рассказе А. Платонова «Луговые мастера»	208
<i>Васильева О.В.</i> О проблеме семантизации одной группы имен существительных в текстах Московской Руси	214
<i>Гананольская Е.В.</i> Изучение динамики развития фразеологической системы на основе сплошной выборки по ключевым словам из корпуса текстов русской криминальной прозы	219
<i>Гончарова Т.В.</i> От распри к конфликту (слова, обозначающие разногласия, вражду, ссору в русском языке)	224
<i>Иваненко Г.С., Сафиулин И.А.</i> Функционирование башкирских заимствований в русском языке	229
<i>Иванов Е.Е., Ромачков А.А.</i> Аксиологическая семантика фразеологизмов с компонентами-библейскими в русском, белорусском, английском языках	234
<i>Карасёва Т.В.</i> Названия свиньи в воронежских говорах	239
<i>Козлова Т.А.</i> Определение границ лексико-семантического поля «моральные качества»	245
<i>Михайлова Е.Д.</i> Словообразование и процессы адаптации заимствованной лексики (на материале новейших заимствований).....	251
<i>Недоступова Л.В.</i> Семейские антропонимы в народном говоре	255
<i>Петрушевская Ю.А.</i> Русские аналоги белорусских пословиц (бинарные пословичные интернационализмы)	262
<i>Погосян М.Х.</i> Сопоставление омонимов в русском и армянском языках... ..	267
<i>Попова А.Р.</i> Лексическая и семантическая деривация как отражение антропоцентризма в наименованиях реалий, связанных с персонажами компьютерных игр	270
<i>Сауныкин П.С.</i> «Птичьи» ойконимы Рязанского края: проблема Скопина ..	276
<i>Собирова Ф.А.</i> Лексико-семантические особенности группы заимствованных слов в таджикском языке.....	282
<i>Солохов А.В.</i> Способы образования индивидуально-авторских неологизмов в произведениях Рыгора Бородулина	286

<i>Суровцева Е.В.</i> Личные имена и их дериваты (на материале корпуса житий новомучеников и исповедников Московской епархии)	292
<i>Черноусова И.П., Яссин Сарханг Раиш Яссин.</i> Семантика этнонимов в русском фольклоре	295

РАЗДЕЛ 4. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ: ГРАММАТИКА И ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>Аль-Кадими Махмуд Гази.</i> Философия языка в контексте страдательного залога	299
<i>Аникеева Т.В.</i> Семантические сдвиги в денотативно-сигнификативной структуре прецедентного феномена современного художественного текста	305
<i>Атаманова Н.В.</i> Звуковые эпитеты в поэзии А.К. Толстого	310
<i>Бурцев В.А.</i> Синтаксис русской православной проповеди: проблемы описания и типологические параллели	314
<i>Дмитриева Ю.Л.</i> Особенности вербализации пространственной модели мира в произведении «Марфа Посадница» С. Есенина	318
<i>Елькин Д.Ю.</i> Лингвокультурологические аспекты прозы Дины Рубиной... ..	323
<i>Коростова С.В.</i> Эмотивная коммуникема «что за + п» в русском художественном тексте	328
<i>Лешкова Н.В.</i> Православная проповедь: стилистический аспект	332
<i>Малинина Н.В.</i> К вопросу об экологии русского языка	335
<i>Мусабаева З.Т.</i> О некоторых предпосылках обращения к положениям «грамматики говорящего» в условиях двуязычного социума	340
<i>Мякушкина О.В.</i> Синтаксические средства воздействия в религиозном дискурсе	344
<i>Нагорный И.А.</i> Ответная функция русских частиц в речевом диалоге	348
<i>Никольская Т.М.</i> Моделирование как способ изучения художественного текста	352
<i>Плаксицкая Н.А.</i> Особенности включения славянской лексики в художественный текст (на примере исторической дилогии Е. Замятина о скифском правителе Атилле)	355
<i>Родионова И.Г.</i> Сказуемое с вещественным глаголом в функции связки в «Повести о жизни» К.Г. Паустовского	362
<i>Сазонова А.Е., Глухих Н.В.</i> Художественно-изобразительные средства в поэзии Г. Сапгира	366
<i>Сы Хунфэн.</i> Изображение речи в семейном общении героев повести А.П. Чехова «Черный монах»	370
<i>Телкова В.А.</i> Специфика работы над точностью формы изложения грамматических понятий	375
<i>Умурзакова А.Ж., Нурболат Нуржанар.</i> Средства создания авторской характеристики персонажей литературного произведения	381

<i>Шашкова В.Ю., Полуэктова Т.Д.</i> Языковые средства выражения удивления в произведениях Н.С. Лескова	385
<i>Шетэля Виктор.</i> Комментарии к терминам <i>телефон, фотография</i> в стихотворной строке поэтессы Марии Никитиной	390

РАЗДЕЛ 5. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ

<i>Асылбаева А.С.</i> Ключевые слова и концептосфера	395
<i>Беленкевич Е.В.</i> Концепт «Любовь»: отражение в народно-речевой культуре Алтая	398
<i>Григорьевская О.В.</i> Вербализация семантики уничтожения во фразеологической картине мира русского языка	404
<i>Грушина Н.Б.</i> Концепт времени в концептосфере современного русского языка	408
<i>Давлатов М.А.</i> Когнитивное направление в лингвистике	412
<i>Зайнульдинов Тяренок А.А.</i> К вопросу об эмоциональной оценке как лингвистической категории	419
<i>Золотых Л.Г., Ху Цзэнли.</i> Антропоцентрическая парадигма китайских и российских праздников	424
<i>Кампаделли Р.А.</i> Концепт <i>Италия</i> , представленный в мультимедийном подкорпусе национального корпуса русского языка	430
<i>Кожяхметова С.Н., Нарожная В.Д.</i> Национально-культурный компонент в составе фразеологических оборотов русского и казахского языков.	435
<i>Корнейчук С.П., Скнар Г.Д.</i> Лингвокультурное пространство в библейских смыслах (на материале современного русского языка)	441
<i>Кумба Сиссе.</i> Заяц как символ зооморфного кода славянской культуры... ..	445
<i>Ломакина С.А.</i> Христианская картина мира в ранних рассказах Б.К. Зайцева	450
<i>Мейрбек Н.К., Нарожная В.Д.</i> Восприятие пространственных и временных ориентаций в поликультурном общении	454
<i>Мулатова Н.А., Шевченко О.Н.</i> Толерантность сквозь призму русской сотериологии	460
<i>Мямлин М.М.</i> Фразеологические единицы категории «любовь и брак» в русском и китайском языках	464
<i>Наден А.С.</i> Функционирование концепта <i>Дом</i> в поэтических, литературно-критических и автобиографических работах К.Д. Бальмонта	468
<i>Нелюбова И.В.</i> Вербализация объекта-каузатора психоэмоционального состояния страха в русском лингвокультурном пространстве (на материале романа Александры Марининой «Иллюзия греха»).....	471
<i>Сивова Т.В., Аринович А.Ю.</i> Концепт «Библиотека» в зеркале лингвистического ассоциативного эксперимента	478
<i>Флянтикова Е.В.</i> Переосмысление американских номинаций еды в русском языковом пространстве	484

<i>Хасанова Ш.Р., Султонова Р.Р.</i> Имена прилагательные, характеризующие возраст человека в русском и таджикском языках.....	490
<i>Шарипова Н., Рузиева Л.Т.</i> Особенности прецедентных имен как лингвокультурных феноменов	494
Сведения об авторах	500

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА А.Н. ТИХОНОВА**

2-4 ноября 2021 г.

Часть 1.

Технический редактор – Г.Н. Бурганская

Техническое исполнение – В.М. Гришин

Сборник подготовлен по материалам,
предоставленным авторами в электронном виде
и сохраняет авторскую редакцию.

За содержание предоставленных материалов
составители сборника ответственности не несут

Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Печ.л. 32,3 Уч.-изд.л. 32,1

Тираж 150 экз. Заказ 110

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1